

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slaw 176.25 $\left(\frac{7868}{70} \right)$

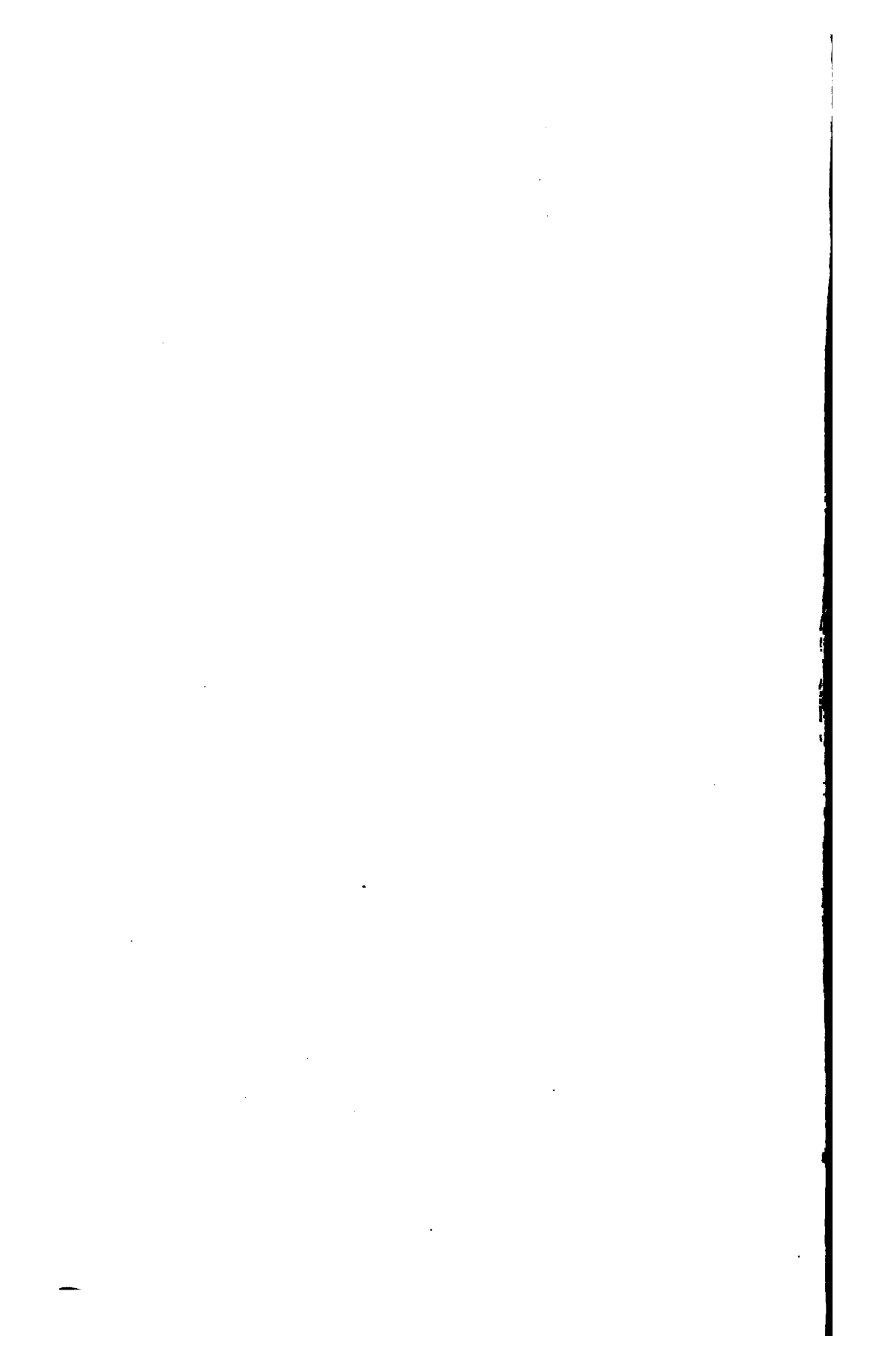
The gift of

**EUGENE SCHUZLER
U.S. CONSUL
AT BIRMINGHAM, ENG.**

HARVARD COLLEGE LIBRARY

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛITERATURE.

ТРЕТИЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-ая.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
1868
ОКТАБРЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ВЪСНУ

57

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1868.

- I. — НАТАНЪ МУДРЫЙ. — Драматическое стихотвореніе Лессинга, въ пяти дѣйствіяхъ. Первая три дѣйствія.
- II. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ Б. Ауэрбаха, въ пяти частяхъ. — Часть первая, книги первая. — IX — XII.
- III. — РУССКІЯ КЛИКУШИ. — I-IV. — Н. Прыкова.
- IV. — МОЛОКАНЕ И ДУХОБОРЦЫ ВЪ УКРАИНѢ И НОВОРОССИИ (XVIII-ый вѣкъ). — I-V. — Причины бѣгства изъ всѣхъ концовъ Россіи въ Украину; настроеніе умовъ въ Украинѣ; переселеніе русскаго рационализма въ Украину; молокане и духоборцы въ Харьковской и Екатеринославской губерніи: Сизуанъ Колесниковъ и его преемникъ; образъ жизни азовскихъ духоборцевъ; вѣрованіе духоборцевъ и ихъ политическія воззрѣнія. — О. Ливанова.
- V. — ДРЕВНѢЙШАЯ ПОВѢСТЬ ВЪ МІРѢ. — Древне-египетскій папирусъ. — «Романъ двухъ братьевъ». — В. В. Стасова.
- VI. — ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ 1870-го ГОДА. — Нерѣшенный вопросъ. — I. — III. — П. П. Колосанова.
- VII. — ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ВО ФРАНЦІИ. — Статья первая. — I. САРДУ. — П. БАРБЕРЪ.
- VIII. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ. —
Внутреннее Овозрѣніе: Культурная сила церкви вообще, и у насъ въ частности. — Характеръ послѣднихъ реформъ въ духовныхъ училищахъ и окончательный ихъ результатъ. — Выборное начало въ духовенствѣ, и вопросъ объ обезпеченіи истиннаго духовенства въ связи съ состояніемъ нашихъ финансовъ. — Новая брошюра о нашихъ финансахъ, вышедшая въ Лондонѣ, и мѣры, предлагаемыя ею къ ихъ исправленію. — Проектъ особой «Кредитной Коммиссіи».
- Иностранное Овозрѣніе: Разладъ между общественными стремленіями и личными видами правительствъ по вопросу о войнѣ и мирѣ. — Новая программа «либеральной лиги» во Франціи, ея побѣды и неудачи, императорскія и министерскія рѣчи въ ихъ противорѣчіи съ дѣйствіями. — Международные конгрессы. — Франція и Пруссія передъ судомъ Гизо. — Путешествія и рѣчи прусскаго короля. — Индифферентизмъ Англіи. — Результаты австрійскаго дуализма. — Итальянская оппозиція. — Пиринейскій полуостровъ.
- IX. — НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ. — Хроника общественной жизни. — о —
- X. — НЕКРОЛОГЪ. — Егоръ Петровичъ Ковалевскій. — М. С.
- XI. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Іюнь. — I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: Военно-статистическій сборникъ на 1868 г. Вып. 2. — Сказанія князя Курбскаго. Н. Угрюмова. — Современные французскіе писатели: Дрозъ, Дюма-сынъ, Рошфоръ. — Мальтусъ, Опытъ о законѣ народонаселенія. — Мадыарскій историкъ Владиславъ Салаи и исторія Венгріи отъ Арпада. Сост. Н. Поповъ. — Собраніе сочиненій М. П. Загоскина. — Виучка ландмарнаго бойрина. П. П. Лажечникова. — II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА: Geschichte der deutschen Einwanderung in Amerika, v. Fr. Karr.
- XII. — ОБЪЯВЛЕНІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новая книга.

Объявленіе о подпискѣ на 1869 годъ прилагается особо.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul
at Birmingham, Eng.
131.24
Slav 302
P Slav 170.25

НАТАНЪ МУДРЫЙ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ *).

(1779 г.)

(Лессинга)

Introite, nam et heic dii sunt!
Apud Gellium.

Л И Ц А.

САЛАДИНЪ, султанъ.

ЗИТТА, сестра его.

НАТАНЪ, богатый еврей въ Иерусалимѣ.

РЭХА, его приемная дочь.

ДАЙА, христіанка, живущая въ домѣ еврея, какъ собесѣдница Рэхи.

МОЛОДОЙ ХРАМОВНИКЪ.

ДЕРВИШЪ.

ПАТРИАРХЪ Иерусалимскій.

МОНАСТЫРСКІЙ СЛУЖКА.

ЭМИРЪ и МАМЕЛЮКИ Саладина.

Дѣйствіе происходитъ въ Иерусалимѣ.

*) Издавая въ русскомъ переводѣ въ первый разъ одно изъ капитальныхъ произведеній прошедшаго столѣтія, мы имѣли въ виду прежде всего восполнить пробѣлъ въ нашей переводной литературѣ классическихъ произведеній, а вмѣстѣ познакомить ближе публику съ лучшимъ трудомъ того писателя, о жизни и значеніи котораго мы имѣемъ въ виду помѣстить вскорѣ специальное изслѣдованіе. Р. Гоше, издатель «Jahrbuch für Literaturgeschichte», полагаетъ, что самая фабула о Натанѣ Мудромъ заимствована авторомъ изъ «Декамерона» Боккаччіо (X, 3); но основная идея драмы вытекла изъ тѣхъ вопросовъ, которые въ прошедшемъ столѣтіи волновали современное поэту-философу европейское общество. Иго католицизма породило, если можно такъ выразиться, отрицательную цивилизацію, сложившуюся изъ законныхъ предвзвѣдѣній, питаемыхъ невѣжествомъ массъ. Поэтъ удачно выбралъ мѣстомъ дѣйствія

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Передняя комната въ домѣ Натана.

НАТАНЪ, только-что вернувшійся изъ путешествія.—ДАЙА его встрѣчаетъ.

ДАЙА.

Такъ! онъ и есть! ну, слава Богу, Натанъ,
Что наконецъ-то возвратились вы.

НАТАНЪ.

Да, слава Богу, Дайа; но зачѣмъ-же
Ты прибавляешь—наконецъ-то? Развѣ
Хотѣлъ я, развѣ могъ вернуться раньше?—
Вѣдь отъ Іерусалима къ Вавилону
Двѣ сотни миль, навѣрно, надо сдѣлать,
Когда приходится, какъ мнѣ, съ дороги
На право и на лѣво заѣзжать.
Да и собрать долги — задача тоже
Не легкая, и сразу не дается.

ДАЙА.

А между тѣмъ какимъ несчастнымъ, Натанъ,
Вы сдѣлаться могли: — ваша домъ....

НАТАНЪ.

Я знаю:

Мой домъ горѣлъ. Я слышалъ, и дай Богъ,
Чтобъ больше нечего мнѣ было слышать.

Палестину, и моментомъ — эпоху крестовыхъ походовъ, когда католичество столкнулось лицомъ къ лицу съ магометанствомъ и іудизмомъ; но на сценѣ происходитъ борьба просвѣщенія съ католичествомъ собственно въ западной Европѣ и въ XVIII-мъ столѣтіи. Въ теченіе XII-го вѣка Іерусалимъ принадлежалъ католичеству, а потому для драматурга было возможно перенести католическія идеи и борьбу съ ними на почву Палестины, вскорѣ послѣ того, какъ Саладинъ овладѣлъ Іерусалимомъ и выдержалъ счастливо борьбу съ Филиппомъ II, французскимъ королемъ, и Ричардомъ I Львинымъ-Сердцемъ, предпринимавшими въ 1190 году третій крестовый походъ. — *Ред.*

ДАЙА.

Едва до тла онъ не сгорѣлъ.

НАТАНЪ.

Что-жь, Дайа!

Мы новый-бы построили себѣ —
И даже болѣе удобный.

ДАЙА.

Правда —

Но вѣдь едва съ нимъ не сгорѣла Рѣха!
Она была на волосокъ отъ смерти.

НАТАНЪ.

Сгорѣла? — Рѣха? — Дочь моя сгорѣла?
Нѣтъ, этого я не слыхалъ. Тогда-бъ мнѣ
Не нужно было никакого дома.
На волосокъ отъ смерти! — Ты скрываешь!
Ея ужъ нѣтъ! — она совсѣмъ сгорѣла! —
Высказывай, высказывай мнѣ прямо:
Убей меня; но долѣе не мучь..
Она сгорѣла?

ДАЙА.

Еслибъ такъ случилось,
Не отъ меня-бы вы узнали это.

НАТАНЪ.

Зачѣмъ-же ты меня пугаешь. — Рѣха! —
Моя родная Рѣха!

ДАЙА.

Рѣха — ваша?

НАТАНЪ.

О! еслибъ снова отвыкать пришлось мнѣ
Отъ мысли называть ее своею....

ДАЙА.

Итакъ, своимъ считаете вы все,
Что по такому-жъ праву вамъ досталось.

НАТАНЪ.

Ничѣмъ я не владѣю съ бѣльшимъ правомъ.
Все остальное даръ природы, счастья,
Но тутъ я добродѣтели обязанъ.

ДАЙА.

Какъ дорого приходится платиться
За вашу доброту; — и доброта-ли,
Что дѣлають съ подобной цѣлью?

НАТАНЪ.

Съ цѣлью?

Съ какой-же цѣлью?

ДАЙА.

Совѣсть, Натанъ, совѣсть!

НАТАНЪ.

Постой-ка, Дайа, слушай; дай сперва
Поразсказать тебѣ....

ДАЙА.

Я говорю вамъ

Про совѣсть.

НАТАНЪ.

Ну! какую для тебя
Матерію купилъ я въ Вавилонѣ!
Богатство, вкусъ! едва-ли даже Рэхъ
Я лучшую привезъ.

ДАЙА.

Такъ что-же въ этомъ? —
Разъ навсегда я вамъ должна сказать,
Что дольше совѣсть усыплять не въ силахъ...

НАТАНЪ.

Хотѣлось-бы мнѣ видѣть, какъ тебѣ
Понравятся мои подарки, — право,
Я выбралъ для тебя въ Дамаскѣ серьги,
Кольцо, цѣпочку, пряжку.

ДАЙА.

Вотъ, какой вы!
Вамъ только-бы дарить, дарить-бы только!

НАТАНЪ.

Бери мои подарки такъ радушно,
Какъ я тебѣ даю ихъ — и молчи.

ДАЙА.

Молчи! — Да кто-же сомнѣвался, Натанъ,
Что честны вы, что вы великодушны? —
И все-таки....

НАТАНЪ.

И все-таки я жидъ!
Вѣдь это ты сказать хотѣла? — Правда?

ДАЙА.

Вамъ лучше знать, что я сказать хотѣла.

НАТАНЪ.

Такъ и молчи.

ДАЙА.

Молчу. — Но если что
Отъ этого случится, и чего
Перемѣнить, чему сопротивляться
Я не могу, не въ силахъ, — то падеть
На васъ-же.

НАТАНЪ.

На меня. — Но гдѣ-же Реха? —
Да правду-ль говоришь ты? — Ей извѣстно,
Что я вернулся?

ДАЙА.

Разъясните сами: —

Еще она отъ страха не очнулась,
И ей огонь рисуется во всемъ,
Чѣмъ занято ея воображенье.
Во время сна въ ней бодрствуетъ душа,
Въ минуту пробужденья засыпаетъ.
Она подчасъ безпомощнѣй ягненка,
Подчасъ сильнѣе ангела....

НАТАНЪ.

Бѣдняжка!

Что? — всѣ мы, — люди?

ДАЙА.

Нынѣче вотъ лежала

Она съ закрытыми глазами долго,
Какъ мертвая; но вдругъ приподнялась
И закричала: «Чу! — идутъ верблюды! —
Чу! — милый голосъ моего отца!» —
Потомъ глаза опять открылись. Руки
Поддерживать голову перестали —
И снова на постель она унала.
Я поскорѣй бѣгу къ дверямъ — и что-же?
Гляжу, вы въ самомъ дѣлѣ возвратились....
Но что мудренаго? — ея душа
Была все это время только съ вами —
Да съ нимъ.

НАТАНЪ.

Да съ нимъ? а съ кѣмъ-же это?

ДАЙА.

Съ нимъ,

Который спасъ ее....

НАТАНЪ.

Но кто-жъ онъ? — Гдѣ онъ? —
Кто спасъ мнѣ Рэху? —

ДАЙА.

Молодой храмовникъ.

Онъ плѣннымъ привезенъ сюда недавно,
И Саладинъ помиловалъ его.

НАТАНЪ.

Храмовникъ — и султаномъ не казненный? —
Да, — чудо меньшее мнѣ не спасло-бы
Мое дитя. О! Господи!

ДАЙА.

И если-бъ

Онъ не рѣшился жертвовать отважно
Своею жизнью, только-что спасенной,
Ея не стало-бы.

НАТАНЪ.

Но гдѣ онъ, Дайа?
Мой честный рыцарь! — гдѣ? — веди меня
Къ его ногамъ.... Вѣдь вы на первый случай
Все отдали ему, что изъ сокровищъ
Вамъ оставалось здѣсь? — Вы общали
Гораздо больше?

ДАЙА.

Какъ могли мы?

НАТАНЪ.

Нѣтъ!

ДАЙА.

Явился онъ — откуда? — неизвѣстно....
Ушелъ онъ — а куда? — никто не знаетъ.
Слѣдя за кривомъ, призывавшимъ насъ
На помощь, — онъ, не зная дома, смѣло,
Едва плащомъ прикрывшись отъ огня,
Ворвался въ комнаты сквозь дымъ и пламя.
Ужъ мы его погибшимъ называли,
Какъ вдругъ онъ очутился передъ нами,
Держа ее въ рукахъ. — На наши крики
Глубокой благодарности, спокойно —
Холодный, безучастный — положилъ онъ
Свою добычу — и исчезъ въ толпѣ.

НАТАНЪ.

Не навсегда надѣюсь!

ДАЙА.

Мы встрѣчали
Его потомъ гуляющимъ у пальмъ,
Гдѣ гробъ Спасителя. Къ нему съ восторгомъ
Я подошла, его благодарила; —
Потомъ, то требуя, то умоляя,
Просила я, чтобъ онъ хоть только разъ
Пришелъ взглянуть на чистое созданье,
Которое не можетъ быть покойно,
Пока у ногъ его и со слезами
Не выскажетъ признательность свою.

НАТАНЪ.

Ну что?

ДАЙА.

Онъ и не слушалъ наши просьбы. —
Да горько издѣвался, особливо
Все надо мной.

НАТАНЪ.

И напугаль? —

ДАЙА.

Нисколько.

Я снова каждый день его просила —
И слушала насмѣшки каждый день.
Чего не вытерпѣла я? — Чего-бы
Охотно я не вынесла еще?! —
Но вотъ ужъ много дней, какъ не приходитъ
Онъ къ пальмамъ, осѣняющимъ гробницу
Спасителя Христа. — Никто не знаетъ,
Куда онъ скрылся. — Вы удивлены?
Задумались?

НАТАНЪ.

Меня взяло раздумье:
Какое впечатлѣнье это все
Должно произвести на душу Рэхи. —
Какъ принимать презрѣнье отъ того,

Кого цѣнить такъ высоко обязанъ?
 Какъ чувствовать невольное влеченье
 Къ тому, кто васъ отталкиваетъ? Право,
 Разсудокъ съ сердцемъ тутъ должны бороться.
 Что побѣдить? унынье и печаль?
 Иль ненависть къ людскому роду? — Часто
 Ни то не побѣждаетъ, ни другое, —
 Въ борьбу вмѣшается воображенье —
 И явится мечтательность, въ которой
 То голова порой замѣнитъ сердце,
 То сердце голову. — Плохой обмѣнъ!
 И ежели я въ ней не ошибаюсь,
 Такъ и она къ послѣднему придетъ:
 Она мечтаетъ.

ДАЙ А.

Но вѣдь такъ пріятно —
 Благочестиво....

НАТАНЪ.

Все-таки мечтаетъ.

ДАЙ А.

Ей особливо очень дорога
 Одна — причуда, если вы хотите.
 Она считаетъ неземнымъ созданьемъ
 Храмовника, и думаетъ, что ангель,
 Котораго защитѣ съ юныхъ лѣтъ
 Любила довѣрять свое сердечко,
 Въ огнѣ, сокрытый облакомъ, надъ нею
 Парилъ и вдругъ храмовникомъ явился.
 Смѣтаетъ вы? — Кто знаетъ! — Но оставьте
 По крайней мѣрѣ ей мечту, въ которой
 Слились въ одно: еврей и христіанинъ
 И мусульманинъ, — сладкую мечту! —

НАТАНЪ.

Да, сладкую! — Ступай! — Ступай же, Дайа.
 Взгляни, что Рѣха дѣлаетъ, узнай,
 Могу-ль съ ней говорить? А тамъ отправлюсь
 Я ангела-хранителя искать,
 Причудливаго дикаря! — И если

Ему еще угодно по землѣ
У насъ бродить и рыцарствовать грубо,
Такъ я найду его и приведу
Сюда.

ДАЙА.

Вы много на себя берете.

НАТАНЪ.

Тогда пускай же сладкая мечта
Уступитъ мѣсто сладкой правдѣ. — Дайа,
Повѣрь мнѣ: — человѣкъ для человѣка
Милѣ ангела, — и ты пенять
Не будешь на меня, какъ исцѣлится
Отъ ангеловъ мечтательница наша.

ДАЙА.

Вы такъ добры! — Но зла въ васъ тоже много;
Иду, иду.... Да вотъ она сама...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и РЭХА.

РЭХА.

Такъ это правда!? это вы? отецъ мой!
Я думала, что выслали впередъ
Вы только голосъ свой. — Чего-жъ вы ждете? —
Какія-жъ горы, рѣки и пустыни
Теперь насъ разлучаютъ? Какъ? ужъ въ домѣ,
И не спѣшите вы въ объятья Рэхи,
Которая горѣла здѣсь безъ васъ? —
Почти горѣла, не пугайтесь — только
Почти.... О! отвратительная смерть —
Совсѣмъ сгорѣть.

НАТАНЪ.

Дитя мое родное!
Бездѣнное дитя!

РЭХА.

Вамъ приходилось

Переѣзжать чрезъ Іорданъ, Евфратъ
 И Тигръ — Богъ знаетъ, чрезъ какія воды, —
 И часто, до пожара, я объ этомъ
 Со страхомъ и тревогой вспоминала.
 Съ тѣхъ поръ же, какъ въ огнѣ я была,
 Мнѣ кажется, что смерть въ водѣ — спасенье.
 Въ ней такъ свѣжо, отрадно. — Но вѣдь вы
 Не утонули — я вѣдь не сгорѣла —
 Такъ будемъ рады и восхвалимъ Бога.
 Невидимо онъ по волнамъ коварнымъ
 Переносилъ и васъ, и вашу лодку
 На крыльяхъ ангеловъ, — и въ то же время
 Онъ повелѣлъ, чтобъ ангелъ мой хранитель
 Явился видимый ко мнѣ и вынесъ
 Меня на бѣлыхъ крыльяхъ изъ огня....

НАТАНЪ — про себя.

На бѣлыхъ крыльяхъ? — Да! — Онъ ей набросилъ
 Свой бѣлый плащъ.

РЭХА.

Чтобъ видимый онъ вынесъ, —
 Чтобъ онъ развѣялъ крыльями огонь. —
 Итакъ, мнѣ ангела пришлось увидѣть,
 Лицомъ въ лицу, и моего....

НАТАНЪ.

Ты, — Рэха,
 Была-бъ достойна этого — и онъ
 Тебѣ не показался бы прекраснѣй,
 Чѣмъ ты ему.

РЭХА, усмѣхнувшись.

Кому отецъ мой льстить?
 Себѣ иль ангелу?

НАТАНЪ.

Но еслибъ даже
 Тебѣ услугу эту оказалъ
 Обыкновенный человѣкъ, какими
 Насъ каждый день природа надѣляетъ, —

То для тебя онъ ангелъ. — Такъ должно быть,
Такъ было бы....

РЭХА.

Нѣтъ, ангелъ не такой,
А настоящій; — право настоящій. —
Не сами-ль вы учили про возможность
Существованья ангеловъ на свѣтѣ?
Про то, что Богъ для любящихъ его
И чудо можетъ сдѣлать? — Такъ вѣдь я же
Люблю Его.

НАТАНЪ.

Тебя Онъ тоже любитъ —
И для тебя и для тебѣ подобныхъ
Свершаетъ ежедневно чудеса.
Свершилъ ихъ даже до начала вѣка
Для насъ.

РЭХА.

Вотъ это мнѣ пріятно слушать.

НАТАНЪ.

Какъ? неужели, если спасъ тебя
Простой храмовникъ, это не должно-бы
Считаться чудомъ только потому,
Что кажется весьма обыкновеннымъ!
Вѣдь чудо величайшее ужъ въ томъ:
Что истинно чудесное — и можетъ —
Да и должно обыкновеннымъ быть.
Безъ этого всеобщаго-то чуда
Наврядъ-бы мыслящій чудеснымъ называть.
Что чудомъ звать одни должны-бы дѣти,
Которыхъ только новостъ поражаетъ,
Необычайность случая.

ДАЙА — Натану.

Вы вѣрно...

Хотите, чтобъ отъ тонкостей такихъ
И безъ того ужъ тронутый разсудокъ
Ея совсѣмъ-бы помѣшался.

НАТАНЪ.

Дайа,
Оставь меня. Свое спасенье Рэха
Достаточно чудеснымъ не считала-бъ,
Когда бы спасъ ее простой храмовникъ,
Который самъ спасенъ былъ чудомъ — да,
Не малымъ чудомъ, потому-что кто-же
Не знаетъ, что храмовникамъ донинѣ
Пощады не было отъ Саладина,
Что никогда храмовникъ и не ждалъ,
Не требовалъ пощады? — что не больше
Какъ развѣ только кожаный свой поясъ —
И много если мечъ свой за нее
Онъ предлагалъ?

РЭХА.

Такъ думаетъ отецъ мой.
Но потому-то вѣдь и не былъ это
Храмовникъ, а казался только имъ.
Является-ль иначе, какъ не на смерть
Храмовникъ плѣнникомъ въ Иерусалимъ?
Гуляетъ-ли по городу свободно
Хоть кто нибудь изъ нихъ? Такъ какъ-же могъ
Храмовникъ, ночью и по доброй волѣ,
Меня спасти?

НАТАНЪ.

Гляди, какъ остроумно!
Ну, Дайа, объясняй! — Вѣдь ты сказала,
Что плѣнникомъ его сюда прислали;
Но вѣрно ты и больше знаешь.

ДАЙА.

Да. —
Такъ говорятъ. — Еще болтаютъ, будто
Храмовникъ пощажень былъ оттого,
Что Саладинъ нашелъ въ немъ сходство съ братомъ,
Когда-то имъ особенно любимымъ; —
Но такъ какъ брата этого лѣтъ двадцать
Ужъ нѣтъ въ живыхъ — не знаю, что съ нимъ случилось
И какъ онъ назывался — это все
Звучитъ такъ странно, такъ невѣроятно,
Что весь рассказъ навѣрно пустяки.

НАТАНЪ.

Ну почему невѣроятно, Дайа?
 Ужъ не затѣмъ-ли, какъ оно бываетъ,
 Чтобъ лучше что-нибудь самой придумать
 Еще невѣроятнѣй. — Отчего-же
 Не могъ султанъ любить во дни былые
 Особенной любовью брата, если
 Онъ и теперь къ роднѣ своей привязанъ?
 Какъ? — развѣ невозможно сходство лицъ?
 Какъ? — развѣ впечатлѣнныя дни минувшихъ
 Съ годами пропадаютъ навсегда?
 Съ какихъ-же поръ — и почему-же будетъ
 Одно и то-же дѣйствовать не такъ-же?
 Что-жъ тутъ невѣроятнаго? — Но это,
 Для мудрой Дайи, было-бы не чудо. —
 Конечно! — Только чудеса ея
 Нуждаются — нѣтъ, я хотѣлъ сказать —
 Достойны вѣры.

ДАЙА.

Вы смѣтаете, Натанъ!

НАТАНЪ.

Да вѣдь и ты смѣешься надо мной.
 Но согласись, и такъ оно чудесно,
 Твое спасенье, Рэха, и возможно
 Лишь одному тому, кто въ состоянн
 Ничтожною причиною отклонить
 Неукротимыя предначертанья,
 Строжайшія рѣшенія царей, —
 Предъ кѣмъ они безсильны.

РЭХА.

Ахъ! Отецъ мой!

Вы знаете, что я сама не рада
 Моимъ невольнымъ заблужденьямъ.

НАТАНЪ.

Больше, —

Ты рада наставленіе принять.
 Взгляни: вотъ черепъ, такъ иль такъ построень;

Вотъ носъ, очерченъ больше такъ, чѣмъ этакъ;
 Вотъ брови на кости тупой-иль острой,
 Вотъ пятнышко, изгибъ, одна морщинка: —
 Ничтожная черта въ лицѣ суровомъ
 У европейца — въ Азіи тебя
 Изъ пламени спасаетъ! — Развѣ это
 Не чудо? — Такъ чего-же вы хотите? —
 На что-жъ еще вамъ ангела тревожить?

ДАЙ А.

Но, Натанъ, если смѣю говорить, —
 Кому тутъ вредъ, коль намъ пріятнѣй думать,
 Что насъ не человѣкъ спасалъ, а ангелъ?
 Не будемъ-ли отъ этого мы ближе
 Къ первоначальной и непостижимой
 Причинѣ чуднаго спасенья?

НАТАНЪ.

Гордость!
 Тщеславье пошлое! Котель чугунный
 Хлопочеть, чтобы вынули его
 Изъ пламени серебряннымъ ухватомъ,
 Чтобъ самому серебряннымъ казаться.
 Кому тутъ вредъ? — ты спрашиваешь, Дайа.
 Кому тутъ польза? — могъ-бы я спросить.
 Ты говоришь, мы будемъ ближе къ Богу;
 Но это глупость или богохульство. —
 Однако есть и вредъ въ мечтаньяхъ этихъ.
 Навѣрно вредъ. — Послушайте. Не правда-ль?
 Тому, кто спасъ тебя, — и будь онъ ангелъ
 Иль человѣкъ — желали-бы вы обѣ,
 И особливо ты, насколько можно
 Услугой отплатить свое спасенье?
 Какую-же великую услугу
 Вы ангелу способны оказать?
 Благодарить его, вздыхать, молиться, —
 Съ восторгомъ преклоняться передъ нимъ,
 Въ день праздника его поститься — или
 Почтить его дѣлами милосердья?
 Но это все ничто! — Себѣ всѣмъ этимъ
 И ближнему приносите вы пользу,
 А не ему. Не будетъ онъ богаче

Отъ вашей милостыни — и тучиѣ
 Отъ вашего поста. Не будетъ онъ
 Славнѣй, прекраснѣй отъ восторговъ вашихъ —
 И мощнѣе отъ вашихъ упованій.
 Неправда-ли? Тогда какъ человѣкъ...

ДАЙА.

Конечно, человѣкъ-бы далъ намъ больше
 Возможности услугу отплатить.
 И знаетъ Богъ, какъ мы того желали. —
 Ни въ чемъ онъ не нуждался, ничего
 Онъ не хотѣлъ, — и такъ самимъ собою —
 Въ себѣ самомъ довольствовался онъ,
 Какъ только ангелы одни бывають,
 Какъ ангелы одни и могутъ быть.

РЭХА.

И наконецъ, когда совсѣмъ исчезъ...

НАТАНЪ.

Исчезъ! — но какъ? — Что подлѣ пальмъ ужъ больше
 Не появлялся? — Или вы искали
 Его еще въ другихъ мѣстахъ?

ДАЙА.

Ну нѣтъ.

НАТАНЪ.

Нѣтъ? — Дайа! — нѣтъ? вотъ видишь вредъ? — вотъ видишь?
 Жестокія мечтательницы вы!
 Чтò если боленъ сдѣлался вашъ ангель?

РЭХА.

Онъ боленъ!

ДАЙА.

Боленъ? — врядъ-ли!

РЭХА.

Дайа! Дайа!

Я чувствую: меня бросаетъ въ дрожь,
Мнѣ страшно стало!

НАТАНЪ.

Что-жь? — Онъ иностранецъ,
Ему нашъ климатъ жаркій непривыченъ,
Онъ молодъ, и впервые, вѣроятно,
Приходится испытывать ему
Тяжелый трудъ храмовника, и голодъ,
И рядъ ночей безсонныхъ.

РЭХА.

Боленъ! боленъ!

ДАЙА.

Вѣдь только такъ предполагаетъ Натанъ.

НАТАНЪ.

И вотъ лежитъ онъ! — ни друзей, ни денегъ,
Чтобъ хоть купить себѣ друзей.

РЭХА.

Отецъ мой!

НАТАНЪ.

Лежитъ безъ попеченій, безъ совѣта, —
Одинъ, — добычею болѣзни, смерти.

РЭХА.

Гдѣ?

НАТАНЪ.

Онъ! — который кинулся въ огонь
Для дѣвушки не виданной ни разу
И вовсе неизвѣстной — все равно: —
Для человѣка.

ДАЙА.

Натанъ, пощадите

Ее!

НАТАНЪ.

Который не хотѣлъ ни видѣть,
Ни знать спасеннаго, чтобъ не заставить
Благодарить.

ДАЙА.

О! Пощадите! Натанъ. —

НАТАНЪ.

Который и не требовалъ свиданья. —
Ужъ развѣ, еслибъ снова нужно было
Спасать ее, — чтобъ снова человѣка
Спасти.

ДАЙА.

Да перестаньте! поглядите!

НАТАНЪ.

Которому и при смерти-то нѣтъ
Иного утѣшенья, какъ сознанье
Прекраснаго поступка.

ДАЙА.

Сжальтесь! Вы

Ее убьете.

НАТАНЪ.

Ты его убила.
Могла убить. — Нѣтъ, Рэха, я даю
Тебѣ лекарство, а не ядъ. Не бойся. —
Приди въ себя. — Онъ живъ, не боленъ даже.

РЭХА.

Навѣрно? и не умеръ и не боленъ?

НАТАНЪ.

Не умеръ онъ навѣрно, потому что
Господь за добродѣтели земныя
И паграждаетъ на землѣ. Пойми же,
Насколько легче набожно мечтать,

Чѣмъ поступать и честно, и разумно!
 Такъ вялый, неразвитый человѣкъ
 Съ любовью набожно мечтаетъ — только
 Чтобъ не посмѣть, — подчасъ не сознавая
 Причины этой самъ, — чтобъ не посмѣть
 На дѣлѣ быть хорошимъ человѣкомъ.

РЭХА.

Ахъ, мой отецъ, не оставляйте больше
 Вы вашу Рэху никогда одну. —
 Онъ, можетъ быть, куда нибудь уѣхалъ?
 Не правда-ли?

НАТАНЪ.

Ступайте. — Безъ сомнѣнья! —
 Я вижу — мусульманинъ на моихъ
 Навьюченныхъ верблюдовъ засмотрѣлся.
 Вы знаете его?

ДАЙА.

Вашъ дервишъ.

НАТАНЪ.

Кто?

ДАЙА.

Вашъ дервишъ; — шахматный игрокъ.

НАТАНЪ.

Ал-Гафи?—

Вонъ тотъ?

ДАЙА.

Теперь султанъ его назначилъ
 Своимъ казначейникомъ.

НАТАНЪ.

Ал-Гафи?

Не бредишь-ли ты снова? — Онъ и есть!
 Идетъ сюда. — Скорѣ уходите! —
 Ну что-то мнѣ придется услышать?

ЯВЛЕНІЕ III.

НАТАНЪ и ДЕРВИШЪ.

ДЕРВИШЪ.

Раскройте же глаза! — Какъ можно больше!

НАТАНЪ.

Какъ? — это ты? — иль нѣтъ? — Въ такомъ роскошномъ Нарядѣ? — дервишъ?

ДЕРВИШЪ.

Отчего же нѣтъ? —

Чтожъ? развѣ дервишъ ни на что не годенъ? —
И ровно ни на что?

НАТАНЪ.

Нѣтъ, очень годенъ;

Я только думалъ, дервишъ настоящій
И самъ не захотѣлъ бы пригодиться.

ДЕРВИШЪ.

Клянусь пророкомъ! — Можетъ быть и правда,
Что я не настоящій; но когда
Бываешь принужденъ....

НАТАНЪ.

И дервишъ? дервишъ?

Никто не принужденъ быть принужденнымъ,
А дервишъ былъ-таки! — Но въ чемъ же?

ДЕРВИШЪ.

Въ томъ,

О чемъ его старательно просили —
И что онъ самъ считаетъ добрымъ. — Вотъ въ чемъ.

НАТАНЪ.

Какъ святъ нашъ Богъ, сказалъ ты правду. — Дай же
Обнять тебя, ты все еще мнѣ другъ.

ДЕРВИШЪ.

И вы сперва не спросите, чѣмъ сталъ я?

НАТАНЪ.

Мнѣ все равно.

ДЕРВИШЪ.

А ну, какъ получилъ
Я должность, при которой наша дружба
Вамъ будетъ неудобна?

НАТАНЪ.

Если сердцемъ
Ты прежній дервишъ — я рискну дружиться.
Что значить должность? — платье!

ДЕРВИШЪ.

Чтожъ? — и платье
Нуждается въ почетѣ. — Ну, скажите! —
Чѣмъ былъ бы я, служа у васъ?

НАТАНЪ.

Ты былъ бы
Не болѣе, какъ дервишемъ. — Пожалуй,
Вдобавокъ — поваромъ.

ДЕРВИШЪ.

Чтобъ загубить
Мои таланты! — Поваромъ! — Прекрасно! —
Ужъ не слугой ли? — Согласитесь, Натанъ,
Что Саладинъ меня получше знаетъ. —
Я у него казнохранитель.

НАТАНЪ.

Ты? —

И у него?

ДЕРВИШЪ.

Поймите: я хранитель
Сокровищъ небольшихъ, казны домашней:

Большой казной, какъ прежде, заправляетъ
Его отецъ.

НАТАНЪ.

Ну, домъ его великъ.

ДЕРВИШЪ.

И больше, чѣмъ вы думаете, Натанъ.
Къ нему всѣхъ нищихъ надобно причислить.

НАТАНЪ.

Но Саладинъ такъ нищихъ ненавидитъ....

ДЕРВИШЪ.

Что хочетъ уничтожить всѣхъ; хотя бы
Для этого пришлось и самому
Быть нищимъ.

НАТАНЪ.

Славно! — Это я и думалъ.

ДЕРВИШЪ.

Да онъ и такъ ужъ нищій. Ежедневно
Теперь его казна къ заходу солнца
Становится пустѣе пустоты, —
И что потокъ не принесетъ поутру,
Глядь, все до капли въ полдень ушло.

НАТАНЪ.

Да, многое каналы поглощаютъ,
Которыхъ невозможно ни наполнить,
Ни запрудить.

ДЕРВИШЪ.

Вотъ именно.

НАТАНЪ.

Понятно.

ДЕРВИШЪ.

Конечно, плохо, ежели властитель
На подданныхъ своихъ глядитъ, какъ коршунъ
На падалъ, — но ужъ если самъ онъ падалъ,
А коршуны они — такъ сто разъ хуже.

НАТАНЪ.

Нѣтъ, дервишъ.

ДЕРВИШЪ.

Хорошо вамъ говорить!
Хотите ли, я уступлю вамъ мѣсто.
Вы много ли дадите за него?

НАТАНЪ.

А чтò оно тебѣ приносить?

ДЕРВИШЪ.

Мало,
Но вамъ большую прибыль можетъ дать.
Въ казнѣ отливъ бываетъ часто; тотчасъ
Свой вы плюзы можете открыть —
И брать потомъ процентъ какой угодно.

НАТАНЪ.

А тамъ процентъ съ процента.

ДЕРВИШЪ.

Ужъ конечно.

НАТАНЪ.

До той поры, когда весь капиталъ
Я сдѣлаю процентами.

ДЕРВИШЪ.

Какъ видно,
Васъ это не прельщаетъ. Такъ пишите
Разводную и нашей дружбѣ. Право —
Я сильно вѣдь рассчитывалъ на васъ.

НАТАНЪ.

По правдѣ? дервишъ! Какъ же такъ?

ДЕРВИШЪ.

Что вы мнѣ

Поможете мой долгъ исполнить съ честью,
Что ваша касса будетъ для меня
Всегда открыта. — Нѣтъ?

НАТАНЪ.

Но объяснимся. —

Тутъ есть различье. — Если для тебя, —
Такъ отчего же нѣтъ. — Ал-Гафи, дервишъ, —
Я все, что въ состояннн, для него
Исполню, — но прислужникъ Саладина, —
Ал-Гафи, для котораго.... который....

ДЕРВИШЪ.

Не угадалъ я это? вы всегда
Добры, какъ и умны, — умны, какъ мудры.
Но подождите; чѣмъ теперь Ал-Гафи
Вы отличаете, исчезнетъ скоро.
Вотъ платье данное мнѣ Саладиномъ,
Какъ знакъ отличья! Прежде, чѣмъ оно
Повыцвѣтетъ, износится въ лохмотья,
Чтобъ дервишу служить, оно ужъ будетъ
Висѣть въ Иерусалимѣ на гвоздѣ —
И снова босоногій я отправлюсь
Скитаться по горячему песку
Съ учителями нашими у Ганга.

НАТАНЪ.

Ты въ этому способенъ.

ДЕРВИШЪ.

Да засяду

За шахматы.

НАТАНЪ.

Въ нихъ все твое богатство.

ДЕРВИШЪ.

Подумайте-ка, чѣмъ меня прельстили:
 Что пересталъ я нищенствовать самъ,
 Что богачемъ предъ нищими являюсь,
 Что превратить богатство нищеты
 Могу я мигомъ въ нищету богатства.

НАТАНЪ.

Не этой-же возможностью, конечно.

ДЕРВИШЪ.

Но кое-чѣмъ пошлѣе. — Я впервые
 Себя польщеннымъ чувствовалъ. — Я былъ
 Польщенъ добросердечнымъ заблужденьемъ
 Султана...

НАТАНЪ.

Именно?

ДЕРВИШЪ.

«Что только нищій
 И знаетъ, каково быть нищимъ, — будто,
 Что только нищій и сѣумѣетъ нищихъ
 Какъ должно надѣлать». — Онъ говорилъ мнѣ:
 «Предмѣстникъ твой, по мнѣ, былъ слишкомъ жестъ
 И холоденъ, — давалъ такъ неохотно,
 Такъ неотвязчиво разублаждалъ
 Все, что просителя касалось. — Мало,
 Что зналъ нужду, вывѣдывалъ причину
 Нужды, чтобъ, съ ней сообразуясь, скупю
 Помочь несчастному. — Такимъ не будетъ
 Ал-Гафи, и, въ его лицѣ, султанъ
 Такимъ немилосердо-милосерднымъ
 Не явится. — Ал-Гафи не напомнитъ
 Собою засоренную трубу,
 Которая струю воды чистѣйшей
 Выбрасываетъ мутною. — Ал-Гафи
 И думаетъ, и чувствуетъ, какъ я.» —
 Свистокъ ловца звучалъ такъ сладко, нѣжно,
 Пока снигирь таки попался въ сѣти! —
 Я шутъ шута.

НАТАНЪ.

Ну полно, успокойся,
Мой дервишъ. —

ДЕРВИШЪ.

Эхъ! — да что! не шутовство-ли,
Что другомъ челоѣчества онъ хочетъ,
Какъ видите — единственнымъ казаться, —
А рядомъ сотни тысячъ душать, грабятъ,
Гнетутъ и истощаютъ родъ людской?! —
Не шутовство-ль разыгрывать намъ Бога,
Который въ милосерды безъ различья
Дождемъ и солнцемъ надѣляетъ равно
Цвѣтущій лугъ и голую пустыню,
На это не имѣя божьихъ рукъ
Неистощимо щедрыхъ? — Ну, скажите,
Не шутовство?

НАТАНЪ.

Довольно, — перестанъ.

ДЕРВИШЪ.

Постойте, дайте мнѣ еще напомнить,
Какого я шута играю. — Какъ?
Не шутовство: все это знать — и все-же
Тутъ сторону хорошую искать? —
И въ этомъ шутовствѣ принять участие
Изъ-за нее? Неправда?

НАТАНЪ.

Постарайся
Ты поскорѣ снова воротиться
Въ свою пустыню. — Я боюсь, Ал-Гафи,
Что именно среди людей ты здѣсь
Разучишься быть челоѣкомъ.

ДЕРВИШЪ.

Правда.
И самъ я этого боюсь. — Прощайте.

НАТАНЪ.

Куда спѣшить? Ал-Гафи, погоди! —
Не убѣжитъ твоя пустыня! — слушай!
Ал-Гафи! эй! — Ушелъ. А мнѣ хотѣлось
Про нашего храмовника спросить.
Его онъ вѣрно знаетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДАИА входитъ поспѣшно. — НАТАНЪ.

ДАИА.

Нѣтанъ! Нѣтанъ!

НАТАНЪ.

Ну, что случилось?

ДАИА.

Онъ явился снова! —

Явился снова онъ.

НАТАНЪ.

Кто, Даиа?

ДАИА.

Онъ.

НАТАНЪ.

Онъ! — онъ какой-нибудь всегда являлся.
Ахъ да! — вѣдь только вашъ зовется такъ. —
Напрасно! — Онъ не долженъ-бы являться, —
И даже еслибъ ангеломъ онъ былъ.

ДАИА.

Онъ тамъ опять подъ пальмами гуляетъ,
Рветъ финики...

НАТАНЪ.

И ѣсть ихъ, какъ храмовникъ?

ДАЙА.

Не мучьте вы меня. Она его
Ужъ угадала жаднымъ взоромъ въ чащѣ
Густого ряда пальмъ, и неотступно
Теперь слѣдить за нимъ. — Она васъ просить,
Она васъ умоляетъ, чтобъ сейчасъ
Вы шли къ нему. Скорѣе! — Торопитесь.
Она въ окно показывать вамъ будетъ,
Въ какую сторону онъ повернетъ.
Ступайте-же!

НАТАНЪ.

Едва сойдя съ верблюда? —
Годится-ль это? — нѣтъ. Пойди сама.
Спѣши! скажи ему, что я вернулся.
Смотри, что честный малый, не желая
Въ моемъ отсутствіи въ мой домъ являться,
По приглашенію отца охотно
Придетъ. — Ступай! — скажи, что я прошу,
Что искренно прошу его.

ДАЙА.

Напрасно.

Онъ не пойдетъ къ вамъ. — Словомъ, не пойдетъ
Къ еврею.

НАТАНЪ.

Такъ ступай, ступай скорѣе,
Чтобъ удержать его по крайней мѣрѣ,
Чтобъ издали за нимъ слѣдить. — Ступай.
Вслѣдъ за тобой и я приду сейчасъ-же.

Натанъ успѣшно входитъ во внутреннія комнаты; Дайа
выходитъ изъ дому.

ЯВЛЕНІЕ V.

Площадь съ пальмами, подъ которыми ХРАМОВНИКЪ гуляетъ взадъ и впередъ. Монастырскій СЛУЖКА слѣдуетъ за нимъ въ сторонѣ на нѣкоторомъ разстояніи, безпрестанно порываясь съ нимъ заговорить.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, онъ слѣдитъ за мной не отъ бездѣлья.
Онъ на руки косится. — Добрый братъ! —
Но, можетъ быть, отцомъ васъ называютъ?

СЛУЖКА.

Нѣтъ — братомъ. Такъ. — Я служба монастырскій.
Къ услугамъ вашимъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Добрый братъ мой, если-бъ
Хоть что-нибудь имѣлъ я! — видитъ Богъ,
Что ничего. —

СЛУЖКА.

И все-таки — спасибо!
Подай вамъ Боже въ тысячу разъ больше,
Чѣмъ сами вы хотѣли бы подать. —
Въ готовности весь подвигъ милосердыя,
Не въ томъ, что подается. — И прислали
Меня къ вамъ не затѣмъ. —

ХРАМОВНИКЪ.

Однако васъ
Прислали?

СЛУЖКА.

Изъ монастыря.

ХРАМОВНИКЪ.

Въ который
Я только-что ходилъ, надѣясь тщетно,
Что мнѣ дадутъ поѣсть?

СЛУЖКА.

Столы ужъ были
Всѣ заняты. — Но если вамъ угодно
Со мной туда опять пойти....

ХРАМОВНИКЪ.

Зачѣмъ?
Давно мнѣ мяса ѣсть не приходилось.
Что за бѣда? — Вѣдь финики созрѣли.

СЛУЖКА.

О, будьте осторожны съ ними. Много
Ихъ ѣсть нельзя. Они сгущаютъ кровь
И могутъ меланхоликомъ васъ сдѣлать.

ХРАМОВНИКЪ.

А ежели мнѣ самому пріятно
Быть меланхоликомъ? — Но васъ ужъ вѣрно
Сюда не съ этимъ предостереженьемъ
Прислали.

СЛУЖКА.

Нѣтъ. Я долженъ васъ узнать. —
Узнать какъ можно покороче.

ХРАМОВНИКЪ.

Это
Мнѣ самому въ глаза вы говорите?

СЛУЖКА.

Да почему-же нѣтъ?

ХРАМОВНИКЪ — про себя.

Монахъ прехитрый.

Служкѣ.

А много васъ такихъ въ монастырѣ?

СЛУЖКА.

Не знаю, я повиноваться долженъ.

ХРАМОВНИКЪ.

И тутъ вы повинуетесь, конечно,
Безъ дальнихъ размышленій.

СЛУЖБА.

А иначе

Вѣдь это-бъ не было повиновенье.

ХРАМОВНИКЪ — про себя.

Такъ простота всегда права бываетъ.

Служкѣ.

Но вѣрно вы мнѣ можете открыть:
Кто пожелалъ узнать меня короче.
Что вамъ самимъ до этого нѣтъ дѣла,
Готовъ я клясться.

СЛУЖБА.

Могъ-ли я? — Какая

Мнѣ польза въ томъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Кто-жъ могъ? кому полезно

Такое любопытство?

СЛУЖБА.

Надо думать,

Что патріарху, потому-что онъ
Меня прислалъ къ вамъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Патріархъ? Такъ развѣ

Не знаетъ онъ, что значать бѣлый плащъ
И красный крестъ.

СЛУЖБА.

И мнѣ извѣстно это.

ХРАМОВНИКЪ.

Ну! братъ мой, ну! такъ что-же? — Я храмовникъ,

И плѣнный. — Да прибавьте: въ плѣнъ попался
 При вѣрности Тебнинѣ. — Мы явились
 Туда по окончаньи перемирья,
 Чтобъ ближе было на Сидонъ напасть.
 Я взять въ числѣ осьмнадцати, и только
 Одинъ изъ всѣхъ помилованъ султаномъ. —
 Вотъ все, что патріарху нужно знать, —
 И болѣе чѣмъ нужно.

СЛУЖБА.

Врядъ-ли больше,
 Чѣмъ то, что онъ ужъ знаетъ. — Но еще
 Ему хотѣлось бы узнать причину:
 За что одни лишь вы пощажены
 Султаномъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Развѣ самъ я это зналъ? —
 Ужъ я на плащъ колѣна преклонилъ,
 Отервши шею — ожидалъ удара, —
 Вдругъ — Саладинъ взглянулъ, подходитъ ближе,
 Махнулъ рукой, — я поднятъ, я раскованъ,
 Хочу благодарить — и вижу слезы
 Въ его глазахъ. Безмолвенъ онъ, я тоже. —
 Но молча онъ ушелъ, и я остался. —
 Какъ это все сплелось, пускай рѣшаетъ
 Самъ патріархъ.

СЛУЖБА.

Тутъ знаменье онъ видитъ:
 Что для великихъ дѣлъ васъ сохранилъ
 Господь Создатель.

ХРАМОВНИКЪ.

Для великихъ, правда:
 Чтобъ вынести жидовеку изъ огня,
 Да любопытнымъ богомольцамъ гору
 Синай показывать — и въ этомъ родѣ.

СЛУЖБА.

Не все же въ томъ. Пока и то не худо.
 И можетъ быть у патріарха есть
 Для васъ занятые поважнѣе.

ХРАМОВНИКЪ.

Вотъ какъ? —
Вы думаете? — Онъ, пожалуй, далъ
Вамъ кое-что замѣтить.

СЛУЖКА.

Да, — конечно.
Но прежде долженъ я узнать васъ ближе:
Такой-ли человекъ вы...

ХРАМОВНИКЪ.

Узнавайте.
Про себя.
Хотѣлъ-бы знать, какъ этотъ узнаётъ.

СЛУЖКА.

Я думаю всего короче будетъ,
Когда я вамъ открою напрямикъ
Желанье патріарха.

ХРАМОВНИКЪ.

И. прекрасно.

СЛУЖКА.

Онъ письмецо вамъ поручить хотѣлъ-бы.

ХРАМОВНИКЪ.

Что я за вѣстникъ? — Это-то занятъ
По вашему славнѣе, чѣмъ спасти
Жидовку? — да?

СЛУЖКА.

Должно быть. Потому что,
Сказалъ нашъ патріархъ, письмо такое
Большую пользу можетъ принести
Всѣмъ христіанамъ. Кто его доставитъ,
Сказалъ нашъ патріархъ, получить въ небѣ
Вѣнецъ совсѣмъ особенный отъ Бога

Въ награду, — и никто такъ не достоинъ
Того вѣнца, по мнѣнью патріарха,
Какъ вы.

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ я?

СЛУЖБА.

Затѣмъ, что тотъ вѣнецъ,
Сказалъ нашъ патріархъ, другой кто врядъ-ли
Сумѣетъ такъ искусно заслужить,
Какъ вы.

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ я?

СЛУЖБА.

Вы здѣсь свободны. Всюду
И все вамъ можно осмотрѣть. — Притомъ
Вы знаете, какъ охраняютъ городъ,
И какъ его штурмуютъ. — Вы вѣришь
Оцѣните, сказалъ нашъ патріархъ,
И чѣмъ сильна, и чѣмъ слаба ограда,
Которую недавно Саладинъ
Построилъ, и толковѣе все это
Опишите, сказалъ нашъ патріархъ,
Поборникамъ Христа.

ХРАМОВНИКЪ.

Но — добрый братъ мой,
Могу-ль я содержанье письмаца
Узнать подробнѣе.

СЛУЖБА.

Конечно. — Самъ я
Еще его не знаю хорошенько,
Но письмоцо къ Филиппу королю.
Нашъ патріархъ... Не разъ ужъ я дивился,
Какъ такой святой, который больше
Живетъ небеснымъ, въ то-же время можетъ
Настолько нисходить, чтобъ узнавать
Все, что творится на землѣ. Вѣдь это
Претрудно.

ХРАМОВНИКЪ.

Ну, такъ патріархъ —

СЛУЖБА.

Все знаетъ —

И знаетъ достовѣрно — гдѣ и какъ,
 Съ которой стороны, съ какою силой,
 Начнетъ свой приступъ Саладинъ, коль снова
 Откроется война.

ХРАМОВНИКЪ.

Все это знаетъ?

СЛУЖБА.

И извѣстить объ этомъ онъ хотѣлъ-бы
 Филиппа короля, чтобъ тотъ заранѣ
 Обдумать могъ: дѣйствительно-ль опасность
 Такъ велика, что ужъ нельзя никакъ
 Рѣшиться уничтожить перемирье,
 Которое нарушилъ такъ отважно
 Вашъ орденъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Что за патріархъ! Такъ вотъ какъ!

Любезный, храбрый мужъ желаетъ сдѣлать
 Не вѣстника простого изъ меня,
 А просто-на-просто шпіона! — Ну, такъ
 Скажите патріарху, добрый братъ мой,
 Что я — насколько вы меня узнали —
 Къ такому дѣлу вовсе не способенъ.
 Еще себя считать я долженъ плѣннымъ.
 Притомъ-же долгъ храмовника сражаться,
 А не шпіонить.

СЛУЖБА.

Я вѣдь тоже думалъ.

Вы, господинъ, не гнѣвайтесь, прошу васъ. —
 Однако лучшее еще не въ этомъ. —
 Нашъ патріархъ узналъ, гдѣ на Ливанѣ
 Находится и какъ зовется крѣпость,
 Куда заботливый отецъ Султана
 Сложилъ большія денежныя суммы.

Изъ нихъ онъ платитъ жалованье войску
И всѣ военныя издержки. — Время
Отъ времени окольными путями
Къ отцу въ ту крѣпость ходитъ Саладинъ —
Почти совсѣмъ безъ провожатыхъ. — Что-же?
Вы поняли, въ чемъ дѣло тутъ? —

ХРАМОВНИКЪ.

Нисколько.

СЛУЖБА.

Чего же легче было бы при этомъ
Напасть на Саладина — и покончить
Съ нимъ разомъ. — Вы боитесь? — О, у насъ
Ужъ вызвались на то два маронита,
Богобоязливые люди, если
Ихъ поведетъ отважный человѣкъ.

ХРАМОВНИКЪ.

И этого отважнаго во мнѣ-же
Вашъ патріархъ хотѣлъ найти?

СЛУЖБА.

Онъ думалъ,
Что въ этомъ дѣлѣ королю Филиппу
Легко изъ Птоломеи намъ помочь. —

ХРАМОВНИКЪ.

Мнѣ? — братъ мой, мнѣ? — Вы слышали, конечно,
Хоть только слышали: чѣмъ я обязанъ
Султану?

СЛУЖБА.

Да.

ХРАМОВНИКЪ.

И все-таки рѣшились?

СЛУЖБА.

По мнѣнью патріарха, это все
Прекрасно, но Господь и орденъ...

ХРАМОВНИКЪ.

Вѣрно,

Поступка не измѣнять — и не стануть
Предписывать разбойничьей продѣлки!

СЛУЖКА.

Навѣрно! — Но, по мнѣнью патріарха,
Кого разбойникомъ считаютъ люди,
Тотъ не всегда разбойникъ передъ Богомъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ? — Я обязанъ Саладину жизнью —
И жизнь его отнять я долженъ.

СЛУЖКА.

Низко!

Безчестно! Но, по мнѣнью патріарха,
Врага въ султанѣ видитъ христіанство,
И потому онъ не имѣетъ права
Разсчитывать на вашу дружбу.

ХРАМОВНИКЪ.

Дружбу? —

Я только не хочу быть негодяемъ,
Неблагодарнымъ, гнуснымъ.

СЛУЖКА.

Ни за что!

Однако-же, — по мнѣнью патріарха,
Отъ благодарности ужъ мы свободны,
Свободны передъ Богомъ и людьми,
Когда не ради насъ самихъ услугу
Намъ оказали. — И, какъ всюду слышно,
Сказалъ нашъ патріархъ, что Саладиномъ
Пощажены вы были оттого,
Что вы ему лицомъ своимъ и станомъ
Напоминали брата...

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ? — и это

Извѣстно патріарху? — и онъ думаль! —
 Но будь все это правда? — Саладинъ! —
 Какъ? — Неужели, если ужъ природа
 Въ мою наружность хотъ одну черту
 Родного брата твоего вложила,
 Въ душѣ моей ничто ей не отвѣтитъ?
 А если и отвѣтитъ, такъ обязанъ
 Я подавить въ угоду патріарху? —
 Природа такъ не можетъ обмануть!
 Не можетъ Богъ себѣ противорѣчить
 Въ своихъ созданьяхъ! — Нѣтъ! — Ступайте, братъ мой!
 Не возмущайте желчь мою! — **ступайте!**

СЛУЖБА.

Иду, — охотнѣй, чѣмъ пришелъ. — Простите.
 Мы, слуги монастырскіе, должны
 Повиноваться старшимъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ХРАМОВНИКЪ и **ДАЙА**, которая нѣкоторое время за нимъ уже присматривала и
 теперь къ нему подходитъ.

ДАЙА.

Этотъ служба
 Его оставилъ, кажется, не въ добромъ
 Расположенъи духа. — А должна
 Я все-таки рѣшиться.

ХРАМОВНИКЪ.

Превосходно!! —
 Ну вотъ, не справедлива-ль поговорка,
 Что баба и монахъ — монахъ и баба,
 Двѣ лапы чорта. — Онъ меня сегодня
 Бросаетъ изъ одной въ другую.

ДАЙА.

Васъ-ли
 Я вижу, благородный рыцарь. — Васъ? —
 Сто тысячъ разъ благодаренье Богу!

Да гдѣ же вы такъ долго пропадали,
Надѣюсь, что вы не были больны?

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ.

ДАЙА.

Стало-быть здоровы?

ХРАМОВНИКЪ.

Да.

ДАЙА.

Мы много
Объ васъ тревожились все время.

ХРАМОВНИКЪ.

Будто?

ДАЙА.

Вы вѣрно уѣзжали?

ХРАМОВНИКЪ.

Да.

ДАЙА.

И только
Сегодня вы вернулись?

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, вчера.

ДАЙА.

И къ нашей Рэхѣ тоже возвратился
Отецъ ея сегодня. — Такъ могла-бы
Она теперь надѣяться....

ХРАМОВНИКЪ.

На что?

ДАЙА.

О чемъ такъ часто васъ просила. Скоро
 Придетъ отецъ ея, чтобъ неотступно
 Васъ приглашать. — Изъ Вавилона онъ
 Вернулся и привелъ съ собою двадцать
 Навьюченныхъ верблюдовъ. — Сколько тутъ
 Душистыхъ травъ и камней драгоценныхъ,
 Матерій и всего, чѣмъ такъ богаты —
 И Персія, и Индія, и страны,
 Лежащія за ними.

ХРАМОВНИКЪ.

Ничего

Я не куплю.

ДАЙА.

Своимъ народомъ всюду
 Онъ уважаемъ, какъ иной властитель.
 Хоть часто удивлялась я, что прозванъ
 Онъ мудрымъ Натаномъ, а не богатымъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Въ устахъ его народа, можетъ быть,
 Названья эти однозначны.

ДАЙА.

Я же

Скорѣй всего его звала бы добрымъ. —
 Вѣдь вы не можете себѣ представить,
 Какой онъ добрый. — О! чего-бъ не сдѣлалъ,
 Чего-бъ онъ вамъ не отдалъ въ ту минуту,
 Какъ услышалъ, что Рэху вы спасли.

ХРАМОВНИКЪ.

Неужли? —

ДАЙА.

Испытайте. — Приходите
 Взглянуть.

ХРАМОВНИКЪ.

На, что? — Какъ скоро миновала
Минута?

ДАЙ А.

Развѣ я бы оставалась
Такъ долго у него, когда-бъ онъ не былъ
Такъ добръ. — Вы думаете, не цѣню я
Свое достоинство, какъ христіанка? —
И мнѣ никто не напорожилъ въ дѣтствѣ,
Что только для того я въ Палестину
Съ моимъ супругомъ потащусь, чтобъ тамъ
Воспитывать жидовскаго ребенка?
Любезный мой супругъ былъ честный конюхъ,
Онъ въ войскѣ императорскомъ служилъ —
Въ походѣ Фридриха....

ХРАМОВНИКЪ.

Швейцарецъ родомъ,
Который въ тотъ походъ добился чести
И счастья утонуть въ одной рѣкѣ
Съ его величествомъ. — Ужъ сколько разъ вы
Все это говорили мнѣ. — Когда же
Вы перестанете меня повсюду
Преслѣдовать?

ДАЙ А.

Преслѣдовать!

ХРАМОВНИКЪ.

Да, да —

Преслѣдовать. Я не хочу васъ больше
Ни видѣть и ни слышать: не хочу,
Чтобъ вы напоминали безпрестанно
Мнѣ о моемъ поступкѣ, о которомъ
Я совсѣмъ не думалъ — и который
Мнѣ самому становится загадкой,
Когда теперь подумаю о немъ. —
Я-бъ не хотѣлъ жалѣть о томъ, что сдѣлалъ;
Но, видите, вѣдь что-нибудь такое
Опять со мной случится, такъ ужъ вы —

Вы будете виною, если быстро
Я дѣйствовать не стану, — если прежде
Начну справляться — и въ огнѣ оставлю
Все, что горить.

ДАЙ А.

О! Боже сохрани.

ХРАМОВНИКЪ.

Я васъ теперь прошу, какъ одолженъ,
Хоть съ этихъ поръ не знайте вы меня —
И отъ отца отъ этого избавьте.
Кто жидъ — тотъ жидъ. Я неуклюжій швабъ.
И если образъ дѣвушки являлся
Когда-нибудь въ душѣ моей, такъ снова
Давно исчезъ.

ДАЙ А.

Да вашъ-то не исчезъ
Въ ея душѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ что же въ томъ?

ДАЙ А.

Кто знаетъ? —

Вѣдь не всегда всѣ люди таковы,
Какими кажутся.

ХРАМОВНИКЪ.

Но рѣдко лучше!

Онъ идетъ.

ДАЙ А.

Куда же вы? постойте....

ХРАМОВНИКЪ.

Я прошу васъ,
Не дѣлайте мнѣ ненавистнымъ мѣсто
Подъ пальмами, гдѣ было такъ пріятно
Прогуливаться мнѣ.

ДАЙ А.

Ну, убирайся! —
Медвѣдь нѣмецкій. — Все-таки слѣдъ звѣря
Мнѣ изъ виду не надобно терять.
Она издали слѣдуетъ за нимъ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Во дворцѣ Султана.

САЛАДИНЪ и ЗИТТА играютъ въ шахматы.

ЗИТТА.

Да гдѣ ты? — Какъ играешь ты сегодня?

САЛАДИНЪ.

Не хорошо? — а мнѣ-таки казалось....

ЗИТТА.

И для меня едва-ли было-бъ сносно.
Возьми свой ходъ назадъ.

САЛАДИНЪ.

А почему бы?

ЗИТТА.

Коня ты отрываешь.

САЛАДИНЪ.

Справедливо.

Ну такъ.

ЗИТТА.

Возьму слона.

САЛАДИНЪ.

И то. — Ну — шахъ.

ЗИТТА.

Чтò толку? — Я пойду сюда, и снова
Ты остаешься съ тѣмъ, — чтò было.

САЛАДИНЪ.

Видю,
Что изъ тисковъ не вырвусь безъ потери.
Пускай! бери коня.

ЗИТТА.

Онъ мнѣ не нуженъ. —
Я прохожу впередъ.

САЛАДИНЪ

Ты ничего
Мнѣ этимъ не даришь. — Такое мѣсто
Тебѣ дороже моего коня.

ЗИТТА.

Быть можетъ....

САЛАДИНЪ.

Рано пташечка запѣла.
Смотри-ка! — Чтò? — Поспорить я готовъ,
Ты этого нивагъ не ожидала.

ЗИТТА.

Конечно, нѣтъ. Могла-ль я ожидать,
Что будешь ты такъ сильно тяготиться
Своей же королевой.

САЛАДИНЪ.

Королевой?

ЗИТТА.

Ну, видно, тысячу динаръ не больше,
Я выиграть должна сегодня.

САЛАДИНЪ,

Какъ?

ЗИТТА.

Да, — спрашивай еще! — Ты такъ прилежно,
Стараясь нарочно проиграть,
А это мнѣ невыгодно ни мало.
Не только потому — что такъ играть
Не занимательно, — но тоже — развѣ,
Когда тебѣ проигрывала я,
Не въ большемъ выигрышѣ оставалась? —
Ты мнѣ всегда дарилъ двойную ставку,
Чтобъ я утѣшилась.

САЛАДИНЪ.

Смотри, — пожалуй,
Когда проигрывала ты, сестрица,
Ты это дѣлала всегда нарочно.

ЗИТТА.

По крайней мѣрѣ, мой любезный братецъ,
Коль я играть не научилась лучше,
Такъ этому виной твоя же щедрость.

САЛАДИНЪ.

Мы отступаемъ отъ игры. — Кончай.

ЗИТТА.

Ты оставляешь ходъ? — Такъ шахъ, — и даже
Двойной.

САЛАДИНЪ.

Да, — этого я не предвидѣлъ.
Приходится разстаться съ королевой.

ЗИТТА.

А развѣ былъ чѣмъ еще помочь?
Посмотримъ.

САЛАДИНЪ.

Нѣтъ, — бери и королеву. —
Мнѣ съ этой шашкой вѣчное несчастье.

ЗИТТА.

И только съ шашкой?

САЛАДИНЪ.

Прочь ее! — мнѣ это
Не повредить. Вотъ, видишь, все опять
Защищено.

ЗИТТА.

У брата я училась,
Насколько обращенье съ королевой
Должно быть вѣжливо.

Она оставляет шашку.

САЛАДИНЪ.

Бери ее
Иль не бери — ужъ я ее не трону.

ЗИТТА.

Зачѣмъ же брать? — Шахъ! — шахъ!

САЛАДИНЪ.

Ну, дальше!

ЗИТТА.

Шахъ!

И шахъ!

САЛАДИНЪ.

И мать.

ЗИТТА.

Нѣтъ, не совсѣмъ: ты можешь
Конемъ заставить, или — какъ съумѣешь.
Но все равно....

САЛАДИНЪ.

Ты выиграла. — Да.

И я плачу. — Позвать сюда Ал-Гафи!
Отчасти, Зитта, ты была права:
Я невнимательно игралъ сегодня,
Разсѣяннo. И кто всегда приноситъ
Намъ эти шашки гладкія, въ которыхъ
Фигуры ничего не представляютъ?
Съ Имамoмъ, что-ли, я игралъ? Но полно!
Я оправдать мой проигрышъ хочу:
Не шашки, нѣтъ, меня твое искусство
Заставило сегодня проиграть,
Твой взглядъ спокойный, быстрый.

ЗИТТА.

Этимъ тоже

Ты только притупить хотѣлъ бы жало
Убытка моего. Довольно! Правда,
Ты былъ разсѣянъ болѣе, чѣмъ я.

САЛАДИНЪ.

Чѣмъ ты? — а что тебя могло разсѣять?

ЗИТТА.

Конечно, не разсѣянность твоя.
Ахъ, Саладинъ! Когда-то снова также
Прилежно поиграть съ тобой придется?

САЛАДИНЪ.

Тѣмъ больше страсти въ этой игрѣ.
Ахъ, да! — ты вспомнила о томъ, что снова
Готовится война. Пускай идутъ!
Смѣлѣй! — не мною сдѣлано начало.
Я-бъ наше перемиріе охотно
Продолжилъ за-ново. Да тутъ же Зиттъ
Хорошаго бы мужа подыскалъ.
И выбралъ бы я Ричардова брата.
Вѣдь Ричарду онъ братъ!

ЗИТТА.

Да, если стоитъ

Твой Ричардъ похвалы.

САЛАДИНЪ.

Къ тому же, еслибъ
Женою брату нашему, Мелеку,
Досталась Ричарда сестра! — Такъ вотъ бы
Семья была! Изъ всѣхъ семействъ на свѣтѣ,
Изъ лучшихъ лучшая семья была бы.
Какъ видишь, не лѣнюсь я и себя
Расхваливать. Надѣюсь, я достоинъ
Моихъ друзей. — Вотъ были-бъ люди! Вотъ!!

ЗИТТА.

Всѣ эти сладкія мечты мнѣ были
Всегда смѣшны! Ты христіанъ не знаешь,
Не хочешь знать. Ихъ гордость въ томъ, чтобъ только
Быть христіанами, а не людьми.
И даже то, что отъ Христа осталось
Имъ человѣчнаго въ ихъ суевѣрьи,
Они взлюбили не за человѣчность,
А потому, что такъ Христосъ училъ ихъ,
Такъ поступалъ Христосъ. И благо имъ,
Что былъ еще онъ добрымъ человѣкомъ,
И что его слова и добродѣтель
Они на вѣру могутъ взять. Да чтò!
Какая добродѣтель — имя! имя
Его должно распространяться всюду,
Должно уничтожать, должно позорить
Всѣ имена другихъ людей хорошихъ.
Объ имени, вѣдь, только и хлопчутъ.

САЛАДИНЪ.

Ты думаешь: зачѣмъ же бы иначе
Имъ нужно было требовать отъ васъ,
Чтобъ христіанами вы назывались,
И ты, и Мелекъ, прежде, чѣмъ подумать
Любить ихъ какъ супруговъ-христіанъ?

ЗИТТА.

Само собой! Какъ будто христіане
Какъ христіане — только и способны
Къ любви, второй надѣлилъ Творецъ
Жену и мужа.

САЛАДИНЪ.

Христіане вѣрятъ
 Такъ часто вздору, что повѣрить могутъ
 И этому. Но все-таки, сестра,
 Ты не права: храмовники виновны,
 Не христіане; не какъ христіане,
 А какъ храмовники, они виновны —
 И изъ-за нихъ не выйдетъ ничего.
 Теперь они отстаиваютъ Акку,
 Которая должна-бъ достаться брату
 Въ приданое за Ричарда сестрой,
 И принялись разыгрывать монаховъ,
 Боясь, чтобъ рыцарство не потеряло
 Иныя выгоды. Монаховъ глупыхъ!!
 Въ надеждѣ, что при первой суматохѣ,
 Ударъ хорошій, можетъ быть, удастся,
 Они едва-едва могли дожидаться,
 Чтобъ миновало время перемирья.
 Прекрасно! продолжайте, господа!
 Я самъ доволенъ этимъ, — продолжайте. —
 Лишь было-бъ остальное все въ порядѣ.

ЗИТТА.

Ну? Что-жъ еще могло тебя встревожить,
 Разстроить?

САЛАДИНЪ.

Что всегда меня приводитъ
 Въ разстройство. Снова былъ я на Ливанѣ
 У нашего отца: его совсѣмъ
 Заботы одолѣли.

ЗИТТА.

Бѣдный!

САЛАДИНЪ.

Просто
 Не справится никакъ. Повсюду плохо,
 То здѣсь, то тамъ недостаетъ.

ЗИТТА.

Чего?

САЛАДИНЪ.

Чего-жъ, какъ не того, что я едва-ли
 Названья удостоиваю! что,
 Когда имѣю, кажется мнѣ лишнимъ,
 Когда же нѣтъ — необходимымъ. — Гдѣ-же
 Ал-Гафи? Кто пошелъ его позвать?
 Недостаетъ проклятыхъ, гнусныхъ денегъ!
 Ал-Гафи! наконецъ-то ты явился.

ЯВЛЕНІЕ II.

Дервишъ АЛ-ГАФИ, САЛАДИНЪ и ЗИТТА.

АЛ-ГАФИ.

Знать изъ Египта деньги намъ прислали?
 Побольше-бъ ихъ.

САЛАДИНЪ.

Ты получилъ извѣстье?

АЛ-ГАФИ.

Я? — Нѣтъ, не получалъ; но мнѣ казалось,
 Что я сюда принять ихъ призванъ.

САЛАДИНЪ — задумчиво прохаживаясь взадъ и впередъ.

Выдай

Сейчасъ же Зиттѣ тысячу динаръ.

АЛ-ГАФИ.

Все: выдай — вмѣсто: получи. Прекрасно!
 Вѣдь это менѣе, чѣмъ ничего.
 Опять проиграно, и снова Зиттѣ!
 Все въ шахматы! И вонъ она игра
 Еще стоитъ.

ЗИТТА.

Ты радъ, что я счастлива.

АЛ-ГАФИ — разсматривая игру.

Что радъ? Когда — вы знаете....

ЗИТТА — дѣлая ему знаки.

Ст!!... Гафи....

АЛ-ГАФИ — глядя все на игру.

Вы сами-то порауйтесь сперва.

ЗИТТА.

Ал-Гафи! — ст!!..

АЛ-ГАФИ — Зиттъ.

Вы бѣлыми играли?

И дѣлаете — шахъ.

ЗИТТА.

Какое счастье,

Что онъ не слышалъ.

АЛ-ГАФИ.

Ходъ теперь его.

ЗИТТА — подойдя къ нему ближе.

Ну, что же ты не скажешь мнѣ, что деньги
Могу я получить.

АЛ-ГАФИ — все еще прикованный къ игръ.

Ну, да. Вы ихъ
Получите, какъ прежде получали.

ЗИТТА.

Что? что? Въ умѣ ли ты?

АЛ-ГАФИ.

Игра не ваша.

Вы, Саладинъ, еще не проиграли.

САЛАДИНЪ — едва слышая.

Я проигралъ! — плати! плати!

АЛ-ГАФИ.

Плати!

Но посмотрите, ваша королева....

САЛАДИНЪ.

Не значитъ ничего. Она къ игрѣ
Ужъ больше не принадлежитъ.

ЗИТТА.

Скажи же,

Что я за деньгами могу прислать.

АЛ-ГАФИ — все еще углубленный въ игру.

Понятно! — какъ всегда. Но если даже
И ничего не значитъ королева,
Вамъ все-таки не мать.

САЛАДИНЪ — подходит и опрокидываетъ шахи.

Мнѣ мать — довольно.

Я такъ хочу.

АЛ-ГАФИ.

Что-жъ? Какова игра,
Таковъ и выигрышъ — и такъ же будемъ
Платить.

САЛАДИНЪ — Зиттѣ.

Что говоритъ онъ? что?

ЗИТТА — время отъ времени дѣлая знаки Ал-Гафи.

Ты знаешь,

Онъ любитъ поупрямиться, заставить
Себя упрашивать. Немножко даже
Завистливъ онъ.

САЛАДИНЪ.

Но не къ тебѣ же, Зитта?

Къ моей сестрѣ? Ал-Гафи, что я слышу?
Завистливъ, ты завистливъ?

АЛ-ГАФИ.

Можетъ быть! —
Я-бъ самъ не прочь имѣть ея разсудокъ
И доброту.

ЗИТТА.

Но, не смотря на то,
Онъ до сихъ поръ всегда платилъ исправно.
Заплатить и теперь. Оставь его.
Ступай себѣ, Ал-Гафи; — я сегодня
За деньгами припшю.

АЛ-ГАФИ.

Такъ нѣтъ! — не стану
Я больше притворяться. — Вѣдь узнать
Когда-нибудь онъ долженъ.

САЛАДИНЪ.

Кто? — и что?

ЗИТТА.

Такъ вотъ какъ общаешь ты, Ал-Гафи?
Такъ вотъ какъ слово держишь ты?

АЛ-ГАФИ.

Кто-жъ думалъ,
Что нашъ обманъ поидетъ такъ далеко!

САЛАДИНЪ.

Ну? — ничего я не узнаю?

ЗИТТА.

Гафи,
Прошу тебя, будь скромень.

САЛАДИНЪ.

Это странно! —

Объ чемъ упрашивать могла-бы Зитта
 Такъ горячо, торжественно чужого
 И дервиша — скорѣ чѣмъ меня,
 Родного брата. — Я теперь, Ал-Гафи,
 Приказываю. — Дервишъ — говори.

ЗИТТА.

Мой братъ, не придавай такую важность
 Бездѣлицѣ, не стоящей того. —
 Ты знаешь, у тебя такую-жъ сумму
 Выигрывать случалось мнѣ не разъ,
 Но какъ теперь я въ деньгахъ не нуждаюсь,
 А у Ал-Гафи ихъ пока не много,
 То долгъ я не брала. — Не безпокойся, —
 Я не намѣрена его дарить
 Ни въ кассу, ни тебѣ, и ни Ал-Гафи.

АЛ-ГАФИ.

Да—если-бъ только это было! — это!...

ЗИТТА.

Такой-же вздоръ: — я не брала тѣхъ денегъ,
 Которыя ты мнѣ назначилъ прежде.
 Съ недавнихъ поръ я только не брала.

АЛ-ГАФИ.

И тутъ еще не все...

САЛАДИНЪ.

Не все? — Ал-Гафи,
 Ты скажешь-ли?...

АЛ-ГАФИ.

Съ тѣхъ поръ, какъ изъ Египта
 Мы денегъ ждемъ, она...

ЗИТТА — Саладину.

Не стоитъ слушать...

АЛ-ГАФИ.

Не только ничего не получила, —
Но...

САЛАДИНЪ.

Добрая моя! — еще пожалуй
Меня ссужала? — Нѣтъ? —

АЛ-ГАФИ.

Но содержала
Весь дворъ; — одна платила всѣ издержки.

САЛАДИНЪ — обнимая ее.

А! — вотъ она — сестра моя!

ЗИТТА.

Мой братъ,
Могла-ли безъ тебя я это сдѣлать?
Кто-жъ, какъ не ты, мнѣ далъ мое богатство?

АЛ-ГАФИ.

И сдѣлаешь опять такой-же нищей
Каковъ и самъ онъ.

САЛАДИНЪ.

Братъ ея — и нищій?
Я нищій! Я? — когда-жъ имѣлъ я больше?
Когда-же меньше? — Мечъ, коня, одежду —
И Бога. — Чтò-же больше нужно мнѣ?
Когда-жъ мнѣ въ этомъ будетъ недостатокъ? —
Но все-таки, Ал-Гафи, я бы могъ
Съ тобой поссориться.

ЗИТТА.

Не ссорься, братъ мой.
Ахъ! если-бы и нашему отцу
Могла я также облегчить заботы.

САЛАДИНЪ.

И этимъ вдругъ ты снова разрушаешь

Мое веселье. — Мнѣ и для меня
 Не можетъ быть, не будетъ недостатка;
 Ему недостаетъ, а съ нимъ и всѣмъ намъ. —
 Скажите, что намъ дѣлать? — Изъ Египта,
 Быть можетъ, намъ пришлютъ еще не скоро.
 Богъ вѣдаетъ, какая тутъ причина!
 Вѣдь тамъ еще спокойно все. — Я радъ бы
 Стѣсниться, усчитать, сберечь во всемъ,
 Что одного меня касаться можетъ —
 И гдѣ другой никто не пострадаетъ.
 Но что могу я сдѣлать? Мнѣ-же нужно
 Имѣть коня, одежду, мечъ! — и тоже
 У Бога нечего мнѣ оттянуть;
 И такъ ужъ онъ довольствуется малымъ: —
 Моимъ смиреннымъ сердцемъ. — Я, Ал-Гафи,
 Разсчитывалъ вполнѣ на твой остатокъ.

АЛ-ГАФИ.

Остатокъ! — Согласитесь сами: вы-бы
 Велѣли на колъ посадить меня,
 Велѣли-бъ удавить, по меньшей мѣрѣ,
 Когда-бъ въ моей казнѣ нашли остатокъ. —
 Утаивать! — осмѣлся только?

САЛАДИНЪ.

Что-же
 Мы станемъ дѣлать?! — Будто ужъ нигдѣ
 Не могъ занять ты прежде, чѣмъ у Зитты.

ЗИТТА.

Да развѣ я позволю, чтобъ меня
 Такого преимущества лишилъ онъ? —
 Я и теперь стою на томъ. — Пока
 Я далеко еще не обнищала.

САЛАДИНЪ.

Не доставало только обнищать! —
 Ступай, Ал-Гафи, дѣлай какъ умѣешь.
 Займи, гдѣ можешь, — обѣщай, что хочешь. —
 Но только, Гафи, не проси у тѣхъ,

Кто мной обогащенъ, — иначе это
Считалось-бы, что требую обратно.
Ступай въ скупѣйшимъ. — Мнѣ они дадутъ
Охотнѣй всѣхъ другихъ, — вѣдь имъ извѣстно,
Какъ хорошо ихъ деньги нарастаютъ
Въ моихъ рукахъ.

АЛ-ГАФИ.

Я этакихъ не знаю.

ЗИТТА

Мнѣ только-что сейчасъ пришло на память:
Я слышала, Ал-Гафи, что вернулся
Твой другъ.

АЛ-ГАФИ.

Мой другъ? — Кто-жъ могъ-бы это быть?

ЗИТТА.

Твой высоко-хваленый жидъ.

АЛ-ГАФИ.

Хваленый —
И жидъ? — и мною высоко хваленый?

ЗИТТА.

Который богомъ, — я еще прекрасно
Могу припомнить, какъ объ немъ когда-то
Ты выразился мнѣ, — который богомъ
Своимъ въ полнѣйшей мѣрѣ надѣленъ
Отъ вышихъ и отъ низшихъ благъ вселенной.

АЛ-ГАФИ.

Я такъ сказалъ? — Что-жъ это означало?

ЗИТТА.

Ты низшимъ благомъ называлъ богатство,
А высшимъ — мудрость.

АЛ-ГАФИ.

Какъ? — и про жида
Я такъ сказалъ вамъ?

ЗИТТА.

Развѣ не сказалъ ты
Мнѣ этого про Натана?

АЛ-ГАФИ.

Ахъ, да!
Вы про него! — про Натана! — объ немъ-то
Никакъ не могъ я вспомнить. — Въ самомъ дѣлѣ
Вернулся онъ? — Такъ стало быть дѣла
Его идутъ не дурно. — Правда, правда:
Его народъ когда-то назвалъ мудрымъ, —
Богатымъ тоже.

ЗИТТА.

Болѣе чѣмъ прежде
Народъ теперь зоветъ его богатымъ,
Всѣ говорятъ про драгоцѣнность
Сокровищъ, привезенныхъ имъ сюда.

АЛ-ГАФИ.

Ну, если онъ по прежнему богатый, —
То вѣрно онъ по прежнему и мудрый.

ЗИТТА.

Какъ думаешь, Ал-Гафи, если-бъ ты
Къ нему толкнулся?

АЛ-ГАФИ.

Для чего бы это?
Не занимать-ли? Вотъ такъ угадали! —
Онъ дастъ взаймы! Да въ томъ его вся мудрость,
Что никому взаймы онъ не даетъ.

ЗИТТА.

Но ты его описывалъ мнѣ прежде
Совсѣмъ иначе.

АЛ-ГАФИ.

Въ случаѣ нужды
 Товаромъ онъ ссудить; — но денегъ! — денегъ
 Не дастъ вамъ никогда. — Хотя, конечно,
 Такихъ жидовъ, какъ онъ, встрѣчаешь рѣдко:
 Въ немъ много смыслу, онъ умѣетъ жить,
 И превосходно въ шахматы играетъ.
 Но и въ дурномъ, не меньше-чѣмъ въ хорошемъ,
 Онъ не похожъ на всѣхъ другихъ жидовъ. —
 Нѣтъ, — на него разсчитывать не стоитъ.
 Онъ, правда, часто помогаетъ бѣднымъ —
 И можетъ быть, какъ Саладинъ, даетъ,
 Хотя не такъ-же много, но съ такой-же
 Готовностью и безъ лицепріятія:
 Еврей-ли, христіанинъ, мусульманинъ,
 Огнепоклонникъ — всѣ ему равны.

ЗИТТА.

И у такого....

САЛАДИНЪ.

Какъ могло случиться,
 Что никогда объ немъ я не слыхалъ?

ЗИТТА.

И денегъ въ долгъ не дастъ онъ Саладину? —
 Тому не дастъ, кто только для другихъ
 Нуждается! — не для себя?..

АЛ-ГАФИ.

Вотъ въ этомъ

Сейчасъ опять вы видите жида, —
 Обыкновеннаго жида — повѣрьте.
 Въ благодѣяньи онъ ревнивъ, завистливъ, —
 Хотѣлъ-бы такъ, чтобъ одному ему
 Всѣ нищіе на свѣтѣ говорили:
 «Спаси васъ Богъ за ваше милосердіе!»
 Затѣмъ-то онъ и не даетъ займы,
 Чтобъ къ подаяню быть всегда готовымъ, —
 И, такъ какъ сказано ему въ законѣ
 Про милосердіе, а не услугу,

То для того, чтобъ милосердымъ быть
 Онъ самый неуслужливый товарищъ.
 Мы съ нѣкоторыхъ поръ таки не ладимъ,
 Другъ съ другомъ. Не подумайте, однако,
 Что я за то къ нему несправедливъ;
 Онъ добрѣ на все,—но только не на это.
 Повѣрьте—не на это. Я сейчасъ
 Пойду просить кого-нибудь другого.
 Мнѣ помнится, здѣсь жилъ богатый мавръ.
 Онъ очень скупъ, пойду-ка попытаюсь.

ЗИТТА.

Зачѣмъ спѣшить?!

САЛАДИНЪ.

Оставь его! Оставь!...

ЯВЛЕНІЕ III.

ЗИТТА, САЛАДИНЪ.

ЗИТТА.

Спѣшить онъ, словно только избѣгаетъ
 Распросовъ. Что-же это?—Точно-ль самъ онъ
 Ошибся—или только хочетъ насъ
 Онъ обмануть?

САЛАДИНЪ.

Могу-ли я отвѣтить?—

Вѣдь мнѣ едва извѣстно про кого
 Вы говорите. Я сегодня слышу
 Объ этомъ вашемъ Натанѣ впервые.

ЗИТТА.

Возможно-ль, чтобъ совсѣмъ ты не слыхалъ
 Про человѣка, о которомъ всюду
 Молва твердить, что будто отыскалъ онъ
 Гробницы Соломона и Давида,—
 Что ихъ замки умѣетъ отпирать
 Всесильнымъ тайнымъ словомъ, и выносить
 Отъ времени до времени оттуда

Несмѣтныя сокровища, которыхъ
Источникъ меньшій дать не въ состояннѣ.

САЛАДИНЪ.

Ну, если изъ гробницъ его богатство,
Такъ вѣрно не Давидъ, не Соломонъ,
А дураки лежатъ въ гробницахъ этихъ.

ЗИТТА.

Не-то злодѣи. И притомъ источникъ
Его богатствъ гораздо изобильнѣй,
Неистощимѣе сокровищъ всякой
Гробницы.

САЛАДИНЪ.

Вы сказали: онъ торгуетъ?

ЗИТТА.

Онъ въ пристаняхъ имѣетъ корабли
Вездѣ — и выюный скотъ его гоняютъ
По всѣмъ дорогамъ и степямъ. Все это
Мнѣ самъ Ал-Гафи говорилъ когда-то.
Восторженно рассказывалъ онъ мнѣ:
Какъ этотъ другъ его умѣетъ честно,
Великодушно пользоваться тѣмъ,
Что добывать съ умомъ, трудолюбиво
Онъ не считаетъ слишкомъ мелкимъ дѣломъ;
Рассказывалъ — какъ чуждъ онъ предразсудковъ,
Какъ сердце и душа его открыты
Для всякой добродѣтели — всему
Прекрасному доступны.

САЛАДИНЪ.

А сегодня
Объ немъ Ал-Гафи говоритъ такъ сухо,
Такъ неувѣренно.

ЗИТТА.

Скорѣй смѣшавшись,
Какъ будто похвалить его считаетъ

Опаснымъ, и не хочетъ безъ причины,
Его бранить. Какъ?—неужели правда,
Что даже лучший человѣкъ не можетъ
Отстать вполнѣ отъ племенныхъ привычекъ,
И что Ал-Гафи съ этой стороны
Стыдился друга. — Но пускай, какъ знаетъ,
Пусть больше или меньше въ немъ еврейства,
Но онъ богатъ—намъ этого и нужно.

САЛАДИНЪ.

Вѣдь ты-же не захочешь у него
Насильно отнимать его богатство.

ЗИТТА.

Что называешь ты: отнять насильно?
Огнемъ? — Мечемъ? — Нѣтъ, нѣтъ, — въ борьбѣ со слабымъ
И слабости его одной довольно.
Какое тутъ насиліе! — Пойдемъ-ка
Покажѣсть въ мой гаремъ послушать пѣнье
Невольницы, мной купленной вчера.
Я между тѣмъ придумаю, быть можетъ,
Какъ приступить намъ къ Натану ловчѣй.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Передъ домомъ Натана въ той сторонѣ, которая соприкасается съ пальмами.

РЭХА и НАТАНЪ выходятъ изъ дому; имъ на встрѣчу ДАЙА.

РЭХА.

Вы очень позамѣшкались, отецъ мой,
Теперь его застанете едва-ли.

НАТАНЪ.

Ну, если не подъ пальмами, не здѣсь,
Такъ гдѣ-нибудь да сыщемъ, будь покойна.
Не Дайа-ли идетъ сюда? смотри-ка. —

РЭХА.

Не потеряла-ль изъ виду его!?

НАТАНЪ.

Ну — вѣрно нѣтъ.

РЭХА.

Тогда-бы шла скорѣе.

НАТАНЪ.

Должно быть насъ еще не увидала.

РЭХА.

Ну вотъ и видитъ.

НАТАНЪ.

И спѣшить — смотри —
Но будь спокойнѣй, Рэха.

РЭХА.

.Вы хотите

Такую дочь, которая-бы тутъ
Спокойна оставалась, — не заботясь
Нисколько: чѣмъ благодѣяньемъ снова
Дана ей жизнь, любимая за то,
Что жизнью вы — вы первый обязали.

НАТАНЪ.

Нѣтъ, — я хочу, чтобъ ты всегда была
Такой, какая есть. — И еслибъ даже
Я зналъ, что кое-что совсѣмъ другое
Въ твоей душѣ гнѣздится...

РЭХА.

Что? — отецъ мой!

НАТАНЪ.

Меня спросила ты? — Меня? — такъ робко? —
Природа и невинность порождаютъ
Все то, что совершается въ тебѣ.
Ты этимъ не тревожься. — Я спокоенъ —
Но только общай мнѣ, что — когда

Тебѣ яснѣй желанья сердца будутъ —
Ты отъ меня ни одного не скроешь.

РЭХА.

Скрывать отъ васъ? — Мнѣ даже и подумать
Объ этомъ страшно!

НАТАНЪ.

Такъ ни слова больше.
Разъ навсегда мы это порѣшили.
А вотъ и Дайа. — Ну?

ДАЙА.

Еще гуляетъ
Онъ тутъ подъ пальмами. — Сейчасъ онъ выйдетъ,
Вонъ изъ-за той стѣны. — Смотрите: вотъ онъ!

РЭХА.

И словно самъ не знаетъ какъ идти:
На лѣво-ли, на право, иль вернуться.

ДАЙА.

Нѣтъ, онъ не разъ обходить монастырь.
Бьюсь объ закладъ, что здѣсь пройти онъ долженъ.

РЭХА.

Да. Такъ и есть. Ты говорила съ нимъ?
Каковъ онъ нынче?

ДАЙА.

Какъ всегда.

НАТАНЪ.

Такъ станьте
Подальше, чтобъ не могъ онъ васъ замѣтить;
А лучше, если вы совсѣмъ уйдете.

РЭХА.

Еще хотъ разъ взглянуть! — Нѣтъ! у меня
Его опять укралъ заборъ...

ДАЙА.

Пойдемте!

Отецъ вашъ правъ: бѣда намъ, если онъ
Увидитъ васъ — сейчасъ назадъ вернется.

РЭХА.

Ахъ, Господи! — заборъ...

НАТАНЪ.

Но если рыцарь
Изъ-за него появится внезапно,
Такъ онъ не можетъ не увидѣть васъ.

ДАЙА.

Пойдемте-же! я знаю тамъ мѣстечко,
Гдѣ изъ окна мы ихъ увидимъ...

РЭХА.

Да?...

Объ входятъ въ домъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

НАТАНЪ, и вскорѣ потомъ ХРАМОВНИКЪ.

НАТАНЪ.

Почти страшитъ чудакъ — почти смущаетъ
Суровой добродѣтелью своей. —
И надо-жъ человѣку — человѣка
Въ такое затрудненіе приводить. —
Идетъ. — И юноша, а смотреть мужемъ!
Люблю я этотъ добрый, дерзкій взглядъ —
И смѣлый шагъ. — Подъ грубой скорлупою
Навѣрно не такое-же ядро.
Но гдѣ черты подобныя встрѣчалъ я? —
Простите, честный рыцарь...

ХРАМОВНИКЪ.

Что?

НАТАНЪ.

Позвольте...

ХРАМОВНИКЪ.

Въ чемъ дѣло, жидъ?

НАТАНЪ.

Осмѣлится мнѣ съ вами

Заговорить.

ХРАМОВНИКЪ.

Могу-ль я помѣшать?!

Но все-таки короче.

НАТАНЪ.

Извините —

И не спѣшите проходить такъ гордо,
 Съ такимъ презрѣньемъ мимо человѣка,
 Котораго къ себѣ вы привязали
 Навѣки.

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ? — Но чуть-ли я не понялъ:
 Вы...

НАТАНЪ.

Натаномъ зовутъ меня. — Мнѣ ваше
 Великодушье дочь спасло, — и я
 Пришелъ...

ХРАМОВНИКЪ.

Не съ благодарностью-ль? — Избавьте.

И такъ ужъ благодарности довольно
 Мнѣ выстрадать пришлось за этотъ вздоръ.
 Я ровно ничего для васъ не сдѣлалъ.
 Я и не зналъ, что вашу дочь спасалъ.
 Храмовникамъ ихъ долгъ велить бросаться
 На помощь всякому, кто призываетъ. —
 Притомъ-же въ ту минуту жизнь моя
 И безъ того была мнѣ слипшомъ въ тягость, —
 Я ухватился съ радостью за случай,
 Дававшій мнѣ возможность этой жизнью

Порисковать, чужую жизнь спасая —
Хотя-бы жизнь какой-нибудь жиловки! —

НАТАНЪ.

И отвратительно — и величаво! —
Я понимаю цѣль подобныхъ словъ:
За этой отвратительною рѣчью
Себя величье скромное скрываетъ,
Чтобъ удивленья избѣжать. — Но если
Ему противны жертвы удивленій,
Какая жертва въ немъ встрѣчаетъ меньше
Презрѣнья? — Рыцарь, я-бы не спросилъ
Такъ прямо, если-бъ не были вы плѣннымъ,
Чужимъ у насъ. — Скажите! — Прикажете,
Чѣмъ я могу служить вамъ? —

ХРАМОВНИКЪ.

Вы? — ничѣмъ.

НАТАНЪ.

Но я богатъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Ни разу жидъ богатый
Мнѣ не казался лучшимъ.

НАТАНЪ.

Развѣ это
Мѣшаетъ вамъ воспользоваться тѣмъ,
Что онъ имѣетъ лучшаго? — Богатствомъ
Его воспользоваться?

ХРАМОВНИКЪ.

Хорошо.

Объ этомъ я не стану много спорить, —
Не стану — ради моего плаща.
Когда онъ весь износится, не будетъ
Ни лоскутка надежнаго — пожалуй
Я къ вамъ приду занять сукна или денегъ,
Чтобъ новый спить. — Вы, впрочемъ, не печальтесь. —

Теперь пока вамъ нечего бояться:
Онъ далеко еще не истребался.
Вы видите — вѣдь онъ еще изряденъ.
Вотъ только скверное пятно въ углу,
Должно быть, прожжено, какъ на пожарѣ
Я несъ чрезъ пламя вашу дочь.

НАТАНЪ. — схвативши край плаща и рассматривая его.

Какъ странно,
Что этотъ опаленный край плаща,
Что гадкое пятно о человѣкѣ
Свидѣтельствуешь лучше, чѣмъ онъ самъ.
Позвольте мнѣ! — Пятно я поцѣлю! —
Простите! — это ненарочно.

ХРАМОВНИКЪ.

Что?

НАТАНЪ.

Слеза упала на него.

ХРАМОВНИКЪ.

Пустое! —
Одною каплей больше. — Про себя.
Этотъ жидъ
Меня въ смущенье, наконецъ, приводитъ.

НАТАНЪ.

О! если-бы вы были такъ добры
И въ дочери моей, хоть на минутку,
Прислали этотъ плащъ.

ХРАМОВНИКЪ.

На что онъ нуженъ?

НАТАНЪ.

Чтобъ и она могла прижать къ губамъ
Его пятно, когда ужъ такъ напрасно
Надѣется обнять у васъ болѣни.

ХРАМОВНИКЪ.

Но жидъ, — васъ Натаномъ зовутъ? — но, Натанъ,
Вы вашу рѣчь слагаете прекрасно,
Остро и ловко. — Я смущенъ. — Конечно...

НАТАНЪ.

Старайтесь притворяться, какъ угодно —
Я васъ и тутъ найду: — вы слишкомъ честны,
Добры, чтобъ вѣжливѣе быть. — Вы знали,
Какъ много чувства ожидать могли
Въ спасенной вами дѣвушкѣ, — какъ много
Готовности могли найти въ слугѣ;
Отецъ былъ далеко — и ваше имя
Отъ нареканья вы оберегали.
Боясь ее подвергнуть испытанью,
Боясь побѣды, вы бѣжали, рыцарь.
Спасибо вамъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я долженъ согласиться,
Что вамъ извѣстно, какъ обязанъ думать
Храмовникъ.

НАТАНЪ.

Все такъ, храмовникъ только!
И какъ обязанъ! — словно потому,
Что орденъ такъ велитъ ему. — Я знаю
Какъ думаетъ хорошій человѣкъ.
Я знаю, что повсюду можно встрѣтить
Людей хорошихъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Но съ различьемъ тоже,
Надѣюсь.

НАТАНЪ.

Да. — Съ различьемъ въ цвѣтѣ кожи,
Въ сложеніи, въ одеждѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

И при этомъ
Въ одной странѣ ихъ больше, чѣмъ въ другой.

НАТАНЪ.

Ну тутъ еще не велико различье. —
 Большому кораблю повсюду нужно
 Большое плаванье — и если много
 Большихъ деревьевъ близко насажать —
 Ихъ вѣтви стануть сохнуть и ломаться.
 Нѣтъ, по-просту, какъ мы, людей хорошихъ
 Во всѣхъ странахъ вы встрѣтите не мало. —
 Но только надо, чтобъ одинъ другого
 Не порицалъ, — чтобъ терпѣливо выросъ
 Корявый сукъ сносила, — чтобъ верхушка
 Не вздумала гордиться, что она
 Одна изъ-подъ земли не выростала.

ХРАМОВНИКЪ.

Прекрасно сказано. — Но вѣрно тоже
 Вы знаете, какой народъ впервые
 Сталъ порицать другіе; — вамъ извѣстно,
 Какой народъ впервые называлъ
 Себя народомъ избраннымъ у Бога.
 Чтожъ, — если къ этому народу я
 И не питаю ненависти? — если
 Я только удержаться не могу,
 Чтобъ гордость въ немъ не презирать? — Ту гордость,
 Которую онъ передалъ въ наслѣдство
 Какъ мусульманамъ, такъ и христіанамъ: —
 Что только Бога, признаннаго ими,
 Обязанъ всякій истиннымъ считать!?
 Вы удивляетесь, что я — храмовникъ,
 Я — христіанинъ — говорю вамъ это?
 Когда-жъ и гдѣ въ такомъ ужасномъ видѣ,
 Какъ здѣсь, какъ въ наше время, проявлялось
 Благочестивое безумство — думать,
 Что Бога лучшаго мы почитаемъ —
 И потому навязывать его,
 Какъ лучшаго, насильно, всей вселенной.
 Кто здѣсь? Кто въ наше время видитъ ясно?
 Но будь слѣпымъ кто хочетъ — позабудьте
 Мои слова! — Оставьте вы меня....

Хочетъ идти.

НАТАНЪ.

А! — вы не знаете насколько крѣпче
 Меня теперь къ себѣ вы привязали.
 Постойте! — Мы должны друзьями быть.
 Народъ мой презирайте, какъ хотите:
 Не мы себѣ народъ свой выбирали
 И мы еще народъ не составляемъ.
 Да что народъ? — Вѣдь люди остаются
 Людьми и въ христіанствѣ, и въ еврействѣ.
 Ахъ! — Еслибы мнѣ въ васъ пришлось найти
 Хотя однимъ бы человѣкомъ больше,
 Которому довольно и того,
 Что носить онъ названье человѣка.

ХРАМОВНИКЪ.

Да! видите Богъ, что вы нашли такого.
 Да, Натанъ, вашу руку! — я стыжусь,
 Что на мгновенье могъ въ васъ ошибаться.

НАТАНЪ.

Мнѣ это льститъ. — Вѣдь рѣдко ошибешься
 Въ обыкновенномъ только.

ХРАМОВНИКЪ.

И не скоро
 Забудешь рѣдкое. — Вы правы, Натанъ,
 Должны мы быть друзьями.

НАТАНЪ.

Мы друзья.
 Какъ рада будетъ Рѣха — и какую
 Я будущность прекрасную предвижу.
 Узнайте только дочь мою!

ХРАМОВНИКЪ.

Объ этомъ
 Я съ нетерпѣньемъ думаю. — Но кто-то
 Выходитъ изъ дому у васъ. — Не Дайа?

НАТАНЪ.

Она. — Какъ робко!

ХРАМОВНИКЪ.

Можетъ, съ нашей Рэхой
 Случилось что-нибудь....

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и ДАЙА — входятъ послѣдно.

ДАЙА.

Ахъ! Натанъ!

НАТАНЪ.

Ну?

ДАЙА.

Простите, честный рыцарь, что должна я
 Прервать васъ....

НАТАНЪ.

Что тамъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Что случилось, Дайа?

ДАЙА.

Султанъ прислалъ, — султанъ къ себѣ зоветъ васъ.
 Ахъ, Господи! — султанъ!

НАТАНЪ.

Меня? — султанъ?

Онъ вѣрно привезенныя новинки
 Желаетъ посмотрѣть. — Поди, скажи,
 Что мы еще товаръ не разбирали.

ДАЙА.

Нѣтъ, нѣтъ! Онъ ничего не хочетъ видѣть —

Ему угодно съ вами говорить, —
И лично съ вами, и скорѣй — какъ можно.

НАТАНЪ.

Сейчасъ приду. — Ступай.

ДАЙА.

Ужъ вы
На насъ не прогнѣвайтесь, храбрый рыцарь.
Ахъ, Господи, мы всѣ въ такой тревогѣ —
На чтò султанъ васъ можетъ звать?

НАТАНЪ.

Увидимъ.

Ступай!

ЯВЛЕНІЕ VII.

НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ вы не знаете его?
Я разумѣю: лично.

НАТАНЪ.

Саладина? —

Я не искалъ, хотъ и не избѣгалъ
Знакомства съ нимъ. — Молва объ немъ такъ много
Хорошаго твердить, что лучше вѣрить
Чѣмъ видѣть. — Но теперь, когда бы даже
Неправду говорили, такъ одна
Пощада вашей жизни....

ХРАМОВНИКЪ.

Правду! — правду! —
Навѣрно. — Жизнь моя — его подарокъ...

НАТАНЪ.

Которымъ вдвое, втрое жизнь и мнѣ

Онъ подарилъ, — и это между нами
 Мѣняетъ все, накинulo мнѣ петлю,
 Которой вѣчно буду я отнынѣ
 Къ нему привязанъ. — Съ нетерпѣньемъ жду
 Я первыхъ приказаній Саладина.
 Я ко всему готовъ! — Готовъ сознаться,
 Что ради васъ ему настолько преданъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я самъ, хотъ и не рѣдко съ нимъ встрѣчался,
 Еще не могъ его благодарить.
 Мгновенно произвелъ я впечатлѣнье —
 И вновь оно мгновенно миновало.
 Кто знаетъ, помнитъ-ли онъ обо мнѣ,
 А все-таки еще придется вспомнить
 Хотъ разъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ рѣшить
 Мою судьбу. Вѣдь мало, что живу я
 По волѣ, по приказу Саладина,
 Въ его рукахъ вся будущность моя.

НАТАНЪ.

Не иначе! — Тѣмъ больше, я спѣшу.
 Быть можетъ, выдастся еще словечко —
 И мы заговоримъ объ васъ. Прощайте.
 Позвольте мнѣ, — я тороплюсь къ нему.
 Когда же у себя мы васъ увидимъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Когда позволите.

НАТАНЪ.

Когда хотите.

ХРАМОВНИКЪ.

Сегодня.

НАТАНЪ.

Ваше имя?

ХРАМОВНИКЪ.

Было прежде —

Меня зовутъ — фонъ-Штауфенъ, Курдъ фонъ-Штауфенъ.

НАТАНЪ.

Фонъ-Штауфенъ? — Штауфенъ!...

ХРАМОВНИКЪ.

Чтожь васъ удивляетъ?

НАТАНЪ.

Фонъ-Штауфенъ? — такъ! — изъ вашего семейства
Ужь многіе....

ХРАМОВНИКЪ.

Бывали здѣсь? — Еще бы!

Останки многихъ догниваютъ здѣсь.
Мой дядя даже, то-есть нѣтъ — отецъ мой,
Хотѣлось мнѣ сказать.... Но отчего
Вы на меня такъ пристально глядите?

НАТАНЪ.

О! — ничего! могу ли я на васъ
Довольно наглядѣться.

ХРАМОВНИКЪ.

Потому-то
Я первый оставляю васъ. — Нерѣдко
Взглядъ испытующій находить больше,
Чѣмъ хочетъ, — я таки его боюсь.
Пускай же насъ не любопытство, Натанъ,
А время понемногу познакомить.
Уходить.

НАТАНЪ — изумленный глядитъ ему вслѣдъ.

«Взглядъ испытующій находить больше,
Чѣмъ хочетъ». — Словно мысль мою прочелъ....
Да, это можетъ и со мной случиться.
Не только ростъ, походка, — голосъ Вольфа.
Точь-въ-точь какъ Вольфъ, онъ носитъ мечъ у локтя.
Какъ Вольфъ рукой проводить по бровямъ,
Скрывая жгучій взглядъ. Какъ Вольфъ, бывало,
Завидываетъ голову назадъ. —
Такъ иногда сповойно дремлютъ въ насъ

Когда-то сердцу близкія картины,
 Показѣсть слово, звукъ какой-нибудь
 Ихъ не разбудить. Штауфенъ — да! — конечно,
 Фонъ-Фильнекъ и фонъ-Штауфенъ — да! — Я скоро
 Подробнѣе узнаю это все....
 Но прежде къ Саладину. — Кто тамъ? — Дайа —
 Зачѣмъ-то снова крадется. Иди!...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДАЙА, НАТАНЪ.

НАТАНЪ.

Ну что? — Опять сердца въ васъ истомились
 Желаньемъ знать, но не объ томъ, что нужно
 Султану.

ДАЙА.

Какъ винить ее за это?
 Вы только-что довѣрчивѣе стали
 Съ нимъ разговаривать, какъ насъ пугнуло
 Посланіе султана отъ окна.

НАТАНЪ.

Ты ей скажи, чтобъ каждую минуту
 Она ждала его.

ДАЙА.

Навѣрно?

НАТАНЪ.

Дайа, —

Могу ли на тебя я положиться?
 Прошу тебя, будь осторожна съ нимъ.
 Ты въ этомъ не раскаешься, — и даже
 Сведешь ты счеты съ совѣстью своей.
 Смотри же, только планъ мой не испорти.
 Въ разказахъ и разспросахъ будь скромна,
 Умѣренна.

ДАЙА.

Нашли что поминать!
Иду. И вы ступайте. Вонъ, глядите:
Не къ вамъ ли снова посланный султана,
Ал-Гафи вашъ?

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

НАТАНЪ, АЛ-ГАФИ.

АЛ-ГАФИ.

А я шелъ къ вамъ опять.

НАТАНЪ.

Такъ дѣло спѣшное? Чего онъ хочетъ?

АЛ-ГАФИ.

Кто?

НАТАНЪ.

Саладинъ. Иду, иду.

АЛ-ГАФИ.

Куда?

Къ султану?

НАТАНЪ.

Развѣ ты ко мнѣ не присланъ
Султаномъ?

АЛ-ГАФИ.

Нѣтъ. Такъ онъ ужъ прислалъ?

НАТАНЪ.

Конечно.

АЛ-ГАФИ.

Ну, понятно.

НАТАНЪ.

Что понятно?

АЛ-ГАФИ.

Но видить Богъ, что я не виновать.
Чего, чего про васъ не говорилъ я,
Чего не лгалъ, чтобъ только отклонить.

НАТАНЪ.

Что отклонить?

АЛ-ГАФИ.

Онъ васъ теперь назначить
Своимъ казначеи. Мнѣ жаль васъ,
Но видѣть этого я не намѣренъ,
И уйду сейчасъ же. А куда?
Вы слышали — дорога вамъ известна.
Не нужно-ль, по пути, послать со мною
Чего-нибудь? Скажите, — я въ услугамъ.
Конечно, только что голякъ тащить
Съ собою можетъ. Говорите живо.
Я уйду.

НАТАНЪ.

Ал-Гафи, образумься.
Вѣдь я еще не знаю ничего.
О чемъ ты говоришь?

АЛ-ГАФИ.

Вы ихъ возьмете
Съ собой сейчасъ, мѣшки?

НАТАНЪ.

Мѣшки?

АЛ-ГАФИ.

Ну, деньги,
Которыя дадите въ долгъ султану.

НАТАНЪ.

И только?

АЛ-ГАФИ.

Мнѣ смотрѣть, какъ онъ день-за-день
Васъ до послѣдней нитки обереть?
Какъ занимать, и занимать онъ будетъ
На мотовство, покамѣстъ даже мыши
Не околѣютъ съ голоду въ амбарахъ,
Гдѣ много добраго всегда хранилось
На милосердье мудрое? Пойдите!
Вы, можетъ быть, себѣ вообразили,
Что тотъ, кто золото у васъ беретъ,
Послѣдуетъ и вашему совѣту? —
Совѣту? онъ? Когда же Саладинъ
Совѣта слушалъ? Знаете ли, Натанъ,
Что только-что онъ сдѣлалъ?

НАТАНЪ.

Ну?

АЛ-ГАФИ.

Къ нему

Являюсь я. А до меня съ сестрою
Онъ въ шахматы игралъ. Она умѣетъ
Порядочно играть. Еще стояла
Игра неконченною на доскѣ;
Но онъ рѣшилъ, что выиграла Зитта.
Гляжу: ну, нѣтъ! Еще игру далеко
Нельзя назвать проигранною.

НАТАНЪ.

Ба!

Да это для тебя была находка.

АЛ-ГАФИ.

Онъ долженъ былъ, подвинувъ короля,
Прикрыться пѣшкой. Еслибъ можно было
Вамъ показать....

НАТАНЪ.

О! я и такъ повѣрю....

АЛ-ГАФИ.

Таеъ открывалъ онъ ходъ слону, и Зитта
Погибла бы навѣрно. Я хотѣлъ ужъ
Ему все это ясно довазать.
Зову его — и что-жъ?

НАТАНЪ.

Онъ не согласенъ?

АЛ-ГАФИ.

Онъ и не слушаетъ. Онъ опровинулъ
Презрительно всѣ шашки.

НАТАНЪ.

Быть не можетъ!

АЛ-ГАФИ.

Сказалъ: «Мнѣ мать — я таеъ хочу!» Онъ хочетъ!
Что-жъ это за игра?

НАТАНЪ.

Игра игрою.

АЛ-ГАФИ.

Во всякомъ случаѣ, игра такая
И скорлупы орѣховой не стоитъ.

НАТАНЪ.

Грѣхъ не великъ, что деньгами сорить онъ,
Но что тебя не выслушалъ, — что въ дѣлѣ
Подобной важности не слушалъ вовсе,
Что твой орлиный взглядъ не оцѣнилъ, —
За это онъ достоинъ мщенья. Таеъ ли?

АЛ-ГАФИ.

Ахъ, что?! Я говорю вамъ это только,
Чтобъ знали вы, что онъ за голова.

Ну, словомъ, жизнь мнѣ съ нимъ невыносима.
 Вотъ, шлюсь я ко всякимъ грязнымъ маврамъ
 И ихъ прошу, не дасть ли кто взаймы.
 Я! — я, который для себя ни разу
 Руки не протянулъ за подаяньемъ, —
 Я для другихъ обязанъ занимать.
 А, право, занимать не многимъ лучше
 Выпрашиванья милостыни; такъ же,
 Какъ въ долгъ давать, съ расчетомъ на проценты,
 Не многимъ лучше, чѣмъ украсть. У Ганга
 Все это чуждо мнѣ. Тамъ я не долженъ
 Служить орудіемъ такимъ продѣлкамъ,
 И только тамъ людей встрѣчаешь. Здѣсь же
 Изъ всѣхъ, кого я знаю, вы одни
 Достойны жить у Ганга. Не хотите-ль?
 Пойдемте вмѣстѣ. Бросьте вы ему
 Весь этотъ хламъ, которымъ онъ такъ занятъ.
 Вѣдь понемногу все отниметъ — все!
 А такъ вы, по крайней мѣрѣ, разомъ
 Отъ всѣхъ хлопотъ избавитесь. Пойдемте,
 Я васъ одѣну дервишемъ.

НАТАНЪ.

Я думалъ,
 Что это сдѣлать мы всегда успѣемъ.
 Но все-таки я поразмыслю, Гафи.
 Постой....

АЛ-ГАФИ.

Въ такихъ дѣлахъ не размышляютъ.

НАТАНЪ.

Дай мнѣ сходить къ султану. Дай проститься.

АЛ-ГАФИ.

Кто хочетъ размышлять, тотъ ищетъ поводъ,
 Чтобъ не посмѣть рѣшиться. Кто не можетъ
 Рѣшиться разомъ жить, какъ хочетъ самъ,
 Тотъ будетъ вѣчно жить рабомъ другого.
 Какъ знаете! Ну, будьте же счастливы,
 Пока вамъ это кажется возможнымъ.
 Моя дорога тамъ, а ваша — здѣсь.

НАТАНЪ.

Вѣдь ты сперва провѣрить счета долженъ?

АЛ-ГАФИ.

Эхъ! Пустяки. Не стоитъ и считать
Остатокъ кассы. А что счета вѣрны —
Въ томъ вы поручитесь; не вы, такъ Зитта.
Желаю счастья вамъ.

Уходить.

НАТАНЪ.

Я поручусь.

Ты! — дикій, добрый, честный, — какъ назвать мнѣ
Его?! Да, только настоящій нищій
Единственный и настоящій царь!

Уходить въ другую комнату.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ домѣ Натана.

РЭХА и ДАЙА.

РЭХА.

Какъ, Дайа, какъ сказалъ тебѣ отецъ мой:
«Чтобъ каждую минуту ждать его?» —
Вѣдь это значить, что придетъ онъ скоро;
А между тѣмъ, ужъ множество минутъ
Прошло! Пускай! что думать о прошедшемъ?
Нѣтъ, лучше каждой будущей минутой
Я стану жить; придетъ-таки одна —
И принесетъ его.

ДАЙА.

Ужъ это, право,
Проклятое посольство! — не оно бы,
Такъ Натанъ непременно бы теперь же
Привелъ его съ собою.

РѢХА.

Но когда
Минута эта, наконецъ, наступить...
Когда исполнится мое желанье
Горячее, сильнѣйшее изъ всѣхъ, —
Тогда-то что же?

ДАЙ А.

Что тогда? Надѣюсь,
Тогда исполнится и то, что я
Желаю горячо.

РѢХА.

Я такъ привыкла
Имѣть одно, сильнѣйшее желанье.
Когда его не будетъ, что-жь тогда
Его замѣнить мнѣ? Ничто? Мнѣ страшно.

ДАЙ А.

Мое желанье, слышишь ли, мое
Заступить мѣсто прежняго: желанье —
Въ Европѣ увидать тебя, въ рукахъ
Тебя достойныхъ.

РѢХА.

Нѣтъ, ты въ заблужденъи.
Не то же-ль самое, что заставляетъ
Тебя мечтать объ этомъ, не допустить,
Чтобъ и мои желанья были тѣ же?
Тебя манить на родину твою,
А я свою безъ сожалѣнья брошу?
Картины твоего воспоминанья
Должны сильнѣе дѣйствовать, чѣмъ то,
Что я могу сама здѣсь видѣть, слышать,
И осязать....

ДАЙ А.

Упорствуй сколько хочешь.
Господень путь — есть путь Господень. Что же,
Коль рыцарь твой у Бога своего,
У Бога, за котораго онъ бьется,
На то и выбранъ именно, чтобъ имъ

Ты свезена была въ инныя страны,
Къ народамъ, для которыхъ родилась? —

РѢХА.

Ну что ты мнѣ опять болтаешь? Право —
Вѣдь у тебя престранныя понятія:
У Бога своего! — какой-же Богъ,
Ему лишь одному принадлежащій, —
И — за котораго онъ бьется! — Дайа!
Какому Богу нужно, чтобы люди
Изъ-за него другъ друга убивали? —
И почему мы знаемъ, для какого
Клочка земли мы рождены на свѣтъ,
Когда не для того, гдѣ мы родились?
Ну если-бы отецъ мой это слышалъ?
Что сдѣлалъ онъ тебѣ? — Зачѣмъ всегда
Какъ можно дальше отъ него ты ищешь
Мнѣ счастья? — Что тебѣ онъ сдѣлалъ, Дайа,
Что ты мѣшаешь съ сорною травой —
Съ цвѣтами родины твоей любезной —
То сѣмя разума, которымъ въ душу
Такъ чисто сѣялъ мнѣ отецъ мой? Дайа,
Дружокъ ты мой, онъ наконецъ не хочетъ,
Чтобъ пестрые цвѣты твои росли
На почвѣ моего разсудка. — Знаешь,
И я сама должна тебѣ признаться,
Что хоть они блестящи и красивы,
Но истощаютъ силы молодыя —
И запахъ ихъ удушливъ и тяжелъ.
Твой мозгъ къ нимъ болѣе привыченъ, Дайа. —
И этимъ я не осуждаю нерв
Которыя выносятъ этотъ запахъ;
Но только онъ меня-то одуряетъ.
Вотъ, напримѣръ, хотъ давича — твой ангель!
Какой было меня онъ глупой сдѣлалъ!
Я этой глупости и до сихъ поръ
Стыжусь передъ отцемъ.

ДАЙА.

Гм! — глупость! — Словно
Встрѣчаешь умныхъ только въ здѣшнемъ домѣ.
О! — если-бы я смѣла говорить.

РЭХА.

А развѣ ты не смѣешь? — Но когда-жъ я
 Не слушала со всѣмъ вниманьемъ все,
 Что ты мнѣ говорила о герояхъ
 Твоей религiи? И развѣ я
 Не удивлялась ихъ дѣламъ и жизни?
 Не плакала объ ихъ тяжелыхъ мукахъ?
 Въ нихъ, правда, наиболѣе геройскимъ
 Считала я не вѣру; но тѣмъ больше
 Мнѣ было утѣшительно ученье:
 Что не зависитъ отъ мечтанiй нашихъ
 О Богѣ — наша преданность ему.
 Какъ часто намъ говаривалъ объ этомъ
 Отецъ мой, и сама ты, Дайа, часто
 Съ нимъ соглашалась, такъ зачѣмъ-же снова
 Стараешься разрушить, что бывало
 Съ нимъ вмѣстѣ строила? — Мы не должны-бы
 Объ этомъ спорить въ ожиданьи друга. —
 А впрочемъ, для меня оно и встати:
 Какъ безконечно-бы хотѣлось мнѣ,
 Чтобъ то-же онъ... Чу! слышала ты, Дайа?
 Къ намъ, кажется, вошли? — Ахъ! еслибъ это
 Былъ онъ!..

ЯВЛЕНIЕ II.

РЭХА, ДАЙА и ХРАМОВНИКЪ, которому кто-то отворилъ дверь, говоря:

Войдите.

РЭХА, вздрагиваетъ, но сдерживаетъ себя и
хочетъ упасть передъ нимъ на колѣни.

Онъ! — О мой спаситель!

ХРАМОВНИКЪ.

Чтобъ этого избѣгнуть, медлилъ я
 Сюда идти — и все-таки...

РЭХА.

Простите.

Я передъ этимъ гордымъ человѣкомъ —
 У ногъ его, хочу еще хоть разъ

Благодарить, но не его, а Бога.
 Онъ благодарности моей не приметъ,
 Какъ и ведро, работавшее то-же
 И съ пользой, и усердно, на пожарѣ.
 Налъютъ его водой — и выльютъ снова —
 Оно того не чувствуетъ. — Онъ тоже
 Случайно только брошенъ былъ въ огонь.
 Потомъ къ нему я на руки попала,
 Какъ искра налетѣвшая на плащъ, —
 И, наконецъ, не знаю что оттуда
 Обоихъ вмѣстѣ выбросило насъ. —
 За что-же тутъ благодарить? — Въ Европѣ
 Иной разъ, подъ вліяніемъ вина,
 И не такіе подвиги творятся;
 Храмовники должны такъ поступать,
 Должны — какъ тѣ ученые собаки,
 Которыя и отъ огня спасаютъ
 И изъ воды выносятъ.

ХРАМОВНИКЪ — который все время глядѣлъ на Рэху съ
 удивленіемъ и безпокойствомъ.

Дайа, Дайа!

Я знаю, что тебя я оскорблялъ
 Въ минуту раздраженія и горя;
 Но для чего-же ей передавать
 Всѣ глупости, которыя срывались
 Въ то время съ языка? — Вѣдь это значитъ,
 Что слишкомъ зло ты мстила за обиду. —
 Быть можетъ, Дайа, ты теперь словечко
 Замолвишь за меня.

ДАЙА.

Мой добрый рыцарь,
 Не думаю, чтобъ колеость вашихъ словъ,
 Затронувши сердечко Рэхы, сильно
 Вамъ повредило въ немъ.

РЭХА.

Вы были въ горѣ?
 И вашимъ горемъ вы скупились больше,
 Чѣмъ вашей жизнью.

ХРАМОВНИКЪ.

Доброе дитя!

Моя душа двоится передъ вами:

Смотрѣть-ли мнѣ, или слушать, самъ не знаю.

Нѣтъ, нѣтъ! не эту дѣвочку я вынесъ

Изъ пламени! Кто сталь-бы ждать меня?

Кто могъ-бы знать ее — и въ тоже время

Не броситься въ огонь ее спасти? —

Но, впрочемъ, страхъ мѣняетъ человѣка.

Молчаніе. Онъ какъ-бы забывается любясь ею.

РѢХА.

А я васъ пахожу еще все тѣмъ-же.

Опять молчаніе, которое она прерываетъ, чтобъ прекратить его задумчивое созерцаніе.

Ну, расскажите, рыцарь, гдѣ вы были

Такъ долго? — Я почти могу спросить:

Теперь - то гдѣ вы?

ХРАМОВНИКЪ.

Тамъ, — гдѣ, можетъ статься,

Не слѣдуетъ мнѣ быть.

РѢХА.

А гдѣ вы были?

Опять гдѣ вамъ не слѣдовало быть? —

Не хорошо.

ХРАМОВНИКЪ.

Я былъ на той горѣ...

Ну, какъ бишь — на Синаѣ.

РѢХА.

На Синаѣ?

Прекрасно. — Наконецъ, я достовѣрно
Узнаю...

ХРАМОВНИКЪ.

Что? — Дѣйствительно-ли видно

То мѣсто, гдѣ когда-то Моисей

Стоялъ предъ Богомъ?...

РѢХА.

Только ужъ не это. —
 Гдѣ онъ стоялъ, тамъ онъ стоялъ предъ Богомъ, —
 И этого съ меня вполне довольно. —
 Нѣтъ. Правда-ли, хотѣла я спросить,
 Что будто-бы всходить на эту гору
 Гораздо легче, чѣмъ съ нее сходить? —
 Что до меня — мнѣ сколько ни случалось
 Взбираться на горы — всегда бывало
 Наоборотъ. — Ну, рыцарь? — Что? — Зачѣмъ-же
 Вы отвернулись? — На меня глядѣть
 Вы не хотите.

ХРАМОВНИКЪ.

Я хочу васъ слушать.

РѢХА.

Вы не хотите дать замѣтить мнѣ,
 Что простотѣ моей вы улыбнулись, —
 Что вамъ забавно — какъ про эту гору, —
 Святѣйшую изъ горъ, — я не съумѣла
 Спросить чего-нибудь важнѣй? — не такъ-ли?

ХРАМОВНИКЪ.

Совсѣмъ не то! Опять вамъ буду прямо
 Глядѣть въ глаза. Что? — вы ихъ опустили?
 Теперь ужъ *вы* хотите скрыть улыбку! —
 Но для чего я отыскать стараюсь
 Въ неясномъ выраженіи лица,
 Что я такъ внятно слышу — что вы молча
 Мнѣ сами высказали. — Рѣха! Рѣха!
 Какую правду онъ сказалъ: «узнайте
 Ее — узнайте только»!

РѢХА.

Кто сказалъ вамъ? —

И про кого?

ХРАМОВНИКЪ.

«Узнайте дочь мою!» —
 Мнѣ говорилъ про васъ отецъ вашъ.

ДАЙА.

Развѣ

Не то же говорила вамъ и я?

ХРАМОВНИКЪ.

Но гдѣ же онъ? отецъ вашъ. — Неужели
Онъ у султана до сихъ поръ?

РЭХА.

Конечно.

ХРАМОВНИКЪ.

Все тамъ еще? — Нѣтъ, нѣтъ! Какъ я забывчивъ! —
Онъ врядъ-ли тамъ. Онъ вѣрно ждетъ меня
Внизу — у монастырскихъ стѣнъ. — Мы въ этомъ,
Какъ помнится, условились. — Его
Я приведу. Позвольте...

ДАЙА.

Это дѣло

Мое. — Оставайтесь, рыцарь; — я сейчасъ
За нимъ схожу.

ХРАМОВНИКЪ.

Меня онъ хочетъ видѣть —
Не васъ. — Притомъ — кто знаетъ? — онъ легко
Могъ у султана — могъ легко смутиться. —
Вѣдь вы не знаете султана. — Вѣрьте,
Тутъ есть опасность. — Мнѣ необходимо
Идти.

РЭХА.

Опасность?

ХРАМОВНИКЪ.

Для меня! — Для васъ!

И для него опасность, — если тотчасъ
Я не уйду.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ III.

РЭХА и ДАЙА.

РЭХА.

Такъ скоро! — Дайа, — что-же
Все это значить? Что его сразило?
Что выгнало его?

ДАЙА.

Пускай себѣ;
Я думаю, что это знакъ хорошій.

РЭХА.

Какой же?

ДАЙА.

Кое-что въ немъ происходитъ:
Оно внутри кипитъ — и не должно
Перекипѣть. Пускай! — за вами дѣло.

РЭХА.

За мной? — и ты становишься, какъ онъ,
Мнѣ непонятной.

ДАЙА.

Скоро можно будетъ
Вамъ поплатиться съ нимъ за безпокойство,
Которымъ онъ васъ мучилъ. — Только вы
Не будьте слишкомъ мстительны и строги.

РЭХА.

Ну, понимай сама, о чемъ болтаешь.

ДАЙА.

Такъ вы опять совсѣмъ спокойны?

РЭХА.

Да. —

Да, я спокойна.

ДАЙА.

Но, по крайней мѣрѣ,
Сознайтесь: вамъ пріятно видѣть въ немъ
Такое безпокойство? И спокойны
Вы оттого, что не спокоенъ онъ.

РЭХА.

Мнѣ это совершенно непонятно.
Одно еще, въ чемъ я могу сознаться,
Такъ это въ томъ, что я сама дивлюсь,
Какъ, тотчасъ послѣ бурнаго волненья,
Мнѣ стало вдругъ такъ тихо и отрадно.—
Его слова, его пріятный взглядъ
Меня....

ДАЙА.

Пресытили?

РЭХА.

О, нѣтъ, конечно,
Нѣтъ, далеко не то.

ДАЙА.

Такъ первый голодъ
Поутолили?

РЭХА.

Если хочешь — да!

ДАЙА.

Ну, я не то хочу.

РЭХА.

Онъ вѣчно будетъ
Мнѣ дорогъ; онъ останется мнѣ вѣчно
Дороже жизни; хотъ теперь ужъ больше
При имени его не бьется сердце
Во мнѣ сильнѣе. Не вздыхаю грустно,
Когда задумаюсь объ немъ. Да что я
Болтаю.... Дайа, милая, пойдемъ
Опять къ окну, гдѣ можно видѣть пальмы.

ДАЙ А.

Таѣъ, стало быть, еще и первый голодъ
Не заморенъ?

РЭХА.

Теперь и пальмы тоже
Я буду видѣть, — а не одного
Ею подъ пальмами.

ДАЙ А.

Холодность эта
Ведетъ къ началу новой лихорадки.

РЭХА.

Холодность?! — я не холодна; и право
Не съ меньшимъ наслажденьемъ вижу то,
На что могу смотрѣть я безъ волненья.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Аудіенцъ-зала во дворцѣ Саладина.

САЛАДИНЪ и ЗИТТА.

САЛАДИНЪ — входя, говоритъ въ дверь.

Когда придетъ еврей, его сейчасъ же
Ввести сюда. Какъ видно, не привыкъ
Онъ торопиться.

ЗИТТА.

Вѣрно, не былъ дома,
И скоро не могли его найти.

САЛАДИНЪ.

Сестра! сестра!

ЗИТТА.

Ты, право, словно къ битвѣ
Готовишься.

САЛАДИНЪ.

Притомъ, такимъ оружіемъ,
Которымъ и владѣть я не умѣю:
Я долженъ сѣть разставить, притворяться,
Обманывать, лукавить. Гдѣ же мнѣ
Все это знать? — и для чего все это?
Чтобъ деньги выудить, чтобъ деньги страхомъ
Сорвать съ жида. Неужли, наконецъ,
Мнѣ мелочною хитростью придется
Добыть мельчайшую изъ мелочей?

ЗИТТА.

И мелочью пренебрегать не надо,
Иль худо можетъ быть.

САЛАДИНЪ.

Къ несчастью, да!
А если этотъ жидъ и въ самомъ дѣлѣ
Хорошій и разумный человѣкъ,
Какъ прежде говорилъ о немъ Ал-Гафи?

ЗИТТА.

Что нужды въ томъ? Вѣдь западню разставишь
Ты только для жида, который скупъ,
И боязливъ, и недовѣрчивъ. Если-жъ
Онъ точно добрый, мудрый человѣкъ,
Такъ нашимъ будетъ онъ и безъ обмана.
При этомъ ты еще себѣ въ добавокъ
Доставишь удовольствіе — узнать:
Какъ смѣло, какъ разумно онъ отвѣтитъ;
Какъ сѣть твою онъ разомъ перерветъ,
Иль осторожно обойдетъ опасность.

САЛАДИНЪ.

Да, да! Я буду радъ его послушать.

ЗИТТА.

Такъ больше вѣдь и нечѣмъ затрудняться;
Ужъ вѣрно, если онъ одинъ изъ многихъ, —

И только жидъ, какъ жидъ — не станешь ты
 Стыдиться, что ему такимъ являлся,
 Какими всѣхъ считаетъ онъ. И больше:
 Кто захотѣлъ бы лучшимъ показаться —
 Ему казаться будетъ вздорнымъ, глупымъ.

САЛАДИНЪ.

По твоему, чтобъ человекъ дурной
 Не думалъ дурно обо мнѣ, и самъ я
 Обязанъ дурно поступать.

ЗИТТА.

Пожалуй,
 Когда считаешь ты дурнымъ поступкомъ —
 Умѣнье пользоваться всякой вещью,
 Сообразуясь съ ней.

САЛАДИНЪ.

Когда-жъ бывало,
 Чтобъ женскій мозгъ свое изобрѣтенъе
 Да разукрасить не сумѣлъ?

ЗИТТА.

Украсить?

САЛАДИНЪ.

Боюсь я, эта тонкая вещица, —
 Съ моей неловкостью, въ моей рукѣ —
 Какъ разъ сломиться можетъ. Тутъ бы нужно
 И дѣйствовать, какъ выдуманно было:
 Хитро и ловко. — Ну! пускай себѣ!
 Я пропляшу, какъ знаю. Хоть, конечно,
 Я радъ бы лучше дурно проплясать,
 Чѣмъ хорошо.

ЗИТТА.

Не будь такъ недовѣрчивъ
 Къ себѣ. И если только ты захочешь —
 Ручаюсь за тебя. Но это страсть
 Людей тебѣ подобныхъ: увѣрять насъ,

Что до всего они добились только
Однимъ мечемъ. Хоть льву, конечно, стыдно
Гоняться за лисицей; — но лисицы
Стыдятся онъ: не хитрости ея.

САЛАДИНЪ.

И вотъ какъ любить женщина понизить
Мужчину въ уровень съ собой. Ступай.
Я думаю, что выполнить съумѣю
Урокъ свой.

ЗИТТА. .

Мнѣ уйти?

САЛАДИНЪ.

А ты хотѣла

Остаться здѣсь?

ЗИТТА.

Ну, хоть не здѣсь, но рядомъ,
Въ сосѣдней комнатѣ.

САЛАДИНЪ.

Подслушать? — нѣтъ.

И тамъ нельзя сестра; чтобъ не мѣшать мнѣ,
Ступай, ступай! мнѣ слышатся шаги. —
Но не подслушивать, я все увижу.

Въ то время, какъ Зитта выходитъ въ одну дверь, вхо-
дитъ Натанъ въ другую, и Саладинъ садится.

ЯВЛЕНИЕ V.

САЛАДИНЪ и НАТАНЪ.

САЛАДИНЪ.

Смѣлѣе, жидъ! смѣлѣе подходи
Сюда поближе! — ближе. Безъ боязни.

НАТАНЪ.

Внушай ее врагу.

САЛАДИНЪ.

Ты Натанъ?

НАТАНЪ.

Да.

САЛАДИНЪ.

И Натанъ мудрый?

НАТАНЪ.

Нѣтъ.

САЛАДИНЪ.

Я понимаю,
Что самъ себя ты такъ не называешь;
Но твой народъ.

НАТАНЪ.

Да, можетъ быть, народъ.

САЛАДИНЪ.

Не думай, что съ презрѣньемъ говорю я
О голосѣ народа. Мнѣ давно ужъ
Хотѣлось знать того, кому народъ
Даетъ, названье мудраго.

НАТАНЪ.

А если
Я прозванъ такъ въ насмѣшку? если мудрый,
Въ устахъ народа, значить только — умный?
А умный тотъ, кто выгоду свою
Умѣетъ соблюдать?

САЛАДИНЪ.

Предполагая
Тутъ истинную выгоду.

НАТАНЪ.

Тогда

Своекорыстный всѣхъ умнѣй; а мудрость
И умъ — одно и то же.

САЛАДИНЪ.

Этимъ ты
Доказываешь то, что опровергнуть
Стараешься: — народу неизвѣстно,
Въ чемъ истинная выгода людей;
Но ты узналъ ее; — по крайней мѣрѣ,
Узнать старался, размышлялъ. За это
Одно — ты вправѣ называться мудрымъ...

НАТАНЪ.

Какимъ себя считаетъ всякій.

САЛАДИНЪ.

Полно.
Противна мнѣ уклончивая скромность.
Простой и здравый смыслъ мнѣ нуженъ. Къ дѣлу.
Но только искреннимъ ты долженъ быть,
И искреннимъ исполнѣ.

Встаетъ.

НАТАНЪ.

Я постараюсь
Тебѣ настолько услужить, что буду
И впредь достоинъ твоего знакомства.

САЛАДИНЪ.

Какъ услужить?

НАТАНЪ.

Ты отъ меня получишь
Все лучшее и по дешевымъ цѣнамъ.

САЛАДИНЪ.

Про что ты говоришь? Не про товаръ ли?
Съ моей сестрой ты будешь торговаться.

Про себя.

Пускай подслушаетъ.

А мнѣ купецъ

Не нуженъ.

НАТАНЪ.

Такъ навѣрно ты хотѣлъ бы
Развѣдать, что въ дорогѣ я подмѣтилъ
Насчетъ враговъ твоихъ? Они опять
Повсюду поднялись. Сказать по правдѣ...

САЛАДИНЪ.

И не туда къ тебѣ я пробираюсь.
Я знаю все, что знать мнѣ нужно. Словомъ....

НАТАНЪ.

Приказывай, султанъ.

САЛАДИНЪ.

Я о другомъ,
Совсѣмъ другомъ хотѣлъ бы слышать, Натанъ,
Твое сужденіе. Такъ какъ ты здѣсь мудрымъ
Слывешь у всѣхъ, скажи мнѣ откровенно:
Какую вѣру и ея законы
Ты лучшими считаешь?

НАТАНЪ.

Но, султанъ,
Ты знаешь, я еврей.

САЛАДИНЪ.

Я мусульманинъ,
И христіанинъ между нами средній.
Но вѣдь одна изъ этихъ трехъ религій
Должна быть истинной, и человекъ,
Такой, какъ ты, не можетъ оставаться
При томъ, куда случайно онъ заброшенъ
Своимъ рожденіемъ. Если-жъ остается, —
То у него на это есть причины,
То это выборъ зрѣлаго сознанья.
Такъ подѣлись же имъ и объясни
Причины, до которыхъ допытаться
Мнѣ самому не приходилось. Дай мнѣ
Узнать твой выборъ и его основы,
Чтобъ я и самъ принять ихъ могъ. Понятно,

Что это между нами будетъ... Какъ?
 Ты удивленъ? ты смотришь такъ пытливо?
 Да, можетъ быть, султану въ первый разъ
 Пришла на умъ подобная причуда.
 Надѣюсь, что она не унижаетъ
 Султана. Что-жь? не такъ-ли? Говори!
 Иль хочешь ты съ минутку поразмыслить.
 Ну, хорошо — даю тебѣ ее.

Про себя.

Подслушиваетъ-ли сестра? посмотримъ.
 Спрошу ее: довольна-ли началомъ?

Натану.

Обдумай, но скорѣй — я не замедлю,
 Я тотчасъ ворочусь.

Уходить въ дверь, въ которую вышла и Зитта.

ЯВЛЕНІЕ VI.

НАТАНЪ — одинъ.

Гм! гм!... Чудесно!

Но какъ-же это? Но чего-же хочетъ
 Султанъ? Я ждалъ, что спроситъ денегъ. Онъ-же...
 Онъ правды требуетъ, онъ хочетъ правды!
 Притомъ наличной, ясной, какъ монета.
 Еще добро-бы старая монета,
 Которую по вѣсу оцѣняли;
 Но эта новая, что выдается
 По счету; новая, которой цѣну
 Мы только по чекану узнаемъ!
 Такой монетой правда не бываетъ.
 Какъ золото въ мѣшокъ, онъ хочетъ разомъ
 И правду загребать себѣ въ разсудокъ.
 Да кто-жь тутъ жидъ? Неужли я? не онъ-ли?
 Но точно-ли о правдѣ онъ хлопочетъ?
 Что, если онъ изъ правды хочетъ сдѣлать
 Ловушку? Нѣтъ! Какое подозрѣнье!
 Вѣдь это было-бъ слишкомъ мелко... Мелко?
 Чтò мелко для великаго?!.. Да, да!...
 Онъ неожиданно ко мнѣ толкнулся.
 Онъ не предупредилъ меня ничѣмъ.
 Когда-жь подходить другомъ — окликають.

Я буду остороженъ. Что-жъ отвѣтить?
 Быть яростнымъ приверженцемъ еврейства
 Не слѣдуетъ; тѣмъ больше не годится
 Мнѣ вовсе отъ еврейства отказаться.
 Понятно, что тогда спросить онъ можетъ:
 Зачѣмъ не мусульманинъ я. Да вотъ!...
 Меня легко спасти могло-бы это.
 Вѣдь не одни ребята жадны къ сказкамъ....
 Идетъ! Добро пожаловать! прекрасно.

ЯВЛЕНІЕ VII.

САЛАДИНЪ и НАТАНЪ.

САЛАДИНЪ.

Про себя.

Ну, поле тамъ очищено.

Натану.

Что-жъ? Натанъ,

Вѣдь я не слишкомъ скоро воротился?

Ты все успѣлъ обдумать? Говори.

Никто не слышитъ насъ.

НАТАНЪ.

Пускай услышитъ

Хоть цѣлый міръ.

САЛАДИНЪ.

Такъ ты въ себѣ увѣренъ.

Вотъ это называю я быть мудрымъ:

Кто никогда не измѣняетъ правдѣ!

Кто ради правды жертвовать готовъ

Имѣнемъ, счастьемъ, жизнью!

НАТАНЪ.

Если нужно,

И есть въ томъ польза, — да!

САЛАДИНЪ.

Теперь я смѣю

Надѣяться, что я по праву буду
Носить мой громкій титуль: улучшитель
Законовъ и вселенной.

НАТАНЪ.

Славный титуль!
Но прежде, чѣмъ я выскажусь открыто,
Позволь мнѣ сказку рассказать, султанъ.

САЛАДИНЪ.

Пожалуй! почему-же нѣтъ? Я сказки
Всегда любилъ, когда мнѣ хорошо
Разсказывали ихъ.

НАТАНЪ.

Ну, этимъ врядъ-ли
Могу я похвалиться.

САЛАДИНЪ.

Униженъе
Тутъ паче гордости. Но къ дѣлу, къ дѣлу!
Разсказывай.

НАТАНЪ.

Во дни давно бывше
Жилъ на востокѣ нѣкій человекъ,
Который изъ любимыхъ рукъ — въ подарокъ —
Владѣлъ кольцомъ цѣны необычайной.
Въ кольцо былъ вставленъ камень драгоценный,
Игравшій ярко множествомъ цвѣтовъ —
И силу тайную имѣвшій: дѣлать
Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми
Того, кому носить его случалось
Съ надеждой и довѣріемъ. Понятно,
Что не снималъ его съ своей руки
Восточный житель никогда, что даже
На вѣки сохранить его рѣшился
Въ своемъ потомствѣ — именно вотъ такъ:
Кольцо свое оставилъ онъ въ наслѣдство
Любимѣйшему сыну, завѣщая,
Чтобъ этотъ сынъ опять отдалъ его

Тому изъ сыновей своихъ, который
 Заслужить наибольшую любовь...
 И чтобъ всегда любимый сынъ былъ первымъ
 Въ своей семьѣ, чтобъ — не смотря на лѣта —
 Однимъ значеніемъ кольца — онъ всѣми
 Былъ уважаемъ, какъ глава и князь.
 Понятно-ли, султанъ?

САЛАДИНЪ.

Понятно, — дальше.

НАТАНЪ.

Итакъ, переходя отъ сына къ сыну,
 Кольцо досталось одному отцу,
 Имѣвшему трехъ сыновей, въ которыхъ
 Онъ послушанье равное встрѣчалъ,
 А потому и самъ любилъ ихъ равно.
 Порой одинъ, порой другой — или третій
 Ему казался болѣе достойнымъ
 Кольца, и съ кѣмъ изъ нихъ наединѣ
 Онъ оставался, тотъ его любовью
 И пользовался въ ту минуту больше,
 Чѣмъ братья; такъ-что каждому изъ нихъ
 Онъ общалъ кольцо тайкомъ отъ прочихъ.
 Такъ дѣло шло, — подходитъ время смерти.
 Старикъ приходитъ въ затрудненіе. — Больно
 Двухъ сыновей обидѣть въ ихъ довѣрьи
 Отцовскимъ обѣщаньямъ. Что тутъ дѣлать?
 Онъ посылаетъ къ мастеру тайкомъ
 Свое кольцо, и поручаетъ сдѣлать
 Другія два по образцу его.
 Онъ проситъ не жалѣть труда и денегъ,
 Чтобъ только вышли совершенно схожи
 Всѣ три кольца. И это удалось.
 Когда къ отцу ихъ принесли, такъ даже
 Онъ самъ свое кольцо не могъ узнать.
 Довольный и счастливый призываетъ
 Старикъ по одиночкѣ сыновей,
 Благословляетъ ихъ по одиночкѣ,
 Даетъ имъ по кольцу — и умираетъ.
 Ты слушаешь, султанъ?

САЛАДИНЪ — смущенный, отвернувшись отъ него.

Я слышу — дальше.
Кончай скорѣ сказку — ну?..

НАТАНЪ.

Я кончилъ.
Что слѣдуетъ — само собой понятно.
Едва скончался онъ, приходитъ каждый
Съ своимъ кольцомъ и каждый хочетъ быть
Главою дома. Смотрятъ кольца, спорятъ,
Хотятъ судиться. Тщетно все! не можетъ
Никто изъ нихъ представить доказательствъ
Въ защиту своего кольца —

Послѣ молчанія, во время котораго онъ ждетъ отъ султана отвѣта.

Почти-что
Какъ нѣтъ вѣдъ доказательствъ и у насъ
Въ защиту правой вѣры...

САЛАДИНЪ.

Какъ? и это
Отвѣтъ на мой вопросъ?

НАТАНЪ.

Нѣтъ, это только
Хотѣлось мнѣ представить въ извиненье,
Что различать я не рѣшаюсь колець,
Которыя отецъ велѣлъ поддѣлать,
Чтобъ различить ихъ было невозможно.

САЛАДИНЪ.

Какія кольца? Не играй словами....
Я думаю, что есть-таки различье
Въ религіяхъ, мной названныхъ тебѣ;
Различье даже въ пищѣ и одеждѣ.

НАТАНЪ.

Но только въ ихъ основахъ нѣтъ различья.
Не на исторіи-ль основаны онѣ,

Изустно къ намъ иль письменно дошедней?
 И какъ же, какъ не на слово, должны мы
 Принять преданья старины? — не такъ ли?
 Къ кому же мы съ сомнѣньемъ наименьшимъ
 Относимся, какъ не къ своимъ роднымъ?
 Не къ тѣмъ, чья кровь и въ насъ течеть? — кто съ дѣтства
 Свою любовь доказывалъ намъ часто?
 Кто не обманывалъ насъ никогда?
 И развѣ только, чтобъ принести намъ пользу.
 Какъ можетъ кто-нибудь изъ насъ скорѣе
 Чужимъ отцамъ повѣрить, чѣмъ своимъ?
 Какъ можно требовать, чтобъ нашихъ предковъ
 Во лжи мы уличали для того,
 Чтобъ соглашаться въ мнѣнiяхъ съ чужими?
 Для христіанъ — не то же-ль будетъ? — Нѣтъ?

САЛАДИНЪ. — про себя.

Клянусь Творцомъ, что говорить онъ правду —
 И я невольно долженъ замолчать.

НАТАНЪ.

Но возвратимся снова къ нашимъ кольцамъ. —
 Какъ сказано, судиться стали братья
 И каждый поклялся судѣ, что прямо
 Изъ рукъ отца свое кольцо имѣть, —
 Оно вѣдь такъ и было, — что отецъ
 Исполнилъ этимъ только обѣщанье,
 Которое давно наединѣ
 Ему давалъ. — Что тоже такъ и было.
 «Отецъ не могъ», — такъ каждый увѣрялъ, —
 «Не могъ бы обмануть меня — и въ этомъ
 Его я никогда не заподозрю.
 Скорѣй я ожидать могу отъ братьевъ
 Такой продѣлки, хоть они казались
 Мнѣ до сихъ поръ хорошими людьми.
 Но я найти обманщика съумѣю!
 Съумѣю разсчитаться за обманъ!»

САЛАДИНЪ.

Ну что-жъ судья? — мнѣ любопытно слышать,
 Какъ ты судью заставишь говорить.

НАТАНЪ.

Судья сказалъ: «Коль вы сію минуту
 Ко мнѣ отца не приведете, всѣхъ васъ
 Спроважу вонъ. Не думаете-ль вы,
 Что долженъ я вамъ разрѣшать загадки?
 Иль ждать, чтобъ неподдѣльное кольцо
 Само заговорило? Но, постойте, —
 Я слышалъ: то кольцо имѣетъ силу
 Владѣльца своего любимымъ дѣлать,
 Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми.
 Пусть это все рѣшить: — въ поддѣльныхъ кольцахъ
 Вѣдь силы нѣтъ? — Кто-жъ больше всѣхъ изъ васъ
 Любимъ двумя другими, — говорите.
 Какъ? — вы молчите? — значить ваши кольца
 Обратно дѣйствуютъ на васъ? — и только
 На васъ, а для другихъ они безсильны?
 И каждый любить больше всѣхъ себя?
 О! — если такъ, всѣ три кольца поддѣльны!
 Обманщики обманутые вы! —
 А неподдѣльное кольцо, конечно,
 Потеряно. Чтобъ скрыть ловчѣй потерю,
 Отецъ велѣлъ взамѣнъ его вамъ сдѣлать
 Другія три».

САЛАДИНЪ.

Прелестно! Превосходно!

НАТАНЪ.

«Такъ если ждете вы — сказалъ судья —
 Рѣшенія моего, а не совѣта,
 Ступайте прочь. — Но мой совѣтъ таковъ:
 Останьтесь вы при томъ, что есть. Пусть каждый
 Свое кольцо считаетъ неподдѣльнымъ,
 Коль отъ отца его онъ получилъ.
 Отецъ, быть можетъ, думалъ уничтожить
 Въ своей семьѣ то право старшинства,
 Которое кольцомъ приобрѣталось.
 Быть можетъ, васъ отецъ любилъ всѣхъ равно,
 И не хотѣлъ двоихъ изъ васъ обидѣть,
 Давая предпочтеніе одному.
 Такой любви пусть каждый соревнуетъ:
 Любви безъ предразсудковъ, неподкупной;

Пусть выкажетъ одинъ передъ другимъ
 Всю силу своего кольца; пусть въ жизни —
 И миролюбіемъ ее проявитъ,
 И кротостью, и добрыми дѣлами,
 И искреннею преданностью Богу, —
 И ежели вліянье вашихъ колецъ
 Въ потомствѣ вашемъ скажется, то снова —
 Чрезъ сотню тысячъ лѣтъ — я васъ зову.
 Тогда другой судья сидѣть здѣсь будетъ
 На этомъ стулѣ, — онъ мудрѣй меня, —
 И онъ отвѣтитъ вамъ. Ступайте». — Вотъ что
 Сказалъ судья.

САЛАДИНЪ.

О Господи!...

НАТАНЪ.

Султанъ,
 Коль ты себя считаешь этимъ мудрымъ,
 Общаннымъ судьей....

САЛАДИНЪ — оживленно схватываетъ его за руку.

Я? — я ничто!

Я прахъ!

НАТАНЪ.

Султанъ, что сдѣлалось съ тобою?...

САЛАДИНЪ.

Нѣтъ, добрый Натанъ, сотни тысячъ лѣтъ,
 Твоимъ судьей предсказанныя братьямъ,
 Еще не миновали, и не я
 Засяду на его судейскомъ креслѣ.
 Ступай. Но будь мнѣ другомъ, Натанъ....

НАТАНЪ.

Какъ?

И больше ничего ты не желаешь
 Мнѣ сообщить?

САЛАДИНЪ.

Нѣтъ.

НАТАНЪ.

Ничего?

САЛАДИНЪ.

Ну да.

А что?

НАТАНЪ.

Такъ я при случаѣ хотѣлъ бы
Тебя просить.....

САЛАДИНЪ.

Какъ будто нуженъ случай
Для просьбы? — Говори.

НАТАНЪ.

Я только нынче
Вернулся изъ далекихъ странъ. — Дорогой
Я собралъ долги — и у меня
Едвадь не слишкомъ много накопилось
Наличныхъ денегъ. — Наши времена
Становятся сомнительны. Я, право,
Не знаю, какъ бы мнѣ вѣрнѣй пристроить
Мой капиталъ, и вотъ я думалъ, — можетъ,
Захочешь ты воспользоваться имъ.
Того гляди война опять начнется,
И деньги вѣрно будутъ нужны....

САЛАДИНЪ — пристально глядя ему въ глаза.

Натанъ,

Я спрашивать не стану: заходилъ ли
Къ тебѣ Ал-Гафи? — Не намѣренъ я
Разузнавать, твое ли подозрѣние
Заставило тебя мнѣ предложить....

НАТАНЪ.

Какое подозрѣние?

САЛАДИНЪ.

Но — я стою

Его. Прости мнѣ. — И въ чему скрывать?
Я долженъ все-таки тебѣ сознаться,
Что я хотѣлъ....

НАТАНЪ.

Не денегъ же съ меня
Потребовать?

САЛАДИНЪ.

Конечно, денегъ! денегъ!

НАТАНЪ.

Такъ это намъ обоимъ очень кстати.
Я, правда, не могу доставить все,
Что на лицо имѣю; прежде долженъ
Я выплатить значительную сумму
Храмовнику, котораго ты знаешь.

САЛАДИНЪ.

Храмовнику? — Вѣдь не захочешь ты
Поддерживать своимъ богатствомъ злѣйшихъ
Моихъ враговъ?

НАТАНЪ.

Про одного сказалъ я,
И жизнь его тобой пощажена.

САЛАДИНЪ.

Ахъ! — Что ты мнѣ напоминаешь, Натанъ.
Объ немъ совсѣмъ забылъ я. Такъ его
Ты знаешь? — Гдѣ онъ?

НАТАНЪ.

Развѣ не слыхалъ ты,
Какъ много счастья отъ твоей пощады
Мнѣ чрезъ него досталось? — Ты не знаешь,
Что дочь мою онъ вынесъ изъ огня,
Съ опасностью едва спасенной жизни?

САЛАДИНЪ.

Такъ сдѣлалъ онъ?! — такимъ онъ былъ и съ виду.
 Иначе бы не поступилъ и братъ мой,
 Съ которымъ у него такъ много сходства.
 Онъ развѣ здѣсь еще? — Прошу позвать
 Его ко мнѣ. — Я говорилъ такъ часто
 Моей сестрѣ объ этомъ нашемъ братѣ,
 Ей вовсе неизвѣстномъ, что ужъ надо
 И двойника его ей показать.
 Ступай, зови храмовника. Такъ вотъ какъ
 За добрымъ дѣломъ, — хотъ бы только страсть
 Къ нему насъ побуждала, — идутъ слѣдомъ
 Другія добрыя дѣла! — Ступай.

НАТАНЪ — оставляя руку Саладина.

Сейчасъ. — Но ты вѣдь и на то согласенъ
 О чемъ мы прежде говорили?...

Уходить.

САЛАДИНЪ.

Жаль мнѣ,

Что не далъ я сестрѣ подслушать насъ.
 Ну какъ теперь ей рассказать все это?

Уходить въ другую сторону.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Подъ пальмами, вблизи монастыря, гдѣ ХРАМОВНИКЪ поджидаетъ Натана.

ХРАМОВНИКЪ — ходитъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи, по-
 томъ вдругъ останавливается и начинаетъ говорить.

Усталый звѣрь! — на жертву обреченный,
 Остановись! — Ну да — я не хочу
 Подробно разбирать, что происходитъ
 Теперь въ моей душѣ. — Я не хочу
 Заранѣ предугадывать, что будетъ.
 Довольно! — Я напрасно убѣжалъ.
 Напрасно! — Впрочемъ, чтожъ мнѣ было дѣлать
 Какъ не бѣжать? — Ну! будь себѣ, что будетъ!
 Ударъ, котораго я избѣгалъ
 Такъ долго, — поразилъ внезапно, быстро,

И я посторониться не успѣлъ.
Ее увидѣть, — что такъ мало прежде
Казалось мнѣ заманчивымъ, — увидѣть —
И въ тотъ же мигъ рѣшиться никогда
Не разставаться съ ней.... рѣшиться? — такъ ли?
Рѣшеніе есть обдуманнѣйшій поступокъ,
А я тутъ былъ страдательнымъ лицомъ.
Ее увидѣть было въ то же время
Мгновеннымъ чувствомъ близости какой-то,
Сліянья съ ней, — и тѣмъ же остается.
Мнѣ какъ-то и немислимо, чтобъ могъ
Я жить въ разлукѣ съ ней. — Разлука эта
Была-бы смертью мнѣ! — Была-бы смертью
И тамъ, гдѣ послѣ смерти будемъ мы.
Любовь-ли это? — Да, — храмовникъ любить —
И дочь еврея любить — христіанинъ.
Такъ что-жь? — вѣдь я не мало предразсудковъ
Отбросилъ здѣсь, въ прославленной землѣ; —
За что и самъ готовъ ее прославить.
Что нужно ордену? — Храмовникъ умеръ.
Для ордена я умеръ съ той минуты,
Какъ плѣнникомъ попался Саладину —
И голова, подаренная имъ,
Не прежняя. Ей чуждо все, что прежней
Отъ дѣтства натоковано насильно,
Что прежнюю стѣсняло. — Эта лучше —
И родственнѣйшій отеческому небу.
Я это чувствую: — вѣдь здѣсь впервые
Я начинаю мыслить, какъ отецъ мой
Когда-то мыслить здѣсь, воль про него
Не сказку мнѣ рассказывали. — Сказку?
Но очень вѣроятную — и ей
Ни разу я не вѣрилъ такъ охотно,
Какъ вѣрю ей теперь, когда и мнѣ
Грозитъ паденіе, гдѣ палъ отецъ мой.
Но я скорѣе пастъ готовъ со взрослымъ,
Чѣмъ устоять съ дѣтьми. — За одобреніе
Отца поручится его примѣръ,
А больше отъ кого-жь оно мнѣ нужно?
Отъ Натана? — Не только онъ одобрить —
Онъ поощритъ навѣрно. — Что за жидъ!?
И хочеть такъ простымъ жидомъ казаться. —
А! — вотъ онъ! Какъ торопится; но весель,

Съ лицомъ довольнымъ. — Кто отъ Саладина
Иначе возвращался?! — Натанъ! Натанъ!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ.

НАТАНЪ.

Какъ? — Это вы?

ХРАМОВНИКЪ.

Скажите, что такъ долго
Вы были у султана?...

НАТАНЪ.

Нѣтъ, не очень.
Я на ходьбѣ замѣшкался. — Ну, Курдъ —
Онъ стоитъ славы, про него гремѣющей; —
И слава только тѣнь его. — Но прежде
Всего я долженъ сообщить вамъ...

ХРАМОВНИКЪ.

Что?

НАТАНЪ.

Онъ хочетъ съ вами говорить. — Онъ хочетъ,
Чтобъ вы немедленно къ нему пришли.
Зайдемте-же ко мнѣ домой; мнѣ надо
Сперва кой-что ему поприготовить;
А тамъ къ нему.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, Натанъ, въ домъ вашъ — больше
Я не войду; пока....

НАТАНЪ.

Такъ вы ужъ были
У насъ? — Вы говорили съ ней? — Ну что-же?
Скажите, какъ понравилась вамъ Рѣха?

ХРАМОВНИКЪ.

О! — Выше всякихъ выраженій, Натанъ!
 Но никогда я снова, — никогда
 Съ ней не увижусь, если вы сейчасъ-же
 Мнѣ не дадите ваше общанье,
 Что я всегда съ ней видѣться могу!
 Всегда! всегда!..

НАТАНЪ.

Какъ понимать мнѣ это?

ХРАМОВНИКЪ — послѣ минутнаго молчанія, внезапно
 обнимая его.

Отецъ мой!..

НАТАНЪ.

Юноша!..

ХРАМОВНИКЪ — также внезапно оставляя его.

Не сынъ? Ахъ! — Натанъ!

Прошу васъ...

НАТАНЪ.

Добрый юноша...

ХРАМОВНИКЪ.

Не сынъ?!

Прошу васъ, Натанъ! — заклинаю ради
 Первѣйшихъ узъ природы! — Позабудьте
 Позднѣйшія оковы нашей жизни —
 Довольствуйтесь быть человѣкомъ, Натанъ,
 И отъ себя меня не оттолкните.

НАТАНЪ.

Мой милый другъ.

ХРАМОВНИКЪ.

И сынъ вашъ! Нѣтъ?! — не сынъ?!

И даже если къ сердцу вашей Рэхи
 Ужъ для любви проложена дорога
 Признательностью? — Если оба чувства,

Чтобъ слиться во едино, лишь отъ васъ
Намека ждуть? — И то не буду сыномъ?!

НАТАНЪ.

Вы, рыцарь, озадачили меня.

ХРАМОВНИКЪ.

Я озадачилъ васъ? — Передавая
Вамъ ваши собственные мысли — Натанъ!
Вы ихъ не узнаете оттого,
Что я ихъ высказалъ?...

НАТАНЪ.

Я прежде долженъ
Узнать, который Штауфенъ былъ отецъ вашъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ? — Что вы говорите? — Неужели
Подобная минута возбуждаетъ
Въ васъ только любопытство?

НАТАНЪ.

Потому-что
Я тоже Штауфена знавалъ когда-то.
Онъ назывался Конрадомъ.

ХРАМОВНИКЪ.

А если
И моего отца такъ называли?

НАТАНЪ.

И вашего?

ХРАМОВНИКЪ.

Я названъ по отцу.
Вѣдь Курдъ — есть Конрадъ.

НАТАНЪ.

Все-таки же не былъ
Мой Конрадъ вашъ отецъ. — Онъ былъ храмовникъ,
Какъ вы; — онъ не былъ никогда женатъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ что-же?

НАТАНЪ.

Какъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Ужъ въ этомъ-то, конечно,
Причины нѣтъ, чтобъ онъ не могъ мнѣ быть
Отцомъ.

НАТАНЪ.

Вы шутите.

ХРАМОВНИКЪ.

А вы такъ слишкомъ
Придирчивы. — Что-жъ, если-бы и такъ?
Ну, незаконный сынъ! — и ихъ породу
Нельзя считать презрѣнной. — Но оставимъ
Въ покоѣ нашихъ предковъ. — Я и тѣни
Сомнѣнья вамъ не заявлю, повѣрьте,
На вашу родословную таблицу,
Избави Боже! — Вы могли-бы смѣло
Ее писать, хотъ вплоть до Авраама.
А дальше такъ и самъ ее я знаю —
И даже самъ поклясться въ ней готовъ.

НАТАНЪ.

Вы злы становитесь. — Но заслужилъ-ли
Я это? — Развѣ я вамъ отказалъ?
Я только не хотѣлъ-бы такъ поспѣшно
Связать васъ словомъ, больше ничего.

ХРАМОВНИКЪ.

И только? — если такъ, простите, Натанъ.

НАТАНЪ.

Пойдемте...

ХРАМОВНИКЪ.

Съ вами? — въ домъ вашъ? — тамъ пылаетъ! —
Нѣтъ, нѣтъ! — Я лучше здѣсь васъ подожду.

Ступайте. Если суждено мнѣ снова
Съ ней видѣться — успѣю наглядѣться;
А если нѣтъ, — такъ я и безъ того
Глядѣлъ ужъ слишкомъ много...

НАТАНЪ.

Постараюсь

Управиться, какъ можно поскорѣй.

ЯВЛЕНІЕ X.

ХРАМОВНИКЪ, и вскорѣ потомъ ДАЙА.

ХРАМОВНИКЪ.

— И больше, чѣмъ довольно. — Умъ нашъ можетъ
Столь безконечно много обнимать —
И все-таки иной разъ вдругъ бываетъ
Такъ совершенно полонъ — и одною
Ничтожной мыслью полонъ. — Это дурно;
Хотя-бъ онъ чѣмъ угодно полонъ былъ. —
Терпѣнье нужно. На больное тѣло
Подѣйствуетъ живительная сила
Души — найдетъ себѣ просторъ — и снова
Мнѣ возвратитъ спокойствіе и ясность.
Впервые что-ли я люблю? иль то,
Что прежде за любовь мной принималось,
Любовью вовсе не было — и только
Теперь я это чувство познаю.

ДАЙА — подгавшавшая со стороны.

Тсс! рыцарь!..

ХРАМОВНИКЪ.

Кто зоветъ меня? — А! Дайа...

ДАЙА.

Я передъ нимъ украдкой проскользнула,
Но все-таки онъ можетъ насъ увидѣть
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоите вы... Идите
За дерево, сюда, поближе...

ХРАМОВНИКЪ.

Что тамъ? —
Таинственность какая! — что случилось?

ДАЙА.

Да, ради тайны я сюда пришла.
И — больше — ради двухъ еще пожалуй...
Одна изъ нихъ извѣстна только мнѣ,
Другая только вамъ. Давайте, рыцарь,
Мѣняться. — Вы довѣрьте мнѣ свою,
А я мою довѣрю вамъ...

ХРАМОВНИКЪ.

Извольте,
Какъ только будетъ мнѣ извѣстно: что вы
Считаете моимъ. — Но, вѣроятно,
Изъ вашей тайны это объяснится.
Такъ начинайте.

ДАЙА.

Вотъ какой вы? — Нѣтъ;
Вы прежде — я потомъ: — вамъ бесполезно
Мое довѣріе, покажѣсть я
Не знаю вашей тайны. — Ну, скорѣе!
Вѣдь что сама я выпрошу, не буду
Считать довѣріемъ — и вашу тайну
Мнѣ высказавъ, моей вамъ не узнать.
Ахъ, бѣдный рыцарь! — Вотъ вѣдь вы мужчины
Вообразили, что отъ насъ, отъ женщинъ,
Вы можете имѣть такую тайну...

ХРАМОВНИКЪ.

Которой часто не подозрѣваемъ
Мы сами.

ДАЙА.

Можетъ быть, — и потому,
Конечно, я должна сама по дружбѣ
Васъ познакомить съ ней. — Скажите, чѣмъ-бы
Намъ объяснить, что вдругъ вы убѣжали,
Что такъ внезапно бросили вы насъ,
Что съ Натаномъ теперь не воротились,

Иль Рэха вамъ понравилась такъ мало?
Иль можетъ быть такъ много? — А? — такъ много?
Давайте — взглянемъ: какъ трепещетъ птичка,
Попавшая въ сѣть? — Короче: — рыцарь,
Сознайтесь мнѣ сейчасъ, что влюблены вы;
Что до безумства влюблены въ нее —
И я скажу вамъ тоже....

ХРАМОВНИКЪ.

До безумства!?
Какъ вижу — въ этомъ дѣлѣ вы знатокъ.

ДАЙ А.

Сознайтесь только хоть въ любви — безумство
Я уступлю вамъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ какъ ужъ оно
Само собой понятно: — Я, храмовникъ,
Люблю еврейку!...

ДАЙ А.

Да, оно безумнымъ
Казалось бы; но вѣдь инныя вещи,
Частехонько, имѣютъ больше смыслу,
Чѣмъ мы предполагаемъ. И притомъ —
Не такъ неслыханно, что нашъ Спаситель
Насъ направляетъ на пути къ себѣ,
Которыхъ самъ собою даже умный
Легко не отыскалъ бы никогда.

ХРАМОВНИКЪ.

Торжественно! —

Про себя.

Но ставя осторожность
Взамѣнъ Спасителя — тутъ есть и правда.

Дайъ.

Вы заставляете меня невольно
Быть любопытнѣе, чѣмъ я бывалъ
Когда-либо.

ДАЙ А.

О! Здѣсь страна чудесъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Про себя.

Страна чудеснаго! — Такъ и должно быть:
Весь міръ столпился здѣсь.

Дайъ.

Положимъ, Дайа,

Ужъ ежели вы требуете это,
Что я люблю ее, — что непонятна
Мнѣ жизнь безъ милой Рэхи, — что она....

ДАЙА.

Такъ это правда? — Дайте же мнѣ клятву
Къ своимъ ее причислить и спасти. —
Спасти для жизни временной и вѣчной.

ХРАМОВНИКЪ.

Но какъ? Могу ли я дать клятву въ томъ,
Что у меня нисколько не во власти?

ДАЙА.

Оно у васъ во власти — и скажи я
Одно словцо — во власти вашей будетъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Что даже и отецъ противорѣчить
Не станетъ?

ДАЙА.

Что отецъ?! — отецъ ужъ долженъ
Себя принудить.

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ принудить, Дайа?
Къ разбойникамъ еще онъ не попалъ, —
И принуждать себя ему не нужно.

ДАЙА.

Такъ, наконецъ, онъ долженъ пожелать —
И съ радостью.

ХРАМОВНИКЪ.

И съ радостью — и должепъ!
А если я скажу вамъ, что ужъ
Попробоваль я тронуть эту струнку....

ДАЙА.

И онъ не вторилъ вамъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Его отвѣтъ
Звучаль нескладно какъ-то и обидно.

ДАЙА.

Скажете!! Неужели, если вы
Хотя бы тѣнь желанья заявили
Взять Рэху, онъ отъ радости не прыгнулъ?
Онъ холодно отвѣтилъ? Затрудненья
Вамъ дѣлалъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Въ этомъ родѣ.

ДАЙА.

Такъ минуты
Я больше не задумуюсь.

Молчаніе.

ХРАМОВНИКЪ.

Однако
Задумались.

ДАЙА.

Онъ, впрочемъ, очень добръ.
Ему сама обязана я многимъ,
Да вѣдь не слушаетъ! Ей Богу, этимъ,
Мнѣ заставлять его невыносимо.

ХРАМОВНИКЪ.

Прошу васъ, Дайа, вы меня избавьте
Отъ этой неизвѣстности. Когда же

Самимъ вамъ неизвѣстно: хорошо
Иль дурно, и похвально иль позорно,
Что вы въ виду имѣли, — такъ молчите.
И я готовъ забыть, что есть у васъ
Кой-что, о чемъ молчать вамъ надо.

ДАЙ А.

Это

Не сдержитъ, а скорѣе побудитъ.
Узнайте же, что Рѣха не еврейка,
Что Рѣха христіанка.

ХРАМОВНИКЪ — холодно.

Дай Богъ счастья!

Ну, не легко на свѣтъ оно явилось.
Но не потуги страшны, вы не бойтесь,
И продолжайте расплывать усердно
Небесныхъ странъ святое населенье,
Ужъ если на землѣ къ такому дѣлу
Вы больше неспособны.

ДАЙ А.

Рыцарь! какъ?

Заслуживаетъ ли такой насмѣшки
Извѣстіе мое? Вы христіанинъ,
Храмовникъ, — Рѣху любите — и васъ
Не радуешь, что Рѣха христіанка?

ХРАМОВНИКЪ.

Особенно, что христіанка вашей
Работы.

ДАЙ А.

Такъ вы поняли меня?
Прекрасно! Нѣтъ, хотѣла бы я видѣть,
Кто можетъ обратить ее. И благо
Ей будетъ, если вновь она вернется
Къ тому, что въ ней испорчено давно.

ХРАМОВНИКЪ.

Скажите ясно — или уходите.

ДАЙ А.

Она родилась христіанкой, рыцарь,
Отъ христіанъ — и крещена.

ХРАМОВНИКЪ — оживленно.

А Натанъ?

ДАЙ А.

Онъ не отецъ ей.

ХРАМОВНИКЪ.

Не отецъ ей? Натанъ?
Увѣрены ли въ томъ, что вы сказали...

ДАЙ А.

Правду,

Которую оплакивала часто.
Онъ не отецъ ей, нѣтъ.

ХРАМОВНИКЪ.

И воспиталь
Ее, какъ дочь свою? и христіанку
Онъ воспиталь жидовкой?

ДАЙ А.

Безъ сомнѣнья.

ХРАМОВНИКЪ.

И этого она сама не знаетъ?
Онъ Рэхъ никогда не говорилъ,
Что христіанкою, что не жидовкой
Она родилась?

ДАЙ А.

Никогда.

ХРАМОВНИКЪ.

Итакъ,
Не только онъ воспитываль въ обманѣ
Ребенка, — онъ въ обманѣ оставляетъ
И дѣвушку?

ДАЙА.

Къ несчастью!

ХРАМОВНИКЪ.

Натанъ! Какъ?!

И мудрый, добрый Натанъ былъ способенъ
 Къ такой поддѣлкѣ голоса природы?
 Рѣшился отклонить стремленья сердца,
 Которыя иной бы путь избрали,
 Когда-бъ не онъ на нихъ вліялъ. Вы, Дайа,
 Довѣрили мнѣ, правда, кое-что
 Немаловажное. Все это можетъ
 Имѣть послѣдствія. Я съ толку сбить.
 Не знаю, что начать. Уйдите, Дайа.
 Мнѣ нужно время. Онъ пройдетъ здѣсь снова —
 Еще, пожалуй, насъ вдвоемъ застанетъ....

ДАЙА.

Тогда ложись, да умирай....

ХРАМОВНИКЪ.

Теперь

Я не могу съ нимъ говорить, и если
 Вы встрѣтите его, скажите только,
 Что онъ меня увидитъ у султана.

ДАЙА.

Не дайте-жъ ничего ему замѣтить.
 Пусть это будетъ вамъ послѣднимъ средствомъ,
 Чтобъ въ отношеніи Рэхи вы могли бы
 Отбросить всякое сомнѣнье.... Но,
 Когда потомъ ее вы увезете
 Въ Европу — ужъ меня вы не оставьте...

ХРАМОВНИКЪ.

Увидимъ.... Уходите, уходите!...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ДАЧА НА РЕЙНЪ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА IX*).

РАЗСКАЗЪ ЭРИХА.

«Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, и оглядываясь на свою прошлую жизнь, я вижу, что до сихъ поръ это были только поиски. Специальное призваніе всегда оставляетъ въ насъ много силъ безъ всякой дѣятельности, и однако же тяжелый выборъ долженъ быть когда-нибудь сдѣланъ, а въ концѣ концовъ человѣкъ можетъ уйти весь во всякую профессію и дѣйствовать всѣми силами.

Я родился отъ самаго счастливаго брака, и вы знаете, что это значить. Съ третьяго года я воспитывался вмѣстѣ съ принцемъ Леонгардомъ. Между нами постоянно былъ какой-то разладъ—я не знаю, откуда это происходило, но впервые мнѣ сдѣлалось все яснымъ уже послѣ, когда дѣло дошло до явнаго разрыва. Тогда только я увидѣлъ, что извѣстнаго рода лицемѣріе, которое совершенно не идетъ къ товарищескимъ отношеніямъ, дѣлало меня снаружи податливымъ, а внутри беспокойнымъ и раздражительнымъ. Притомъ ничто, быть можетъ, такъ не противорѣчитъ дѣтскому характеру, какъ непрерывная почтительность и услужливая покорность.

*) См. выше, стр. 5—54.

Я поступилъ въ кадетскій корпусъ, и пользовался тамъ особеннымъ почтеніемъ, потому что былъ товарищемъ принца. Мой отецъ былъ здѣсь моимъ исключительнымъ наставникомъ, и въ это же время я прожилъ два года вмѣстѣ съ братомъ вашей жены. Учился я не особенно хорошо.

Однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни былъ тотъ, когда я въ первый разъ надѣлъ эполеты, и если, быть можетъ, не меньше счастливъ былъ и другой день, когда я снялъ мундиръ, то это говоритъ только о моей способности противорѣчить себѣ. У меня и до сихъ поръ бьется сердце, когда мимо меня ѣдетъ баттарея.

Впрочемъ, я забѣгаю впередъ и далеко ухожу назадъ; извините, мнѣ трудно сосредоточиваться. Даже сегодня я пережилъ такъ много; но постараюсь быть послѣдовательнѣе.

Вскорѣ послѣ того, какъ я сдѣланъ былъ лейтенантомъ, мои родители переселились въ университетскій городъ; я остался одинъ. Цѣлый годъ я былъ доволенъ и счастливъ, какъ и все окружавшее меня. Еще и теперь помню часъ, — это былъ полдень прекраснаго свѣтлаго осенняго дня — помню даже дерево, слышу еще сороку, сидѣвшую на этомъ деревѣ, — когда я вдругъ остановилъ свою лошадь, и во мнѣ зашевелился впервые вопросъ: «Что же я, однако, дѣлаю на свѣтѣ? Учусь самъ и учу рекрутъ самому искусному способу убивать себѣ подобныхъ».

— Позвольте мнѣ спросить васъ прервалъ его скромно Клодвигъ. Развѣ вамъ никогда не представлялась солдатская школа, какъ школа вообще человѣка и дѣла вашей профессіи?

Эрихъ былъ удивленъ и отвѣчалъ отрицательно; затѣмъ, собравшись съ мыслями, онъ продолжалъ:

— Я отгонялъ всѣ эти тяжелыя мысли, но они уже не оставляли меня. Во мнѣ происходилъ разладъ съ самимъ собой и съ своимъ дѣломъ. Я не могу сказать, какимъ бесплоднымъ казался я себѣ въ мірѣ; все было пусто, все потеряло значеніе. Были дни, когда я стыдился своей одежды, стыдился, что я, здоровый, крѣпкій молодой человѣкъ брожу безъ дѣла, одѣтъ хорошо, а моя лошадь, быть можетъ, ѣстъ овесъ бѣднаго человѣка.

— Преувеличеніе, замѣтилъ Клодвигъ.

— Конечно, я также объясняю это теперь, но тогда, при первомъ напорѣ ощущенія, со мною было иначе. Вспыхнула итальянская война, я сталъ просить отпуска, чтобы изучить настоящую войну. Мой начальникъ, принцъ Леонгардъ, во время упражненій въ стрѣльбѣ, спросилъ меня нечаянно, въ которомъ изъ двухъ войскъ я буду сражаться, и прежде, чѣмъ я могъ отвѣтить, рѣзко прибавилъ: «Вы, вѣроятно, охотнѣе пойдете въ

такъ-называемое войско свободы, къ союзникамъ, французамъ и итальянцамъ, противъ соединенной Австріи и Германіи»? Я не нашелся ничего сказать и мнѣ стала очевидна неясность моихъ понятій. Я былъ уничтоженъ и не зналъ больше, что я такое, и что такое окружающій меня міръ. Съ тѣхъ поръ въ моихъ вѣшнихъ отношеніяхъ наступилъ такой же разладъ, какъ во мнѣ самомъ. Нужно ли рассказывать вамъ эти мелкія мученія? Я заслуживалъ ихъ, потому что во мнѣ не было ничего, кромѣ противорѣчія; все мое существованіе представлялось мнѣ одной большой ложью. Мнѣ дали мундиръ; я былъ самъ не свой, и въ тоже время чувствовалъ себя плохимъ солдатомъ, потому что углубился въ изученіе философіи и хотѣлъ рѣшать загадку бытія. Собственно говоря, у меня общительная, мягкая натура, и однако же постоянная жизнь среди товарищей была для меня невозможна.

Два года я еще выдерживалъ это, но затѣмъ — потребовалъ отставки. Мнѣ дали отставку съ чиномъ капитана, какъ я думаю, изъ уваженія къ моимъ родителямъ. Теперь я былъ свободенъ! и — я уже сказалъ — глубоко опечаленъ, что оставилъ эту жизнь. Въ одиночествѣ я сдѣлался вялымъ — но надобно было съ этимъ покончить.

Я былъ свободенъ. Странно, конечно, задавать міру вопросы. Міръ, чего ты хочешь отъ меня? Міръ, что я долженъ для тебя сдѣлать? Есть тысячи родовъ дѣятельности: какую я долженъ выбрать? Я былъ готовъ на все. У меня былъ хорошій голосъ; многіе думали, что я сдѣлаюсь пѣвцомъ. Я даже получалъ приглашенія. Но какъ далеко было отъ этого мое внутреннее настроеніе. Во мнѣ было пламенное и глубокое стремленіе принести какую-нибудь жертву для моихъ ближнихъ. Если бы я былъ добрымъ католикомъ, я вѣроятно пошелъ бы въ монахи.»

Клодвигъ открылъ глаза и встрѣтилъ блистающіе взоры Эриха. Настала короткая пауза. Клодвигъ кивнулъ Эриху, потомъ снова сложилъ руки на груди, закинулъ немного голову назадъ, еще разъ кивнулъ головой и закрылъ глаза. Эрихъ продолжалъ.

«Когда я шелъ въ первый разъ по улицѣ въ партикулярномъ платьѣ, мнѣ казалось, что я будто иду совсѣмъ раздѣтый, какъ иногда мы видимъ это со страхомъ во снѣ. Когда человѣкъ растеряется такимъ образомъ, онъ легко дѣлается суевѣрнымъ и подчиняется случайностямъ. Первый человѣкъ, который мнѣ встрѣтился и пристально вглядывался въ меня недоумѣвая, меня ли онъ видитъ, былъ мой старый капитанъ, который перешелъ въ гражданскую службу и

былъ начальникомъ исправительнаго заведенія. Онъ читалъ о моей отставкѣ, и вспоминая мои старыя попытки, спросилъ, не хочу ли я вполнѣ посвятить себя поэзіи. Я отвѣчалъ отрицательно, и услышалъ отъ него, что онъ пріѣхалъ сюда съ цѣлью найти себѣ помощника. Я тутъ же рѣшился; мнѣ захотѣлось посвятить себя новому дѣлу—руководить и поднимать своихъ падшихъ собратій. Вступивъ въ новую должность, я написалъ немедленно къ своимъ родителямъ. Отецъ отвѣчалъ, что онъ вполнѣ цѣнитъ мои стремленія, но впередъ предвидитъ, что извѣстная потребность прекраснаго сдѣлаетъ для меня невозможной жизнь между преступниками. Онъ былъ правъ. Я всѣми силами старался подавить въ себѣ прежнее стремленіе къ высшей роскоши бытія; это мнѣ не удалось; мнѣ недоставало запаса юмора и той свободной точки зрѣнія, которая разсматриваетъ и принимаетъ явленія жизни какъ научные феномены. Я сдѣлалъ попытку, и она испугала меня какъ привидѣніе. Въ своей капитанской формѣ я получалъ отъ арестантовъ больше уваженія, чѣмъ въ своемъ гражданскомъ платьѣ. Жизнь между арестантами, по большей части людьми совершенно загрубѣлыми или хитрыми лицемѣрами, стала для меня адомъ, и въ этомъ аду было еще одно мученіе особаго рода.

Меня одолѣвало тогда уныніе и раздумье, потому что я не могъ совсѣмъ забыть прежняго міра; я невольнo заботился о томъ, что обо мнѣ продолжаютъ думать въ свѣтѣ. Такимъ образомъ меня постоянно преслѣдовали мысли о томъ, какъ люди разсуждаютъ и говорятъ о моихъ поступкахъ; представляя себя по чужимъ глазамъ, я казался себѣ—извините за краткость выраженія—идеалистическимъ бродягой. Я не былъ имъ и не хотѣлъ быть, а, главное, мои враги и насмѣшники не должны были имѣть того триумфа, что я пропаду отъ небрежности и непостоянства.

Я напрасно мучился, потому что—у кого есть время, охота и потребность слѣдить за жизнью удалившагося человѣка? Люди хоронятъ мертвыхъ, и возвращаются потомъ къ своей ежедневной жизни; точно такъ они хоронятъ и живыхъ. Теперь я больше не упрекаю ихъ за это; это такъ должно быть.

Мнѣ стало ясно, что я неспособенъ къ избранной мною профессіи, я еще слишкомъ жилъ въ себѣ самомъ, безпрестанно держалъ предъ глазами совершившееся и старался изслѣдовать основаніе и происхожденіе характеровъ. Я еще не хотѣлъ тогда понять, что сущность и дѣйствія людей развиваются не такъ послѣдовательно, какъ я то полагалъ, притомъ я былъ еще слиш-

комъ страстенъ и особенно находился подъ господствомъ постоянного стремленія къ прекрасному.

Я думалъ о переселеніи въ Новый Свѣтъ. Но что такое я былъ бы тамъ? Боролся ли я столько и усвоилъ ли себѣ столько опытности, чтобы быть въ состояніи превратить клочекъ первобытнаго лѣса въ плодородное поле? Правда, у меня было особое основаніе, которое влекло меня въ Америку. Тамъ жилъ единственный братъ моего отца, и о немъ не было никакихъ извѣстій. У него былъ ювелирный магазинъ. Дядя любилъ сестру моей матери, и когда сдѣланное имъ предложеніе было отвергнуто нѣсколько рѣзко, оставилъ Европу и отправился въ Новый Свѣтъ. Онъ прервалъ всякія сношенія съ родиной и семействомъ, и когда другъ моего отца посѣтилъ его въ Нью-Йоркѣ, и наконецъ сталъ осторожно рассказывать объ насъ, дядя съ бранью выгналъ его изъ дома. Онъ не хотѣлъ рѣшительно ничего знать ни объ насъ, ни объ Европѣ.

Я вообразилъ себѣ, что я могъ бы расположить къ себѣ дядю, и вы знаете, что люди въ отчаянномъ положеніи любятъ ожидать спасенія отъ какихъ-нибудь необыкновенныхъ приключеній.

Мой добрый отецъ помогъ мнѣ. Теперь мнѣ стало ясно то, что онъ всегда считалъ моимъ призваніемъ, и чему я сопротивлялся, только увлекшись блескомъ военной службы. Во мнѣ пробудилась жажда уединенія; мнѣ представлялось, какъ будто я долженъ отыскать себѣ клочекъ земли, гдѣ никакой звукъ не могъ бы нарушить моей внутренней жизни, гдѣ я могъ бы утопать въ уединеніи. Это уединеніе, заключающее однако въ себѣ всю жизнь, дала мнѣ наука. Отецъ помогъ, объяснивши мнѣ, что мое прошлое не потеряно, но что оно придаетъ мнѣ особенность и новый опытъ. Онъ вышелъ и принесъ мнѣ подарокъ, положенный въ мою колыбель: сенатъ университета, въ которомъ отецъ мой былъ преподавателемъ до того времени, когда назначенъ былъ воспитателемъ принца, — подарилъ мнѣ вскорѣ послѣ моего рожденія университетскую матрикулу, какъ новорожденнымъ принцамъ даютъ военную должность».

Клодвигъ расхохотался; онъ вытеръ себѣ глаза, наклонился, положилъ руки на колѣни, взглянулъ дружелюбно на Эриха и попросилъ его продолжать.

— Мнѣ остается немного рассказывать. Я рано привыкъ, или вѣрнѣе сказать, отецъ рано приучилъ меня жить только для общаго и, сколько возможно, удалять отъ себя все личное. Я отдался изученію древности, и то стремленіе къ прекрасному, которое представляло мнѣ въ будущемъ поэтическую дѣятель-

ность, теперь нашло себѣ удовлетвореніе въ усвоеніи классическаго міра. Своимъ прилежаніемъ всякій можетъ хвалиться, сказалъ поэтъ. Я работалъ добросовѣстно, и только въ родительскомъ домѣ видѣлъ счастье ребенка, а юношей имѣлъ радость духовнаго развитія. Отецъ мой надѣялся, что мнѣ суждено счастливое достиженіе того, чего не достигъ онъ самъ; онъ передалъ мнѣ наслѣдство своихъ идей, которыхъ онъ не могъ ни внести въ науку, ни высказать на кафедрѣ. Если когда-нибудь былъ счастливый домъ, исполненный святости храма, это былъ домъ моихъ родителей.

Тогда умеръ мой младшій братъ; скоро будетъ годъ, какъ мы его похоронили; мой отецъ, который кромѣ того носилъ въ душѣ оскорбленіе, при всей силѣ своего стоицизма, не перенесъ этого удара. Вотъ уже два мѣсяца, какъ умеръ и онъ. Я преодолѣлъ горе сиротства и кончилъ свои ученыя занятія; нѣсколько дней тому назадъ я получилъ свою докторскую степень.

Моя мать и я имѣли множество плановъ, но я еще ничего не рѣшилъ. По совѣту матери, сдѣлана мною прогулка по Рейну, потому что я работалъ слишкомъ много, и только послѣ моего возвращенія мы хотѣли остановиться на чемъ-нибудь. Тутъ я встрѣтилъ брата вашей жены и счелъ своей обязанностью не отстранять представившагося мнѣ случая. Я готовъ вступить на частную службу. Я знаю, что могу дѣлать, и полагаю, что достаточно приготовленъ къ своему дѣлу. Было время, когда я думалъ, что могу найти себѣ удовлетвореніе, только дѣйствуя на большую массу людей. Теперь я удовольствовался бы, если бы мнѣ удалось помочь образованію одного ребенка, и притомъ такого, который, по своему большому богатству, способенъ къ очень разнообразной жизни, — образовать въ человѣка, дѣйствующаго благородно и должнымъ образомъ приготовленнаго къ своей широкой задачѣ.

Я кончилъ. Я не хочу, чтобы кто-нибудь думалъ обо мнѣ лучше, чѣмъ я заслуживаю, но я хочу, чтобы меня цѣнили настолько, сколько я считаю справедливымъ. Я ни слишкомъ скромный, ни самолюбивъ, я могу находиться въ опасномъ невѣдѣніи, потому что не знаю, какъ смотреть на меня другіе; я только выдаю себя такимъ, какъ я самъ считаю себя по честному признанію. Я думаю быть учителемъ. Кто хочетъ имѣть духовную жизнь и не можетъ быть творческимъ художникомъ, тотъ долженъ быть учителемъ; учитель, если можно такъ сказать, — ремесленникъ духа, и, какъ всякій ремесленникъ, бываетъ тѣмъ лучше, чѣмъ онъ больше имѣетъ и обнаруживаетъ художественности. Самое лучшее, что можетъ дать человѣкъ человѣку,

это — дать ему мысль, и то, что я даю своему ученику, черезъ это становится еще болѣе моимъ. Впрочемъ, извините, что я и съ вами вступаю въ наставническій тонъ. Я отдалъ вамъ въ руки все мое существо, сколько я его знаю; если гдѣ-нибудь есть еще пробѣлы, спрашивайте меня.»

— Этого довольно, — сказалъ Клодвигъ, вставая и спокойно кладя въ сторону плюшевое одѣяло. Развѣ только одинъ вопросъ. Не было у васъ никогда расположенія жениться, или не было никогда случая?

— Нѣтъ, я не женюсь. Я слышалъ, какъ многіе говорятъ: да, идеалы! я также имѣлъ ихъ, но теперь я живу въ семействѣ и для семейства. А для каприза красиваго существа я не хочу жертвовать всѣми высшими интересами. Я знаю, я стою въ противорѣчій со свѣтомъ, я не могу лицемѣрить, не могу ни въ чемъ убѣждать себя и другихъ. Я поставилъ себѣ трудную жизненную задачу, и исполнять ее всего лучше одному.

Клодвигъ быстро подошелъ къ нему и сказалъ:

— Еще разъ даю вамъ мою руку. Пока въ этой рукѣ есть еще жизнь, она не измѣнитъ вамъ. Я предполагалъ о васъ нѣчто другое; теперь я уже не могу сказать вамъ этого, теперь это и не нужно больше; я преодолеваю самого себя. Но довольно. Идите спокойно и твердо къ своей цѣли; вы вправѣ требовать отъ меня, что я могу сдѣлать для ея достиженія. Послушайте; вы имѣете право на меня во всякомъ жизненномъ положеніи, всякимъ образомъ. Вы не можете представить всего, что вы мнѣ дали и еще даете. Доброй ночи, молодой мой другъ.

Графъ поспѣшно вышелъ, какъ будто для того, чтобы скрыть овладѣвавшее имъ чувство. Эрихъ стоялъ еще нѣсколько времени и смотрѣлъ на пустой стулъ и на одѣяло; точно все это былъ сонъ.

Вошелъ слуга и весьма почтительно проводилъ Эриха въ его комнату.

ГЛАВА X.

Д О Б Р Ы Й Г О С Т Ъ .

Когда человѣкъ перескажетъ всю свою жизнь, ему кажется какъ-то пусто, онъ точно все отдалъ, — что же еще остается затѣмъ? Какъ тогда кажется онъ себѣ мелокъ и разбитъ.

Съ Эрихомъ было совершенно иначе.

Внизу, въ долину, ясно раздавался полуночный, серебряный звукъ колокола съ башни, которая въ старыя времена выстроена

была какой-то благородной дамой и должна была указывать заблудившимся въ лѣсу человѣческое жилище. Эрихъ слушалъ эти звуки, и ему представилась исповѣдь въ церкви; вѣрующіе открывали свою жизнь, и подерѣвленные благословеніемъ, вновь вступали въ жизнь. Онъ исповѣдался человѣку, носившему въ себѣ внутреннее духовное освященіе; и въ своемъ сознаніи онъ чувствовалъ себя не обѣдѣвшимъ, а напротивъ укрѣпленнымъ и приготовленнымъ ко всякимъ добрымъ отношеніямъ къ ближнему.

Эрихъ открылъ окно и вдыхалъ свѣжій, ароматный ночной воздухъ. Внизу въ долинѣ двигался тонкій туманъ, въ деревьяхъ колокола звонили полночь, тихо и скромно звонилъ также колоколъ въ Вольфсгартенѣ. Юноша погрузился въ жизнь природы: деревья шумѣли, вѣтви двигались, и каждая почка напоялась влагой. Вдалекѣ гудѣлъ еще ночной поѣздъ желѣзной дороги, соловьи громко пѣли и вдругъ перестали, какъ будто побѣжденные сномъ.

Подобно массѣ облаковъ, вся жизнь, своя и чужая, двигалась около Эриха. Сколько пережито имъ въ одинъ этотъ день, и однако онъ еще не переступалъ порога того дома, гдѣ, быть можетъ, приготовлялось все его будущее! Онъ обновилъ передъ собой свое прошедшее и подумалъ о пріютѣ, о которомъ еще вчера и не подозревалъ. О, какъ міръ великъ и богатъ! въ немъ часто живутъ наши наилучшіе друзья, ожидая только призыва и пріивѣтственнаго взгляда.

Вся полнота жизни, заключенной въ безконечности природы и человѣческаго духа, излилась на Эриха, и онъ съ блаженствомъ виталъ въ ней; въ эту минуту, онъ отдалъ свою жизнь, она была взята у него, онъ былъ свободенъ, но онъ уже не былъ самъ собой, онъ жилъ и виталъ въ безконечности.

Надъ горами по ту сторону рѣки взошла луна; проливной дождь прошумѣлъ по лѣсу; соловей снова громко запѣлъ, туманъ въ долинѣ поднялся и исчезъ, и широкій лучъ засверкалъ вдали на стеклянномъ куполѣ. Тамъ вила Эдемъ!

Только съ большой борьбой Эрихъ уступилъ наконецъ усталости и затворилъ окно. Черный коммодъ съ гербомъ принца Леонгарда прежде всего приковалъ его взглядъ. Эрихъ улыбнулся. Клодвигъ показалъ въ домѣ и передъ всѣми слугами, какъ онъ уважаетъ своего гостя; здѣсь еще нѣсколько дней тому назадъ жилъ принцъ. Эрихъ долго смотрѣлъ на бюстъ Медузы; это большое, энергическое и прекрасное лицо было поразительно. На головѣ съ диво разбросанными локонами лежали два крыла; подъ нахмуренными бровями смотрѣли неподвижно большіе глаза уничтожающимъ взглядомъ; ротъ искривленъ гнѣвомъ, и на гу-

бахъ лежать слова насмѣшки и злорадства; подъ подбородкомъ, какъ платокъ, завязались въ узелъ двѣ змѣи. Видъ этой головы былъ отталкивающій и вмѣстѣ привлекательный.

Противъ Медузы стоялъ бюстъ «Побѣды», Рауха, — удивительная женская фигура, напоминающая черты королевы Луизы; благородная голова съ дубовымъ вѣнкомъ, не поднятая, а наклоненная, какъ будто обдумывала и удерживала... Какую странную противоположность представляли эти два бюста! Сегодня некогда уже думать объ этомъ; сонъ одолеваетъ Эриха; но прошло немного времени, начало чуть свѣтать, и Эрихъ уже проснулся.

Есть часы и дни, когда на сердцѣ бываетъ радость и увѣренность въ себѣ, какъ будто человѣкъ нашелъ ключъ, отпирающій всѣ сердца, какъ будто онъ держитъ въ рукахъ волшебную палочку, разверзающую всѣ источники, и сближаетъ насъ съ каждымъ человѣкомъ, какъ товарищемъ и братомъ. Міръ просвѣтляется, и душа свѣжѣетъ чувствомъ чистѣйшаго счастья, которое есть не что иное, какъ бытіе, жизнь, дыханіе, любовь.

Обнятый этимъ чувствомъ, Эрихъ стоялъ у окна и смотрѣлъ черезъ рѣку на горы другого берега, на замки, городки, деревни по берегу и на высотахъ. Вездѣ человѣкъ дома здѣсь, и живетъ въ чудномъ мірѣ!

Эрихъ скоро уже былъ на воздухѣ; онъ прошелъ черезъ паркъ и лѣсъ, шелъ какъ будто не самъ, его точно несла какая-то неизвѣстная сила. На свѣжихъ весеннихъ листьяхъ деревьевъ, на травѣ и цвѣтахъ еще висѣли капли ночного дождя; воздухъ былъ неподвиженъ, и однако же деревья, шума какъ въ непогоду, часто вдругъ отряхали съ себя лежавшія на нихъ капли дождя. Это солнечный лучъ, который падаетъ теперь на вѣтви и листья, и производитъ непонятное для насъ движеніе. Въ кустарникѣ громко и ясно выкрикивалъ черный дроздъ, выдаваясь въ перекрестномъ веселомъ щебетаньи своихъ лѣсныхъ товарищей.

Эрихъ остановился у крытой галереи на гребнѣ горы и долго смотрѣлъ на коршуна, который свободно леталъ и взвивался надъ горой, и потомъ опустился въ зарѣчномъ лѣсу.

Отчего это ему вдругъ вспомнился господинъ Зонненкампъ?

Не была ли это зависть и страхъ маленькихъ птицъ, которыя злословятъ сильнаго, какъ будто этотъ послѣдній не имѣетъ права жить по своей силѣ?

Потомъ Эрихъ подумалъ о мальчикѣ, словно ему хотѣлось проникнуть въ его сонъ и сказать ему: Я скоро приду къ тебѣ.

Эрихъ долго осматривался кругомъ, не увидитъ ли онъ стек-

ляннаго купола, по не нашель его. Онъ пошелъ дальше по возвышенности, гдѣ скоро опять появились долины, высоты и горы.

Онъ остановился на большомъ полѣ и сталъ смотрѣть въ первый разъ, какъ сажали новый виноградъ. Рабочіе держали въ рукахъ свои орудія въ родѣ большихъ буравовъ, втыкали ихъ въ рыхлую землю и затѣмъ, правильными рядами, сажали молодыя растенія. Онъ поздоровался съ рабочими, они весело отвѣчали ему; по тону его голоса они могли слышать, что онъ каждому новаго человѣка привѣтствуетъ какъ брата. Онъ спрашивалъ ихъ, сколько нужно времени, пока въ первый разъ можно будетъ готовить изъ этого винограда вино, и старшій изъ рабочихъ подробно объяснилъ ему все; разговоръ съ поселянами освѣжилъ Эриха и снова свелъ его изъ блужданій въ безконечномъ — на землю. Уходя оттуда, онъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ успокоить высоко поднявшійся полетъ своихъ ощущеній для спокойной, дѣятельной жизни. Онъ узналъ отъ рабочихъ, что эта мыза принадлежала графу, который однако все отдавалъ въ аренду и не велъ также хозяйства и въ собственномъ имѣніи.

Эриху показали также находившуюся не подалеку цементную фабрику, смотритель которой дружески его принялъ; онъ видѣлъ здѣсь изразцы, сдѣланные по лучшимъ рисункамъ изъ временъ «возрожденія». Клодвигъ рекомендовалъ эти формы для производства, и работа имѣла хорошій сбытъ.

Эрихъ возвратился въ замокъ, освѣженный дыханіемъ природы и картиной дѣятельной человѣческой жизни. Слуга доложилъ, что графъ ожидаетъ его. Клодвигъ, уже одѣтый по всѣмъ приличіямъ свѣта, подаль гостю руку и сказалъ:

— Я буду еще спрашивать васъ обо многомъ, а теперь только объ одномъ: отчаялся ли въ концѣ жизни вашъ отецъ... или, какъ это сказать?... въ законно-примирающемъ, нравственномъ управленіи міра?

Со всей силой своихъ воспоминаній и вновь оживленный отраднымъ вліяніемъ утреннихъ впечатлѣній, Эрихъ разсказалъ, какъ его отецъ, еще въ послѣднюю ночь наканунѣ смерти, называлъ своего сына счастливымъ, что онъ вступаетъ въ новое время, которое не ограничивается только тѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ противорѣчій и насилія. «Сынъ мой — говорилъ онъ — у меня сердце трепещетъ отъ радости, при мысли о тѣхъ грядущихъ вѣкахъ, когда распутится та красота, свобода, заботливость о нашихъ ближнихъ, — все, что у насъ существуетъ теперь только въ зародышѣ. Взгляни сынъ мой, древніе только желали, чтобы государство воспитывало дѣтей, а теперь оно на дѣлѣ вос-

питываетъ ихъ, и притомъ такъ, какъ этого не воображали себѣ никакой Солонъ, никакой Сократъ. Ты доживешь до того времени, когда едва будутъ понимать, что были рабы, крѣпостные, подчиненные, что были цехи и весь хламъ этой жизни, которая обманываетъ сама себя».

Эрихъ прибавилъ, какъ онъ счастливъ, что отецъ его умеръ съ такимъ радостнымъ настроеніемъ, и онъ, его сынъ, можетъ съ такой полнотой жить въ его надеждахъ. Эрихъ говорилъ съ такимъ одушевленіемъ, что Клодвигъ, положивъ ему руку на плечо, сказалъ:

— Довольно объ этомъ на сегодняшнее утро!

Графъ только выразилъ при этомъ еще свою радость, что онъ можетъ такъ сродниться съ вырастающимъ поколѣніемъ, — его всегда мучила мысль, что онъ когда-нибудь потеряетъ связи съ новымъ временемъ.

— Мы кончили свою утреннюю молитву, давайте теперь завтракать — заключилъ Клодвигъ вставая, и слегка поворачиваясь, чтобъ идти. Впрочемъ, еще одинъ вопросъ. Не говорилъ вамъ никогда отецъ, что предшествовало... внезапному разрыву съ дворомъ... вы знаете, о чемъ я говорю?

— Конечно; отецъ рассказывалъ мнѣ это со всѣми подробностями.

— И онъ не запретилъ вамъ сообщать это другимъ?

— Другимъ — да, но вамъ — нѣтъ.

— Онъ называлъ мое имя?

— Нѣтъ, но онъ положительно разрѣшилъ мнѣ сообщать это тѣмъ, кого я уважаю отъ всей души, и вамъ я могу это сказать.

— Говорите немного потише, попросилъ Клодвигъ, и Эрихъ продолжалъ:

— На той послѣдней аудіенціи, о которой никто не могъ ничего узнать, отецъ мой долженъ былъ получить отъ герцога дипломъ на дворянство, чтобы имѣть возможность занять мѣсто при дворѣ. Онъ сказалъ герцогу: Ваше высочество, вы уничтожаете весь плодъ моего долготѣянаго труда, въ которомъ я посвятилъ лучшія мои силы образованію молодого принца — если думаете, что я приму этотъ даръ, или что я вообще считаю это за что-нибудь, соответствующее нашему времени. — Я не шучу съ подобными вещами, отвѣчалъ герцогъ. — И я также, возразилъ мой отецъ. — Послѣ того прошли годы, какъ онъ мнѣ это рассказывалъ, и его губы еще дрожали, при воспоминаніи о той минутѣ, когда онъ и его воспитанникъ въ послѣдній разъ стояли

молча другъ противъ друга; эта минута была самая горькая въ его жизни.

Между Эрихомъ и Клодвигомъ снова наступила нѣмая пауза, пока, наконецъ, послѣдній сказалъ:

— Я понимаю, понимаю. Пойдемте.

Они вошли въ залу нижняго этажа, двери которой были затворены. Вскорѣ явилась и Белла; она чувствовала, что Эрихъ внимательно смотрѣлъ на нее и, быстро отвернувшись, стала готовить кофе за другимъ столомъ.

— Моя жена, сказалъ Клодвигъ, послала уже сегодня записку фрейлейнъ Пэрини, а я велѣлъ посланному сказать господину Зонненкампу, что вы, любезный Дорнэ, будете у него только сегодня вечеромъ, или, еще скорѣе, завтра утромъ.

— А я должна извиниться передъ вами за брата; сегодня рано утромъ онъ отправился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго называютъ здѣсь «кавалеромъ бутылки», на военную армарку въ Мангеймъ. Хотите кофе или чаю?

— Если можно, кофе.

— Это хорошо, и въ этомъ случаѣ мы съ вами хорошіе друзья, сказала Белла. По моему, нѣтъ ничего отвратительнѣе той вѣжливости, когда люди отвѣчаютъ на такой вопросъ: мнѣ все равно! Если вамъ—думаю я—все равно, милая деликатная душа, такъ выберите себѣ что-нибудь опредѣленное, и не взваливайте этого рѣшенія на меня.

Такъ начался разговоръ въ веселомъ тонѣ, и всѣ сѣли за столъ.

Белла знала, что Эрихъ смотритъ на нее, и знала, что въ изящномъ утреннемъ нарядѣ она казалась еще прелестнѣе, чѣмъ когда она одѣта для гостиной. Ея движенія были эластичны и граціозны. По фигурѣ, Белла была тонкое, стройное и горделивое созданье; ея мягкіе темнорусые волосы, на половину распущенные, сдерживались кружевной косынкой, которая, повидимому, наброшена была невзначай и небрежно, какъ бы безъ совѣщаній съ зеркаломъ; и завязана подъ подбородкомъ. Цвѣтъ лица былъ свѣжъ, какъ будто Белла только-что вымылась молокомъ, и она дѣйствительно умывала его молокомъ каждое утро и вечеръ. Выраженіе ея лица было рѣзко и изящно, черты благородны, и только на верхней губѣ была впадинка, которую одинъ злоязычный кавалеръ при дворѣ называлъ однажды примѣтой отравительницы; досадно было для Беллы одно, а именно, что голосъ у нея собственно былъ мужской.

Въ легкомъ разговорѣ за завтракомъ, она выказала всю свою привлекательность, задушевность и вмѣстѣ лукавство. По вре-

ментамъ она пристально вглядывалась въ Эриха, и была поражена его наружностью; вчера она видѣла его только въ сумерки и потомъ при огнѣ. Теперь онъ являлся днемъ; его лице блестѣло еще и потому, что наружность отражала на себѣ счастливо возбужденную внутреннюю жизнь; онъ смотрѣлъ на Беллу, какъ будто хотѣлъ ей сказать: Я сдѣлался почти сыномъ вашему мужу; пусть и между нами возникнетъ благородная симпатія!

Белла была необыкновенно любезна, быть можетъ чувствуя, что сегодня она уже прибѣгла къ маленькому коварству. Написанная по-итальянски записка къ фрейлейнъ Парини заключала въ себѣ осторожно выраженный, но въ сущности положительный намекъ, что новаго гостя надо внимательно извѣдать.

Когда же Клодвигъ прибавилъ посланному, что Эрихъ придетъ въ Эдемъ только вечеромъ или на другой день, она подумала, что употребленное ею коварство было кстати, и совсѣмъ успокоилась, такъ какъ Клодвигъ еще никогда съ такою настойчивостью не удерживалъ у себя гостя, и никто еще не могъ похвалиться, чтобы ему удалось вывести графа изъ собственнаго его самодовольнаго спокойствія.

Клодвигъ и Белла взаимно обѣщали жить только другъ для друга, и до сихъ поръ они вѣрно сдерживали обѣщаніе. Я человѣкъ усталый, сказалъ Клодвигъ Беллѣ, когда предлагалъ ей свою руку; а она отвѣчала, что соглашается успокоить усталаго. Съ тѣхъ поръ Белла прекратила всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ; она знала, что дружескія посѣщенія наполняютъ только извѣстные часы и дни, и затѣмъ уединеніе дѣлается еще болѣе чувствительнымъ.

Белла была очень мила со всѣми и всегда, если только всѣ и всегда дѣлали и жили такъ, какъ ей хотѣлось. Но въ сущности она не любила людей, она не имѣла въ нихъ никакой потребности, ничего не хотѣла отъ другихъ, и другіе также должны были оставить ее въ покоѣ. Пренія многочисленныя знакомства Клодвигъ, холостыя и семейныя, были ей противны, и Клодвигъ подчинился желанію живущей только для него жены, ограничить до послѣдней мѣры свою обширную переписку и свои личныя отношенія. На время у нихъ остались связи только съ двумя кружками общества въ ближайшей окрестности. Одно бюргерское общество, или общество «холодной закуски», какъ называли его здѣсь на верху, мы видѣли вчера; съ другой стороны, два раза въ году они приглашали къ себѣ разсѣянню живущую аристократію. Неужели этотъ дезертировавшій капитанъ нарушилъ теперь все это?

Торжествуя при мысли, что она удалитъ его, Белла стано-

вилась все краснорѣчивѣе, а Эрихъ восхищался тѣмъ веселымъ настроеніемъ, которое проникаетъ рейнскій край и охватываетъ каждого, кто вступаетъ въ кругъ его обитателей. Наконецъ, онъ свелъ разговоръ опять на Зонненкампа и замѣтилъ, что ему кажется очень загадочнымъ тотъ оборотъ, съ какимъ вчера упомянуто было имя этого человѣка.

Белла съ большой поспѣшностью объяснила, что наперекоръ упрямому филистерству, она находитъ этого человѣка весьма привлекательнымъ; это завоеватель, смѣлый герой, а въ этомъ мірѣ, устроенномъ на акціяхъ, конечно, нечего больше и завоевывать, кромѣ денегъ.

Казалось, между странностями въ Зонненкампѣ и въ Беллѣ была какая-то родственная связь. Клодвигъ весьма обдуманно прибавилъ:

— Мнѣ часто случалось видѣть, что пока у человѣка богатство еще растетъ, его счастье представляется людямъ какъ справедливый результатъ житейскаго благоразумія; всѣмъ пріятно, какъ будто всѣ вырастаютъ также вмѣстѣ съ нимъ. Но когда человѣкъ достигъ своей цѣли, люди измѣняютъ ему, и то же житейское благоразуміе, которое прежде такъ одобряло, теперь осуждаетъ его. Понимаете-ли вы что-нибудь въ садоводствѣ?

— Нѣтъ.

— Господинъ Зонненкампъ весьма замѣчательный садоводъ. И не странно-ли, въ устройствѣ парковъ мы превзошли французское садоводство, которое налагало на родную растительность свой стиль, а теперь ушло въ огородничество, и такимъ образомъ находитъ себѣ сильную защиту въ господствующей надъ всѣмъ пользѣ. Англичане мастерски разводятъ свиней, до того, что у нихъ свиньи обращаются въ кусокъ жиру на четырехъ ногахъ; напротивъ, французы выбрали себѣ обработку овощей, и достигаютъ тутъ почти баснословныхъ результатовъ. Да, да, сказалъ онъ усмѣхаясь, господинъ Зонненкампъ воспитываетъ деревья, но воспитывая, онъ деспотически ломаетъ ихъ. Сегодня я могу говорить съ вами откровеннѣе; господинъ Зонненкампъ всегда былъ мнѣ чуждъ и всегда такимъ останется чуждымъ. При всемъ хорошемъ обращеніи и даже при старательной заботливости о хорошемъ обращеніи, въ его характерѣ проглядываетъ какая-то дикая грубость; я понимаю грубость въ первоначальномъ смыслѣ грубости дикаря.

— Да, прибавила Белла, ваше положеніе тамъ будетъ трудное, и особенно съ Роландомъ.

— Съ Роландомъ?

— Да, такъ зовутъ мальчика; мальчику хотѣлось бы, пожалуй, много знать, и ничему не учиться.

Белла осматрѣлась съ удовольствіемъ, что она выразилась такъ удачно. Попугай въ большой клѣткѣ, стоявшей на верандѣ, громко закричалъ, какъ будто разсердся.

— Посмотрите, сказала вставая Белла, вотъ мой тиранъ, — ученикъ, который страшно мучить свою учительницу.

Она взяла попугая изъ клѣтки, посадила его себѣ на плечо, ласкала и гладила его, такъ что можно было почти позавидовать этой расточительности; всѣ ея движенія были граціозны, въ особенности поворотъ шеи и наклоненіе затылка.

ГЛАВА XI.

«МЕДУЗА» И «ПОВѢДА».

Когда Белла ушла, Клодвигъ долго сидѣлъ, опустивъ глаза. Наконецъ, онъ кивнулъ Эриху, какъ будто только-что увидѣлъ его. Между тѣмъ Белла воротилась опять, держа на руцѣ и глядя попугая. Она ходила по комнатѣ и часто оборачивалась назадъ, когда Эрихъ рассказывалъ, что сегодня онъ, какъ будто насильно отрываясь отъ картины Рейна, отправился въ противоположную сторону, и уже говорилъ со многими.

Клодвигъ при этомъ нѣсколько длинно распространился на счетъ своей любимой мысли, что въ фізіономіи и характерѣ здѣшнихъ жителей еще видны слѣды римскихъ колонистовъ. Беллѣ, кажется, досадно было слышать это еще разъ, и она сказала какимъ-то раздражительнымъ тономъ:

— Когда удаляешься отъ Рейна, то чувствуешь, — по крайней мѣрѣ я чувствую это, что кто-то, вѣроятно, батюшка-Рейнъ, смотреть мнѣ вслѣдъ и какъ будто зоветъ: оглянись-же.

— Мы, мужчины, не всегда имѣемъ это чувство, чтобы на насъ какъ будто кто-нибудь смотрѣлъ, проговорилъ Клодвигъ, и обратился къ Эриху съ просьбою опредѣлить древность глинянаго сосуда, который стоялъ въ столовой на столѣ; это былъ вчерашній подарокъ мирового судьи. Эрихъ сдѣлалъ это легко, и они перешли потомъ въ сосѣднюю комнату, которая наполнена была пестрыми разнообразными предметами, найденными при раскопкахъ. Эрихъ, только-что оставившій научныя занятія, говорилъ съ такимъ знаніемъ обо всѣхъ предметахъ, встрѣчавшихся въ разговорѣ, что Белла не могла не высказать ему своего удивленія.

— Вы хорошій наставникъ, и учиться у васъ должно быть пріятно.

Эрихъ поблагодарилъ. Белла съ любезной говорливостью продолжала:

— Да, да, многіе сообщаютъ свои знанія, чтобы блеснуть ими; другіе выдаютъ ихъ опять съ неохотой; а вы, докторъ, учите какъ добрый другъ, который радуется, что можетъ одарить, а еще больше радуется, что его даръ благотворенъ для получающаго. И вы учите такъ, что не только убѣждаешься въ вашемъ знаніи, но думаешь, что и самъ начинаешь понимать.

Клодвигъ взглянулъ съ удивленіемъ; совершенно тѣми же словами, наканунѣ вечеромъ, онъ рассказывалъ объ отцѣ Эриха, когда вспоминалъ, что единственное маленькое его сочиненіе написано было при самомъ безкорыстномъ содѣйствіи профессора Дорнэ.

Белла, выказавши себя столь неожиданно любезной, ушла. Мужчины еще долго оставались одни; они отправились въ комнату Эриха, и здѣсь Эрихъ подаль Клодвигу экземпляръ своей докторской диссертациі; только теперь пришло ему въ голову, какъ странно все это складывалось. Онъ писалъ свое изслѣдованіе объ апокрифическомъ сочиненіи Платона «О богатствѣ», а теперь ему именно приходилось руководить воспитаніемъ въ богатствѣ. Оба они какъ будто удивились этому обстоятельству.

Клодвигъ просилъ Эриха прочесть ему по-нѣмецки диссертацию, написанную по-латыни. Эрихъ исполнилъ просьбу, и это было для обоихъ глубоко пріятныя минуты. Когда они опять встали, Клодвигъ замѣтилъ, какъ должно казаться страннымъ найти здѣсь «Медузу» и «Побѣду» поставленными одна противъ другой; онъ признается въ ереси, которая, быть можетъ, и осуждается наукой, но нравится ему лично. Медуза кажется ему изображеніемъ всепожирающей страстности, которая, при взглядѣ на нее заблудшагося, способна удержать его въ оцѣпенѣніи передъ собою; весьма знаменательно, говорилъ онъ, то, что древніе представляли этотъ крайній душевный хаосъ въ видѣ женщины, потому что именно въ женщинѣ безпредѣльная страсть, въ силу противоположности, обнаруживается еще рѣзче. «Побѣда» Рауха, напротивъ, представляется ему воплощеніемъ высоко-нравственнаго духовнаго настроенія новыхъ временъ.

— Это лицо удивительно похоже — онъ не кончилъ одной фразы, и запинаясь перешелъ въ другую: это не та богиня Побѣды, которая гордо и возвышенно носитъ вѣнецъ на свѣтломъ челѣ, это изображеніе Побѣды, которая въ душѣ печалится о томъ, что должна была побѣждать противника. Этого мало; по

моему мнѣнію, это—богиня Побѣды надъ самимъ собой, что, во всякомъ случаѣ, есть величайшая побѣда. Сказавши это, онъ прибавилъ:

— Теперь оставлю васъ; сегодня и вчера я уже слишкомъ много васъ беспокоилъ.

Эрихъ остался одинъ; между тѣмъ какъ онъ писалъ своей матери, Клодвигъ говорилъ Беллѣ:

— Этотъ молодой человѣкъ—идеальная натура; не ему жить связаннымъ подобной службой; ему слѣдуетъ быть свободнымъ, какъ свободна птица на вѣтѣхъ; она поетъ, летаетъ безъ всякой предназначенной цѣли, безъ всякаго опредѣленія времени, и всегда одна. Встрѣтить такую родниковую натуру—это счастье.

— Не слишкомъ ли онъ самъ сознаетъ свою натуру? спросила Белла, съ враждебнымъ блескомъ въ глазахъ.

— О, нѣтъ! Онъ не хочетъ радоваться; это чистый свѣтъ; когда я бываю съ нимъ, я точно возвышаюсь въ свѣтлыя области духа; это человѣкъ чистыхъ воззрѣній, и съ нимъ я чувствую себя дома, какъ въ собственной душѣ.

Белла молчала, а Клодвигъ продолжалъ:

— Въ особенности мнѣ нравится въ немъ то, что въ разговорѣ онъ даетъ кончить мысль, не прерываетъ ея ни миной, ни движеніемъ; при такомъ живомъ и такъ хорошо снабженномъ умѣ, это вдвойнѣ дорого, это больше чѣмъ просто хорошая манера.

Белла все молчала и прилежно занималась вышиваніемъ, совсемъ наклонившись надъ своей работой. Наконецъ, она подняла голову и сказала,—въ лицѣ ея было ясное выраженіе:

— Я радуюсь твоей радости.

— И я желалъ бы всегда имѣть эту радость, сказалъ Клодвигъ. Зачѣмъ мнѣ уступать этого человѣка другому, и особенно этому господину Зонненкампу? Я въ состояніи дать ему свободный пріютъ на цѣлыя годы. Почему мнѣ не сдѣлать этого?

— Почему не сдѣлать? возразила Белла и бросила въ сторону свое шитье. Мнѣ нѣтъ надобности говорить тебѣ, что я не знаю другой радости въ жизни, кромѣ твоей. Но оставь въ покоѣ это короткое счастье, твою дѣтскую вѣру въ эту благородную личность. Я также нахожу, что въ немъ есть нѣчто возвышенное, онъ даетъ много и охотно, и въ немъ есть что-то нравственно возбуждающее.

— Но отчего же однако не сдѣлать этого?

— Потому что мы хотимъ оставаться одни! Клодвигъ, оставаясь одинъ! Я желаю, чтобы и братъ вскорѣ опять оставилъ насъ; всякій третій, будь это ближайшій родственникъ или ближай-

шій нравственно человекъ, дѣлаетъ однако то, что ты для меня становишься не одинъ, и я для тебя не одна.

Говоря это, она держала руку на рукѣ Клодвигъ; теперь она взяла его за руку и стала гладить ее.

Клодвигъ ушелъ, и Белла смотрѣла на него вслѣдъ, качая головой.

Къ завтраку Белла вышла прекрасно одѣтая, съ единственною розою въ волосахъ. Между тѣмъ, какъ мужчины казались утомленными, она была чрезвычайно жива и много рассказывала о томъ, какой счастливой она всегда чувствовала себя въ домѣ родителей Эриха; это было семейство, гдѣ не произносилось ни одного неблагозвучнаго слова, потому что мать всегда лелѣла въ себѣ новую идеальную мысль; она похожа была на жрицу, которая всегда поддерживала чистый огонекъ на домашнемъ алтарѣ. Эрихъ, доведенный до послѣдней степени восторга, испытывалъ новое восхищеніе.

Днемъ они побѣжали на прогулку; Белла была въ началѣ молчалива. Они посѣтили остатки стараго римскаго лагеря. Белла сидѣла одна на скамейкѣ подъ деревомъ, пока мужчины бродили кругомъ...

Когда они собрались вечеромъ при лампѣ, Белла опять явилась переодѣтою; въ этотъ день она перемѣнила платье въ третій разъ; и теперь она опять была чрезвычайно оживлена.

Во всю свою жизнь Белла никогда не была недовольна собою; она никогда не раскаявалась въ томъ, что сдѣлала, потому что всегда говорила себѣ: въ тотъ моментъ, когда я это сдѣлала, я, конечно, имѣла на это основаніе. Нынѣшній разъ она прежде всего никакъ не хотѣла показаться новому любимцу своего мужа въ ложномъ свѣтѣ или одной ничтожной привѣской въ мужу; Эрихъ долженъ былъ понять, кто она. Она не только жена Клодвигъ, но и Белла фонъ-Пранкенъ.

Едва Клодвигъ выразилъ желаніе, чтобы она что-нибудь сыграла, она была тотчасъ готова. Торопливость и быстрота, съ какою она снимала съ рукъ брелчашіе браслеты, которые Эрихъ тотчасъ съ большою внимательностью принималъ у нея и положилъ на мраморный столикъ подъ зеркаломъ, манера, съ которою она повела руками, какъ порхающими крыльями, въ воздухъ и потомъ опустила на клавиши, какъ пловець, когда онъ попадаетъ въ свою стихію—все это показывало, что она рѣшилась не оставаться на второмъ планѣ. Еще никогда съ тѣхъ поръ, какъ она была женой Клодвигъ, она не играла такъ въ присутствіи третьяго; всегда одинъ Клодвигъ слышалъ ея мастерскую игру на фортепьяно. Сегодня она играла съ такимъ наслажде-

ніемъ и такимъ мастерствомъ, что даже Клодвигъ, знавшій всѣ особенности ея игры, былъ снова изумленъ и восхищенъ.

Во время одной паузы Эрихъ, кажется, попалъ въ тонъ, замѣтивъ, что послѣ счастья, испытаннаго имъ въ обществѣ съ возвышенными людьми, и наслажденія свободной природой, для души не оставалось ничего, какъ искать новыхъ ощущеній въ безграничномъ и безбрежномъ эфирѣ музыки. Тутъ зиждется въ насъ царство мечты на яву; глубокихъ впечатлѣній, которыя за предѣлами слова и зрѣнія творятъ нѣчто, чего нѣтъ никогда въ видимой и слышимой жизни природы, и что раскрывается изъ загадочно-глубокой основы человѣческаго духа.

Когда Моцарта спросили, что происходитъ въ немъ передъ тѣмъ, какъ онъ пишетъ свои произведенія, онъ далъ отвѣтъ: «ничего, кромѣ именно музыки, которая ищетъ себѣ выхода; это—чистая фантазія безъ опредѣленнаго ощущенія и безъ опредѣленныхъ мыслей; какое-то ритмическое волненіе тоновъ» — такъ и мы, послѣ всѣхъ рефлексій и наблюденій, переносимся при посредствѣ музыки въ то чистое, неопредѣленное, но все проникающее царство звуковъ, которое есть освобожденный и замкнутый въ себѣ хаосъ.

Белла сидѣла на большомъ стулѣ и откинулась назадъ, она была удивительно хороша, такъ-что Эрихъ, смотрѣвшій на нее въ забытіи, опустилъ глаза.

Къ изумленію обоихъ собесѣдниковъ она вдругъ встала и простилась; она подала руку сначала Клодвигу, потомъ Эриху, потомъ еще разъ Клодвигу, и быстро вышла.

Клодвигъ оставался недолго съ своимъ гостемъ, потомъ простился и онъ.

Словно отуманенный шелъ Эрихъ въ свою комнату. Какъ богатъ міръ! что-за день былъ сегодня, отъ утра въ росистомъ лѣсу и до сихъ поръ; человѣческое счастье — истина! Подъ этой кровлей два существа достигли спокойствія и счастья, какія въ дѣйствительномъ мірѣ считаются едва мыслимыми.

На устланной ковромъ лѣстницѣ онъ вдругъ остановился, и, среди неясной мысли о богатомъ домѣ, въ который онъ хотѣлъ войти и среди сознательной мысли о полнотѣ человѣческой жизни здѣсь, его вдругъ остановилъ вопросъ: такая прекрасная жизнь, такая полнота души въ свободномъ наслажденіи природой, и затѣмъ опять свободное насыщеніе всѣмъ прекраснымъ въ наукѣ и искусствѣ,—не остается ли все это возможнымъ только для одного богатства, освобождающаго отъ всѣхъ заботъ и нуждъ, отъ всякаго труда ради насущныхъ потребностей?

Когда Эрихъ вошелъ со свѣчой въ верхнюю залу, онъ оста-

новился въ страхѣ: передъ нимъ, какъ привидѣніе, стояло изображеніе Медузы, которая смотрѣла на него съ открытымъ ртомъ и неподвижными глазами съ такимъ сильнымъ и подавляющимъ выраженіемъ.

Что это? Откуда вдругъ въ этомъ изображеніи такое сходство? Подозрѣваетъ ли это Клодвигъ? И въ тоже время, оно такъ страшно.

Эрихъ оглянулся, — это точно игра злого духа.... и прямая противоположность Медузы, — «Побѣда», также похожа на Беллу, когда она тихо и спокойно, покорно и скромно опускаетъ голову.

Подозрѣваетъ-ли Клодвигъ эту удивительную игру контраста, и не это ли онъ хотѣлъ выразить, когда сегодня утромъ признавался въ своей ереси?

Виски у Эриха сильно бились.

Онъ потушилъ свѣчу и долго еще смотрѣлъ въ темноту ночи, стараясь вновь пробудить въ воспоминаніи веселую полноту прошедшаго дня.

ГЛАВА XII.

FRAU AVENTURE.

Утромъ Эрихъ надѣлъ свой капитанскій мундиръ, потому что Клодвигъ совѣтовалъ ему это, осторожно ссылаясь на одинъ прежній опытъ. Онъ далъ ему въ распоряженіе и лошадь; а багажъ хотѣлъ прислать послѣ.

Морщинистое лицо Клодвига разгладилось, когда красивый молодой человѣкъ, которому военное платье было къ лицу, вошелъ въ комнату. Поздоровавшись съ нимъ, онъ указалъ на руку Эриха и замѣтилъ:

— Снимите этотъ трауръ.

Эрихъ взглянулъ на него съ удивленіемъ, и Клодвигъ объяснилъ:

— Вы не можете быть сентиментальны, и согласитесь со мной, что не идетъ въ первый разъ являться въ чужомъ домѣ съ знаками траура. Этимъ мы какъ бы требуемъ участія, котораго собственно не можемъ еще требовать. Вамъ слѣдуетъ сказать себѣ разъ совершенно опредѣленно, и потомъ вы будете за то совершенно спокойны: вы вступаете на службу и притомъ у чрезвычайно богатаго человѣка, который удаляетъ изъ круга своего зрѣнія все непріятное для глаза. Чѣмъ больше вы будете беречь свою личную жизнь для одного себя, тѣмъ вы свободнѣе.

Клодвигъ съ усмѣшкой прибавилъ цитату изъ Лукіановой публичной продажи философскихъ сеетъ, гдѣ стоикъ, въ качествѣ раба, восклицаетъ: «хоть я и проданъ, но въ себѣ самомъ я свободенъ!»

Эрихъ съ добродушной улыбкой снялъ съ руки трауръ.

Белла просила извинить ее, что не выйдетъ къ завтрагу; она прощается съ Эрихомъ до свиданья.

Итакъ, мужчины остались одни. Клодвигъ передалъ Эриху письмо, которое онъ долженъ былъ вручить Зонненкампу; при этомъ онъ настоятельно и нѣсколько разъ повторялъ Эриху, чтобы не кончать дѣла, пока не увидится съ нимъ еще разъ. Скороговоркой онъ прибавилъ:

— Быть можетъ, я все-таки удержу васъ для одного себя.

Какъ мать передъ отъѣздомъ сына, отправляющагося въ чужую сторону, все еще набиваетъ ему карманы, такъ Клодвигъ старался еще снабдить своего молодого друга всевозможными наставленіями.

— Я мало знаю мальчика—говорилъ онъ—я знаю только, что онъ очень хорошъ собой. И вы, вѣроятно, согласитесь, что было бы совершенно превратно сообщать молодой душѣ великіе принципы, которые должны давать направленіе жизни,—прежде, чѣмъ эта молодая душа овладѣетъ матеріаломъ жизни и сознаетъ собственныя стремленія.

— Конечно, отвѣчалъ Эрихъ: это совершенно тоже, что строить въ неразработанныхъ и полуцивилизованныхъ странахъ желѣзныя дороги, пока нѣтъ другихъ дорогъ, для подвоза земледѣльческихъ и промышленныхъ продуктовъ. Причина болѣзни новѣйшаго человѣчества, какъ часто говорилъ мой отецъ, заключается въ томъ, что ребенку догматически внушаютъ законы мірового правленія; это роскошь, рассчитанная на обманъ глаза; никакихъ результатовъ, потому что «есть прыжокъ мимо первой ступени».

Клодвигъ нѣсколько разъ выражалъ свое согласіе. Этого человѣка можно спокойно пустить въ открытое море; у него есть съ собой компасъ.

Наконецъ, пришло время отправляться.

Клодвигъ сказалъ: «Я еще провожу васъ немного». Эрихъ взялъ лошадь за поводъ. Идя рядомъ, Клодвигъ часто взглядывалъ на своего молодого друга съ любовью и заботливостью. Сначала онъ повторилъ, что считаетъ въ высшей степени достойной задачей образовать изъ молодого американца способнаго человѣка; затѣмъ еще разъ совѣтовалъ ему имѣть въ виду только одно это и рѣшительно не слушать никакихъ толковъ о Зон-

ненкампъ. «Быть можетъ, господинъ Зонненкампъ предоставляет говорить о себѣ что угодно, или потому, что онъ достаточно честенъ и порядоченъ, чтобы заботиться о людской молвѣ, или, быть можетъ, въ его жизни есть факты, которые онъ охотно приписываетъ ложнымъ слухамъ. Странно, конечно, что господинъ Зонненкампъ, хотя онъ по происхожденію нѣмецъ, еще никогда не видѣлъ въ своемъ домѣ никакихъ родственниковъ. Между тѣмъ, вѣроятно, что онъ человѣкъ простого происхожденія, что онъ дѣлаетъ добро своимъ родственникамъ подъ условіемъ, чтобы они избѣгали всякихъ сношеній съ нимъ. Майоръ Краслеръ говорилъ разъ нѣчто подобное».

— Еще одно, сказалъ Клодвигъ и остановился. Не говорите ничего господину Зонненкампу, что вы нѣсколько времени заведывали арестантами. Я не хочу этимъ бросать никакого пятна на господина Зонненкампа, но многіе боятся людей подобной практики.

Эрихъ поблагодарилъ; онъ видѣлъ сердечныя старанія этого человѣка уравнивать ему жизненный путь. Они тихо пошли дальше.

— Здѣсь я ворочусь, сказалъ наконецъ Клодвигъ. Позвольте мнѣ дать вамъ еще одно предостереженіе.

— Предостереженіе?

— Быть можетъ, я употребилъ не то слово, я хотѣлъ только еще сказать вамъ: позаботьтесь о томъ, чтобы въ свѣтѣ васъ не считали экзальтированнымъ. Кто ищетъ въ жизни чего-нибудь, кромѣ пользы, удовольствія и почестей, тотъ вообще рискуетъ показаться экзальтированнымъ для многихъ, которые не подозреваютъ возможности такихъ стремленій; свѣтъ не можетъ быть справедливымъ къ такимъ людямъ; онъ долженъ осуждать ихъ, потому что въ этихъ людяхъ онъ видитъ осужденіе собственныхъ стремленій. Если вы останетесь вѣрны себѣ—а я полагаю такъ, — вамъ всю жизнь придется нести мученичество; несите его въ своемъ гордомъ сознаніи и знайте, что новый старый другъ признаетъ васъ и продолжаетъ жить съ вами.

Старикъ быстро положилъ руки на плеча Эриха, поцаловалъ его, торопливо отвернулся и ушелъ. Онъ больше не оглядывался.

Эрихъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ. Поворачивая за уголъ лѣса, онъ оглянулся еще разъ, и увидѣлъ, что Клодвигъ стоитъ.

Белла смотрѣла на нихъ обоихъ съ балкона, откуда видна была вся дорога; теперь она пошла на встрѣчу мужу и была не мало удивлена, взглянувъ на его лицо. Въ немъ выражалось такое волненіе, какого она еще не видѣла. Онъ, кажется, плакалъ. Клодвигъ поспѣшно сказалъ:

— Ты говорила правду, намъ лучше оставаться однимъ. Но я радуюсь этой новой молодежи; она не такова, какъ были мы; она уже не колеблется между этими двумя полюсами — восторгомъ и отчаяніемъ; въ ней, напротивъ, замѣтно, — если можно такъ сказать, — извѣстное интеллектуальное воодушевленіе, и я думаю, что она сдѣлаетъ больше нашего. Я счастливъ, что еще не такъ старъ и могу понимать эту юность. Удивляюсь нашему настоящему и люблю его. Еще ни въ какія времена не бывало какъ теперь, чтобы каждый и въ каждомъ призваніи такъ опредѣленно зналъ, чего онъ хочетъ и что долженъ дѣлать; такъ теперь и въ наукѣ, такъ и въ жизни.

Белла нашла нужнымъ что-нибудь отвѣчать и сказала, что для молодого Зонненкампа большое счастье получить такого руководителя.

— А мнѣ прискорбно, что онъ попадаетъ въ этотъ домъ.

— И однако-же ты самъ рекомендовалъ его.

— Да, это правда. Человѣку рано или поздно отмщается за то, что онъ предпринимаетъ не вполне правдиво или съ противорѣчіемъ въ душѣ. Теперь я поставилъ себя ближе къ этому Зонненкампу, а собственно говоря, я не хочу этого. Въ этомъ домѣ я всегда испытываю такое ощущеніе, какъ въ семействѣ, гдѣ ѣдятъ лошадиное мясо. Боже мой! Быть можетъ, это предразсудокъ, привычка; лошадиное мясо есть также кушанье. Но теперь мнѣ нечего заботиться объ этомъ прекрасномъ молодомъ человѣкѣ.

Клодвигъ, повидимому, не могъ наговориться объ Эрихѣ, и удивлялся вспоминая теперь все, что онъ услышалъ отъ него въ это короткое время; показывая на цвѣтущую вишню, онъ сказалъ:

— Посмотри на это цвѣтущее дерево; таковъ и этотъ Дорнъ. Оно отряхиваетъ съ себя цвѣты и каждого осыпаетъ ими, а все-таки остается по прежнему богато.

Белла отвѣчала, что когда о человѣкѣ такъ говорятъ и думаютъ, для него должно быть трудной задачей—остаться всегда достойнымъ этого мнѣнія.

— Нельзя ли, однако, спросила она скромнымъ тономъ, видѣть въ этой общительности преувеличенное чувство своего достоинства или даже тщеславія?

— О, нѣтъ. У этого молодого человѣка нѣтъ желанія блеснуть, онъ хочетъ только, чтобы ни одна минута жизни не проносилась мимо его безплодно. Онъ заставляетъ дѣйствовать ея движущую силу, и что онъ при этомъ радуется другимъ, ихъ вниманію и участію, это необходимо; безъ этой радости сооб-

пительность не была бы возможна. Это—вѣра, которая можетъ сдвинуть съ мѣста горы предразсудковъ.

— Вѣра? Белла усмѣхнулась и очень вѣстати усмѣхнулась впередъ своему остроумію. — Мнѣ кажется, что это скорѣе непрерывный восторгъ невѣрія.

Клодвигъ съ большой ревностью старался объяснить ей, что, напротивъ, въ этомъ состоитъ трудное усиліе постигнуть жизнь. Онъ говорилъ очень горячо и очень долго. Белла дѣлала видъ, что слушаетъ, но она едва слушала его; она подсмѣивалась въ душѣ надъ старымъ дипломатомъ, въ которомъ все еще было что-то непонятно простодушное, почти ребяческое. Разъ только она гордо откинула назадъ голову, сознавая постоянство своей добродѣтели, которая сама энергически защищалась противъ мужа, хотѣвшаго приблизить къ ней такъ богато одареннаго молодого человѣка....

Между тѣмъ Эрихъ ѣхалъ лѣсомъ, оживленный и довольный выпавшимъ ему счастьемъ. Онъ твердо держалъ поводья лошади, и чувствовалъ себя въ томъ настроеніи, когда человѣкъ бываетъ увѣренъ, что каждое предпріятіе ему удастся, или что неудача будетъ только случайна и непродолжительна. Онъ хвалилъ свою судьбу, такъ скоро и вполне доставившую ему дружбу человѣка съ такимъ великодушнымъ характеромъ, въ которомъ была, однако, осторожная сдержанность.

Тамъ онъ оставлялъ свою недавно прошедшую жизнь; здѣсь начинается новая.

Онъ думалъ, съ улыбкой: «Такъ было, вѣроятно, съ героями древности, которые знали, что имъ покровительствуетъ олимпійское божество».

На одномъ поворотѣ лѣсной дороги онъ остановился и вынулъ изъ кармана открытое письмо Клодвига. Тамъ было написано:

«Поклонъ отъ сосѣда на виллу Эдемъ господину Зоннен-кампу.

«Если бы счастье дало мнѣ сына, я считалъ бы большой благосклонностью судьбы, имѣя возможность дать ему такого воспитателя, какъ этотъ человѣкъ.

«Клодвигъ, графъ фонъ-Вольфсгартенъ.

«Замокъ Вольфсгартенъ, 4 мая 1864».

Эрихъ далъ шпоры лошади и весело поскакалъ по зеленому, полному звуковъ, лѣсу.

Проѣзжая городокъ, онъ увидѣлъ въ окнѣ зданія суда, за цвѣтами желтой фіалки, розовое лицо блондушкой дѣвушки; дѣ-

вупеа спряталась, когда Эрихъ издала поклонилса ей. Ему хотѣлось очень оглянуться назадъ, чтобы увидѣть, не смотрятъ ли на него; но онъ не рѣшился.

Только черезъ нѣсколько времени ему пришло въ голову, какъ онъ тщеславенъ; онъ думалъ, что, сидя за цвѣтами, поджидали его, а Лина, конечно, при приближеніи всадника, ожидала встрѣтить барона фонъ-Пранкена.

Эрихъ поѣхалъ долиной вдоль рѣки. Онъ былъ такъ веселъ, что въ первый разъ съ давнихъ поръ ему пришла въ голову пѣсня; онъ не пѣлъ ее вслухъ, но пѣлъ про себя. Цѣлая масса разнообразныхъ мыслей и ощущеній наполнила ему сердце. Когда онъ увидѣлъ, какъ вдали солнечные лучи заиграли на стеклянномъ куполѣ виллы Эдемъ, отраженіе ихъ блеснуло передъ нимъ какъ молнія.

«Почему такое свободное, блаженное существованіе не суждено было мнѣ? Почему я долженъ служить?»

И потомъ пришла ему другая мысль: «Что сталъ бы я дѣлать въ такомъ безобразномъ, живущемъ только для себя, существованіи?»

Потомъ выступила передъ нимъ загадка: «какъ надобно воспитывать богатаго мальчика?»

И странно, — такъ двоятся человѣческая мысль, — Эрихъ думалъ не о томъ, можетъ ли онъ разрѣшить загадку, онъ думалъ, что понимаетъ, какимъ образомъ древніе могли изобразить идею вопроса и загадки въ видѣ сфинкса.

Дальше, его заняла мысль: «какъ воспитывать богатаго мальчика, который знаетъ, притомъ, что эта дача и безчисленные богатства будутъ принадлежать ему, и который не видитъ передъ собой никакой обязательной дѣятельности?»

Эрихъ задумался, откинулъ голову и улыбнулся. И воспитатель, и воспитанникъ вовсе не отвлеченныя понятія, не идеи; оба они — живые, своеобразные люди. Такой отвлеченный вопросъ вообще нельзя и рѣшить, и всѣ загадки похожи на дурную погоду; изъ уютной комнаты она кажется невыносимой, а на открытомъ воздухѣ дѣйствуетъ освѣжительно.

Эта мысль подѣйствовала и на него благотворно, уничтожая въ немъ всякія недоумѣнія и сомнѣнія; онъ чувствовалъ себя въ силахъ отвѣтить на вопросъ.

«Выходи, сфинксъ, я готовъ!» сказалъ онъ почти вслухъ и поскакалъ быстрой рысью.

Среди всѣхъ этихъ размышленій, на лицѣ его вдругъ явилась пріятная улыбка. Онъ спрашивалъ себя, ужъ не заколдованъ ли онъ, и имъ овладѣла вся гордость юности, и онъ вслухъ

началъ сочинять письмо, какое онъ думалъ сегодня же написать матери:

«Милая матушка!

«Ты должна назваться теперь «Frau Aventure», потому что твой сынъ, авантюристъ, среди пароходовъ и телеграфовъ, попалъ въ заколдованное царство, гдѣ двое духовъ, стерегущихъ святой Грааль, питаютъ его сахарнымъ хлѣбомъ похвалы и сладкимъ миндалемъ покровительства. Сынъ твой сидитъ теперь на гнѣдомъ конѣ, въ карманѣ у него изреченіе Сезама, мудраго пустынника; весь свѣтъ для него—столикъ съ волшебной скатертью, и все говорить: сердце, чего ты желаешь?»

«Милая матушка! Если ты желаешь себѣ спокойный островъ, то скажи только, — у меня въ распоряженіи безчисленное множество такихъ острововъ.

«А вотъ и *post-scriptum*, милая матушка. Что, если этотъ несчетный миллионеръ, къ которому я ѣду,¹ — дядя Адамъ? Тутъ и сказка готова».

Эрихъ остановился при мысли, что это фантастическое предположеніе можетъ быть дѣйствительностью.

Затѣмъ онъ опять быстро поѣхалъ по широкой дорогѣ; по обѣ стороны ея росли большія орѣховыя деревья, цвѣты которыхъ осыпались на дорогу.

Лошадь шибко скакала; ея темная грива развѣвалась; всадникъ снялъ фуражку, чтобы струею свѣжаго воздуха обдать мокрый лобъ.

Б. АУЭРВАХЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РУССКІЯ КЛИКУШИ.

I.

Женщина-кликуша была знакома всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ; но только въ самое близкое къ намъ время начали устанавливаться болѣе правильные взгляды на нее, какъ на известное патологическое явленіе въ общественной жизни, порождаемое иногда тѣми условіями, подъ гнетомъ которыхъ надламывается женская натура.

Признать болѣзненное состояніе женщины за вліяніе дьявольской силы, и такимъ образомъ обезобразить женщину — это немислимо было для древняго грека. Блѣшенство и безумство не могли, конечно, не возбуждать въ грекѣ суевѣрнаго страха и удивленія, — но никогда не служили предметомъ боготворенія и почитанія; древній грекъ обоготворялъ міръ свѣтлый, человѣческій. Женщина того времени хотя и болѣла, страдала тѣми же болѣзнями, какія испытываетъ и теперь, но всѣ симптомы ея разстроеннаго организма принимались, въ глазахъ вѣрующей массы, за дѣйствіе «демона» (*δαίμων*) — свѣтлаго генія, присущаго всякому человѣку, и говорившему его устами. Медики, какъ Гиппократъ, объясняли это явленіе совершенно естественными причинами; напротивъ, школа Платона продолжала утверждать ихъ неестественное значеніе, — а между тѣмъ, съ востока шло новое ученіе о людяхъ, одержимыхъ *демонами*, уже въ значеніи злой, нечистой силы. Аполлоній Тіанскій, жившій въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., посмотрѣлъ внимательно на демона, поселившагося въ юношѣ, и демонъ завылъ печально, давъ обѣщаніе выйти изъ своей жертвы, и больше ужъ ни въ кого не входить. Подъ восточнымъ вліяніемъ (маговъ, халдеевъ), въ послѣднія минуты греко-римскаго міра появляется колдовство, или тайное знаніе, застав-

ляющее боговъ служить человѣку, и халдей становится идоломъ, предъ которымъ пресмыкается теперь римская женщина, краснорѣчиво описанная Ювеналомъ. Мрачныя суевѣрія Востока переходили въ Европу черезъ Африку, Римъ и Византію, и такъ, мало-по-малу слагался чудовищный періодъ средневѣкового колдовства.

Типомъ женщины въ древней Германіи, какъ и въ древней Греціи, служила прекрасная валькирія, свѣтлая дѣва Одина (*wunschmädchen, wälschelweib*, сканд. *óskmeyar*); въ ней почитали «нѣчто святое»; но, вступивъ въ періодъ колдовства, германская женщина должна была пожертвовать всѣмъ, что въ ней было чистаго и святаго, и пасть въ объятья мерзостнаго козла. Еще въ первыя вѣка христіанства болѣзнь считалась дѣломъ злого духа. Григорій Двоесловъ рассказываетъ, что какой-то стражъ началъ разъ бить благочестиваго человѣка Исаака, жившаго близъ Сполето. Вдругъ напалъ на стража злой духъ, повергъ его къ ногамъ угодника божія, и *устами его началъ кричать*: «Исаакъ изгонитъ меня» ¹⁾. Имя Исаака до того времени никому не было извѣстно, и такимъ образомъ злой духъ, кричавшій, что Исаакъ можетъ изгнать его, ясно обнаружилъ способность предвѣщанія. Съ XIII-го вѣка начинается развитіе понятія о *дьявольскомъ шабашѣ* (*synagoga diabolica*), и доходить до полнаго торжества въ XV-мъ в., во время появленія шпренгеровой *млата на колдуній*. Женщина, получившая злое значеніе, въ теченіи долгаго времени носила названіе *не милостивой, Унголды* (*Unholdin*), и слово колдунья (Неке) встрѣчалось рѣдко; но въ XVI — XVII в. оно приобретаетъ всеобщую извѣстность, и тогда наступаетъ знаменитая эпоха *сожженія колдуній*. Еще съ IV-го вѣка медики (Посидоній) начали утверждать, что вселеніе дьявола въ человѣка есть мечта, обманъ, но, не смотря на это, въ теченіи ряда вѣковъ, если не въ каждомъ домѣ, то въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ городѣ, можно было услышать сакраментальныя слова: «*Exite, immundi spiritus, quicunque estis, aut unus, aut plures*»! Помѣщенная въ церкви, у церковныхъ дверей, на колѣняхъ, съ связанными руками и ногами, съ концомъ одежды патера, накинутаго на шею, несчастная больная, вопрошаемая грозными словами, относящимися къ демону, и кропимая св. водой, *отчитывается* — вотъ судьба средневѣковой дѣвушки, одержимой нечистымъ духомъ. Ни одна женщина, ни одна дѣвушка не могла быть увѣрена ни на одинъ часъ, что она не будетъ объявлена

¹⁾ Обыкновенная формула, произносимая русскими вѣдьмами.

воддуньей. Въ 1491-мъ г., монахини въ Камбре подверглись бѣснованію, мучившему ихъ болѣе четырехъ лѣтъ. Одинъ изъ бѣсовъ, изгнанныхъ монахами, объявилъ, что онъ вмѣстѣ съ своими товарищами посланъ былъ въ монастырь монахиною Жанною Потверъ, которую онъ посѣтилъ 434 раза, и несчастная монахиня должна была умереть подъ пыткой. Бѣснованіе монахинь св. Бригитты, начавшееся отъ одной молодой дѣвушки, постригшейся отъ несчастной любви, продолжалось десять лѣтъ. Прошло 60 лѣтъ, и въ 1613 г. бѣсы снова овладѣли монастыремъ св. Бригитты. Въ 1552 г. бѣсновались монахини Клиторнскаго монастыря близъ Страсбурга, и въ бѣшенствѣ кусали другъ друга. Въ 1554 г., восемьдесятъ еврейскихъ дѣвушекъ, обращенныхъ въ христіанство, и жившихъ въ одномъ изъ римскихъ монастырей, вдругъ оказались бѣсноватыми. Въ 1560 г., взбѣсновались монахини назаретскаго монастыря въ Кельнѣ, и объявили, что имѣли ночное посѣщеніе дьявола. Тоже самое дѣлалось *съ дѣтьми*, жившими въ пріютахъ и институтахъ въ Меллѣ, въ Римѣ и т. д.

Вмѣстѣ съ католическимъ ханжествомъ, бѣснованіе перешло и къ западнымъ славянамъ. Въ курантахъ 1665 г. записано, что «недавно здѣсь (въ Моравіи) старую польскую женщину бѣснующую привели до костела къ богородицѣ начаючись, что она отъ бѣсовъ освобождена будетъ, а какъ образъ надъ нею подняли и бѣсы въ ней зарычали, какъ быкъ, страшнымъ голосомъ, а нынѣ ужъ въ третіе около ея духовенство ходять и хотять бѣсовъ изъ нее выгнать латынскимъ языкомъ, только они отвѣчаютъ изъ нее польскимъ языкомъ и дають на всякое слово подлинной отвѣтъ и сказываютъ, что отъ ней прежде выступить не хотять, покамѣста имъ укажутъ иное жилище въ человѣческомъ тѣлѣ. А вчерась они воопче просили, чтобъ имъ позволили опять пребывать здѣшняго города въ нѣкоей сапожной женѣ, которой имяни не сказали или нѣкотораго господина въ слугѣ, и они отстанутъ, также просили для своего выходу нѣкотораго окна въ предѣлѣ св. Богородицы, а сказывали, что то окно такъ истолкутъ, что ни которой ремесленникъ не можетъ его починить, только священникъ, которой смиренной и благочестивой чело-вѣкъ не позволить имъ ничего, и отсылалъ бы ихъ, имянемъ Христовымъ во адъ, гдѣ назначенное ихъ жилище; — вчерась одинъ бѣсъ изъ нее говорилъ и клялся Луциферомъ, что они бѣснующую того дни покинуть хотять, только тотчасъ иной бѣсъ имянемъ Шкабанъ при многихъ людяхъ сказалъ, что тотъ священникъ нынѣ ничего не сдѣлаетъ, напрасно онъ ихъ молитвою и клятвою своею труждаетъ, потому что онъ ихъ всѣхъ не выгонитъ, и съ великимъ подавленіемъ слышетъ, какъ тѣ про-

клятые духи забраняются въ адъ идти, хотятъ всегда въ иномъ жилищѣ пребывать, а какъ имъ того не позволяютъ, и они кричатъ и рычатъ великимъ и страшнымъ гласомъ, и тогда надъ бѣснующею держать потиръ, и они шатаются въ ней, и называютъ тотъ потиръ силою Вышняго, а какъ вчерась священникъ ихъ выгонялъ, и они сказывали, что сего дни выходить хотѣли, чтобъ онъ имъ далъ одпочинуть, потому что они прошлой ночи на свадьбѣ были въ чужомъ жилище, и гораздо утомились, — та бѣснующая мало ѣстъ и только воду пьетъ, а была-де она взята въ полонъ въ Татарехъ, и съ мужемъ своимъ, съ однимъ робенкомъ, а мужъ-де, ее въ полону умеръ, а робенокъ ножомъ зарѣзался до смерти, и она-де отъ тоски своей клялась многими дьяволами, и отъ того Богъ на нее и напустилъ, а по счету какъ они сами себя именами разными называются, ихъ въ ней 14-ть, — а ужъ тому девять лѣтъ, какъ тѣ бѣсы въ нее вселились» ¹⁾. Корбъ въ 1699 г., въ Польшѣ у чудотворнаго креста св. Карла Боромейскаго, оказывающаго большое исцѣленіе бѣснующимъ, встрѣтилъ бѣсноватую женщину, которая издавала ужасный ревъ во время обѣдни. Въ 1625 г. появилась книга Ноде, написанная въ защиту людей, обвиненныхъ въ колдовствѣ: книга появилась въ Парижѣ, но перепечатывать ее во Франціи было запрещено... Послѣдній смертный приговоръ за колдовство былъ произнесенъ въ Бордо только въ 1718 году...

Такъ, завоеывая себѣ каждый шагъ, шло впередъ немолчное движеніе исторіи, и труженики науки, проводившіе въ жизнь знаніе и смыслъ, разсѣвали мракъ средневѣковаго колдовства, нависшій надъ землею. Но и до сихъ поръ еще нерѣдкость столкнуться съ какимъ-нибудь обломкомъ средневѣковаго міра, а подь-часъ услышать даже съ каедръ проповѣдуемую *Demologie der Unvernunft*. Таковъ былъ мистицизмъ, возникшій въ XVIII-мъ в. съ расчетомъ на невѣжество, таковы и другія болѣзненные явленія древней Европы, въ родѣ спиритизма.

II.

.....Русскія бѣсноватыя женщины дѣлаются извѣстными съ XI-го вѣка. Θεодосій Печерскій, въ словѣ о тропаряхъ, говорилъ: «бѣсны страждетъ неволю — пришедъ бо іерей къ бѣсному, створить молитву, проженеть бѣса». Но бѣсноватый XI-го в. былъ еще явленіемъ рѣдкимъ, такъ что слова Θεодосія кажутся пере-

¹⁾ Вул. Хрест. 1144.

водомъ изъ какой-нибудь восточной книги. Вѣра въ бѣсовство тогда еще не успѣла укорениться въ народѣ; народная жизнь текла еще широко, нося въ себѣ зачатки и христіанскаго просвѣщенія, и развитія народности, сказавшагося въ эпосѣ.... Къ XV-му вѣку готова уже была русская легенда о женщинѣ, сдѣлавшейся бѣсноватою за то, что она вошла въ церковь въ нечистомъ видѣ: «нѣкая жена именемъ Матрена — плотною похотію съ своимъ мужемъ смѣсися, на оутрия же — на обновленіе церкви приде — Божья суда не оубояся, и пристоупи къ мощемъ св. Савостіана, и се внезапно духъ порази ю предъ всѣми людьми, и сѣтвори бѣситися, церкви же тоя пресвитеръ от олтаря плащаницю вземъ покры ю; в томъ часѣ нанѣ бѣсъ нападе, да повыкнетъ своимъ стоуженьемъ и оуразумѣють людие же тоу соущіе.» Ее лечили «многими волшѣбами», и водой, но ничто не помогало, потому что «боле же легиона бѣсовъ вниде в ню, и злѣ нача трясеньемъ лютымъ плоть ея сокрушатися.» Отъ XVI-го вѣка дошла легенда о бѣсноватомъ въ Ростовѣ. Привели его къ гробу св. Леонтія. «Желѣзы оковного по роуку и ногоу», онъ страшно кричалъ, глаза налились кровью: «сего ради страненъ и страшенъ позоръ всѣмъ бяше, и въ церкви оубо пѣнью не слышатися отъ его кричанья и вопля и лаянія». Въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ былъ привязанъ веревкою къ церкви, противъ гроба св. Леонтія, и не давалъ покоя сторожамъ, и тогда его привязали къ колокольнѣ. Стоглавый соборъ 1551 г. выводитъ на свѣтъ уже цѣлая стаи бѣсноватыхъ, которыя трясутся и убиваются: «да по погостомъ и по селомъ ходять лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются¹⁾». Къ половинѣ XVI-го вѣка дѣлается извѣстнымъ кличаніе, какъ дѣло Святого Духа вселившагося въ человѣка. Въ апокрифическомъ сборникѣ XVII-го в., принадлежащемъ Соловецкой библіотекѣ, записана слѣдующая молитва: «Златоустаго молитва Господу нашему Иисусу Христу. Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго. Аще кто молитву сію требуя ея глаголетъ, яко изъ ноздріе дыханіе по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ Сынъ Божій, по второмъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святыи, по третьемъ лѣтѣ приидетъ къ нему Отецъ, и, *вшедъ въ него*, обитель въ немъ сотворить, и пожретъ молитва сердце, а сердце пожретъ молитву, и *начнетъ кликати* безпрестанно молитву сію день и ночь²⁾». Молитва эта была извѣстна въ XVI-мъ в., и

¹⁾ Стоглавъ, изд. Кож. 138.

²⁾ Щап. Русс. Раск. Старообр. 151.

внесена была въ *Домострой* благовѣщенскаго попа Сильвестра, какъ необходимая для всякаго христіанина ¹⁾. Доживъ до XVII-го в., московская Русь представила міру крайнее развитіе суевѣрій. Въ это время особая космогонія, съ особой суевѣрной моралью, съ особымъ волшебствомъ, образовалась цѣлая система колдовства, захватившая себѣ не только крестьянъ, но и всѣ сословія, всѣхъ людей отъ дворца и до хижины. Нагой просилъ у Горсея лекарства для царицы Марѣи, которая, по его словамъ, была *испорчена*, хотя она просто поражена была смертію своего сына. Такъ все человѣческое, всѣ самыя естественныя радости и страданія человѣка, все это отошло на задній планъ, заставленное демонскимъ наводженіемъ, и демонизированная женщина стала *кликшей*. Первое извѣстіе о кликушахъ, которыя появились въ Перми подъ именемъ *икотницъ*, дошло до насъ отъ 1606 года ²⁾.

Первоначальное понятіе о кликушествахъ мы находимъ въ словахъ *клекзтати*, *клектъ*, *кletzтаніе*, выражавшихъ дѣйствіе, свойственное миѣическимъ существамъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» дивъ (лит. *deiwys*, *dėwіe*—идолъ, ночное чудовище) «*кличеть* врѣху, велить послушати земли незнаемѣ.» Предметы, посвященные русалкамъ, назывались *кличальными*. Въ Верхотурьи то мѣсто, гдѣ лѣшачиха по утрамъ расчесываетъ волосы, извѣстно подъ именемъ *кликунѣ* ³⁾. Кличать значило пророчествовать, возвѣщать, предвѣщать. У лѣтописца служители католической церкви кличуть: «и капланове ихъ кличуть» (П. С. Л. VIII). Отсюда же выраженія *кликать* *многолѣтіе*, *кликать* *отчужденную память*. Слѣдовательно *кличать*, *кликать* значило тоже, что *отчуждать* — дѣйствіе, свойственное миѣической *отчужденной дѣвѣ*, — дѣвѣ, хранительницѣ человѣка ⁴⁾, славянской валкирии. Древнее высокое значеніе вѣщей дѣвы спускалось все ниже и ниже: мѣсто ея занимали *старая чадъ бабы*, *мхія бабы* *чародѣйки*, *отдѣмы*, *колдуньи*, *яги-бабы*; самое слово «кликать» получило дьявольское значеніе, и въ XVII-мъ вѣкѣ «страдающіе люди, отъ нечистыхъ духовъ *кликаны*, стали кликать въ порчахъ на разныхъ людей.» Нѣтъ сомнѣнія, что, вмѣстѣ съ этимъ, кликуша создавала и социальная жизнь народа, упавшая очень низко. Женщина XVII-го в. была обращена въ *злую жену*, — «покойще змійно, дьяволъ увѣтъ»; но не лучше была участь *доброй жены*, которая обязана была любить смиреніе и молчаніе, пѣсень пустошныхъ удалаться,

¹⁾ Дом., изд. Кож. 31.

²⁾ Истор. Акты, II, 66.

³⁾ Изв. Геогр. Общ. 1854, I, 47.

⁴⁾ В. Кар. I, 80.

и, ревнуя святымъ женамъ, носить черное платье. Въ общественной жизни она не пользовалась ни малѣйшимъ юридическимъ обезпеченіемъ: это была *кость мужа*, его *пѣтый кусъ*, и онъ билъ ее къ обѣду, а къ ужину опять. Такимъ образомъ, отъ упадка вѣрованій, дошедшихъ до самаго дикаго колдовства, отъ нравственныхъ страданій, проявившихся у женщины въ XVII-мъ вѣкѣ въ болѣзняхъ сердца ¹⁾, создается во второй половинѣ этого вѣка страшный образъ *кликунши*, дожившій до нашихъ дней.

Къ 1661 году, какъ говоритъ легенда, относится изображеніе бѣсноватой, сохранившееся въ рукописи XVII-го вѣка Имп. Публ. Библ. и въ спискѣ того же вѣка, принадлежащемъ г. Буслаеву. Въ 1661 г., за 14 поприщъ отъ Устюга, вверхъ по Сухонѣ, въ волости Ерогочкой, у священника тамошней церкви была дочь Соломонія, и ее отдали замужъ за нѣкоего земледѣльца Матѳея, «*иже бѣ пастухъ скотскій.*» Ночью, послѣ брака, мужъ ея вышелъ вонъ «*тѣлесныя ради нужды,*» а въ это время дьяволъ вошелъ, и вселился въ Соломонію. Прииде на нее трясеніе и великій лютый ознобъ, и въ третій день она очути у себя въ утробѣ демона люта. Съ девятаго дня окаянные демоны почали приходить къ ней, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шести, въ видѣ прекрасныхъ юношей, и жили съ ней блудно. Мужъ отвезъ ее къ отцу и оставилъ тамъ. И въ домъ отца ея также стали ходить демоны, уносили ее къ себѣ въ воду, и она *живала у нихъ дня по три*, а наконецъ они совсѣмъ ее унесли, и отдали жившей у нихъ дѣвѣ *прославити*. Соломонія отъ демоновъ зачала, и носила полтора года. Когда пришло время родить, она выслала отца своего изъ дому вонъ, сказавъ, что она хочетъ родить чертей, и что они могутъ его убить. И родила она ихъ шесть, видомъ они были сини, и взяла ихъ *бабка*, присланная демономъ. И паки зачатъ во утробѣ отъ насилія дьявольскаго, и родила двухъ демоновъ въ дому же отца своего, и невидимо унесоша ихъ отъ нея. Но Господь Богъ ее спасъ, хоташе чудесно прославить и возвеличить Пресвятую Богородицу, и угодниковъ Божіихъ, Христа ради юродивыхъ устюжскихъ, Прокопія и Іоанна. Началось тѣмъ, что отецъ ея сталъ въ алтарѣ проклинать демоновъ, потомъ явилась къ Соломоніи св. Θεодора, и велѣла ей жить въ Устюгѣ, *и къ отцу никогда не ходитъ*; стали ее водить по церквамъ, и демоны начаша утробу ея рвати, бросали ее на помостъ церковный, яко свинія визжаще и стонущее. Одиннадцать лѣтъ больна была Соломонія,

¹⁾ «Сердцемъ больна». Заб. Сынск. дѣла о колдуньяхъ, 477.

потомъ Христа ради юродивые, Прокопій и Іоаннъ, разрѣзали ей утробу, вытаскивали оттуда бѣсовъ и убивали ихъ вочергами на церковномъ помостѣ. Какой-то благочестивый человѣкъ слышалъ повѣсть объ этомъ чудѣ *зѣло душеполезну* отъ самой Соломоніи, при свидѣтеляхъ, отцѣ ея духовномъ и отцѣ ея родномъ и записалъ ее *въ память будущимъ родамъ* ¹⁾. Соломонія объясняла свою болѣзнь, по откровенію, бывшему отъ св. Θεодоры, тѣмъ, что ее «попѣ пьянъ крестилъ и половины святаго крещенія не исполнилъ;» но, по смыслу легенды, нѣтъ сомнѣнія, что болѣзнь ея началась отъ несогласія съ мужемъ, отъ постороннихъ любовныхъ связей, и т. д. Не даромъ говорила ей св. Θεодора: *«къ отцу своему не ходи, а живи въ Устюгѣ»*, а св. Прокопій и Іоаннъ обѣщали ей исцѣленіе, съ условіемъ, *чтобъ она къ прежнему своему мужу не ходила*. Вотъ она стала пропадать изъ дому, не разъ уже родила: но постоянная боязнь за себя и за другихъ, и какіе-то *побои и раны*, и суевѣрное настроеніе духа, — все это гнететъ ее, и она дѣлается больной. Тогда-то, въ страшной нравственной глуши Устюга, выходитъ на свѣтъ весь міръ колдовства XVII-го в., оживаютъ всѣ мѣстныя суевѣрія ²⁾, начинается запрещенное церковью отчитыванье, и слагается легенда о Соломоніи *«зѣло душеполезна»*. Въ то время самое имя Соломоніи способно было создать какое-нибудь суевѣріе. По словамъ І. Флавія, въ его *Древностяхъ*, нѣкій Елеазаръ исцѣлялъ страдающихъ злымъ духомъ, прикладывая къ ноздрямъ бѣснующагося перстень, въ печати котораго была вдѣлана часть корня, Соломономъ показаннаго, и чрезъ обоняніе онаго извлекалъ изъ ноздрей бѣса. Соломонъ среднихъ вѣковъ считался за магика и колдуна ³⁾ а въ русскихъ заговорахъ отъ грыжи обращались *къ бабѣ Соломоніи* ⁴⁾.

Въ Шуѣ, съ апрѣля 1666 г., на посадѣ, въ переви Воскресенія Христова, начали дѣлаться чудеса и исцѣленія отъ новописанной иконы Пресвятыя Богородицы Смоленскія. Совершилось сто три чуда, и почти всѣ изъ исцѣленныхъ были одержимы бѣсами. Какой-то мальчикъ Іаковъ, идя отъ обѣдни, поднялъ дорогой платокъ, въ которомъ былъ завернутъ калачикъ, съѣлъ этотъ калачикъ, и въ это время вселился въ него злой духъ, — прииде на него великая *икота*. «И тако смущая нечистый духъ отрока по вся церковныя службы, паче же

¹⁾ Пам. Стар. Русс. Лит. I, 154 — 164.

²⁾ Шаповъ, Ист. оч. міросозерц. II, 46.

³⁾ Maury, De l'astrol. et de la magie, 20. Rev. Arch. XV.

⁴⁾ Пам. Кн. Арх. губ. 1864, 19.

во святую литоргію, — паче же егда начнутъ пѣти святую херувимскую пѣснь.» Жена нѣкоего Ивана Ожималова, Марѳа, совершила грѣхъ, и за день передъ праздникомъ Шуйской иконы Богородицы нечистый духъ «напусти на ню тоску люту, яко въ той лютой тоскѣ нача метатися сѣмо и овамо. Анна, жена Максима Филиппова Суздальскаго уѣзда, села Зилиноѣ, жила въ деревнѣ Елизарихѣ, и «приде на нее тоска, а нача у нее нутръ болѣти, потомъ же нача безпрестанно *икати*, также нача кричати птицею кокушкою.» Ѳедосѣя, жена Петра Михайлова, идя за водой, нашла платъ завязанъ, толкнула его ногой, и пошла прочь, но «дома на нее напала *тоска вельми мота*, посемъ же наведе на ню врагъ икоту, потомъ же нача кричати въ ней нечистый злой духъ, ово звѣремъ, ово птицею.» У Дарьи, жены Ивана Семенова, сердце и животъ заболѣли, «и приде на ню тоска зѣло люта, и бысть вся обладаема нечистымъ, нача бѣгати, и вся неистовая дѣяти, овогда убо бѣгаючи по улицамъ, иногда къ рѣцѣ, къ лѣсу, и людей рѣючи и біючи, путы убо и желѣзы облагающе ю, и тако держаше ю.» Вдова Ѳедосѣя Данилова испорчена была передъ Петровымъ днемъ, и «нача у нее животъ расти, и тосковала, токмо *не кликала* ¹⁾.» Въ Шуѣ началась невыносимая жизнь: нельзя было выйти на улицу, или дотронуться до чего-нибудь безъ того, чтобъ не сдѣлаться бѣсноватымъ, и въ 1669 г. шуйскій земскій староста отъ имени всѣхъ посадскихъ людей билъ челомъ царю, что «волею Божіею и за умноженіе грѣховъ ради нашихъ, въ Шуѣ на посадѣ объявляются грѣшные люди, порченые мужеска и женска полу, различными всякими совѣстями мучими бывають, иные на свадьбахъ, а иные невѣдомою статьею, и мучатся многое время, *и отъ чего какіе вражіе совѣсти чинятца и то намъ, сиротамъ, невѣдомо* ²⁾.» Въ томъ же 1669 г. земскій староста съ посадскими людьми еще разъ билъ челомъ царю, что «у шуянина Ивашки Обросимова жена Оринка порченая, а въ порчѣ *кликала на шуянина Якимова, вслѣдствіе чего Якимовъ, по твоему великаго государя указу, отосланъ въ Суздаль къ воеводѣ, а послѣ того Оринка въ порчѣ кличетъ на Онтонидку Якимову, будто она, Онтонидка, ее портила* ³⁾.» Въ 1670 г., по указу царя и по наказу суздальскаго воеводы, велѣно было произвести слѣдствіе. На съѣзжій дворъ собрались земскій староста и земскіе цѣловальники, и сказали, что въ Шую со многихъ городовъ приѣз-

¹⁾ Опис. Шуйск. Воскр. собора, М. 1812.

²⁾ Чт. 1860, III, см. 21.—Гарел. 193.

³⁾ Гарел. 193.

жають разные люди молиться образу Пресвятыя Богородицы Смоленскія, и привозять скорбныхъ, одержимыхъ отъ нечистыхъ духовъ, и живутъ тѣ скорбные у воскресенскаго пономаря Ивашки Тимошеева многое время, отъ пяти до десяти недѣль и больше, и что Оринка дѣйствительно кликала на Оедьку Якимова, а нынѣ Оринка и на уѣздные иногородные скорбные стала кликать, а что вличуть, того они не вѣдають, да еще въ нынѣшнемъ году посадской человѣкъ Телегинъ подалъ въ земской избѣ явку, что - де страждущіе люди, отъ нечистыхъ духовъ *кликанья*, стали кликать въ порчахъ на него, и ту явку земскіе люди заявили воеводѣ Боркову, чтобъ «имъ всѣмъ шуяномъ, посадскимъ людинкамъ, въ томъ не погибнуть, и въ пенѣ, и въ отвѣтѣ не быть; а хто тѣхъ скорбныхъ людей портить, про то мы не вѣдаемъ» ¹⁾. Въ явочной челобитной шуяне прибавляли, что тотъ Оедька Якимовъ, взятый въ Суздаль, *кончился злою смертію*, т. е. отъ пытокъ ²⁾. Прошелъ годъ, и шуяне опять вынуждены были писать челобитную къ царю, что «была-де у нихъ свадьба, и на той свадьбѣ, мать и сноха стали кликать въ порчѣ, *а отпускалъ-де ту свадьбу отъ всякаго лиха* посадскій человѣкъ Панинъ, а на другой день пришелъ въ домъ пуйской тюремной сторожъ Оська Григорьевъ Палатовъ, и взялъ посулу десять алтынъ четыре деньга, да шапку мужскую, да два перстня, да ширинку, да платъ миткалевый, и рекъ-мать ихъ и сноху отъ той скорби отходить, и поставить въ цѣлѣ умѣ и разумѣ, но въ цѣлѣ умѣ и разумѣ не поставилъ ³⁾».

Къ концу XVII-го в., масса московскихъ суевѣрій, легковѣрно принятая за народную старину, за старую народную вѣру, успѣла сложиться *въ расколъ*, и явились раскольники - кликуши-пророчицы. Въ Тюмени, въ 1677 г., въ соборной церкви, *трое мужчинъ и одна монахиня*, во время херувимской, закричали: «православные хрістіане, не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло, а на просвирахъ печатають крыжомъ, антихрестовою печатію!» Ихъ всѣхъ взяли въ приказную избу, нещадно били внудомъ, и посадили въ земляную тюрьму. Монахъ Даніилъ, въ тобольскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Березовкѣ, завелъ пустынь, поставилъ часовню и кельи, гдѣ пѣли вечерни, и проч. Въ этой пустыни старицы и дѣвки бились о землю и кричали, что видятъ Пресвятую Богородицу, а небо отверзто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ лю-

¹⁾ Борис., 337.

²⁾ Гб. 349.

³⁾ Борис., 456.

дямъ, которые въ той пустыни постригаются ¹⁾. Протопопъ Аввакумъ, жившій въ это время, съ величайшимъ добродушіемъ рассказывалъ повѣсть о дѣвушкѣ, которую онъ исцѣлилъ, выгнавъ изъ нея бѣса. Эта страдица-дѣвушка кого-то любила, потомъ попала въ раскольникамъ, вышла, наконецъ, замужъ за любимаго человека, но счастья не нашла, стала кликушей, и умерла монахиней-раскольницей. «А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повѣсть?» пишетъ Аввакумъ въ своей автобіографіи. «Блазновито вѣдется, да было такъ. Въ Тобольскѣ была у меня дѣвица, Анною звали: дочь моя духовная, гораздо о правилѣ прилежала, и всего міра сего красоту вознебрегла. Позавидѣ діаволь добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ, Елизарѣ, у него же возросла, привезена изъ полону, изъ кумыковъ, чистотою дѣвство соблюла, и, егда исполнилася плодовъ благихъ (?), діаволь окралъ: захотѣла отъ меня отыти и за перваго хозяина замужъ пойти, и плавать стала всегда,—о поклонахъ не стала радѣть: егда станемъ правило говорить, она на мѣстѣ стонетъ, да такъ и простойтъ. Видѣ Богъ противленіе ея, *послалъ* бѣса на нее: въ правилѣ стоящу ей, да и взбѣсится, и мнѣ, бѣдному, жалъ: крестомъ благословлю и водою кроплю, такъ отступитъ отъ нея бѣсъ. Егда меня сослали изъ Тобольска, и я оставилъ ее у сына духовнаго,—пошла за Елизара замужъ и дѣтокъ прижила, — и какъ замужемъ была, по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсъ мучилъ ее. Егда же азъ въ Тобольскъ пріѣхалъ, за мѣсяць до меня постриглася, и принесла ко мнѣ два дѣтища, и, положа предо мною робятишекъ, плакала и рыдала, кающаяся, безстыдно порицая себя. Въ обѣдню за мною въ церковь вышла, и нападе на нее бѣсъ, во время переноса, учала кричать и вопить, *собакою лаять*, и козою блевать, и кукушкою куковать; азъ же сжалился надъ ней, покиня херувимскую пѣснь, взявши отъ престола крестъ, и на крылось взошелъ, закричалъ: «Запрещаю ти, именемъ Господнимъ, полно тебѣ, бѣсъ, мучить ее!»—Бѣсъ же изыде изъ нея, и бысть здрава душею и тѣломъ, со мною и на Русь выѣхала. *И какъ меня стригли, въ томъ году страдала съ дѣтьми моими отъ Павла митрополита на патріарховъ дворъ, въры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ее* ²⁾.

¹⁾ Сол. XIII, 310.

²⁾ Лѣт. Р. Лит., 1859, VI, 170.

III.

На рубежѣ московской Руси, создавшей кликушъ, и новой Руси, стоитъ истинная дочь своего времени, царица Софья, окруженная кликушами. Сохранилось преданіе, что Мстиславскій, чтобъ утвердить Софью на престолѣ, уговорилъ общаніями нѣсколькихъ кликушъ, а въ числѣ ихъ и одну знатнаго отца дочь, вклепать на себя бѣснованіе, и когда она закликала въ Успенскомъ соборѣ, то Софья стала молиться предъ Владимірской, и по молитвѣ ея дьяволъ вышелъ изъ кликуши¹⁾. Далѣе разсказывается, по словамъ самовидца, Ис. Мих. Головина, что Софья долго содержала на жалованьи многихъ такихъ кликушъ, и наканунѣ выѣзда своего въ Дѣвичій монастырь, одну или двухъ изъ нихъ повелѣвала приводить къ себѣ, и наставляла, какъ имъ поступать во время ея проѣзда мимо ихъ; потомъ кликушъ вывозили на Дѣвичье-Поле, и полагали при дорогѣ къ монастырю, и Софья, проѣзжая мимо, силою молитвы исцѣляла бѣснующихся. Въ это же время, дворянка Кутузова, имѣвшая домъ въ Москвѣ, близъ Петровскаго монастыря, пользуясь легковѣріемъ народа, ославила бывший у нея образъ Богоматери, и, чтобъ болѣе увѣрить въ томъ народъ, содержала у себя нѣсколькихъ подобныхъ плутовокъ (?), т. е. кликушъ, изъ которыхъ, предъ образомъ, молитвами и заклинаніями своими изгоняла мнимыхъ нечистыхъ духовъ. Петръ, узнавъ про это, повелѣлъ всѣхъ сихъ мнимо-бѣсноватыхъ, при собраніи народномъ у дома Кутузовой, наказать плетью²⁾. Въ словѣ *плутовка*, которымъ несчастная кликуша окрещена вмѣсто Софьи или Кутузовой, сказанъ вполнѣ взглядъ XVIII-го в. на кликушъ. По мнѣнію его, это были подлая бабы-обманщицы, выходившія изъ *подлаго народа*. «Между множествомъ обмановъ, говоритъ издатель приведенныхъ сейчасъ разсказовъ, не послѣднее было притворное бѣснованіе, вводимое на себя подлыми бабами и дѣвками, которыя у насъ извѣстны подъ именемъ кликушъ».

Ошеломленный передрыгами, закончившими московскую Русь, народъ бѣжалъ въ пустыни сѣвернаго поморья и населялъ ихъ, основывая скиты и пустыни. Въ Выговской пустыни, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, случались частыя зябелы, хлѣбъ не успѣвалъ, и сдѣлался голодъ. Пустынники сѣкли ржаную солому, толкли ее въ муку, и изъ соломенной муки пекли хлѣбы, но

¹⁾ Тат. Геогр. и Ист. Лекс. III, 212.

²⁾ И. Гол. Анекд., касающ. до госуд. И. Петра Вел. М. 1793, II.

хлѣбъ въ кучѣ не держались, помяломъ изъ печи пахали вло-
стяжныя бураки и коробки, и такой-то хлѣбъ ѣли. Въ это-то
страшное время, нравственныя страданія замученныхъ и суетѣр-
ныхъ разразились кликушествомъ. Выговскій лѣтописецъ раз-
сказываетъ, что «матери, вслѣдствіе бѣсовскаго наученія, начали
дѣтей своихъ тайно кормить безъ благословенія, и хлѣбъ кра-
сти, и того ради бысть на нихъ попущеніе Божіе, пріимъ діа-
воль область, нача тѣхъ мучити и на время церковнаго пѣнія
въ часовнѣ, и по обѣдѣ, и чиниша мятежъ тѣмъ велій, биша
бо ихъ о землю, а бывше крикъ отъ того неподобенъ, неподоб-
ными бо гласы кричаху....» ¹⁾. Тѣ же суетѣрія, и тѣ же жестокія
нравственныя страданія женщины, идя объ-руку, творили кли-
кушъ по всѣмъ концамъ государства. Въ 1715 г., великій го-
сударь указалъ: «ежели гдѣ явятся мужеска и женска пола кли-
куши, то, сихъ имая, приводить въ приказы, и *розыскивать* (пы-
тать пыткой), для того, что въ прошломъ 1714 г., мая 7 и 8,
въ церкви св. Исаакія Далматскаго, во время св. литургіи,
плотничья жена, Варвара Логинова, кричала, будто испорчена,
а на допросѣ (подъ пыткой) сказала, что она не испорчена, а
кричала притворствомъ, для того, чтобъ отмстить плотнику Гри-
горью, который билъ ея деверя. *Послѣ этой драки* она кричала
дома по дважды и по трижды, а потомъ начала кричать и по
церквамъ ²⁾. По поводу кликушъ, которыя викали у Исаакія,
великій государь публиковалъ указы, и *отъ того времени*, пи-
салъ Татищевъ, *такъ оное пресѣлось, что уже нигдѣ такихъ
дьяволовъ не осталось* ³⁾. Но *дьяволы* не слышали разглагольствій
историка, и продолжали по прежнему выть и кричать: ихъ пло-
дило теперь развивавшееся крѣпостное право.

Въ 1716 г., строжайше велѣно было — отъ архіереевъ, при
посвященіи ихъ, брать обѣщаніе: «притворныхъ, бѣснующихъ,
въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ, не точію
наказывать, но и гражданскому суду отсылать» ⁴⁾. Въ 1718 г.,
въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (у Срѣтенскихъ во-
ротъ), наканунѣ храмоваго праздника, въ церкви, передъ вы-
носомъ евангелія, закликала кликуша. Казначей монастыря ве-
лѣла выбросить ее за монастырскіе ворота, но за нея засту-
пилась монахиня Досіея, и взяла ее въ свою келью. Кликуша
называлась *Марьей-Босой*. Тому было лѣтъ тридцать, идучи

¹⁾ Филип. Ист. Выгов. г. Пуст.

²⁾ П. С. З. 2906.

³⁾ Анек., 23.

⁴⁾ П. С. З., 2985.

отъ заутрени, она почувствовала скорбь и изступленіе ума. Послѣ того, ее брали по неправоу извѣту въ Преображенскій приказъ, сослали въ вологодскій Горицкій монастырь *подъ началъ*, гдѣ она прожила три года, и затѣмъ бѣжала. Къ Марьѣ-Босой, оставшейся жить у Досиеи, черезъ годъ присоединилась другая кликуша, Пелагея Ефимова, и старица Евпраксія. Всѣ эти кликуши были въ то же время и раскольницами. Лѣтомъ, 1720 г., Марья-Босая отправилась на богомолье въ Воскресенскій монастырь, и оттуда въ село Козмодемьяновское, гдѣ жилъ кн. Мещерскій. Князь встрѣтилъ кликушъ радушно, и привелъ ихъ въ свою молельню; три раза ударилъ въ стеклянный колоколь, висѣвшій среди молельни, и началъ служить утреню. Первая застонала *Ирина верижница*. Ее корчило, вскинуло вверхъ и ударило о земь: *невидимая сила* приподнимала ее и била. Подойдя къ кликушѣ, князь грозно взглянулъ на неѣ, и замахнулся на неѣ четками,—она закричала еще громче; князь ударилъ ее четками по головѣ, по плечамъ, по груди, приговаривая при всякомъ ударѣ: «изыди, нечистый духъ, изыди!» Спустя годъ, всѣ эти кликуши, по доносу, попали въ тайную канцелярію, были подвергнуты пыткамъ, и потомъ разосланы по монастырямъ въ тюрьмы ¹⁾. Въ августѣ того же 1720 г., вице-губернаторъ Воейковъ выслалъ изъ Москвы въ Петербургъ трехъ кликушъ, дочь харчевника, Авдотью Яковлеву, тихвинской сущевской богадѣльни слѣпую дѣвку Арину Иванову, и мѣщанской слободы купеческую жену Авдотью Акимову. Всѣ они кликали по разнымъ московскимъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ кликаньи взяты подъ караулъ. Привели ихъ въ губернскую канцелярію и стали разспрашивать. Акимова показала, что она точно въ большомъ Успенскомъ соборѣ кричала нелѣпнымъ голосомъ, *лаяла собакою*. Авдотья Яковлева показала, что кликала въ храмѣ Положенія ризы Богородицы, идѣже лежатъ мощи Іоанна Блаженнаго, да у Козьмы и Демьяна въ Нижнихъ Садовникахъ. Слепая дѣвка Иванова яаялась, что кликала по разнымъ церквамъ, и что скорбь сія слыветъ *тихая и родимецъ*. Кликушъ стали пытать. По нѣскольку разъ всѣхъ вздергивали на дыбу, вывертывали имъ руки, били ихъ енутомъ, и потомъ Яковлеву освободили, а остальныхъ сослали въ прядильный дворъ ²⁾. Духовный регламентъ, изданный въ 1721 г., наказывалъ епископу *смотреть о кликушахъ* (стр. 22 по 1 изд.); епископъ, посѣщавшій епархію, обязанъ былъ спрашивать, не

¹⁾ Есип. Раск. дѣла, II, 189.

²⁾ Свѣд., 1861, IV, 24.

*обрътаются-ли идѣ кликуши*¹⁾). Кликуши обрътались по всѣмъ городамъ цѣлыми стаями. Въ 1729 году, сотскій и десятскій юромской волости, препровождая въ мезенскую канцелярію скованнаго икотника Салмина, похвалявшагося надъ многими людьми недобрымъ дѣломъ, писали слѣдующее: «Въ нынѣшнемъ 1729 году сего февраля нижеписаннаго числа въ нашей юромской волости явилось многое число женска полу людей въ икотѣ; въ томъ числѣ въ бугаевской деревнѣ на Олисавѣ, Григорьевой дочери, а Василья Кукина женѣ, и оная Олисава *говоритъ икотою*, и называетъ *батюшкою* тояжъ волости Никифора Кирилова Салмина: «Онъ на меня напустилъ икоту въ Верхнеконскомъ ручѣ, у Чюшева бани, а въ то время онъ ѣхалъ съ сыномъ.» Да оная же Олисава говоритъ икотою, что-де онъ-же Никифоръ икоту напустилъ на Прокопья Чубарева, на жену его Ѳеклу, Васильеву дочь, да на Матвѣя Меншикова, на жену его Ѳеклу, Григорьеву дочь, да на Ѳеофана Удина, на жену его Евлампію, икоту-жъ съ грыжею, и вышеписанныхъ Олисава называетъ *сестрицами своими*, что-де у нихъ у всѣхъ одинъ батюшко, Никифоръ Салминъ. Да оная-жъ Олисава говоритъ, что я по братчинѣ, въ домѣ у Ермолы Ларюкова, оной же Никифоръ икоты напустилъ на Анфима Глотова, да на Дѣяна Салмина, *и по горкамъ икотъ много число, сказываетъ, есть насажено*, и многія послѣ того икоты заговорятъ; и сказываетъ оная Олисава, и на Иванѣ Парыгинѣ есть-де икота, весьма тяжко, болѣзненно мучить безпрестанно; — жена Чубарева въ своемъ домѣ связана, и кричитъ всячески по обычаю, и онаго Никифора имать и вязать и вельми его искать не велитъ. И вышеписаннаго Салмина сыскали въ Защеньской деревнѣ, и свели въ домъ его свой, и отдали за десятскихъ за мірской караулъ, и связали, и говорилъ оной Никифоръ, что-де вы меня вяжите, и меня де вязки держать не будутъ, и въ вязкахъ оной Никифоръ опростался, и ножемъ самъ себя по горлу рѣзалъ, а у караульщиковъ у десятскихъ руки въ кровь подрѣзалъ, а самъ говоритъ: «высѣките и меня спустите, а на муку меня на слободу не возите, тамъ мнѣ смерть будетъ». Да оная же Олисава говорила икотою, батюшко-де мой Никифоръ Кириловъ ходитъ въ Кокоры, и велитъ матушку мою заморить, чтобъ икота не говорила, а икота говоритъ: «меня де не заморишь, развѣ-де матушку мою заморишь»; а *батюшко мой нынѣ каетца*, не такъ было сдѣлать, да пособить и самъ не можетъ; а я при батюшкѣ говорить не могу про батюшку, понеже горло завязывается и затыкается.» Никифора заковали въ кандалы, и выслали

¹⁾ Стр. 38.

за карауломъ въ мезенскую канцелярію, для объявленія воеводѣ Тимашеву. Въ то же время священники, выборные и мірскіе люди юромской волости, послали новое донесеніе, что *невѣстка священника* Теодора, Агрипина, которая имѣетъ за собою икотную тяжкую напущенную болѣзнь, *батюшкою* называетъ другого икотника Осипа Салмина, Кириллова брата, а крестьянская жена Евдокія Окулова называетъ своею *матушкою* Софью Сергѣеву, жену Никифора Салмина, понеже оная Софья икоту напускать умѣетъ;—дѣвочка Татьяна Салмина говорила: «Пришла она въ великій постъ на первой недѣли въ домъ къ Осипу Салмину по дерево, на которомъ правятъ скотинные сырые тяжи, и оная Татьяна говорила; «гдѣ-де Давыдко? Надобно-де отцу моему тюневое дерево». И онъ Осипъ въ то время ее бранилъ всячески, и проикалъ на ней изо рта своего водою, а послѣ того и достальную остаточную воду вылила на ней *на отмашъ*, и съ того времени у ней дѣвки появилась напущенная отъ него Осипа болѣзнь». Далѣе икотницы рассказывали, что еще намѣтано и насажено икотныхъ болѣзней по улицамъ и по дорогамъ *«въ каж-дыхъ мѣстѣхъ*, тако-жъ и по деревнямъ и по прясламъ многое число». А поэтому челобитчики и просили: «дабы е. и. в. указомъ и по соборному уложенію онымъ икотникамъ Салминимъ, и Никифора женѣ Софіи, повелѣно было указъ учинить, чего они достойны, понеже оныя икотники явились къ намъ нижеименованнымъ и по всему міру страшнѣе и злѣе воровъ и разбойниковъ, которые мужеска и женска полу людей изгубили уже 74 человѣка». Обвиненные Салмины посажены были въ тюрьму; но, пользуясь темнотою ночи, бѣжали, и не были отысканы.

Въ слѣдующемъ 1730 году, по словамъ *икотницъ-говорухъ*, обвинены были въ икотномъ дѣлѣ новыя лица юромской-же волости, и также отосланы на Мезень. Въ томъ-же году вновь заболѣло икотю 158 человѣкъ, слѣдовательно всего съ прежними больныхъ икотю считалось 232 человѣка. Между ними: *замужнихъ женщинъ* 116, вдовъ 5, *малолѣтнихъ* и взрослыхъ дѣвушекъ 26, женатыхъ мушницъ и мальчиковъ 84 ¹⁾. Тоже было и по другимъ городамъ всей сѣверо-восточной Россіи. «Можетъ-де понятно быть—говорить указъ 1737 года—какіе въ прошедшихъ лѣтахъ являлись кликуши, и что противъ нихъ изданы указы, да и въ Духовномъ регламентѣ о нихъ велѣно было смотрѣть епископамъ, которые должны были дважды въ годъ доносить начальству, все-ли у нихъ добре; но если бы они извѣстили, что все добре, а между тѣмъ оказались бы суетвѣрія, то епископа звать

¹⁾ Дѣло Арх. губ. канц. № 623.

въ судъ и подвергать наказанію. Но нынѣ ея имп. велич. сомнѣніе имѣеть, едва-ли тѣ указы и регламентъ надежнымъ образомъ исполняются, ибо здѣсь извѣстно учинилось, что въ Москвѣ являются по церквамъ и монастырямъ кликуши, которымъ въ той притворной шалости свобода дается, *а сверхъ того надъ ними и молитвы отправляются.* А потому е. и. в. разсудила духовному синоду наикрѣпчайше подтвердить о предупрежденіи такихъ суевѣрій, и если являются гдѣ кликуши и притворно-юродцы и босые, также и съ колтунами, и прочее, то объ нихъ узнавать и доносить архіереямъ, а архіереи и прочія власти должны безъ всякаго отлагательства отсылать этихъ людей въ свѣтскія команды, а которые не донесутъ, извергать сана непремѣнно ¹⁾.»

Итакъ, вся отвѣтственность за кликушъ возлагалась на синодъ и духовенство; но въ 1765 году синодъ передавалъ эту отвѣтственность сенату, и просилъ у него распоряженій о неослабномъ наблюденіи за кликушами. Въ 1762 году кликуши появляются въ Ростовѣ; въ 1769 году въ Переяславль-Залѣсскомъ ²⁾. Въ указѣ 1766 года мы узнаемъ, что, кромѣ прежде присланныхъ въ переяславскую провинціальную канцелярію двухъ женовъ, выкликавшихъ на ямщикову жену Ѳедору Иванову, въ это время въ Переяславль-Залѣсскомъ было десять ямщицкихъ женъ, которыя въ церкви кликали, и за это были высѣчены плетьюми. Указъ 1770 года рассказываетъ, что въ Яренскомъ уѣздѣ нѣсколько безпутныхъ дѣвокъ, притворясь испорченными, выкликали на восемь мужчинъ и женщинъ печерской и устенской волостей, называя мужчинъ *батьюшками*, а женщинъ *матушками*. Сосѣди, услыша о томъ, собрались и приступили къ обвиненнымъ въ порчѣ дѣвушекъ, съ угрозами, чтобы признались добровольно, потомъ* пришли сотскіе, *стали стѣчь ихъ и мучать.* И сія, совсѣмъ невинные, не стерпя побой, а притомъ опасаясь не только горшаго себѣ жребія, но и самой пытки въ городѣ, которою имъ угрожали, объявили себя чародѣями. Не смотря на признание, они все-таки представлены были въ городъ, и тамъ *подъ плетьюми были допрашиваемы*, и, убоясь отъ разнорѣчія конечной себѣ гибели, прежнія свои показанія подтвердили. Дѣло объ нихъ сначала производилось въ яренской воеводской канцеляріи, а потомъ перешло въ великоустюжскую духовную консисторію, и оба эти судилища обвинили судимыхъ *въ чародѣйствѣ и посредствомъ онаго въ порчѣ людей.* Дѣло дошло до сената. Съ

¹⁾ П. С. З. 7,490.

²⁾ Ib. 11,618.

сожалѣніемъ выслушавъ это дѣло, сенатъ нашель, 1) что подсудимые были подвергнуты напрасному истязанію, ибо ихъ признаніе въ чародѣйствѣ было вынуждено плетями и страхомъ. 2) Невѣжество судей, которые повѣрили чудовищному народному преданію, яко-бы порча людей производится посредствомъ пущаемыхъ на вѣтеръ, даваемыхъ яко-бы *отъ діавола*, червяковъ, и что оныя на вѣтеръ пущаемыя червяки входятъ въ тѣло тѣхъ, которые изъ двора выходили, не помолясь Богу, и не проговора *Иисусовой молитвы* (молитва эта приведена выше). 3) Дьявольскіе червяки, присланные за казенною печатью (!), оказались обыкновенными мухами, которыхъ одна изъ подсудимыхъ наловила и высушила, чтобы удовлетворить судей, а себя избавить отъ истязанія. Поэтому сенатъ опредѣлилъ: обвиненныхъ отпустить, воеводу отрѣшить, сотскихъ и десятскихъ наказать батожемъ, а кликушъ высѣчь плетями. Положено-ли было какое наказаніе на *духовную* консисторію, того изъ указа не видно ¹⁾. Но въ 1774 году снова приказывали сотскимъ и десятскимъ наблюдать, чтобъ въ селеніяхъ не были терпимы кликуши и волшебники ²⁾. Въ 1785 году Веніаминъ, епископъ архангельскій и холмогорскій, доносилъ въ архангельское намѣстническое правленіе, что, вслѣдствіе указа 1737 года, доставлена священниками изъ пинегскаго округа вѣдомость о кликушахъ, коихъ оказалось 19-ть человекъ, и подъ ихъ именами подписано, *что именно и какъ кричатъ, и кликушество свое производятъ*.

«Оныя именованныя женщины кричатъ необычно во время хожденія со крестомъ, и со святыми водами, а *наипаче* во время бажденія, и въ прочія времена, когда оныя кликуши начнутъ мучить, иногда инныя бываютъ безъ памяти, и ударяютъ сами себя, и за волосы терзаютъ, и сквернословятся всячески.» Этотъ рапортъ священниковъ доставленъ былъ синоду, съ увѣдомленіемъ, что и въ другихъ приходахъ въ томъ же пинегскомъ и мезенскомъ округахъ имѣются кликуши. Синодъ на это донесеніе отвѣчалъ, «что какъ по высочайшему о губерніяхъ 1775 года ноября 7-го дня учрежденію, 399 статьи, таковыя дѣла относятся къ разсмотрѣнію совѣстнаго суда, то, на основаніи сего, и сообщить изъ консисторіи въ архангельское намѣстническое правленіе о поступленіи съ ними по законамъ. Но, передавая это дѣло къ намѣстнику, Веніаминъ прибавлялъ, что онъ много разсуждалъ о кликушахъ, и оказалось, что «сіе кликушество есть икота, тако-жъ и стрѣлы есть *не колдовство*», но натуральная болѣзнь, и про-

¹⁾ П. С. З, 13497.

²⁾ Ib. 14221, 2.

исходить не отъ воды-ли, въ самомъ дѣлѣ нечистой, и производящей въ человѣкѣ червя? И потому не подлежитъ-ли симъ людямъ, икотою и стрѣлами страждущимъ, избобрѣвъ истинную причину, подать прежде средствъ къ избѣжанію и излеченію тѣхъ болѣзней, нежели издать ихъ, какъ преступниковъ¹⁾.»

Можетъ быть только и былъ одинъ Веніаминъ, который такъ думалъ, а потому и наступившій XIX-й вѣкъ продолжалъ плодить кликушъ по прежнему. Къ началу этого вѣка относится одно подробнѣйшее изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ описаній кликушъ. Мы неразъ встрѣчали кликушъ, жившихъ тогда среди раскольниковъ, и являвшихся защитницами раскола, его пророчицами; теперь же, среди православнаго населенія, кликуши являются врагами раскола, существами, призванными *на посрамленіе раскольниковъ*. Воскресенскаго горицкаго дѣвичьяго монастыря игуменья Маврікія доносила, отъ 3-го октября 1815 года, благочинному отцу игумену Теофану о совершившемся въ ея монастырѣ исцѣленіи послушницы Матроны. Изъ донесенія видно, что въ монастырѣ жили двѣ порченныя: жена штатнаго служителя *Ксенія, мучимая бѣсомъ*, и послушница *Матрона* изъ Череповца, *порченная*. Для Ксеніи, *по приказанію* игуменіи, мужъ ея принесъ земли изъ монастырской часовни. Только-что онъ вошелъ съ землею, больная точно *къмъ* была сброшена на полъ, и говорила, что она лежала *на могилахъ*. Какъ только заговорили, что ей надобно жить въ монастырѣ, она вдругъ укусила у себя руки до крови, и начала *лаять по собачьи*, и кричать: «нѣтъ, не пойду! на смерть дано!» Монахини твердятъ ей: «да возьмутъ, будешь жить». Она: «нѣтъ, нѣтъ!» На другой день Ксенія кричала въ херувимскую. На третій день пошли всѣ въ часовню служить панихиду, и когда дьяконъ сталъ читать о прощеніи грѣховъ, Матрона вскрикнула: «чего ужъ! и такъ все святые!» Ксеніи стали подносить кутью, и эта закричала, и *едва какъ пропуститъ могила*, а Матрона, лежа на полу, стала кричать: «прославятся преподобныя, прославятся! Уліанія, Улія, Анна, Анна!» — «На посрамленіе раскольниковъ! Прославятся Анна и Улія!» Монахини допрашиваютъ: «да етожь онѣ были?» Она отвѣчаетъ: «послушницы, послушницы!» Монахини на колѣняхъ со слезами просятъ Бога, чтобъ имъ было извѣщеніе (отъ дьявола?), а Матрона, кружась, стеноя и визжа, разказываетъ, что это были утопшія, а утопилъ ихъ царь Иванъ Грозный, и положены онѣ, одна подъ поломъ, а другая подаль, подъ дверьми, и что на этомъ мѣстѣ церковь будетъ во имя Святыя Троицы, и много будетъ исцѣленій, и

¹⁾ Пам. кн. Арх. губ. 1867 г. 83—4.

не этакая обитель будетъ, а большая, большая. Одна изъ монахинь спрашиваетъ ее: «Парасковію перестанетъ ли врагъ на меня смущать»? Она отвѣчаетъ: *«дура, безъ этого обитель не стоитъ»!* Далѣе, вынуждаемая допросами монахинь, кликуша разказываетъ, что преподобныхъ звали, рождественскую Уліей, а никольскую Анной, что потоплены мая въ послѣднее число, явились на третій день, когда принесло ихъ съ перевозу, въ рукахъ у нихъ горѣли свѣчи; Улія 25-ти лѣтъ, изъ-черна, волосы долгіе; у Анны, 30-ти лѣтъ, волосы побѣлѣе и короче; обѣ бѣлицы, скончались 200 лѣтъ назадъ, а потоплены были Грознымъ за то, что не отдали ему подобающей чести, — штатный подвель! Обѣихъ кликушъ оставляютъ на ночь въ часовнѣ. Матрона признается, что у ней общаніе было каждый день служить молебень съ акаѳистомъ, а она *маленькій* отслужила. На четвертый день за обѣдней, ее ломаетъ; пять человекъ несутъ ее въ часовню, а она бьется, и, отвѣчая на вопросы, даетъ новыя свидѣтельства объ открытіи мощей. На пятый день монахини *стыдятъ діавола*, а она все кричитъ, да рветъ волосы, и въ такое содроганіе приводитъ всѣхъ, что діаконъ отъ слезъ не можетъ говорить эктению, а крылоскія инны пѣть не въ силахъ. Кормятъ ее антидоромъ, поятъ и кропятъ святой водой, несутъ опять въ часовню: а у ней страшно разтворяется ротъ, она харкаетъ, какъ будто понуждаемая къ рвотѣ, дважды плюетъ, и, прибавляетъ донесеніе, *видѣли многія на подобіе пара изъ полу изъ рта вышедшій дымокъ* (т. е. дьявола), и затѣмъ кликуша исцѣлѣла ¹⁾. Въ 1815 г. въ Поморьи, одного крестьянина за напусканіе икоты наказываютъ 55-ю ударами кнута, и отдаютъ церковному публичному покаянію ²⁾. Изъ свѣдѣній, собранныхъ въ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что въ 1826 г., въ Орловской губ. 33 человекъ обоего пола, одержимые истерическими припадками, рвали на себѣ въ безпамятствѣ платье, кричали съ плачемъ и дѣлали усиленныя движенія. Мѣстный врачъ приписывалъ эти припадки купанью въ рѣкѣ, въ которую нанесено было вѣтромъ много извести, и известъ, входя при купаньи во всасывающіе сосуды, производила сильную боль; но медицинскій совѣтъ отвергъ эту причину ³⁾. Въ 1827 г., въ одной деревнѣ Рязанской губ., открыто 60 человекъ кликушъ, изъ которыхъ многія страдали 10, 15 и 20 лѣтъ. Членъ мѣстной управы призналъ припадки эти притворными ⁴⁾. Въ 1843 году

¹⁾ Маякъ 1845, № 22.

²⁾ Пам. кн. Арх. губ. 1864, 87.

³⁾ Стр. 104.

⁴⁾ Стр. 161.

появились кликуши въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ. Министерство, считая бѣснованіе кликушъ притворствомъ и обманомъ, предписало принимать противъ нихъ полицейскія мѣры, подвергая ихъ негласно легкому тѣлесному наказанію, или содержанію непродолжительное время подъ стражею¹⁾. Къ исторіи кликушъ 40-хъ годовъ историкъ вынужденъ отнести издававшийся тогда *Маякъ*, журналъ современнаго просвѣщенія, *въ духъ русской народности*. Журналъ этотъ, собравъ около себя все, что только было *нечистаго*, таившагося въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества, защищалъ западный XV-й вѣкъ, сжигавшій вѣдьмъ, которыя, по его словамъ, *имѣли преступное сообщеніе съ духами*²⁾, училъ, «что есть злые люди, которые, предавши себя сатанѣ, могутъ причинять людямъ ужасныя бѣдствія, — могутъ *портить* людей», и что «удивительно ли, что живая непоколебимая вѣра нашихъ простолюдиновъ, дѣлая ихъ вѣрными со стороны нравственной, заставляетъ искусителя преимущественно обращать вниманіе на ихъ физическую сторону»³⁾; что «при разрозненности фактовъ, проявляемыхъ бѣсами, достаточно одной самой пошлой, но ловкой насмѣшки, чтобъ ею многихъ отвратить отъ справедливой вѣры въ бытіе бѣсовъ, а чрезъ то и отъ вѣры въ Бога»⁴⁾; и что, наконецъ, «слуги и совѣтники князя сатаны, *мыслители и поэты*, право стѣять всякаго болдуна»⁵⁾. Наслѣдникомъ и проповѣдникомъ подобныхъ ученій явился въ 50-хъ годахъ новый журналъ, *Домашняя Бесѣда*, нажившій, какъ говорятъ, большія деньги за разсказъ о бѣсахъ и кликушахъ. Оба эти журнала радостно вносили на свои страницы цѣлыя ряды извѣстій о кликушахъ 1840—1860 годовъ, о кликушахъ, знаменующихъ яко-бы продолжающееся еще *спасеніе человека*.

12 апрѣля 1861 г. однодворцы Букрѣвскаго хутора съ старостой подали въ павлоградскій земскій судъ объявленіе, что у нихъ въ хуторѣ, на людяхъ, съ недавняго времени появилась болѣзнь, отъ которой заболѣвающие падаютъ безъ чувствъ на землю, хохочутъ, плачутъ, *лаютъ по собачьи*, кукукаютъ по птичьи, и они просили сдѣлать распоряженіе объ открытіи причинъ болѣзни, и тѣмъ успокоить ихъ, ибо они подозреваютъ въ портѣ людей проживающую въ ихъ хуторѣ женщину Федосью Букрѣву. Объявленіе, вмѣсто неграмотныхъ однодворцевъ, под-

¹⁾ Стр. 101

²⁾ Кн. XXXV, V, 68.

³⁾ Кн. XXXI, III, 22—25.

⁴⁾ Кн. XXXV, V, 84.

⁵⁾ Кн. XXXI, III, 25.

писалъ духовный ихъ отецъ, священникъ Венедиктъ Донцовъ. Началось слѣдствіе, и, по требованію екатеринославской уголовной палаты, врачебная управа дала слѣдующее заключеніе: 1) Припадки, замѣченные въ больныхъ, называемыхъ кликушами, есть слѣдствіе истерической болѣзни. 2) Подвергаются истерикѣ женщины полнокровныя, страстныя, первнаго темперамента, *къ чему способствуетъ также наслѣдственное расположеніе отъ матери*, и что взглядъ на больныхъ истерическихъ возбуждаетъ и въ другихъ здоровыхъ женщинахъ приступъ истерическихъ припадковъ. Екатеринославская уголовная палата, въ качествѣ совѣстнаго суда, опредѣлила: «всѣ обвиненныя подлежатъ не наказанію за свои заблужденія, а надлежащему вразумленію, могущему разсѣять эти заблужденія.» Можно было думать, что это были послѣднія извѣстія о кликушахъ,—но, въ Уложеніи о наказаніяхъ оставалась еще 937 ст., и вотъ, на основаніи ея, совершается теперь нѣчто неслыханное со временъ Петра: кликушъ судятъ въ залахъ новаго суда! Къ ужасу нашему, мы встрѣчаемъ здѣсь *волостного старшину*, который, одержимый яростью преслѣдованія пороковъ, тащитъ кликушъ въ полицію,—видимъ врачей, которые раздѣваютъ и осматриваютъ этихъ бабъ, и приходятъ къ тому, что они находятся въ *нормальномъ положеніи*, и не больше ни меньше, какъ обманщицы, и затѣмъ товарищъ прокурора доказываетъ, что эти бабы *злонамѣренныя*, и судъ, обвинивъ ихъ виновными *въ злостномъ обманѣ*, присуждаетъ къ заключенію въ смиренномъ домѣ..... Вотъ это дикое дѣло, какъ будто вновь вышедшее изъ могилъ XVI—XVII вѣковъ!.... Такъ какъ изложеніе этого дѣла есть историческій документъ, объясняющій уровень понятій нашего времени, то мы и приведемъ изъ него извлеченія. Въ № 100 газеты «Москва» помѣщено слѣдующее описаніе засѣданія окружнаго суда.

31-го іюля, въ московскомъ окружномъ судѣ, рассматривалось дѣло о кликушахъ, привлечшее въ залъ засѣданія многочисленную публику. Приступивъ къ разсмотрѣнію этого дѣла, судъ не могъ продолжать засѣданіе, такъ какъ съ одною изъ подсудимыхъ, Ириной Васильевой, сдѣлался припадокъ кликушества, и она удалена была изъ залы засѣданія до тѣхъ поръ, пока успокоилась, послѣ чего прерванное засѣданіе продолжалось вновь.

Сущность обвинительнаго акта заключается въ слѣдующемъ: 19-го мая 1867 года, астафьевскій волостной старшина донесъ подольскому уѣздному полицейскому управленію, что въ деревнѣ Бяконтовой, Подольскаго уѣзда, появились такъ-называемыя кликуши изъ крестьянокъ той деревни: Ирина Васильева, Дарья Ѳедорова, Ѳедосья Ѳедорова и деревни Сыровой Матрена Уаро-

ва, которыя во время припадковъ указываютъ, что ихъ испортилъ односельный крестьянинъ Родіонъ Алексѣевъ, и этимъ наводятъ страхъ на всѣхъ крестьянъ деревни Бяконтовой.

Обвиняемыя при дознаніи и предварительномъ слѣдствіи объяснили, что онѣ увѣрены, что ихъ испортилъ Родіонъ Алексѣевъ, потому, что когда они увидятъ его, или онъ находится вблизи ихъ, то съ ними дѣлается дурно и они начинаютъ кричать: «Родька проклятый, мучитель»! Дарья Ѳедорова показала, что ей снился сонъ, будто кто-то говорилъ ей: «надо выгнать изъ селенія Родіона Алексѣева, потомъ принести изъ села Стрѣлкова икону чудотворца Николая, отслужить ему съ водосвятиемъ молебень, обойти съ иконами вокругъ деревни, а потомъ всѣмъ жителямъ деревни Бяконтовой, вмѣстѣ съ дѣтьми, выкупаться въ рѣкѣ, тогда все нечистое въ деревнѣ прекратится». По словамъ Матрены Уаровой, ей представляются черти, когда она увидитъ Родіона Алексѣева, который одинъ разъ на дорогѣ выпускалъ изъ своего рта чертей, и черти заграждали ей дорогу. Обвиняемыя съ Алексѣевымъ никогда въ ссорѣ не были. Припадки бываютъ съ ними не произвольно и не изъ притворства. Два врача, свидѣтельствовавшіе обвиняемыхъ, не нашли въ ихъ организмахъ такихъ болѣзненныхъ уклоненій, съ которыми можно было бы поставить въ прямую связь тѣ припадки, коими будто бы они страдаютъ; врачи признали припадки эти притворными.

На основаніи сего товарищъ прокурора обвинялъ подсудимыхъ въ кликушествѣ, — въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 937 ст. улож. о нак.

Отвѣтъ подсудимыхъ на вопросъ предсѣдателя о виновности ихъ былъ: «мы сами не знаемъ, что надъ нами случается.»

По окончаніи преній, судъ постановилъ четыре одинаковыхъ вопроса: виновна ли подсудимая, называемая кликушей, въ томъ, что сдѣлала, съ цѣлю злостнаго обмана, извѣтъ на крестьянина Родіона Алексѣева, будто бы онъ, посредствомъ чародѣйства, причинилъ ей, Васильевой, зло?

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, судъ объявилъ слѣдующую резолюцію: подсудимыхъ, называемыхъ кликушами, Ирину Васильеву, 50 лѣтъ, Дарью Ѳедорову, 49 лѣтъ, Ѳедосью Ѳедорову, 27 лѣтъ, и Матрену Уарову, 25 лѣтъ, признавъ виновными въ томъ, что сдѣлали, съ цѣлю злостнаго обмана, извѣтъ на крестьянина Григорія Алексѣева, будто бы онъ, посредствомъ чародѣйства, причинилъ имъ зло, на основ. 135 и 937 ст. ул. о нак., заключить въ смиренный домъ на два мѣсяца.

Въ настоящія минуты, переживаемыя русскимъ народомъ,

кликшество распространено въ Россіи слѣдующимъ образомъ. Въ Малороссіи его нѣтъ, его и не знаютъ, и если оно является тамъ, напр. въ Кіевѣ, то заносное съ сѣверо-востока. Такъ въ Курскѣ, въ 9-ю пятницу приводятъ множество кликушъ, которыя кричатъ неистовыми голосами ¹⁾. Тоже въ Воронежѣ, въ праздникъ св. Митрофанія. Затѣмъ по всему сѣверо-востоку кликушъ встрѣтишь во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ, гдѣ есть особенная святыня, мощи, или чудотворная икона. Порченныхъ множество въ Тверской губ., въ уѣздахъ Колязинскомъ, Старицкомъ, Ржевскомъ и Весегонскомъ, а также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній Ярославской и Владимірской ²⁾. Наконецъ, женское населеніе громаднаго пространства земли, прилегающей къ сѣверному Поморью, почти все заражено *икотой* ³⁾.

— Отчего ты такой блѣдный, хозяинъ? спрашиваютъ у крестьянина на Мезени.

— Икота долить.

— И у васъ она водится, какъ на Пинегѣ?

— Въ какомъ мѣстѣ *злого человека* нѣту, самъ разсуди! Нагонитъ онъ на тебя скорбь какую, и вѣдайся съ ней, и долить она тебя и мучаетъ. Вотъ подойдетъ она къ сердечушку-то, и начнетъ глотать его, что и свѣтъ-отъ въ глазахъ помутится. Ругаешься на ту пору самыми негодными словами, и всякими звѣринными голосами заговорить въ тебѣ нечистой...

Въ избѣ слышится, то лай собаки, то плачь грудного младенца, то густой хриплый басъ, то глубокіе, глубокіе вздохи, сопровождаемые судорожной сильной икотой — то дѣвка-икотница: сто бѣсовъ у ней животы гложутъ. Возили ее къ отцу Андрею, что отчитываетъ, — не помогъ. Зовутъ ее Аннушкой. Аннушка любила Петра, и хорошо имъ было жить, пока не вмѣшался въ ихъ любовь Борька. Явилась разлада, нравственныя страданія, между тѣмъ, *дѣвку постегали*, а милый ушелъ.

— Дѣвку-то мы постегали. Я ужъ про это и сказывать не стану, не хорошо. Собрались къ ней въ избу бабы, стали быть, а того не знаютъ, что Анютѣ-то все это крѣпко на руку. Молчитъ она въ углу, трепаная такая, волосевъ не прибираетъ, и сидитъ подъ образомъ...

— Что-де, молъ, родненькая наша? больно? Которые, молъ, стегали-то? Ты, молъ, Аннушка, наплюй, коли сможешь. Ишь дѣло какое — дѣвку съчъ задумали, — это и бабѣ нейдетъ. Такъ

¹⁾ Андѣева, Зап. 65.

²⁾ Новг. губ. вѣд. 1861, 6.

³⁾ Харит. Врачев. 17. Этн. Оч. Чердыни, 50.

на слова-то на эти въ горлышкѣ-то у ней, сердобольной, ино-
крякнуло, что и грудь ходуномъ начала ходить, заревѣла, что
прыснула, и закликала ¹⁾).

Крестьянинъ пинежскаго уѣзда рассказывалъ: «Въ нашей де-
ревнѣ 46 дворовъ, икота есть почти у всѣхъ жонокъ; у двухъ
мужиковъ была и у двухъ дѣвокъ, у мальчиковъ не видали ни у
кого. У снохи, у сватьи, у матери, у каждой жонки есть; у меня
только сердце заѣдаетъ, ажно мнѣ тошно, грызя грызеть, тер-
пленья нѣтъ, какъ она тамъ грызеть его; ходитъ въ руку или
въ ногу, или въ колѣно и бьется, какъ рыбка (*boule hysté-
rique*); сама, какъ горбышокъ, синя, захватишь, такъ и бьется...»
Крестьянинъ вашкарской волости, находящейся въ 4-хъ вер-
стахъ отъ Холмогоръ, говорилъ: «Лѣтъ 20 тому назадъ у насъ
ее (икоты) вовсе не было, а *теперь* съ каждымъ днемъ увели-
чивается: *теперь* больныхъ въ нашей волости 30 человекъ —
перешла отъ мезенцовъ ²⁾)...»

IV.

Что-жъ такое кликуша? Покойный Шевыревъ, внеся кликушъ
въ свою исторію русской словесности, объяснял ихъ нравствен-
ныя пытки *приливомъ религіознаго чувства* ³⁾. Другіе объясняютъ
ихъ тѣмъ, что это обдуманый обманъ, что женщина, не на-
ходя себѣ вѣры въ грубомъ обществѣ, должна завоевывать себѣ
лучшую долю, пугая и суевѣрнаго мужа, и суевѣрное общество ⁴⁾.

Кликуши выходятъ изъ крестьянокъ, только изъ крестьянокъ,
слишкомъ рѣдко изъ мѣщанъ, и никогда изъ другихъ сословій.
Грубѣе ли крестьянка другой женщины? Больше ли въ ней изу-
вѣрства, чѣмъ, напримѣръ, въ купчихѣ, или купчихѣ-расколь-
ницѣ? Мы думаемъ, что она менѣе груба и совсѣмъ лишена
изувѣрства (особливо въ молодости), и становится кликушей от-
того, что она *здоровая* душой и сердцемъ, оттого, что способна
глубоко чувствовать нравственныя страданія. Не въ силахъ бу-
дучи перенести нравственныя оскорбленія, она надламывается,
и, среди окружающихъ ее дикихъ суевѣрій, становится клику-
шею. Жить бы ей да жить, да родить здоровыхъ гражданъ рус-
ской земли, а она *кличетъ*, а болѣзнь эта, по свидѣтельству ме-

¹⁾ Макс. «Годъ на Сѣверѣ», 6, 488 и др.

²⁾ Пам. кн. Арх. губ. 1864. 87—93.

³⁾ См. ниже.

⁴⁾ Ив. Некрас. Филол. Зап. 1864, III, 109.

дицины, отзывается на дальнихъ поколѣніяхъ ¹⁾). Прекрасная перспектива будущаго!...

Кликушество поэтому является, прежде всего, выраженіемъ нравственныхъ страданій, преслѣдующихъ здоровую природу русской крестьянки.

Кликушами очень рѣдко бываютъ старухи, рѣдко дѣвицы, все больше молодыя женщины. Въ свадебныхъ пѣсняхъ, носящихъ краснорѣчивое имя *заплачекъ*, постоянно поется о горѣ, затаенномъ, глубоко разрывающемъ душу:

Горе ли ты мое, горе,
Горюшко великое,¹
Никому ты, мое горе,
Никому не извѣстно,
Призкрыто мое горе
Бѣлой моей грудью,
Запечатано мое горе
Все кровями ²⁾).

Мужъ деревенской женщины, если жизнь его надломлена, — это звѣрь и тиранъ. Жена терпитъ отъ него страшно, — терпитъ даже отъ мертваго, если онъ колдовалъ. Чуть настанетъ ночь, онъ и лезетъ къ ней, пока не призолятъ его въ могилѣ. Даже тѣ люди, которые лечатъ отъ кликушества розгами, и тѣ согласны, что болѣзнь эта таится въ горькой участи женщины. «Иная молодая бабенка — говорятъ они — живетъ въ совершенномъ загонѣ, мужъ бьетъ, никто ее въ домѣ не любитъ, за всякую малость всѣ ее только ругаютъ и колотятъ, негдѣ бѣдняжѣ ни сѣсть, ни лечь, и она рыдая, рыдая, начинаетъ вливать» ³⁾. Это горе, *призкрытое грудью*, эти-то страданья сердца, высказывались въ тѣхъ причитаньяхъ или заговорахъ, которыми женщина думала улучшить свою участь. Здѣсь вы сыщите заговоры на *укрошеніе гнѣва родимой матушки*, — на *укрошеніе злобныхъ сердецъ*, заговоръ родимой матушки *въ наносной тоскѣ*, красной дѣвицы *отъ тоски*, заговоръ на остуду между молодцомъ и дѣвицей, и т. д. Вторая причина кликушества — колдовство, т. е. отравы данная женщинѣ. Съ упадкомъ соціальной жизни народа исковеркались въ ней и всѣ лучшія человѣческія отношенія. Лю-

¹⁾ «Истерика матерей съ одной стороны переходитъ на ихъ дѣтей, а съ другой, соединяясь съ разстройствомъ интеллектуальной сферы, и переходя иногда въ туловище, передаетъ новой генераціи эти психическіе недостатки.» Моск. Медич. Газ. 1860. № 25—32.

²⁾ Перм. Сб. II.

³⁾ Тул. Г. Вѣд. 1841, 41, 42.

бовъ человѣка къ человѣку явилась опутанною отвратительнымъ волдовствомъ, совершеннымъ во имя сатаны, почитаемаго, величаемаго почетнымъ именемъ Сатаны Сатановича. Такъ въ Пермѣ любовь бываетъ двоякая, *слядная* и *притяжная*. Первая — это любовь взаимная, вторая невольная, навязываемая наговорами, отъ которыхъ молодецъ или дѣвушка начинаютъ тосковать *тоской по сердцу, глухой тоской*.

Въ 1750 году, сержантъ Тулубевъ, желая привлечь къ себѣ дочь разночинки, Ирину Тверитину, жившую въ Тюмени, «обрѣзавъ, взявъ хлѣба печенаго ломоть, и увелъ ее съ собою одною въ баню, и, совокупя къ тому хлѣбу воскъ, печину, соль, волосъ по части, и, обтирая съ себя тѣмъ хлѣбомъ въ банѣ потъ такимъ образомъ: на-перво съ правой руки, а потомъ съ лѣвой ноги, и скоблилъ съ ногъ своихъ ножомъ кожу, и взявъ съ парнаго вѣника три листа, и снималъ тотъ хлѣбъ въ одно мѣсто съ печиною, воскомъ, солью, волосами, со скобленною съ ногъ кожею, и съ парнаго вѣника листомъ, и сдѣлалъ колобокъ, и послѣ того въ той же банѣ изъ нея же жены Ирины такимъ же образомъ потъ особливимъ хлѣбомъ отиралъ, и снималъ по вышеписанному, — и вышедъ изъ бани, на оныя колобки смотря въ имѣвшуюся у него книгу, которую носилъ при себѣ сокровенно, невѣдомо, чѣмъ шепталъ, а куды оныя съ волшебствомъ хлѣбные колобки употребилъ, того она, Ирина, не знаетъ ¹⁾». Въ книгѣ онъ, безъ сомнѣнія, читалъ заговоръ, какъ *приворожить дѣвку*, въ родѣ слѣдующаго, записаннаго въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей: «истопи баню жарко, и взойди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ, и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда *много трижды* сей заговоръ: «На морѣ на-кѣанѣ, на островѣ на Буанѣ, стояло древо, на томъ древѣ сидѣло семдесятъ какъ одна птица, эти птицы щипали вѣти, эти вѣти бросали на землю, эти вѣти подбирали бѣси, а приносили къ Сатанѣ Сатановичу. «Ужъ ты, худъ бѣсъ! И кланяюсь я тебѣ и поклоняюсь, — сослужи ты мнѣ службу, и сдѣлай дружбу: зажги сердце (имрекъ) по мнѣ (имрекъ), и зажги всѣ печени и легкое, и всѣ суставы по мнѣ (имрекъ). Будь мое слово крѣпко, крѣпче всѣхъ булатовъ во вѣки!» Вели пряникъ съѣсть ²⁾». Изъ дѣла с.-петербургской канцеляріи тайныхъ и розыскныхъ дѣлъ видно, что въ заговорѣ на разожженіе сердца у дѣвицы обращались «къ толстой бабѣ, *къ сатаниной угодницѣ*»: «встану не благословясь, пойду не пере-

¹⁾ Этн. Сб. VI, 141.

²⁾ Лѣт. Русс. Литер. IV. 75.

крестясь въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоятъ терновъ кустъ, а въ томъ кустѣ сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца и матери, отъ роду и племени. Поди, толстая баба, разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ-имярекъ»¹⁾. Все это заговоры позднѣйшіе, такъ сказать выдохшіеся; но чтобъ представить себѣ заговоръ во всей его колдовской силѣ, нужно перенестись въ XVII—XVIII вѣкъ, въ самый разгаръ колдовства, и прочесть хоть любовное заклятіе, взятое изъ слѣдственнаго дѣла 1769 года²⁾. Подобные заговоры и заклинанія, съ цѣлю привлечь любовь, называются *отсушками*; отвлечь отъ любви — *отстудю*, *отворотомъ*³⁾. Кромѣ заклинаній прибѣгаютъ къ силѣ кореньевъ и травъ, хорошо извѣстныхъ всякому сельскому жителю, а тѣмъ паче специалистамъ этого дѣла. Для испытанія вѣрности жены нужно найти траву, которая называется *ряска*, растетъ кустиками, маленька, синенька, по землѣ разстилается; нашедши этой травы, положить стебель ея женѣ въ голову, и жена все скажетъ, что бывало, съ кѣмъ живала, и съ кѣмъ мыслить, а *положи не просто*⁴⁾. Въ другомъ травникѣ записано: «есть трава *кукуша*, растетъ по берегамъ, сама синя; а она трава въ персть, а листочки долгонькіе, что язычки, а корень на двое, одинъ мужъ, а другой жена. Когда мужъ жену не любитъ, дай пить женочкѣ, а жена мужа не любитъ—дай пить мужичку, станетъ любить женочка. Женочка (корень) смугла, а мужичекъ (корень) бѣлъ⁵⁾». Но вотъ любовь кое-какъ сладилась, началась свадьба, и опять впутывается колдовство, и отравляетъ послѣдніе останки человѣческаго чувства. Въ селахъ шенкурскаго уѣзда живутъ нерѣдко по два, по три колдуна въ каждомъ, и всѣ они въ равной степени помогаютъ мѣсть дружки на свадьбахъ, — мѣсть *выгодныхъ*, ибо дружка, въ продолженіи службы своей на свадьбѣ, сытъ, пьянъ, и, въ придачу, надѣленъ всячиной. Колдовство, среди котораго вертится народъ, и нравственный развратъ колдуновъ дошли до того, что всѣ три колдуна, услышавъ про свадьбу, заранѣе разсчитываютъ, на чей пай выпадетъ счастливая, выгодная роль дружки. Вотъ отправился свадебный поѣздъ, и началась дьявольская борьба между колдуномъ, провожающимъ свадьбу, и другими, которые остались безъ

¹⁾ Пам. кн. Арх. губ. 1864, 17.

²⁾ Лѣт. русс. лит. VI, 59—60.

³⁾ Гух. Этн. Оч. Сиб. 70.

⁴⁾ Харит. Этн. Оч. Черк. 153.

⁵⁾ Врачев. Шенкур. уѣзда, 15.

дѣла: иногда все сойdetъ хорошо, а въ другомъ случаѣ—*испортятъ свадьбу* ¹⁾. Сибирскія кликуши такъ и называются *порченными*. Портятъ еще посредствомъ *тенетъ*, которыя запекаютъ въ пирогъ, и, при леченіи, порча выходитъ изъ желудка больной въ видѣ слизистаго, одушевленнаго вещества, которое нужно тотчасъ сжечь, *иначе болѣзнь воротится*. Учатся портить на рѣдкѣ: почернѣть вся рѣдка—значитъ лекарство дѣйствуетъ ²⁾. По словамъ народа, порча производится посредствомъ вѣтра (на вѣтеръ пуцаютъ), выемки слѣда, черезъ подкидываніе разныхъ вещей, и отъ *залому*. Колдуны дѣлаютъ во ржи заломы (пучки, хитро связанные изъ нѣсколькихъ соломинъ на корню, колосьями внутрь самаго пучка), или закрутки, и отъ прикосновенія къ нимъ женщина поражается болѣзью, и умираетъ въ жестокихъ мукахъ ³⁾. Отъ ужаса, охватывающаго женщину при одной мысли о колдовствѣ, женщина начинаетъ кликать, повидимому, отъ самыхъ пустыхъ вещей, напримѣръ, въ новгородской губ. «надъ дверьми ввернуто было пѣтушье перо, а въ полу гвоздемъ были заколочены волосы, уголь и соль ⁴⁾». Собственно для напусканія кликушества существуютъ особые порчельники. Одинъ крестьянинъ, напускавшій икоту, для привлеченія дьявола, *держалъ крестъ въ сапогъ подъ пятой*, въ теченіе половины мѣсяца, и приговаривалъ: «отрекаюсь Бога и животворящаго креста, отдаю себя въ руки дьяволовъ», и къ нему являлись дьяволы, требовавшія занятій. Въ Холмогорахъ, рассказывалъ крестьянинъ, была дѣвка, все лбомъ глядитъ, — такъ она икоту насаживала, — ее выгнали изъ города ⁵⁾.

Такимъ образомъ, источникомъ истерическихъ припадковъ женщины служатъ: нравственные страданія, жестокая жизнь, порча и вѣтра въ колдовство. Какъ исключеніе, встрѣчаются ханжи-кликуши, которыя кличутъ притворно, собирая на *убожество болѣзное*, и изъ кликушества дѣлаютъ промыселъ ⁶⁾.

Обычные симптомы истерики — *зѣвота* во время прекращенія приступа — это дьяволъ выходитъ вонъ; во время приступа и вздутіе живота — это дьяволъ мечется въ утробѣ. Кликуша одержима дьяволомъ, а потому въ церкви она не можетъ слышать *херувимской, запаха ладану, евангелія*, а у раскольниковъ — *табаку*. Шевыревъ поэтому думалъ объяснять кликушъ

¹⁾ Врачев. и забавы Шенк. уѣзда, 20.

²⁾ Этн. Сб. VI, 130.

³⁾ Тул. Г. Вѣд. 1861, 41.

⁴⁾ Якут. Пут. письма, 121.

⁵⁾ Пам. кн. Арх. губ. 1849, 74—93.

⁶⁾ Сем. Свѣт. 1864, 4.

приливомъ религіознаго чувства. «Во время херувимской, говоритъ онъ, какимъ-то особеннымъ трепетомъ бьется сердце благочестиваго русскаго, и здѣсь надобно искать объясненія тому психологическому явленію, которое извѣстно въ нашемъ простомъ народѣ между женщинами подъ именемъ кликушъ ¹⁾. Кликуша *лаитъ по собачьи*, потому что въ періодѣ колдовства *собака* обратилась въ *пса*, — образъ дьявола, и дьяволъ, сидящій въ человѣкѣ, только и можетъ, что *лаять по собачьи*. Одержимая дьяволомъ, кликуша *колдуетъ*, говоря отъ *его* имени, и его языкомъ, а потому, спрашивая кликушу, обращаются, не къ ней, а къ нему. Если у мужика что-нибудь пропало, а близко есть кликуша, то онъ говоритъ: «надо съѣздить къ кликушѣ, что она скажетъ»? Отправляясь къ ней, мужикъ везетъ ей что-нибудь за работу, и вѣруетъ всему, что она выкричитъ. Въ Архангельской губ., желающій получить предсказаніе отъ икотницы, приглашаетъ ее къ себѣ, и старается задобрить ее такимъ угощеніемъ, которое она особенно любитъ, потомъ уже начинаетъ ее спрашивать. Тогда съ кликушей начинаются муки: глаза расширяются, руки и ноги судорожно вытягиваются, больная рветъ на себѣ волосы, разрываетъ на себѣ одежду, и падаетъ на полъ; грудь и особенно животъ неестественно возвышаются, и сквозь болѣзненные стоны слышится голосъ икотницы, дѣлающій предсказанія. Затѣмъ ее отводятъ домой, потому что сама она не въ силахъ идти ²⁾.

Природа крайняго сѣвера, располагающая, по словамъ Кастрена, къ нервному состоянію, помогаетъ существованію особаго рода кликушъ, называемыхъ *икотницами*. Причиной истерической икоты бываютъ: пораженіе половыхъ органовъ, неправильность пищеваренія, дурная пища, состоящая изъ гнилой, зловонной рыбы, гнилая болотная почва, а особенно психическія явленія, происходящія отъ гнета семейнаго и общественнаго. Сначала больная чувствуетъ сильную головную боль, теряетъ аппетитъ, организмъ ея слабѣетъ, *икота опускается отъ головы къ сердцу*, является болѣзнь сердца, и спазматическое сокращеніе брюшной преграды, — она кричитъ, смѣется, плачетъ. При самомъ сильномъ развитіи припадка больная лишается языка (нѣмая икота), а только издаетъ глубокіе отрывистые звуки; при менѣ сильной икотѣ больная говоритъ (говоруха), но не отвѣчаетъ на предлагаемые вопросы, и, наконецъ, третій видъ болѣзни, когда икотница приходитъ въ экстазъ и дѣлается способ-

¹⁾ Ист. Рус. слов. III, 108, 156.

²⁾ Карм. кн. для люб. земледѣд., 316.

ною для предсказаній. Икоту надо потѣшать, баловать, — иначе она замучаетъ человѣка. Крестьянинъ пинежскаго уѣзда рассказывалъ: «къ намъ сюда ходитъ *молодая жонка*, здоровенна хороша, красна да бѣла, тоже икотница. Она рассказываетъ: когда чего захочу, вина ли, изюму ли, или тамъ чего, то сейчасъ покупаю; наѣмся и отпустить (икота), и хорошо, а какъ не потѣшу (икоту), не куплю, то всѣ волосы оборву у себя и руки сломаю». — «Икота ребенка въ брюхѣ съѣдать, — вотъ те Христосъ! съѣдать; довольно ребятъ заѣдаютъ. Одна жонка ее не правила, не тѣшила, чего захочетъ, не покупала, такъ она у ребенка уши да затылокъ, да пальцы у рукъ съѣла». — «Сваты Марья, старушонка, не любитъ парня чорнаго, гоняется за нимъ, палку возьметъ и побѣжитъ; *додразнятъ до того*, что она упадетъ, да почнетъ сама на себѣ волосы драть, да кричать; раздуетъ всю; шея раздуется, сама покраснѣетъ, жилы напрягется». — «*Мужики узнаютъ, чего не любятъ икоты, и нарочно дразнятъ*. У сваты, — парня не любитъ, у невѣстки — табакъ; гдѣ курятъ табакъ, она зайдетъ и упадетъ, и закричитъ; или когда чего захочетъ, повалится и реветъ: дай да и только». — «Никакого стыда въ ту-пору жонка не имѣетъ: матюгается, изорветъ все платье, рубаху — какая же бы неволя притворяться!» — У меня мать усю раздуетъ, по полу лежитъ сутки, какъ мертва, даже головы не подниметъ, языкъ захватитъ, зажметъ горло. Мы не по-однажды по матери плакали: какъ мертва лежитъ; *съ молодыхъ лѣтъ у ней двѣ насажено*; первая вина не пила, все сладости ѣла, а вторая вино стала пить; *матка другое сто живетъ, а все болѣтъ*; на дѣвкахъ у насъ было на двухъ; одна дѣвка такъ и осталась дѣвкою, а сватали: «куда я пойду съ этимъ нездоровьемъ чужого вѣку заѣдать» ¹⁾!.. Мужчины-икотники встрѣчаются не въ одномъ Поморьи, а въ Тверской губ., въ Иркутскѣ, и т. д. ²⁾.

Чѣмъ же лечатъ кликушъ? Леченіе отъ кликушества и икоты выходитъ изъ того же самаго колдовства, которое создало кликушу. Извѣстно, что еще въ арійскую эпоху индо-европейскаго племени священная пѣснь, гимнъ (mantra), или молитва, перешла уже въ заклятіе и заговоръ, и олицетвореніе молитвы (gāyatrī) заступило мѣсто Индры, и подобно ему поражало демоновъ. Съ этой ранней поры *заговоръ, слово*, получаютъ возможность распоряжаться нечистою силою, возбуждать любовь и ненависть, насылать болѣзни, и исцѣлять отъ нихъ. Такой кол-

¹⁾ Пам. кн. Арх. губ. 1864, 87 — 193.

²⁾ Маякъ, XXXV, V, 78.

довской смыслъ имѣть и *отчитыванье* кликушъ. Въ Орловской губ., для изгнанія изъ кликуши нечистаго духа обыкновенно на-нимають какого-нибудь старика-грамотѣя, который и долженъ читать надъ больноу по зарямъ различныя молитвы. Нанятый старикъ является въ домъ, становится передъ божницею, очерчиваетъ вокругъ себя углемъ три раза, чтобъ за эту черту не перешолъ нечистый, и начинаетъ отчитывать, растягивая слова. Въ другихъ мѣстахъ отчитываютъ по монастырямъ, или монаховъ приглашаютъ на домъ. Докторъ Любимовъ рассказывалъ о столѣтней старухѣ, раскольникѣ безпоповщинской секты, которая, вмѣстѣ съ своими дочерьми, отчитывала кликушъ въ теченіи 20-ти лѣтъ ¹⁾. Вмѣстѣ съ молитвами употребляются особые заговоры *отъ кликуши*: «На аліонской горѣ и на абрааминской горѣ пречистая владычица матъ Богородица, какъ породила Христа еди-наго Господа—при томъ дѣлѣ не было ни колдуна, ни еретницы, ни съ мужскаго полу, ни съ женскаго полу, ни съ ребячаго полу, и ни изъ дѣвичьяго,—не испортить и не сглазить, ни чернцу, ни ченцу, ни попу, ни дячку, ни великому грамотнику. Огради его, Господи, силою честнаго креста, рожденнаго, молитвеннаго, крещенаго, исповѣданнаго, причащанаго, вѣнчанаго (если женатъ) раба божія имярекъ» ²⁾. Иногда прибѣгаютъ къ силѣ травъ, именно къ травѣ «называемой *бллой*, похожей на стебель лебеды, а подъ осень и внизу на землѣ листья зеленыя, а сверхъ бѣловатыя, а вкусъ у корня похожъ на инбирь, а когда во рту подержишь подолѣ, и будетъ сладокъ» ³⁾. Путаясь въ безвыходномъ положеніи при появленіи кликуши, и не зная чѣмъ помочь, въ Вятской губ., во время пароксизма, надѣваютъ на больную *хомутъ съ потной лошади* ⁴⁾. Между тѣмъ, собственно есть одно только лекарство — это поднятіе низко упавшаго уровня народной жизни, ведущее за собой просвѣщеніе и всеобщее благосостояніе.

И. ПРИЖОВЪ.

¹⁾ М. Мед. Газ. 1860, № 25 — 32. j

²⁾ Пам. Стар. Рус. Лит. III, 168.

³⁾ Этн. Сб. II, 131.

⁴⁾ Совр., 1856, XI, см. 3.

МОЛОКАНЕ и ДУХОБОРЦЫ

ВЪ

УКРАИНѢ и НОВОРОССІИ.

(XVIII-й вѣкъ).

I.

Появленіе молоканства и духоборчества въ Украинѣ. — Состояніе Украины въ XVIII вѣкѣ. — Причины, вызывавшія бѣгство лицъ изъ всѣхъ концовъ Россіи въ Украину. — Религіозно-церковное настроеніе умовъ въ Украинѣ. — Переселеніе раскола и русскаго раціонализма изъ Москвы въ Украину.

Духоборчество, если не одновременно, то послѣ Москвы прежде всего могло явиться въ Украинѣ. Москва, какъ извѣстно, всегда была центромъ всякихъ религіозныхъ разномыслій, а въ частности, и нашего старообрядчества. Изъ Москвы выходили всегда толпы религіозныхъ пропагандистовъ, которые пускались въ странствованіе по Россіи, отыскивая повсюду себѣ единовѣрцевъ и утверждая свое ученіе между прозелитами ¹⁾. Ихъ убѣжденія находили отголосокъ въ народѣ, и вновь обращенные, какъ и всегда бываетъ, дѣлались, въ свою очередь, сектаторами, нерѣдко примѣшивая въ религіознымъ догматамъ и политическія убѣжденія. Южное поволжье, Донъ и Яикъ были преимущественно любимыми убѣжищами всѣхъ бѣглыхъ людей и преслѣдуемыхъ религіозныхъ диссидентовъ. Тамъ поселены были стрѣльцы, пе-

¹⁾ См. стат. «Яицкое Казачество» въ Русск. Вѣстн. 1864 г. кн. VIII, стр. 607.

режившіе московскія казни и глубоко схоронившіе въ себѣ ненависть къ правительству; тамъ жили и вольныя казачьи общины. Понятно, что бѣглецы московскіе всегда встрѣчали здѣсь радушный приѣмъ и сочувствіе, напередъ увѣренные, что, въ случаѣ опасности, ихъ не выдадутъ ¹⁾. По глухимъ мѣстамъ и отдаленнымъ хуторамъ и уметамъ пространной Украины, молканство и духоборство могло безпрепятственно населяться вмѣстѣ съ расколомъ и рука объ руку идти путемъ распространенія....

Но взглянемъ на состояніе Украины въ XVIII-мъ вѣкѣ. Пространство отъ Словечны до Днѣстра, отъ Клевена до Орели, и отъ Галича до Сѣвернаго Донца, называвшееся нѣкогда Малороссією, при гетманѣ Скоропадскомъ (1708 — 1722) присоединенное къ Россіи, носило названіе Украины, въ сліяніи со всѣми южными областями Россіи, которыя составляли оплотъ и крайнія (окраины, — отсюда названіе «Украина») границы съ владѣніями польскими, татарскими и турецкими ²⁾. Это огромное пространство юга Россіи издавна заселялось бѣглыми дворянами, кидавшими службу царскую, попами и монахами, недовольными церковною властію, приказными, недовольными правительствомъ, крестьянами, нехотѣвшими служить своимъ помѣщикамъ и вообще всѣми недовольными какимъ-либо порядкомъ вещей.... ³⁾.

Въ государствѣ Московскомъ въ началѣ XVIII-го вѣка, въ ту переходную эпоху, когда оно преобразовалось въ имперію все-россійскую, совершилась борьба разрозненныхъ силъ Россіи. Въ народномъ бытѣ, въ гражданскомъ устройствѣ русскаго общества была тѣма противорѣчій, разлада и неурядицъ, питавшихъ разъединеніе въ духѣ народномъ, такъ-что первую половину XVIII вѣка можно назвать тяжелою годиною народного стенанія отъ податей и повинностей, годиною преобладанія сильныхъ иностранцевъ-тирановъ, воровства и публичныхъ казней, годиною полного крѣпостничества, развитія аристократическаго барства въ ущербъ другимъ сословіямъ и грабительства народа правителями. Не даромъ предъ XVIII-мъ вѣкомъ было 14 самозванцевъ ⁴⁾. Подавляемая оппозиція такому состоянію дѣлѣ стремилась постоянно въ Украину и, поселившись здѣсь въ простран-ныхъ и привольныхъ мѣстахъ, вдали отъ центра Россіи, вмѣстѣ съ казачествомъ и стрѣльцами составляла, нѣкоторымъ обра-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Энциклопедич. Словарь Крайя. Томъ VIII, стр. 416—419.

³⁾ А. Шапова, Русск. расколъ старообрядчества. 1859 г., стр. 476.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 469 и 471.

зомъ, status in statu въ государствѣ. Въ это время сбѣгло холопей съ одного боярскаго двора часто по 20 и 30 человекъ¹⁾; однихъ московскихъ нищихъ бродило по Россіи до 1,000 человекъ²⁾; по одному, напримѣръ, Казанскому уѣзду въ 1723 году шло выходцевъ изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ посадскихъ и дворцовыхъ, синодальнаго вѣдѣнія, помѣщичьихъ крестьянъ и бобылей на 954 двора³⁾. Стрѣльцы и казаки на Украинѣ издавна жили повольно и грамотъ царскихъ и правительственныхъ часто совсѣмъ не исполняли. Когда Петръ I казнилъ и разсѣялъ огромное число мятежныхъ стрѣльцовъ и Донскихъ казаковъ по Украинѣ, то нашелъ чрезъ это себѣ въ Украинѣ враговъ болѣе, чѣмъ ожидалъ⁴⁾.... Поголовная подушная перепись народа, оказавшаяся тогда въ 20,000,000 душъ, прогнала въ Украину не одну сотню тысячъ лицъ, выведенныхъ изъ терпѣнія своевольно разбѣжавшими по селамъ и деревнямъ гренадерами-переписчиками, и подъячими⁵⁾, думавшими болѣе о себѣ, чѣмъ о казнѣ⁶⁾. Казнокрадство подушенное, при истязаніи крестьянъ и притѣсненіи народа сборщиками, выводило народъ изъ терпѣнія и онъ тысячами бѣжалъ въ обширныя степи Украины, гдѣ забывалъ все и начиналъ жить свободнѣе, оставляя казну при недоимкахъ податныхъ, которыхъ при смерти Петра I уже считалось нѣсколько милліоновъ⁷⁾. При Екатеринѣ воеводы и камериры наводнили Россію солдатами для правежа недоимокъ, и народъ отъ экзекуціи опять побѣжалъ толпами на Украину⁸⁾. Въ царствованіе императрицы Анны недоимка была уже въ 7 милліоновъ рублей тогдашнихъ, или 40 милліоновъ по нынѣшнему, потому что, кромѣ расхищенія казны правителями по городамъ, подушныя подати обращали и въ пользу временщика, который за недоимки заковывалъ воеводъ въ кандалы, крестьянъ голыми ногами ставилъ на снѣгъ, билъ палками по пятамъ и всякими пытками истязалъ, такъ-что въ нѣсколько лѣтъ тогда разбѣжалось народу въ Украину, въ Польшу, Молдавію и Валахію болѣе 250,000 душъ мужскаго пола⁹⁾. Народъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка бѣжалъ въ Украину и отъ страш-

¹⁾ Пол. Соб. Зак. томъ I, стр. 360.

²⁾ Ист. Гос. Росс. томъ X, стр. 283.

³⁾ Полн. Собр. Закон. томъ VII, №№ 4807 и 4162 п. 2.

⁴⁾ А. Шапова. Русскій расколъ старообрядства. 1859 г. стр. 477.

⁵⁾ Пол. Собр. Зак. томъ VII, № 4729.

⁶⁾ Тамъ же № 4826.

⁷⁾ Тамъ же, № 5017.

⁸⁾ Тамъ же, № 4674.

⁹⁾ Болтинъ.—Шапова, Русскій расколъ старообрядства. 1859 г. стр. 490.

ныхъ рекрутскихъ наборовъ, которые сбили въ кучу при Петрѣ 180,000 регулярнаго войска, отъ страшныхъ налоговъ на содержание его, стоившее 3,180,770 руб. ¹⁾, и отъ неправды въ судахъ, особливо наполненныхъ иноземцами, нахлынувшими въ Россію для набиванія кармановъ своихъ ²⁾, такъ-что до судьи достойнаго челобитчику было не дойти; всюду хватали и сажали володниковъ, а рѣшенія имъ нечинили, но, перековавъ, пускали по улицамъ просить милостыню ³⁾; безъ взятокъ ничего нельзя было дѣлать и за гривенное дѣло полтину брали ⁴⁾, чѣмъ все царство въ скудость и смятеніе приводилось ⁵⁾. Губернаторы временъ Петра I были не лучше воеводъ и приказныхъ ⁶⁾. Они разбѣзжались со псовою охотою по полямъ и сѣннымъ покосамъ, яровой и озимій хлѣбъ лошадьми и собаками топтали ⁷⁾ и жили часто въ селахъ по долгу для своихъ потѣхъ на счетъ крестьянъ ⁸⁾, такъ что пашни крестьянскія оставались часто незасѣянными за неимѣніемъ сѣменъ и крестьяне шли по-міру ⁹⁾. Начало XVIII вѣка было и временемъ окончательнаго укрѣпленія крѣпостничества за помѣщиками, требованія которыхъ не имѣли границъ и контроля ¹⁰⁾; тягости были несносны, мучительства велики ¹¹⁾; крестьянину не давали обрости, но стригли его яею овцу до года, и такъ царство опустошалось, такъ что у иного и козы не оставалось ¹²⁾; отъ чего народъ бѣжалъ, иные въ понизовыя мѣста, иные въ Украину, иные въ Зарубежныя, тѣ страны населяя, а свои пусты оставляя.... Надъ крѣпостными женами и дочерьми крестьянскими владѣльцы творили блудныя дѣла и у женки выбивали ребенка ¹³⁾; пришлыхъ и захваченныхъ людей, не хотя возвратить кому слѣдуетъ, потопляли въ водѣ, или инако какимъ случаемъ умерщвляли ¹⁴⁾; или же, наконецъ, какъ вещь, отдавали чиновникамъ въ подарокъ и вмѣсто взятки ¹⁵⁾.

¹⁾ Пол. Собр. Зак. томъ V, № 3294.

²⁾ Кошкинъ, стр. 98.

³⁾ Соч. Посошкова, гл. III. ¹

⁴⁾ Посошковъ, «О правосудіи».

⁵⁾ Пол. Собр. Св. Зак. т. IV, №№ 2483, 2493, 2467 и томъ V, № 3078.

⁶⁾ Донош. митрополита Селивестра, св. синоду въ рук. Казан. Дух. Акад.

⁷⁾ Пол. Собр. Зак. томъ V, № 3025.

⁸⁾ Тамъ же т. IX, №№ 6570, 6653 и 6682.

⁹⁾ Тамъ же т. VII, № 4566, т. IX, № 6453, т. XV, № 11,205.

¹⁰⁾ Посошкова, гл. VII, стр. 182—183. Пол. Собр. Зак. т. V, № 3294.

¹¹⁾ Кошкинъ, стр. 114.

¹²⁾ Тамъ же.

¹³⁾ Посошкова, стр. 85.

¹⁴⁾ Записки артиллеріи майора М. В. Данилова, Москва. 1842 г. стр. 34.

¹⁵⁾ Пол. Собр. Зак. т. V, № 2668, т. IV, №№ 1820, 2310, т. V. № 3414.

Подымались, вслѣдствіе сего, бунты ¹⁾, но вызывали лишь вмѣсто справедливости одни обезглавленія и истязанія. Тогда оппозиція бѣгала въ Украину, за границу и поступала въ разные секты, такъ что въ 1719 году въ одной нижегородской епархіи было до 86,000 оппозиціонныхъ правительству разныхъ сектантовъ, въ однихъ чернораменскихъ скитахъ до 40,000 душъ ²⁾. Яикъ и Украина, наконецъ, и самимъ правительствомъ съ 1683 и до 1737 г. населялись оппозиціонными диссидентами разныхъ сектъ и всякими мятежниками ³⁾. Въ 1702 году сосланы были на Яикъ и въ Украину стрѣльцы, заразившіе мятежными сектами и оппозиціоннымъ духомъ вообще всѣхъ Донскихъ и Яицкихъ казаковъ ⁴⁾ и только въ 1737 году правительство прекратило ссылку въ Украину, и Украина перестала, наконецъ, болѣе считаться ссылкой мѣстомъ ⁵⁾.

Вотъ какимъ народомъ заселялась Украина въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ. На этомъ огромномъ пространствѣ Россіи, удаленномъ отъ центровъ ея, скоплялось, такимъ образомъ, выведенное изъ терпѣнія все оппозиціонное правительству. Но здѣсь же возрастала и скоплялась оппозиція также и православной церкви съ ея духовенствомъ. Вѣра народа, съ одной стороны, не имѣя твердой животворной пищи и разумнаго основанія, съ другой, столкнувшись съ религіозными воззрѣніями запада, давно уже колебалась въ Россіи и въ лицѣ раскольниковъ и нашихъ самородныхъ раціоналистовъ выражалась протестомъ противъ іерархіи церковной и чистоты православія; оставалось оппозиціонной сторонѣ находить поддержаніе въ обстоятельствахъ времени, чтобы рости съ каждымъ годомъ, — и обстоятельства эти приспѣвали. Духовенство православное конца XVII и начала XVIII вѣка не имѣло никакого значенія въ народѣ. Его многія лица всю жизнь не принимали въ дома, къ нему не ходили на исповѣдь часто до старости лѣтъ, а иногда просто и безъ покаянія умирали ⁶⁾. Не только въ воскресные дни, но и въ большіе господскіе и богородичные праздники сами попы и діаконы не ходили въ церковь, и не говѣли даже въ великій постъ ⁷⁾, а къ таинствамъ церковнымъ оказывали холодность и

¹⁾ А. Шапова. Русскій расколъ старообрядства. 1859 г., стр. 535.

²⁾ Тамъ же, стр. 546, 547.

³⁾ Чтен. Моск. Общ. Истор. кн. IV, стр. 81.

⁴⁾ Пол. Собр. Зак. т. IX, № 6802, стр. 574.

⁵⁾ Акты Археол. Экспед. т. IV, № 115.

⁶⁾ Тамъ же, № 188, 321, 324.

⁷⁾ Полн. Собран. Зак. Том. I, стран. 249, 629. — Описан. Староп. Кн. Царск., стран. 136. — Дополн. къ Акт. Истор. Томъ V, стр. 47.

неуваженіе ¹⁾. Петръ I именнымъ указомъ 17 февраля 1718 г., прибытымъ по городамъ, селамъ и деревнямъ въ печатныхъ листахъ, сгонялъ народъ въ покинутыя церкви ²⁾. Духовенство же занималось, вмѣсто своихъ прямыхъ обязанностей, корчемствомъ въ церквахъ ³⁾, почему теряло и послѣднее къ себѣ повиновеніе ⁴⁾. Ученіе лютеранъ и кальвиновъ, подоспѣвши къ такому состоянію вещей, было какъ нельзя болѣе кстати ⁵⁾... И вотъ явились Андрей и Симеонъ Денисовы чистыми протестантами по образу мыслей ⁶⁾... Проповѣдуя безпоповщину, явилась и «нѣтовщина», отвергшая видимую церковь на землѣ и тѣмъ изобразившая въ себѣ грубое одностороннее и бессознательное выраженіе протестантскаго духа отрицанія и свободы ⁷⁾... Умъ Даниила Викулина и стрѣльцовъ-раскольниковъ не могъ еще развить въ себѣ вполнѣ раціоналистическихъ началъ протестантизма, но стрѣльцы, казаки и тысящныя массы безпоповцевъ вообще, бѣжавшія на Украину и не стѣсняемыя ничѣмъ, представляли собою тамъ почву, готовую къ большому повороту религіозному, чѣмъ полупротестантское безпоповщинство... Если къ тогдѣшняй оппозиціонной политическо-религіозной сторонѣ въ Россіи не могла выносить корыстолюбія духовенства, продажи таинствъ за деньги недостойнымъ, незаконнаго совершенія за корысть браковъ, воровства казеннаго дохода ⁸⁾, занятія винокурениемъ вмѣсто своихъ духовныхъ обязанностей ⁹⁾ и пьянства самаго неумѣреннаго ¹⁰⁾. Монашество въ монастыряхъ часто дѣйствовало за одно съ разбойниками, точно также, какъ недостойные попы и поповскія дѣти ¹¹⁾, и пьянствовало сильно, выбѣгая часто изъ пустынь къ раскольникамъ и унося платье и книги ¹²⁾. Чернецы бродяги и разстриги по мірскимъ дворамъ волочась, и изъ мо-

¹⁾ Пол. Собр. Зак. Т. V. № 3169.

²⁾ Тамъ же, Т. I, стр. 699.

³⁾ А. Шапова, Русскій раск. старообрядч. 1859 г. стр. 173.

⁴⁾ Окруж. Посл. Афанасія Холмогорскаго, рук. Солов. Библиот. въ Каз. Академ. — А. Шапова Русск. раск. старообряд. 1859 г. стр. 175.

⁵⁾ А. Шапова, стр. 176.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Акт. Арх. Экспед. Том. II, № 61.—Допол. къ Акт. Истор. Т. V, стран. 463.—Акт. Арх. Экспед. Томъ IV, № 42, стран. 62. Также № 105, и Древн. Росс. Визіюе. ч. XV, стр. 395.

⁸⁾ Акт. Арх. Экспед. Т. IV, № 116.

⁹⁾ Арцибыш. III, прим. СХП.

¹⁰⁾ Акт. Истор. Т. IV, № 202, стр. 401.

¹¹⁾ Тамъ же, № 178, стр. 339.

¹²⁾ Увѣтъ духовный.

настыря въ монастырь бродя, не знали никакого начала ¹⁾, и тѣмъ раздражали только умы религіозной оппозиціи въ Россіи, которой за всякій его протестъ грозилъ кнутъ; вслѣдствіе чего, схоронивъ въ душѣ ненависть къ безпорядкамъ церковнымъ, оппозиція бѣжала въ Украину и за границу. Чтò могли вынести въ душѣ своей изъ одной Москвы люди, бѣжавшіе на Украину, когда въ ней въ началѣ XVIII вѣка священники пьяные валялись въ кабакахъ ²⁾, по улицамъ безчинно шумѣли, ложились спать на дорогѣ; на обѣдахъ у своихъ прихожанъ ссорились по мужичьи, въ гостяхъ являлись храбры къ питью ³⁾, и впадали во всякія уголовныя преступленія? ⁴⁾. Вообще въ XVIII вѣкѣ духовенство подверглось полной деморализаціи, унизилось предъ аристократизмомъ XVIII вѣка, на который тогда изливались милости и привилегіи, отнимаемыя у духовенства, и въ чувствѣ этого самоуниженія и раболопства предъ обществомъ, при отсутствіи силъ и средствъ подняться на высоту общественнаго положенія, окончательно упало нравственно, закоснѣло въ безсознательности своего назначенія и свыклось съ худымъ мнѣніемъ о немъ общества, отъ чего, безъ зазрѣнія совѣсти, не дорожило уже собою ⁵⁾... Народъ и общество московское отшатнулись, вслѣдствіе сего, отъ духовенства окончательно, и раціонализмъ, въ послѣднемъ представителѣ своемъ Тверитиновѣ и его ученикахъ, полилъ потокомъ по Россіи... Въ Москвѣ начались гоненія, и пропаганда *критицизма въ веру* понеслась бѣглецами въ Украину, которая съ массою давно жившаго здѣсь раскола и безъ того въ религіозномъ отношеніи представляла уже элементы, готовые къ принятію какого угодно широкаго ученія, лишь бы оно совпадало съ стремленіями населенія политическими и религіозными... Такимъ ученіемъ на Украинѣ и явилось, въ началѣ XVIII вѣка, духоборчество и частію молоканство. Прослѣдимъ же исторію явленія этихъ сектъ въ Украинѣ, которая однако, была, какъ мы видѣли уже, такъ велика, что обнимала собою всѣ нынѣшнія южныя губерніи Россіи, включая и Малороссію, Донъ и Яикъ; потому мы должны будемъ прослѣдить исторію явленія духоборчества и молоканства въ каждой мѣстности Украины отдѣльно и прежде всего начнемъ съ мѣстности, составляющей нынѣ Харьковскую и Екатеринославскую губерніи.

¹⁾ Акт. Ист. Т. IV, № 62, стр. 176; № 151, Т. V, № 186. — Акт. Арх. Экспед. Т. III, № 264, Т. IV, № 328.

²⁾ Пол. Соб. Зак. Т. VI, стр. 707.

³⁾ Врем. М. Ист. Общ. Кн. IV, стр. 65.

⁴⁾ А. Шапова. Рус. рас. старооб. 1859 г. стр. 427.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак. Том IV, № 2218.

II.

Молоканство и духоборчество въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ. Географическое положеніе Харьковской губерніи въ XVIII столѣтіи. Слѣды перваго явленія харьковскаго духоборчества. Что могло обезпечивать распространеніе духоборчества въ Харьковской губерніи?

Въ 1708 году 18 декабря, при раздѣленіи Россіи на 8 губерній, нынѣшняя Харьковская губернія составляла часть губерніи Кіевской, въ 1732 г. часть Бѣлгородской губерніи ¹⁾, въ 1762 году при преобразованіи слободскихъ полковъ нынѣшній городъ Харьковъ назначенъ главнымъ городомъ слободо-украинской губерніи ²⁾. Въ 1780 году, повелѣно генераль-губернатору малороссійскому, курскому и харьковскому, генераль-фельдмаршалу графу Румянцеву Задунайскому образовать Харьковское намѣстничество, составивъ оное изъ 15 уѣздовъ ³⁾, а въ 1796 г., при новомъ раздѣленіи государства на губерніи, Харьковскую губернію повелѣно переименовать въ Слободо-украинскую ⁴⁾, при чемъ въ 1797 г. она составлена изъ слѣдующихъ 10 уѣздовъ: Харьковскаго, Сумскаго, Ахтырскаго, Богодуховскаго, Зміевскаго, Старобѣльскаго ⁵⁾, Изюмскаго, Острогожскаго, Купянскаго и Богучарскаго.

Въ этой мѣстности Украины, называвшейся съ 1732 г. Бѣлгородскою губернію, въ селѣ Охочемъ ⁶⁾ съ 1730—1740 жилъ уже проповѣдникъ духоборчества отставной унтеръ-офицеръ, имени коего несохранилось. Мѣстность эта была въ то время пограничною съ нагайцами, крымцами и отчасти калмыками и состояла изъ «засѣвъ» ⁷⁾, населенныхъ по большей части казаками, приписанными съ 1708 г. 18 декабря къ Азовской губерніи ⁸⁾. Удаленность отъ центра Россіи, пустынность мѣстности, безопасность отъ взора правительственнаго и населенность въявь этого казаками бѣглецами изъ Москвы, разными диссидентами, по большей части раскольниками безпоповцами, все это

¹⁾ Тамъ же, Т. VIII, № 6,099.

²⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1857 года Т. XXII, стр. 38—43.

³⁾ Пол. Собр. Зак. Т. XX, № 15,004.

⁴⁾ Тамъ же, Т. XXIV, № 17,624.

⁵⁾ Тамъ же, № 17,948.

⁶⁾ Нынѣ Зміевскаго уѣзда. На картѣ Шуберта 1848 года село это обозначено по большой дорогѣ на югъ отъ Харькова къ морю, съ 459 жителями.

⁷⁾ Историко-статист. опис. Харьк. епархіи Т. I стр. 198; Т. IV стр. 62, 188 — 191.

⁸⁾ Пер. Пол. Собр. Зак. Т. I № 175.

какъ нельзя больше давало право разсчитывать проповѣднику на успѣхъ своего ученія¹⁾... Скоро успѣлъ онъ пріобрѣсть довѣренность и расположеніе жителей села Охочаго и всей мѣстности, сумѣя затронуть душевныя потребности населенія, пробудить его внутреннія влеченія и разработать по своему почву, сдѣлавъ ее какъ нельзя лучше производительною для своего дѣла... Его новое ученіе, что «власти ненужны, всѣ люди равны, іерархія и священство выдумка, церковь и обряды лишни, монашество—искаженіе природы человѣческой, помѣщичья кабала—позоръ для людей, царь и архіереи такіе же люди, какъ и всѣ»... какъ нельзя больше совпадало съ населеніемъ мѣстности и тогдашнимъ настроеніемъ умовъ лицъ, бѣжавшихъ въ Украину... Неудивительно, что новый проповѣдникъ скоро сталъ на мѣсто властей рѣшать дѣла въ сходкахъ жителей, вмѣсто судовъ разъяснять ихъ недоумѣнія, вмѣсто предписаній и указаній правительства подавать совѣты, — въ частныхъ неудовольствіяхъ примирять несогласія и распри и заправлять дѣлами хозяйственными²⁾. Опытный другъ, безпристрастный судья и ревностный сотрудникъ, новый проповѣдникъ ученія духоборческаго безъ труда, конечно, овладѣлъ умами, предрасположенными уже къ отрицанію всего, имъ отрицаемаго, и въ зимніе большіе вечера, свободные отъ занятій, поучалъ, вмѣсто нелюбимаго духовенства, новообращенныхъ въ истинахъ своего ученія... О лицѣ этомъ извѣстно также, что оно не имѣло постоянного жилища и постоянно перемѣняло мѣсто своего пребыванія³⁾, но до конца своей жизни никогда не измѣняло образа своего дѣйствованія... Что лицо это было первымъ проповѣдникомъ духоборчества въ этой мѣстности, доказательствомъ тому служить указаніе самихъ духоборцевъ на село Охочее, какъ на мѣсто, откуда взялось начало ихъ секты⁴⁾. Ор. Новицкій выражается объ этомъ лицѣ такъ: думаютъ, что это лицо былъ квакеръ, потому что образъ его жизни и правила, какія онъ проповѣдывалъ, совершенно согласны съ духомъ ученія квакерскаго⁵⁾; церковный же историкъ Филаретъ черниговскій, называя это лицо бродягою, иностранцемъ, прямо, и безъ всякихъ оговорокъ, титуруетъ уже его квакеромъ⁶⁾. Мы

¹⁾ Досуги Крым. судьи, част. I.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Новицкаго о Духоборцахъ, стр. 10.—Досуги Крым. судьи част. I.

⁴⁾ Сумароковъ, путешествовавшій въ концѣ XVIII столѣт., приводитъ (Досуги Крым. судьи, стр. 43) собственное признаніе духоборцевъ харьковскихъ, что болѣе 60 лѣтъ назадъ ихъ секта произошла изъ села «Охочаго». См. Новицкаго о Духоборцахъ, стр. 15 въ примѣч.

⁵⁾ Соч. Новицкаго о Духоборцахъ стр. 10.

⁶⁾ Истор. Русс. церкви Филарета Черниговскаго, 1859 г. Періодъ V, стр. 64.

же полагаемъ, что это лицо было никто иное, какъ духоборецъ, прибывшій въ Украину изъ Москвы, или сосѣдственныхъ съ нею внутреннихъ губерній, и, поселившись въ селѣ Охочемъ пологиль здѣсь первое основаніе духоборчеству, и полагаемъ такъ на томъ основаніи, что квакера иностранца, ни въ Москвѣ, ни въ Украинѣ люди русскіе, особливо раскольники, слушать съ довѣрчивостію не стануть, а тѣмъ болѣе трудно думать, чтобы признали его своимъ религіознымъ главою, точно также, какъ сомнительно допустить, чтобы родоначальникомъ молоканъ въ какой-либо мѣстности Россіи былъ лютеранинъ, или протестантъ, т. е. нѣмецъ, а не русскій человѣкъ. Для успѣха какой бы то ни было религіозной пропаганды среди русскаго человѣка, какъ опытъ неоднократно показалъ, долженъ быть русскій же. Это едвали не *conditio, sine qua non*. Въ досугахъ крымскаго судьи лицо это называется отставнымъ унтеръ-офицеромъ ¹⁾. Это очень правдоподобно и довольно естественно, и потому мы полагаемъ, что это былъ на самомъ дѣлѣ отставной унтеръ-офицеръ и по всей вѣроятности изъ казачьихъ войскъ, бывшихъ въ Москвѣ, или же просто бѣжавшій изъ войска московскаго казакъ, принявшій въ Москвѣ духоборчество и, по принципу ученія духоборческаго, сочтя войну и службу военную дѣломъ неприличнымъ человѣку и запрещеннымъ Богомъ, бѣжалъ въ Украину... Но признавши основателя харьковскаго духоборчества унтеръ-офицеромъ, мы должны уже будемъ назвать его самого прозелитомъ, т. е. новообращеннымъ въ Москвѣ, а не самостоятельнымъ родоначальникомъ духоборчества харьковскаго, ибо духоборчество есть продуктъ столкновенія раціонализма русскаго съ квакерствомъ, но такого столкновенія, при которомъ раціонализмъ отнесся критически къ квакерству, слѣдовательно коренные родоначальники духоборчества неминуемо были люди довольно образованные и систематически сформировавшіеся въ свое время раціоналисты, каковымъ унтеръ-офицеру войска быть трудно... А что духоборчество скорѣе другихъ привилось къ войску въ Москвѣ, особливо казакамъ и раскольникамъ - безпоповцамъ, это объяснимое дѣло, и причины этого находятся въ самой догмѣ духоборчества, отвергающаго военную службу; характеръ же населенія Украины въ VIII вѣкѣ, описанный нами выше, какъ нельзя больше обезпечивалъ успѣхъ всякаго проповѣдника духоборчества ²⁾...

¹⁾ Досуги Крым. судьи, часть 1, стр. 43.

²⁾ Во всякомъ случаѣ большія подробности явленія духоборчества въ Харьковской губерніи, могутъ выясняться только чрезъ изученіе и опубликованіе матеріаловъ

Мы сказали уже, что успѣхъ ученія духоворческаго въ селѣ Охочемъ и окрестностяхъ его обезпечивался населеніемъ Украины вообще и состояніемъ умовъ этихъ поселенцевъ, а также и отдаленностію этой мѣстности отъ центровъ Россіи и надзора правительственнаго; эти же причины обезпечивали, между прочимъ, распространеніе духоворчества и по всей мѣстности Украины, составляющей нынѣ Харьковскую губернію. Взглянемъ же поподробнѣе на историческое и этнографическое состояніе въ XVIII вѣкѣ всей мѣстности, составляющей нынѣ Харьковскую губернію. По границѣ, отдѣляющей нынѣшнюю Харьковскую губернію отъ Полтавской, жили издавна казаки, оберегавшіе границы отъ набѣговъ татаръ и жившіе служилые въ полковыхъ и сотенныхъ городахъ, гдѣ сосредоточивались разныя управленія, а прочее населеніе, занятое земледѣліемъ, жило въ «слободахъ» и «хуторахъ», просторно раскинутыхъ по широкимъ и необозримымъ степямъ¹⁾. Самый городъ Харьковъ считаютъ получившимъ начало не ранѣе конца XVIII столѣтія и образовавшимся изъ хутора²⁾. По Харьковской губерніи, близъ окрестностей нынѣшняго г. Валковъ издавна пролегалъ «Муравскій Шляхъ», самый торный путь изъ Крыма въ Москву и обратно³⁾, что объясняетъ намъ обстоятельство болѣе ранняго явленія духоворчества, въ этой мѣстности, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Украины. Близъ нынѣшняго гор. Валковъ жили въ началѣ XVIII в. стрѣльцы⁴⁾, издавна вольный народъ и мятежный при Петрѣ I, отъ коего бѣжали сюда съ ненавистію въ душѣ къ царской власти и правительству... Нынѣшній Изюмскій уѣздъ заселенъ былъ украинскими казаками и соприкосновенными съ ними казаками донскими⁵⁾, которые, при походахъ Петра I на Мазепу въ началѣ XVIII вѣка подверглись самымъ жестокимъ пыткамъ... Въ мѣстности нынѣшняго гор. Лебедяни, въ 1709 году явившейся главнымъ мѣстомъ военныхъ приготовленій Петра Великаго противъ Мазепы, населенцы Харьковской губерніи были свидѣтелями длиннаго ряда страшныхъ казней, произведенныхъ по приказанію Петра I: колесованій,

хранящихся въ архивахъ московскихъ начала XVIII столѣтія и въ дѣлахъ харьковскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ-то: полковыхъ судовъ, духовныхъ архіерейскихъ канцелярій начала XVIII вѣка и т. под.

¹⁾ Гербеля, Изюмскій полкъ, стр. 13.

²⁾ Молодинъ 1842 г. стр. 17.—Зуева путешествія и записки, стр. 187.

³⁾ Татищева, Истор. Россійск. т. V, стр. 423.—Карамзина. Ист. Госуд. Рос. т. VIII, примѣч. 443.

⁴⁾ Акты Археол. Экспед. т. IV, № 280.

⁵⁾ Гербеля, Изюмскій полкъ, стр. 49—52.—Городскія поселенія т. II, стр. 140.

четвертованій, сажанія на колы, вѣшанія и нещаднаго рубленія головъ... Вины соучастниковъ отложенія отъ Москвы, по свидѣтельству лѣтописцевъ, изыскивались отъ вынужденнаго признанія ихъ самихъ, и тому надежнымъ средствомъ служило похвальное тогда таинство пытки, которой догматъ и понынь извѣстенъ изъ русской пословицы: «кнутъ не ангелъ, души не вынетъ, а признаніе скажетъ», и которая производима была со всею аккуратностію и по узаконенію соборнаго уложенія, сирѣчь степенями и по порядку, батожемъ, кнутомъ и шилою, т. е. разженнымъ желѣзомъ, водимымъ съ тихостію или медленно-стію по тѣламъ человѣческимъ, которыя отъ того кипѣли, шкварились и воздымались¹⁾. Пропедавшій одно испытаніе поступалъ во второе, а кто всѣхъ ихъ не выдерживалъ, таковой почитался за вѣрное виновнымъ и веденъ въ казнь, и пострадало такимъ образомъ однихъ непревозмогшихъ таковыхъ уроковъ пытки до 900 человѣкъ²⁾. Идея царя послѣ этихъ событій, понятно, проиграла въ Украинѣ все, что скрѣпляетъ съ нею умъ и убѣжденіе людей, что подмѣтилъ и Карлъ XII, когда, прибывъ въ Украину, разослалъ прокламаціи, что пришелъ защищать казаковъ отъ насилій и жестокостей царя³⁾... Мѣстность нынѣшняго уѣзднаго города Сумы заселена была, въ началѣ XVIII вѣка, выходцами изъ-за Днѣпра отъ религиозныхъ и политическихъ притѣсненій⁴⁾ и во время погромовъ Петра I и движенія его войскъ страшно потеряла въ своемъ благосостояніи⁵⁾, и получила, конечно, далеко невыгодное понятіе о правительственной идеѣ... Около г. Сумъ въ 1708 г., когда явились шведы въ Малороссію, стянуты были русскія войска и долго находился самъ Петръ I, отстаивавшій, по выраженію своихъ манифестовъ 1709 года, благочестіе православной церкви и православной вѣры, давно нежадуемой казаками - раскольниками⁶⁾, чему немногіе изъ раскольниковъ внимали. Мѣстность нынѣшняго г. Бѣловодска населена была бѣглыми крестьянами, рейтарами и другимъ народомъ,

¹⁾ Конисскаго, Исторія руссовъ стр. 212.—Маркевича Исторія М. Россіи. Т. II, стр. 480.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Чтеніе Москв. Общ. Истор. 1859 г. кн. I, стр. 194 — 196, 215 — 221.—Ригельмана Лѣтоп. повѣсть кн. III, стр. 69 — 77.

⁴⁾ Чтен. Моск. Общ. Истор. 1847 г. кн. VIII. Зарульскаго прилож. 17.—Топографич. опис. Харьк. намѣстн. стр. 153. — Историко-статистическое опис. Харьк. епар. ч. III, стр. 281.—Матеріалы для стат. Россіи 1839 ч. III, стр. 101.

⁵⁾ Историко-статист. описан. Харьк. епарх. ч. III, стр. 330.

⁶⁾ Чтен. Моск. Общест. Истор. 1859 г. кн. I, стр. 194 — 221. — Ригельмана кн. III, стр. 69 — 77.

селившимся безъ государева указа и принимавшимъ участіе въ возмущеніяхъ донскихъ казаковъ, за что по усмирении Булавина, 1708 г., населенія эти и были, по приказанію Петра I, разорены, выжжены и оставлены впустѣ¹⁾, что не оставило, конечно, пріятныхъ воспоминаній во всей мѣстности на долго послѣ этого всеразрушающаго событія... Мѣстность нынѣшняго г. Бѣлополья, заселенная выходцами заднѣпровскими²⁾, была свидѣтельницаю страшнаго насилія помѣстнаго приказа при Б. П. Шереметьевѣ. Путивльскіе помѣщики закрѣпостили разными насиліями множество свободнаго населенія, которое, забунтовавъ, перешло къ казакамъ. Помѣстный приказъ предписалъ путивльскому воеводѣ привести крестьянъ въ повиновеніе плетями и батогами нещадно, чтобъ «другимъ было не повадно»... Притѣсняемые разбѣжались; вообще же все заволновалось, и дѣло кончилось уже при Я. О. Долгоруковѣ, воеводѣ Бѣлгородскомъ, съ явнымъ результатомъ, что погромъ правительственный произведенъ былъ незаконно³⁾... Идея правительственной регламентаціи была, такимъ образомъ, во всей огромной мѣстности Бѣлопольской сильно подорвана... Мѣстность нынѣшняго Славянскаго уѣзда, изобиловавшая соляными варницами, а слѣдовательно населенная народомъ промышленнымъ, ѣздившимъ въ разныя мѣста для торговли солью, представляла собою элементы далеко не спокойныя. Еще во второй половинѣ XVII вѣка, когда Брюховецкій задумалъ отдѣлиться отъ Россіи и приглашалъ къ тому украинскихъ и донскихъ казаковъ, то жившіе на соляныхъ Торскихъ озерахъ перебили русскихъ приказныхъ людей⁴⁾ и долго не хотѣли потомъ принять воеводу русскаго Маслова⁵⁾. Правительственною грозою всей описанной нами мѣстности, составляющей нынѣ Харьковскую губернію, была Чугуевская крѣпость, огромное населеніе которой занималось съ большимъ успѣхомъ садоводствомъ, при зачисленіи Чугуева въ военныя поселенія⁶⁾, разбѣжалось по Украинѣ и долго не могло простить правительству совершеннаго истребленія и вырубленія имъ прекрасныхъ садовъ, составлявшихъ, во всякомъ случаѣ, частную собственность мирныхъ жителей... Если мы прибавимъ ко

1) Город. Посел. т. I, стр. 438 — 440.

2) Историко-статист. опис. Харьк. епар. ч. III, стр. 407 — 414.

3) Тамъ же ч. III, стр. 422 — 424.

4) Тамъ же ч. V, стр. 126.

5) Акты Археол. Экспед. т. IV, № 280.—Истор. статис. опис. Харьк. епар. ч. V, стр. 127.

6) Военно-статистич. опис. Харьковс. губ. стр. 250 — 260. — Мочульскаго. Ист. стат. опис. Харьк. епар. ч. IV, стр. 65 — 92.

всему этому полное отсутствіе высшаго духовнаго надзора надъ всею Україною и въ частности надъ мѣстностію, составляющею нынѣ Харьковскую губернію (потому что все огромное пространство южныхъ губерній и Украины до конца XVIII вѣка числилось принадлежащимъ къ двумъ епархіямъ, Казанской и Астраханской¹⁾), совершенную малочисленность и безвліятельность духовенства на пространныя мѣстности Харьковской губерніи, по большей части заселенныя хуторами и уметами, — то поймемъ, что распространеніе духоборчества по Харьковской губерніи изъ села Охочаго не представляло никакихъ препятствій...

Замѣчательно, что духоборчество съ особенною легкостію привилось въ Украинѣ, куда, между прочимъ, загнала его и строгость законовъ. Молоканство же, какъ пропаганда болѣе тихая и спокойная, въ началѣ XVIII вѣка менѣе гонимое сравнительно съ духоборчествомъ за признаніе царя и властей, нашло себѣ пріютъ преимущественно во внутреннихъ губерніяхъ, какъ на примѣръ Курской, Пензенской, особливо же Тамбовской губерніи. Въ нынѣшней же Харьковской губерніи, на примѣръ, до XIX вѣка мы встрѣчаемъ самые малые слѣды молоканства.

III.

Этногеографическое состояніе Екатеринославской губерніи въ XVIII вѣкѣ. — Начало азовскаго духоборчества. — Духоборцы села Никольскаго. — Сидунъ Колесниковъ и его значеніе въ исторіи екатеринославскаго духоборчества. — Преемники учительства Колесникова.

Нынѣшняя Екатеринославская губернія издавна была «Землею вольностей славнаго запорожскаго низоваго войска», и во все продолженіе существованія этого войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, когда запорожцы состояли въ подданствѣ крымцевъ, главнымъ мѣстомъ ихъ управленія. Сѣчь устраивалась всегда въ предѣлахъ екатеринославскихъ²⁾. Съ учрежденіемъ, 1764 г., Новороссійской губерніи и уничтоженіемъ въ 1775 г. запорожскаго войска, въ составъ новой губерніи вошла запорожская сѣчь и земли новой Сербіи³⁾. Въ 1775 г., вслѣдствіе новыхъ приобрѣтеній отъ Турціи, повелѣно было учредить Азов-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. II, стр. 363. — А. Шапова, Русс. раск. старобрядч. 1859 г. стр. 356.

²⁾ Скальковский, Истор. Новой Сѣчи. Часть II, стр. 1—24, 55—66.

³⁾ Пол. Собр. Зак. Т. XVI, № 12,099. — Скальковский, Ист. Новоросс. края. Ч. I. стр. 119.

скую губернію, въ которую вошли города: Азовъ, Ростовъ, Таганрогъ, Черкасскъ, всѣ жилища войска донского, новая Днѣпровская линія, Керчь и Еникуль, Бахмутъ и Славяносербія¹⁾. Въ 1784 г., изъ нынѣшней Екатеринославской губерніи образовано было екатеринославское намѣстничество съ 15-ю уѣздами²⁾, а въ 1796 г., вмѣсто Екатеринославской губерніи учреждена Новороссійская съ 12-ю уѣздами³⁾, раздѣленная въ 1802 г. на три новыя губерніи, Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую⁴⁾. На мѣстѣ нынѣшняго Верхнеднѣпровска былъ, въ началѣ XVIII вѣка, Запорожскій Зимовникъ, по обыкновенію, укрѣпленный, и при этомъ Зимовникѣ, съ 1780 г. учреждено было селеніе отставныхъ семейныхъ солдатъ, возрастающее до 1809 г.⁵⁾ Въ мѣстности г. Новомосковска до 1711 г. на урочищѣ «Сорокъ - боераковъ» высилась крѣпость Усть - Самарская, окруженная запорожскими хуторами, въ 1736 г. возобновленная графомъ Минихомъ, подъ названіемъ Самарскаго ретранше-мента⁶⁾, и сдѣлавшаяся, при возвращеніи запорожцевъ вновь подъ власть Россіи, главнымъ мѣстомъ полкового округа⁷⁾. Въ нынѣшнемъ Павлоградскомъ уѣздѣ, во второй половинѣ XVIII в., явились колоніи изъ англійскаго гарнизона⁸⁾, поселеннаго между казаками, и именно въ то время, когда 1782 г., послѣ тяжелой семилѣтней осады, испанцы овладѣли портомъ Магономъ, на островѣ Минорѣѣ, и немногочисленный гарнизонъ англійскій, удалившійся изъ Магона, обратился съ просьбою къ императрицѣ Екатеринѣ о водвореніи его въ Новороссійскомъ краѣ⁹⁾. Когда, въ маѣ 1784 г., переселенцы эти прибыли въ Херсонъ, то Потемкинъ изъ нихъ военныхъ причислилъ къ херсонскому гарнизону, мастеровыхъ оставилъ въ Херсонѣ, а желающихъ заняться земледѣліемъ — водворилъ въ шведской колоніи близъ Бериславля¹⁰⁾, но, по просьбѣ шведовъ, вскорѣ корсиканцы были выведены изъ ихъ колоніи и поселены въ Павлоградъ, переименованномъ въ Павловскую слободу¹¹⁾. Въ поло-

1) Пол. Собр. Зак. Т. XX, № 14,252.

2) Тамъ же. Т. XXII, № 15,910.

3) Тамъ же. Т. XXIV, № 17,634.

4) Тамъ же. Т. XXVII, № 20,449.

5) Скальковский, Истор. Нов. Рос. Ч. II, стр. 143.

6) Собр. госуд. грам. и договор. Ч. IV, стр. 605.

7) Скальковский, Истор. Нов. Росс. Ч. I, стр. 186—179.

8) Гор. Пос. въ Рос. имп. С.-Петербур., 1861 г. Т. II, стр. 149.

9) Шлоссеръ, Истор. XVIII стол. Т. IV, стр. 228—271.

10) Скальковский, Ст. Нов. Росс. Т. I, стр. 271.

11) Зап. одесск. общ. Истор. и Древ. Т. III, стр. 114—115.

винѣ же XVIII стол., когда начали переселяться въ Россію изъ Турціи и Австріи славяне, въ нынѣшнемъ Славяносербскомъ уѣздѣ поселились сербы, образовавъ особый округъ, названный Славяносербією и переименованный, въ 1764 г., въ Екатерининскую провинцію Новороссійской губерніи ¹⁾, а въ Маріупольскомъ уѣздѣ поселились выселившіеся изъ Крыма греки, потомки древнихъ греческихъ колонистовъ ²⁾ и крымскіе армяне, размѣщенные между Азовомъ и Ростовомъ, вокругъ урочища Полушки, по теченію рѣчки Чалтырь, и образовавшіе впослѣдствіи изъ своихъ поселеній даже цѣлый городъ Нахичевань ³⁾.

Въ такомъ-то краю и среди такого населенія явилось, въ XVIII столѣтіи, духоборчество, и явилось прежде всего въ крѣпости Азовской, нынѣ посадѣ Екатеринославской губерніи, и именно съ того времени, съ котораго стали присылаться сюда ссыльные изъ Москвы и разныхъ губерній, а мѣстомъ ссылки Азовъ сдѣланъ былъ еще съ 1699 г., когда 1 іюля повелѣно было колодниковъ, «которые по дѣламъ нынѣ есть и впередъ получатся изъ мастеровыхъ и посадскихъ людей, и въ смертной казни они по тѣмъ дѣламъ не надежатъ, посылать въ Азовъ съ женами и съ дѣтьми и съ ихъ пожитки на вѣчное житье ⁴⁾». Съ 1701 г. повелѣно было гречанъ цареградскихъ и иныхъ тамошнихъ и малороссійскихъ городовъ жителей пропускать въ Москву съ товарами и сказать имъ великаго государя указъ, чтобъ они и впередъ ѣздили съ товарами; для чего и учреждена была ярмарка въ Азовѣ съ Петрова дня ⁵⁾. Вотъ уже въ первыхъ годахъ XVIII ст. было, такимъ образомъ, два пути къ соединенію Азова съ Москвою и внутренними россійскими губерніями, а слѣдовательно, между прочимъ, и къ переселенію религіозныхъ вольномыслий Москвы и другихъ городовъ временъ Петра I, въ Екатеринославскую губернію ⁶⁾. Въ 1703 г. повелѣно было, за бунтъ, измѣну и душегубство казнить смертію, а которые люди явятся опричь сихъ винъ, тѣхъ ссылатъ на каоторгу въ крѣпость Азовскую ⁷⁾, которая только съ 1810 г. была

¹⁾ Тамъ же. Т. I, стр. 372—374.

²⁾ Скальковский, Ст. Нов. Росс. Т. I, стр. 272—277.—Зап. одесск. общ. Ист. и Древ. Т. I, стр. 201.

³⁾ Скальковский, Истор. Нов. Рос. Часть 1, стр. 139. Статист. Истор. Часть 1, стр. 285—287.

⁴⁾ Пол. Собр. Зак. Т. III, № 1690.

⁵⁾ Тамъ же. Т. IV, № 1826.

⁶⁾ Тамъ же. Т. IV, № 1951.

⁷⁾ 1708 г. 18 дек., при раздѣленіи Россіи на 8 губерній, г. Азовъ сдѣланъ былъ главнымъ городомъ Азовской губерніи, которая заведывала всѣмъ югозападомъ тогдаш-

упразднена ¹⁾. Не встрѣчая ясныхъ указаній на годъ появленія въ Азовѣ духоборства, мы тѣмъ не менѣе, основываясь на донесеніи екатеринославскаго губернатора, что духоборцы явились здѣсь съ того времени, съ котораго стали присылаться въ крѣпость ссыльные изъ Москвы и разныхъ губерній, полагаемъ, что одни изъ первыхъ, открытыхъ въ Москвѣ духоборцевъ, посланы были въ Азовъ, было ли это при жизни Петра I, или по смерти его, потому что вся исторія заселенія Азова ссыльными показываетъ, что эта крѣпость была опредѣлительнымъ и специальнымъ пунктомъ ссылки въ нее духоборцевъ съ самаго начала и до конца XVIII ст. Такимъ образомъ, явленіе въ Азовѣ духоборцевъ никакъ не могло быть позже явленія харьковскихъ духоборцевъ, и, по всей вѣроятности, было на Украинѣ, какъ ссыльное изъ Москвы, самое раннее.

Между тѣмъ, какъ Азовская крѣпость принимала въ себя самыхъ первыхъ духоборцевъ изъ внутри Россіи по качеству ссыльныхъ, въ селѣ Никольскомъ ²⁾ духоборчество, около 1740 г., жило уже какъ пропаганда ³⁾. Тутъ дѣйствовалъ одинъ изъ усерднѣйшихъ его проповѣдниковъ, который считается въ памяти народной у екатеринославскихъ духоборцевъ мѣстнымъ родоначальникомъ екатеринославскаго духоборчества, и на котораго, состоявшіе подъ слѣдствіемъ въ 1791 г. екатеринославскіе духоборцы, указали въ своемъ исповѣданіи вѣры, поданномъ екатеринославскому губернатору Каховскому, какъ на основателя екатеринославскаго духоборчества ⁴⁾. Лицо это называлось Силуаномъ Колесниковымъ.

Силуанъ Колесниковъ, происходившій, по всей вѣроятности, изъ казаковъ екатеринославскихъ, былъ человѣкъ грамотный, что составляло большую рѣдкость въ то время, и что даетъ намъ право догадываться, во-первыхъ, что онъ перенялъ духоборче-

ней Россіи. Въ составъ ея были внесены недавнія завоеванія Петра I по взморью азовскому, жилища донскихъ казаковъ, вся нынѣшняя Воронежская губернія и часть губерній Пензенской, Тамбовской, Курской, Харьковской, Рязанской, Тульской, Орловской и Екатеринославской. Къ Азовской губерніи было приписано 77 городовъ и пригородовъ. (Пол. Собр. Зак. т. IV, № 2218).

¹⁾ См. Городскія поселенія Россійск. имп. С.-Петерб. 1861 г., т. II, стр. 160. Нынѣ Азовъ есть не что иное, какъ посадъ Екатериносл. губерніи. См. Списокъ насел. мѣст. Екат. губ. 1863 г., стр. 112.

²⁾ См. Новицкаго о духоборцахъ. Стр. 7. Haxthausen, Studien Russlands. Band. I, 343. — Истор. русск. церк. Филар. черниг. Періодъ V, стр. 64.

³⁾ Новицкаго о духоборц. Стр. 15, въ примѣчаніи. — Ист. русск. церк. Филарета черниг. Періодъ V, стр. 64.

⁴⁾ Новицкаго о духоборцахъ, стр. 7. — Haxthausen, Studien Russlands. B. 1. — Ист. русск. церкви Филарета чернигов. Періодъ V, стр. 64.

ство у кого-нибудь въ письменахъ и, во-вторыхъ, что грамотность эта была причиною подготовки его самого къ принятію духоборчества. Какъ человѣкъ начитанный, наслушавшійся въ Украинѣ свободныхъ воззрѣній на предметы гражданского обществительства, а еще болѣе православія, онъ, естественно, могъ сдѣлаться ревностнымъ духоборцемъ, а потомъ и горячимъ проповѣдникомъ его. Въ Украинѣ, какъ мы сказали уже, пропаганда духоборческая могла быть самая удачная и своемѣстная, и Силуанъ Колесниковъ имѣлъ дѣйствительно громадныя успѣхъ. Его житейская опытность, умъ и начитанность предубѣдила тотчасъ же въ его пользу всѣхъ, кому онъ проповѣдывалъ новое ученіе; его строгій образъ жизни внушалъ къ нему невольное уваженіе, его щедрость и благотворительность привлекали къ нему сердца, а природный даръ говорить краснорѣчиво и сильно, сообщалъ словамъ его особенную убѣдительность и обаятельность, такъ что домъ Силуана Колесникова вскорѣ сдѣлался мѣстнымъ народнымъ, открытымъ училищемъ¹⁾, *народною трибуною*, народною церковію, куда спѣшили всѣ, желавшіе слушать приведенное въ систему то ученіе, которое давно смутно жило въ ихъ умахъ.... Колесникову стоило прикрыть догмою отверженіе властей московскихъ, тяготѣвшихъ надъ Украиною, равноправность людей предъ закономъ гражданскимъ, называть царя и архіереевъ обыкновенными людьми, а безвліятельное духовенство, какъ бремя — ненужнымъ, и успѣхъ такого ученія могъ быть обезпеченъ въ Украинѣ. Какъ человѣкъ бывалый, много видѣвшій, практичный и ловкій организаторъ, Колесниковъ съумѣлъ олицетворить въ своемъ лицѣ лучшаго представителя своего ученія, былъ доступенъ для всякаго совѣта и суда, со всѣми ровень, рѣшалъ дѣла по совѣсти и открытымъ совѣтомъ, установилъ свои формы гражданского, церковнаго и домашняго порядка, и скоро заставилъ всѣхъ убѣдиться въ достоинствѣ этихъ формъ.... Воскресные и праздничные дни преимущественно были днями, въ которые онъ преподавалъ свое новое ученіе приходящимъ, и дни эти скоро сдѣлались извѣстными по всей окрестности села Никольскаго. Колесниковъ организовалъ въ Екатеринославской губерніи много общинъ новаго своего ученія, жилъ до глубокой старости, какъ пастырь среди новаго своего стада и успѣлъ такъ глубоко насадить свое ученіе въ сердцахъ своихъ прозелитовъ, что духоборчество пошло уже послѣ его смерти твердою стопою по губерніи и никогда въ ней не прекращалось²⁾. Какъ велико

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Донесеніе екатериносл. губернатора министру вн. дѣлъ.

значение Силуана Колесникова въ исторіи екатеринославскаго духоборчества, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуешь огромное уваженіе къ его памяти екатеринославскихъ духоборцевъ, сохранившееся и доселѣ, и слава его среди духоборцевъ Екатеринославской губерніи такъ же и понынѣ велика, какъ слава Побирахина среди духоборцевъ Тамбовской губерніи, или Капустина на Молочныхъ-водахъ.... На огромное значеніе Колесникова для екатеринославскихъ духоборцевъ указывали и сами духоборцы, судившіеся въ 1791 г. за исповѣданіе своей секты ¹⁾.

Принятая въ духоборчествѣ отъ квакеровъ вѣра во внутреннее просвѣщеніе отъ Бога-Слова, обитающаго въ душѣ каждаго человѣка и дѣлающая излишнимъ внѣшнее откровеніе, естественно указывала на необходимость въ сектѣ духоборческой лицъ, особенно просвѣщенныхъ отъ Бога-Слова и слѣдовательно долженствующихъ быть наставниками, руководителями и истолкователями премудрости внутренняго Бога-Слова для менѣе просвѣщенныхъ ²⁾. Отсюда образовалось въ сектѣ духоборческой особое сословіе учителей, нѣчто въ родѣ особыхъ помазанниковъ внутренняго Бога-Слова, и пророковъ, къ числу коихъ принадлежалъ и Силуанъ Колесниковъ... Такимъ учителямъ естественно было, по догмѣ и въ собственныхъ интересахъ, стремиться и къ утвержденію этого права въ своемъ родѣ, отсюда въ сектѣ духоборческой явилось и преемство учительскаго и пророческаго служенія. Силуанъ Колесниковъ такъ и поступилъ, утвердивъ преемство служенія учительскаго въ своемъ родѣ... При смерти своей право учительства онъ передалъ сыновьямъ своимъ, Кириллу и Петру Колесниковымъ ³⁾, которые и удержали это право за собою во всю свою жизнь.

IV.

Причины безпрепятственнаго распространенія духоборчества, проповѣданнаго Колесниковымъ. — Первые слѣды правительственной кары екатеринославскаго духоборчества. — Увеличеніе количества азовскихъ духоборцевъ чрезъ высылку ихъ изъ внутреннихъ губерній. — Образъ жизни и религіозное состояніе азовскихъ духоборцевъ.

Какимъ образомъ спасся родъ Колесниковыхъ, при своей профессіи пропагандистовъ, отъ правительства, и какимъ образомъ

¹⁾ Новички. о духоборцахъ, стр. 9, исповѣд. вѣры духоборческой, поданное екатеринославскому губернатору Каховскому въ 1791 г.

²⁾ Прав. Собесѣд. 1858 г. кн. III, стр. 43.

³⁾ Naхthauzen, Studien Russlands B. I. — Донесеніе екатеринослав. губернатора министру внутр. дѣлъ.

послѣдователи ученія Силуана Колесникова и его сыновей безпрепятственно разрастались въ особое религіозное общество, такъ что только въ концѣ XVIII столѣтія мы встрѣчаемъ первые примѣры правительственной кары екатеринославскихъ духоворцевъ, — рѣшить этотъ вопросъ было бы труднѣе, если бы мы не знали, что Силуанъ Колесниковъ проповѣдалъ и завѣщевалъ своимъ послѣдователямъ, между прочимъ, одну изъ самыхъ практическихъ истинъ. Онъ научилъ духоворцевъ екатеринославскихъ наружно неуклонно покоряться постановленіямъ церкви и правительства, въ какой бы губерніи и странѣ имъ не случилось жить, въ Польшѣ покоряться властямъ польскимъ и религіи католической, въ Россіи — православной, въ Турціи и Персіи магометанской религіямъ, и только Капустинъ уже запретилъ это впослѣдствіи екатеринославскимъ духоворцамъ, выселившимся на Молочныя-воды, боясь, чтобы наружное раздраженіе чувства посредствомъ обрядности не соблазнило какъ-нибудь духоворцевъ и не увлекло къ отступничеству¹⁾.

Вотъ почему, между прочимъ, первые слѣды правительственной кары екатеринославскаго духоворчества мы встрѣчаемъ только въ концѣ XVIII столѣтія, именно въ 1791 году, когда за открытое проповѣданіе противъ власти нѣкоторые изъ неосторожныхъ духоворцевъ подпали суду при екатеринославскомъ губернаторѣ Каховскомъ²⁾, и когда въ 1799 году 31 человекъ за гласное проповѣданіе, что высшія власти въ государствѣ ненужны, заключены были въ оковы какъ возмутители общественнаго порядка и сосланы въ Екатеринбургъ на-вѣчно для разработки рудниковъ и для употребленія ихъ скованными на самыя тяжчайшія работы, «дабы, какъ сказано было въ высочайшемъ указѣ³⁾, сіи духоворцы, отвергающіе вышнюю власть на землѣ, предѣломъ Божиимъ постановленную, возчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя на твердую защиту добрыхъ, злѣмъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе»⁴⁾.

Между тѣмъ, въ то время, когда Силуанъ Колесниковъ самостоятельно образовывалъ духоворческія религіозныя общины въ Екатеринославской губерніи, въ Азовъ прибывали на казенный счетъ духоворцы изъ внутреннихъ губерній въ качествѣ

¹⁾ Haxthausen, Band 1.

²⁾ Новицкаго о духоворцахъ, стр. 7 — 8.

³⁾ Систем. св. Зак. 1821 г. стр. 87, указъ 1799 года 28-го августа.

⁴⁾ Собран. постановл. по части раскола, состоявшихся по вѣдомству св. синода, стр. 771. Указъ 28-го августа 1799 года.

ссылныхъ... Таковыми были напр., въ 1760 годахъ, тамбовскіе духоворцы, сосланные въ Азовъ за свое вѣроисповѣданіе изъ слѣдующихъ мѣстъ: а) Тамбовскаго уѣзда изъ села «Лысыхъ горъ» Солдатская Слобода тожъ ¹⁾. Лица эти были: однодворецъ Иванъ Романовъ Суздальцевъ 89-ти лѣтъ, съ женою Прасковьею Антиповою 73-хъ лѣтъ и дочерью Ананьею 28-ми лѣтъ. Всѣ они сосланы были на фортификаціонную работу, гдѣ и находились 7 лѣтъ, а послѣ указомъ правительствующаго сената освобождены и поселены при крѣпости Азовской до ревизіи, безъ платежа въ казну податей, въ ревизіи же 1782 года записаны въ азовскіе мѣщане, изъ коего званія Иванъ Романовъ взятъ въ Новодонской казачій полкъ, гдѣ прослуживъ 7-мъ лѣтъ, уволился наконецъ, съ паспортомъ на свое пропитаніе ²⁾; б) Тамбовскаго уѣзда изъ села «Духовки» однодворецъ Дмитрій Бурлинъ 83-хъ лѣтъ, сосланъ былъ тоже въ фортификаціонную работу, но по способности выбранъ въ военную службу и опредѣленъ въ Алексѣевскій мушкетерскій полкъ, изъ коего потомъ и уволенъ съ паспортомъ на свое содержаніе ³⁾; в) Тамбовскаго же уѣзда изъ села «Куксова» однодворцы Леонтій Астафуровъ 82-хъ лѣтъ, съ женою Ефросиньею Елисѣевою 79-ти лѣтъ, дочерью Пелагеею 53 лѣтъ, сыномъ Никитою 48-ми лѣтъ и женою Никиты Агафьею 53-хъ лѣтъ, сосланы были на фортификаціонную же работу, откуда Леонтій Астафуровъ, по способности, былъ выбранъ въ военную службу и опредѣленъ въ Полтавскій полкъ, изъ коего впослѣдствіи и былъ уволенъ съ паспортомъ на свое содержаніе въ Тамбовскую губернію, гдѣ и умеръ ⁴⁾. Въ 1769 году въ Азовъ сосланы были духоворцы и изъ Воронежской губерніи, изъ слѣдующихъ мѣстъ: а) Козловскаго уѣзда села «Жидиловки» однодворецъ Поповъ съ женою своею Марею Трофимовою 53-хъ лѣтъ, на фортификаціонныя работы ⁵⁾, откуда, по способности, взятъ былъ въ военную службу и опредѣленъ въ 1-й Азовскій гарнизонный баталіонъ, гдѣ впослѣдствіи и умеръ; б) изъ того-жъ уѣзда и села однодворецъ Ефимъ Тимошеевъ Амагинъ 99-ти лѣтъ, съ женою своею и сестрою Настасьею Васильевою 78-ми лѣтъ, сосланы были на фортификаціонную же

¹⁾ Донесеніе екатер. губернатора гр. Берга министру внутр. дѣлъ.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Работы фортификаціонныя для укрѣпленія стѣнъ и обороны крѣпости съ 1696 года, т. е. со взятія Азова Петромъ I у турокъ, непрерывно продолжались въ Азовѣ до тѣхъ поръ, пока турки были грозными сосѣдями Россіи. Для этихъ-то работъ и употреблялись, между прочимъ, ссылки изъ внутреннихъ губерній.

работу, гдѣ и находились 7 лѣтъ, а потомъ указомъ правительствующаго сената освобождены и поселены при крѣпости Азовской, гдѣ жили до ревизіи безъ платежа въ казну податей, а въ ревизію 1782 года записаны въ азовскіе мѣщане, изъ коихъ въ послѣдствіи Ефимъ Тимоѣевъ переписанъ въ Новодонской казачій полкъ, гдѣ, прослуживъ 7 лѣтъ, уволенъ отъ службы съ паспортомъ и снова поселился въ крѣпости Азовской ¹⁾; в) Карповскаго уѣзда изъ слободы «Заворонежской» однодворецъ Яковъ Романовъ Черейковъ 78-ми лѣтъ, съ женою своею Еленою Петровою 63-хъ лѣтъ и дочерью Матреною 43-хъ лѣтъ, сосланы были на ту же фортификаціонную работу, гдѣ Яковъ Романовъ, по способности, выбранъ былъ въ военную службу, въ Волгонскій мушкатерскій полкъ, изъ коего, потомъ, и уволенъ съ паспортомъ на свое содержаніе ²⁾; г) Дѣвичина уѣзда села «Хохла» однодворецъ Семень Васильевъ Гудковъ 83-хъ лѣтъ, сосланъ былъ тоже на фортификаціонную работу, откуда, по способности, выбранъ былъ въ мушкатерскій полкъ, и д) Козловскаго уѣзда села «Жидиловки» Захаръ Пичугинъ съ женою Лукерьею Ларионовою 48-ми лѣтъ, и сыномъ Даніиломъ 18-ти лѣтъ, присланы были на фортификаціонныя же работы, гдѣ Захаръ Пичугинъ, по способности, былъ выбранъ въ военную службу и опредѣленъ въ Алексѣевскій мушкатерскій полкъ, а потомъ за неспособностію выписанъ былъ въ Азовскій гарнизонный баталіонъ, изъ коего 1798 года и уволенъ съ паспортомъ на свое содержаніе въ крѣпость Азовскую, а сынъ его поступилъ въ инженерную азовскую команду кондукторомъ ³⁾. Въ концѣ XVIII столѣтія въ крѣпости Азовской находилось 38 душъ духоборцевъ обоюго пола, изъ коихъ, между прочимъ, состояло на службѣ: одинъ унтеръ-офицеръ гарнизоннаго баталіона, одинъ кондукторъ инженерной команды, одинъ капралъ, 2 солдата, 3 казака и одинъ фельдшеръ; прочіе же были переселенцы разныхъ сословій изъ разныхъ губерній ⁴⁾.

По свойству всякой пропаганды духоборцы, присылаемые въ ссылку на работу въ Азовскую крѣпость, естественно старались имѣть вліяніе на азовскихъ жителей и склонять ихъ къ принятію своей догмы. Такъ оно и было! Поселенцы Азова изъ православныхъ нерѣдко переходили въ духоборческую секту и однажды даже вдругъ 15-ть человекъ мѣщанъ города Азова, по-

¹⁾ Донес. екатерин. губери. фонъ-Берга министру внутрен. дѣлъ.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

слѣ долгаго скрыванія себя, объявивши себя духоборцами, перестали принимать духовенство, ходить въ церковь и пускать въ оную своихъ дѣтей¹⁾. При такомъ способѣ увеличенія духоборчества въ Азовѣ, тѣмъ не менѣе часто встрѣчался недостатокъ въ дѣвкахъ, которыхъ неоткуда было брать, чтобы составить браки для молодыхъ мужчинъ. Духоборцы отъѣзжали для этого разновременно въ Россію и вывозили оттуда изъ духоборческихъ обществъ, особливо изъ Тамбовской губерніи, дѣвицъ, а иногда приглашали при этомъ мужиковъ и бабъ, которыя терпѣли преслѣдованія властей въ своихъ мѣстахъ²⁾. Обрядъ секты азовскихъ духоборцевъ, по описанію коменданта Азовской крѣпости³⁾, заключался только въ пѣніи въ домахъ, которые замѣняютъ у нихъ церковь, псалмовъ изъ псалтиря и пророковъ такимъ тономъ, какъ будто нищіе; постовъ они не соблюдали, особыхъ мѣстъ для отправленія богослуженія не имѣли; лицъ, которыя бы исправляли должности священниковъ, не держали, и браки совершали сами по благословенію, называя жонъ своихъ вообще помощницами⁴⁾.

V.

Вѣрованія духоборцевъ. — Исповѣданіе вѣры, поданное духоборцами] екатеринославскому гражданскому губернатору Каховскому въ 1791 году. — Характеръ исповѣданія. — Отвѣты духоборцевъ, данные на официальныхъ допросахъ. — Исчерпываютъ ли эти отвѣты все вѣроученіе духоборцевъ? — Политическія тенденціи духоборцевъ. — Измѣненіе ихъ впослѣдствіи.

Духоборцы не любятъ письменнаго изложенія вѣры, считая это не нужнымъ. Впрочемъ мы имѣемъ подъ руками исповѣданіе вѣры, поданное ими екатеринославскому гражданскому губернатору Каховскому въ 1791 году. Систематическій порядокъ въ изложеніи предметовъ, нѣкоторыя латинскія слова, ссылки на латинскія пословицы и русскіе стихи, тексты священнаго писанія, заимствованные изъ иностранныхъ переводовъ, наконецъ мысли и сужденія самыя тонкія, хотя не свободныя отъ заблужденія, обличаютъ въ сочинителѣ сего исповѣданія школьнаго грамотѣя и человѣка образованнаго... По сходству нѣкоторыхъ мнѣній, изложенныхъ въ исповѣданіяхъ вѣры духобор-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Донесеніе архіеп. екатер. Аѳанасія екатер. губер. въ дѣлѣ 1805 № 4.

³⁾ Донесеніе полковн. Юношевскаго, коменданта Азовской крѣпости, екатер. губернатору.

⁴⁾ Тамъ же.

цевъ вообще, напрасно мы будемъ производить духоборцевъ отъ древнихъ гностиковъ, манихеевъ и тому подобныхъ. Основательнѣе искать начало духоборцевъ не далѣе тѣхъ временъ, когда обломки восторженныхъ религіозныхъ умствованій, послѣ реформы Лютера, достались наконецъ мечтателямъ и простолюдинамъ, которые въ свою очередь богословствовали, учили и созидали новыя мечтательныя секты. Можетъ быть изъ мистицизма Бема, не всѣмъ доступнаго и понятнаго, было вынуто первое сѣмя духоборства; можетъ быть, начало ему дала одна изъ тѣхъ мечтательныхъ сектъ, которыя явились среди самихъ реформистовъ. Сѣмя это было перенесено на русскую землю въ то время, когда раціонализмъ на Руси вообще развился и созрѣлъ, особливо со временъ «жидовствующихъ», Башкина, Тверитинова и другихъ, и когда иностранцы, почти безъ разбора, вызывались сюда или пріѣзжали сами, разсѣвая раціонализмъ западный съ смѣсью новыхъ искаженій, и разнося его во многія мѣста имперіи¹⁾. Всѣ наши секты коренного русскаго начала, болѣе или менѣе, основаны на наружномъ богопочтеніи и стремятся къ сохраненію онаго; всѣ, напротивъ, секты иностраннаго происхожденія посягаютъ на совершенное уничтоженіе видимой церкви; это же послѣднее замѣчаемъ и у духоборцевъ. Духоборцы не имѣютъ въ цѣломъ составѣ св. писанія, а употребляютъ только нѣкоторыя его псалмы и выраженія, которыя кажутся соотвѣтствующими ихъ видамъ. Лучше сказать: духоборцы отвергаютъ св. писаніе, отзываясь, что они не нуждаются въ нисѣмномъ словѣ, а имѣютъ *книгу животную*, которая всему ихъ учить... Для однихъ лишь религіозныхъ предметовъ они употребляютъ нѣкоторые псалмы и выраженія св. писанія; послѣднія болѣею частію взяты отдѣльно, безъ всякой связи и взаимнаго соотношенія.

Главный и единственный не политическій догматъ, въ которомъ сосредоточивается все ученіе духоборцевъ, есть самообольщеніе, что они будто бы достигли и находятся въ верховномъ состояніи благодати, — и каждый изъ нихъ, содѣлавшись хра-

¹⁾ Въ 1689 году, напр., иностранецъ Квиринъ Кульминъ проповѣдывалъ въ Москвѣ ученіе Бема и былъ тамъ сожженъ. По сему случаю изданъ, 29 октября того же года, указъ о наблюденіи за пріѣзжающими въ Россію иностранцами. Послѣ явилось ученіе кальвинское, упорно защищаемое стрѣльцами подъ начальствомъ лекаря Дмитрія Тверитинова, осужденнаго съ сообщниками на послѣднемъ російскомъ соборѣ въ 1714 году. Съ 1715 года открылись первые зародки ученія, близко подходящаго къ сектѣ квакеровъ, которое впослѣдствіи полнѣе раскрылось въ толкахъ стрѣльца Дупкина, и обнародовано правительствующимъ синодомъ, въ указѣ 7 августа 1731 года.

момъ Божиимъ, имѣеть въ себѣ присутствіе, въ большей или меньшей степени, свѣтъ Троицы. Нужны были видимыя ея явленія—и духоборцы толкуютъ, что Богъ Отецъ есть—память, Богъ Сынъ — разумъ, Богъ Духъ Святый — воля. Память, разумъ и воля находятся въ каждомъ духоборцѣ; слѣдовательно каждый изъ духоборцевъ имѣеть и св. Троицу. Достигнувъ столь легкихъ способовъ высшаго духовнаго совершенства, или благодатнаго состоянія, они отвергаютъ видимую церковь со всею ея неудовлетворительною іерархіею и всѣми ея таинствами, обрядами и богослуженіемъ, какъ излишнюю, поелику болѣе не нуждаются въ средствахъ вспомогательныхъ. Посему духоборцы величаютъ себя высокимъ именемъ чадъ или «людей Божіихъ» ¹⁾ и думаютъ, что они обладаютъ духовнымъ помазаніемъ, или, по словамъ ихъ, книгою животною, которая всему ихъ учитъ. Яснѣе сказать: все, что они мыслятъ, говорятъ и дѣлаютъ, — все это считаютъ внушеніемъ св. Троицы. Политическій протестъ ихъ противъ царя, властей, крѣпостничества и т. п. основывается, между тѣмъ, на томъ же внушеніи св. Троицы. Можетъ быть самые первые основатели духоборческой ереси въ Москвѣ принимали подобную Троицу нѣсколько духовиѣ, разумѣя дѣйствія, совершаемыя Богомъ Отцомъ въ памяти, Богомъ Сыномъ въ разумѣ, Богомъ Духомъ Святымъ—въ волѣ. Еще и нынѣ духоборцы выражаютъ св. Троицу словами: свѣтъ и животь и покой, высота, ширина и глубина, духъ силы, духъ премудрости и духъ воли — слова, которыхъ они сами объяснить не могутъ... Но какъ бы духоборцы ни желали представить свое умствованіе о св. Троицѣ — дѣйствіемъ памяти, просвѣщеніемъ разума, утвержденіемъ воли въ человѣкѣ, — все это не далеко отъ показаннаго ученія ихъ; ибо явленія соотвѣтствуютъ своей причинѣ. Въ подкрѣпленіе сего можно сказать и то, что на вопросъ: что же есть на небесахъ?—нѣкоторые смѣлѣйшіе духоборцы, не запинаясь, отвѣтствуютъ: небеса токмо повѣдаютъ славу Божию...

Въ другихъ сектахъ и расколахъ встрѣчаются хотя грубыя и невѣжественныя, но разлитыя между всѣми понятія о предметахъ духовныхъ; духоборцы отличаются положительнымъ незнаніемъ всего этого... По сему напрасно кто-нибудь вздумалъ бы говорить съ ними объ ипотасныхъ свойствахъ св. Троицы, или о заслугахъ Іисуса Христа, или о дѣйствіяхъ св. Духа, или о грѣхѣ первородномъ, или о внутреннемъ совершенствѣ, однимъ словомъ: о какомъ бы то ни было духовномъ предметѣ, — о

¹⁾ Имя «духоборцевъ» дано сектаторамъ Украины и Новороссіи преосвященнымъ екатеринославскимъ Амвросіемъ отъ противленія ихъ духу истины.

всемъ этомъ духоворцы не дадутъ не только положительнаго, даже самаго поверхностнаго понятія, потому что, считая себя въ совершенномъ состояніи благодати, думаютъ, что они перешли предѣлы потребныхъ и необходимыхъ для спасенія познаній. Тамбовскіе духоворцы, сосланные въ концѣ XVIII в. въ Азовъ принесли въ собою въ Украину древнее свое исповѣданіе, въ которомъ встрѣчаются еще нѣкоторыя указанія на предметы духовные. Вѣроисповѣданіе духоворцевъ, полученное, между прочимъ, чрезъ допросы ¹⁾ официальные, дошло до насъ въ слѣдующихъ вопросахъ и отвѣтахъ.

Вопросъ 1. Чтѣ вы за люди, какая ваша вѣра, какого вы званія? спрашивали духоворцевъ.

Отвѣтъ. Сія показанія наша: мы наименованные духоворцы, закона Божія, вѣры Иисусовой; состоитъ дѣло наше по блаженству, по смиренію нашему, ради спасенія душамъ нашимъ.

Воп. 2. Познаете ли вы Бога единого, всемогущаго?

Отв. Вѣруемъ, познаемъ Бога единого, сотворшаго сія вся, Ему единому поклоняемся.

Воп. 3. Вѣрите ли вы въ воплощеніе Сына Божія?

Отв. Вѣруемъ и исповѣдуемъ яко единъ есть Господь Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій. Богъ есть человѣкъ.

Вопр. 4. Въ какой силѣ состоитъ существо Пресвятыя Троицы?

Отв. Пресвятая Троица состоитъ непостижима, въ чловѣкѣ утверждаетъ Отецъ Богъ память, Сынъ Богъ — разумъ — Святыи Духъ — волю. Богъ въ Троицѣ единъ.

Вопр. 5. Чистая Дѣва Марія, отъ которой Господь Богъ взялъ плоть чловѣческую, какъ оную почитаете?

Отв. Почитаемъ оную за свято: подражаемъ житію Ея; Она искони дѣва, до днесъ дѣва, изъ Неяже родился и рождается Иисусъ Христосъ.

Вопр. 6. Іоаннъ Креститель окрещаетъ народъ въ покаяніе, какъ оное приѣмлете?

Отв. Онъ Іоаннъ Креститель окрещаетъ народъ въ покаяніе; мы окрещаемся отъ Христа словомъ Божиимъ.

Вопр. 7. Крещеніе Господа Бога нашего Иисуса Христа и сошедшаго Св. Духа въ видѣ голубиѣ, какъ оное понимаете?

Отв. То понимаемъ: креститься отъ Христа, какъ Онъ крестился, намъ искать не для чего.

Вопр. 8. Постъ Христовъ 40 сутокъ, въ какомъ смыслѣ заключаете божество и силу?

¹⁾ Сообщ. синода мин. вн. дѣлъ.

Отв. Онъ людямъ своимъ во плоти явился.

Вопр. 9. Какой постъ содержите во плоти духа?

Отв. Плотскій постъ намъ чистота съ головы до ногъ. Постъ есть, кто всё дѣла Божія совершить.

Вопр. 10. Для чего Христосъ апостоловъ отъ 12 до 70 собралъ?

Отв. Онъ изъ нихъ св. церковь сотворилъ.

Вопр. 11. Какое явленіе проповѣдывать сему міру послать Іисусъ апостоловъ?

Отв. Самъ Іисусъ былъ и есть Евангеліе вѣчное, животное; послать ихъ словомъ проповѣдывать.

Вопр. 12. Подлинно-ли Христосъ дѣлалъ чудеса, мертвыхъ воскрешалъ, слѣпымъ зракъ, глухимъ слухъ давалъ?

Отв. Вѣримъ, ибо мы сами грѣхами мертвы были, глухи и слѣпы. Онъ насъ оживилъ, отъ грѣха просвѣтилъ, далъ намъ заповѣди, чтобы впредь не согрѣшать, не беззаконствовать.

Вопр. 13. За что жида возненавидѣли Христа, изгнали и на смерть Его предали?

Отв. Не просто люди жидовскіе, но архіереи, книжники и фарисеи зависти ради Его изгнали и гонять.

Вопр. 14. Подлинно-ли Христосъ плотію распятъ былъ, для чего онъ такую постыдную смерть пріиалъ?

Отв. Вѣримъ, что былъ распятъ и тѣмъ адъ разрушилъ, мертвыхъ воскресилъ, и намъ страданія образъ показалъ.

Вопр. 15. Какъ Христосъ воскресъ, какою плотію, для чего Его апостолы не познали только по чудесамъ?

Отв. Онъ не міру всему, токмо вѣрнымъ явился; воскресъ въ силѣ Божества; какою плотію, мы того не знаемъ, намъ и знать не нужно. Намъ только должно знать, какъ свою душу спасти; а что вѣрнымъ явился, токмо то нынѣ съ нами есть.

Вопр. 16. Кто воспреемникъ Христовыхъ дѣлъ, и кто на мѣстѣ Его на земли?

Отв. Тотъ воспреемникъ Христовыхъ дѣлъ, кто чистъ тѣломъ и дѣломъ, смиренъ и кротокъ, добрымъ дѣламъ покоренъ; тотъ, кто худыхъ дѣлъ удаляется.

Вопр. 17. Кто воспреемникъ апостольскихъ чиновъ и дѣлъ?

Отв. Тотъ, кто славу Божію имѣетъ и страдаетъ ради Христа.

Вопр. 18. Что значитъ кебо, или, разница, небеса?

Отв. Первыя небеса смиреніе, 2) разумѣніе, 3) воздержаніе, 4) милосердіе, 5) братолюбіе, 6) совѣтъ, 7) любовь; тамъ живетъ и Богъ.

Вопр. 19. Какъ Христосъ вознесся на небеса?

Отв. Какъ писаніе свидѣтельствуеть о вознесеніи Его.

Вопр. 20. Что есть адъ, гдѣ злые духи живутъ?

Отв. Адъ есть незнающіе свѣта людіе; злые духи въ нихъ живутъ.

Вопр. 21. Для чего вы въ церковь христіанскую грекоросійскую не ходите, что вамъ противно?

Отв. Совѣсть наша ходитъ въ нее не желаетъ, святости не чаемъ, Божества не заключаемъ, потому что она тлѣнная, не вѣчная.

Вопр. 22. Іоаннъ Креститель, окрещавшій народы водою, что есть?

Отв. Крещеніе водою душамъ нашимъ не въ пользу, и мы окрещаемся въ Христа св. Духомъ.

Вопр. 23. Причастіе таинство тѣлу и крови, подъ видомъ хлѣба и вина, какъ оное разумѣваете, или особую какую силу сами составляете?

Отв. Мы такъ разумѣваемъ, что оное причастіе душамъ не способно, а мы причащаемся святымъ, божественнымъ и животворящимъ тайнамъ Христовымъ, проходящимъ сквозь юстей и мозговъ человѣческихъ; то бо есть наше причастіе отъ Господа Бога нашего.

Вопр. 24. Женидба законная имѣетъ-ли у васъ силу или еѣ отменяетъ?

Отв. Желавшимъ не запрещаемъ, только разумѣваемъ, что женимый печется о женѣ, а не женимый о Бозѣ, души спасеніи.

Вопр. 25. Что есть душа человѣческая, чѣмъ человѣкъ честенъ, или безчестенъ предъ Богомъ?

Отв. Душа человѣческая образъ Божій; честенъ чистотою, а безчестенъ гордостію и безуміемъ.

Вопр. 26. Чистота плоти, чистота духа, какая разница?

Отв. Мы Духомъ святымъ молимся и юстимся, тою же силою очищаемся.

Вопр. 27. Въ какой надеждѣ всѣ преданія св. отецъ опровергае или почитаете и въ какомъ смыслѣ?

Отв. Они были человѣки; отъ человѣка ничтоже, вся суть отъ Бога.

Вопр. 28. Какія молитвы имѣете въ собраніи своемъ?

Отв. Псалмы Давидовы: 1) Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго; 2) Услыши Боже гласъ мой, когда молимся Тебѣ, отъ страха вражды; 3) девять блаженствъ изъ евангелія: Помяни насъ Господи, когда пріидешь во царствіи своемъ.

Нельзя сказать, чтобы эти отвѣты составляли полное и общее мнѣніе духоборцевъ о тѣхъ предметахъ, которые въ нихъ изложены. Надобно сознаться: трудно или почти невозможно составить общее понятіе о вѣрованіи духоборцевъ XVIII вѣка касательно всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ богопознанія, и при томъ такое понятіе, которое принадлежало бы самимъ духоборцамъ. Охотнѣе всего они толковали о св. крестѣ, иконопочитаніи и храмахъ, отвергая все это, потому что считали крестъ, иконы и храмы только произведеніемъ рукъ чловѣческихъ, не имѣющимъ никакого духовнаго значенія. Въ семъ отношеніи духоборцы предпочитаютъ поклоненіе живому чловѣку, сколько потому, что онъ созданъ по образу и подобию Божію, столько, и главнѣйше, по мнимому убѣжденію пребыванія въ немъ св. Троицы.

Духоборцы, считая себя вмѣстилищемъ св. Троицы, или небесною церковію на землѣ, еще въ XVIII вѣкѣ думали, что не токмо всѣ установленія гражданскія для нихъ излишни, но отвергали верховную власть. Слѣдуя такому убѣжденію, духоборцы не давали присяги, и въ первые годы даже отрекались отъ платежа податей.... Всѣ власти гражданскія и духовныя, особенно дѣйствующія, противно ихъ видамъ, духоборцы считаютъ и доселѣ исчадіями ада и своими врагами. Сбросивъ узы, налагаемыя совѣстію, и по воображаемому присутствію въ себѣ св. Троицы, считая себя внѣ грѣха, они не знаютъ, что такое преступленіе. Укрывательство бродягъ и дезертировъ считается добродѣтелью; сокрытіе преступленій, единовѣрцами совершенныхъ, есть долгъ и обязанность духоборцевъ....

Впрочемъ надобно сказать, что это мнѣніе духоборцевъ о верховной власти и правительствѣ, допускаемое ихъ вѣрованіемъ въ XVIII вѣкѣ, нынѣ совершенно смягчилось. Теперь многіе духоборцы увѣряютъ, что они молятся о благоденствіи Государя Императора, но моленіе это заключается въ произношеніи токмо слѣдующихъ словъ: «Спаси Господи Благовѣрнаго Царя и кротость его». Въ 1841 и 1842 годахъ, при переселеніи нѣкоторыхъ духоборцевъ за Кавказъ, — всѣ они показали опыты совершеннѣйшей преданности и покорности волѣ правительства и распоряженіямъ начальства.

Ө. Ливановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ДРЕВНѢЙШАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ МІРѢ.

(Древне-египетскій папирусь.)

«РОМАНЪ ДВУХЪ БРАТЬЕВЪ».

Я хочу передать здѣсь нашей публикѣ одно литературное произведеніе глубочайшей древности, которое извѣстно всей Европѣ уже лѣтъ 15-ть, но съ которымъ, къ удивленію, никто до сихъ поръ не познакомилъ на русскомъ языкѣ. А между тѣмъ, намъ кажется, не слѣдуетъ его игнорировать: о немъ было писано уже не мало, и оно послужило къ уничтоженію одного очень страннаго мнѣнія, пущеннаго въ ходъ уже довольно давно и съ тѣхъ поръ всюду повторяемаго.

Правда, это странное мнѣніе касается такого предмета, до котораго намъ рѣдко случается дотрогиваться: дѣло идетъ о литературѣ и поэзіи одного изъ древнѣйшихъ народовъ міра. Но это соображеніе не можетъ, не должно останавливать насъ. Равнодушіе къ важнымъ историческимъ вопросамъ изъ жизни того или другого народа, которое основывалось-бы только на томъ, что этотъ народъ отдѣленъ отъ насъ и нашего времени длинными столѣтіями, было-бы не что иное, какъ замаскированное равнодушіе къ исторіи вообще. Кому дороги не одни только событія настоящей минуты, кому доступны интересы исторіи, какъ и всякаго вообще разумнаго знанія, тотъ не оттолкнетъ отъ себя съ постыдною апатіею разсмотрѣніе фактовъ изъ жизни извѣстныхъ народовъ подъ тѣмъ только предлогомъ, что эти народы

жили не 40 лѣтъ, а 40 столѣтій тому назадъ. Судьбы человѣчества вездѣ одинаково достойны нашего вниманія, одинаково призываютъ къ себѣ нашъ умъ, на всѣхъ стадіумахъ своего развитія.

Историческіе учебники воспитали множество предшествующихъ намъ поколѣній въ мысли, что у древняго Египта не было никогда ни литературы, ни поэзіи. Что за странность! неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе долгихъ столѣтій, существовалъ такой народъ, неужели когда-то жили такіе, слѣдовавшіе одни за другими миллионы людей, въ которыхъ никогда не говорило поэтическое чувство, которые отъ-роду не находили надобности выражать, посредствомъ слова (а значитъ и письма), душевныя свои движенія, радость и горе, свои порывы, обожанія и надежды, и которые никогда не возвысили рѣчь свою до степени художественнаго произведенія? Неужели и въ самомъ дѣлѣ были когда-то на свѣтѣ такіе люди? И какъ же этому вѣрить, когда тотъ самый народъ, про который рассказываются такіа неувѣроятныя чудеса, обладалъ многообразнымъ творчествомъ, имѣлъ истинно-художественныя наклонности и покрылъ свою страну безчисленными памятниками совершенно оригинальной архитектуры, скульптуры и живописи! Или быть можетъ мы обязаны представлять себѣ, что бывають такіе народы, что производятъ на свѣтѣ великолѣпныя памятники этихъ трехъ искусствъ, а сами въ это время могутъ оставаться совершенно чужды всякой литературѣ и поэзіи?

Удивительное предположеніе для всякаго, кто хоть сколько-нибудь задумывался надъ вопросомъ, что такое поэзія и искусства, и кто дошелъ уже до сознанія, что всѣ искусства суть не что иное, какъ различныя формы, въ которыхъ проявляется художественное настроеніе народовъ, и что гдѣ это настроеніе выразилось въ формахъ пластическихъ, тамъ оно не могло не выразиться еще гораздо раньше въ формахъ словесныхъ, какъ болѣе простыхъ, малосложныхъ и общедоступныхъ.

Но что же было дѣлать съ Египтомъ, когда храмовъ, статуй и картинъ его было передъ глазами у каждаго такъ много, а литературныхъ произведеній — ни одного.

Казалось-бы, отвѣтъ на это простой. Мы имѣли только право сказать: мы не знаемъ литературы Египта, потому что до насъ не дошло ея памятниковъ — мало ли чего еще не дошло до насъ отъ временъ древности! Но никакъ еще не можемъ сказать, чтобъ этой литературы никогда не бывало. Есть тысячи вещей, которыхъ мы не знаемъ, и которыхъ, быть можетъ, никогда не узнаемъ, и все-таки изъ этого еще ничего другого не выходитъ, кромѣ того, что мы должны признаваться въ своемъ невѣдѣніи,

въ недостаточности научныхъ средствъ, научнаго матеріала, намъ. доступнаго — вотъ и все.

Но нашлось слишкомъ много такихъ людей, которые не захотѣли довольствоваться такимъ простымъ отвѣтомъ въ виду загадки, представляемой намъ Египтомъ. Еще до самаго послѣдняго времени, въ европейской наукѣ господствовалъ обычай всѣ пробѣлы знанія наполнять собственными соображеніями, и тамъ, гдѣ недостаетъ точныхъ и положительныхъ фактовъ, ставить на мѣсто ихъ — мало того, что предположеніе того или другого рода, но еще и философскія, пользовавшіяся прежде большимъ довѣріемъ, доказательства, почему именно совершился или существовалъ такой-то и такой-то фактъ (намъ вовсе неизвѣстный).

Такъ поступали въ прежнее время во всѣхъ отрасляхъ знанія, начиная отъ самыхъ высшихъ и кончая самыми низшими. Само собою разумѣется, что исторія представляла въ этомъ отношеніи старинному доктринерству особенно богатое поприще, и здѣсь уже не только прежнія «философіи исторіи,» но и всѣ простыя изложенія исторіи наполнены были множествомъ такихъ вещей, которыя не имѣли ничего общаго съ дѣйствительнымъ, положительнымъ знаніемъ.

Такъ случилось и съ поэзіей и литературой древняго Египта. Множество писателей, людей самыхъ компетентныхъ и свѣдущихъ, рѣшили въ своей головѣ, что намъ неизвѣстно никакихъ остатковъ ея, *значитъ* ея не было, и такой приговоръ былъ пущенъ на весь міръ.

Одинъ изъ основательнѣйшихъ спеціалистовъ прежняго времени, оріенталистъ Пейронъ, спеціально занимавшійся коптскимъ языкомъ, т. е. тѣмъ языкомъ, который считается уцѣлѣвшимъ обломкомъ и наслѣдникомъ древне-египетскаго языка, говорилъ въ 1839 году историку Раумеру, въ Римѣ, что у египетскаго языка такая математическая правильность и деревянность, что онъ, оріенталистъ, и представить себѣ не можетъ, чтобъ въ древнемъ Египтѣ *могла когда-нибудь существовать поэтическая и историческая литература*, въ высшемъ смыслѣ ¹⁾. И Раумеръ вполнѣ вѣрилъ этому приговору, конечно, какъ и всѣ. Еще бы не вѣрить оріенталисту, ученому спеціалисту!

Знаменитый историкъ всеобщей литературы, Розенкранцъ, тоже авторитетъ немаловажный, писалъ въ своемъ полнѣйшемъ сочиненіи, что у египтянъ *не было литературы*, и именно потому, что они постоянно жили въ слишкомъ большомъ непосредственномъ напряженіи, а оно мѣшало имъ углубляться внутрь себя,

¹⁾ Raumer, Italien. Berlin, 1840, II, 124.

тогда какъ поэзія именно этого-то и требуетъ. У египтянъ *не было* никакого эпоса, потому что они очень рано выработали себѣ историческій смыслъ, который и закрѣпился вполне въ произведеніяхъ архитектуры и скульптуры, а въ гіероглифахъ утвердиль свои воспоминанія съ прочностью лѣтописи ¹⁾).

Не менѣе извѣстный и общераспространенный писатель, историкъ Веберъ, говорилъ въ своей всеобщей исторіи, что у египтянъ, точно также какъ у китайцевъ, *нѣтъ* силы мифическаго творчества, всегда служащаго основой эпической и драматической поэзіи, и поэтому у нихъ только и была что лирика, да и та собственно религіознаго характера ²⁾. Это уже былъ шагъ впередъ: у египтянъ признавалась по крайней мѣрѣ хоть лирика (ее начинали отерывать въ разныхъ воззваніяхъ и обращеніяхъ къ божеству, гіероглифическихъ надписяхъ, но главное обвиненіе продолжало все-таки тяготѣть надъ бѣдными египтянами.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, что проповѣдывали о египетской поэзіи оріенталисты, историки и историки литературы. Отъ нихъ не отставали конечно и историки искусства, и едва ли не самый знаменитый между ними въ послѣднее время, Шназе говорить въ своей общей исторіи искусства, что намъ нечего ни удивляться, ни сожалѣть о томъ, что до насъ дошло такъ мало египетскихъ сочиненій: уже самый языкъ этого народа былъ такой несовершенный, что указываетъ на недостатки литературныхъ способностей, и притомъ древніе писатели сообщаютъ намъ, что поэзія вовсе не процвѣтала въ древнемъ Египтѣ ³⁾.

Вотъ сколько разнообразными путями, вотъ со сколькихъ разнообразныхъ каедръ входило въ европейское сознаніе—убѣжденіе въ отсутствіи литературы и поэзіи въ Египтѣ, вмѣстѣ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что иначе никогда и быть не могло. Само собою разумѣется, мелкіе профессора и учебники на всѣ лады повторяли то, что было высказано болѣе крупными учеными, и такимъ-то образомъ это убѣжденіе заложилось вездѣ прочно и несокрушимо.

Вдругъ появились на свѣтъ факты, которые сдунули вонъ, словно какіе-нибудь карточные домики, основательнѣйшіе и неопровержимѣйшіе доводы ученыхъ, и дали узнать совершенно противное тому, чему учили юношей и взрослыхъ.

Послѣдователи Шамполліона, продолжая работать съ тою же

¹⁾ Rosenkrantz, Die Poesie und ihre Geschichte. Königsberg. 1855, 121—123.

²⁾ Weber, Allgem. Weltgeschichte, Leipzig, 1857, I, 183.

³⁾ Schnaase, Geschichte der bildenden Künste. Düsseldorf, 1843, I.

энергіею и необходимою жаждою знанія, какъ и ихъ геніальный учитель, стали наконецъ свободно читать рукописи *иератическаго* (т. е. курсивнаго, бѣглаго) письма, и вдругъ открыли цѣлую литературу древне-египетскую, заключенную въ рукописяхъ этого письма, обогатившихъ, въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій, египетскія собранія главнѣйшихъ столицъ Европы. Самыя значительныя сокровища оказались, разумѣется — у англичанъ, въ коллекціяхъ Британскаго Музея. Въ иератическихъ рукописяхъ нашлись вдругъ и оды фараонамъ и разнымъ знатымъ лицамъ ихъ двора, и путешествія, и письма, и рассказы, и трактаты въ видѣ разговоровъ, наконецъ и повѣсти и легенды волшебнаго характера. Узнали, что у египетской литературы была своя эпоха высшаго блеска и процвѣтанія, и она относится ко времени фараона Рамзеса II (Сезостриса грековъ) и ближайшихъ его преемниковъ, т. е. ко времени XIX царской династіи, современной Моисею (XIV столѣтіе до Р. Хр.). Узнали, что при этомъ Рамзесѣ II, царствовавшемъ цѣлыхъ 60 лѣтъ, существовала цѣлая коллекція *грамотъевъ*, писателей и переписчиковъ, у которыхъ былъ даже особый начальникъ или староста, *грамотный, какеву* или *канабу*, онъ же былъ и библіотекарь царскій съ титуломъ «грамотѣя двойного свѣтлаго дома его величества». Тутъ же узнали, что званіе грамотѣя или писателя стояло въ Египтѣ такъ высоко, что съ нимъ не могло равняться никакое другое званіе: одна египетская рукопись содержитъ очень пространнѣйшій и интереснѣйшій разговоръ отца съ сыномъ, отецъ хочетъ пустить сына въ люди, и на разставаніи даетъ ему наставленія, какъ и чѣмъ ему лучше было бы заняться; для этого, онъ перебираетъ одно за другимъ всѣ состоянія или занятія въ Египтѣ, въ очень поэтическихъ картинахъ, рассказываетъ ихъ выгоды и невыгоды, значенія и совершенства, и, наконецъ, приходитъ къ тому заключенію, что нѣтъ на свѣтѣ выше званія писателя ¹⁾).

Одно изъ примѣчательнѣйшихъ сочиненій, открытыхъ теперь на страницахъ древне-египетскихъ папирусовъ — это чудесная эпическая поэма, сочиненная однимъ знаменитымъ египетскимъ грамотѣемъ или писателемъ, *Пентауромъ*, и рассказывающая знаменитый военный подвигъ фараона Рамзеса II. Разъ этотъ фараонъ воевалъ съ какимъ-то семитическимъ народомъ, вѣроятно пришельцемъ изъ Аравіи. Вдругъ къ нему въ лагерь явятся два шпіона, подкупленные непріателемъ, и, притворившись людьми преданными, рассказываютъ царю, что непріатель

¹⁾ Revue archéologique, 1860: Goodwin, Sur les papyrus hiératiques, 223—234; 1852: Rougé, Notice sur un papyrus égyptien, 385—386.

слабъ и малочисленъ, что вотъ теперь самое время напасть на него. Фараонъ попадаетъ въ ловушку, и, посовѣтовавшись со своими военачальниками, которые также даютъ себя обморочить, беретъ небольшой отрядъ и идетъ на непріятеля. Тутъ вдругъ оказывается истина. Египетскій отрядъ обращается въ бѣгство, но самъ фараонъ, превосходящій всѣхъ подданныхъ своихъ силой и непобѣдимымъ мужествомъ, схватываетъ копье и саблю свою, и, покрытый золотыми латами, одинъ бросается на непріятеля. Легко понять, что должно дальше слѣдовать въ поэмѣ египетскаго придворнаго поэта: само собою разумѣется, что великій Рамзесъ одинъ всѣхъ побиваетъ и возвращается торжествующій. Это сочиненіе *Пентаура* такъ понравилось фараону, что онъ велѣлъ награвировать его цѣликомъ, на наружныхъ стѣнахъ нѣсколькихъ знаменитѣйшихъ храмовъ (въ Ибсамбулѣ и Оивахъ),— эти надписи уцѣлѣли до сихъ поръ, и вотъ теперь, въ то время, какъ одни современные египтологи (Шамполіонъ и Лепсіусъ) читали ее на стѣнахъ Египта написанную гіероглифами, другіе (Ружэ) читали ее на лондонскомъ папирусѣ, написанную гіератическимъ почеркомъ¹⁾. И дѣйствительно, надо признаться, поэма эта стоила своей древне-египетской славы: она заключаетъ въ себѣ не только казенное, придворное прославленіе царя, но еще наполнено дѣйствительно поэтическими красотами. Разговоры, описанія, лирическое воззваніе Рамзеса II къ солнцу — все это носить на себѣ печать таланта и глубокой художественности, и самымъ яркимъ образомъ противорѣчитъ прежнимъ соображеніямъ ученыхъ, почему именно древній Египетъ не имѣлъ и не могъ имѣть поэзіи, особенно эпической.

Но едва ли не самая интересная изъ египетскихъ рукописей, прочитанныхъ въ послѣднее время — это рукопись, также принадлежавшая британскому музею и купленная ею въ 1857 году отъ леди д'Орбиней. Эта дама, купивъ эту рукопись гдѣ-то въ Италіи, еще въ 1852 году привозила ее въ Парижъ, и тутъ извѣстный египтологъ, виконтъ Ружэ (консерваторъ египетскаго собранія въ Луврѣ), разобралъ почти весь папирусъ и тотчасъ же напечаталъ извлеченіе изъ него въ «*Revue archéologique*» 1853 г.

Разобранное виконтомъ Ружэ оказалось повѣстью, которую французскіе египтологи тутъ-же прозвали: «*Le roman des deux frères*». Открытіе было столь неожиданно, столь ново, столь важно, что множество ученыхъ (кромѣ русскихъ, въ числѣ которыхъ никогда еще не было египтологовъ) занялись новымъ па-

¹⁾ *Revue archéologique*, 1858, *Chabas*: Traduction et analyse de l'inscription hiéroglyphique d'Ibsamboul, 575 — 588.

пирусомъ. Трактаты о немъ появились на языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, и получили еще новую энергію съ тѣхъ поръ, какъ управленіе британскаго музея, никогда не жалѣющее денегъ на значительныя научныя предпріятія, издало въ 1860 году этотъ папирусъ въ видѣ великолѣпнаго факсимиле ¹⁾. Это изданіе имѣло значительнѣйшимъ результатомъ то, что одинъ изъ значительнѣйшихъ современныхъ египтологовъ, берлинскій профессоръ Бругшъ наконецъ сдѣлалъ полный переводъ повѣсти о двухъ братьяхъ и издалъ его въ 1864 г. въ своей книгѣ: «*Aus dem Orient*», подъ заглавіемъ: «*Das älteste Märchen der Welt*» (древнѣйшая повѣсть на свѣтѣ); названіе, которое, кажется, теперь если уже не навсегда, то на долго утвердилось за этимъ древнимъ и замѣчательнымъ литературнымъ созданіемъ.

Такъ какъ, кажется, пора наконецъ и намъ его узнать, то я и рѣшился представить здѣсь по возможности вѣрный переводъ этой повѣсти, взявъ за основаніе нѣмецкій переводъ Бругша, и представивъ, въ видѣ разнорѣчій, главные отличія, которыя я нахожу во французскомъ переводѣ Ружэ.

Было два брата, отъ одной матери и отъ одного отца. Старшаго звали Анепу, младшаго — Батау ²⁾. Анепу жилъ своимъ домомъ, и былъ женатъ. Младшій братъ жилъ у него словно сынъ, и тотъ давалъ ему одѣжу. Онъ ходилъ за его скотомъ въ поле, а когда паханье кончалось, онъ долженъ былъ подсоблять во всякой полевой работѣ. Ну, и вотъ младшій братъ былъ добрый работникъ, не было другого такого во всемъ краю.

Прошло много дней; и младшій братъ все былъ при своихъ волахъ, по всегдашнему своему обычаю, и каждый вечеръ пригонялъ ихъ домой, а самъ, навьюченный разною травой, приходилъ съ поля, чтобъ дать потомъ эту траву своей скотинѣ. Старшій братъ садился тогда со своею женой, чтобъ поѣсть и попить, а тѣмъ временемъ младшій братъ оставался въ хлѣву при

¹⁾ Select papiiri of the hieratic character from the collection of the British Museum. London, 1860, 8°. Предисловіе, гдѣ подробно излагается содержаніе *повѣсти о двухъ братьяхъ*, составлено консерваторомъ британскаго музея, египтологомъ Бирчелъ. Экземпляръ этого великолѣпнаго изданія находится въ импер. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

²⁾ Ружэ читаетъ это имя: «Сату», но прибавляетъ въ примѣчаніи, что сомнѣвается въ вѣрности своего чтенія.

своихъ волахъ ¹⁾). И вотъ, когда прояснивалась земля и бреж-жилъ новый день, и лампа переставала горѣть, онъ вставалъ раньше своего старшаго брата, и несъ хлѣбъ въ поле, чтобъ дать ихъ работникамъ, поѣсть въ полѣ. Потомъ онъ ходилъ за своими волами, и они всегда говорили ему, гдѣ хорошая трава; и онъ слушался всего, что они говорили, и гналъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ была хорошая трава, какую они любили ²⁾). И тѣ волы, что передъ нимъ ходили, становились отличные и сильно размножались.

Ну и вотъ пришло время пахать, и старшій братъ сказалъ ему: «возьмемъ-ка запряжку, надо пахать, вотъ ужъ поля выступаютъ наружу (послѣ наводненія), теперь хорошо ихъ пахать ³⁾). Неси-же въ поле сѣмена, мы станемъ пахать». Это онъ ему сказалъ. И младшій братъ сдѣлалъ все такъ, какъ ему сказалъ старшій братъ.

И когда земля прояснилась потомъ, и начался новый день, пошли они на поле со своей запряжкой, и много имъ было работы на полѣ, и они радовались глядя на свою работу.

Прошло много дней потомъ, они были на полѣ, у нихъ не хватило сѣмени, и онъ сталъ посылать младшаго своего брата, и сказалъ ему: «ступай скорѣй, неси намъ сѣмя съ деревни». И младшій братъ засталъ жену своего старшаго брата на томъ, что она сидитъ и плететъ себѣ волосы. Тутъ онъ сказалъ ей: «Встань-ка, да выдай мнѣ сѣмя, мнѣ надо скорѣй идти въ поле, братъ не велѣлъ замѣшкиваться». Тогда она сказала ему: «Поди и отопри сарай, и возьми самъ, что тебѣ надо; если я пойду, у меня, пожалуй, волосы развалятся» ⁴⁾).

Тутъ юноша пошелъ въ сарай и взялъ большую корзину ⁵⁾, потому-что ему хотѣлось снести побольше сѣмени, и онъ нагрузилъ на себя премного пшеницы и ячменя и вышелъ вонъ. Тогда она ему сказала: «Сколько ты это несешь»? онъ сказалъ ей: Три мѣры ячменя и двѣ мѣры пшеницы, всего пять мѣръ — вотъ онѣ у меня на рукахъ». Это онъ ей сказалъ. Тогда она стала говорить и сказала: «Вотъ какой ты сильный! Я всегда видѣла, что ты молодецъ»! *(въ этомъ мѣстѣ папирусъ сильно*

¹⁾ У Ружѣ: «Онъ приходилъ и садился съ братомъ и его женой, чтобъ поѣсть и попить, а потомъ шелъ въ хлѣвъ, къ своимъ воламъ».

²⁾ У Ружѣ: «Онъ понималъ все, что они говорили, и воротясь въ хлѣвъ, они тамъ находили тѣ травы, которыя любили».

³⁾ У Ружѣ: «Поля теперь стали лучше».

⁴⁾ При XVIII и XIX династіяхъ, египтянки носили огромныя прически, составленныя изъ косъ и локоновъ, спускавшихся до груди.

⁵⁾ У Ружѣ: «сосудъ».

попорченъ)... и сердце ея узнало его... она совсѣмъ опалѣла отъ него, и сказала ему: «Поди сюда! дай-ка мы часокъ отдохнемъ на свободѣ. Принарядись, я дамъ тебѣ славныя платья»¹⁾).

Тутъ юноша пришелъ въ гнѣвъ, словно пантера какая, отъ этихъ худыхъ рѣчей, что она ему говорила, и вотъ! она перепугалась. И онъ заговорилъ, и сказалъ ей: «Ты мнѣ все равно что мать, а твой мужъ мнѣ все равно что отецъ. Онъ старше меня, онъ мнѣ за-мѣсто воспитателя. Что ты это, за грѣхъ такой мнѣ сказываешь?»²⁾. Не говори мнѣ больше этого, и я тоже никому не стану рассказывать, я ни единого слова не скажу объ этомъ, ни единому человѣку!» И онъ нагрузилъ на себя свою ношу и ушелъ въ поле. И онъ воротился къ старшему брату, и у нихъ много было работы, и они справили свое дѣло.

Когда кончился день и пришелъ вечеръ, старшій братъ воротился домой. А его младшій братъ пошелъ позади своихъ воловъ, и нагрузилъ на себя всякой полевой травы, и погналъ своихъ воловъ передъ собою на ночлегъ въ ихъ хлѣвъ, въ деревню.

И вотъ, жена его старшаго брата очень трусила того, что наговорила. Тогда она изрѣзала себя ранами и прикинулась, словно дурной человѣкъ сдѣлалъ ей какое насиліе, ей хотѣлось сказать своему мужу: «Это вотъ твой младшій братъ сотворилъ надо мною насиліе»!

Но ея мужъ, по всегдашнему, воротился домой вечеромъ, и вошелъ въ домъ, и нашелъ, что его жена лежитъ, точно будто какой-нибудь злодѣй сдѣлалъ ей насиліе.

И она не подала ему, по обыкновенію, воды на руки умыться, и не зажгла лампы передъ нимъ, и домъ его стоялъ темный. А она лежала нагая.

И мужъ сказалъ ей: «Кто съ тобой говорилъ?»³⁾ Встань. «А она отвѣчала»: Никто со мной не говорилъ, кромѣ твоего младшаго брата⁴⁾. Когда онъ пришелъ за сѣменемъ, то я сидѣла одна, и онъ сталъ мнѣ говорить: «Поди-ка сюда! Дай мы полежимъ часокъ на свободѣ. Надѣнь самыя красивыя свои платья». Вотъ что онъ мнѣ сказалъ. Но я его не слушала, и сказала: «Да ты посмотри, развѣ я не мать тебѣ,

¹⁾ У Ружѣ: «Ты мнѣ нравишься, и я вотъ нарочно надѣла самыя лучшія свои платья». Ружѣ полагаетъ, что слово «часокъ» указываетъ на время сіесты, или обычнаго отдыха южныхъ народовъ во время сильныхъ дневныхъ жаровъ.

²⁾ У Ружѣ: «Не могу я сдѣлать такого великаго грѣха. Скажи мнѣ что-нибудь другое (и я сдѣлаю)».

³⁾ У Ружѣ: «Мужъ сказалъ: Это я съ тобою говорю».

⁴⁾ У Ружѣ: «Не говори со мною, сказала она».

развѣ твой старшій братъ не все равно что отецъ тебѣ? Вотъ что я ему говорила. А онъ перепугался и сталъ меня насильничать, чтобъ я ничего не рассказывала. Если ты его оставишь въ живыхъ, тогда я умру. Вотъ видишь! Онъ приходилъ (*испорченное мѣсто въ папирусу*).... и если я снесу его худыя рѣчи, тогда онъ навѣрное такъ и сдѣлаетъ».

Тогда его старшій братъ сдѣлался словно пантера, и натирилъ свой топоръ ¹⁾, и взялъ его въ руку. И старшій братъ сталъ за дверью хлѣва, чтобъ убить младшаго брата, когда онъ воротится вечеромъ, и станетъ загонять скотину въ хлѣвъ.

Когда солнце сѣло ²⁾, тотъ по всегдашнему обычаю воротился домой, нагруженный всякою травой полевою, и первая корова вошла въ хлѣвъ. Тогда она стала говорить своему пастуху: «Берегись старшаго своего брата, онъ стоитъ тутъ съ топоромъ, чтобъ тебя убить. Стань подальше». И онъ выслушалъ рѣчь своей первой коровы. Потомъ вошла другая корова и сказала ему тоже самое. И онъ посмотрѣлъ подъ дверь своего хлѣва, и увидалъ ноги старшаго брата, что стоялъ тутъ за дверью, съ топоромъ въ рукѣ. И онъ спустилъ свою ношу на землю, и побѣжалъ оттуда вонъ во всю прыть, а его братъ побѣжалъ за нимъ вслѣдъ, съ топоромъ.

И младшій братъ сталъ молиться богу солнца, Хармахису ³⁾, и говорилъ: «Господине добрый! ты вѣдь отличаешь правду отъ неправды!» И богъ солнца остановился и выслушалъ всѣ его жалобы. И богъ солнца простеръ великія воды ⁴⁾ между имъ и его старшимъ братомъ, и онѣ были полны крокодиловъ. И одинъ изъ нихъ стоялъ на одномъ берегу, а другой на другомъ.

Старшій братъ рубнулъ своею рукою два раза, но не могъ убить его. Вотъ что онъ сдѣлалъ. И его младшій братъ закричалъ ему съ того берега: «Стой тутъ, и не уходи, пока не просвѣтитъ земля; а когда солнце выплыветъ, тогда я передъ нимъ откроюсь тебѣ во всемъ, чтобъ ты узналъ правду: вѣдь я никогда не дѣлалъ тебѣ ничего дурного. Но я не останусь тамъ, гдѣ ты стоишь теперь, я пойду на кедровую гору».

Когда земля прояснилась и наступилъ другой день,—выплылъ наверхъ богъ солнца Хармахисъ ⁵⁾, и каждый изъ нихъ увидалъ другого. И юноша сталъ говорить своему старшему брату и ска-

¹⁾ У Ружѣ: «Мечъ».

²⁾ У Ружѣ: «Когда легъ богъ *Муи*».

³⁾ У Ружѣ: «Сталъ призывать *Фру*, бога обоихъ солнечныхъ поясовъ».

⁴⁾ У Ружѣ: «Сдѣлалъ великую рѣку».

⁵⁾ У Ружѣ: «*Фра*, богъ обоихъ небесныхъ поясовъ, засіялъ».

заль ему: «Зачѣмъ ты это меня преслѣдуешь, чтобъ понапрасну убить меня? Развѣ ты не слышишь, что говорятъ уста мои¹⁾? я твой младшій, истинный братъ, и ты былъ мнѣ замѣсто отца, а твоя жена замѣсто матери. Ну, вотъ видишь-ли, въ тотъ разъ, что ты меня послалъ принести сѣмя, развѣ твоя жена не сказала мнѣ: «Поди сюда! Дай-ка мы полежимъ часокъ на свободѣ?!» А теперь вотъ, она все тебѣ перевернула на выворотъ. И онъ разсказаль ему, какъ что происходило между имъ и его женою.

И онъ поклялся богомъ солнца, Хармахисомъ, и сказалъ: «Если у тебя есть намѣреніе понапрасну убить меня, то затѣни ты себѣ топоръ за поясъ». И онъ вынулъ острый ножъ и отрѣзалъ себѣ одинъ членъ тѣла, и бросилъ его въ воду, и рыбы пожрали его²⁾. Тогда онъ упалъ безъ чувствъ и лежалъ словно мертвый, а душа его старшаго брата совсѣмъ помутилась. И онъ стоялъ, плакалъ и жаловался, и все-таки не могъ перейти на ту сторону къ своему младшему брату, крокодилы мѣшали.

И младшій братъ сталъ кричать ему, и говорилъ: «Вотъ смотри, ты задумалъ недоброе дѣло, и не было у тебя ничего хорошаго на умѣ. А я тебѣ скажу, что теперь надо дѣлать. Ступай къ себѣ домой, ходи самъ за скотомъ, я ужъ не стану больше жить тамъ, гдѣ ты будешь, я пойду на кедровую гору³⁾. Но только вотъ что ты долженъ для меня сдѣлать, когда придешь навѣдаться обо мнѣ. Знай—я долженъ разстаться со своею душою⁴⁾, и я вложу ее въ головку цвѣтка кедроваго дерева⁵⁾. И когда расколятъ кедровое дерево, она упадетъ на землю. Когда ты придешь отыскивать ее, то останься тутъ *семь лѣтъ*, и ищи ее, и если твоя душа вынесетъ это, ты найдешь ее. Тогда вложи ее въ сосудъ съ холодной водою⁶⁾, и я снова оживу и дамъ отвѣтъ на всѣ вопросы, чтобъ ты зналъ, что дальше со мною будетъ. Пусть тоже у тебя подъ руками будетъ бутылъ съ ячменнымъ питьемъ; засмоли ее, и смотри, не замѣшкивайся съ нею».

И онъ пошолъ на кедровую гору, а его старшій братъ пошелъ домой, поднялъ руку къ головѣ, и посыпалъ голову пепломъ⁷⁾. Взойдя въ свой домъ, онъ убилъ жену свою, бросилъ

¹⁾ У Ружѣ: «Ты вѣдь никогда не слыжалъ ни единого слова, сказаннаго противъ меня».

²⁾ У Ружѣ: «Крокодилъ пожралъ его».

³⁾ У Ружѣ: «Долина акацій».

⁴⁾ У Ружѣ: «Съ сердцемъ».

⁵⁾ У Ружѣ: «Въ головку цвѣтковой акаціи».

⁶⁾ У Ружѣ: «Сосудъ съ жертвоприносительною жидкостью».

⁷⁾ Въ знакъ горести, египтяне поднимали руку къ головѣ, и посыпали голову пепломъ.

ее собакамъ на съѣденіе ¹⁾, и сѣлъ, чтобъ горевать о своемъ младшемъ братѣ.

Много дней спустя, младшій его братъ все былъ на горѣ, и никого не было съ нимъ; и онъ проводилъ весь день въ охотѣ за звѣрями того края, а вечеромъ приходилъ и ложился подъ кедровымъ деревомъ, въ увѣточной головѣ у котораго лежала его душа.

Много дней спустя, онъ своею рукою построилъ себѣ на кедровой горѣ хижинку, и наполнилъ ее всякимъ добромъ, какового только ему хотѣлось для своего дома.

Вышелъ онъ изъ своей хижины и повстрѣчалъ всѣхъ девяти-терыхъ боговъ, вышедшихъ для того, чтобъ позаботиться обо всей тамошней землѣ ²⁾. И всѣ боги стали говорить между собою, и сказали ему: «Эй, Батау! ты, воля боговъ, зачѣмъ ты это одинъ, зачѣмъ ты покинулъ свою землю изъ за-жены Анепу, твоего старшаго брата? Вотъ видишь-ли, жена-то его убита. Воротись-же домой къ нему, онъ тебѣ отвѣтитъ на всѣ вопросы». И сердце ихъ очень сжалилось надъ нимъ.

Тогда богъ солнца, Хармахисъ, сказалъ Хнуму ³⁾: «Сидѣлай женщину для Батау, пусть онъ не сидитъ одинъ». И Хнумъ создалъ ему женщину, и она тутъ сидѣла, и была прелестнѣе всѣхъ остальныхъ женщинъ той страны, и все божество было въ ней. И всѣ семь Хаторовъ пришли, и посмотрѣли на нее, и сказали одними устами: «Она умретъ насильственною смертію» ⁴⁾.

И онъ крѣпко полюбилъ ее, и она сидѣла у него въ домѣ, а онъ между тѣмъ весь день охотился за звѣрями той земли и потомъ клалъ передъ нею добычу.

И онъ сказалъ ей: «Не выходи ты отсюда, не то ты повстрѣчаешься съ моремъ, и оно унесетъ тебя. Мнѣ тогда нельзя будетъ спасти тебя, я такая-же женщина какъ ты, потому-что моя душа лежитъ въ головѣ кедроваго цвѣтка. Если другой кто-нибудь найдетъ ее, я долженъ буду изъ-за нее сражаться». И онъ раскрылъ ей все свое сердце.

Много дней спустя, Батау разъ вышелъ изъ дому, чтобы поохотиться, по всегдашней своей привычкѣ, а молодая женщина тоже вышла, чтобъ погулять подъ тѣмъ кедромъ, что стоялъ

¹⁾ У Ружд: «Звѣрямъ (быть можетъ свиньямъ)».

²⁾ У Ружд «О Египтѣ».

³⁾ Богъ Нумъ, или Кнуфисъ, египетскій Вулканъ, обыкновенно изображается формующимъ человѣка на гончарномъ станкѣ, изъ глины.

⁴⁾ У Ружд Хаторъ является тутъ не въ семиричномъ, а единственномъ видѣ. — Богиня Хаторъ, жена бога Хоруса, была богиня красоты и жизни.

около ея дома. И вотъ вдругъ ее увидало море¹⁾. Оно поднялось вслѣдъ за нею и пошло, но она во весь духъ убѣжала отъ него и спаслась въ домъ свой. А море заговорило тогда съ кедровымъ деревомъ, и сказало ему: «Ахъ, какъ я ее люблю!» Тогда кедръ далъ ему прядь ея волосъ. И море унесло ее въ Египетъ, и положило его тамъ, гдѣ были стиральщики фараонова дома²⁾. И запахъ той пряди волосъ вошелъ въ платья фараоновы, и у стиральщиковъ фараоновыхъ поднялся споръ; они говорили: «платья фараоновы пахнутъ благовоннымъ масломъ!» и этотъ споръ шелъ у нихъ всякій день. И они не знали, что имъ дѣлать.

Но разъ начальникъ фараоновыхъ стиральщиковъ пошелъ въ море, и душа его была печальна отъ этого ежедневнаго спора. И онъ вышелъ и сталъ на берегу, противъ пряди волосъ, лежавшей въ морѣ. Тогда онъ наклонился и схватилъ локонъ. И отъ него пахло ужасно сладко. И онъ снесъ ту прядь волосъ въ фараону.

И созвали мудрыхъ грамотѣевъ фараоновыхъ. И они сказали фараону: «Это прядь волосъ дочери бога солнца и всякое божество въ ней. Вся здѣшняя земля поклоняется тебѣ; такъ пошли-же ты вѣстниковъ по всей землѣ, искать ее, а съ тѣмъ вѣстникомъ, что пойдетъ на кедровую гору, пусть отправляется много людей, чтобъ ее привести сюда».

И вотъ царь сказалъ: «Это хорошо, что вы сказали!» и людей разослалъ.

Много дней спустя, тѣ, что ходили по разнымъ странамъ, воротились съ извѣстіемъ въ царю, но тѣхъ не было, что пошли въ кедровой горѣ, потому что Батау всѣхъ ихъ перебилъ, и только одного отпустилъ, чтобъ снести царю извѣстіе.

И царь послалъ людей, много воиновъ пѣшихъ и конныхъ³⁾, чтобъ все-таки привести ее. И съ ними была тоже женщина. Этой надавали въ руки всякихъ чудесныхъ женскихъ украшеній.

И та женщина пришла съ нею въ Египетъ, и изъ-за нее поднялась великая радость по всему тому краю. И царь крѣпко полюбилъ ее, и сдѣлалъ ее великою своею красавицею (наложницею).

¹⁾ У Ружѣ «рѣка».

²⁾ У Ружѣ: «красильщики фараоновыхъ платьевъ». Впрочемъ, Ружѣ самъ выражаетъ сомнѣніе въ точности этого перевода.

³⁾ Ружѣ замѣчаетъ, что слово «конные» всегда означаетъ въ Египтѣ «воиновъ на колесницахъ».

И ее стали уговаривать, чтобъ она разсказала исторію своего мужа. И она сказала царю: «Вели срубить кедровое дерево, чтобъ оно пропало»!

Тогда послали вооруженныхъ людей, съ топорами¹⁾, чтобъ срубить кедровое дерево. И они пришли къ кедру и срубали цвѣтокъ, внутри котораго была душа Батау. И цвѣтокъ упалъ, а онъ скоро потомъ умеръ.

Когда прояснилась земля и поднялся новый день, кедровое дерево срубили. И Анепу, старшій братъ Батау, пошелъ въ свой домъ, и сѣлъ, чтобъ вымыть себѣ руки. И онъ взялъ кружку съ ячменнымъ напиткомъ, и закупорилъ ее смолой, а другую кружку съ виномъ, и закупорилъ ее глиной. И взялъ онъ свою палку, и свои башмаки, вмѣстѣ со своимъ платьемъ и дорожнымъ запасомъ, и пошелъ въ путь-дорогу къ кедровой горѣ.

И пришелъ онъ къ хижинкѣ своего младшаго брата и увидалъ, что его младшій братъ лежитъ, растянувшись во весь ростъ на своей рогожкѣ. Онъ умеръ.

И сталъ онъ плакать, увидавъ, что младшій братъ лежитъ, протянувшись, какъ мертвый. И пошелъ онъ искать душу своего брата подъ кедромъ, гдѣ его младшій братъ всегда ложился вечеромъ. И онъ проискалъ ее *три* года, и все не находилъ. И когда пришелъ *четвертый* годъ, душу его стало тянуть въ Египетъ, и онъ сказалъ: «Я пойду завтра, рано утромъ». Это онъ такъ положилъ.

И когда земля прояснилась и наступилъ новый день, всталъ онъ подъ кедромъ, и пошелъ въ дорогу, и весь день-денской проискалъ душу. И когда онъ воротился вечеромъ назадъ, и посмотрѣлъ еще разъ вокругъ себя, нѣтъ-ли тутъ души, — онъ нашелъ плодъ; и когда онъ воротился съ нимъ, смотри-ка! это оказалась душа его младшаго брата. Тогда онъ взялъ сосудъ съ холодной водой, вложилъ туда душу, а самъ сѣлъ, по всегдашнему своему обыкновенію.

Когда пришла ночь, душа втянула въ себя воду, и Батау сталъ двигаться всѣми своими членами и посмотрѣлъ на старшаго своего брата. Но сердце не двигалось. И Анепу, старшій его братъ, взялъ сосудъ съ холодной водой, гдѣ была душа его брата, далъ ему выпить его, и смотри-ка! душа очутилась на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Тутъ онъ тотчасъ же сдѣлался такимъ, какимъ былъ прежде. Они обнялись, и стали разговаривать другъ съ другомъ. И Батау сказалъ своему старшему брату: «Вотъ что! я превращусь въ священнаго вола со всѣми

¹⁾ По Ружѣ «съ мечами».

святыми отмѣтинами, никто не будетъ знать его тайны, а ты садись мнѣ на спину. И когда взойдетъ солнце, мы будемъ тамъ, гдѣ теперь моя жена. Отвѣчай мнѣ: сведешь-ли ты меня туда? Вѣдь съ тобой будутъ обращаться совершенно такъ, какъ должно. Тебя нагрузятъ серебромъ и золотомъ, когда ты меня поведешь къ фараону: я вѣдь несу съ собой счастье, и меня будутъ провожать радостными кликами по всей землѣ. А ты ступай въ свою деревню».

Когда земля прояснилась и наступилъ новый день, Батау принялъ на себя тотъ видъ, про который говорилъ своему брату. И Анепу, его старшій братъ, сѣлъ къ нему на спину на самомъ разсвѣтѣ. И онъ пришелъ къ тому мѣсту, и царю сказали объ этомъ; и царь посмотрѣлъ на него и очень обрадовался, сдѣлалъ для него праздникъ, такой большой, что и не рассказать, потому что это было великое счастье. И изъ-за него шла радость по всей землѣ. И много серебра и золота дали его старшему брату, жившему въ деревнѣ, а къ волю приставили много слугъ и отпустили ему много всякихъ вещей, и фараонъ сталъ крѣпко любить его, больше чѣмъ какого-бы то ни было человека въ цѣломъ краю.

Много дней спустя вошелъ волъ въ святилище и сталъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была красавица. Тогда онъ сталъ говорить съ нею и сказалъ: «Смотри-ка сюда, а вѣдь я живъ»! — А она сказала: «Да кто-же ты такой»? — И онъ сказалъ ей: «Я Батау. Въ тотъ разъ, что ты велѣла срубить кедръ, ты сказала фараону, гдѣ я, для того, чтобъ мнѣ потомъ больше не жить. А вотъ, посмотри-ка на меня, я только оборотился воломъ». — Тогда красавица крѣпко испугалась, услыжавъ то, что сказалъ мужъ.

И когда онъ вышелъ изъ святилища, царь, чтобъ провести хорошенько день, сидѣлъ съ нею, а она была въ милости у царя, и онъ выше всякой мѣры былъ до ней добръ¹⁾, тутъ она ему и сказала: «Поклянись мнѣ богомъ, что исполнишь все, что я тебѣ скажу». Тогда онъ исполнилъ все, что она ему говорила, и она сказала: «Дай мнѣ съѣсть печень этого вола, вѣдь тебѣ онъ не нуженъ». Это она ему сказала. И онъ очень опечалился тому, что она она говорила²⁾, и душа фараона смутилась выше всякой мѣры.

Когда потомъ прояснилась земля и наступилъ новый день,

¹⁾ Ружѣ замѣчаетъ, что здѣсь надо разумѣть *очередной день* гаремной женщины.

²⁾ У Ружѣ: «Эти слова произвели между ними великую ссору».

приготовили большіе праздники, чтобъ приносить жертвы вола. Но тутъ одинъ изъ самыхъ первыхъ слугъ церевыхъ пошелъ убить вола. И потомъ случилось, что когда его хотѣли убивать, подлѣ него стояли люди. И когда онъ ударилъ его по затылку, двѣ капельки крови брызнули туда, гдѣ стоятъ оба косяка царскихъ дверей, одна капля попала на одну сторону дверей фараоновыхъ, а другая на другую сторону ¹⁾. И изъ нихъ выросло два большихъ персеевыхъ дерева ²⁾. И каждое изъ нихъ стояло отдѣльно.

Тогда пошли къ царю, и сказали ему, что двѣ большія персеи выросли за ночь, царю на счастье, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ большія царскія двери; и отъ этого поднялась великая радость по всей землѣ.

Много дней спустя, на царѣ было надѣто ожерелье изъ лаписъ-лазули, и прекрасные цвѣточные вѣнки висѣли у него на спинѣ ³⁾. Онъ стоялъ на своей золотой колесницѣ, и только-что выѣхалъ изъ царскихъ палатъ, тутъ тотчасъ и увидалъ персеи. И женщина-красавица ѣхала на колесницѣ за фараономъ. И царь сѣлъ подѣ одну изъ персей ⁴⁾, и дерево стало говорить его женѣ: «Эй, ты, обманщица, я Батау, я еще живъ, да только оборотился. Ты сказала фараону, гдѣ я, чтобъ меня убили; я былъ воломъ, и ты велѣла меня убить».

Много дней спустя, красавица была въ милости у царя, и онъ былъ добръ до нея. И она сказала царю: «Да вотъ, поклянись мнѣ богомъ, что сдѣлаешь все, что я скажу». Онъ и тутъ выполнилъ всѣ ея слова, и она сказала: «Вели спилить оба персеевы дерева, пусть изъ нихъ надѣлаютъ хорошихъ досокъ». — И всѣ ея слова исполнили.

Много дней спустя, царь велѣлъ позвать хорошихъ работниковъ, чтобъ срѣзать фараоновы персеи, и царица-красавица стояла тутъ же, и смотрѣла. И отлетѣла прочь щепка и попала въ ротъ красавицѣ, и она замѣтила, что забеременила. (*Здѣсь*

¹⁾ У Ружэ: «Люди держали вола, и когда его убивали, онъ сталъ трясти шею и двѣ капельки крови брызнули»...

²⁾ Персея — дерево жизни. Съ его вершины изливаетъ живую воду богиня Хаторъ, которой это древо посвящено. *Unger, Botanische Streifzüge auf dem Gebiete der Culturgeschichte. Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wiss. zu Wien.*—В. XXXVIII, 1895, 125—126.

³⁾ Ружэ замѣчаетъ, что ожерелья египетскихъ фараоновъ обыкновенно состояли всего болѣе изъ кусковъ настоящаго лаписъ-лазули или искусственной эмали, оправленныхъ въ золото; украшенія ожерелья были составлены изъ цвѣтовъ и бутоновъ лотоса.

⁴⁾ У Ружэ: «Царь остановился у персей».

напирусу испорчену).... И дѣлали все, чего только ея душа пожелаетъ.

И, много дней спустя, она родила мальчика, и пошли сказать царю: «У тебя родился сынъ». И его принесли, и ему дали кормилицу и нянекъ, и пошла радость по всей землѣ. Всѣ разошлись, чтобъ отпраздновать праздникъ, ему дали имя, и царь съ того же часа крѣпко полюбилъ его и назвалъ его эеіопскимъ царевичемъ ¹⁾).

И когда, послѣ того, прошло много дней, царь сдѣлалъ его намѣстникомъ страны.

И когда, послѣ того, прошло много дней, и онъ много лѣтъ пробылъ намѣстникомъ, царь умеръ, и фараонъ улетѣлъ на небо.

И тотъ сказалъ: «Ну, хорошо, пусть ко мнѣ приведутъ знатныхъ и вельможъ царскаго двора, я имъ расскажу всю исторію, какъ что было со мной и съ царицей». И къ нему привели его жену, и онъ далъ себя узнать ей, передъ ними, и они произнесли свой приговоръ.

И къ нему привели его старшаго брата, и онъ сдѣлалъ его намѣстникомъ всей своей страны. Онъ тридцать лѣтъ правилъ Египтомъ какъ царь.

Послѣ того, онъ прожилъ 30 лѣтъ, и его братъ сталъ на его мѣсто въ день похоронъ ²⁾).

Всѣ египтологи въ одинъ голосъ говорятъ, что эта повѣсть—древнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ на свѣтѣ и имѣющая несомнѣнно около 3000 лѣтъ отъ роду—переноситъ насъ въ самую среду египетскихъ вѣрованій и понятій, и въ самую среду египетской жизни, со всѣми подробностями. Переселеніе душъ, языкъ звѣрей, священный волъ Аписъ и его религіозное чествованіе, фараонъ со своимъ гаремомъ и со всей дворцовой и царской обстановкой, земледѣльческій классъ народа въ Египтѣ, странствующие по землѣ и покровительствующие народу боги—все это выражено здѣсь въ такихъ чертахъ и краскахъ, въ національности и самостоятельной оригинальности которыхъ нельзя сомнѣваться.

¹⁾ Ружэ говоритъ, что при XIX-й династіи, титулъ «эеіопскаго царевича» было высшимъ государственнымъ саномъ.

²⁾ У Ружэ: «Послѣ того онъ прожилъ 30 лѣтъ, и его братъ наследовалъ ему въ день его прибытія въ гавань».

Эта волшебная, народно-египетская повѣсть, по предположенію Бирча написанная въ стихахъ ¹⁾), знакомитъ насъ, въ пластическихъ, глубоко-художественныхъ образахъ не только съ литературою и поэзіею, но и съ самою жизнью Египта, и уничтожаетъ многія фальшивыя представленія, вынесенныя нами еще изъ школы. Мы не станемъ уже болѣе вѣрить тѣмъ ученымъ, которые станутъ увѣрять насъ, что, изучая Египетъ, нельзя довольно надивиться «совершенному недостатку конкретной жизни въ древнемъ Египтѣ»; что «индивидуальная великость совершенно отсутствуетъ въ историческихъ фазисахъ египетской жизни», и что «всѣ литературныя произведенія Египта имѣютъ содержаніемъ только узкій кругъ національной, кастовой и семейной жизни» ²⁾); мы не станемъ уже больше вѣрить и тѣмъ ученымъ, которые вздумали бы, по прежнему, увѣрять насъ, что «въ Египтѣ жизнь состояла болѣе въ избѣжаніи всего дурного, чѣмъ въ исполненіи добрыхъ дѣлъ; что отрицательная добродѣтель, заботливо хлопотавшая только о томъ, какъ бы не нарушать предписаній жреческихъ, стояла выше, чѣмъ положительная дѣятельность или религіозная задушевность, ищущая чистоты сердечной; что это нравственное направленіе религіи высказывается, въ Египтѣ, точно также, какъ и въ Китаѣ, въ честной гражданской жизни и семейныхъ добродѣтеляхъ ежедневной жизни. Бракъ въ Египтѣ, какъ и въ Китаѣ, является въ такихъ нѣжныхъ отношеніяхъ, какъ нигдѣ болѣе, во всемъ языческомъ мірѣ» ³⁾). Настоящая повѣсть, убѣждаетъ насъ, что египтяне были точно такой же народъ, какъ и всѣ остальные: имѣли и свои добродѣтели, и свои пороки; бракъ у нихъ не игралъ никакой исключительной роли передъ остальными народами и подвергался точно такимъ же нарушеніямъ, какъ и вездѣ, а люди были вмѣстѣ и герои и не-герои, — и люди массы, и люди индивидуальныхъ проявленій, какъ и въ остальномъ свѣтѣ. А что касается до женщинъ и мужчинъ египетскихъ, то новѣйшіе египтологи, на основаніи какъ этой повѣсти, такъ и другихъ произведеній египетской литературы, не только не считаютъ ихъ образцами пассивной кротости и семейныхъ добродѣтелей, но утверждаютъ, что это былъ «народъ горячій и любострастный, у котораго увлеченія страсти, излишества роскоши, игра соперничества об-

¹⁾ Select papiiri of the hieratic character from the collection of the British Museum. London, 1860, предисловіе, стр. 7: «Судя по краткости фразъ и поэтическому складу стиха, кажется, что это скорѣе поэма, чѣмъ простой рассказъ въ прозѣ».

²⁾ *Gösche*, Wissenschaftlicher Jahresbericht über die Morgenländischen Studien, 1859—1861. Leipzig, 1868, 276, 277 и 280.

³⁾ *Weber*, Allgem. Weltgeschichte. Leipzig, 1857, I, 183.

щественной жизни часто были причиной катастрофъ, и именно тутъ-то саркастическій и карикатурный юморъ древнихъ египтянъ очень рельефно любилъ выставить женщинъ» ¹⁾. Но имѣемъ ли мы, однакоже, право считать настоящую повѣсть кореннымъ египетскимъ произведеніемъ? Гдѣ и какъ оно первоначально возникло?

Изъ послѣсловія папируса, содержащаго повѣсть о двухъ братьяхъ, мы узнаемъ, что она сочинена писателемъ *Аннаной* или *Енаной*, для наслѣдника престола, царевича Сети Меренфты, сына фараона Рамзеса Міамуна, и что она считалась столько превосходною, что признана достойною быть присоединенною къ сочиненіямъ писателей *Капабу*, *Хоры* и *Мереману*. При этомъ Бругшъ замѣчаетъ, что повѣсть эта имѣетъ нѣкоторое сходство со многими рассказами и легендами, дошедшими до нашего времени, и прибавляетъ: «Самъ ли писатель Аннана сочинилъ эту повѣсть, или слышалъ ее отъ другихъ и только изложилъ ее въ художественной формѣ — это вопросы, которые нѣкоимъ образомъ не увеличиваютъ и не уменьшаютъ ея достоинства. Повѣсть есть и навсегда останется въ высшей степени достойна уваженія по своему происхожденію и по древности, которая можетъ быть доказана».

Нельзя не согласиться съ Бругшемъ, что эта повѣсть дѣйствительно заключаетъ въ себѣ не мало мотивовъ, встрѣчаемыхъ въ разныхъ современныхъ легендахъ и даже народныхъ сказкахъ. Соблазненіе добродѣтельнаго юноши замужнею женщиною встрѣчается въ очень многихъ литературныхъ произведеніяхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ (у насъ, въ особенности въ былинѣ о *Сорока каликахъ со каликой*); преслѣдованія мужа невѣрною женою, обмираніе его и превращеніе въ разныя существа, и, наконецъ, полное его торжество надъ всѣми вознями — все это мотивы также намъ извѣстные, *каждый въ отдельности*, изъ разныхъ восточныхъ и европейскихъ повѣстей и сказокъ. Но есть одинъ восточный рассказъ, гдѣ въ одной *неразрывной послѣдовательности* мы встрѣчаемъ, почти во всей полнотѣ, ту самую повѣсть, какую рассказывалъ египетскій писатель Аннана египетскому царевичу Сети Меренфтѣ.

Приведемъ ее здѣсь въ возможно краткомъ видѣ. Она можетъ послужить намъ для довольно-любопытныхъ заключеній.

Въ персидскомъ Шахъ-Намѣ огромное мѣсто занимаетъ исторія царевича Сіавуша, сына царя Кей-Кауса.

Когда пришли юношескіе годы Сіавуша, царь Кей-Каусъ,

¹⁾ *Claba*, Les Papyrus magique, Harris, Chalon-sur-Saône, 1860, 134—135.

испытавъ его въ теченіе 7 лѣтъ, далъ ему часть своего царства въ управленіе, и именно провинцію Кевертанъ. «Сердце царево, говоритъ Шахъ-Намъ, радовалось на его сына (царевича Сіавуша). Разъ Кей-Каусъ сидѣлъ съ Сіавушемъ, вдругъ Судабѣ (первая царская жена) показалась въ дверяхъ и неожиданно увидала Сіавуша. Она задумалась и сердце у ней сильно забилося. Пожалуй иной сказалъ-бы, что она была хороша словно кайма у ковра, что она блестѣла словно кусочекъ льда передъ огнемъ. Она послала одного человѣка къ Сіавушу, и говоритъ ему:—Ступай ты къ нему по секрету, и скажи, что-дескать въ новояхъ царскихъ женъ (гаремѣ) никто не удивится, если ты вдругъ пожалуешь туда. Посланный пошелъ и исполнилъ порученіе; но благородный Сіавушъ разсердился и сказалъ ему:—Я совсѣмъ не такой человѣкъ, что годится для женскихъ покоевъ; не ходи ты болѣе ко мнѣ, и не люблю хитростей и лжи.

На другой день Судабѣ приближала къ царю Иранскому и сказала ему:—«О царь народа, ни солнце ни луна не видали такого царя какъ ты, и никто на свѣтѣ не равняется твоему сыну. Да возрадуется весь свѣтъ твоему дитяти! Пошли-ка его къ твоимъ женамъ, къ его сестрамъ и твоимъ идоламъ (наложницамъ); и скажи ему: ступай въ женскіе покои, къ твоимъ сестрамъ, и ходи туда почаще. У всѣхъ женщинъ, завышенныхъ покрывалами, сердце налилось кровью и щеки омочены слезами, такъ онѣ его любятъ. Мы станемъ ему кланяться и надемъ ему подарковъ; мы тоже заставимъ и дерево почтенія принести плодъ». Царь отвѣчалъ: «ты добро говоришь, ты любишь его какъ сто матерей вмѣстѣ.» И Каусъ позвалъ Сіавуша и сказалъ ему: Крови въ жилахъ и любви не спрячешь. Пресвятой Богъ сдѣлалъ тебя такимъ, что кто тебя ни увидитъ, непременно полюбитъ. Богъ далъ тебѣ чистое рожденіе, и никогда ни одна мать не рожала такого чистаго ребенка, какъ ты. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ кто приходится тебѣ близкими по крови, какъ-же онѣ будутъ считать тебя за родного, когда будутъ видѣть только издали? За занавѣсами моихъ женскихъ покоевъ, сидятъ твои сестры, и Судабѣ для тебя все равно, что самая нѣжная мать. Сходи-ка, повѣдайся съ этими женщинами въ покрывалахъ, да побудь у нихъ немножко, пусть онѣ призовутъ милость Господню на тебя.—Сіавушъ выслушалъ рѣчь цареву и посмотрѣлъ на него смущеннымъ взглядомъ; онъ долго подумалъ внутри себя и постарался выгнать изъ сердца это безпокойство. Ему пришло въ голову, что отецъ хочетъ испытать его, чтобы посмотрѣть, что онъ думаетъ, потому что Каусъ былъ порядочный хитрага, съ лстивою рѣчью, человѣкъ осторожный, дальнзоркій и подозрительный. Онъ сказалъ про

себя:—«Плохо дѣло! Это все отъ Судаба идетъ; а если мнѣ не пойти въ женскіе покоемъ, она сдѣлаетъ такъ, что меня забранятъ.» Онъ и отвѣчалъ:—«Царь далъ мнѣ власть, тронъ и вѣнецъ. Отъ того мѣста, гдѣ восходитъ высокое солнце, чтобъ свѣтитъ міру, и до того, гдѣ оно садится, нѣтъ царя, котораго можно было бы съ тобой сравнить по добротѣ, мудрости, обращенію и хорошимъ совѣтамъ; но мнѣ нужны мобы (жрецы) и мудрецы, вельможи и люди опытные въ дѣлахъ; мнѣ нужны конья и палицы, стрѣлы и луки, чтобъ бросаться на ряды твоихъ враговъ; мнѣ нуженъ тронъ царскій, пышность придворная, пиры, вино и собесѣдники. Чему мнѣ учиться въ покояхъ царскихъ женъ? Вѣдь не женщины-же уважутъ путь мудрости! Но если того царь хочетъ, мое дѣло слушаться.» Царь сказалъ:—О сынъ мой, да будешь ты счастливъ! Да будешь ты всегда столпомъ разума! Мало я слышалъ такихъ хорошихъ рѣчей, и мудрость твоя будетъ все только расти, когда ты ужъ уразумѣлъ все это. Не давай подозрѣнію входить въ сердце твое, будь веселъ и ни о чемъ не безпокойся. Сходи ты только одинъ разъ, повидай этихъ молодущекъ, доставь имъ немножко удовольствія. Сіавушъ отвѣчалъ:—«Я пойду завтра утромъ, я сдѣлаю все, что сказалъ царь. Я стою передъ тобой какъ рабъ; я отдалъ свою душу и сердце твоимъ приказаніямъ. Я пойду какъ ты велишь, потому что ты царь и владыка міра, а я рабъ.»

Когда на другой день Сіавушъ вошелъ въ тареми, всѣ женщины прибѣжали къ нему на встрѣчу, веселыя и разряженныя, какъ въ праздникъ. Весь покой, отъ одного конца до другого, былъ полонъ муска, золота и шафрана; женщины стали бросать серебряныя монеты: подъ ноги Сіавушу, и перемѣшали вмѣстѣ множество рубиновъ и наумрудовъ, чтобъ осмызать его голову. Не видать было пола подъ китайской парчой; вся земля была покрыта самымъ отличнымъ жемчугомъ; были тутъ вино и музыка; слышно было пѣвцовъ, у которыхъ у наряда было по вѣнцу изъ драгоценныхъ камней на головѣ. Вся палата была убрана, словно парадизъ, и наполнена женщинами-красавицами и драгоценностями. Когда Сіавушъ пришелъ во входу большой залы, онъ увидалъ тамъ тронъ, сіяющій золотомъ, весь убитый бирюзой и украшенный парчой, достойной царя. На этомъ тронѣ сидѣла Судаба съ лицомъ, подобнымъ мѣсяцу, чудесная разноцвѣтными красками и благоуханіями, словно парадизъ. Она сидѣла, точно будто блестящая звѣзда, сама покрытая локонами волосъ, падающими одинъ на другой; у ней на головѣ была высокая корона, и косы ея волосъ, благоухающихъ мускомъ, висѣли до самыхъ ея ногъ. Передъ нею стояли въ порядкѣ ея

рабыни, со своими золотыми башмаками въ рукахъ, и наклонивъ голову къ землѣ. Только-что Сіавушъ переступилъ за занавѣсъ, Судабэ быстро сошла съ трона, пошла къ нему на встрѣчу граціознымъ шагомъ, и поклонилась ему; она долго прижимала его къ своей груди. Она стала цаловать ему лицо и глаза, и не могла насмотрѣться на молодого царевича. Она благодарила Бога на сто разныхъ манеровъ, и говорила: я стану молиться Богу и денно и ночью, потому что нѣтъ ни у кого такого сына какъ ты, и нѣтъ у царя дитяти, равнаго тебѣ. «Сіавушъ почувствовалъ, что это была за любовь, и что эта нѣжность была не по-божьему; онъ поскорѣе и подошелъ къ своимъ сестрамъ, потому что ему не по-сердцу было оставаться съ Судабэ. Сестры стали благословлять его, и усадили на золотомъ сѣдалищѣ. Онъ долго остался съ ними, потомъ воротился къ царю».

День спустя, царь, наученный своею влюбленною женою, снова принуждаетъ Сіавуша идти въ свой гаремъ: тамъ онъ долженъ теперь выбрать себѣ жену или наложницу. Только-что Сіавушъ вошелъ въ гаремъ, Судабэ начинаетъ спрашивать его, которую изъ всѣхъ находящихся тутъ красавицъ онъ выбираетъ. Сіавушъ молчитъ. «Тогда красавица съ лицомъ пери сняла съ чела своего покрывало, и сказала ему: Когда ты видишь, на ихъ блестящихъ тронахъ, солнце и молодую луну, что же тутъ мудренаго, что ты презришь луну и прижмешь къ груди своей солнце! Когда какой-нибудь человекъ увидитъ меня, сидящую на тронѣ слоновой кости, съ вѣнцомъ изъ рубиновъ и бирюзы на головѣ, нечего тогда удивляться, если онъ не станетъ больше смотрѣть на луну, и никого больше не считаетъ красавицей, кромѣ меня. Если ты согласенъ теперь сойтись со мной, и будешь вѣренъ, и успокоишь мою голову, я дамъ тебѣ одну изъ моихъ молодыхъ дочерей, чтобъ она стояла передъ тобою, какъ раба. Дай-же мнѣ теперь великую клятву и не отступай ни отъ чего того, что у тебя спрошу. Когда царь покинетъ этотъ міръ, ты замѣнишь его у меня, ты не станешь терпѣть, чтобъ кто-нибудь причинялъ мнѣ вредъ; ты будешь обожать меня, какъ свою собственную душу. Вотъ и стою передъ тобою какъ раба, я отдаю тебѣ свое тѣло и свою блестящую душу; что бы ты у меня ни спросилъ, я все исполню, и никогда не отворочу головы моей отъ твоего аркана.— Она крѣпко прижала губы свои къ щекамъ Сіавуша и поцѣловала его; она забыла всякій стыдъ и добродѣтель. Щеки Сіавушевы покраснѣли отъ стыда словно розы, и его рѣсницы вдругъ покрылись горячими кровавыми слезами. Онъ сказалъ въ дуплѣ своей: Да сохранить меня пре-

святая звѣзда отъ дѣла дива (злого духа)! Я не хочу измѣнять моему отцу, ни входить въ союзъ съ Ариманомъ. Если я стану холодно говорить съ этой безстыдной женщиной, ея сердце будетъ кипѣть и бѣшенство всю ее разожжетъ; тогда она втайнѣ сострапаетъ какую-нибудь колдовскую хитрость, и царь повѣритъ ея словамъ. Лучше будетъ сказать ей горячимъ голосомъ нѣсколько нѣжныхъ и лестныхъ словъ.—Вотъ онъ и отвѣчалъ потомъ Судабѣ: Нѣтъ на свѣтѣ женщины равной тебѣ; твоей красоты не съ чѣмъ сравнить, развѣ что съ луной, и никто тебя не достоинъ кромѣ царя. Съ меня уже довольно и того, что ты мнѣ отдаешь твою дочь, и не долженъ обладать никакою другою женщиной. Оставайся же въ своемъ намѣреніи, и скажи объ этомъ царю иранскому, и обрати вниманіе на то, что онъ тебѣ скажетъ. Я стану свататься за твою дочь и женюсь на ней, и вотъ тебѣ порукой мое слово, что я не подумаю ни о какой другой женщинѣ, пока она не доростетъ до моего роста. Ты вотъ говорила мнѣ еще про мое лицо, ты дала любви ко мнѣ войти въ твою душу. Богъ въ милости своей сдѣлалъ меня такимъ, каковъ я есть, о женщина, прекраснѣе всѣхъ на свѣтѣ! Держи про себя тайну свою и не сказывай ея никому; я же только и думаю, какъ бы ее скрыть. Ты первая изъ всѣхъ царицъ, и ты наша царица, а я смотрю на тебя все равно какъ на мать.—Онъ сказалъ это и оставилъ Судабѣ, а ея душа была полна любви въ нему.»

Послѣ того царица увѣряетъ Кей-Кауса, что Сіавушъ выбралъ себѣ ея дочь въ жены; царь радуется этому, и назначаетъ сыну множество сокровищъ, а Судабѣ произнесла про себя много колдовскихъ рѣчей и сказала сама себѣ: «Если Сіавушъ не исполнитъ того, что я хочу, я согласна, пусть онъ уничтожитъ мою душу, я употреблю все, что только есть на свѣтѣ тайныхъ и явныхъ средствъ; и если потомъ онъ все-таки отвернетъ отъ меня голову, я нажалуюсь на него царю. Послѣ того она сѣла на свой тронъ, съ чудными серьгами въ ушахъ и съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ. Она велѣла позвать къ себѣ Сіавуша, стала говорить ему обо всемъ этомъ и сказала: «Царь назначилъ тебѣ большія сокровища, богаче всѣхъ троновъ и діадемъ. Тутъ есть все, чего только ты можешь пожелать, безъ счета; еслибъ ты захотѣлъ перевести ихъ, понадобилось бы 200 слоновъ. А я, такъ хочу отдать тебѣ дочь свою. Но посмотри на мое лицо, мой лобъ и мой вѣнецъ, и скажи мнѣ; ну зачѣмъ ты это отвергаешь мою любовь, зачѣмъ ты удаляешься отъ моего лица и моего тѣла? Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидала, я все равно что мертвая, я плачу, я жалуясь, я вѣчно безпокойна, я

несчастлива. Я въ такой горести, что не вижу больше свѣтлаго дня, мнѣ кажется точно будто солнце потемнѣло. Вотъ ужъ цѣлыхъ семь лѣтъ, моя любовь заставляетъ меня проливать кровавыя слезы по щекамъ моимъ. Сдѣлай-же ты меня счастливой одинъ разъ втайнѣ, отдай ты мнѣ одинъ день своей молодости. Я тебѣ надѣлаю больше браслетовъ, вѣнцовъ и троновъ, чѣмъ даетъ тебѣ царь. Но если ты меня послушаешься, если твое сердце не выльбитъ моихъ мукъ, я лишу тебя этого царства, я затемню тебѣ солнце и луну». Сіавушъ отвѣчалъ: Никогда бы моей головѣ не вертѣться по вѣтру, какъ сердце пожелаетъ! Неужто мнѣ измѣнить своему отцу? Неужто мнѣ отступиться отъ добродѣтели и хорошаго поведенія? Ты царева жена и солнце, освѣщающее его тронъ—и ты же еще предлагаешь мнѣ такой грѣхъ?—Онъ всталъ со своего трона, съ негодованіемъ и гнѣвомъ; но Судабѣ схватила его за руки и сказала: Я тебѣ высказала свою душевную тайну, а ты скрылъ отъ меня свои дурные помыслы; въ своемъ безуміи, пожалуй, ты вздумалъ меня погубить, ты меня выставишь легкомысленною передъ добрыми людьми. И тутъ она тотчасъ же разодрала всѣ свои одежды, окровавила себѣ щеки ногтями, и наполнила своими криками покои царскихъ женъ. На улицѣ слышенъ былъ шумъ изъ дворца; оттуда слышны были голоса и крики, пожалуй, иной сказалъ бы, что ночь воскресенія мертвыхъ пришла. Дошелъ слухъ и до царя; онъ сошелъ со своего царскаго трона; полный подозрѣній, онъ покинулъ свой золотой тронъ, и побѣжалъ въ покои своихъ женъ. Придя туда, и видя, что лицо у Судабѣ все растерзано, а дворецъ полонъ всякой смуты, онъ сталъ спрашивать всѣхъ, кого только увидалъ; сердце у него съежилось, но ему и въ голову не приходило, что такое надѣлала эта женщина съ каменнымъ сердцемъ. Судабѣ подбѣжала къ нему; она испускала вопли, проливая кровавыя слезы, рвала на себѣ волосы, и закричала ему: Сіавушъ пришелъ къ моему трону, наложилъ руки на меня, и силою схватилъ меня, говоря: моя душа и мое сердце полны любви къ тебѣ; къ чему же это, красавица, ты противишься мнѣ? Съ самаго начала я только тебя и желалъ! Вотъ вся правда, я должна же сказать ее. Онъ сронилъ діадему съ моихъ мускусовыхъ волосъ, и вотъ ты видишь, какъ онъ разорвалъ мнѣ платье на груди. Царь задумался при этомъ разсказѣ, и сталъ много спрашивать Судабѣ. Онъ сказалъ про себя: если только она правду говоритъ, если она не о томъ хлопочетъ, чтобъ его оклеветать, надо будетъ отрубить голову Сіавушу; я этимъ сокрушу.

Послѣ того царь начинаетъ спрашивать Сіавуша, и тотъ

разсказываетъ какъ что было. Судабэ снова начинаетъ увѣрять Кей-Кауса, что Сіавушъ хотѣлъ изнасиловать ее, приводитъ цѣлыя его рѣчи. Царь не знаетъ, кому вѣрить, и наконецъ, придумываетъ обнюхать и своего сына, и свою жену. Тутъ онъ находитъ, что отъ Судабэ съ ногъ до головы пахнетъ виномъ, мускусомъ и розовой водой, а на Сіавушѣ онъ не найдетъ и тѣни этихъ запаховъ. Увѣрившись, такимъ образомъ, что Сіавушъ до нея не дотрогивался, царь оправдываетъ его. Но царица на этомъ не останавливается. Она подкупаетъ одну беременную служанку свою, вставляетъ ее выкинуть, и потомъ съ крикомъ и жалобами, объявляетъ Кей-Каусу и всѣмъ окружающимъ, что мертворожденные младенцы — ея дѣти отъ Сіавуша, послѣ его насилія. Царскіе астрологи гадаютъ по волшебнымъ своимъ книгамъ, и узнаютъ тамъ истину; но Кей-Каусъ, постоянно подымаемый царицей, все-таки еще не вѣритъ и, наконецъ, послѣднимъ средствомъ для того, чтобъ узнать истину, избираютъ огонь: если обвиняемый пройдетъ сквозь огонь цѣлъ и невредимъ, онъ значитъ правъ. Сіавушъ добровольно соглашается на это испытаніе. Тогда сто верблюжьихъ каравановъ привозятъ въ сто поѣздокъ столько дѣса, что его потомъ сложили двумя кучами вышиной до самого неба; эти кучи поливаютъ нефтью и двѣсти человекъ зажигаютъ костры. Тогда Сіавушъ, съ золотымъ шлемомъ на головѣ, весь въ бѣломъ, спокойный и улыбающійся, подѣзжаетъ на ворономъ конѣ къ своему отцу, и обливаетъ всего себя камфорой, по персидскому похоронному обычаю. Кей-Каусу такъ стыдно, что у него краска на лицѣ, но Сіавушъ успокоиваетъ его, говоря, что вѣрно такъ небо хочетъ, а потомъ онъ подѣхалъ къ костру и обращается къ Богу. «О Боже! говоритъ онъ, ты, что стоишь превыше всякой нужды, дай мнѣ пройти сквозь эту огненную гору, и избавь меня отъ стыда, который покрываетъ меня въ глазахъ моего отца!» потомъ онъ во весь опоръ свачетъ на своемъ конѣ, и пробѣзжаетъ сквозь горящіе костры цѣлъ и невредимъ. Кей-Каусъ обнимаетъ его, радуется за него и за себя, и велитъ повѣсить Судабэ, но Сіавушъ выпрашиваетъ ей у отца своего прощеніе.

Боясь дольше оставаться вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, который во всемъ слушается царицы Судабэ, Сіавушъ отпрашивается командовать персидскимъ войскомъ противъ туранскаго царя Афразіаба, сдѣлавшаго нашествіе на Иранъ. Но тутъ онъ скоро навлекаетъ на себя сильный гнѣвъ своего отца, потому что заключаетъ перемиріе съ Афразіабомъ, и участвуетъ въ его пирахъ. Кей-Каусъ велитъ сыну сдать начальство надъ войскомъ другому воеводѣ иранскому, а самому воротиться домой. Тогда

Сіавушъ; еще больше прежнего боясь вознѣи и ненависти царицы Судаба, посылаетъ сказать Афразіабу, что онъ хочетъ прійти жить въ нему, потому что ему теперь неблагоприятно было бы воротиться къ Кей-Каусу, котораго приказаній онъ не выполнилъ. «Хочу я, говоритъ Сіавушъ, сыскать себѣ такой утолочекъ на землѣ, гдѣ ничего бы не знали обо мнѣ Кей-Каусъ, гдѣ-бы я ничего не слыхалъ-бы про его дурныя намѣренія, и гдѣ-бы мнѣ можно было, хоть на нѣсколько времени, отдохнуть отъ борьбы съ нимъ.» Афразіабъ принимаетъ его съ распростертыми объятіями, его самою и его отрядъ — онъ въ восхищеніи, что иранское войско будетъ лишено теперь одного изъ главныхъ и самыхъ могучихъ богатырей своихъ. Много времени проходитъ въ праздникахъ и пирахъ, Афразіабъ обращается съ Сіавушемъ, точно съ самымъ любимымъ сыномъ, и наконецъ, по совѣту одного вельможи, отдаетъ за него замужъ свою дочь, Ференгизъ. «Красавица эта—говоритъ Шахъ-Намъ—старшая дочь царя туранскаго, и нѣтъ на землѣ такого лица подобнаго свѣтлой лунѣ, какъ у ней. Ея станъ стройнѣе кипариса, а голова покрыта вѣнцомъ чернаго мускуса. Ея добродѣтель и мудрость несравненны, и нѣтъ женщины, ей равной, во всемъ Кашмирѣ и Кабулѣ.» Афразіабъ, вѣстѣ съ дочерью, далъ цѣлую область Сіавушу, тотъ тамъ поселится какъ намѣстникъ царскій, перейдя море, выстраиваетъ для своего житія два города, именемъ — одинъ Гангдизъ, а другой Сіавушгирдъ, такіе города, которыхъ, по словамъ Шахъ-Намъ, нельзя было по врасотѣ и по накопленнымъ тамъ богатствамъ сравнить ни съ какимъ другимъ городомъ. Но победѣ (жрецы) тутъ же предсказываютъ Сіавушу, что онъ не долго проживетъ, и умретъ насильственною смертію.

И дѣйствительно, скоро обрушиваются на Сіавуша несчастія. Родной братъ Афразіаба, Герзивецъ, завидуя Сіавушу и въ силѣ, и въ богатствѣ его, и въ счастіи и въ царской милости, клеветѣтъ на него Афразіабу, и увѣряетъ туранскаго царя, что Сіавушъ хочетъ измѣнить ему и перейти опять къ иранцамъ, и вотъ лучшее тому доказательство: Афразіабъ вотъ уже два раза посылаетъ сказать Сіавушу, чтобъ онъ со своей женой, Ференгизъ, ѣхалъ повидаться съ царемъ, а Сіавушъ не ѣдетъ, и только подъ разными предлогами отговаривается. Афразіабъ вѣритъ клеветѣ и тотчасъ же идетъ на зятя своего съ войскомъ. Тогда Сіавушъ рассказываетъ своей женѣ Ференгизъ сонъ свой, изъ котораго онъ знаетъ все, что должно съ нимъ случиться; говоритъ, что вотъ теперь придетъ Афразіабъ, его схватятъ и убьютъ, а она родитъ послѣ него сына, который вырастетъ и сдѣлается

великимъ царемъ и отомстить за него. Ференгизъ плачетъ и мечется въ отчаяннѣ, но помочь дѣлу нечѣмъ.

Сіавушъ выходитъ на встрѣчу Афразіабу съ маленькимъ своимъ отрядомъ иранцевъ, тѣ готовы храбро биться съ туранцами, но этихъ гораздо больше и, шадя своихъ спутниковъ, Сіавушъ не велитъ имъ сражаться. Его скватываютъ, приводятъ къ Афразіабу, и тотъ велитъ казнить. Тутъ прибѣгаетъ дочь его, красавица Ференгизъ, и умоляетъ его помиловать Сіавуша, вмѣстѣ и ласкаясь къ отцу, и гроя бѣдами, которыя неминуемы для туранцевъ, если они убьютъ иранскаго царевича. Но ничѣмъ не промятъ Афразіабъ: онъ теперь точно бѣшенный и велитъ запретъ дочь свою въ одинъ далекій покой дворца Сіавуша. Потомъ Сіавуша потащили вонъ за городъ, и тутъ одинъ изъ царскихъ приближенныхъ, именемъ Геруи-Зерэ, столько же ненавидѣвшій Сіавуша и завидовавшій ему, какъ Герзивецъ, схватилъ блестящій кинжалъ Герзивецовъ, чтобъ пролить кровь Сіавушеву. Онъ волочилъ его за волосы до самаго того мѣста, гдѣ однажды Сіавушъ и Герзивецъ метали свои стрѣлы въ день игры¹⁾.

Придя туда, подлый Геруи-Зерэ, который только одно и любилъ, какъ бы сдѣлать какое вло, бросилъ объ-полъ Сіавуша, слона ужаснаго, безъ всякой жалости къ царевичу, безъ всякаго страха Божія. Онъ поставилъ передъ Сіавушемъ золотой сосудъ, завернулъ ему горло какъ барану, и отдѣлилъ голову отъ тѣла, подобнаго серебряному кипарису. Тогда кровь потекла въ сосудъ. Потомъ Геруи-Зерэ снесъ тотъ сосудъ туда, куда велѣлъ Афразіабъ, вылилъ его, и тотчасъ же изъ этой крови выросло растеніе, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вылили сосудъ. Это растеніе зовутъ *Сіавушева* (драконова) *кровь*.

Тутъ весь дворецъ наполнился плачемъ и стономъ; всѣ рабыни распустили свои волосы, а «Ференгизъ отрѣзала длинную прядь своихъ черныхъ волосъ и повязала себя ею поперегъ тѣла; она разодрала ногтями свои розовыя щеки, громкимъ голосомъ проклиная душу Афразіабову, и проливая слезы.» Узнавъ обо всемъ этомъ, царь пришелъ въ такую ярость, что велѣлъ палачамъ схватить свою дочь, царицу Ференгизъ, волочить ее за волосы по землѣ и колотить палками до тѣхъ поръ, пока она не выкинеть младенца, которымъ беременна. Приближенные Афразіабъ, приведенные въ негодованіе такимъ варварскимъ приказаніемъ, съ большимъ трудомъ успѣваютъ отговорить его. Однакоже онъ, наконецъ, соглашается, Ференгизъ уѣзжаетъ въ свой городъ, и

¹⁾ На этихъ играхъ Сіавушъ побѣдилъ всѣхъ туранскихъ богатырей, въ томъ числѣ Герзивца и Геруи-Зерэ, и это была одна изъ главныхъ причинъ ихъ ненависти.

тамъ рождаетъ сына Сіавушева, Кей-Хозру. Скоро потомъ въ Иранѣ узнаютъ про несчастную участь Сіавуша, одинъ изъ богатѣйшей Кей-Каусовыхъ ѣдетъ за маленькимъ Кей-Хозру, отыскиваетъ его и привозитъ въ Иранъ, вмѣстѣ съ матерью его, царицею Ференгизъ. Царь съ радостью принимаетъ своего внука, осыпаетъ его всякими богатствами, и дѣлаетъ предводителемъ надъ войскомъ, а вскорѣ потомъ оставляетъ тронъ свой и возводитъ на него Кей-Хозру. Правленіе Кей-Хозру продолжается 60-тъ лѣтъ, и послѣ него правленіе переходитъ въ руки дяди его, Лограспа и сына его Гуштаспа.

Египетская «повѣсть о двухъ братьяхъ» написана въ XIV вѣкѣ до Р. Хр., а персидская поэма «Шахъ-Намэ» явилась на свѣтъ въ XII-мъ вѣкѣ по Р. Хр., значитъ между нашими двумя разсказами есть, по крайней мѣрѣ, 2600 лѣтъ разстоянія, и значитъ, мудрено было бы ожидать не только совершеннаго тождества, но даже каковаго-нибудь слишкомъ близкаго сходства. И однакоже, такое сходство, такое тождество — есть; оно столь поразительно, что трудно было бы его не замѣтить.

Молодая замужняя женщина (жена Анепу = Судаба) влюбляется въ юношу, мужнина брата или сына (Батау = Сіавуша). Самъ мужъ (Анепу = Кей-Каусъ) посылаетъ юношу къ своей женѣ, и тѣмъ даетъ поводъ къ признанію въ любви со стороны своей жены. Она говоритъ юношѣ, что давно уже смотритъ на него и давно уже находитъ его прекраснымъ и могучимъ, и предлагаетъ ему свою любовь, но онъ не поддается обольщенію, и объявляетъ влюбленной женщинѣ, что предложеніе ея — «великій грѣхъ», что «онъ смотритъ на нее какъ на свою мать, а на ея мужа какъ на своего отца», и обѣщается никому не говорить о ея предложеніяхъ. При описаніи молодой женщины большую роль играютъ, въ обоихъ разсказахъ, ея волосы: въ египетскомъ разсказѣ, она въ это время заплетаетъ свои волосы, персидскій также съ особенною тщательностью упоминаетъ, именно въ этомъ самомъ мѣстѣ разсказа, о волосахъ героини. Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, она бросается на полъ, разрываетъ на себѣ одежды, и когда мужъ возвращается домой, то находитъ ее лежащею на полу. Она клеветаетъ на молодого человѣка, въ котораго сама влюблена, мужъ ей вѣритъ и хочетъ сначала убить его, но потомъ убѣждается въ его невинности. Его всего болѣе убѣждаетъ въ этой невинности то грозное тѣлесное испытаніе, которому подвергаетъ себя оклеветанный юноша: въ египетскомъ разсказѣ, Батау отсѣкаетъ у себя членъ тѣла и бросаетъ его въ

воду, въ персидскомъ — Сіавушъ самъ бросается всѣмъ тѣломъ своимъ въ огонь, и оба выходятъ изъ этого *очистительнаго испытанія* цѣлы и невредимы. Послѣ того, преслѣдуемый юноша навсегда покидаетъ свою родину и своего отца или брата, переселяется въ чужую землю, устраиваетъ тамъ себѣ новое жилище (Батау, — хижину, Сіавушъ — дворецъ) и женится на дѣвушкѣ чудной красоты, но при этомъ получаетъ предсказаніе о близкой смерти: Батау получаетъ отъ боговъ предсказаніе о смерти своей жены, Сіавушъ получаетъ отъ мубедовъ или жрецовъ предсказаніе о собственной своей смерти. Наконецъ, преслѣдуемый враждебною ему женщиною герой разсказа погибаетъ, и въ обоихъ разсказахъ это происходитъ совершенно одинакимъ образомъ: его, по приказанію царскому, зарѣзываютъ въ присутствіи цѣлой толпы народа; его кровь брызжетъ на землю, и на этомъ самомъ мѣстѣ вырастаетъ изъ его крови дерево или растение. Послѣ смерти героя, его жена остается беременна, и скоро потомъ родитъ сына, котораго царь дѣлаетъ впослѣдствіи своимъ наслѣдникомъ, а послѣ и его смерти, царская власть переходитъ въ другое колѣно того же рода.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь два изложенія: египетское и персидское, одного и того же разсказа. Но, спрашивается, отчего же зависитъ такое сходство, откуда оно взялось?

Когда принять въ соображеніе хронологическія данныя, когда вспомнить, что египетская повѣсть существовала уже за 14-вѣковъ до Р. Хр., а персидская поэма появилась не ранѣе XII-го столѣтія по Р. Хр., по-неволѣ сначала подумаешь, что персидскій разсказъ произошелъ отъ египетскаго. Сношенія Запада съ Востокомъ извѣстны, такъ точно, какъ извѣстно вліяніе (въ сравнительно говоря позднее время) Египта на разныя азіатскія государства. Ничего нѣтъ легче, какъ предположить, что египетскій разсказъ былъ загнанъ въ Азію, долго обращался тамъ въ разныхъ формахъ и, наконецъ, въ числѣ множества другихъ народныхъ легендъ, вошелъ въ XII столѣтіи по Р. Хр. въ составъ поэмы Шахъ-Намѣ. Но когда станешь пристальнѣе вглядываться въ составъ и фیزیономію египетской повѣсти, скоро придешь къ заключенію, что она не есть произведеніе первоначальное, самостоятельное, а должна быть признана довольно неловкимъ и нѣсколько испорченнымъ пересказомъ какого-то разсказа гораздо болѣе древняго и удовлетворительнаго.

Египетская повѣсть о двухъ братьяхъ состоитъ изъ двухъ половинъ, и въ обѣихъ половинахъ дѣйствуетъ все одинъ и тотъ же мотивъ: женщина преслѣдуетъ своею ненавистію или мщеніемъ

мужчину. Въ первой половинѣ, это братъ ея мужа; во второй половинѣ, это ея собственный мужъ, а между тѣмъ, тутъ передъ нами дѣйствуетъ не одна и та же женщина, съ извѣстнымъ определеннымъ характеромъ, а двѣ разныя женщины, не имѣющія ничего общаго. Откуда такой странный параллелизмъ, и какаго цѣль? Въ персидской поэмѣ его уже нѣтъ: тамъ тоже на сценѣ являются двѣ женщины, но первая изъ нихъ преслѣдуетъ юношу, въ котораго влюблена, а вторая—это уже его жена, изъ послѣдующей эпохи его жизни, жена, которая въ противоположность первой женщинѣ, покровительствуетъ и помогаетъ ему. Тутъ уже герой разсказа не играетъ комической роли слабаго какого-то человѣка, котораго непремѣнно какою-нибудь да женщина преслѣдуетъ; здѣсь событіе и личности, окружающія героя, разнообразны. Далѣе, въ египетской повѣсти многіе мотивы не выдѣланы, или точнѣе сказать не додѣланы, не досказаны. Такъ, напр., Батау велитъ своему брату ждать терпѣливо и искать его душу 7 лѣтъ, и онъ черезъ это оживетъ, а между тѣмъ оживаніе происходитъ совершенно вопреки предсказанію, на 4-мъ году, такъ-что предсказаніе оказывается здѣсь и совершенно фальшивымъ, и совершенно напраснымъ. Точно также, боги предсказываютъ, что созданная ими женщина погибнетъ, но этого на дѣлѣ не оправдывается: въ разсказѣ вовсе ничего нѣтъ о смерти этой женщины. Опять предсказаніе фальшивое и лишнее, тѣмъ болѣе поразительное, что оно исходитъ отъ верховныхъ боговъ. Въ самомъ концѣ разсказа, герой его, родившійся въ новомъ видѣ у своей-же собственной жены (?), созываетъ, послѣ смерти фараоновой, вельможей и придворныхъ его, и, въ присутствіи матери своей (та же и прежняя жена его) разсказываетъ имъ всю жизнь свою, и даетъ этой женѣ своей узнать себя, и тѣ вельможи «произносятъ свое сужденіе.» Что за такое сужденіе они произносятъ и на что оно тутъ является въ повѣсти, и какія имѣетъ послѣдствія, и вообще, къ чему служить весь разсказъ новаго фараона—всего этого повѣсть ни однимъ словомъ не объясняетъ. Наконецъ, въ заключеніе всего, упоминается, что послѣ смерти этого фараона, ему наслѣдовалъ братъ его—опять подробность, къ дѣлу вовсе не идущая, и ни въ какомъ отношеніи не нужная для повѣсти. Все вмѣстѣ заставляетъ предполагать, что у насъ тутъ передъ глазами мотивы искаженные, гдѣ-то и когда-то изложенные, въ совершенно иномъ, настоящемъ своемъ видѣ.

Въ персидской поэмѣ, которую нельзя не признать болѣе близкимъ (хотя и несравненно болѣе позднѣйшимъ) отраженіемъ мотивовъ первоначальныхъ, всѣ подробности разсказа имѣютъ

свое основаніе, свое строго-опредѣленное значеніе и свои логическія причины, какъ это бываетъ со всѣми народными разсказами, не растерявшими, во время долгаго странствованія своего по разнымъ племенамъ и столѣтіямъ, первоначальнаго своего разумнаго, простаго и яснаго склада. Если въ персидской поэмѣ есть предсказанія выплхихъ силъ или существъ, то они тутъ являются не праздно, не напрасно, а для того, чтобъ непременно осуществиться впослѣдствіи. Такимъ образомъ, напримѣръ, мобы предсказываютъ смерть Сіавушу, и, послѣ того, весь разсказъ клонится къ тому, чтобъ показать, какимъ именно образомъ то предсказаніе выполнилось. Такъ точно, и въ Шахъ-Намѣ говорится, въ концѣ жизнеописанія Кей-Хозру, что послѣ него правленіе перешло не къ прямымъ нисходящимъ, а къ вѣннмъ наслѣдникамъ въ восходящей линіи родства. Но это имѣетъ здѣсь свои глубокія причины. Вся исторія Сіавуша, по замѣчанію Шпигеля, есть не что иное, какъ разсказъ о томъ, какъ смертью этого царевича исполнилась кара въ домѣ Кейанидовъ за совершенное ихъ предками незаконное, вопіющее убійство Айріу. Сама судьба влечетъ молодого богатыря Сіавуша, поссориться съ отцемъ своимъ, Кей-Каусомъ, для того, чтобъ этотъ царевичъ перешелъ къ злѣйшему врагу своей родины, туранскому царю Афразіабу, и наконецъ былъ убитъ имъ. Правда, сынъ его, Кей-Хозру, наслѣдуетъ своему дѣду, который, изъ раскаянія, покидаетъ престолъ и добровольно уступаетъ его своему внуку, но все-таки царская власть не остается въ этомъ колѣнѣ, и послѣ Кей-Хозру (добровольно пошедшаго искать себѣ смерти на вершинѣ снѣжныхъ горъ), она переходитъ къ Лограспу и его сыну Гуптаспу, потомкамъ невинно убитаго Айріу ¹⁾. Все это въ египетской повѣсти утрачено, и переходъ Батау въ чужую страну, гибель его, переходъ царской власти въ другое колѣно — все это, хотя и разсказано, но ни одинъ мотивъ, условливающий событія и дѣйствія, не уцѣлѣлъ, и вмѣсто того, на лицо остался какой-то темный, ничѣмъ необъяснимый хаосъ.

Но откуда зашелъ этотъ разсказъ въ Шахъ-Намѣ, не позднѣе-ли онъ происхожденія, не позднее-ли это распространеніе мотивовъ, полученныхъ изъ Египта? Нѣтъ, мы не имѣемъ ни малѣйшей надобности останавливаться на такомъ предположеніи, потому что имѣемъ точныя свѣдѣнія объ источникахъ, откуда разсказъ о походѣ Сіавуша зашелъ въ персидскую поэму XII-го вѣка. Въ своихъ превосходныхъ изслѣдованіяхъ о Зендавестѣ, Шпигель замѣчаетъ, что, безъ малѣйшаго сомнѣ-

¹⁾ Spiegel, Avesta, Leipzig, 185, III, Einleitung, LXII—LXV.

нія, легенда о Сіавушѣ была извѣстна сочинителямъ Зендавесты: въ разныхъ мѣстахъ этого творенія, указываемыхъ имъ, мы встрѣчаемъ разбросанныя черты, изъ которыхъ возстановляется та самая исторія о кровной мести двухъ поколѣній, которая составляетъ основу разсказа Шахъ-Намэ о Сіавушѣ. Въ Зендавестѣ Сіавушъ является подъ именемъ Сіаваршана, Кей-Каусъ подъ именемъ Кави-Кавата, Афразіабъ — подъ именемъ Фраграсе, Кей-Хосру — подъ именемъ Кава-Хусрава, Кай-Лограспъ — подъ именемъ Лурватъ-аспа, Гуштаспъ — подъ именемъ Вистаспа. Цѣнь событій та же. Сіаваршана убѣгаетъ отъ своего отца къ Фраграсенѣ и невинно претерпѣваетъ отъ него смерть, но этою смертію исполняется предопредѣленіе — осуществлено кровавое мщеніе, и Вистаспа восходитъ, въ концѣ событій, на тронъ Ирана ¹⁾.

Какое же заключеніе исходитъ изъ всего этого? Заключеніе, имѣющее для исторіи значеніе, быть можетъ, не маловажное.

Шамполлионъ и ближайшіе его послѣдователи считали египтянъ племенемъ, принявшимъ свое оригинальное образованіе, всю свою культуру, получившимъ характерную фizioномію свою отъ племенъ африканскихъ, отъ эеіоплянъ ²⁾. Но новѣйшая наука не вѣритъ болѣе такому ходу исторіи, съ тѣхъ поръ, какъ изучила памятники эеіопскаго искусства, и узнала, что не египтяне отъ эеіоповъ, а эеіоны заимствовали отъ египтянъ (и притомъ въ эпоху упадка Египта). Эта наука замѣтила, что есть значительное сходство между догматами и вѣрованіями египетскими и индійскими: такъ, напримѣръ, египетское вѣрованіе въ переселеніе душъ, вѣрованіе въ соединеніе души, послѣ смерти человѣка, съ солнцемъ, вѣрованіе въ поѣзду солнца на ладѣ — все это догматы, существующіе уже и въ Ведахъ ³⁾. Эта наука признаетъ теперь египтянъ выходцами изъ Азіи, и приводитъ въ доказательство очень много самыхъ существенныхъ подробностей, рѣшающихъ дѣло, какъ-то: желтый цвѣтъ тѣла древнихъ египтянъ, по памятникамъ (въ чемъ они совершенно сходятся съ монгольской расою); волосы, заплетенные у египетскихъ знатныхъ юношей въ одну косу (какъ у татарскихъ племенъ); отъращеніе египтянъ отъ моря (что напоминаетъ жизнь первоначальныхъ арійскихъ племенъ въ срединной Азіи, далеко отъ значительныхъ водныхъ пространствъ); обожаніе священнаго вола и воздержаніе отъ мяса (какъ у древнихъ индійцевъ), наконецъ,

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Champollion, *Récis de lecture des écritures égyptiennes*, Paris, 1828, Conclusion, 4.

³⁾ Benfey, *Orient und Occident*, m. III, статья Бенфея, «Indien und Egypten», 168—171.

даже самое бальзамированіе, которое не могло возникнуть на египетской почвѣ потому, что для него всегда употреблялась смола, получаемая изъ Мертваго моря ¹⁾. Наконецъ, новая наука считаетъ египтянъ такими выходцами изъ Азіи, которые всегда съ трудомъ подвергались измѣненіямъ расы и національных особенностей посредствомъ смѣшенія съ чуждыми племенами ²⁾.

Не даетъ-ли намъ все это право заключить, даже и *a priori*, что и въ дѣлѣ литературы и поэзіи, гдѣ всегда такъ ярко выражаются особенности, характеръ и вкусы науки, древніе египтяне нецеремѣнно и очень крѣпко держались своихъ коренныхъ, азіатскихъ основъ, и что у нихъ въ литературномъ обращеніи были по преимуществу все только мотивы, принесенные ими съ собою изъ Азіи, или впоследствии оттуда полученные, но только получившіе уже нѣсколько новый, африканскій колоритъ? Но мы не нуждаемся въ такихъ соображеніяхъ, *a priori*, когда имѣемъ въ рукахъ факты, прямо ведущіе къ доказательству этого самаго.

Безъ сомнѣнія, новыя открытія, новыя изслѣдованія маленькой, но энергической фаланги современныхъ египтологовъ скоро увеличатъ самымъ значительнымъ образомъ списокъ литературныхъ и поэтическихъ созданій древняго Египта, и у повѣсти «О двухъ братьяхъ» скоро найдутся не менѣе ея важныя и интересные товарищи. Безъ сомнѣнія, эти произведенія будутъ встрѣчены, какъ и эта повѣсть, всеобщимъ любопытствомъ и участіемъ. Но, не смотря на всѣ могущія тамъ найтись достоинства, формы и содержанія, они будутъ имѣть особенно важное для насъ и нашихъ потомковъ значеніе въ томъ отношеніи, что будутъ все болѣе и болѣе разъяснять одинъ изъ любопытнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ вопросовъ исторіи, вопросъ о томъ, какія племена молодого, начинающаго жить, человѣчества, были одарены способностями оригинальнаго, самостоятельнаго творчества, и какія — только способностями заимствованія, подражанія и переработыванія; наконецъ, вопросъ о томъ, какая была умственная и поэтическая пища этихъ племенъ, въ первыя столѣтія исторической жизни народовъ.

Сколькимъ предразсудкамъ прежняго времени суждено при этомъ погибнуть навсегда!

Влад. Стасовъ.

¹⁾ Sharpe, Geschichte Egypten, deutsch. bearbeitet von Iolowicz. Leipzig, 1857, I, 3.

²⁾ Brugsch, Histoire d'Egypte, Leipzig, 1859, I, 1—13.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

1870-го года,

(Нерѣшенный вопросъ.)

«При быстромъ у насъ развитіи гражданской жизни и при томъ постепенномъ уясненіи, какое не можетъ не послѣдовать за приведеніемъ въ исполненіе крестьянской реформы, трудно, или лучше сказать, невозможно сковывать общественную жизнь и развитіе на цѣлыхъ девять лѣтъ, заранее установляя тѣмъ для него предѣлы, концы общество, при всей готовности своей и зрѣлости, не могло бы ни въ какомъ случаѣ преступить и расширять.»

Допол. докл. хоз. отд. № 8, стр. 48.

19-го февраля 1870 года, для временно-обязанныхъ крестьянъ начнется новая эпоха *свободнаго труда*: статья 120-ая мѣст. прав. ограничиваетъ срокъ, въ теченіи котораго крестьяне обязаны удерживать въ своемъ пользованіи, за установленныя повинности, отведенную имъ мѣстную землю, безъ права отказа; а статьи 128 — 131 указываютъ тѣ условія, при которыхъ, по истеченіи 9-ти лѣтъ, отдѣльные временно-обязанные крестьяне получаютъ право отказаться отъ такого обязательнаго пользованія и возвратить земли помѣщику. Минута важная, снова заставляющая миллионы людей задуматься и переменить весь строй своего семейнаго, домашняго быта, на этотъ разъ помимо всякой опеки, по указанію собственнаго сознанія. Чтобы освѣтить истиннымъ свѣтомъ всю важность этой минуты, мы обратимся къ его источнику — трудамъ редакціонныхъ комиссій.

Въ докладѣ № 8 хозяйственнаго отдѣленія «о правѣ пользованія крестьянъ отводимымъ имъ надѣломъ,» — по разсмотрѣніи проектовъ положеній, представленныхъ отъ первыхъ 21 губерній, приведены слѣдующія соображенія отдѣленія:

«Единоголасное постановленіе всѣхъ губернскихъ комитетовъ объ обязательности для крестьянъ пользованія, за извѣстную повинность, предназначаемымъ имъ земельнымъ надѣломъ не можетъ быть, конечно, разсматриваемо, какъ явленіе совершенно случайное. Въ основаніи этого единоголасія кроются причины, далеко не лишеныя важности, обуславливаемыя всю совокупностію нашего сѣвско-хозяйственнаго быта, и которыя, по этому самому, не могутъ и не должны быть упущены изъ виду законодателемъ.

«Первая и ближайшая изъ всѣхъ этихъ причинъ коренится въ интересахъ самого дворянскаго сословія, какъ главнаго, или, вѣрнѣе сказать, почти исключительнаго въ Россіи землевладѣльца на частномъ правѣ собственности. Землевладѣніе это, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, въ силу положительнаго закона основанное на обязательныхъ отношеніяхъ крестьянина къ почвѣ, безъ всякаго сомнѣнія должно бы подвергнуться слишкомъ значительному и неизбежному разстройству, если бы тотъ же законъ рѣшился мгновенно измѣнить всѣ прежнія отношенія и съ единого раза замѣнить совершенную крѣпость безусловною свободою. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, надѣленныхъ отъ природы особеннымъ богатствомъ почвы или отличающихся особенною густотою народонаселенія, мгновенный кризисъ могъ совершиться безъ ощутительной невыгоды для дворянства, отозвавшись наоборотъ болѣе или менѣе тягостно на сословіи крестьянскомъ. Напротивъ, въ далеко большей части случаевъ помѣщичьи хозяйства не вынесли бы такого крутого разрыва всѣхъ прежнихъ обязательныхъ отношеній, обезпечивающихъ имъ доселѣ дешевыя рабочія силы, или выгодныхъ арендаторовъ почвы; и экономическое преобразование, задуманное въ видахъ лишь постепеннаго пересозданія взаимныхъ отношеній двухъ классовъ, неизбежно, мгновенно и исключительно легко бы всѣмъ своимъ бременемъ на одно изъ этихъ сословій.

«Съ другой стороны, однако, не возможно также приносить на неопредѣленное время лучшія выгоды крестьянскаго сословія въ жертву требованіямъ помѣщичьяго хозяйства и сдѣлать для крестьянъ: или навсегда, или на долго временный срокъ обязательнымъ пользованіе за опредѣленную повинность дворянскими землями, единственно лишь для того, чтобы предотвратить нарушеніе существующаго хозяйственнаго строя въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Такое направленіе было бы несогласно съ логическими требованіями зачатого преобразованія и съ ясно выраженною въ высочайшихъ рескриптахъ цѣлю *„улучшенія и упроченія быта крестьянъ“*.

«Для возможнаго соглашенія выгодъ обоихъ сословій, для достиженія указанной цѣли улучшенія и упроченія быта крестьянъ, согласно высочайше выраженной въ рескриптахъ воли, *съ должною постепенностію, безъ нарушенія хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній*, отдѣленіе считаетъ необходимымъ, вмѣнивъ на первое время крестьянскимъ обществамъ въ непремѣнную обязанность принятіе назначаемаго имъ поземельнаго надѣла въ пользованіе за опредѣленную повинность, *ограничить вмѣстѣ съ тѣмъ такую возлагаемую на нихъ тяготу извѣстнымъ, заранее опредѣленнымъ срокомъ*.

«Взявъ во вниманіе, что, согласно указанію г. министра внутреннихъ дѣлъ, срокъ этотъ не долженъ, ни въ какомъ случаѣ, превышать 12 лѣтъ, и что нѣкоторые губернскіе комитеты предложили отчасти сократить его до 6 и даже до

3-хъ лѣтъ; сознавая, дажѣ, что не однѣ только выгоды многочисленнаго крестьянскаго сословія, но еще и общій интересъ всей страны, требуетъ возможно скорѣйшаго водворенія болѣе правильнаго экономическаго быта и свободныхъ сословныхъ отношеній, хозяйственное отдѣленіе считаетъ, съ своей стороны, возможнымъ ограничить указанный срокъ девятью годами, какъ срокомъ вполне достаточнымъ и представляющимъ какъ бы цифру среднюю между всеми разнообразящими требованіями.

„По истеченіи этого девяти-лѣтняго срока, прекращается для крестьянскихъ обществъ всякая обязанность пріема на дальнѣйшее время земель крестьянскаго надѣла въ пользованіе за установленную повинность; хотя, съ другой стороны, однимъ только наступленіемъ этого срока нисколько не снимается съ помѣщика безсрочно лежащая на немъ обязанность предоставленія крестьянамъ той же надѣла и за ту же повинность на случай, если бы крестьяне отъ такого пользованія не отказались добровольно.“

Итакъ, важность 19-го февраля 1870 года отъкрывается во всей своей свѣтлой обстановкѣ: съ той поры водворился, «въ видахъ общаго интереса страны, болѣе правильный экономическій бытъ и свободныя сословныя отношенія.»

Для достиженія этой цѣли, хозяйственное отдѣленіе, въ томъ же журналѣ, признало необходимымъ слѣдующія мѣры:

а) *Относительно отказа цѣлыми обществами.*

По истеченіи девяти-лѣтняго срока крестьянское общество получаетъ право, въ цѣломъ составѣ своемъ, отказываться, безъ согласія на то помѣщика, отъ права безсрочнаго пользованія всѣмъ земельнымъ своимъ надѣломъ, лишь съ соблюденіемъ тѣхъ условій, которыя правительствомъ для этого *будутъ постановлены*. Условія эти могутъ имѣть предметомъ или *переселеніе крестьянскаго общества на казенныя земли*, или *пріобрѣтеніе крестьянами себѣ въ собственность извѣстнаго количества земли въ другой мѣстности*, дабы, во всякомъ случаѣ, быть крестьянъ былъ надлежащимъ образомъ обезпеченъ.

Примѣчаніе. По отказѣ цѣлаго крестьянскаго общества отъ права безсрочнаго пользованія земельнымъ надѣломъ, послѣдній окончательно присоединяется къ землямъ владѣемымъ помѣщикомъ, на правѣ полной собственности. (Ст. 6 докл.).

б) *Относительно отказа цѣлыми обществами и отдѣльными лицами.*

Если цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ или отдѣльными членами его выкуплены будутъ усадьбы въ собственность, то крестьяне, по истеченіи 9-лѣтняго срока, имѣютъ право отказаться отъ пользованія за повинность полевымъ надѣломъ, не лишаясь чрезъ то пріобрѣтеннаго ими права собственности на усадьбы.

с) *Относительно отдѣльныхъ лицъ.*

Условія эти опредѣлены, — за исключеніемъ нѣкоторыхъ мел-

нихъ подробностей, въ томъ видѣ, какъ онѣ вошли въ 128 и 129 ст. мѣст. пол. (см. подробно ниже).

Въ такомъ видѣ мѣры эти приняты и утверждены журналомъ общаго присутствія отдѣлений (№ 38). По разсмотрѣніи проектовъ положеній отъ 15-ти остальныхъ комитетовъ, ни хозяйственное отдѣленіе, ни общее присутствіе не измѣнили своихъ заключеній по этому предмету, какъ видно изъ *«дополнительнаго доклада хозяйственнаго отдѣленія къ № 8»*.

Въ третьемъ періодѣ дѣятельности редакціонныхъ комиссій, когда выслушаны были отзывы депутатовъ, присланныхъ отъ губерній обоихъ призывовъ, въ журналѣ общаго присутствія комиссій (№№ 128, 129 и 130, перв. изд. мат. редакц. ком. III періодъ, ч. XIII, стр. 231), соображенія того же хозяйственного отдѣленія относительно права отказа отъ земли со стороны цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ изложены слѣдующимъ образомъ:

«Что касается до общаго вопроса о томъ, можетъ ли быть допущенъ, по истеченіи девяти лѣтъ и на какихъ основаніяхъ, отказъ цѣлыхъ обществъ отъ пользованія землею, для переселенія на казенныя или на инныя земли, то отдѣленіе уже прежде заявляло въ заключеніяхъ своихъ, что это можетъ быть дозволено во всякомъ случаѣ, лишь съ соблюденіемъ тѣхъ особенныхъ условій, которыя будутъ для этого правительствомъ установлены. Внимательный вновь пересмотръ этого вопроса, въ связи съ отзывами гг. членовъ отъ губернскихъ комитетовъ, еще болѣе убѣждаетъ отдѣленіе въ томъ, что по оному едва ли могутъ быть нынѣ составлены какія бы то ни было удовлетворительныя предположенія. Разрѣшеніе его потребуетъ особенной осторожности, дабы не нарушить основнаго начала предпринятаго преобразования; къ тому же оно можетъ быть постепенно подготовлено лишь тѣми практическими требованіями, которыя обнаружатся впоследствии, по мѣрѣ того, какъ будутъ возникать отдѣльные случаи. Всякая попытка опередить и предугадать обстоятельства, могущія открыться лишь по истеченіи цѣлаго девятилѣтія, было бы въ этомъ случаѣ преждевременно. Поэтому, хозяйственное отдѣленіе, удовольствовавшись нынѣ однимъ лишь общимъ указаніемъ предмета, который впоследствии не можетъ на обратитъ на себя вниманія правительства, подавало бы устранить нынѣ всякое составленіе какихъ-либо дальнѣйшихъ, по сему предмету, правилъ или предположеній и даже, во избѣжаніе недоразумѣній, вовсе опустить въ проектѣ положенія статью объ отказѣ отъ земли цѣлыми сельскими обществами.»

Заключеніе это было принято, и положеніе 19 февраля 1861 г. ничего не говоритъ объ отказѣ отъ земли цѣлыми сельскими обществами. Осторожность въ этомъ случаѣ редакціонныхъ комиссій понятна; но непонятно, почему, не предвидя возможности опредѣлить заранѣе условія отказа для цѣлыхъ обществъ, общее присутствіе комиссій удержало рядомъ съ этимъ поставленныя правила для отказа со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Первоначальный докладъ (№ 8) хозяйственного отдѣленія та-

кимъ образомъ установилъ мотивы отказа отъ мірской земли со стороны отдѣльныхъ лицъ:

«Если въ видахъ общей государственной пользы и насущныхъ выгодъ того самаго состоянія, быть котораго предполагается нинѣ улучшить, хозяйственное отдѣленіе считается вполнѣ справедливымъ и необходимымъ стѣснить на время свободное выраженіе воли цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, и если оно притомъ убѣждено, что на дѣлѣ и вслѣдствіе предполагаемыхъ далѣе смягченій, подобное стѣсненіе не будетъ для мірскихъ обществъ въ большей, части случаевъ, слишкомъ тягостнымъ, то съ другой стороны отдѣленіе сочло бы столько-же *невозможнымъ и несправедливымъ* въ настоящую минуту безусловно приложить то же самое правило къ отдѣльной личности каждаго крестьянина. Въ этомъ случаѣ отдѣленіе руководствуется слѣдующимъ, правиломъ: *право каждаго отдѣльнаго крестьянина отказываться отъ обязательнаго земельного надѣла, и слѣдовательно неразрывно съ этимъ связанное право его, выходить изъ поземельнаго мірскаго союза* должно и можетъ быть ограничиваемо лишь во столько, во сколько это, по самой строгой справедливости, необходимо — для огражденія *выгодъ помѣщика, какъ законнаго обладателя той повинности, которую общество обязано ему платить; казны, какъ получающей съ того же общества известную сумму ежегодныхъ податей и повинностей; мірскаго общества, какъ имѣющаго въ совокупномъ своемъ обязательномъ пользованіи часть помѣщичьей земли, и въ совокупномъ своемъ составѣ обязаннаго отправлять опредѣленные повинности къ помѣщику и къ казнѣ; наконецъ, самаго крестьянскаго семейства, какъ обязательно несущаго по раскладкѣ долю общей мірской тяготы, и во всякомъ случаѣ имѣющаго весьма часто несомнѣнное право на помощь своихъ членовъ.* Изъ одного простого исчисленія этихъ разнообразныхъ видовъ отношеній, въ которыхъ каждый отдѣльный крестьянинъ находится къ обществу, и изъ различія юридическихъ отношеній самого общества къ занимаемой имъ землѣ въ теченіи перваго девятилѣтняго періода и въ послѣдующее за этимъ время, само собою очевидно, что право отказа отдѣльнаго крестьянина отъ земли и связанное съ этимъ право выхода его изъ мірскаго общества не можетъ не быть подчинено различнымъ правиламъ въ каждый изъ этихъ періодовъ».

Нѣсколько далѣе, докладъ продолжаетъ:

«Хозяйственное отдѣленіе признаетъ безусловное право отдѣльнаго крестьянина *отказаться отъ пользованія земельнымъ надѣломъ по истеченіи 9-лѣтняго срока*; оно полагаетъ, что въ послѣдующее за этимъ срокомъ время, крестьянинъ можетъ, при выходѣ своемъ изъ мірскаго общества, быть ограничиваемъ уже только исключительно такими требованіями, которыя истекаютъ изъ порядка отношеній его къ обществу, *какъ казенной податной и повинностной единицы*; напротивъ, крестьянинъ, ни въ какомъ случаѣ, не долженъ уже, по истеченіи девятилѣтняго срока, быть подвергаемъ какому бы то ни было *ограниченіямъ, имѣющимъ цѣлю обезпечить помѣщику уплату части повинностей за земельный надѣлъ или обществу — вознагражденія за утрату исправнаго тягльца. Даже самыя вещественныя отношенія крестьянина къ правительству, въ случаѣ оказанія ему послѣднимъ вспоможенія для выкупа у помѣщика угодій, не должны вести къ стѣсненію личной гражданской свободы крестьянина.*»

Такимъ образомъ, хозяйственное отдѣленіе ставитъ безусловно какъ общее всѣмъ крестьянамъ, — временно-обязаннымъ и вы-

купившимся съ помощью отъ правительства, неотъемлемое право свободного выхода изъ существующей у насъ обязательной поземельной общины. Это вполне справедливо и законно; но рядомъ тотъ же докладъ впадаетъ въ неразъяснимое противорѣчіе. Докладъ говоритъ, разсуждая объ общинѣ, что община у насъ есть «первостепенный и несомнѣнный историческій фактъ и могущественное на первый разъ орудіе для обезпеченія повинностей и упроченія крестьянской самостоятельности». На этомъ основаніи разложеніе общины, даже «если бы впослѣдствіи обнаружилось несоотвѣтствіе ея требованіямъ обновленнаго экономическаго быта» — поставлено въ зависимость, по ст. 54 общ. пол. и 115 мѣст. полож., отъ согласія двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ и *всегда* отъ согласія помѣщика; а обезпеченіе всякихъ казенныхъ повинностей, выкупныхъ платежей и помѣщичьихъ оброковъ, главнымъ образомъ, основано на обязательной круговой поруцѣ (ст. 187 общ. пол., 127 пол. о вык., 245 мѣст. пол.). Какимъ же образомъ, съ одной стороны, допущенъ свободный выходъ каждаго отдѣльнаго члена, т. е. другими словами свободное разложеніе поземельной общины, — а съ другой стороны обязательное ея продолженіе, какъ обезпеченія всѣхъ лежащихъ на мірской землѣ казенныхъ, земскихъ и частныхъ повинностей и платежей? *Отдѣльное лице* и *община* суть понятія совершенно раздѣльные въ языкѣ и мысли; но въ жизни трудно опредѣлить границу, когда выходъ отдѣльныхъ лицъ не нарушаетъ физическаго бытія поземельной общины. Такъ, напримеръ, въ обществѣ 100 отдѣльныхъ лицъ, и изъ нихъ 98 по одному вышли, — остающіяся два лица составляютъ ли по прежнему общину? Такимъ образомъ, въ этомъ предоставленіи права свободного отказа отъ земли, — съ удержаніемъ начала круговой поруки, лежитъ начало противорѣчій, которыя должны будутъ обнаружиться непременно, при осуществленіи права отказа со стороны отдѣльныхъ лицъ на самомъ дѣлѣ.

Само положеніе 19-го февраля еще болѣе осложнило этотъ вопросъ, предоставивъ привилегію отказа отъ земли со стороны отдѣльныхъ лицъ, по истеченіи 9 лѣтъ, только временно-обязаннымъ крестьянамъ, и отмѣнивъ это право на всѣ 49 лѣтъ, для крестьянъ, выкупившихъ свой надѣлъ, съ помощью отъ правительства.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ нерѣшенный вопросъ: часть, въ который свободныя сословныя отношенія должны установиться между землевладѣльцами и милліонами временно-обязанныхъ крестьянъ близокъ, — а мѣры, въ тому приводящія, еще не указаны! Составители положенія говорятъ, что «разрѣшеніе этого во-

проса требует особенной осторожности и может быть постепенно подготовлено лишь тѣми практическими требованіями, которыя обнаружались въ теченіи истекающаго девятилѣтія, по мѣрѣ того, какъ возникали отдѣльные случаи.» Не сомнѣваюсь, вмѣстѣ съ ними, что этотъ предметъ давно уже обратилъ на себя вниманіе правительства; но, — въ такомъ важномъ дѣлѣ, гдѣ справедливость требуетъ выслушать всякій голосъ, я считаю, быть можетъ, не излишнимъ изложить нѣкоторыя мои личныя наблюденія, именно съ точки зрѣнія тѣхъ практическихъ требованій, которыя разъяснились въ окружающей меня средѣ. При этомъ я считаю нужнымъ оговориться, что всѣ мои соображенія относятся къ пользѣ *общиннаго владѣнія*, такъ какъ участковаго или подворнаго крестьянскаго владѣнія я никогда не изучалъ и съ нимъ совершенно незнакомъ.

I.

Положеніе 19 февраля 1861 года создало четыре разряда крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости:

1) Крестьяне, получившіе въ даръ отъ помѣщика, по добровольному съ ними соглашенію, часть надѣла, заключающую въ себѣ и усадебную осѣдлость, въ размѣрѣ не менѣе, на каждую ревизскую душу, одной четверти высшаго, въ степной же полосѣ указнаго размѣра надѣла, установленнаго для той мѣстности, гдѣ находится имѣніе. (Мѣст. пол. великорос. губ. ст. 123.)

2) Крестьяне-собственники, приобретающіе въ собственность свой надѣлъ по взаимному добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, причемъ опредѣляется и размѣръ вознагражденія помѣщика за приобретаемую землю, независимо отъ выдаваемой правительствомъ выкупной ссуды, — т. е., другими словами, *дополнительный платежъ*, обыкновенно разсрочиваемый на нѣсколько лѣтъ, который крестьяне обязаны платить за землю помѣщику, сверхъ погашенія ссуды, выданной ему отъ правительства и не превышающей 120 р. сер. за высшій размѣръ надѣла. (Пол. о вык. ст. 32.) Такой выкупъ можетъ быть произведенъ какъ цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, такъ и отдѣльными домохозяевами (ст. 34). Крестьяне могутъ выкупить или весь слѣдующій имъ надѣлъ, или часть его, отказавшись отъ остальной, по соглашенію съ помѣщикомъ, съ слѣдующими ограниченіями: а) въ губерніяхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ, — гдѣ существуетъ общинное пользованіе, — цѣлое сельское общество не можетъ оставить за собою менѣе *трети высшаго*

(въ степной полосѣ *указнаго*) размѣра на душу, установленнаго для той полосы, гдѣ имѣніе находится; в) въ тѣхъ же губерніяхъ, когда выкупъ по добровольному соглашенію предпринимаетъ одинъ или нѣсколько домохозяевъ, что имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ общинное пользованіе землею замѣчено подворнымъ, — приобретаемый въ собственность участокъ долженъ быть пространствомъ не менѣе *двухъ душевыхъ надѣловъ высшаго* (въ степной полосѣ *указнаго*) размѣра; опредѣленнаго для той мѣстности, гдѣ находится имѣніе; с) въ малороссійскихъ губерніяхъ — гдѣ существуетъ подворное владѣніе, — при приобретеніи части земли въ собственность *всѣми домохозяевами въ совокупности*, надѣлъ можетъ быть уменьшаемъ не болѣе, какъ *до одной трети высшаго размѣра* мірскаго надѣла, установленнаго положеніемъ; а если приобретение дѣлается однимъ или нѣсколькими домохозяевами порознь, — то участокъ cadaго долженъ заключать въ себѣ усадьбу и полевой земли, не менѣе *половины* установленнаго для той мѣстности *высшаго размѣра пашаго участка* ¹⁾ (ст. 56 и 57). Исключенія допускаются, всякій разъ, по особому разрѣшенію правительства, для промышленныкъ и торговыхъ селъ или мѣстечекъ, гдѣ опредѣленъ оброкъ, выше прѣчитающагося собственно за крестьянскій надѣлъ и для селеній, занимающихся, въ значительныхъ размѣрахъ, рыболовствомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, разведеніемъ разныхъ хозяйственныхъ растений, или другими прибыльными отраслями сельско-хозяйственной промышленности: здѣсь крестьяне могутъ приобретать, по соглашенію съ помѣщикомъ и съ правомъ на получение пособія отъ правительства землю въ меньшемъ размѣрѣ, нежели сейчасъ объяснено, въ видѣ общаго, закономъ установленнаго правила (ст. 62 и 63). Такимъ образомъ, при добровольномъ выкупѣ, — предоставляется полная свобода соглашенію; законодательство, въ сдѣланныхъ имъ ограниченіяхъ только заботится: а) чтобы крестьяне достаточно были обезпечены землею, и потому не разрѣшаетъ приобретать въ собственность менѣе трети *высшаго надѣла*; и в) покровительствуетъ общинному владѣнію, облегчая для него условія сдѣлки и, напротивъ, значительно затрудняя для отдѣльныхъ лицъ.

3) Крестьяне-собственники, приобретшіе въ собственность цѣлымъ сельскимъ обществомъ весь усадебный и полевой надѣлъ *по требованію одного помѣщика*, — что называется *обязатель-*

¹⁾ Высшій размѣръ *пашаго участка*, устанавливаемый для каждой мѣстности, значительно болѣе высшаго размѣра мірскаго надѣла. (Мѣст. Пол. Малор. губ. ст. 38 и прил. къ ст. 9.)

мымъ выкупомъ. Здѣсь единственная льгота крестьянъ состоитъ въ томъ, что они не платятъ *дополнительнаго платежа*; но отказъ отъ части, назначенной имъ помѣщикомъ, по прежнему пользованію земли, — въ предѣлахъ совершенно одинаковыхъ съ крестьянами, выкупающими землю по добровольному соглашенію (какъ это сейчасъ объяснено) подчиненъ слѣдующимъ условіямъ: а) размѣръ земли, отъ которой крестьяне желаютъ отказаться, долженъ быть указанъ мирскимъ приговоромъ въ теченіи мѣсяца, со дня объявленія посредникомъ о желаніи помѣщика приступить въ обязательному выкупу, — въ случаѣ пропущенія срока, крестьяне теряютъ это право; б) мѣсто самой отрѣзки указывается владѣльцемъ, а не крестьянами, и крестьяне не могутъ этого оспаривать, если владѣлецъ въ точности сохранилъ общія правила, установленныя положеніемъ для первоначальнаго отвода надѣла; в) крестьяне обязываются внести въ уѣздное казначейство *дополнительный платежъ*, въ размѣрѣ одной пятнадцатой части обезпечиваемой правительствомъ выкупной ссуды (т. е. при высшемъ размѣрѣ надѣла съ 120 р. по 8 р. на душу. См. о. вых., ст. 35, 97 и 68 п. 2). Условія эти на столько тяжелы, что едва ли было много примѣровъ, гдѣ крестьяне, при обязательномъ выкупѣ, хлопотали объ уменьшеніи надѣла, — какъ бы они ни были тяжелы по своей величинѣ и непроезводительности; по крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстно ни одного, а я живу въ мѣстности, гдѣ выкупы были обязательны, и преобладающее ихъ большинство произведено по высшему размѣру, именно потому, что земля ничего не стоитъ и ничего не даетъ. Крестьяне совершенно становились втупѣе при требованіи взноса денегъ въ казначейство: имъ обязательно отдавали землю, которой они добровольно покупать не хотѣли; за это въ теченіи 49-ти лѣтъ они обязаны платить оброкъ, да еще внести сейчасъ довольно значительную сумму, которою сельское общество, на все число душъ, его составляющихъ, никогда не располагаетъ, и должно занять ее на очень тяжелыхъ условіяхъ...

4) Временно-обязанные крестьяне, для которыхъ пора освобожденія начинается собственно съ 19 февраля 1870 года, когда они, чрезъ 9 лѣтъ, получаютъ на извѣстныхъ условіяхъ право отказа отъ земли, за которую, въ настоящее время, они платятъ установленную закономъ повинность.

Было бы очень любопытно сообщить цифры о всѣхъ этихъ разрядахъ сельскихъ обывателей, но, къ сожалѣнію, мы этого не можемъ сдѣлать. Число крестьянъ-собственниковъ получившихъ, даровой надѣлъ и воспользовавшихся ссудою отъ правительства, съ отдѣленіемъ выкупа по добровольному соглашенію и обяза-

тельного, никогда въ печатныхъ статистическихъ данныхъ не встрѣчалось. Остается, слѣдовательно, сообщить валовое число крестьянъ-собственниковъ, по землямъ которыхъ выкупныя сдѣлки утверждены правительствомъ въ 17-му іюля текущаго года, (послѣднее официальное извѣстіе о ходѣ выкупной операціи); за тѣмъ опредѣлится само собою число крестьянъ временно-обязанныхъ, гдѣ числятся и крестьяне, получившіе даровой надѣлъ. Число всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, за исключеніемъ остзейскихъ губерній, показано, по Европейской Россіи, въ Статистическомъ Временникѣ — 10,667,425 душъ муж. пола; изъ нихъ сдѣлки утверждены для 6,574,490 д., слѣд. общій процентъ крестьянъ-собственниковъ, приобрѣтшихъ землю посредствомъ добровольнаго и обязательнаго выкупа, составляетъ для цѣлой Россіи 61,63%. Но если изъ числа выкупныхъ сдѣлокъ вычесть выкупныя сдѣлки и акты, по прежнимъ и позднѣйшимъ узаконеніямъ, относящимся до виленскаго и кievскаго генералъ-губернаторствъ, то получится для губерній великороссійскихъ, новороссійскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ въ 17-му іюля около 4,669,322, д. что, въ отношеніи къ числу всѣхъ выходившихъ изъ крѣпостной зависимости по тѣмъ губерніямъ 8,729,952 душъ муж. пола, составитъ общій процентъ крестьянъ-собственниковъ 53,48%; а по 8-ми западнымъ губерніямъ выкупилось 1,541,703 д. изъ общаго числа 2,547,366 д. муж. пола; слѣдовательно, выкупной процентъ составляетъ 60,21%. Такимъ образомъ, временно-обязанныхъ крестьянъ, за исключеніемъ западныхъ губерній, остается въ Европейской Россіи 46½%.

Эти 46½% крестьянъ временно-обязанныхъ, оставшихся безъ выкупнаго надѣла, могутъ значительно уменьшиться въ 19-му февраля 1870 года, и такое уменьшеніе зависитъ главнымъ образомъ отъ взгляда правительства на моментъ окончанія обязательной выкупной сдѣлки. Легально обязательная выкупная сдѣлка можетъ считаться окончательно состоявшейся относительно крестьянъ, какъ скоро владѣлецъ, на основаніи 85 ст. о выкупѣ, подалъ о томъ объявленіе мировому посреднику, мировой посредникъ, на основаніи ст. 97, предъявилъ требованіе помѣщика сельскому обществу, и послѣднее дало свой отзывъ въ мѣсячный срокъ, со всѣми его послѣдствіями, или согласилось на приобретеніе всей земли, предоставляемой ему помѣщикомъ, или пропустило установленный мѣсячный срокъ. Такая обязательная выкупная сдѣлка можетъ быть не утверждена главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ; но, до положительнаго отказа крестьянъ, въ отношеніи къ которымъ такая сдѣлка окончена, они не могутъ быть опредѣленно причислены ни къ временно-обязаннымъ, ни къ

собственникамъ. Ничто не мѣшаетъ владѣльцамъ, въ виду затрудненій и неизвѣстности, проистекающихъ для нихъ съ пріобрѣтеніемъ крестьянами новыхъ правъ съ 19 февраля 1870 г. — употребить остающееся время на заявленіе сдѣлокъ объ обязательномъ выкупѣ, видя въ немъ простѣйшій способъ прикрѣпленія крестьянъ къ прежнимъ мѣстамъ: этому помѣшаетъ развѣ значительное собиращеніе въ послѣднее время числа мировыхъ посредниковъ, не имѣющихъ физической возможности одолѣть наплывъ требованій объ обязательномъ выкупѣ и исполнить тѣ несложныя формальности, къ которымъ ихъ обязываетъ въ этомъ случаѣ положеніе. Такимъ образомъ можетъ предстоять переходъ большинства временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьянъ-собственниковъ по обязательному выкупу.

Взглянемъ же теперь на относительное матеріальное положеніе всѣхъ этихъ классовъ прежде всего *de jure*, т. е. въ томъ положеніи, какъ они поставлены законодательствомъ.

Крестьяне-собственники, получившіе даровой надѣлъ и выкупившіе его съ помощію правительства, по добровольному съ помѣщикомъ соглашенію и съ принятіемъ на себя дополнительнаго платежа, повидимому, съ полнымъ основаніемъ могутъ быть отнесены къ числу лицъ, окончательно устроившихъ свой бытъ, и которымъ нечего ждать ни отъ кого, кромѣ самихъ себя: первые сознательно взяли подарокъ и въ доказательство отказались отъ земли, на которую имѣли право по закону; вторые сознательно сдѣлали покупку, имѣющую все значеніе добровольнаго обязательства, и въ доказательство обязались приплатить къ правительственной помощи свои собственные деньги, къ чему принудить ихъ никто не имѣлъ права.

Но не таково положеніе крестьянъ временно-обязанныхъ и пріобрѣтшихъ землю по обязательному выкупу.

Первые находятся теперь въ неопредѣленномъ и обязательномъ положеніи: они должны оставаться на прежнемъ мѣстѣ, и за закономъ опредѣленный надѣлъ, отъ котораго отказаться не могутъ, должны платить закономъ установленный оброкъ. Но для нихъ есть будущее:

I. Черезъ 9 лѣтъ (19 февраля 1870 года) положеніе ихъ облегчается правомъ отказа отъ земли и возвращенія ея помѣщику на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Крестьянинъ, желающій перейти въ другое общество или *сословіе*, можетъ отказаться отъ пользованія всею предоставленною ему землею, если онъ а) откажется навсегда отъ участія въ мирскомъ надѣлѣ и сдасть состоявшій въ пользованіи его участокъ, при чемъ по истеченіи 9-ти лѣтъ общество получаетъ

право не принимать въ свое завѣдываніе такихъ участковъ, отъ которыхъ откажутся отдѣльные крестьяне (ст. 131 мѣст. вел. пол.),—при чемъ эти участки, если по истеченіи 3 лѣтъ никто не желалъ принять ихъ на себя за повинность, присоединяются къ господскимъ угодьямъ (ст. 136)¹⁾. b) Если на увольненіе его нѣтъ препятствія по отправленію рекрутской повинности; c) если на семействѣ увольняемаго нѣтъ никакихъ, казенныхъ, земскихъ или мірскихъ недоимокъ, подати имъ уплачены по 1-е января слѣдующаго года, а равно нѣтъ недоимокъ за пользованіе надѣломъ помѣщичьей земли. d) Если на увольняемомъ нѣтъ безспорныхъ частныхъ взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ волостному правленію; e) если увольняемый не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ; f) если родители увольняемаго согласны на его увольненіе; g) если остающіеся въ обществѣ, въ семействѣ увольняемаго крестьянина, малолѣтнія и другія лица, неспособныя къ работѣ будутъ обезпечены въ своемъ содержаніи; h) если желающій получить увольненіе представить пріемный приговоръ отъ того общества, куда онъ переходитъ. (Мѣст. вел. Пол. ст. 128 и Общ. Пол. ст. 130). Самый пріемъ въ общество происходитъ различнымъ образомъ, смотря по состоянію или сословію, гдѣ лице желаетъ приписаться, и главнымъ образомъ раздѣляется на двѣ категоріи: 1) *приписка съ согласія принимающаго общества*, не требующаго отъ приписывающагося никакихъ особыхъ пожертвованій, но налагающая на новаго члена участіе въ исполненіи государственныхъ, земскихъ и частныхъ повинностей лежащихъ на членахъ общества; — сюда относятся: а) приписка къ городскимъ сословіямъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, къ мѣщанскимъ обществамъ просто, а къ купеческимъ съ объявленіемъ надлежащаго по гильдіи капитала; б) приписка къ сельскимъ обществамъ крестьянъ всѣхъ наименованій, съ принятіемъ на себя участія въ мірскомъ крестьянскомъ надѣлѣ того общества, разумѣется, съ согласія по-

¹⁾ Требваніе, чтобы крестьянинъ сталъ состоящимъ въ пользованіи его участкомъ обществу, составлявшее, до истеченія 9-ти лѣтъ, непремѣнное условіе отказа его отъ земли—было чрезвычайно важно: общество, принимавшее на себя обязательно платитъ передъ владѣльцемъ, не охотно принимало зтотъ участокъ, и потому это *общее условіе* дѣйствительно составляло такое коренное ограниченіе, которое обращало право отказа въ *jus nudum*,—бумажное, на дѣлѣ неосуществимое право, иначе какъ въ видѣ особаго, рѣдкаго исключенія. Ст. 130 и 136 совершенно положительно отбѣиваютъ это ограниченіе, такъ какъ обществу предоставлено право прямо отказаться отъ такого участка и онъ *de jure* переходитъ къ помѣщику, а фактически остается безъ платежа повинностей въ обществѣ, ибо по ст. 138 помѣщикъ можетъ требовать отрѣзанія этихъ участковъ только тогда, когда число ихъ возрастетъ до одной пятой всего крестьянскаго надѣла.

сѣднiаго (стр. 141 и 142 Общ. Пол.); 2) *приписка чисто формальная, безъ согласiя самого общества*, когда крестьянинъ, прiобрѣтшiй въ собственность внѣ мiрскаго надѣла, но въ разстоянiи отъ мѣста водворенiя общества не далѣе 15 верстъ, участокъ земли, равный по крайней мѣрѣ *двумъ душевымъ надѣламъ высшаго или указнаго размѣра*, установленнаго для той мѣстности, *пожелаетъ* приписаться къ какому-либо обществу. Крестьянъ всѣхъ наименованiй — такіе крестьяне-собственники приписываются въ обществу волостнымъ старшиною прямо, безъ составленiя обществомъ прiемнаго притовора, и участвуютъ въ отправленiи всѣхъ натуральныхъ и денежныхъ, государственныхъ, земскихъ и частныхъ повинностей на равнѣ съ прочими членами общества (ст. 143, 144, 145 Общ. Пол. 125 мѣст. пол., высочайше утвержд. 18 января 1866 г. мнѣніе госуд. сов. о преобразованiи общественнаго управленiя государственныхъ крестьянъ, пунктъ 6); и

2) Каждый крестьянинъ можетъ, не выходя изъ общества, отказаться отъ пользованiя мiрскою землею, *если при общинномъ пользованiи* прiобрѣлъ или прiобрѣтаетъ въ собственность внѣ мiроваго надѣла, въ разстоянiи не далѣе 15 верстъ отъ мѣста водворенiя общества, участокъ земли, равный по крайней мѣрѣ *двумъ душевымъ надѣламъ высшаго или указнаго размѣра*, для той мѣстности установленнаго; а при подворномъ пользованiи, если домохозяинъ, по добровольному согласенiю съ ~~по~~ *помѣщикомъ*, прiобрѣтетъ отъ него въ собственность изъ состоящаго за нимъ надѣла *участокъ земли, равный по крайней мѣрѣ двумъ душевымъ надѣламъ высшаго или указнаго размѣра, для* той мѣстности опредѣленнаго (ст. мѣст. пол. велик. 129, 125 и 126).

3) Каждый крестьянинъ, прiобрѣтшiй въ собственность свою усадебную осѣдность, можетъ отказаться отъ пользованiя полевыми землями и угодьями, не лишаясь права собственности на свою усадьбу. Но крестьянинъ, не выкупившiй еще своей усадьбы, не имѣетъ права отказаться только отъ полевыхъ угодiй, удерживая въ своемъ пользованiи одну невыкупленную усадьбу. (Мѣст. пол. вел. ст. 130). Здѣсь не ясно только одно: по ст. 10 пол. о вык. сказано: «если все крестьянское общество или кто-либо изъ домохозяевъ изъявитъ желанiе выкупить свою усадебную осѣдность, то помѣщикъ можетъ, вмѣсто продажи крестьянамъ одной усадьбы, принять на себя обязательство предоставить крестьянамъ прiобрѣсти въ собственность, совокупно съ усадебною осѣдлостію и полевыми землями и угодьями». Изъ ст. 36 того же положенiя видно, что здѣсь имѣется въ виду только

выкупъ по добровольному соглашенію, но отнюдь не обязательный; сверхъ того ст. 10 прибавляетъ: «впрочемъ это (т. е. предоставленіе крестьянамъ выкупа всего надѣла) не препятствуетъ впослѣдствіи, по обоюдному соглашенію, приступить къ отдѣльному выкупу усадебной осѣдлости». Отсюда слѣдуетъ, что помѣщики фактически всегда могъ отстранить требованіе крестьянъ о выкупѣ одной усадебной осѣдлости.

Возникаетъ вопросъ: имѣютъ-ли право крестьяне, по истеченіи 9-ти лѣтъ, съ своей стороны обязательно предъявить право на выкупъ одной усадебной осѣдлости, если договоръ о добровольномъ выкупѣ всего надѣла между ними и помѣщикомъ не состоялся, такъ какъ въ высочайшемъ манифестѣ 19 февраля 1861 г., сказано: «вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость а, съ согласія помѣщиковъ, они могутъ приобрѣтать въ собственность полевые земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе.»

II. Черезъ двадцать лѣтъ (19 февраля 1881 года) тѣмъ же временно-обязаннымъ крестьянамъ обѣщано, по требованію помѣщика или ихъ самихъ, переоброчка на новое двадцатилѣтіе, на тѣхъ основаніяхъ, которыя правительствомъ будутъ указаны. (Мѣст. Вел. Пол. ст. 186).

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся крестьяне-собственники, подвергшіеся обязательному выкупу: для нихъ нѣтъ ничего неопредѣленнаго, но это-то именно и ставитъ ихъ въ самыя безвыходныя условія, это-то именно и отнимаетъ у нихъ всякую надежду на улучшеніе своего быта. Словомъ закона они стали покупателями земли, которой взять не желали, они уплачиваютъ за нее цѣну, которая установлена помимо ихъ и въ которой они участвовали только отказомъ въ своемъ согласіи; нарѣзано имъ земли не столько, сколько нужно, — какъ этого могли требовать крестьяне при добровольномъ выкупѣ, — но столько, сколько могъ навязать помѣщикъ, знавшій, что чѣмъ больше онъ сбудетъ непроизводительной земли, подходящей подъ слишкомъ общія опредѣленія закона, — тѣмъ значительнѣе получить онъ ссуду отъ правительства. До сихъ поръ они не могли роптать: временно-обязанные крестьяне находились въ такомъ же положеніи, относительно обязательнаго отвода надѣла, и все-таки въ настоящее время временно-обязанные крестьяне платили за то же количество земли нѣсколько больше выкупившихся (первые за высшій надѣлъ 9 р., вторые 7 р. 25 к., и въ такой пропорціи, по количеству дѣйствительно владѣемой земли). Но какъ же положеніе ихъ будетъ теперь: временно-обязанные крестьяне получаютъ льготныя условія, въ силу которыхъ они мо-

гуть отказаться отъ земли и не нести тягостно лежащихъ на нихъ повинностей, — рядомъ сидящимъ крестьянамъ-собственникамъ по обязательному выкупу это воспрещено. Въ положеніи сказано: когда земля приобрѣтена отъ помѣщика цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то увольненіе отдѣльныхъ его членовъ дозволяется только *по уплатѣ половины капитальнаго долга*, причитающагося, по выкупной казенной ссудѣ, на участокъ, состоящій въ пользованіи увольняемаго, *буде мирское общество приметъ на себя ручательство за остальную половину уплаты*; если изъ сельскаго общества уволено до одной трети членовъ, и члены сіи не замѣнены другими, то дальнѣйшее увольненіе членовъ общества, безъ предварительнаго взноса капитала, соотвѣтствующаго лежащей на нихъ *всей долѣ выкупной уплаты*, не можетъ быть разрѣшено, безъ утвержденія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; изъ крестьянскаго общества, на коемъ числятся недоимки по выкупнымъ платежамъ или казеннымъ податямъ, никто не можетъ быть уволенъ, безъ предварительнаго на то согласія губернскаго присутствія (Пол. о вык. ст. 173 и 174). — Итакъ, вотъ гдѣ *больнѣзнь освобожденія*, вотъ тотъ влохъ людей, на который упали всѣ невзгоды великой реформы, и только слегка, на первыхъ порахъ, коснулись благотворной ея стороны. Здѣсь же представляется, съ перваго раза, и возможность шаткости выкупной операціи: обязательному выкупу, естественно, должны были подвергнуться болѣе всего имѣнія, гдѣ оцѣнка поземельной собственности, принятая положеніемъ, слишкомъ высока сравнительно съ дѣйствительною ея стоимостію, гдѣ оброкъ, слѣд., не подъ силу крестьянину, гдѣ повинность, — по самой силѣ вещей, накапливается въ недоимку, и гдѣ помѣщику, не рассчитывавшему на дополнительный платежъ и на бездоимочное поступленіе оброковъ, было выгодно какъ можно ранѣе прибѣгнуть къ выкупу.

Такимъ образомъ, самое поверхностное разсужденіе, самая элементарная справедливость требуетъ, чтобы льготы, предоставленныя временно-обязаннымъ крестьянамъ, по истеченіи 9-лѣтняго срока были распространены на крестьянъ-собственниковъ, приобрѣтшихъ свои земли съ помощью обязательнаго выкупа.

Но это еще не все. До сихъ поръ мы разсуждали *de jure*, взглянемъ поглубже, съ фактической стороны.

Надъ созданными словомъ закона четырьмя разрядами сельскихъ обывателей, жизнь, съ первой минуты, провела свой всемогущій ватерпасъ, и подъ гнетомъ его сгладилось то систематическое разграниченіе, котораго слѣдовало ожидать отъ статей положенія. Въ дѣйствительности, такихъ рѣзко другъ отъ друга отдѣльныхъ

привилегированныхъ и обиженныхъ, удовлетворенныхъ и ожидающихъ группъ — нѣтъ, а есть пестрая, перемѣшанная, сплошная масса, на которую законъ вліялъ только сквозь сферу ея мѣстной, внутренней и внѣшней обстановки и отражался на ней въ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ. Вернемся на минуту къ 19 февраля 1861 года: когда вышло положеніе, — его величавое, строго-справедливое безпристрастіе, не наклонившее вѣсы ни на ту, ни на другую сторону, — уняло страсти: не имѣя у себя почвы подъ ногами, онѣ улеглись мгновенно, и только кое-гдѣ робкій и самъ себя стыдящійся шорохъ недовольства напоминалъ о нихъ, какъ всплескъ безслѣдно пропадающаго на водѣ пузыря; всѣ принялись за разрѣшеніе неотложныхъ, самыхъ близкихъ вопросовъ, всѣ задались устройствомъ хозяйствъ на завтрашній день. Но, при видѣ бездны, мгновенно отдѣлившей *вчера* отъ *сегодня*, у самыхъ смѣлыхъ и бойкихъ кружилась голова, когда они обращались съ вопросомъ въ безвѣстную, полную небывалаго и неожиданнаго, даль. Много ли было владѣльцевъ, которые со вниманіемъ прочли въ то время статьи положенія, гдѣ говорилось о 9-лѣтнемъ, 20-лѣтнемъ срокѣ: это казалось такъ далеко, такъ непонятно, такъ страшно, что лучше о томъ и не думать: еще болѣе путались крестьяне, рѣшительно сбиваясь въ распредѣленіи своихъ правъ по періодамъ и часто пропуская изъ-за того существенныя свои выгоды. Совершая окончательныя сдѣлки, на вѣки вѣчныя, ни помѣщики, ни еще болѣе крестьяне, не соображали будущихъ льготъ: у послѣднихъ былъ одинъ вопросъ — «идти на оброкъ или на казну», у первыхъ, — «выждать или поскорѣе получить выкупное свидѣтельство.» Оттого въ первыхъ сдѣлкахъ самую важную роль играли, повидимому, постороннія, мелкія соображенія: степень зажиточности или, лучше сказать, породливости владѣльца, прежнія отношенія къ нему крестьянъ, большая или меньшая ихъ развитость, личность и убѣжденія мирового посредника, иногда просто случай. Въ извѣстной мѣстности удавалось соглашеніе, и слѣдомъ за нимъ всѣ окрестныя селенія шли на соглашеніе, плохо разбирая собственныя выгоды и невыгоды. Иногда запуганные крестьяне, не успѣвъ отдѣлаться отъ страха, принимали безусловно переходъ на выкупъ, какъ предлагали имъ помѣщики, подчиняясь единственно его авторитету; иногда мировой посредникъ, избравшій для себя спеціальностію составленіе во что-бы ни стало соглашеній, склонялъ къ тому крестьянъ всѣмъ давленіемъ своей власти, не разглядѣвъ хорошенько, въ какую ловушку затягивалъ крестьянъ ловкій землевладѣлецъ; иногда сами крестьяне совершенно безсознательно упирались и

не шли ни на что, а иногда — помолившись Богу, также безсознательно обирали сами себя. Однимъ словомъ, весьма мало договоровъ, гдѣ обѣ стороны становились прямо и честно другъ къ другу, безъ всякихъ хитростей, съ полнымъ сознаниемъ всѣхъ выгодъ и невыгодъ принимаемаго ими на себя обязательства. Скажу болѣе, — въ большей части случаевъ такое прямое и честное отношеніе къ дѣлу со стороны владѣльца вредило, и крестьяне упорно отъ всего отказывались, съ явною для себя невыгодою. Это былъ, въ несчастію, неизбѣжный отголосокъ крѣпостного права, послѣ котораго честныя отношенія казались крестьянамъ менѣе всего естественными и возбуждали въ нихъ недовѣріе. Что же касается до мировыхъ посредниковъ, то дѣятельность ихъ была неизмѣримо полезна и почтенна при составленіи уставныхъ грамотъ, но не простиралась на обязательный выкупъ. Посредники также смотрѣли только на ближайшую задачу и въ обязательномъ выкупѣ видѣли относительное улучшеніе быта крестьянъ, не только не задерживая его, но всячески поощряя и помогая ему. Мировые посредники также не предвидѣли развязки, имѣющей послѣдовать по истеченіи 9-лѣтняго срока. Оттого факты показываютъ, что:

1) Крестьяне, получившіе даровой надѣлъ, вовсе не принадлежатъ въ числу самыхъ обезпеченныхъ, и ихъ быть нисколько не менѣе другихъ нуждается въ коренномъ расширеніи ихъ правъ свободою переселенія. Землевладѣльцы, согласившіеся на такой даръ, взглянули на свое будущее подальше и поняли, что этотъ подарокъ всего прочтѣе отдаетъ въ ихъ руки будущихъ безземельныхъ рабочихъ; а крестьяне, привыкшіе всегда платить, естественно на первыхъ порахъ соблазнились перспективою вдругъ освободиться отъ привычныхъ платежей и получить еще въ даръ домъ и влочекъ земли.

2) Крестьяне-собственники, пріобрѣтшіе надѣлъ по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, не принадлежатъ исключительно къ наиболѣе благопріятствуемымъ, по своему настоящему положенію. Во-первыхъ, здѣсь именно и имѣютъ мѣсто всѣ тѣ случайности, о которыхъ говорено выше, и которыхъ, относительно, наберется большинство; во-вторыхъ, понятіе о *выгодѣ* есть понятіе весьма относительное: въ данной мѣстности, гдѣ вообще условія неблагопріятны для крестьянъ, и гдѣ, по разнымъ причинамъ, обязательные надѣлы слишкомъ строго придерживались буквы закона, склоняя всякое *interpretatio benigna* въ пользу землевладѣльца, — достаточно было призрака выгоды, чтобы склонить крестьянъ на добровольное соглашеніе, особенно, когда разрѣшено оно было въ барщинныхъ имѣніяхъ. Здѣсь до-

полнительный платежъ часто служилъ ни чѣмъ другимъ, какъ *откупомъ отъ барщины*, ибо до истеченія двухъ лѣтъ со времени утвержденія положенія, крестьяне не могли переходить съ барщины на оброкъ иначе, какъ съ согласія помѣщика. (Мѣст. Вел. Пол., ст. 236).

3) Крестьяне - собственники, приобрѣтшіе надѣлъ по обязательному выкупу, не принадлежать исключительно къ числу такихъ бездольныхъ, какими можно бы было ихъ себѣ представить по тѣмъ крутымъ условіямъ, въ которыя они должны были вступить. Это не все сидяціе на неблагодарной почвѣ неоплатные недоимщики: въ числѣ ихъ много такихъ, которыхъ положеніе есть и останется на самомъ дѣлѣ несравненно лучше и временно-обязанныхъ и даже заплатившихъ дополнительный платежъ. Извѣстно, что такое сдѣлались выкупныя свидѣтельства для нашихъ помѣщиковъ: — старые и новые долги, поѣздки за границу, привычная жизнь сверхъ состоянія, карты и вутежи, — за все расплачиваются выкупныя свидѣтельства! Какъ прежде владѣлецъ продавалъ впередъ хлѣбъ за безцѣнокъ, чтобы скорѣе получить въ руки деньги, такъ теперь онъ скорѣе всего радъ схватиться за выкупное свидѣтельство, а для этого лучшее средство — обязательный выкупъ; гдѣ еще тутъ вести банителю съ мужиками о дополнительномъ платежѣ и собирать его по копѣйкамъ! Но изъ этого не слѣдуетъ, что нѣтъ вовсе дѣйствительно сданныхъ въ казну неоплатныхъ недоимщиковъ.

Если справедливость требуетъ уравнивать послѣднихъ, а, за невозможностію отдѣлить ихъ, то и всѣхъ обязательно выкупившихся, — то тоже справедливость требуетъ не дѣлать исключенія для крестьянъ, приобрѣтшихъ землю съ помощію правительства, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ. Если для разряда добровольно выкупившихся существуетъ надежда, что большинство ихъ останется на мѣстѣ, за которое они уже заплатили дополнительный платежъ и часть ссуды; то въ такой же мѣрѣ существуетъ надежда, что не всѣ обязательно выкупившіеся тронуты съ мѣстъ, какъ скоро имъ будетъ дозволено, ибо многимъ слишкомъ привольно и на теперешнихъ мѣстахъ.

Наконецъ, 4) временно-обязанные крестьяне и безъ того вообще принадлежать къ числу самыхъ привилегированныхъ. Перевести ихъ на выкупъ зависѣло совершенно отъ помѣщика: что же могло его удержать? въ исключительномъ случаѣ, это могли быть особыя личныя обстоятельства, безпечность о своихъ дѣлахъ, даже личный капризъ; но какъ общее правило, здѣсь могли представиться только два соображенія: 1) или крестьяне такъ хорошо платили оброкъ, что помѣщику жаль было поте-

рять 1 р. 80 в. съ души отъ поспѣшнаго представленія ихъ на выкупъ, а это есть вѣрная гарантія, что мѣстныя угоды вознаграждаютъ трудъ крестьянина; или 2) земля, сравнительно съ оцѣнкою по положенію, настолько въ дѣйствительности выше по своей цѣнности, что владѣлецъ вполне увѣренъ въ удержаніи ея со стороны крестьянъ за обязательную поземельную ренту, при всякой свободѣ отказа, или онъ рассчитываетъ, вслѣдствіе отказа крестьянъ, извлечь изъ возвратившейся къ нему земли, если не высшій, то равный съ настоящимъ доходъ. А потому еще менѣе основанія предоставлять новыя льготы разряду и безъ того болѣе привилегированному, по силѣ сложившихся обстоятельствъ, не распространяя этихъ льготъ на всѣхъ остальныхъ, гораздо болѣе въ нихъ нуждающихся.

Все то, что я сказалъ, близко знакомо всѣмъ живущимъ внутри Россіи и каждымъ изъ нихъ ежедневно повѣряется на собственномъ опытѣ, но, конечно, не утрачиваетъ отъ этого всей своей глубокой важности. Люди, лишеныя непосредственнаго опыта, могутъ потребовать отъ меня доказательствъ. Постараюсь представить нѣсколько крупныхъ фактовъ, гдѣ группируются послѣдствія отъ сцѣпленія такихъ различныхъ мелкихъ, сложныхъ причинъ.

1) Что крестьяне, получившіе даровой надѣлъ, далеко не могутъ назваться вполне обеспеченными, это какъ нельзя яснѣе доказали послѣднія событія. То повальное переселеніе, въ Тульской губерніи, которое поспѣшила засвидѣтельствовать газета «Вѣсть», обязано своимъ происхожденіемъ не циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, а даровому надѣлу: по крайней мѣрѣ изъ переселенцевъ 15-ти губерній, являвшихся за освѣдомленіемъ въ Самарскую губернію, $\frac{9}{10}$ принадлежали къ Тульской губерніи, въ особенности къ Ефремовскому уѣзду, и большинство ихъ было съ дарового надѣла. Это понятно: даровой надѣлъ есть первый и самый искусный шагъ къ возобновленію земледѣльческой кабалы, въ видѣ краткосрочной аренды земель. Разница арендныхъ цѣнъ при даровомъ надѣлѣ и при полномъ лучше всего видна въ Казанской губерніи, въ двухъ смежныхъ и подъ одинаковыми условіями находящихся уѣздахъ, Тетюшскомъ и Спасскомъ; въ послѣднемъ (гдѣ разыгралась страшная Безднинская драма) значительно распространенъ даровой надѣлъ, и цѣна за наемъ десятины пашни поднялась отъ 8 до 10 рублей, — въ Тетюшскомъ уѣздѣ, гдѣ даровой надѣлъ почти не встрѣчается — цѣна за десятину отъ 4 до 7 рублей, слѣдовательно, ровно вдвое менѣе. А потому дозволеніе свободнаго переселенія крестьянъ, получившихъ даровой надѣлъ, есть дѣло государствен-

ной важности, ибо только эта мѣра будетъ способствовать или выселенію ихъ изъ густо-населенныхъ мѣстностей, гдѣ они всего легче могутъ подпасть притѣсненіямъ со стороны землевладѣльцевъ, или пониженію цѣнъ на наемъ земель послѣднихъ, дабы удержать населеніе на мѣстѣ и сохранить разумный доходъ, не гоняясь за слишкомъ большимъ.

2) Что крестьяне, получившіе надѣлы съ уплатою дополнительныхъ платежей, не принадлежатъ къ числу сознательныхъ покупателей, вполне довольныхъ своимъ приобрѣтеніемъ, подтверждается накопленіемъ выкупныхъ недоимокъ по этимъ сдѣлкамъ и тугою уплатою дополнительныхъ платежей. Послѣднее можно отнести къ недобросовѣстности крестьянъ: вообще не такъ пріятно платить разсроченный платежъ за вещь, давно уже ставшую своею, какъ обѣщать его, во время самаго приобрѣтенія нужной вещи. Но это только *отчасти*, ибо въ другихъ случаяхъ крестьяне, напротивъ, вносятъ дополнительные платежи съ величайшею исправностью. Это показываетъ, что кромѣ отдѣльныхъ случаевъ недобросовѣстности, вездѣ и всегда неизбѣжныхъ въ массѣ, есть еще другая причина разности въ погашеніи дополнительнаго платежа. Причина эта состоитъ въ томъ, что гдѣ дополнительный платежъ сдѣланъ вполне сознательно, гдѣ онъ дѣйствительно принесъ выгоды, гдѣ онъ прямо сказывается въ кошелькѣ рублемъ, тамъ и платится легко. А гдѣ крестьянинъ, въ виду разныхъ случайностей, поддался на невыгодную сдѣлку и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, — тамъ, помимо добросовѣстности, трудно ожидать исправныхъ взносовъ. Точно тоже имѣетъ мѣсто и въ отношеніи къ выкупнымъ платежамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ относительной статистики недоимокъ по выкупнымъ сдѣлкамъ съ соглашеніями и обязательнымъ; но, насколько мнѣ удавалось узнавать объ этомъ предметѣ, я пришелъ къ заключенію, что это обстоятельство имѣетъ *меньше всего* вліянія на большее или меньшее накопленіе недоимокъ. Недоимки прежде всего распредѣляются по мѣстностямъ и зависятъ отъ совокупности условій экономическаго status quo данной мѣстности, а равно отъ принятыхъ тамъ мѣръ ея пополненія; но затѣмъ главную силу имѣетъ, заключающаяся въ самомъ надѣлѣ, способность принести тѣ или другія выгоды сидящему на немъ населенію, независимо отъ чисто формальнаго способа приобрѣтенія надѣла крестьянскимъ обществомъ.

3) Для доказательства, что обязательный выкупъ не заключается въ себѣ однихъ крестьянъ, сидящихъ на непроеизводительной почвѣ и сданныхъ въ казну только въ качествѣ неоплатныхъ недоимщиковъ, отъ которыхъ желалъ отдѣлаться владѣ-

лецъ земли, мы употребимъ слѣдующій способъ. Еслибы послѣднее предположеніе было вѣрно, то отсюда получилось бы такое статистическое явленіе: чѣмъ почва въ губерніи неблагопріятнѣе и чѣмъ, слѣдовательно, надѣлъ самъ по себѣ, — какъ капиталъ, оплачивающій ренту, или оброкъ, — менѣе заключаетъ въ себѣ для этой цѣли производительныхъ силъ, тѣмъ число выкупныхъ обязательныхъ сдѣлокъ должно быть меньше; наоборотъ, чѣмъ губернія плодороднѣе и чѣмъ земля въ ней дороже и доходнѣе, тѣмъ болѣе у владѣльца земли и интереса сохранить въ своихъ рукахъ цѣнную собственность, въ надеждѣ на будущее и, слѣдовательно, отсрочить выкупъ не только обязательный, но и по добровольному соглашенію, ибо вообще крестьяне, по самымъ средствамъ своимъ и вслѣдствіе упадка цѣнности земли въ переходное время, не могли обѣщать значительнаго дополнительнаго платежа. Съ этою цѣлью мы вычислили таблицу процента числа крестьянъ, выкупившихъ свои угодья къ общему числу временно-обязанныхъ крестьянъ по каждой губерніи, къ 1 января 1868 года, по свѣдѣніямъ «Сѣверной Почты» (1 марта 1868 г., № 45) и «Статистическаго Временника». Полученные результаты таковы:

		КРЕСТЬЯНЪ- СОВСѢТНИКОВЪ.				КРЕСТЬЯНЪ- СОВСѢТНИКОВЪ.	
Выше средн. проц. къ 1 янв. 1868 г. въ 33,0%	Херсонская	71,2%	Ниже ср. проц. къ 1 янв. 1868 г. въ 33,0%	Калужская	32,9%		
	Харьковская	68,4		Рязанская	32,2		
	Черниговская	60,1		Самарская	29,4		
	Пензенская	57,0		Псковская	28,7		
	Полтавская	53,9		Орловская	28,0		
	Вятская	48,2		Владимірская	27,8		
	Таврическая	48,1		Московская	27,1		
	Воронежская	47,5		Костромская	26,1		
	Симбирская	44,7		Астраханская	25,9		
	Екатеринославская	43,8		Уфимская	25,7		
	Казанская	41,9		Тульская	24,7		
	Тамбовская	39,5		С.-Петербургская	22,0		
	Смоленская	39,1		Олонецкая	20,6		
	Земля Войска Донскаго	38,9		Ярославская	20,3		
	Курская	37,1		Нижегородская	20,1		
	Новгородская	37,0		Вологодская	19,7		
	Саратовская	36,4		Пермская	0,55		
	Тверская	34,5					

Напротивъ, мы здѣсь замѣчаемъ обратное явленіе: въ губерніяхъ черноземныхъ, въ полосѣ самыхъ возвышенныхъ цѣнъ на землю, гдѣ обязательная рента ниже свободной — выкуповъ несравненно болѣе, нежели въ губерніяхъ не-черноземной полосы, гдѣ ихъ слѣдовало бы ожидать по преимуществу и гдѣ они дѣйствительно и начались гораздо ранѣе. Вообще эта таблица,

какъ всѣ наши статистическія данныя, поражаетъ, какъ доказательство неурядицы, отсутствія всякаго опредѣленнаго начала какой-либо страны и, напротивъ, полное господство случая: такъ, рядомъ, въ отношеніи къ вопросу, стоятъ губерніи Курская и Новгородская, Псковская и Орловская и т. д. Но если мы возьмемъ губернію одной промышленной, не-черноземной полосы, то тамъ мы увидимъ другое явленіе: чѣмъ губернія относительно бѣднѣе, тѣмъ цѣна выкуповъ значительнѣе:

Смоленская . . .	39,1	} выше среднего процента въ 33,0%.
Новгородская . . .	37,0	
Тверская	34,5	
Псковская	28,7	
Владимірская . . .	27,8	} ниже среднего процента въ 33,0%.
Московская	27,1	
Костромская	26,1	
Ярославская	20,3	
Нижегородская . . .	20,1	

Этихъ доказательствъ, я полагаю, достаточно, чтобы убѣдиться въ первоначальномъ и самомъ для меня важномъ положеніи: не смотря на разность юридическихъ правъ, предоставленныхъ различнымъ разрядамъ крестьянъ, освободившихся отъ крѣпостной зависимости, — въ житейскомъ, экономическомъ смыслѣ они всѣ, въ настоящемъ своемъ положеніи, представляютъ сплошную массу, совершенно однообразную. Крестьянинъ-собственникъ отличается отъ крестьянина временно-обязаннаго только тѣмъ, что легально платитъ нѣсколько менѣе за предоставленный ему надѣлъ; а какъ крестьянинъ смотритъ на свое хозяйство не съ точки зрѣнія предоставленнаго надѣла, а съ точки зрѣнія дѣйствительной выгоды доставшихся ему угодій, что и составляетъ настоящій правильный взглядъ, — то на самомъ фактѣ, по дѣйствительной стоимости угодій, въ одномъ случаѣ временно-обязанный крестьянинъ платитъ меньше собственника, въ другомъ — собственникъ больше временно-обязаннаго и т. д.

Но какъ бы то ни было, такое положеніе создано закономъ и можетъ быть измѣнено только закономъ.

Теперь вопросъ: можетъ ли законъ, измѣняя положеніе меньшинства, поставить его въ привилегированное положеніе въ отношеніи къ большинству? можетъ ли законъ, въ отношеніи къ меньшинству, даже отступить отъ коренныхъ началъ основного законоположенія, какъ увидимъ ниже, а въ отношеніи къ большинству ограждать только формальную его сторону и тѣмъ лишать его всѣхъ выгодъ и правъ, меньшинству предоставляемыхъ?

Очевидно, не можетъ, а между тѣмъ такое явленіе можетъ осуществиться.

На самомъ дѣлѣ, взглянемъ пристальнѣе на смыслъ привилегій, полученныхъ одними временно-обязанными крестьянами по истеченіи девятилѣтняго срока.

Привилегіи эти получаютъ, какъ сказано въ положеніи, *отдѣльные лица*; и потому прежде всего должно объяснить, что такое *отдѣльное лицо*. Составитель положенія имѣлъ въ виду въ настоящихъ статьяхъ *крестьянскій дворъ*, въ *нераздѣльномъ его составѣ*. Въ журналѣ № 8-й сказано, стр. 58-я: «по крайней въ сельскомъ быту неопредѣленности понятія объ юридическомъ объемѣ семейства, истекающей изъ самаго свойства народныхъ обычаевъ, хозяйственное отдѣленіе полагаетъ, что *юридическою единицею* долженъ быть признаваемъ одинъ только *крестьянскій дворъ* въ томъ видѣ, въ какомъ онъ будетъ состоять во время утвержденія уставной грамоты, или въ какомъ онъ можетъ послѣ того образоваться вслѣдствіе правильныхъ семейныхъ раздѣловъ, разрѣшаемыхъ мірскими приговорами». Въ такомъ видѣ заключеніе это постоянно принималось и утверждалось общими присутствіями комиссіи. Но въ самомъ положеніи 19-го февраля какъ будто выраженію «отдѣльный крестьянинъ» дано другое болѣе тѣсное значеніе, ибо въ числѣ условій увольненія постановлено «обезпеченіе остающихся въ обществѣ, въ семействѣ увольняемаго крестьянина, малолѣтнихъ и другихъ лицъ, неспособныхъ къ работѣ». Такимъ образомъ здѣсь, если не требуется прямо, то *допускается* дробленіе семействъ до послѣдняго предѣла, указываемаго въ законѣ, когда семья уже переходитъ въ недробленую единицу, т. е. *родитель съ неотдѣленными несовершеннолѣтними дѣтьми*. Итакъ, выраженіе «отдѣльные крестьяне» нельзя иначе понимать какъ въ смыслѣ *недробимой гражданской семьи*, т. е. отецъ съ несовершеннолѣтними сыновьями.

За тѣмъ, настоящія привилегіи главнымъ образомъ распадутся на два случая:

1) Когда отдѣльное лицо можетъ отказаться отъ надѣла безъ всякихъ особыхъ съ своей стороны пожертвованій, даже съ возможностью перейти въ разрядъ сословій безземельныхъ: этотъ случай возможенъ при припискѣ временно-обязанныхъ крестьянъ къ мѣщанскимъ обществамъ въ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ. Случай этотъ чрезвычайно важенъ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ можно пріобрѣтать почти за ничто землю подъ усадьбу и разведеніе небольшого хозяйства. Всѣ дворовые, какъ извѣстно, не встрѣчали пидѣ отказа въ прямыхъ приговорахъ отъ городскихъ и посадскихъ обществъ, ибо мѣщане, не несущіе личныхъ,

прямыхъ податей, и потому не связанные круговою порукою, только выигрываютъ отъ принятія новыхъ членовъ, на которыхъ они впоследствии взыскиваютъ всю тяжесть рекрутской повинности: оттого всѣ хлопоты обыкновенно состояли въ большемъ или меньшемъ количествѣ зелена вина, опорожненнаго сообща новымъ членомъ и принимавшими его товарищами. Изъ этого ясно, что ничто въ буквѣ приведенной выше статьи не противорѣчитъ, если отдѣльные крестьяне, цѣлая семья и мало-по-малу цѣлая обществу, особенно подгородныя, за исключеніемъ состоящихъ на рекрутской очереди, получаютъ приемные приговоры отъ мѣщанскаго общества и откажутся отъ надѣла, приобретя въ собственность желаемое количество поземельнаго участка на 30-ти-верстномъ районѣ отъ мѣста приписки, гдѣ никакого вида для постоянного проживанія не требуется. По крайней мѣрѣ для крестьянина это чрезвычайно выгодно: какъ мѣщанинъ, онъ не будетъ платить прямыхъ личныхъ податей, а какъ земледѣлецъ — никакихъ другихъ, кромѣ земскихъ, ибо у насъ земля отъ государственныхъ налоговъ свободна. Такимъ образомъ, предоставленное этою статьею право такъ близко граничитъ съ полною и безусловною свободою переселенія, что ее можно теперь же признать фактически признанною для временно-обязанныхъ крестьянъ. Всѣ дальнѣйшія условія, представляющія льготы въ несравненно болѣе тѣсномъ смыслѣ и относящіяся только до болѣе частныхъ случаевъ, практически сглаживаются предъ совершенно яснымъ смысломъ основной 128 ст. мѣст. полож. Напримѣръ, на основаніи ея, изъ цѣлаго крестьянскаго общества, недовольнаго своимъ надѣломъ, хотя бы и принятымъ по согласію, подписанному въ уставной граматѣ, могутъ, въ видѣ отдѣльныхъ семей, переписаться въ мѣщанское общество и за тѣмъ отказаться отъ земли всѣ лица, составлявшія крестьянское общество, за исключеніемъ состоящихъ на рекрутской повинности малолѣтнихъ и неспособныхъ, недоимщиковъ и состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, которыя сохраняютъ временно-обязанныя отношенія до тѣхъ поръ пока отправятъ повинность, вырастутъ, заплатятъ долги и недоимки и освободятся отъ слѣдствія или суда.

2) Когда отдѣльное лицо, отказываясь отъ земли, предварительно должно сдѣлать нѣкоторое съ своей стороны пожертвованіе.

Пожертвованіе это, необходимое для приписки къ сельскимъ обществамъ всѣхъ наименованій, безъ участія въ надѣлѣ, заключается а) или въ предварительномъ выкупѣ усадьбы, или б) въ приобретеніи двойного высшаго или указнаго надѣла, въ разстояніи 15-ти верстъ отъ мѣста водворенія общества. Но за то въ

обоихъ этихъ случаяхъ можетъ отказаться отъ земли отдѣльное лице, оставаясь въ обществѣ, т. е. помимо всѣхъ условій, ограничивающихъ выгоды общества, или, другими словами, даже лице, накопившее всякую недоимку, казенную и въ отношеніи къ помѣщику, собственно лежащую на той самой землѣ, отъ которой онъ, по своему усмотрѣнію, отказывается, если имѣетъ возможность на приобрѣтеніе земли въ другомъ мѣстѣ, за которую онъ уже ничего болѣе платить не будетъ.

Особый случай составляетъ приписка къ сельскимъ 'обществамъ по ихъ согласію, съ участіемъ въ надѣлѣ: здѣсь отказывающійся отъ земли также не привлекается ни къ какому особому пожертвованію, но случай этотъ, безъ сомнѣнія, встрѣтится весьма рѣдко, — ибо здѣсь интересы принимающаго общества и увольняемаго лица противоположны. Если у общества много земли и она мало производительна, то обществу выгодно принять новаго члена, принимающаго на себя участіе въ платежѣ; но тогда послѣднему не выгодно платить за дурной участокъ. А если надѣлъ въ обществѣ хорошаго качества, то уже общество не согласится выдѣлять участка вновь приписанному.

Таковы условія отказа со стороны отдѣльныхъ лицъ, изложенныя въ положеніи 19-го февраля. Замѣтимъ мимоходомъ, что составители положенія, предполагая ихъ въ томъ самомъ видѣ, имѣли въ виду два соображенія, въ послѣдствіи рѣшенныя совершенно противоположно ихъ ожиданіямъ: а) въ докладѣ хозяйств. отд. № 8-й (стр. 49) сказано: «весьма вѣроятно, что къ тому времени (т. е. окончанію 9-тилѣтняго срока) значительная часть срочно-обязанныхъ крестьянъ уже успѣетъ приобрести у помѣщиковъ угоды или, по крайней мѣрѣ, свою усадебную осѣдность въ полную собственность; и б) недопущеніе системы обязательнаго выкупа. Въ Мат. ред. ком. ч. XIII. стр. 181-й сказано о системѣ обязательнаго выкупа: «несостоятельность ея въ финансовомъ отношеніи, невозможность привести ее немедленно и одновременно въ исполненіе, безъ опасности для финансоваго рынка, уже давно вызвали осужденіе ея не только въ средѣ многихъ губернскихъ комитетовъ, но еще и со стороны самого правительства. На этомъ основаніи финансовой комиссіи вмѣнено въ обязанность составить проектъ выкупа *полюбовнаго*, а не *обязательнаго*. Дѣло понятное, что если бы большинство крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, выкупило свои угоды по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, то для меньшинства временно-обязанныхъ крестьянъ такія привилегіи были бы и разумны, и цѣлесообразны и безопасны. Но возможно-ли это въ противоположномъ случаѣ, когда, напротивъ, выкупъ получили

обязательное значеніе и, слѣдовательно, крестьяне приверѣлены къ землѣ не по собственному убѣжденію, а по желанію владѣльца, съ помощью отъ правительства?

Я думаю, что въ такомъ случаѣ *положительно опасно* дать такія важныя права 20 или 30% крестьянскаго населенія и отказать въ нихъ еще на 39-ть лѣтъ остальной массѣ, имѣя при томъ въ виду, что отвѣтственнымъ лицомъ за подобный отказъ всецѣло и непосредственно является правительство. Чѣмъ тогда представится обязательный выкупъ для крестьянъ—кабалой, какой-то ловушкою, въ которую они были вовлечены—кѣмъ?! Массѣ никогда нельзя растолковать тонкости юридическихъ отношеній, формальнаго значенія контракта и обязательности финансовой сдѣлки, заключенной на извѣстный періодъ времени. Трудно предположить, чтобы всякая мѣра, слишкомъ сильно нарушающая существующее экономическое равенство между временно-обязанными крестьянами и крестьянами-собственниками, принята была безъ нѣкотораго волненія; но если послѣдствіемъ ея будетъ и обычная пассивная оппозиція, выражающаяся обыкновенно въ упорствѣ платежей и внутреннемъ, скрытомъ неудовольствіи—то и тогда нельзя признать такую мѣру обще-полезною въ государственномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея будетъ рано или поздно вынужденное сокращеніе сроковъ по выкупной операціи, что никогда не можетъ произойти безъ значительныхъ убытковъ, въ виду значительныхъ обязательствъ, принятыхъ правительствомъ предъ частными лицами.

Итакъ, нерѣшенный вопросъ ставится жизнію въ слѣдующемъ видѣ: льготы, предоставленныя временно-обязаннымъ крестьянамъ въ положеніи 19-го февраля, по неполнотѣ своей, указанной при самомъ составленіи положенія, требуютъ законодательнаго разъясненія. Между тѣмъ, дѣйствительная жизнь указываетъ, что экономическое положеніе временно-обязанныхъ крестьянъ и крестьянъ-собственниковъ въ такой мѣрѣ однородно и не схоже съ рѣзкимъ разграниченіемъ правъ ихъ буквою закона, что всякая новая мѣра, нарушающая это единство, установленное жизнію и исторією послѣдняго девятилѣтія, не можетъ быть признана обще-полезною въ государственномъ смыслѣ, какъ источникъ новаго и притомъ весьма сильнаго экономическаго потрясенія, отражающагося на милліонахъ людей. Слѣдовательно, задача состоитъ въ томъ, чтобы, не уменьшая реальнаго значенія льготъ обѣщанныхъ послѣ девятилѣтняго срока временно-обязаннымъ крестьянамъ, въ то же время сдѣлать ихъ доступными для крестьянъ-собственниковъ, получившихъ пособіе отъ казны и вмѣстѣ съ тѣмъ не нарушить правильнаго хода выкупной операціи. Задача

въ высшей степени трудная, громадная и важная; но державный исполнитель, который сумѣлъ явить доселѣ небывалый примѣръ спокойнаго и справедливаго осуществленія реформы, вездѣ стоившей крови и жертвъ, сотворить свою волю съ тѣмъ же Божьимъ благословеніемъ!

II.

Прислушиваясь къ толкамъ о настоящемъ вопросѣ, — а о немъ начали толковать много и вездѣ — я прежде всего останавлиюсь на одномъ способѣ рѣшенія, который принадлежитъ меньшинству, и притомъ заинтересованному. Говорятъ: «Поземельная собственность только-что отдохнула, едва начала оправляться и приходитъ во сколько-нибудь правильное положеніе, и вдругъ ей предстоитъ новое, коренное потрясеніе! Она не въ силахъ будетъ этого вынести, тѣмъ болѣе, что потрясеніе падаетъ теперь исключительно на серьезныхъ дѣятелей. Кто привыкъ ничего не дѣлать и тратить свое время по пустякамъ, тотъ давно получилъ выкупныя свидѣтельства и проматываетъ ихъ, по прежнему, доколѣ хватитъ. Временно-обязанныя отношенія сохранились большею частію между владѣльцами, усвоившими себѣ новые порядки вещей, перестроившими свое хозяйство съ затратою всѣхъ прежнихъ сбереженій и вступившими съ своими крестьянами въ такія обоюднo-выгодныя соглашенія, по которымъ землевладѣльцы даютъ имъ заработки и безъ труда получаютъ оброки. Все это должно рушиться. Въ виду того, что крестьяне-собственники остаются въ прежнемъ положеніи, — не лучше ли на нѣкоторое время оставить по-прежнему и крестьянъ временно-обязанныхъ; а тамъ, когда поземельная собственность соберется съ силами, всегда будетъ возможность прекратить временно-обязанныя отношенія путемъ, который укажетъ жизнь». Въ словахъ этихъ есть своя доля правды; но, — не говоря уже о томъ, что царское обѣщаніе не можетъ не быть исполнено, и что объ ограниченіи, даже временномъ, правъ, предоставленныхъ крестьянамъ положеніемъ 19 февраля, не можетъ быть и рѣчи, — мнѣ кажется, что съ одной стороны льготы могутъ быть предоставлены въ такой формѣ, которая не произведетъ никакихъ потрясеній, ибо льготы отстраняютъ невыгодныя для крестьянъ стороны, и должны въ свою очередь стремиться, чтобы не лишить ихъ того, что для нихъ дѣйствительно выгодно; а съ другой — всякое неподвижное и неизмѣнное продолженіе тѣхъ непрочныхъ, временныхъ и обоудно тяжелыхъ отношеній, которые

носятъ названіе временно-обязанныхъ и выкупныхъ, только увеличиваетъ наше экономическое разстройство, и на оборотъ, всякое ихъ облегченіе — дѣйствительно и существенно полезно для всѣхъ, для правительства, для землевладѣльцевъ, для другихъ сословій, не говоря уже о крестьянахъ, однимъ словомъ, для всего народа. — Эту истину я постараюсь доказать, насколько съумѣю *).

Начиная съ 1865 года, и до настоящей минуты, вопросъ о переселеніи никогда еще не поднимался серьезно въ нашей литературѣ; но онъ неизмѣримо выросъ въ обществѣ. Ежегодно приходится мнѣ дѣлать дальнія поѣздки по Россіи: на пароходахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ обществѣ я сталкиваюсь съ людьми самыхъ различныхъ слоевъ и самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи: въ послѣднее время мнѣ не случилось встрѣчать людей, которые бы не пришли сами къ убѣжденію о необходимости у насъ болѣе подвижности массы крестьянскаго населенія. Это опять тотъ же великій, нерѣшенный вопросъ, который носится въ воздухѣ, который собственною силою невольно прививается къ людямъ, вращающимся во всѣхъ колеяхъ внутренней жизни, вопросъ, который ждетъ и дождется своего осуществленія. Между тѣмъ, положеніе 19 февраля основано на совершенномъ отрицаніи свободы переселенія не только въ теченіи полувѣка, но если можно на болѣе продолжительный срокъ.

Положеніе 19 февраля 1861 года, и по громадности удачно и справедливо разрѣшеннаго соціального вопроса, и по мастерству исполненія, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ законодательныхъ памятниковъ, которые, появленіемъ своимъ, составляютъ эпохи въ цивилизаціи народа и человѣчества. — Это достоинство его неотъемлемо. Но оно для насъ имѣетъ двойное значеніе. Оно есть, во-первыхъ, законодательная мѣра, въ данный моментъ рѣшившая вопросъ о соціальномъ устройствѣ вышедшаго изъ крѣпостной зависимости населенія; во-вторыхъ, оно есть норма, выработанная для дальнѣйшаго движенія государственной жизни, въ теченіи цѣлаго полувѣка. Обѣ эти задачи совершенно различны, и потому одинъ и тотъ же кодексъ не можетъ ихъ разрѣшить вполнѣ. Непривычное возбужденіе на-

*) Вопросъ, поднятый едва ли не впервые почтеннымъ авторомъ, такъ важенъ для нашей общественной жизни, что мы, не вполнѣ раздѣляя взглядъ, проведенный въ статьѣ, на общину и на значеніе личности, не соглашаясь также и съ нѣкоторыми выводами, — тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ познакомить своихъ читателей съ тѣмъ рѣшеніемъ предстоящаго вопроса, которое предлагается авторомъ, во всякомъ случаѣ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ искреннимъ интересомъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ развитія нашей общественной жизни. — *Ред.*

родной дѣятельности въ моментъ установленія соціальной реформы требуетъ отъ руководящаго закона *неподвижности, устоя*, который долженъ умѣрять усиленное броженіе среды, отозванной отъ своего прошедшаго; но, въ свою очередь, этотъ характеръ неподвижности и устоя, какъ скоро онъ дѣлается масштабомъ обычной, вошедшей въ свою колею дѣятельности, — не соотвѣтствуетъ болѣе потребностямъ жизни бѣгущей, безпрестанно мѣняющейся, порой прихотливой, но подчиненной міровымъ законамъ безостановочнаго движенія и гармоніи. Положеніе, которое въ день 19 февраля 1861 г. смотрѣло на крестьянское сословіе, какъ на застывшую, приросшую къ своимъ мѣстамъ массу и защищало для этой массы ея насыщенное мѣсто и противъ всѣхъ внѣшнихъ притязаній, и противъ стремленія къ передвиженію со стороны самого народа, съ самою крайнею, но мудрою и безпристрастною послѣдовательностію, — исполнило свою великую задачу, и именно этой крайней приверженности положенія къ сохраненію крестьянской осѣлости Россія обязана и отсутствіемъ беспорядковъ, и незначительностію потрясенія, и возможностью скоро отъ него оправиться. Въ свою очередь, стремленіе видѣть въ двадцати-милліонномъ населеніи продолжающійся полѣтъ характеръ такой окаменѣлой формации, — можетъ отозваться тяжкимъ экономическимъ потрясеніемъ, какъ всякое противодѣйствіе естественному росту. Говоря такимъ образомъ, я не хочу сказать, что *коренныя основанія* положенія могутъ быть измѣнены: я думаю, не найдется благомыслящаго человѣка, который рѣшился бы не только сказать, но подумать это. Нѣтъ, — онѣ слишкомъ прочно легли фундаментомъ новой русской жизни; за то измѣненія въ подробностяхъ, въ смыслѣ уступокъ насущнымъ требованіямъ жизни, — также существенно необходимы, какъ въ свою очередь необходимо было на первыхъ порахъ строгое и неуклонное исполненіе *всякой буквы* положенія. Разберемъ, въ чемъ должны состоять, по нашему мнѣнію, такія уступки, касающіяся существенныхъ сторонъ положенія.

Основные начала положенія, камни, положенные въ главу угловъ, сводятся къ слѣдующимъ:

1) Главная соціальная задача положенія состоитъ въ *надѣлѣ крестьянъ землею* — это совершившійся фактъ, на которомъ упрочилось наше будущее. Надѣляя крестьянъ землею, положеніе могло взять ее *только на мѣстахъ прежней осѣлости*: это понятно и доказывать было бы излишне. Но, надѣляя такимъ образомъ, положеніе должно было устранить и устранило вопросъ, соотвѣтствуетъ ли то распредѣленіе населенія, которое оно застало, экономическимъ условіямъ страны, или, — ближе и яснѣе, — си-

даютъ ли крестьяне на мѣстахъ, обезпечивающихъ для нихъ выгодную затрату труда? Очевидно, что во время первоначальнаго, всеобщаго, одновременнаго надѣленія, такой вопросъ не могъ быть поднятъ; очевидно также, что положеніе, надѣляя крестьянъ землею, должно было придать этому надѣлу нѣкоторую устойчивость, сказать заранѣе, что это надѣленіе есть постоянное, не только на сегодняшний день. Но положеніе до крайности довело прикрѣпленіе крестьянъ къ отведенному надѣлу даже въ будущемъ: такъ, въ случаѣ будущей покупки земли, оно не позволяетъ крестьянину удалиться далѣе 15-ти верстъ отъ мѣста приписки; оно обѣщаетъ льготы крестьянину, выкупившему усадьбу въ видѣ права отказа отъ полевого надѣла и т. д. Что крестьянинъ прямо, по высочайшему манифесту, получилъ до нѣкоторой степени право собственности на усадьбу, имѣя право выкупить ее безъ согласія помѣщика, — это былъ первый шагъ къ надѣленію крестьянъ, и понятно, что положеніе съ такой теоретической точки зрѣнія могло обѣщать льготы выкупившимъ усадьбы. Но дальнѣйшій *опытъ* показалъ, что не только усадьба, даже четвертая часть надѣла достаточно не обезпечиваетъ крестьянина; и потому, сохраняя за нимъ высочайше дарованное право выкупа усадьбы, надо предоставить это вполнѣ его сознательному убѣжденію, по мѣстнымъ расчетамъ, но не насиловать его волю обѣщаніемъ привилегій, послѣ явнаго удостовѣренія, что въ общемъ смыслѣ приобрѣтеніе усадьбы не представляетъ достаточнаго обезпеченія. Что же касается до прикрѣпленія къ извѣстному району прежняго сидѣнія даже будущаго крестьянскаго владѣнія, то это положительно вредно. Обезземеленіе крестьянъ и свобода переселенія, — даже въ смыслѣ совершенно свободнаго отказа отъ земли, — не одно и тоже. Стремленіе положенія *отъчасти* закрѣпить извѣстный душевой размѣръ крестьянскаго владѣнія противорѣчитъ исторіи и политической экономіи. Исторія показываетъ, что аграрные законы, прекращая въ данную минуту монополію землевладѣнія, никогда не могли удержать его въ границахъ установленнаго ими передѣла; политическая экономія въ числѣ немногихъ, схваченныхъ ею общихъ законовъ, управляющихъ человѣческой дѣятельностію, несомнѣнно уяснила законъ, что всякая цѣнность имуществъ, какъ все существующее въ природѣ физической, заключаетъ въ самомъ себѣ способность дробимости и нарастанія, что распредѣленіе богатствъ совершается всегда взаимодействіемъ въ обществѣ двухъ противоположныхъ теченій, изъ которыхъ одно постоянно заставляетъ ихъ скопляться въ большихъ массахъ, а другое — распредѣляться между наибольшимъ количествомъ собственниковъ. Поэтому, нисколько

не посягая на принципъ надѣленія, необходимо предоставить ему законную свободу движенія. Эта законная свобода движенія состоитъ въ переходѣ отъ *надѣла по прежней оспѣлости къ надѣлу по свободному избранію*, или къ *свободѣ переселенія*. Нѣтъ сомнѣнія, что переходъ этотъ долженъ совершаться съ крайнею осторожностію и медленностію, нисколько не разрушая созданнаго положеніемъ, и удерживая во всей послѣдовательности самый принципъ земельного обезпеченія массы. Первоначальная дѣятельность можетъ быть здѣсь направлена, только 1) на *сглаживание нѣкоторыхъ крайностей положенія въ подробностяхъ, каковы требованія о покупкѣ земли, обезпечивающей пріемъ въ другое общество, и отказъ отъ надѣла, непременно въ 15-верстномъ разстояніи* (Ст. 143 Общ. Пол. ст. 125 Мѣст. Вел. Пол.), и т. п.; и 2) на предоставленіе возможности отказаться отъ надѣла по прежней оспѣлости въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстныя условія ставятъ общество въ слишкомъ невыгодное положеніе, котораго оно можетъ избѣжать перемѣною мѣстности. Въ этомъ смыслѣ я понимаю ту первоначальную свободу переселенія, которая можетъ быть предоставлена всѣмъ временно-обязаннымъ крестьянамъ и собственникамъ уже въ настоящее время, что и составитъ предметъ дальнѣйшаго изложенія настоящей статьи.

2) Второй коренной принципъ положенія есть *признаніе за крестьянскою общиною ея живой, народной силы*. Это было требованіемъ самой жизни: въ большинствѣ губернскихъ комитетовъ выразились, въ отношеніи къ общинному владѣнію, требованія, которыя докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 8 формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «признаніе общиннаго быта, какъ первостепеннаго и несомнѣннаго историческаго факта и могущественнаго на первый разъ орудія для обезпеченія повинностей и упроченія крестьянской самостоятельности; но предоставленіе вмѣстѣ съ тѣмъ общинѣ законнаго пути къ естественному, лишь внутреннею необходимостію вызванному, разложенію ея, на случай, если бы впослѣдствіи обнаружилось ея несоотвѣтствіе требованіямъ обновленнаго экономическаго быта». Но еще прежде существующей поземельной общинѣ придано было обязательное *административно-фискальное значеніе*. Въ высочайше утвержденномъ журналѣ главнаго комитета 4-го декабря 1858 года сказано: «для *всѣхъ* губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ, по народному обычаю, уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдываетъ и сими угодьями. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей. *Мірзъ отвѣчаетъ круговою порукою*

за каждого из своих членовъ, по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ.» Такова постановка общиннаго вопроса, выразившагося въ положеніи 19-го февраля. Очевидно, что допуская свободу разложенія поземельной общины, какъ временной и условной хозяйственной единицы и въ тоже время признавая ее главнымъ, можно сказать единственнымъ обезпеченіемъ отправленія повинностей въ пользу правительства и землевладѣльца, — законъ долженъ былъ отнять у нея тотъ характеръ свободы, по которому вступленіе лица въ общину и выходъ его оттуда зависать единственно отъ его воли, отъ его личныхъ соображеній, т. е. сдѣлать существующую поземельную общину обязательною, въ такой мѣрѣ, что *меньшинство* можетъ удерживать въ общинѣ *большинство*: разложеніе поземельной общины допускается только по большинству *двухъ третей*, слѣдовательно всякое, абсолютное большинство, не достигшее до этого предѣла, должно *обязательно* уступать меньшинству. Вопросъ объ общинѣ въ послѣднее время началъ проясняться и ученіе объ особеніи человѣческой единицы, — плодъ римскаго абсолютизма, перенесенный на почву новаго времени схоластическою юриспруденціею, — теряетъ послѣднихъ защитниковъ. Мнѣ кажется, что значеніе общины все еще не оцѣнено по достоинству: точно также какъ завязь, основа всякаго живущаго организма есть клѣточка, сама по себѣ цѣльный и сложный организмъ, — точно также основаніемъ общественной формаціи служить семья, вѣружкѣ, община, общество, — а не отдѣльный индивидуумъ, — который, самъ по себѣ — есть недоконченное бытіе.

А потому община, какъ свободный, личный союзъ, есть не только *фактъ*, хотя бы и первостепенный, онъ есть *законъ*, какъ норма политической правоспособности массъ и естественная гарантія всякаго самоуправленія. Торжество зиждущаго, христіанскаго начала ассоціаціи надъ разлагающимъ міазмомъ *обособленія*, — надъ все еще живущимъ и могучимъ девизомъ римскаго деспотизма: *divide et impera*, — есть задача новаго времени..... Но всякій законъ осуществляется въ переходящихъ, историческихъ формахъ, гдѣ къ его вѣчной правдѣ прирастаютъ постоянно мѣняющіяся условія мѣста и времени; неумѣніе отдѣлить въ данномъ случаѣ этотъ приростъ и составляетъ причину такого бесплоднаго и нескончаемаго спора между защитниками у насъ общиннаго и личнаго землевладѣнія. *Поземельная община* есть одно изъ такихъ переходящихъ, историческихъ формъ, гдѣ свободный личный союзъ людей выразился въ *общности землевладѣнія*, какъ видимомъ признакѣ единства интересовъ. Но эта поземельная община можетъ являться въ самыхъ

разнообразныхъ формахъ нормальнаго и патологическаго осуществленія. Такъ, *нормальными* формами являются съ одной стороны та первобытная поземельная община, гдѣ кочующій народъ переходитъ къ осѣдности и можетъ овладѣть природою только совокупностью общественныхъ условій, что мы видимъ въ первоначальныхъ нашихъ славянскихъ общинахъ, или такъ-называемомъ общинномъ бытѣ, у германскихъ племенъ, въ первоначальномъ устройствѣ ихъ маркъ и т. д.; а съ другой тѣ современные загадки позднѣйшихъ поземельныхъ общинъ, гдѣ мелкое личное землевладѣніе соединяется вмѣстѣ, чтобы выдерживать борьбу съ крупными, каковы англійскіе land societies и др. *Патологическими* формами являются всѣ тѣ формы, гдѣ община утратила характеръ личнаго союза, состоящій въ свободѣ вступленія и выхода, и является прикрѣпленною такъ или иначе къ землѣ,—въ смыслѣ *крѣпостной* или *фискальной* кабалы. Наша поземельная община, какъ фискальная единица, и какъ обезпечивающая повинности передъ помѣщикомъ, въ этомъ смыслѣ является *патологическою*, хотя патологическое ея состояніе есть непремѣнное условіе тѣхъ прежнихъ болѣзней, которыя вынесъ русскій народъ, на пути своего историческаго развитія. И потому преобразование этой общины не можетъ быть *ломомъ*, а можетъ быть только *благомъ*, лишь бы оно совершилось не путемъ насилія, а спокойною внутреннею самодѣятельностію; и потому всякія искусственныя мѣры, закрѣпляющія у насъ поземельную общину—*положительно вредны*. Одна изъ величайшихъ заслугъ положенія 19 февраля есть признаніе *административной* или *политической* общины, какъ свободнаго, личнаго союза и основаннаго на этой системѣ крестьянскаго самоуправленія. Приведенныя слова журнала главнаго комитета,—*для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ*,—заключаютъ въ себѣ этотъ глубокій смыслъ. Хозяйственное значеніе поземельной общины тотъ же журналъ понимаетъ совершенно правильно, только какъ *фактъ: въ тѣхъ изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ, по народному обычаю, уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе заводитъ и сими угодьями*. Но повсемѣстное фискальное закрѣпленіе поземельной общины, въ формѣ обязательной круговой поруки, необходимое на первыхъ порахъ, требуетъ уничтоженія уже потому, что, не принося особенно существенной пользы, оно уже сказалось на опытѣ, какъ величайшее зло современнаго крестьянскаго экономическаго быта, парализующее всякое его стремленіе къ упроченію своего благосостоянія. Съ одной стороны, круговая порука вытѣсняетъ насильственно изъ крестьян-

ской общины всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ, при первой возможности перехода въ другія сословія, и потому насильственно должна разрушить не только хозяйственное, но и административное значеніе общины; съ другой стороны, — при отнятіи у членовъ поземельной общины права свободного выхода, — она окончательно убиваетъ всякую энергію къ труду и подкапываетъ въ самомъ корнѣ то улучшеніе народнаго быта, которое общаю высочайшимъ манифестомъ 19 февраля 1861 г. Въ самомъ дѣлѣ, многимъ ли отличается положеніе богатаго крестьянина, въ теперешнее время, когда онъ все свое достояніе, всѣ сбереженія трудовъ жизни долженъ отдать за перваго пьяницу или лѣнтяя, — незаплатившаго своихъ повинностей правительству или помѣщику, — отъ прежняго крѣпостного быта, когда точно также все его достояніе могло перейти въ кошелекъ помѣщика по первому его капризу? Народъ ненавидитъ круговую поруку, и не разъ смѣлое приложеніе ея вызывало безпорядки; а сколько эта порука принесла матеріальнаго и нравственнаго вреда — того и не перечесть. Сколько людей трудолюбивыхъ перестало или вовсе не начинало трудиться; сколько лѣнтяевъ или дармоѣдовъ спокойно заснуло, зная, что въ крайнемъ случаѣ за нихъ отвѣчаетъ другой; и потомъ, какое же нравственное уваженіе къ народу и праву собственности, — этимъ кореннымъ основамъ гражданскаго быта, можетъ воспитаться въ обществѣ, гдѣ трудолюбіе наказывается за лѣность? какой внутренній міръ, какое согласіе и взаимное уваженіе, — «добрыя сосѣдскія отношенія» — могутъ удержаться въ общинѣ, гдѣ разъ прошла круговая порука и навсегда возстановила одну часть населенія на другую? Оттого крестьяне, повторю, при первой возможности, — и только по этой одной причинѣ, — бѣгутъ изъ общины: ссылаюсь на замѣчательный фактъ, встрѣченный мною въ Самарской губерніи, гдѣ въ послѣднее время въ значительной степени начинаютъ усиливаться выходы крестьянъ, на основаніи 140 ст. мѣст. пол., по которой домохозяинъ, внесшій въ мірской капиталъ сумму равную капитализированному оброку изъ 6-ти процентовъ, можетъ выйти изъ общества, безъ согласія послѣдняго и помѣщика. Любопытенъ также другой фактъ о которомъ я узналъ тоже въ Самарской губерніи: крестьяне, купившіе обществами или товариществами значительные земельные участки, — тотчасъ же раздѣлили ихъ на отдѣльные пай и не ввели тамъ общиннаго пользования землею.

3) Наконецъ, третій элементъ, внесенный въ нашу жизнь положеніемъ — есть *выкупъ*. Выкупъ былъ та единственная форма, въ которой, на первыхъ порахъ, могло осуществиться рядомъ

надѣленія крестьянъ участками, въ видѣ законно дошедшей къ нимъ собственности и вознагражденія помѣщиковъ за отходящія отъ нихъ земли, объявленные высочайшимъ манифестомъ *собственностію* владѣльцевъ. Другую форму не только тогда, — но и теперь — пріискать невозможно. Между тѣмъ опытъ показалъ, что скопленіе въ рукахъ правительства такого громаднаго количества полувѣковыхъ обязательствъ, изъ которыхъ большинство заключено помимо отвѣтствующихъ за нихъ лицъ; а съ другой стороны, принятіе на себя такой тоже громадной цифры отвѣтственности предъ множествомъ владѣльцевъ выкупныхъ бумагъ, — представляетъ не малое затрудненіе въ странѣ съ такою бѣдною и мало развитою промышленностію, какъ Россія. Изъ всѣхъ финансовыхъ операцій, — выкупная доставляетъ въ настоящее время наименѣе выгодъ правительству, но въ тоже время представляетъ наиболѣе трудности и столкновеній съ массою. Положимъ, что правительство, неся это бремя, тѣмъ самымъ исполняетъ самую священную часть своихъ обязанностей — заботу о благосостояніи большинства. Но выкупъ, и въ особенности обязательный, — какъ это было уже мною достаточно объяснено, — имѣетъ не одну эту дурную сторону. Необходимая продолжительность этой операціи и трудность рѣшиться на какія-нибудь въ ней уступки, — изъ боязни надорвать ее прочность, — всего болѣе способствуютъ тому неподвижному прикрѣпленію, неизмѣнное продолженіе котораго, — и не можетъ быть прочно на весь 49-лѣтній срокъ, и само по себѣ экономически вредно. Какъ въ настоящее время, по вопросу о 9-лѣтнихъ льготахъ, такъ и при всякой другой мѣрѣ, вызванной обстоятельствами и одинаково примѣнимой для улучшенія быта всего сельскаго населенія, выкупъ является въ видѣ зловѣщаго призрака, — противнаго всякой уступкѣ, всякому облегченію. И потому, по моему мнѣнію, продолженіе этой операціи, — если оно и необходимо, — то *вовсе не желательно*. Мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ а) обязательный выкупъ долженъ быть прекращенъ послѣ девятилѣтняго срока; б) долженъ быть дозволенъ выкупъ по соглашенію, съ дополнительнымъ платежемъ или безъ онаго, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне, примѣняясь къ статьѣ 36 пол. о выкупѣ, сами назначали количество подлежащей выкупу земли; в) чтобы назначены были болѣе короткіе сроки выкупной операціи по банковому разсчету и крестьянамъ предоставлено было право избирать тѣ сроки, которые они сочтутъ наиболѣе для себя выгодными; д) чтобы при предъявленіи крестьянамъ о выкупѣ, объявлялось крестьянамъ особо о невозможности для нихъ перехода на другія мѣста, до совершеннаго погашенія выкупной сдѣлки,

о чемъ они должны давать, при заключеніи договора, особую подписку.

Послѣ этого необходимаго отступленія, возвращаюсь къ вопросу.

Я сказалъ, что всякое продолженіе временно-обязанныхъ и выкупныхъ отношеній,—въ той неизмѣнной, со всѣми подробностями, формѣ, какъ они установлены положеніемъ 19 февраля, только увеличиваетъ наше экономическое разстройство; и что единственное радикальное противъ этого средство есть *свободное переселеніе*, въ извѣстныхъ предѣлахъ допущенное. Постараюсь разъяснить первое.

Г. Елисѣевъ недавно доказывалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», что все наше населеніе сидитъ не на мѣстѣ, а тамъ, гдѣ ему указалъ капризъ крѣпостного права. Такой выводъ очевидно одностороненъ и невѣренъ; но нельзя не сознаться, какъ то впрочемъ извѣстно всякому, что наше размѣщеніе сложилось «не по правиламъ комфорта»! И, не смотря на то, внутреннее передвиженіе населенія *никогда* не было у насъ такъ стѣснено, какъ послѣ надѣленія крестьянъ землею. Передвиженіе, правда, совершалось въ прежнее время иногда деспотически, простою высылкою по наряду преимущественно казенныхъ крестьянъ и даже съ мѣстъ привольныхъ на безплодныя; но то были исключительные случаи, которые не надо возводить въ общее правило. Стоитъ только припомнить быстрое заселеніе новороссійскихъ степей при Екатеринѣ и сравнительно позднѣйшій наплывъ переселенцевъ въ восточную степную полосу, въ Оренбургскую и Самарскую губерніи, особенно сильный въ 1835 году. Такія значительныя переселенія у насъ были не только *свободныя*, но всегда *льготныя*: переселенцамъ обѣщались всегда на новыхъ мѣстахъ значительныя преимущества, такъ-что въ народѣ понятія о *переселеніи* и о *льготѣ* слились между собою неразрывно. «Куда вы собрались, вѣдь у васъ и здѣсь мѣсто привольное!» говорили собирающимся переселиться въ послѣднее время крестьянамъ. «Вѣстимо, мѣстомъ нечего браковать, родить хорошо, ну и вода есть, и лѣску тоже;—да вотъ платежи очень ужъ загоняютъ, а тамъ все полегче будетъ, на новыхъ-то мѣстахъ чу ничего не платятъ, льготы тамъ есть-такія для поселенцевъ!»—«Да какія жъ тамъ льготы, вѣдь ничего не объявлено объ льготахъ, — никакихъ льготъ значить и на новыхъ мѣстахъ не будетъ, а все платить придется—и подушное, и за землю за коренную оброкъ, и другіе, какіе тамъ есть сборы». —«Когда не будетъ льготъ, этого николи не было, чтобы переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ льготъ не давали, тогда за чѣмъ и

переселяться, когда на новомъ мѣстѣ никакой вольготности не получить, ужъ лучше приходится терпѣть на старомъ»! Прежнія льготныя переселенія вызывались государственными соображеніями и служили обыкновенно средствомъ къ заселенію вновь приобрѣтенныхъ обширныхъ владѣній, какъ средство болѣе спокойнаго и обеспеченнаго обладанія ими. А потому они мало имѣютъ общаго съ тѣмъ *добровольнымъ* переселеніемъ людей изъ одной мѣстности въ другую, вслѣдствіе личныхъ соображеній и расчетовъ, которое мы разумѣемъ подъ переходомъ отъ надѣла по прежней осѣдлости къ надѣлу по собственному избранію. Безъ сомнѣнія, — соображенія государственныя и правильные расчеты частныхъ лицъ, въ общемъ смыслѣ, совпадаютъ между собою: и для государства, и для частныхъ лицъ было бы выгодно, чтобы пустыя наши окраины, отличающіяся плодородною почвою и благодатнымъ климатомъ, какъ Кавказъ, Крымъ, Туркестанская область, и вообще огромное число земель, лежащихъ безъ разработки въ губерніяхъ всего щедрѣ награжденныхъ природою, были какъ можно скорѣе заняты и пущены въ общій оборотъ народной промышленности; но мы думаемъ, что всякое поспѣшное и насильственное исполненіе такого передвиженія не только произвело бы нѣкоторое экономическое сотрясеніе въ самомъ началѣ, но и въ будущемъ едва ли бы вознаградилось обширностію полученныхъ результатовъ. Обиліе желѣзныхъ дорогъ, частыя путешествія на заработки, вообще жизненное развитіе, неизбѣжно связанное съ улучшеніемъ путей сообщенія и удешевленіемъ средствъ передвиженія само вызоветъ — въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, — стремленіе къ такому передвиженію, такъ-что у насъ можетъ и должно образоваться, въ предѣлахъ собственнаго государства, нѣсколько такихъ *постоянныхъ, внутреннихъ теченій народонаселенія*, какія существуютъ въ Америкѣ ¹⁾, — при сходныхъ условіяхъ пустынныхъ, но бога-

¹⁾ Одно изъ главныхъ условій развитія американской промышленности есть совершенная свобода передвиженія. По цenzу 1860 г., изъ 32 миллионъ жителей въ Соединенныхъ Штатахъ, только 17½ миллионъ оставались на мѣстахъ, гдѣ родились. Кромѣ переселенія изъ Европы, существуетъ сильный и постоянный токъ туземнаго населенія съ востока на западъ, изъ Нью-Йорка, Пенсильваніи, обѣихъ Каролинъ, Теннесси и Канзаса въ Иллинойсъ, Миссури, Іову, Мичиганъ, Висконсинъ и Техасъ. Токъ этотъ, продолжавшійся и во время войны на западъ создаетъ, безпрестанно новые штаты. Во время войны западная Виргінія отдѣлилась отъ восточной; Канзасъ, Невада и Небраска изъ территорій сдѣлались штатами; Колорадо, признанная территорією лишь 28 февраля 1861, только вслѣдствіе вето президента, 8 мая 1866 г., противъ рѣшенія конгресса ходатайствовала о признаніи ея отдѣльнымъ штатомъ; Дакота, Аризона, Адаго и Монтана признаны территоріями. Иллинойсъ въ 1865 г. сдѣлалъ у себя мѣстный цenzъ и оказалось, что населеніе его съ 1860 г. увеличилось

тыхъ всѣми естественными дарами окраинъ и незанятыхъ площадей внутри страны. Но, чтобы такой внутренній токъ образовался или получилъ важное экономическое значеніе для страны,—а оба эти условія *едины*, ибо значительный токъ не образуется, если онъ не будетъ сопровождаться на мѣстахъ новаго поселенія прочными и выгодными результатами, — необходимо, чтобы до нѣкоторой степени и у насъ присутствовали въ массѣ американскія или, лучше сказать, обще-человѣческія колонизаторскія способности: извѣстная доля энергіи, привычка къ настойчивому и постоянно разнообразному труду, нѣкоторая техническая подготовка, все это прибрѣтенное на мѣстахъ первоначальной осѣдлости. Всего этого, въ массѣ русскаго крестьянства, нѣтъ и быть не можетъ, ибо, всѣ такія способности, полученныя русскимъ человѣкомъ отъ природы, убиты были крѣпостнымъ правомъ.

Поколѣніе переходное,—поколѣніе, на долю котораго выпала не только *матеріальная*, но и *нравственная* ликвидація печальнаго прошедшаго—мы страдаемъ не столько отъ экономическаго потрясенія, вызваннаго совершившимися переворотами привычнаго строя, сколько *нравственною немощью*, наслѣдственнымъ неумѣньемъ воспитать въ себѣ тѣ строгія и опредѣленныя требованія, которыя налагаетъ на человѣка и общество, и неизвѣданная нами до сихъ поръ свобода. И старшіе, и меньшіе братья,—и дворянство и крестьянство,—въ лицѣ современнаго поколѣнія, платятъ дань за свое прошедшее и внутри себя не находятъ силъ, чтобы принаровиться къ настоящему. Такъ, по отзыву людей, знающихъ и не одностороннихъ, крестьяне, послѣ освобожденія, вообще стали меньше работать, нежели при крестьянскомъ правѣ, хотя результаты этой меньшей работы распредѣлялись совершенно иначе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько подняли уровень крестьянскаго благосостоянія: вотъ прямое доказательство отсутствія энергіи и привычки къ настойчивому и разнообразному труду, при которыхъ только и возможно прочное и дѣйствительное экономическое народное преуспѣяніе.

Для того, чтобы онѣ, эти дорогія и присущія русскому человѣку по его природѣ качества, воскресли и окрѣпли, необходимо *время* и *образованіе*. Вотъ отъ чего прискорбно видѣть, что земскія учрежденія въ образованіи видятъ предметъ самой *отдален-*

на 414,000 человѣкъ, почти на 25% населенія. Цѣлыя вереницы переселенцевъ тянутся въ горныя западныя округа; пароходы по Миссиссиппи ежедневно везутъ тысячи на южныя залежи и пустыри,—тамъ же освобожденнымъ неграмъ отводятся плодородные участки.

ной потребности и большею частію скупы въ своихъ пожертвованіяхъ на этотъ предметъ. Но факты и наблюденія показываютъ съ другой стороны, что крестьянское сословіе начинаетъ замѣтно оправляться отъ того застоя и отсутствія всякой предпріимчивости и привычки къ труду, къ которымъ его приучило крѣпостное право. Въ черноземныхъ и степныхъ губерніяхъ, — какъ въ восточной, такъ и въ западной и юго-западной полосѣ, общій выводъ таковъ: *цѣны за сдачу земель повысились, повысились также вообще цѣны на хлѣба и земледѣльческіе продукты, но цѣны на наемъ рабочихъ значительно упали*. Эти два факта рядомъ неопровержимо доказываютъ, что прежнее отвращеніе крестьянъ къ земледѣлію, напоминавшему имъ барщину и крѣпостное задѣлье, прошло; масса крестьянъ, обратившаяся сначала къ всевозможнымъ другимъ промысламъ, въ особенности мелочной торговлѣ и скупничеству, потерпѣвъ неудачу отъ слишкомъ большой конкуренціи, вернулась къ землѣ; желаніе трудиться и пользоваться нѣкоторыми удобствами начинаетъ побуждать прежнюю лѣнь, считавшую уплату повинностей — вѣнцемъ всякаго экономическаго благополучія, если за тѣмъ оставалось нѣсколько грошей на брагу или въ кабакъ. Поэтому, накопленіе энергіи и привычки къ разнообразному труду, зависящее отъ самого населенія, пойдетъ у насъ своимъ чередомъ, лишь бы уничтожена была круговая порука и трудолюбіе крестьянъ не встрѣчало какихъ-либо особыхъ преградъ; а распространеніе образованія въ народѣ лежитъ на обязанности правительства и земства. Если передвиженіе населенія будетъ совершаться совершенно *свободно*, само собою, помимо всякихъ льготъ и ограниченій, и притомъ если оно будетъ совершаться *постепенно*, по мѣрѣ усвоенія народною массою тѣхъ колонизаторскихъ способностей, или, скажемъ болѣе, условій, которыя мы видимъ въ Америкѣ и вездѣ, гдѣ колоніи удавались, даже у насъ на нѣмцахъ, всегда приносящихъ съ собою эти данныя, присущія уже давно всей *германской расѣ*; то сама жизнь укажетъ немедленно тѣ пункты, которые наиболѣе нуждаются въ приливѣ населенія и которые поэтому щедрѣе всѣхъ другихъ оплачиваютъ переселенцевъ ¹⁾. И

¹⁾ Отсутствіе у насъ не *жителей*, а *рабочихъ* въ данную минуту часто основано на такихъ оригинальныхъ фактахъ, что повѣрить трудно. Нечего и говорить, что купцы, имѣющіе значительные заѣзды въ степныхъ губерніяхъ и нуждающіеся въ сотняхъ рукахъ для жатвы, не имѣютъ во внутреннихъ губерніяхъ ни конторъ, ни агентовъ для высылки рабочихъ, и что, съ другой стороны, въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда выходятъ рабочіе, никто не вздумалъ организовать это дѣло сколько-нибудь правильно, а отправляются на работу или остаются дома крестьяне *зря*, по воспоминаніямъ прошлаго лѣта. Кромѣ этой безурядицы, дѣло происходитъ обыкновенно слѣдующимъ обра-

потому такого усиленнаго переселенія, изъ одного края Россіи въ другой, которое бы имѣло непосредственное и замѣтное вліяніе на весь строй нашей промышленности и измѣнило существующее распредѣленіе производства продуктовъ, свойственныхъ въ настоящее время той, или другой мѣстности, я не предполагаю въ настоящее время и не имѣю данныхъ предположить; иначе, я смотрѣлъ бы совершенно иначе на наше ближайшее экономическое будущее, и на настоящее финансовое положеніе. Господа, защищающіе немедленную свободу переселенія, пусть объяснятъ мнѣ — фактически, кто и куда, по ихъ мнѣнію, будутъ переселяться, когда у насъ все крестьянское населеніе обязательно прикрѣплено къ землѣ на 40-ка-лѣтній срокъ? А также пусть они мнѣ докажутъ фактически, что совершившееся при настоящихъ условіяхъ, т. е. при теперешнемъ недостаткѣ у нашихъ переселенцевъ нравственнаго и матеріальнаго капитала всякаго рода (не исключая орудій), переселеніе принесло гдѣ-нибудь значительные плоды и сопровождалось прочнымъ водвореніемъ какаго-нибудь усовершенствованнаго производства или обработки цѣннаго земледѣльческаго продукта. Что же касается до народнаго переселенія нѣсколькихъ десятковъ тысячъ чело-вѣкъ, то такое переселеніе совершенно незамѣтно въ цѣлой Россіи, совершается само собою, пополняясь изъ бродячаго элемента, городского и сельскаго, и отчасти удовлетворяетъ текущимъ нуждамъ, при измѣненіи направленія торговыхъ путей и расположенныхъ на нихъ станцій; но такое переселеніе не можетъ имѣть вліянія на *промышленное значеніе* мѣстности, куда оно направлено, ибо весь избытокъ переселяющихся рукъ сейчасъ же поглощается существующею уже торговлею или промысломъ. Это есть передвиженіе по городскимъ и торговымъ пунктамъ того, что называется *подвижнымъ населеніемъ*, и которое пополняется всѣмъ промышленнымъ и торгующимъ людомъ, не имѣющимъ земельной осѣдлости и перекочевывающимъ изъ одной мѣстности въ другую. Но, такъ какъ у насъ процентъ этого подвижнаго или промышленно-торговаго населенія чрезвычайно малъ и совершенно отсутствуетъ главный

зомъ: является партія рабочихъ, напримѣръ, въ Самарѣ, ее атакуютъ со всѣхъ сторонъ прикащики и предлагаютъ на-перерывъ самыя выгодныя условія; сдѣлились—сидятъ на подводы и везутъ за 50—100 на поля. Въ половинѣ работы, когда всѣ мѣста уже заняты, прикащики, по уговору, объявляютъ, что цѣны пали и что они не могутъ платить общаго, а только половину. Что дѣлать? идти съ пустыми руками? чаще крестьяне продолжаютъ жать, смиренно покоряясь своей участи, но иногда выходитъ исторія и начинается полицейское разбирательство. Но, понятно, что на другой годъ эти рабочие уже не являются.

элементъ этого населенія, дающій ему значеніе на Западѣ, — *безземельный фабричный рабочий*, замѣняющійся у насъ приходящимъ изъ села крестьяниномъ, имѣющимъ свой постоянный надѣлъ, — то промышленность наша гораздо ограниченнѣе и тѣснѣе въ своемъ районѣ, не такъ подвижна, какъ на Западѣ и имѣетъ свой мѣстный, весьма опредѣленный и ясный характеръ, который отрицаютъ только люди, незнакомые съ условіями нашего быта. Мнѣ только странно, что до сихъ поръ рѣшающіеся говорить объ этомъ предметѣ и, разумѣется, знающіе, что у насъ нѣтъ безземельныхъ фабричныхъ рабочихъ, — потому что кто-жъ этого не знаетъ, — не поставили и не рѣшили сами для себя слѣдующей дилеммы: если промышленность наша должна идти въ уровень съ иностранною, то она должна имѣть подъ руками и тѣ же средства, т. е. между прочимъ, безземельныхъ фабричныхъ рабочихъ. Итакъ, что выгодно *для народа*: имѣть-ли внутреннюю промышленность, соперничающую съ иностранною, и для того, разрѣшивъ свободу торговли, въ видахъ соревнованія, вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать обезземеленію крестьянъ, разными средствами, помогая имъ отдѣлаться отъ надѣла, предоставленнаго имъ положеніемъ; или, защищая великій принципъ, внесенный положеніемъ и тѣмъ ноставляя фабричную дѣятельность въ условія своеобразныя и гораздо тѣснѣйшія нежели на Западѣ — оградить начатки ея отъ подавленія иностранною конкуренціею, располагающею несравненно болѣе значительными и выгодными средствами производства въ массѣ пролетаріата, съ-молоду приучающаго себя къ неблагодарному занятію фабричною работою, и потому предлагающей всѣ продукты *дешевле* для потребителей. Вотъ основаніе, почему, рядомъ съ мыслью о *свободѣ переселенія*, я всегда говорилъ о необходимости у насъ въ настоящее время въ *извѣстной степени* протекціонизма, какъ временнаго обезпеченія средствъ прокормленія для большинства сельскаго населенія, прикрѣпленнаго къ непроизводительной почвѣ на долгій срокъ и до сихъ поръ кормившагося фабричными работами. Мнѣ кажется, я въ настоящее время, съ надлежащею полнотою, разъяснилъ свои мысли, не лишеныя, какъ читатели сами видятъ, даже *логической послѣдовательности*, въ отсутствіи которой меня упрекали «Московскія Вѣдомости», хотя за логическою послѣдовательностію не всегда стоитъ жизненная правда, и на оборотъ!

Итакъ, первое положеніе, которое я имѣю въ виду, говоря о свободѣ переселенія, таково:

Свобода переселенія, предоставленная въ настоящее время

крестьянскому сословію, не можетъ быть *полною и неограниченною*.

1) Потому, что предоставленіе полной свободы переселенія могло бы повести къ обезземеленію крестьянъ и лишенію ихъ того обеспеченнаго положенія, которое придало имъ положеніе 19-го февраля, дарованіемъ установленнаго надѣла.

2) Потому, что на крестьянскомъ сословіи лежитъ масса обязательствъ, вслѣдствіе выкупа и пользованія надѣломъ, которая такъ или иначе должна быть уплачена или исполнена въ отношеніи къ частнымъ лицамъ и землевладѣльцамъ. Къ 17-му іюля настоящаго года долгъ, лежащій на крестьянахъ, вслѣдствіе оконченныхъ уже выкупныхъ сдѣлокъ, простирается свыше 385½ миллионновъ, а до 19-го февраля 1870 года, долгъ этотъ значительно возрастетъ, въ особенности, принимая въ расчетъ сдѣлки, уже предъявленные, но не оконченные. Легкомысленно обращаться съ такими цифрами могутъ только люди, ничего не понимающіе въ обыкновенной житейской обстановкѣ, гдѣ важность государственнаго кредита чувствуется на каждомъ шагѣ; а потому, при всякомъ дѣльномъ разсужденіи о возможномъ примѣненіи законодательства къ новымъ требованіямъ жизни, надо не опускать изъ виду этотъ историческій, неуплаченный долгъ, текущіе платежи котораго тѣмъ или другимъ способомъ должны быть обеспечены, въ пользу владѣльцевъ облигацій.

3) Потому, что свободное переселеніе, вызвавъ значительное передвиженіе массъ, не обладающихъ ни матеріальнымъ капиталомъ, въ видѣ денегъ, орудій, скота и проч., ни нравственнымъ, въ видѣ образованія, энергіи и способности къ разнообразному труду массъ, прибывающихъ на пространства, гдѣ они точно также, какъ и на прежней родинѣ, лишены всякаго пособія общественнаго и частнаго кредита, руководство людей знающихъ и технически образованныхъ, сколько-нибудь организованныхъ путей сбыта и посредниковъ въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ, не въ видѣ кулака-мартышки, захватывающаго въ свои руки монополію скупки и продажи въ возникающей колоніи, такое свободное переселеніе едва-ли бы окупило неизбежность экономического сотрясенія на первыхъ порахъ—обиліемъ достигнутыхъ результатовъ въ близкомъ будущемъ. А работать на отдаленное потомство, спокойно принимая убытки и разоренія въ близкомъ будущемъ, тоже, что приниматься строить надъ фундаментомъ крышу, не выведя какъ слѣдуетъ стѣнъ и замѣнивъ ихъ на время кое-какими перегородками.

Но все это—возраженіе противъ *крайности* *свободнаго переселенія*, точно также, какъ въ началѣ я возражалъ противъ *край-*

ности прикрѣпленія къ землѣ, установленнаго положеніемъ. Истина, какъ вездѣ въ жизни, лежитъ въ срединѣ между этими двумя крайностями. Какъ ее найти, или лучше сказать, какъ ее формулировать?

Прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я постараюсь поставить его на вѣрной и совершенно опредѣленной почвѣ, — чтобы избѣжать недоразумѣній и всякихъ діалектическихъ придиорокъ, которыя у насъ обыкновенно каждый вопросъ превращаютъ въ праздное словоизверженіе или поединокъ авторскихъ самолюбій, вооруженныхъ вмѣсто слова, этого оружія свободныхъ людей, какъ называлъ его покойный К. С. Аксаковъ, чаще всего самыми площадными ругательствами.

Главное положеніе мое таково: «принципъ свободного переселенія есть вѣчный и неизмѣнный законъ общечеловѣческаго развитія; и потому всякое законодательство тѣмъ болѣе приближается къ своему совершенству, чѣмъ безусловнѣе и шире оно признаетъ такую свободу. Но какъ законодательство есть слѣдствіе примѣненія естественныхъ правъ человѣка, вытекающихъ изъ существа его разумно-свободной воли, подчинившейся общежитію, къ условіямъ данной мѣстной среды, въ извѣстное время, то неограниченная, безусловная свобода переселенія можетъ быть допущена въ государствѣ только тогда, когда въ самыхъ условіяхъ мѣста и времени данной страны нѣтъ препятствій къ такому переселенію, выработанныхъ прежнею жизнію и еще не отстраненныхъ тѣмъ уровнемъ нравственного и экономическаго развитія, котораго достигло извѣстное государство. Мы видѣли, что для Россіи такія условія существуютъ: съ одной стороны *долгъ*, невыполненіе лежащихъ на освобожденномъ населеніи обязанностей, какъ препятствіе *экономическое* или лучше сказать *внѣшнее*; съ другой стороны — недостатокъ развитія только что освобожденной массы, еще не имѣвшей времени привыкнуть къ свободному труду и оцѣнить все благодѣяніе дарованнаго ей положеніемъ обязательнаго надѣла, такъ что свобода переселенія и возможность обезземеленія крестьянъ, на первыхъ порахъ, дѣйствительно между собою сливаются, — что уже составляетъ препятствіе *нравственное* или лучше сказать *внутреннее*. Если внѣшнее препятствіе можетъ быть снято всякимъ другимъ способомъ погашенія лежащаго на крестьянахъ долга; — то внутреннее препятствіе вдругъ ничѣмъ не можетъ быть удалено и требуетъ постепенности. За тѣмъ вообще «задача всякаго прогрессивнаго законодательства въ отношеніи къ опредѣленію мѣсто-пребыванія гражданина заключается въ постепенномъ приближеніи къ обезпеченію за каждымъ возможно широкой и неограни-

ченной свободы перемѣны мѣстожителства или свободы переселенія». Поэтому, выставивъ органическія государственныя причины, препятствующія у насъ приведенію въ дѣйствіе немедленнаго и совершенно свободнаго переселенія, — вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы исполнить задачу прогрессивнаго законодательства, необходимо этимъ препятствующимъ причинамъ настолько противодѣйствовать или настолько ихъ удалять, чтобы онѣ, во всей своей совокупности, постепенно уменьшались, сглаживались и уничтожались и отнюдь взаимно себя не поддерживали. Что касается до *внѣшняго* препятствія, *дома*, — то предѣлъ его опредѣлить, а за тѣмъ каждый лишній платежъ уменьшаетъ тягость, а слѣдовательно увеличиваетъ финансовыми оборотами, болѣе равномерно распределенными. Но изъ внутреннихъ препятствій постоянное и единовременное пониженіе обоихъ не достаточно обезпечено. Во-первыхъ, оба эти препятствія: *отсутствіе энергіи и образованія для обезпеченія развивающихся потребностей разнообразнымъ трудомъ и сознательное убѣжденіе въ необходимости земельного надѣла, какъ средство обезпеченія экономической и гражданской независимости*, неразрывно между собою связаны, какъ все духовное, нравственное, не имѣющее *пограничности* внѣшней, физической природы. Только путемъ образованія и энергіей труда крестьяне дойдутъ до сознанія о внутренней цѣнности своей поземельной собственности; только сознаніе такой внутренней цѣнности, замѣняющей понятіе объ обязательномъ надѣлѣ, оплачиваемомъ повинностію, можетъ пробудить въ крестьянахъ энергію труда и служить проводникомъ къ образованію. Это совершенно понятно и можетъ быть провѣрено гдѣ угодно: гдѣ крестьяне надѣломъ довольны, тамъ они принялись за работу и, при первомъ предложеніи, готовы помочь матеріально устройству школъ. Гдѣ надѣлъ невыгоденъ, тамъ крестьяне обѣднѣли послѣ освобожденія, и не хлопочутъ не только о школахъ, но и о поддержкѣ своего собственнаго жилья, — перестали трудиться и спились, — ибо запойное пьянство есть единственный исходъ прикрѣпленнаго къ землѣ и надѣленнаго своимъ угломъ бѣдняка. Слѣдовательно все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы единовременно и съ равною настойчивостію удалять тѣ препятствія, которыя противопоставлялись до сихъ поръ *стремленію народа къ образованію*, т. е. равнодушіе руководящихъ, высшихъ слоевъ, и *стремленію народа къ производительному разнообразному труду*, т. е. обязательное прикрѣпленіе на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ трудъ, по мѣстнымъ условіямъ, или недостаточно вознаграждаетъ за труды рабочихъ силъ или, — по ограниченности своего предложенія, — не наполняетъ собою всего рабочаго времени мѣстнаго населенія.

Ибо, повторяю опять, что уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, отхожіе промыслы, кромѣ вреднаго вліянія на семейный бытъ и приученія сельскаго жителя къ городской, бездомовной жизни, всегда окупаютъ только содержаніе на мѣстѣ и во время пути самого рабочаго и уплату повинностей, избытки же никогда не вносятся въ домъ, развѣ въ самыхъ рѣдкихъ исключеніяхъ. Оттого отхожіе крестьяне только до времени *сыты и одѣты*, но никогда *не зажиточны*.

III.

13-го апрѣля 1861 года, часу въ 10-мъ вечера, я сидѣлъ очень спокойно у знакомыхъ въ городѣ В... К-ой губерніи. На порогѣ явился мой лакей, съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ: «пожалуйте домой, васъ спрашиваютъ!» — «Кто спрашиваетъ? за чѣмъ?» — «Жандармы изъ губерніи пріѣхали.» Тутъ ужъ и я, не безъ нѣкоторой озабоченности, поспѣшно оставилъ хозяевъ и поѣхалъ домой. Здѣсь меня встрѣтилъ жандармъ и подалъ мнѣ конвертъ и тюкъ. Въ конвертѣ была бумага отъ губернатора, который извѣщалъ меня, что по высочайшему повелѣнію, завтрашняго числа одновременно въ цѣломъ уѣздѣ имѣетъ быть объявленъ манифестъ 19-го февраля 1861 года, объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; въ тюкѣ нѣсколько экземпляровъ положенія. Скоро комнаты мои наполнились, на дворѣ зазвенѣли колокольчики, пріѣхалъ исправникъ, мѣстный стряпчій, становой, отправлявшіеся немедленно на указанные пункты, сходились всѣ общіе знакомые, потому что вѣсть давно уже облетала весь городокъ, столько же думавшій наканунѣ объ освобожденіи, сколько Севастополь, въ самый день объявленія войны о приступѣ 6-го августа, рѣшившемъ его участь. Положенія никто не читалъ, извѣстны были только слова манифеста, но городокъ, наполненный пролетаріями-чиновниками и купечествомъ, котораго предки были мѣстные крестьяне, шевелился радостно. Долго вечеромъ, противъ обыкновенія свѣтились огоньки, и на другой день, огромной волной народъ наполнилъ единственный въ городѣ соборъ, паперть и всю прилегающую обширную площадь. Послѣ обѣдни и въ церкви, и на площади — объявленъ былъ манифестъ населенію въ 10,000 подгородныхъ крестьянъ, вызванныхъ съ этою цѣлію въ городъ и явившихся почти поголовно. Крестьяне выслушали, отслужили молебень за Царя-Освободителя и разошлись — молча и задумчиво. Въ другихъ пунктахъ повторилось тоже самое; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ

управляющіе выкатили вина, чтобы поздравить крестьянъ съ свободой, — выпили, поблагодарили и также молча разошлись, продолженія попойки нигдѣ не было! Выше и торжественнѣе этой минуты не могло быть ничего: освобожденный народъ, встрѣтившій вѣсть о свободѣ съ такой спокойною и глубокою думой, вручавшій съ неподдѣльной благодарностію и довѣренностію судьбу свою тому, кто такъ неожиданно и милостиво призвалъ его къ новому бытію, заключалъ въ себѣ такіе задатки моральной силы и политическаго такта, которые достаточно обезпечивали всю его великую будущность. Но за этимъ днемъ первыхъ ощущеній слѣдовала суматоха жизни. Положеніе, которое роздано было вездѣ, — вездѣ читалось и разбиралось, но лѣсныя работы продолжались, и нигдѣ беспорядковъ не происходило; но какъ понимали крестьяне положеніе? Недѣли черезъ двѣ, посредниковъ тогда еще не было, разбудили меня утромъ, едва только вошло солнце, говорятъ: «народъ требуетъ». Я всталъ: довольно обширный дворъ моей квартиры весь былъ занятъ толпой, яблоку упасть не гдѣ, на улицѣ съ обѣихъ сторонъ тянулись громадныя хвосты, это были подгородные крестьяне, верстъ за 15 — 20 отъ города (у насъ это считается ни по чемъ, точно изъ одного конца города въ другой), въ которыхъ, разумѣется, присоединился весь съѣхавшійся на базаръ людъ и любопытные зрители. Впереди стояли двѣ значительныя вотчины, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться чуть не каждый день, по дѣламъ опеки, и гдѣ я почти каждаго крестьянина зналъ по имени. — «Что, ребята, надо?» — «Да вотъ, пришли спросить, землю пахать скоро начинать надо, такъ какъ тутъ дѣлать?» — «Чего, какъ дѣлать, покамѣстъ какъ прежде дѣлали, такъ и дѣлать, что прежде пахали, то и теперь пахать.» — «То есть *нашу-то* землю можно намъ таперича пахать.» — «А кому же ее пахать, коли она ваша.» — «Да вотъ слышь она помѣщичья стала.» — «Ну а прежде чья она была?» — «Да прежде и душа-то крестьянская помѣщичья была, а теперь, значить вонъ не того.» — «Ну хорошо, да только тутъ разговоръ не объ душѣ, а объ землѣ, земля была помѣщичья и помѣщикъ ее во всякое время былъ воленъ у васъ ее отнять, а между тѣмъ вы все-таки ее называли вашей и пахали. Такъ вѣдь? — «Такъ-то, такъ, да только.....» — «Нѣтъ, погоди, договоримъ сначала одно; теперь помѣщикъ землю, которую вы обрабатывали до сихъ поръ, взять у васъ не воленъ, а долженъ вамъ ее предоставить и получить за нее не чтò онъ хочетъ, а чтò законъ велитъ: значить, по моему, теперь земля-то сдѣлалась больше вашей, коли ее ни отнять нельзя, ни взять за нее чтò хочешь.» — «Да оно, пожалуй и такъ, да.....» — «Ну, какъ же выходить,

когда землю можно было взять у васъ, вы ее пахали, а теперь, когда стало нельзя у васъ взять — бросите!? вѣдь какъ хотите, такъ что-то не складно!? а между тѣмъ, ну, положимъ, пахать вы не будете, — а кормиться-то чѣмъ станете?» — «Такъ ужъ видно пахать придется!» — «Видно придется, да и стоило же ходить за этимъ столько народу, вѣдь чай и безъ меня вы разсуждали тоже, что и теперь.» — «Да все, знаешь, покойнѣе какъ спросишь.» — «Оно точно покойнѣе, какъ спросишь, отъ чего и не спросить, коли время есть! Ну а больше *ничего* вы спросить не придумали?» — «Да нѣтъ больше пока ничего не требуется, это мы на счетъ паханья-то потому, что значить скоро приниматься надо за землю-то, такъ чтобъ въ отвѣтъ не остаться.» — «Ладно, подумаете — приходите, а теперь прощайте!» Толпа поклонилась и молча двинулась къ воротамъ. Такой фактъ недоумѣнія значительной массы крестьянъ предъ самымъ простымъ и нужнымъ дѣйствіемъ, какъ приступленіе къ полевымъ работамъ, характеризуетъ господствовавшее въ то время недоумѣніе. Надо сказать положительно, что масса крестьянъ совершенно искренне помирилась съ принципомъ вознагражденія владѣльцевъ за отходящія отъ нихъ земли, или, другими словами, крестьяне не рассчитывали получить находившіяся въ пользованіи ихъ земли даромъ: если гдѣ противоположное убѣжденіе начинало проявляться въ массѣ, то это происходило по инициативѣ отдѣльныхъ единицъ, запутывавшихъ крестьянъ превратнымъ толкованіемъ положенія и возбужденіемъ недовѣрія противъ всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, будто бы «скрывающихъ царскую волю». Слѣдовательно, общее недоразумѣніе происходило не въ отношеніи къ понятію о правахъ вообще на землю, а по отношенію къ тѣмъ обязанностямъ и правамъ по отводу и приобрѣтенію установленнаго надѣла, которые изложены въ мѣстныхъ положеніяхъ. Какъ ни просто и ясно были изложены эти правила, какъ ни старались о правильномъ и понятномъ разъясненіи ихъ большинство посредниковъ, все-таки они для неграмотнаго крестьянина были вдругъ не подъ-силу, онъ не могъ ихъ самъ провѣрить въ книгѣ и ждалъ непосредственнаго *опыта*, которому онъ привыкъ вѣрить больше всего на свѣтѣ, а *опытомъ* здѣсь руководилъ *случай*.

Итакъ, вотъ какимъ путемъ случай здѣсь могъ смѣшиваться съ закономъ, и притомъ законъ не могъ здѣсь устранить случая, самъ давая ему большій или меньшій просторъ, потому что законъ здѣсь опредѣлялъ не общія, отвлеченныя нормы гражданской дѣятельности, какъ онъ это дѣлаетъ въ другихъ сферахъ гражданской или экономической жизни, но порѣшалъ поименно всѣ частныя сдѣлки между каждымъ землевладѣльцемъ и сидѣв-

шимъ на его землѣ населеніемъ. Поэтому, въ своемъ первоначальномъ дѣйствіи, въ отводѣ надѣла и исчисленіи за то слѣдующей повинности, положеніе только *узаконяло фактъ*. При опредѣленіи надѣла, предоставляемаго крестьянамъ по закону—составители положенія имѣли въ виду *сохраненіе по возможности существующихъ у крестьянъ надѣловъ*. Я не имѣю ни возможности, ни необходимости приводить здѣсь цѣлый рядъ «первостепенныхъ основаній», которыя привели къ этому заключенію членовъ хозяйственнаго отдѣленія, при первоначальномъ обсужденіи вопроса (докладъ № 1-й), и которыя заставили ихъ удержать это заключеніе, не смотря на самыя рѣзкія возраженія почти всѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, возраженія, которыя оказались несостоятельными или по своей практической неудобопримѣнности, или по слишкомъ явной и несправедливой односторонности. Достаточно для моей цѣли указать, что таково было главное основаніе, принятое положеніемъ. За тѣмъ, *въ отсутствіи отъ существующаго крестьянскаго надѣла или отрѣзки земли отъ крестьянъ установлены въ пользу помѣщика*. Такъ, вслѣдъ за признаніемъ существующаго надѣла, главное значеніе въ способѣ надѣленія крестьянъ землею имѣетъ установленная положеніемъ *система высшихъ надѣловъ*, по которой помѣщикъ всю землю, бывшую у крестьянъ и превышающую эту норму, можетъ отрѣзать въ свою пользу. Въ докладѣ общаго присутствія коммисіи (№№ 128, 129, 130-й, III мат. ред. ком. ч. XIII, стр. 50), это объяснено слѣдующимъ образомъ: «Отдѣленіе могло, конечно, устранить вовсе присканіе высшихъ, по каждой мѣстности, цифръ надѣла, и безусловно сохранить на неопредѣленное время существующіе надѣлы, безъ всякаго исправленія послѣднихъ на будущее время. Но отъ такого способа разрѣшенія задачи о размѣрѣ надѣла коммисіи положительно и самымъ сознательнымъ образомъ уклонились; ибо въ этомъ направленіи онъ усматривали *мѣру слишкомъ обременительную для дворянства*. Устраненіе системы высшихъ размѣровъ надѣла совершенно невозможно въ сѣверныхъ, оброчныхъ мѣстностяхъ; а въ прочихъ оно крайне затрудняло бы установленіе сколько-нибудь правильнаго соотношенія между крестьянскими надѣлами и ихъ повинностями, въ ущербъ тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые щедро надѣлили своихъ крестьянъ. Отдѣленіе убѣждено, что подобный исходъ не обезпечитъ законныхъ выгодъ помѣщиковъ, и въ практическомъ приложеніи своемъ вызоветъ безчисленныя трудности. Противники надѣла, по существующему размѣру, къ которымъ, какъ мы сказали, принадлежало большинство членовъ губернскихъ комитетовъ, не стѣснялись въ выраженіяхъ, крити-

кую настоящую систему; г. Позень (полтавскій) выразился, что сохраненіемъ существующаго надѣла обезпечивается въ нѣкоторой степени спокойное введеніе реформы, но теряется основное значеніе надѣла—обезпечивать первыя потребности крестьянина; гг. гр. Плятеръ-Зибергъ (витебскій) и Оскерко (минскій) говорятъ, что существующій фактъ наслѣдованія крестьянъ землею не есть естественное выраженіе нуждъ въ землѣ крестьянскаго сословія. Но за этими либеральными приѣмами, скрывалась совершенно иная внутренность: члены губернскихъ комитетовъ, предлагавшіе систему нормальныхъ надѣловъ, съ цѣлію равномернаго обезпеченія крестьянъ, на самомъ дѣлѣ хлопотали объ отрѣзкѣ крестьянской земли въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ это допущено положеніемъ. Поэтому редакціонныя коммиссіи, доказавъ «практическую невозможность найти разумные размѣры такихъ искусственныхъ, нормальныхъ надѣловъ для каждой мѣстности», въ этомъ почерпнули новое и неоспоримое доказательство сохраненія надѣловъ существующихъ. Опытъ жизни оправдалъ заключенія коммиссій, и этой постановкѣ вопроса мы обязаны спокойнымъ разрѣшеніемъ реформы и сравнительно незначительнымъ потрясеніемъ помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, нежели какое могло бы произойти при повсемѣстной отрѣзкѣ земель у крестьянъ и неизбѣжныхъ при томъ безпорядкахъ. Итакъ, какъ бы то ни было непроеизводителенъ прежній надѣлъ, гдѣ крестьяне сидѣли по волѣ помѣщика, онъ поступалъ въ ихъ пользованіе словомъ закона. Невыгода эта не пополнялась установленіемъ повинностей; такъ какъ и для нихъ за исходную точку принимались платившіеся при крѣпостномъ правѣ оброка, какъ существующій фактъ, не придавая имъ, впрочемъ, значенія обязательной нормы и облегчая въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для существеннаго улучшенія быта крестьянъ, съ наименьшимъ, по возможности, ущербомъ для помѣщичьяго хозяйства. При этомъ опредѣленъ высшій размѣръ оброка, соотвѣтствующій высшему надѣлу. Этотъ высшій размѣръ оброка заимствованъ изъ вычисленія *среднихъ размѣровъ* существовавшихъ оброковъ въ промышленной полосѣ въ 9-ть руб. сер. (за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенно промышленныхъ мѣстностей, гдѣ онъ возвышенъ до 10 руб. сер.), за тѣмъ распространенъ вездѣ на высшіе душевые надѣлы и примѣняется къ получаемому крестьянами числу десятинъ по извѣстной обще-установленной градаціи. Градація эта состоитъ въ томъ, что высшая повинность, установленная за высшій надѣлъ, опредѣленный для каждой мѣстности, разлагается на десятины, причитающіяся на ревизскую душу или *душевой надѣлъ* не равномерно, а въ убывающей прогрессіи, начиная съ

первой десятины. Первая десятина душевого надѣла повсемѣстно облагается не ниже 3 руб. 50 коп. сер., и не выше 4 руб. сер., или соразмѣрнымъ съ этими цифрами количествомъ рабочихъ дней. Въ той полосѣ, гдѣ введено постоянное, искусственное удобрение крестьянскихъ полей, вторая десятина душевого надѣла облагается ниже первой, но выше остальныхъ десятиныхъ. Въ полосѣ, гдѣ такое удобрение вовсе не употребляется, или встрѣчается только какъ исключение, всѣ десятины душевого надѣла, начиная отъ второй включительно, облагаются повинностью поровну. Такимъ образомъ—по словамъ самого доклада, единственное облегчение для крестьянъ заключается въ томъ, что цифра *средняго* оброка примѣняется къ *высшему* надѣлу. При этомъ въ докладѣ коммисіи вычислено измѣненіе повинностей, по правиламъ, принятымъ для ихъ регулированія положеніемъ, во всѣхъ оброчныхъ имѣніяхъ горозовскаго уѣзда свыше 100 душъ. Результатомъ оказалось, что изъ 68-ми имѣній по горозовскому уѣзду въ 36-ти имѣніяхъ повинности должны были остаться безъ измѣненія, а за тѣмъ потери помѣщиковъ въ имѣніяхъ, гдѣ оброки подлежатъ уменьшенію, составляютъ:

менѣе 10%	въ 9 имѣніяхъ.
отъ 10 до 20%	— 8 >
> 20 > 30%	> 7 >
> 30 > 40%	> 3 >

Въ имѣніяхъ, гдѣ повинность не уменьшилась, улучшение быта крестьянъ состояло въ отмѣнѣ вещественныхъ дапей, и всей или нѣкоторой части такъ-называемыхъ *смѣшанныхъ повинностей*, подъ которою разумѣлись отправляемыя крестьянами, сверхъ оброка, различныя хозяйственныя работы или личныя услуги въ пользу помѣщика. Итакъ, конечный результатъ таковъ: *какъ бы ни былъ непродуковителенъ прежній крестьянскій надѣлъ, общество обязано было принять его и платить за него ту среднюю цифру повинности, которая въ данной мѣстности установилась обычаемъ крепостного права.* Сознвая, что отдѣльные случаи такого порядка вещей могли оказаться въ высшей степени стѣснительными для крестьянъ и что такое ихъ положеніе могло быть закрѣплено на продолжительный срокъ обязательнымъ выкупомъ,—положеніе, для такихъ исключительныхъ случаевъ, предоставило нѣкоторыя льготы крестьянамъ и просторъ мѣстнымъ учрежденіямъ, которымъ ввѣрено было введеніе крестьянской реформы. Для нихъ существуетъ 24 ст. мѣст. вел. пол.: «если имѣніе *явно* не подходитъ подъ общее свойство той мѣстности, въ чертѣ которой оно находится, то, по просьбѣ о томъ со стороны помѣщика или со стороны крестьянъ, мировой

посредникъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе дѣла и, если признаетъ ходатайство справедливымъ, то представляетъ о томъ, съ своимъ заключеніемъ, въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. По рѣшенію послѣдняго, къ этому имѣнію можетъ быть примѣненъ размѣръ надѣла, установленный для другой ближайшей мѣстности, болѣе подходящій къ свойству того имѣнія». Другой случай указанъ въ ст. 175, гдѣ губернскому присутствію предоставлено право понижать оброкъ по слѣдующимъ основаніямъ: а) если земля, состоящая въ крестьянскомъ надѣлѣ, особенно худого качества, въ сравненіи съ остальными; б) если крестьянскія поля такъ отдалены отъ селенія, что отъ этого происходитъ существенное разстройство для крестьянскаго хозяйства; в) если крестьяне, со введеніемъ въ дѣйствіе положенія, лишаются прежняго и притомъ достаточнаго пользованія лѣснымъ матеріаломъ или топливомъ отъ помѣщика; д) вообще, предоставлено крестьянамъ ходатайствовать о пониженіи, если уменьшается прежній крестьянскій надѣлъ. Поставить всѣ исключенія, неподходящія подъ общую норму или средній уровень, закономъ установленный въ положеніи, лучше и обезпеченнѣ приведенныхъ двухъ статей положенія нельзя; но въ какой мѣрѣ онѣ на дѣлѣ исполнены? Я бы желалъ, чтобы собраны были отъ губернскихъ присутствій статистическія данныя по губерніямъ, уѣздамъ и мировымъ участкамъ, — въ сколькихъ именно имѣніяхъ приложена была статья 24 мѣст. пол. о примѣненіи другого размѣра надѣла, и въ особенности ст. 175 о пониженіи оброка, несравненно болѣе ясная и практичная? Я бы желалъ, чтобы эти случаи дѣйствительнаго пониженія сравнены были съ предполагаемымъ а-priori, по меньшей мѣрѣ, числомъ возможныхъ пониженій, на основаніи точнаго смысла ст. 175, особенно условія объ обезпеченіи за крестьянами топлива и о пониженіи существующаго оброка, когда часть крестьянскаго надѣла отходитъ къ помѣщику? Оба послѣдніе случая представлялись весьма часто. А между тѣмъ, сколько найдется цѣлыхъ уѣздовъ, не только цѣлыхъ мировыхъ участковъ, гдѣ такихъ исключеній не оказывалось, крестьяне просьбъ не подавали, о пониженіяхъ повинности и примѣненіи другого надѣла ни то и не слыхивалъ. Что же, обвинять въ этомъ мировыхъ посредниковъ?! Не спѣшите, — обвинять можно только выслушавъ обвиняемаго, а еще лучше, — сторонняго свидѣтеля. Надобно было испытать все то бремя и труда, и заботъ, и обидъ, и горькаго разочарованія, которыя перенесли посредники на первыхъ порахъ. Если они дѣйствовали вполнѣ легально, придерживаясь буквы положенія и исполняя только то, отъ чего и уклониться не имѣли

права; то и тутъ они часто не пользовались, наравнѣ съ другими гражданами, правами личной безопасности; а что отъ нихъ отворачивались и преслѣдовали самой настойчивою и безотвязною, мелкою и крупною клеветой, половина старыхъ пріятелей и родныхъ—такъ это ужъ и въ счетъ не клалось! Какимъ же образомъ винить посредниковъ, что они настойчиво и открыто не приняли на себя инициативу въ предъявленіи крестьянскихъ просьбъ, на основаніи 24 и 175 ст. мѣст. пол., статей, которыя сами крестьяне плохо поняли, не видя передъ глазами ихъ исполненія и о которыхъ они сами не хлопотали?! Да противъ такого посредника въ иномъ мѣстѣ разыгралась бы такая оппозиція, предъ которой онъ неизбежно долженъ бы былъ заплатить или головой или свободой!...

Итакъ, если несомнѣнно то, что положеніе 19 февраля 1861 г., *вездѣ* улучшило бытъ вышедшаго изъ крѣпостной зависимости населенія, то не менѣе достоверно, что *степень такого матеріальнаго улучшенія весьма различна и находится въ прямомъ соотношеніи съ экономическими условіями принятаго ими прежняго надѣла*. Отъ того, есть отдѣльныя имѣнія, гдѣ назначенъ оброкъ по положенію, но крестьяне платятъ его рѣшительно не въ состояніи. Я могу указать на примѣръ общаго пониженія, назначеннаго уже по уставнымъ грамотамъ obroka въ Нижегородской губерніи, въ лѣсной ея полосѣ, по лѣвую сторону Волги, и, съ другой стороны, на совершенно сходныя, сосѣднія мѣстности, гдѣ не только общаго пониженія не было, но и исключеній никакихъ не оказалось. Такое подведеніе всѣхъ исключеній, съ самыми неблагоприятными условіями, подъ общій уровень *окончилось* при первоначальномъ отводѣ надѣла или при утвержденіи уставныхъ грамотъ. Слѣдовательно, дальнѣйшее размѣщеніе такихъ неудовлетворенныхъ исключеній было уже совершенно дѣло случая или совсѣмъ иныхъ расчетовъ владѣльца: одни попали въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ, другіе остались въ числѣ временно-обязанныхъ, и при томъ въ числѣ *послѣднихъ*, вѣроятно, несравненно *меньше*, потому что какой же расчетъ удерживать за собой и не сдавать на выкупъ явныхъ и вѣрныхъ недоимщиковъ? Впослѣдствіи громадное возвышеніе въ короткое время податей государственныхъ и земскихъ способствовало тому, что въ обществахъ, гдѣ степень матеріальнаго улучшенія крестьянъ весьма незначительна, вся тяжесть повинностей, падающихъ на рабочую силу, увеличилась значительно, въ сравненіи съ крѣпостнымъ сословіемъ, и превосходитъ платежныя способности. Такое положеніе ухудшается еще тѣмъ, что въ настоящее время удовлетвореніе всѣхъ повинностей требуетъ

отъ крестьянина пожертвованія деньгами, а не трудомъ, тогда какъ трудъ крестьянина не всегда одинаково цѣнится на рынкѣ, и часть своего времени, или труда, онъ, по мѣстнымъ условіямъ, продать не можетъ, ибо на нее нѣтъ запроса. Поэтому, есть не малое число отдѣльныхъ обществъ, какъ между временно-обязанными крестьянами, такъ и между собственниками, которыхъ надѣлъ далеко не обезпечиваетъ въ исправномъ отбываніи повинностей, и которые, потому, не выходятъ изъ недоимки, не смотря на самыя строгія мѣры, служащія, впрочемъ, только къ дальнѣйшему ихъ разоренію. Къ несчастію, у насъ недоимки до сихъ поръ представляютъ, болѣею частію, только итогъ, подлежащій взысканію самыми сильными репрессивными мѣрами: до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакой классификаціи недоимокъ: недоимки вслѣдствіе неурожая и градобитія, недоимки вслѣдствіе непроизводительнаго надѣла, недостающаго средствъ къ прокормленію и уплатѣ податей, недоимки вслѣдствіе упорства и уклоненія отъ платежей, недоимки, накопившіяся отъ ослабленія прежняго начальства — все это красуется однимъ общимъ итогомъ, и одна забота, чтобъ этотъ итогъ былъ все меньше и меньше, а тамъ, что будетъ впереди — никому нѣтъ дѣла!... Еслибы разъ тщательно были разобраны повсемѣстно причины недоимокъ, то самъ собою выдѣлился бы классъ *общихъ совладѣльцевъ, сидящихъ на непроизводительномъ надѣлѣ*. Вотъ фактическое положеніе дѣла, на которое я указывалъ съ самаго начала. Теперь я повторю вопросъ: возможно ли и справедливо ли части временно-обязанныхъ крестьянъ предоставить право тотчасъ, по истеченіи 9-ти лѣтъ, прекратить, по личному усмотрѣнію, возложенныя на нихъ обязанности по приему надѣла въ постоянное пользованіе и, въ то же время, оставить въ прежнемъ положеніи находящееся точно въ такомъ же экономическомъ положеніи большинство крестьянъ-собственниковъ?...

Итакъ, точка отправленія предлагаемаго мною переселенія главнымъ образомъ опирается на томъ, чтобы докончить прежде всего то, что было предуказано положеніемъ 19 февраля, но что осталось фактически неисполненнымъ, и притомъ докончить, съ нѣкоторымъ расширеніемъ крестьянскихъ правъ, какъ это обѣщано тѣмъ же самымъ положеніемъ 19 февраля, распространивъ предоставленныя льготы на крестьянъ-собственниковъ. Такимъ образомъ, почва, на которой я стою, *легальная*: вся разница состоитъ въ томъ, что положеніе, внося нынѣ-существующія статьи, клало свои нормы *впередъ*, на основаніи внутренней, логичной послѣдовательности своего органическаго состава и предполагая, что все будетъ исполнено въ точности, совер-

пенно вѣрно и безошибочно, даже то, что представлялось до нѣкоторой степени произволу лицъ, приводившихъ его въ дѣйствіе. Я же излагаю свои соображенія на основаніи *опыта*, факта, того дѣйствительнаго очертанія, которыя принялъ законъ, столкнувшись съ сложными условіями жизни и личными стремленіями цѣлой массы исполнителей и объектов его примѣненія, т. е. въ той формѣ, которая заявлена членами редакціонныхъ комиссій, — *«на основаніи практическихъ требованій, которыя обнаружились въ теченіи истекающаго девятилѣтія, по мѣрѣ того, какъ вытекали отдѣльные случаи»*.

Съ этой точки отправленія было бы необходимо возстановить опущенную статью объ отказѣ отъ земли цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ и замѣнить ст. 128—132 мѣстн. вел. пол. въ нижеслѣдующей редакціи:

По истеченіи девятилѣтняго срока со времени обнародованія положенія, крестьянское общество, какъ временно-обязанное, такъ и выкупившееся съ помощью отъ правительства, получаетъ право отказываться, не испрашивая особаго разрѣшенія у правительства и безъ согласія помѣщика, отъ права пользованія всѣмъ земельнымъ своимъ надѣломъ, лишь съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій:

1) Если крестьяне цѣлаго сельскаго общества, или цѣлаго селенія или части всего селенія, имѣющей отдѣльный отъ остальной части надѣлъ, въ составленномъ ими приговорѣ единогласно или по большинству двухъ третей домохозявъ, — съ условіемъ, притомъ, чтобы такое большинство составляло никакъ не менѣе двухъ третей, состоящихъ въ надѣлѣ, по грамотѣ на то общества, селеніе или участокъ ревизскихъ душъ, — заявятъ желаніе отказаться отъ полученнаго ими въ пользованіе или собственность надѣла.

2) Если по составленіи такого приговора и заявленія о томъ мѣстному мировому посреднику, они, не дѣлая никакихъ предварительныхъ распоряженій къ переселенію, приищутъ покупкою или дареніемъ, или инымъ законнымъ способомъ пріобрѣтенія гдѣ-либо въ предѣлахъ уѣзда, губерніи или государства, количество земли, принадлежащей казнѣ, частнымъ лицамъ или обществамъ и учрежденіямъ, равное установленному въ той мѣстности, гдѣ земля пріобрѣтается, высшему душевому надѣлу на все число ревизскихъ душъ, заявившихъ желаніе переселиться, а въ мѣстностяхъ, для которыхъ душевого надѣла не назначено, количество земли не менѣе отводимаго правительствомъ для дарового переселенія; и если крестьяне на означенное количество пріобрѣтенной ими земли составятъ, чрезъ надлежащихъ упол-

номоченныхъ, законный актъ объ окончательномъ приобрѣтеніи и таковой представить мировому посреднику.

3) Мировой посредникъ, получивъ такой актъ и не имѣя причинъ сомнѣваться въ его подлинности, немедленно разрѣшаетъ крестьянамъ, какъ самое переселеніе, такъ и всѣ предварительныя распоряженія, включая сюда продажу всякихъ крестьянскихъ построекъ и всякаго движимаго ихъ имущества, кромѣ оставленной ими земли, поступающей въ собственность правительства или владѣльца, смотря потому, отказываются ли отъ земли крестьяне-собственники или временно-обязанные.

4) Если сельское общество, селеніе или часть онаго отказывается отъ земли, по единогласному приговору, и затѣмъ всѣ до единаго крестьяне, чрезъ покупку земли, приобрѣтаютъ право на переселеніе, то симъ и ограничиваются мѣстныя дѣйствія посредника, сообщающаго о такомъ переселеніи подлежащимъ уѣзднымъ и губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ, для должныхъ распоряженій по перечисленію крестьянъ и приему земель ихъ новыми владѣльцами. Если же треть домохозяевъ, общества, селенія или части онаго, представляющихъ не менѣе трети заключающагося въ уставной грамотѣ, при полученіи надѣла, количества ревизскихъ душъ, отказалась, при составленіи приговора, и не участвовала въ приобрѣтеніи новыхъ земель, то таковая треть оставшихся крестьянъ имѣетъ право оставаться на прежнемъ надѣлѣ, съ тѣмъ, чтобы между остающейся у нихъ землею и отходящею къ правительству или помѣщику произведено было, въ теченіе двухъ лѣтъ, разверстаніе, съ отрѣзкою отъ крестьянскаго надѣла всѣхъ земель, признанныхъ крестьянами неудобными или не вознаграждающими труда обработки или излишне и дорого оплачиваемыми на точномъ основаніи 54 ст. мѣстн. великорос. полож., и съ пониженіемъ, въ нужныхъ случаяхъ, повинности, согласно ст. 175 мѣстн. пол. При этомъ разверстаніи допускаются всякія добровольныя соглашенія остающейся трети крестьянъ съ владѣльцемъ принимаемой обратно земли, какъ допускаются вообще положеніемъ при составленіи уставныхъ грамотъ, и, во всякомъ случаѣ, для остающейся трети составляется обыкновеннымъ порядкомъ такая новая уставная грамота.

5) Покупка земли на новомъ мѣстѣ крестьянами допускается по ихъ собственному усмотрѣнію или въ видѣ общиннаго владѣнія, или съ раздѣленіемъ на участки при самой покупке, или впослѣдствіи, не ограничивая числа десятинъ, достоящихся на долю каждаго товарища, при раздѣлѣ между ними земли на участки, но наблюдая: 1) чтобы участвующіе въ актѣ покупки

домохозяева представляли отнюдь не менѣе двухъ третей числа-щагося по грамотѣ въ сельскомъ обществѣ, селенія или части онаго количества ревизскихъ душъ; 2) чтобы на таковое число душъ сообща приобретаемо было не менѣе установленнаго въ пунктѣ 2-мъ количества земли; 3) чтобы въ самомъ актѣ приобретѣнія было опредѣленно выражено, что всякій изъ участвовавшихъ въ заключеніи договора о приобретѣніи земли домохозяевъ, или его прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ при раздѣлѣ общей дачи на участки, имѣетъ право получить на себя и все количество числящихся въ семействѣ его въ то время мужескихъ ревизскихъ душъ не менѣе низшаго размѣра, установленнаго для той мѣстности, гдѣ лежитъ приобретенная покупкою земля.

6) За тѣмъ всякой единичный отказъ отъ земли, со стороны отдѣльныхъ хозяевъ, безъ надлежащаго вознагражденія въ пользу казны или землевладѣльца, отмѣняется.

Если мы сейчасъ приведенную редакцію сравнимъ съ текстомъ положенія (ст. 128—131), то увидимъ, что реальное значеніе льготъ, мною предполагаемыхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несравненно шире и обширнѣе обѣщанныхъ положеніемъ 19 февраля:

а) По ст. 128 и 129 отдѣльные крестьяне, желающіе отказаться отъ земли, раздѣляются на два класса:

1) Приписывающіеся къ мѣщанскимъ и купеческимъ обществамъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ: они могутъ отказаться отъ земли прямо, не приобретаая ее нигдѣ и перейти въ разрядъ безземельныхъ гражданъ, лишь бы получили приемный договоръ.

2) Приписывающіеся къ обществамъ крестьянъ всѣхъ наименованій, или остающіеся въ томъ же обществѣ могутъ отказаться отъ земли, съ приобретѣніемъ участка земли, равнаго по крайней мѣрѣ *двумъ* душевымъ надѣламъ высаго или указнаго размѣра, установленнаго для той мѣстности, и въ разстояніи не далѣе 15 верстъ отъ мѣста водворенія общества. (Не объяснено: на все число лицъ, составляющихъ нераздѣльную гражданскую семью, или только на совершеннолѣтняго домохозяина.)

Предполагаемая редакція, конечно, несравненно тѣснѣе перваго случая, но за то гораздо шире второго, ибо не ограничиваетъ мѣстности поземельнаго приобретѣнія и вмѣсто двухъ душевыхъ надѣловъ требуетъ только одного. Первая половина редакціи впрочемъ едва ли можетъ удержаться именно потому, что она съ одной стороны слишкомъ уже широка и безусловна, такъ что даетъ возможность по произволу всякому лицу не только за себя, но и за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей отказываться отъ

высочайше дарованнаго обезпеченія постояннымъ надѣломъ, а съ другой слишкомъ тѣсна и условна: къ городу легко могутъ приписаться подгородныя селенія, но не можетъ приписаться цѣлый уѣздъ, если въ немъ всего одинъ городъ. Ясно, что такія важныя льготы не могутъ быть въ тоже время прикрѣплены къ такимъ случайнымъ признакамъ и, по волѣ судьбы, составлять такую исключительную мѣстную привилегію подгородныхъ селеній.

6) Предполагаемая редакція обширнѣе потому, что она простирается и на временно-обязанныхъ крестьянъ и на собственниковъ.

Тѣснѣе предполагаемая редакція оказывается только потому, что право, предоставленное положеніемъ отдѣльнымъ лицамъ, она ставитъ въ зависимость отъ цѣлаго общества, или по крайней мѣрѣ двухъ третей его. Я очень хорошо сознаю, что доступное для одного человѣка становится тяжелымъ для цѣлой массы, и нисколько самъ передъ собою не скрываю, что число отдѣльных случаевъ отказа, при предполагаемой мною редакціи, значительно сократится. Но я не могу найти никакой другой комбинаціи для отдѣльныхъ лицъ, кромѣ отказа и увольненія ихъ только съ вознагражденіемъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Если величайшая соціальная задача, которую стремится разрѣшить положеніе, есть надѣленіе массы землею и предупрежденіе по возможности пролетаріата; если на эту задачу оно направило всѣ свои усилія и, по заявленію составителей положенія, признало необходимою верховную надъ ними опеку правительства, воспреещающую на время крестьянамъ выраженіе не созрѣвшей ихъ воли, предоставивъ имъ оное лишь тогда, когда навыкъ свободной жизни подвинетъ ихъ гражданское воспитаніе; то оно вмѣстѣ съ тѣмъ приняло на себя обязательство обезпечить для крестьянъ надѣлъ вполне производительный и обезпечивающій ихъ семейно-домашній бытъ и лежащія на нихъ повинности. Отсюда обязанность правительства предоставить крестьянамъ отказаться отъ такого надѣла, который по своимъ мѣстнымъ экономическимъ условіямъ не доставляетъ такого обезпеченія, а съ другой стороны право правительства предупредить и запретить всякій отказъ по произволу или прихоти общества или отдѣльнаго лица. Мѣстныя поземельныя условія всегда въ равной степени ложатся на всѣхъ совладѣльцевъ; слѣдовательно, предоставленіе права *обществу* отказаться отъ пользованія надѣломъ, при неблагопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ есть вмѣстѣ и предоставленіе этого права *отдѣльнымъ лицамъ*: само собою разумѣется, что въ обществѣ не останется ни одного лица, желающаго платить за необезпечивающій его надѣлъ, если отъ него

можно отдѣлаться, и слѣдовательно откажутся *вст.* Такимъ образомъ, особое предоставленіе права отказа отдѣльнымъ лицамъ можетъ быть установлено только *для отказовъ по личному произволу или разсчету.* Число лицъ, желающихъ въ обществѣ воспользоваться этимъ правомъ неограничено: $\frac{9}{10}$ общества могутъ выйти изъ него по личному желанію, но неужели и тогда $\frac{1}{10}$ часть должна продолжать носить названіе общества? Казалось бы, такое право отказа отдѣльныхъ лицъ, по произволу или личному разсчету не совсѣмъ гармонируетъ съ основною цѣлію положенія: зачѣмъ хлопотать о надѣлѣ крестьянъ землею, если по истеченіи 9-ти лѣтъ большинство ихъ, подъ именемъ отдѣльныхъ лицъ, можетъ отказаться отъ своего надѣла по собственному усмотрѣнію? Предполагать, что десятилѣтній періодъ настолько подвинулъ ихъ гражданское воспитаніе, что они совершенно осилили заботы правительства объ обезпеченіи ихъ въ *будущемъ*,—нѣтъ никакихъ данныхъ.

2) Предоставленіе совершенно-свободнаго права отказа отъ земли отдѣльнымъ лицамъ безъ согласія общества нарушаетъ начало круговой поруки. Я уже подробно заявилъ, что круговая порука представляется мнѣ величайшею несправедливостію и вопіющимъ экономическимъ зломъ; круговая порука въ юридическомъ смыслѣ можетъ быть допущена только какъ обезпеченіе добровольнаго обязательства, принимаемаго на себя общиною, спеціально простирающееся на данный случай и опредѣленно выраженное въ самомъ актѣ договора; но круговая порука, въ обязательныхъ отношеніяхъ обязательно установленная и распространенная даже за предѣлы общиннаго владѣнія, между участковыми владѣльцами—это скорѣе отрицаніе всякаго права. Поэтому всякій способъ уничтоженія круговой поруки я лично признаю и *законнымъ и благотельнымъ.* Но вотъ чего я не умѣю согласить: какимъ образомъ круговая порука останется неотмѣненною у временно-обязанныхъ крестьянъ, если всякій можетъ, по произволу, выходить изъ ихъ общества, чѣмъ, разумѣется, и воспользуются люди богатые? Какимъ образомъ она останется между меньшинствомъ, продолжающимъ образовывать общество, какъ скоро большинство, въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, выйдетъ изъ общества? Какимъ образомъ круговая порука, уничтоженная у временно-обязанныхъ крестьянъ останется у крестьянъ-собственниковъ?

Какимъ образомъ, въ одномъ и томъ же селеніи или по сосѣдству, богатый крестьянинъ временно-обязанный, приписавшись къ городу, будетъ посмѣиваться, какъ ведутъ корову и лошадей у богатаго его сосѣда-собственника, за послѣдняго лѣтняя

въ обществѣ, только потому, что изъ общества крестьянъ выкупившихся отдѣльное лице, по ст. 173 пол. о вык., не можетъ выйти иначе какъ съ согласія міра, принимающаго на себя половину уплаты долга, что равносильно запрещенію, ибо міръ на это никогда не согласится? Такія явленія рядомъ долго спокойно уживаться не могутъ...

3) Предоставленіе права отказа отъ земли отдѣльнымъ лицамъ нарушаетъ, и притомъ совершенно несправедливо и односторонне, интересы владѣльца. Составители положенія говорятъ, что крестьянинъ *ни въ какомъ случаѣ* не долженъ, по истеченіи девятилѣтняго срока, быть подвергаемъ какимъ бы то ни было ограниченіямъ, имѣющимъ цѣлю обезпечить помѣщику уплату части повинности за земельный надѣлъ; но въ этой безусловной формѣ положеніе это несправедливо. Если по истеченіи девятилѣтняго срока все крестьянское общество отказывается отъ предоставленной ему земли и она возвращается къ помѣщику, то здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ его вознагражденіи, или объ его потерѣ или выигрышѣ: здѣсь не полная собственность возвращается въ полное распоряженіе собственника и съ обѣихъ сторонъ въ цѣломъ составѣ прекращается обязательный словомъ закона договоръ, какъ оказавшійся невыгоднымъ для одной изъ сторонъ, — для крестьянскаго общества. Но предоставленіе права отказа по личному произволу отдѣльнымъ лицамъ представляетъ совсѣмъ другого рода послѣдствія:

а) Сумма отдѣльныхъ отказовъ по произволу несравненно будетъ значительнѣе отказовъ цѣлыми обществами, по основательной и неустранимой причинѣ невыгодности надѣла, тогда какъ случаи отказа цѣлымъ обществомъ далеко не повсемѣстны, — отказы отдѣльныхъ лицъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ встрѣтятся непременно въ каждомъ имѣніи: такимъ образомъ это будетъ равносильно повальному пониженію оброка, утвержденнаго уставною грамотою по истеченіи 9-ти лѣтъ и притомъ по произволу одной стороны, — крестьянъ.

в) Отдѣльныя выходящіе лица будутъ, безъ сомнѣнія, болѣе богатые и исправные плательщики, слѣдовательно пропорціонально числу выходящихъ уменьшится гарантія полученія владѣльцемъ и того остатка оброка или ренты, которая будетъ числиться за остающимися. Если составители положенія, признавая полезнымъ предоставить обществу право увольнять отдѣльныхъ домохозяевъ безъ всякаго взноса, но принимать на себя ручательство въ исправномъ отбываніи за круговую порукою обществъ, лежащихъ на увольняемомъ домохозяинѣ повинностей въ отношеніи къ помѣщику, въ теченіи первыхъ девяти лѣтъ, находили нужнымъ

вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить помѣщику право *ходатайствовать о воспрещеніи такихъ увольненій*, если онъ признавалъ ихъ чрезмѣрными и подвергающими общество риску несостоятельности; то почему же по истеченіи 9-ти лѣтъ всякій рискъ несостоятельности можетъ быть допущенъ, не давая противъ него никакихъ гарантій владѣльцу, не смотря на то, что, по прежнему предположенію, повинности владѣльца не уменьшались, а теперь они могутъ подвергнуться значительному уменьшенію.

с) Можно сказать, что владѣлецъ вознаграждается въ случаѣ увольненія отдѣльныхъ крестьянъ ихъ участками, поступающими въ его собственность, точно также, какъ въ случаѣ отказа цѣлаго общества и поступленіемъ къ нему всего поземельнаго надѣла. Условія, при которыхъ помѣщикъ получаетъ обратно участки, отъ которыхъ отказались отдѣльные лица, таковы: 1) три года послѣ отказа участокъ этотъ находится *во временномъ пользованіи* помѣщика, и, по истеченіи трехлѣтія, общество имѣетъ право требовать передачи себѣ этого участка въ постоянное пользованіе за установленныя повинности; продержавъ его три года, крестьяне могутъ снова отказаться, и только чрезъ 6 лѣтъ, такой участокъ *окончательно* считается собственностію помѣщика (ст. 135 мѣст. пол.); 2) отрѣзки къ одному мѣсту владѣлецъ можетъ требовать только тогда, когда пространство такихъ отдѣльныхъ участковъ возрастетъ до одной пятой части всего крестьянскаго надѣла (ст. 138); 3) мірской передѣлъ земель крестьянскаго надѣла не распространяется на крестьянскіе участки, поступившіе во временное распоряженіе помѣщика (ст. 114. Примѣчаніе). Очевидно, что такое возвращеніе по частямъ не имѣетъ ничего общаго съ возвращеніемъ цѣльной дачи. Такой участокъ, лежащій внутри крестьянскаго надѣла, невозможно владѣльцу ни обрабатывать, ни сдать въ наймы лицу, не принадлежащему къ общинѣ, ни даже охранять, особенно, если эти участки будутъ лежать въ имѣніи, гдѣ владѣлецъ не имѣетъ никакого хозяйства: ихъ придется отдать въ наймы крестьянскому обществу, и хорошо еще, если оно рѣшится заплатить за нихъ самую ничтожную плату, а не будетъ ихъ пахать и косить даромъ, чему въ большинствѣ случаевъ владѣлецъ и воспрепятствовать не можетъ. Вообще, такое состояніе чьей-бы то ни было собственности совершенно непонятно.

Послѣ этого, если я нанялъ квартиру съ конюшней и продалъ лошадь или, вмѣсто 8 комнатъ, нуждаюсь только въ 6, — я могу сказать хозяину дома: «я оставляю за вами конюшню или двѣ комнаты, они для меня лишнія, а плату по расчету я убавляю». Развѣ это возможно, развѣ есть хозяинъ, который на это

согласится, и законъ, который его къ этому принудить? Вызванные въ редакціонныя комиссіи члены губернскихъ комитетовъ были рѣшительно противъ этой мѣры; но редакціонныя комиссіи сдѣлали одну уступку: временное пользованіе помѣщика, предполагаемое ими сначала въ теченіи 6-ти лѣтъ, сократили вдвое, что и осталось въ положеніи 19 февраля.

д) Всѣ эти невзгоды и лишенія, простираясь только на владѣльцевъ, сохранившихъ временно-обязанные отношенія, для многихъ изъ нихъ послужатъ какъ бы наказаніемъ за болѣе челоуѣколюбивыя отношенія къ крестьянамъ, за то, что они не хотѣли съ самой первой поры подвергнуть ихъ кабальнаго обязательнаго выкупа.

4) Предоставленіе права свободнаго отказа отъ земли отдѣльнымъ лицамъ будетъ сопровождаться нѣкоторыми затрудненіями, которыя произойдутъ въ уплатѣ помѣщичьихъ долговъ, лежащихъ на земляхъ, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ временно-обязанныхъ. Откажутся отъ земли, разумѣется, крестьяне богатые, доходъ помѣщика съ имѣнія не только уменьшится на все количество отказавшихся семействъ, но и значительно болѣе, ибо процентъ недоимки относительно возрастетъ въ огромной пропорціи. Если долгъ кредитныхъ установленій переведенъ уже на крестьянъ, — что съ такого имѣнія получаетъ правительство? Если такое имѣніе, по существующимъ правиламъ, за неплатежъ долга, подвергнется обязательному выкупу, — что тогда получить правительство? Если, съ прекращеніемъ обязательнаго выкупа, такое имѣніе будетъ продаваться съ аукціона, — кто его купить и чѣмъ погасится ссуда, имъ обезпеченная?

Впрочемъ, если кто, устранивъ всѣ выведенныя мною затрудненія мѣрами справедливыми и практически примѣнимыми, найдетъ возможность расширить свободу отказа для отдѣльных лицъ, — помимо уплаты вознагражденія, — то я первый буду душевно радъ и весьма скромно сознаюсь, — что *errare humanum est!*

Что касается до 130 ст. мѣст. пол. объ отказѣ отъ полевой земли, въ случаѣ приобрѣтенія усадебной оскѣлости, то я уже выше говорилъ о практической ея непримѣнимости.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ доступная, по моимъ убѣжденіямъ, три настоящихъ условійхъ *свобода переселенія*. Она весьма ограничена и очень далека отъ безусловной; но все-таки есть прочное ея начало.

IV.

Я увѣренъ, что прочитавши мою незамысловатую систему, которая, безъ сомнѣнія, давно уже представлялась многимъ и многимъ, все-таки большинство читателей не удержалось отъ мысли: «да такъ всё уйдутъ», или, «что-жъ это за переселеніе, да такъ никто не тронется». Мы опять *вст люди принциповъ*, середины не любимъ, у насъ если кто за переселеніе, то всякій идетъ себѣ куда глаза глядятъ; а если кто *противъ переселенія*, такъ ужъ никто тронуться не могутъ! Попытаюсь доказать, что по предлагаемой мною системѣ всё не уйдутъ, а кому уйти слѣдуетъ, — тѣ не останутся.

Очень издалека начинать я не люблю и потому въ разсужденія о колонизаторскомъ призваніи русскаго народа я пускаться не намѣренъ. Я обращаюсь прямо къ позднѣйшимъ переселеніямъ и спрошу: многіе ли изъ насъ отдали себѣ отчетъ въ главныхъ мотивахъ, ими управлявшихъ? Конечно, нѣтъ! А отъ чего? Отъ того, что для насъ русскій человѣкъ есть самая мудреная загадка изъ всего существующаго. Къ нѣмцу, къ англичанину, къ французу мы подходимъ просто, какъ люди, и можемъ о нихъ судить совершенно здраво. Къ русскому человѣку мы непремѣнно подойдемъ въ какой-нибудь театральной позѣ, или какъ начальство, или какъ баринъ, или какъ непрошенный покровитель, или какъ непривзванный братъ, или какъ неизвѣстно кѣмъ аккредитованный учитель: мудрено ли, что русскій человѣкъ, одаренный самою тонкою проницательностію и врожденнымъ юморомъ, съ разу пойметъ и одурачить. А мы, въ простотѣ сердечной, сейчасъ формулируемъ самые сложные и мудреные выводы... Прикрѣпленный къ землѣ то крѣпостнымъ правомъ, то обязательнымъ надѣломъ, русскій человѣкъ сидитъ на мѣстѣ: сейчасъ заключеніе, что русскій народъ, какъ богатырь его Илья-Муромецъ, сиднемъ сидитъ, до тѣхъ поръ, пока какая-то невѣдомая сила его растолкаетъ, а потомъ вдругъ расходится и опять сядетъ, отсюда жалобы на его неподвижность, народную апатію, недостатокъ развитія и пр. и пр. Грѣшнша про какой-то вызовъ на переселеніе, народъ, — лишенный удовлетворенія этой естественной потребности — заведется; опять гвалтъ, русскій народъ представляется въ видѣ вѣчнаго жида, готоваго постоянно бродить, бродить отъ Берингова пролива до Эльборуса. А между тѣмъ, всего рѣже приходитъ въ голову самое простое объясненіе, что условія переселенія у насъ лишены естественности, а потому и самые факты являются въ

видѣ какихъ-то необычныхъ крайностей; но будь эти условія естественны, — русскій человѣкъ, какъ всякій человѣкъ, — оставался бы тамъ, гдѣ ему выгодно и уходилъ оттуда гдѣ ему невыгодно. Я останавлиюсь на послѣднемъ примѣрѣ переселенія. Недавно началось сильное движеніе въ Самарскую губернію; ежедневно являлись въ мѣстную палату государственныхъ имуществъ крестьяне, желавшіе получить казенныя земли, преимущественно изъ Тульской губерніи, а затѣмъ изъ самыхъ отдаленныхъ, числомъ до 15: Могилевской, Курской, Архангельской, Тамбовской и т. д. Въ сосѣднихъ губерніяхъ: Саратовской и Пензенской началось общее движеніе — всѣ собирались переселиться; дальній ефремовскій уѣздъ, говорятъ, собрался поголовно. Газеты, въ видѣ объясненія, извѣстили, будто все это произошло отъ того, что «неясный циркуляръ изданъ». Не будь этого циркуляра — тысячи народа сидѣли бы на мѣстѣ! Ну, скажите — не загадка ли для насъ русскій человѣкъ, если насъ можно увѣрять, что онъ, русскій человѣкъ, можетъ оставаться на своихъ мѣстахъ или передвигаться всею своей массой, смотря по тому, ясенъ или неясенъ циркуляръ!!! Неужели этимъ мудрымъ истолкователямъ не пришло въ голову болѣе глубокихъ причинъ, которыя могутъ вызвать тоже самое движеніе и при совершенно ясномъ циркулярѣ, и даже безъ всякаго циркуляра? Неужели вся наша народная жизнь находится въ непосредственной связи со степенью ясности исходящихъ изъ канцеляріи бумагъ?!!.. До тѣхъ поръ, пока у насъ переселеніе не будетъ поставлено въ *естественныя границы*, какъ бы ясно ни были написаны циркуляры, въ народѣ всегда будетъ происходить волненіе, и очень понятно: не волнуется только то, что находится въ состояніи равновѣсія, т. е. *естественномъ*.

Гдѣ же эти естественныя границы или, другими словами, какія искусственныя преграды положены у насъ естественности переселенія?

Преграду такъ сказать *отрицательную*, патологически задерживающую переселеніе, заключающуюся въ невозможности отказаться со стороны крестьянъ подъ какими бы то ни было условіями отъ обязательнаго и, въ тоже время, непроизводительнаго надѣла и пока остающуюся неопредѣленною и по истеченіи девятилѣтняго срока, — мы разсмотрѣли выше. Всякое запрещеніе обществу его естественныхъ стремленій, хотя бы и вынужденное историческою необходимостію, дѣйствуетъ на него раздражительно, — какъ говорятъ медики — возбуждающимъ образомъ: не зная изъ опыта цѣны достигаемыхъ результатовъ, общество тянется въ нимъ съ легковѣрнымъ увлеченіемъ ребенка, неспускаю-

щаго глазъ съ самаго обыкновеннаго предмета, который ему запретили трогать. Это истина давно извѣстная, и при постоянной свободѣ переселенія всегда желающихъ окажется менѣе, нежели сколько обыкновенно набирается при случайномъ и временномъ его дозволеніи.

Преграды положительныя, способныя раздвинуть переселеніе, въ случаѣ его дозволенія, до неестественныхъ и вредныхъ предѣловъ, заключается въ самомъ характерѣ, который у насъ усвоенъ былъ до сихъ поръ переселенію; и въ фискально-податномъ устройствѣ крестьянскихъ обществъ.

Я уже въ началѣ замѣтилъ, что у насъ, въ народномъ понятіи, слова: *льгота* и *переселеніе*, до такой степени неразрывны, что переселенія безъ льготъ народъ и допустить не можетъ: по его понятію, переселеніе непремѣнно связано съ отсутствіемъ всякихъ платежей за землю, получаемую *даромъ*. Это происходитъ вслѣдствіе того, что до сихъ поръ единственный видъ свободнаго переселенія у насъ былъ вызовъ правительства на пустынные мѣста, которыя оно желало заселить изъ государственныхъ разсчетовъ и потому не скупилось на льготы. Переселеніе помѣщичьихъ крестьянъ всегда было болѣе или менѣе насильственное и сопровождалось неудовольствіемъ переселенцевъ, а потому совершенно понятно, что какъ скоро произнесено слово *переселеніе*, такъ крестьяне уже ничего дальше не слушаютъ и ничему не вѣрятъ: у нихъ въ головѣ только понятіе о льготѣ, о даровой землѣ, за которую платить не надо, по крайней мѣрѣ, на первое время. Прекратить такое заблужденіе и вернуть народъ къ правильному и спокойному обсужденію своихъ дѣйствительныхъ экономическихъ выгодъ, при дозволеніи переселенія, — можно однимъ: *уничтоженіемъ* въ законодательномъ порядкѣ самого *принципа льготнаго переселенія*, допуская его только въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Въ практической народной жизни всякія логическія рѣзкости невозможны, и нельзя ставить *никакихъ* правилъ, недопускающихъ *исключенія*; необходимо только, чтобы эти исключенія вызывались дѣйствительными особенностями даннаго случая и не повторялись такъ часто, чтобы самое общее правило обратить въ исключеніе. Вотъ почему я не могъ выразиться категорически, что ни въ какомъ случаѣ не должно допускать льготнаго переселенія. Но *принципъ* свободнаго переселенія, безъ всякихъ льготъ, по собственному экономическому разсчету переселяющихся, въ настоящее время получилъ общее признаніе въ наукѣ и практическое примѣненіе вездѣ на Западѣ, кромѣ Франціи, издавна отличавшейся неудачною системою своей колонизаціи. Несомнѣнный историче-

скій опытъ показываетъ, что только тамъ, гдѣ колонизація происходила естественно, безъ всякихъ льготъ, въ силу экономическихъ побужденій переселяющихся, только тамъ колоніи упрочивались и приходили въ цвѣтущее положеніе. Это и понятно: масса переселяющихся, при свободномъ и при льготномъ переселеніи, совершенно различна: въ первомъ случаѣ она вся сплошь состоитъ изъ людей, несущихъ въ даль свое трудолюбіе и свою бережливость, съ полною надеждою, что они увѣнчаются успѣхомъ на новой родинѣ, съ удаленіемъ тѣхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій, которыя выгоняютъ поселенцевъ со старыхъ мѣстъ; во второмъ случаѣ, эта масса въ большинствѣ составляется изъ искателей приключеній, привлеченныхъ соблазномъ даруемыхъ льготъ и переносящихъ на новую почву лишь неумѣнье или нежеланье добывать свой хлѣбъ разнообразнымъ и постояннымъ трудомъ, имъ незнакомымъ и на прежней осядлости. Исключеніе составляютъ религіозные и политическіе изгнанники, которые дѣлаются все рѣже, съ распространеніемъ вѣротерпимости и свободы торговли. Поэтому въ Россіи, не смотря на ея пустынность и на разбросанность населенія, въ силу историческихъ причинъ, часто совершенно противоположныхъ современно-экономическимъ, — приложеніе начала свободного переселенія, исключающаго всякое понятіе о льготахъ и привилегіяхъ на новыхъ мѣстахъ, — точно также безусловно необходимо, какъ и вездѣ, если имѣется въ виду переселеніе дѣйствительно и несомнѣнно обѣщающее успѣхъ. Кромѣ того, всякая льгота сама по себѣ ставитъ правительство въ неловкое положеніе и въ будущемъ и настоящемъ: рано или поздно она должна превратиться и отнятіе ея возбуждаетъ неудовольствіе въ населеніи, привыкшемъ ея пользоваться, а самое дарованіе — въ окрестномъ туземномъ населеніи, равноправность котораго нарушается привилегіей пришельцевъ. Между тѣмъ, какъ скоро объявлено будетъ у насъ о прекращеніи льготнаго переселенія, такъ число *желающихъ переселиться* уменьшится, ибо переселяться тогда будутъ только тѣ, кто дѣйствительно убѣдился въ совершенной неблагодарности существующихъ условій и, напротивъ, въ преимуществахъ и удобствахъ отысканной имъ самимъ новой мѣстности; другими словами, тѣ, кто хладнокровно, обдуманно и сознательно взвѣсилъ всѣ шансы, — выгоды и убытки, — какъ прежняго сидѣнья, такъ и новаго водворенія. Конечно, и здѣсь нѣтъ ручательства, что такой расчетъ, во всякомъ случаѣ, сдѣланъ будетъ математически вѣрно: это зависитъ отъ степени развитія переселяющейся массы, знакомства ея съ новымъ мѣстомъ водворенія и, наконецъ, съ моральнымъ ея настроеніемъ, т. е.

большею или меньшею способностію къ увлеченію. Но, по крайней мѣрѣ, здѣсь нѣтъ въ виду виѣшной приманки, нѣтъ зазыва на переселеніе со стороны правительства, насилующаго вообще болѣе или менѣе обдуманное выраженіе общественной воли выставленіемъ впередъ всего льготъ, всегда представляющихся воображенію болѣе существенными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ испытанныя. Такъ, въ послѣднее время, замѣчается всеобщая наклонность къ переселенію, даже у полтавскихъ казаковъ, у этихъ влюбленныхъ въ свою украинскую родину и неотличающихся подвижностію земледѣльцевъ, даже тамъ, гдѣ экономическія условія надѣла съ избыткомъ вознаграждаютъ труды крестьянина, въ имѣніяхъ, гдѣ насижненное его мѣсто удобнѣе и производительнѣе многихъ окрестныхъ. Отъ чего? отъ того, что всѣмъ мерещится льгота, на новомъ мѣстѣ платить не надо, а на старомъ платежъ загнанъ. Чѣмъ предупредить такое настроеніе, какъ не объявленіемъ, что льготы переселенцамъ, на новыхъ мѣстахъ, впредь прекращаются словомъ закона.

Далѣе, на чрезмѣрное увеличеніе наклонности къ переселенію имѣетъ вліяніе *круговая порука*. Чтобы избавиться отъ нея, — крестьяне на все готовы. Поэтому, можно тогда только съ увѣренностію сказать, что крестьянское общество перешло на другую землю дѣйствительно по невыгодности прежней осѣдлости, когда обязательная круговая порука будетъ уничтожена. До тѣхъ же поръ крестьяне готовы будутъ на послѣднія деньги купить подешевле землю и перейти на нее, только бы избавиться отъ круговой поруки. А какъ богатые крестьяне всегда имѣютъ нѣкоторую долю вліянія на сходъ и какъ вообще бѣдняковъ и лѣнтяевъ, особенно дорожащихъ круговою порукою, можно всегда подвинуть на покупку земли, за которую платить уже ничего не будетъ нужно, то даже на переселеніе цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, круговая порука, во многихъ случаяхъ, будетъ имѣть весьма вредное вліяніе.

Итакъ, положимъ, что переселеніе вдвинулось въ свои естественныя границы, т. е. крестьянскимъ обществамъ дозволено отказываться отъ земли, съ переходомъ на новыя мѣста и въ тоже время льготы для переселенцевъ, даже на казенныхъ земляхъ, уничтожены и отмѣнена обязательная круговая порука. Возможно ли, при этихъ условіяхъ, повальное передвиженіе, нарушающее экономической строй и грозящее какимъ-нибудь потрясеніемъ сельскому хозяйству, какъ крестьянскому, такъ и помѣщичьему?

Члены губернскихъ комитетовъ, перваго призыва, защищая въ редакціонныхъ комиссіяхъ возможную широту добровольныхъ

соглашеній крестьянъ съ помѣщикомъ, заявили: «собственный голосъ крестьянина, опирающійся на положительныя правила, нынѣ установленныя въ его пользованіе закономъ, оградить крестьянина лучше всякаго внѣшняго вмѣшательства; а извѣстное пристрастіе его къ землѣ, столь долго питавшей его и орошенной его потокомъ, служить лучшимъ обезпеченіемъ того, что онъ никогда легкомысленно отъ нея не откажется». Справедливость такого заявленія, которое раздѣлили отчасти и редакціонныя коммиссіи, какъ нельзя лучше подтвердилась еще въ продолженіи 9-ти-лѣтняго срока. Крестьяне пока не получили въ дѣйствительности право отказа отъ надѣла; а между тѣмъ повсемѣстно замѣчается тотъ интересный фактъ, что дворянское мелкое землевладѣніе вездѣ переходитъ въ руки другихъ сословій и преимущественно крестьянъ. Вездѣ отъ жителей всѣхъ губерній я слышалъ это замѣчаніе. Въ Самарской губерніи одно лице, занимавшееся этимъ вопросомъ, сообщило, что по Бузулукскому уѣзду почти вся помѣщичья мелкая собственность перешла къ крестьянамъ. Въ Пензенскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ печатается въ высшей степени любопытная, но, къ сожалѣнію, неоконченная вѣдомость о всѣхъ земляхъ, подвергшихся такому переходу. Вопросъ этотъ въ высшей степени важенъ и было бы существенно необходимо собрать и напечатать статистическія о томъ данныя по всѣмъ уѣздамъ. Какъ бы то ни было, это показываетъ, что крестьяне, какъ скоро находятъ выгоднымъ пріобрѣтать землю, такъ и пользуются этимъ случаемъ. Слѣдовательно откажутся отъ надѣла только тѣ, для коихъ невыгоденъ онъ, т. е. тѣ, отъ которыхъ нельзя и требовать, чтобы они оставались на своемъ надѣлѣ. Надѣлъ для крестьянъ положительно невыгоденъ, если существующая вольная арендная цѣна на земли значительно ниже платимаго ими обязательно въ казну или владѣльцу за свой надѣлъ оброка.—Между тѣмъ, на практикѣ извѣстно, что, по отзыву знающихъ людей, *во всей черноземной и степной полосѣ арендная плата за землю, въ настоящее время, сравнялась съ обязательною повинностью за надѣлъ*. Слѣдовательно, въ этихъ полосахъ переселеніе возможно только въ такомъ случаѣ, когда: 1) надѣлъ—какъ особенное исключеніе,—такъ непроизводителенъ, что за него не стоить заплатить даже пониженную ренту; 2) когда крестьянское общество найдетъ возможность купить гдѣ бы то ни было нужный для него участокъ за доступно дешевую для него цѣну. Такія пріобрѣтенія возможны у казны или у крупныхъ землевладѣльцевъ, въ тѣхъ отдаленныхъ частяхъ ихъ имѣній, гдѣ населеніе очень рѣдко и слѣдовательно большую часть земли они не могутъ сдать ни за какія деньги.

Но за то, какъ скоро покупка такихъ земель крестьянскими обществами начнется, такъ цѣнность ихъ возвысится, и слѣдовательно выгодность пріобрѣтенія ихъ крестьянами уменьшится, а съ тѣмъ вмѣстѣ и число лицъ, желающихъ воспользоваться подобнымъ обмѣномъ. Слѣд., вся опасность со стороны сильнаго движенія переселеній относится къ нечерноземной полосѣ, гдѣ, напротивъ, обязательная оброчная рента значительно выше вольной цѣны на сдачу земель. Здѣсь, казалось бы, возможенъ общій отказъ отъ земель; оттого въ этой полосѣ и положенія губернскихъ комитетовъ, и отзывы членовъ ихъ, вызванныхъ въ Петербургъ, отличались стремленіемъ къ предоставленію крестьянамъ самыхъ свободныхъ и льготныхъ условій, лишь бы оградить *безсрочно-обязательное пользованіе надѣломъ*. Но здѣсь вопросъ ставится слѣдующимъ образомъ: куда пойдутъ крестьяне съ нечерноземной полосы? Если они большими массами устремятся въ черноземныя или степныя губерніи, то и безъ того относительно высокая тамъ цѣнность земель поднимется такъ высоко, что это положить сейчасъ же предѣлъ переселенію. Если крестьяне обратятся тутъ же въ покупку земель помѣщичьихъ, оставшихся за надѣломъ, то количество земель, могущихъ въ этой полосѣ поступить въ продажу крестьянамъ такъ незначительно, что его хватитъ также только для *исключеній*. Земли у помѣщиковъ и въ этой полосѣ осталось у помѣщиковъ много, но вся она лѣсная, потому что запашекъ тамъ было относительно мало, крестьяне состояли на оброкѣ и большею частію получили всю землю, которою владѣли. Промѣнять воздѣланную землю на лѣсную, съ тѣмъ, чтобы обратить ее въ пашию, крестьянинъ ни за что не согласится: лѣсную землю онъ возьметъ за ничтожную плату съ тѣмъ, чтобы на нови снять четыре, много пять хлѣбовъ и за тѣмъ бросить истощенную почву; — но распахать ее, чтобы постоянно на ней сѣять, положительно невозможно. Пахатной земли у помѣщиковъ очень мало, и притомъ она, въ большей части случаевъ, однокачественна съ крестьянскою: за чѣмъ же крестьянину бросать свою и покупать другую? Очевидно, что въ этомъ случаѣ возможна одна только комбинація: если крестьяне сидятъ на особенно непроизводительной почвѣ, то они постараются отказаться отъ нее, такъ какъ возможно дешево купить *относительно лучшую*.

Итакъ, съ какой стороны мы ни посмотримъ на настоящій вопросъ, — повальное переселеніе, грозящее переворотомъ, оказывается невозможнымъ, по самой силѣ вещей. Предлагаемая мною система предположена единственно въ пользу тѣхъ исключеній, которыя считаютъ съ своей стороны меньшимъ пожертвованіемъ

отказъ отъ надѣла, за который они платили въ теченіи 9-ти лѣтъ, и сверхъ этого покупку на собственный счетъ равнаго или большаго количества земли, нежели продолженіе пользованія совершенно непроизводительною землею за установленную повинность. Очевидно, что такія исключенія, встрѣчаются ли они въ разрядѣ крестьянъ временно-обязанныхъ или собственниковъ, не могутъ быть обязательно удерживаемы на прежнемъ надѣлѣ и должны воспользоваться правомъ отказа или переселенія. Это слишкомъ скромное и ограниченное право я считаю *началомъ свободы переселенія*, въ виду той крѣпости, которую, на обязательно выкупленныхъ крестьянъ, наложено въ теченіи 49-ти лѣтъ. Всякое расширеніе этого права, весьма желанное и въ высшей степени благотворное, невозможно, при уравниеніи правъ крестьянъ временно-обязанныхъ и собственниковъ, ибо оно слишкомъ пошатнуло бы прочность выкупной операціи. Здѣсь же выкупная операція остается въ прежнемъ положеніи и только ликвидируетъ неоплатную недоимку.

Такова моя система; но противъ нея можно сдѣлать много возраженій. Существеннѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) Недоимщики, сидящіе на непроизводительномъ надѣлѣ, о которыхъ я исключительно хлопочу, не въ состояніи купить въ другомъ мѣстѣ земли цѣлымъ обществомъ; и потому вся система моя обращается въ нуль, праздное словоизверженіе. Не смотря на такую категорическую постановку возраженія, я надѣюсь категорически его и уничтожить.

а) Вся моя система основана на томъ, что она для такихъ недоимщиковъ, сидящихъ на бесплодной почвѣ, и находящихся въ безвыходномъ положеніи, — представляетъ *исходъ*. Указать человѣку или обществу, находящемуся въ безвыходномъ положеніи исходъ, значитъ поднять настолько его энергію, чтобы онъ, такъ или иначе, указанного исхода достигнуть. Такихъ недоимщиковъ я видалъ вблизи и коротко знаю ихъ финансовое и нравственное положеніе. Люди зажиточные и трудолюбивые между ними, обращавшіеся прежде къ другимъ промысламъ, кромѣ земледѣлія, теперь лежатъ и никуда не ходятъ. За чѣмъ идти? За тѣмъ, чтобы пріѣхалъ становой и, по круговой порукѣ, продать все что есть лишняго въ домѣ? Конечно, не стоитъ беспокоиться! Но если этимъ людямъ будетъ показана возможность избавиться отъ круговой поруки и надѣла и стать въ положеніе людей, обезпеченныхъ въ неприкосновенности своею собственностію, результатовъ своихъ трудовъ, — то они не задумаются достать копѣйку, не задумается и отрезвится и цѣлое общество. Между тѣмъ, я предлагаю дозволить купить землю въ извѣстныхъ размѣрахъ

на цѣлое общество, не ограничивая этого размѣра для отдѣльных домохозяевъ; слѣд. всякій, при покупкѣ земли, будетъ разсчитывать на свои средства. Такимъ образомъ зажиточные и трудолюбивые заинтересованы въ этомъ, чтобы склонить все общество къ приобрѣтенію земли, съ тѣмъ, чтобы помочь бѣднымъ деньгами, а вознагражденіе обезпечить работою. Кромѣ того, — такъ какъ соглашеніе единогласное, въ этомъ случаѣ, не можетъ состояться, то достаточно желаніе со стороны двухъ третей общества. Подобная комбинація, въ крестьянскомъ быту, при безвыходности теперешняго положенія и при возможности дешеваго приобрѣтенія земли, въ случаяхъ *отдѣльныхъ покупокъ*, всегда доступна.

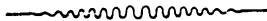
б) Кромѣ того, я предполагаю необходимымъ основаніе съ этою цѣлію правительственныхъ, земскихъ и частныхъ банковъ, которые помогали бы въ этомъ случаѣ крестьянамъ, при обезпеченіи круговой порукою и землею. Операція этихъ банковъ чрезвычайно проста: по осмотрѣ прибрѣтаемой въ собственность крестьянами земли, банкъ обѣщаетъ имъ ссуду, которую онъ назначаетъ подъ залогъ этой земли и крестьяне, получивъ заявленіе банка, дополняютъ своими деньгами, сколько слѣдуетъ, для удовлетворенія покупателя, получающаго потомъ ссуду изъ банка и немедленно выдающаго крестьянамъ надлежащую купчую крѣпость. Банкъ всегда обезпеченъ: отвергая совершенно *обязательную* поруку, я допускаю при этомъ договорѣ *свободную круговую поруку*, какъ обязательство, совершенно равноправное со всѣми другими личными обязательствами. Въ случаѣ неплатежа, банкъ прямо приступаетъ къ продажѣ земли, въ цѣломъ ея составѣ, ибо по частямъ на такую дачу мало найдется покупателей, даже при раздѣленіи ея на участки. Но, въ случаѣ установленія круговой поруки, крестьяне такой продажи не допустятъ и, уплативъ банковый долгъ, сами отберутъ участки у неплательщиковъ. Я думаю, что поземельный кредитъ у насъ всего нужнѣе въ этой именно формѣ, потому что поземельный кредитъ для дворянства въ большинствѣ губерній составляетъ только средство ликвиדיрованія долговыхъ обязательствъ, чтò, въ смыслѣ народнаго хозяйства, не имѣетъ никакого значенія. А потому, если учрежденіе съ этою цѣлію частныхъ и отчасти правительственныхъ банковъ есть дѣло личнаго усмотрѣнія, то, напротивъ, земскіе банки *обязаны* обратиться къ операціямъ этого рода.

2) Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что по моей системѣ отдѣльныя лица не пользуются тою даже долею свободы, которая предоставлена сельскимъ обществамъ. Причины мною изложены выше, здѣсь же я дополню слѣдующее. Основная моя система

состоить въ *равноправности крестьянъ временно-обязанныхъ и собственниковъ*. Черезъ 10 лѣтъ, по просьбѣ крестьянъ или помещика должна быть сдѣлана переобработка, т. е., другими словами, *повсемѣстный переходъ отъ обязательной ренты къ нормальной*, основанной на соображеніи дѣйствительной доходности надѣла въ данной мѣстности, для извѣстнаго общества. Мнѣ кажется, что въ это время, когда устанавливается *новый договоръ*, можетъ быть безпрепятственно предоставлено право отказа какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и обществамъ. А какъ, безъ всякаго сомнѣнія, нормальный надѣлъ, опредѣленный правительствомъ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *справедливый*, то ничто не мѣшаетъ распространить его, для уравнительности, и на крестьянъ, выкупившихъ свой надѣлъ съ помощію отъ правительства. Тогда причина передвиженія, для тѣхъ и другихъ, значительно уменьшится. Гдѣ надѣлъ состоитъ изъ непроизводительной почвы, тамъ, вѣроятно, и оброкъ будетъ опредѣленъ такой незначительный, что крестьянамъ не будетъ предстоять труда уплатить его. Такимъ образомъ тогда отдѣлится только та часть крестьянскаго населенія, которая, почему-либо, не считаетъ себя способною къ земледѣлію, а такимъ лицамъ нельзя запрещать переходъ въ сословія безземельныя, и между тѣмъ самыя рѣзкія неровности сгладятся въ теченіи 10-ти-лѣтняго періода, а это облегчитъ опредѣленіе болѣе среднихъ нормъ оброка, не разбивающагося, для каждой мѣстности, на слишкомъ большое число градацій.

Другихъ, болѣе существенныхъ возраженій, мнѣ не представляется; но можетъ быть лица, болѣе знакомыя съ дѣломъ, отыщутъ такія, предъ которыми мнѣ придется молчать.... *Habent sua fata libelli!*

Н. Колюпановъ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

ВО

ФРАНЦІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ 1)

САРДУ И БАРЬЕРЪ.

Знакомство съ однимъ какимъ-нибудь авторомъ — если только это не Мольеръ и не Шекспиръ — еще недостаточно для того, чтобы составить основательное сужденіе о состояніи драматическаго искусства какой-бы то ни было страны. При всемъ уваженіи къ серьезному таланту Эмиля Ожье, съ которымъ мы имѣли случай познакомить читателей 2), никакъ еще нельзя считать его главнымъ представителемъ современной драматургіи во Франціи. Сарду и Барьеръ стоятъ весьма близко къ Ожье, если не по таланту, то по направленію и по характеру ихъ дѣятельности. Они, какъ и Ожье, задались тою же широкою, безконечною задачею — изображать всѣ классы, все общество, со всѣми его недостатками, смѣшными и грязными сторонами, со всѣми пороками, рисовать всѣ его слои съ цѣлою вереницею его явныхъ и скрытыхъ язвъ. Преслѣдуя общую съ Ожье задачу, они имѣютъ съ нимъ и общее отличительное качество, — это преобладаніе сатиры надъ комедіею во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. Если, строго говоря, ни Сарду, ни Барьеръ своими сатирическими комедіями не пред-

1) См. общій обзоръ выше, Т. I. стр. 316 и слѣд.

2) См. выше, Т. II, стр. 932.

ставляютъ намъ постѣ Ожье ничего новаго и особенно замѣчательнаго, то тѣмъ не менѣе ихъ нельзя обойти молчаніемъ, какъ массу другихъ драматурговъ, такъ какъ они часто бросаютъ еще болѣе яркій свѣтъ на тѣ стороны, которыя такъ хорошо были освѣщены авторомъ «*les Effrontés*». Ихъ сатира, не имѣя ни глубины, ни утонченности, которая встрѣчается у Ожье, является болѣе рѣзкою и грубою и потому лучше подходящею къ тому классу людей, представителями котораго служатъ «*Бенуатоны*» у Сарду и «*Пепоне*» и «*Баскуры*» у Барьера — вся эта фаланга лавочныхъ и биржевыхъ героевъ, распложенныхъ второю имперіею и украшенныхъ ею красными ленточками. Чтò же и награждать, восклицаетъ этотъ родъ торжествующихъ людей, какъ не истинное достоинство: два дома на одномъ бульварѣ, одинъ на другомъ, и три или четыре въ постройкѣ! Для изображенія этого многочисленнаго, всюду вѣвшагося и всюду втершагося класса общества какъ бы нарочно, кажется, были созданы ничѣмъ не брезгающіе таланты Сарду и, главнымъ образомъ, Барьера.

Какъ бы ни велика была наша рѣшимость не отступаться отъ классическаго правила сосредоточивать, при оцѣнкѣ того или другого таланта, главнымъ образомъ все свое вниманіе на хорошихъ сторонахъ и только указывать на менѣе неудовлетворительное, какъ бы мы ни желали послѣдовать мнѣнію Шлегеля, а именно, что критика обязана заботиться не столько объ открытіи недостатковъ, какъ это большею частью полагаютъ, сколько о выясненіи достоинствъ и красотъ произведенія, — мы, тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ должны будемъ чаще останавливаться на томъ, чтò заслуживаетъ у Сарду и Барьера порицанія, чѣмъ похвалу. Но если мы примемъ въ соображеніе, въ какое время появились на сцену эти писатели, и какая среда неизбѣжно окружала ихъ, то всѣ наши упреки и обвиненія потеряютъ, по крайней мѣрѣ, половину своей силы. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, упускать изъ виду, какая доля недостатковъ писателя принадлежитъ собственно его таланту, и какая должна быть поставлена на счетъ самому обществу. Полное отсутствіе гармоніи въ жизни, отсутствіе идеала, внутренняя вражда всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ, — такова невыгодная общественная атмосфера, въ которой должна развиваться современная французская драма. Если даже водевили, фарсы, и наконецъ, какъ замѣчаетъ одинъ французскій критикъ, простыя либретто оперъ, носятъ на себѣ клеймо заразы, распространенной во Франціи съ 1852 года, то какъ же могло спастись отъ нея драматическое искусство?!

I.

Викторіенъ Сарду — самый молодой изъ извѣстныхъ французскихъ драматурговъ. Нѣтъ еще и десяти лѣтъ, какъ онъ дебютировалъ на одномъ изъ маленькихъ парижскихъ театровъ незначительною двухактною комедіею, подъ названіемъ, кажется, «Monsieur Garat». Послѣ этого скромнаго начала, онъ имѣлъ полууспѣхъ или даже первый успѣхъ, доставленный ему крайне милою, остроумною и бойкою комедіею «les Pattes de Mouche», но успѣхъ этотъ теряется, блекнетъ передъ тѣмъ колоссальнымъ, неслыханнымъ почти успѣхомъ, который съ разу далъ его имени ореолъ славы и укрѣпилъ за нимъ большую популярность. Этимъ успѣхомъ онъ обязанъ былъ своей четырехактной комедіи «Nos intimes». Увлеченіе общества было до того велико, что многіе имѣли смѣлость и вмѣстѣ съ тѣмъ наивность вызывать для сравненія съ Сарду имена Бомарше и даже..... трудно повѣрить! имя, грозное и для огромнаго таланта—Мольера. Газеты и журналы превратились для него въ какія-то трубы, флейты, литавры, ликовавшія его триумфъ. Ему отведено было мѣсто среди Олимпійскихъ боговъ. Съ этого дня Сарду былъ больше не Сарду, а авторъ «Nos intimes»; двери всѣхъ театровъ сдѣлались для него открыты, первое представленіе какой бы ни было его пьесы стало событіемъ. Разумѣется, Сарду, обладающій большимъ умомъ, болѣе всѣхъ былъ удивленъ своимъ успѣхомъ, понимая хорошо, что его пьеса никакъ не была необыкновеннымъ и удивительнымъ произведеніемъ. Увлеченіе публики, во всякомъ случаѣ, было вредно для автора, во-первыхъ потому, что на него возложили чересчуръ большія надежды, оправдать которыя было ему не по силамъ, и еще больше потому, что невольно всеружило ему голову и заставило его сказать самому себѣ, что если публика въ восторгѣ, то добиваться ему больше нечего, стараться о томъ, чтобы идти впередъ, незачѣмъ, и все, что онъ ни дѣлаетъ, все хорошо. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что авторъ «Nos intimes» во всѣхъ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ остается на томъ же мѣстѣ и вовсе не заботится, или, по крайней мѣрѣ, очень мало, чтобы сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ. Поспѣшность, съ которою онъ даетъ одно произведеніе вслѣдъ за другимъ, ручается намъ за это. Плодовитость его была бы просто поразительна, если бы она отвѣчала достоинству пьесъ, но этого именно и нѣтъ. Въ шесть или семь лѣтъ, которыя прошли со времени перваго представленія «Nos intimes», онъ написалъ такое количество пьесъ, что одинъ перечень ихъ занялъ бы здѣсь

слишкомъ большое мѣсто, и потому довольно назвать только тѣ его произведенія, которыя, по своему достоинству, стоятъ выше другихъ, и знакомство съ которыми необходимо для того, кто желаетъ имѣть полное понятіе о дѣятельности Сарду. Главными его пьесами нельзя не признать: «les Ganaches» «la Famille Benoiton», «Maison Neuve», и пожалуй «Nos bons Villageois».

Не рѣшая, какая таинственная причина заставила публику, послѣ представленія «Nos intimes», бросить лавровый вѣнокъ къ ногамъ ея автора, — можно утвердительно сказать, что эта пьеса соединила въ себѣ почти всѣ хорошія стороны таланта Сарду; но за то рядомъ со всѣми достоинствами скопидись почти и всѣ недостатки, которые, можетъ быть, въ послѣдующихъ произведеніяхъ только сдѣлались опредѣленнѣе и болѣе выяснились. Если къ какому-нибудь таланту можно приложить эпитетъ «ловкій», то, конечно, больше всего къ автору «Famille Benoiton». Какъ назвать иначе, чѣмъ ловкостью, это умѣнье ставить себя въ самыя неестественныя и дикія положенія для того, чтобы имѣть удовольствіе, къ удивленію публики, выбраться изъ нихъ какъ ни въ чемъ не бывало. Едва ли кто-нибудь изъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ драматурговъ позволить себѣ такія отчаянно-смѣлыя сцены, какія онъ далъ намъ, напр. въ 3-мъ актѣ «Nos intimes», или въ 4-мъ «Maison Neuve». Безъ сомнѣнія, для того, чтобы представить публикѣ сцену насилія, совершаемаго пламеннымъ юношею надъ героинею «Nos intimes» и держать эту публику въ такомъ ажитированномъ состояніи, чтобы она, впродолженіи почти двадцати минутъ, оставалась безсловесною зрительницею быстро возрастающей, подъ прикрытіемъ ночи, страсти 20-ти-лѣтняго человѣка, поглощеннаго животнымъ инстинктомъ, и не дать ей во все это время ни на секунду перевести дыханіе, чтобы она могла опомниться и, выведенная изъ забвенія хоть шумомъ оборваннаго колокольчика или сильнаго поворота замка, закричать, чтобы спустили, наконецъ, занавѣсъ; позволить себѣ все это и не быть ошиканымъ, а, напротивъ, вызвать еще цѣлый громъ рукоплесканій, — для этого необходима особенная, далеко не каждый день попадающаяся, талантливая ловкость. Позволивъ себѣ эту сцену, зайдя въ ней такъ далеко и стумѣвъ, вдоволь насладившись ею, выбраться изъ нея съ такою быстротою и легкостью, Сарду не можетъ больше бояться никакихъ опасностей, никакихъ словъ и никакихъ движеній; его смѣлость не должна знать никакихъ преградъ, такъ какъ далѣе того, куда онъ зашелъ, идти невозможно. Всякій другой авторъ, лишенный этого умѣнья выскользнуть изъ самыхъ

невозможныхъ положеній, часто при помощи другой подобной же невозможности, сто разъ погубилъ бы свою пьесу подобнаго рода сценами, между тѣмъ какъ Сарду, главнымъ образомъ благодаря именно такой сценѣ, имѣлъ громадный успѣхъ. Рядомъ съ этимъ качествомъ сценической ловкости, которая является во всѣхъ его произведеніяхъ, и часто заставляетъ публику прощать его замѣчательную бѣдность драматической фантазіи, положенной въ основаніе пьесы, стоитъ другое его достоинство, опредѣляемое однимъ словомъ: наблюдательность. Онъ, какъ немногіе, умѣетъ подслушивать разговоры на улицѣ, въ кафѣ, въ гостиной буржуазной семьи и, не упуская ни одного слова, перекладываетъ все, что онъ услышалъ, на бумагу. И потому, какъ въ той средѣ, гдѣ онъ подслушиваетъ, разговоры носятъ на себѣ характеръ пустоты, перемѣшанной съ безнравственностью, способной вызвать смѣхъ у человѣка, не ищущаго въ немъ скрытаго и болѣе глубокаго смысла, часто очень грустнаго, то Сарду, схватывая именно ихъ потѣшающую сторону, заставляетъ свою публику очень часто смѣяться, и, главное, смѣяться надъ ея собственною глупостью и неумѣстною чванливостью. Наблюдательность эта была бы драгоценнымъ и высокимъ качествомъ для Сарду, еслибы, къ несчастью, онъ ограничивался одною внѣшнею ея стороною, еслибы она кидалась въ глаза не одними удачными и мѣткими словами и фразами, очевидно, прямо вырванными изъ жизни, а проходила бы во всѣ поступки его дѣйствующихъ лицъ и замѣтна была бы въ цѣломъ построеніи его пьесъ. Будь наблюдательность его глубока, подмѣчай онъ не только тѣ фразы, которыя говорятъ въ лорнируемомъ имъ обществѣ, а также то, что въ немъ дѣлается, не одни слова, а всю жизнь, со всѣмъ, что въ ней каждый день происходитъ, и тогда, вѣроятно, автору «*Nos intimes*» не пришлось бы прибѣгать почти въ каждой пьесѣ то къ мнимо-мертвымъ тѣламъ, то къ мнимымъ воровствамъ, однимъ словомъ, ко всѣмъ его мелодраматическимъ продѣлкамъ. Правда и то, что современное общество, если и не все, то, по крайней мѣрѣ, та значительная его часть, которой главнымъ образомъ посвящена комедія Сарду, представляетъ въ одномъ внѣшнемъ своемъ выраженіи столько уродливо-смѣшного и вмѣстѣ печальнаго, что, ограничиваясь наблюденіемъ одной его оболочки, Сарду не разъ уже удавалось представить по истинѣ живые эскизы своего зараженного времени. Очевидно, однако, что ему невозможно было бы достигнуть такого благодарнаго результата, еслибы онъ не обладалъ еще другимъ качествомъ своего таланта, это—тѣмъ удивительно-гибкимъ и бойкимъ языкомъ, при помощи котораго подмѣченныя имъ слова,

выраженія, фразы получаютъ возможно полный рельефъ и ту дорогую наивность, заставляющую минутами забывать, что передъ нами проходятъ не живые, сильные типы истинной комедіи, а только очень часто крайне-слабыя съ нихъ копіи. Помимо придаваемого рельефа, Сарду до того искусно группируетъ эти подслушанныя слова и схваченныя выраженія, что разговоры его дѣйствующихъ лицъ получаютъ настолько правдивости, остроумія, жизненности и вмѣстѣ съ тѣмъ сочности, что они не рѣдко могутъ служить образцами сценическаго языка. Языкъ Сарду, живость, его разговоръ является чуть ли не главнымъ его достоинствомъ, которое не прикрывается никакою невыгодною тѣнью. Ему нельзя ставить въ упрекъ, если онъ употребляетъ иногда слова, такъ недавно введенныя въ французскій языкъ и составляющія одинъ изъ атрибутовъ того эlegantнаго общества, къ которому принадлежитъ весь многочисленный «полу-свѣтъ» женскій и мужской, безъ различія, занявшій при современномъ порядкѣ самое видное мѣсто. Рисуя эту среду, ему нельзя обойтись безъ ея argot, безъ ея лексикона, хотя бы только для того, чтобы показать, какъ много въ немъ грубаго и уродливаго, и какъ мало утонченнаго и остроумнаго. Оставить безъ вниманія вводимую въ языкъ грязь — было бы непростительно для драматурга, желающаго, чтобы въ его произведеніяхъ отсвѣчивалась вся жизнь, со всѣмъ, что въ ней есть хорошаго и дурного, и особенно претендующаго на мораль и сатиру, такъ какъ порча языка можетъ служить однимъ изъ вѣрныхъ и далеко не послѣднихъ симптомовъ разложенія общества. Весь вопросъ заключается въ томъ, заразить ли эта разлагающаяся и вмѣстѣ преобладающая среда всѣ классы, всю страну, или, сгнивши, успѣетъ отпасть прежде, чѣмъ ея яду удастся проникнуть въ здоровыя части общества. Долгъ драматурга не упускать ни одной стороны, гдѣ показался лишь гной, и если онъ добрался до языка, то онъ долженъ привить его и себѣ, чтобы ему можно было лучше бороться противъ распространенія заразы. Вотъ отчего нельзя обвинять ни Сарду, ни какого другого драматурга, если онъ заимствуетъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ, нарушающія общую гармонію языка. Еслибы только такими недостатками отличались произведенія Сарду, то, безъ всякаго сомнѣнія, имя его заняло бы очень высокое мѣсто въ исторіи драматической литературы но, къ несчастью, онъ представляетъ болѣе важныя стороны, открытыя для нападеній.

Какова бы ни была ловкость драматурга, какъ бы хорошо онъ ни пользовался своею поверхностною наблюдательностью, какъ бы языкъ его ни былъ боекъ и живъ, все это, однако, еще мало для

истинной комедіи. Ея требованія простираются далѣе. Простота концепцій является едва ли не самымъ существеннымъ ея условіемъ; средства, которыя употребляетъ авторъ для развитія ея, должны быть также просты, естественны, какъ и общій планъ произведенія; она требуетъ, чтобы одно событіе вытекало изъ другого, чтобы всѣ онѣ были связаны одною непрерывною и вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданною для зрителя нитью, безъ которой не можетъ быть полноты впечатлѣнія. Помимо этого, она хочетъ, чтобы ея дѣйствующія лица во всѣхъ своихъ поступкахъ оказывались бы послѣдовательными самимъ себѣ, чтобы они не противорѣчили присвоенному имъ характеру, который долженъ быть ясно и опредѣленно начерченъ. Ей нужны типы, а не блѣдныя фотографіи съ такой или другой личности 1867 или 68 года. Произведенія Сарду, нужно сказать правду, мало отвѣчаютъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Ни въ чемъ онъ такъ не грѣшитъ, какъ именно въ основномъ законѣ драматическаго искусства, — въ сохраненіи простоты. Еслибы наблюдательность его не была поверхностна, то рядомъ съ разговорами, которые дышатъ жизнію, мы бы не встрѣчали почти въ каждомъ его произведеніи этой изумительно-неестественной фавулы, около которой кружатся всѣ дѣйствующія лица. Придуманная имъ интрига болѣею частію до такой степени лишена простоты, вѣроятія, что не знаешь, чему больше удивляться, умѣнью ли его вести эту интригу или бѣдности драматической фантазіи, создавшей ее. Умѣнье же это, дѣйствительно, замѣчательное. Когда смотришь на его пьесу и присутствуешь при этой паровой машинѣ, которая движется съ такою быстротою и летитъ безъ всякой остановки въ развязкѣ, и, главное, летитъ, не обращая вниманія на пропасти, которыя такъ часто попадаютъ ей на дорогѣ, перескакивая черезъ нихъ и вися почти — что на воздухѣ, безъ опасности для машиниста, то невольно спрашиваешь себя, не есть ли эта дикая басня плодъ слишкомъ бурнаго воображенія, разъ какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ сбившагося съ пути? Но когда видишь, что эта неудачно задуманная интрига, являющаяся во всей своей силѣ въ какой-нибудь рѣшительной и назначенной, очевидно, для успѣха сценѣ, повторяется почти каждый разъ, съ тою только разницею, что тамъ, гдѣ она лишена неестественности, она носитъ на себѣ характеръ избитости и доброй старины, — тогда нельзя не прійти къ заключенію, что она есть плодъ совсѣмъ не бурной фантазіи, а, напротивъ, поразительной ея скудости. Это отсутствіе здороваго драматическаго воображенія, позволяющаго автору смѣло и просто задумать пьесу, недопускающаго его цѣпляться ни за естественныя, ни за изношенныя

положенія, вынуждаетъ автора «Nos intimes» хвататься за такія средства, которыя рѣшительно не годны для истинной комедіи. Во всѣхъ его пьесахъ мы замѣчаемъ непреодолимое стремленіе выбраться изъ той области, которая принадлежитъ комедіи, чтобы вступить въ ту, которая составляетъ собственность или водевиля или мелодрамы. Онъ не отказывается ни отъ того ни отъ другого рода сценическихъ произведеній, и потому въ его пьесахъ достоинство истинной комедіи—какъ разговоры, схваченные правы—смѣшиваются съ свойствами чистѣйшаго водевиля и съ мелодраматическими эффектами бульварнаго театра. Возьмите любую изъ лучшихъ его комедій, начиная отъ «Nos intimes» и кончая «Maison Neuve», вездѣ легко видѣть, какъ комедія, въ одной пьесѣ, сливается съ водевилемъ, а въ другой—съ мелодрамой. Къ счастью или къ несчастью для Сарду эти два рода никогда не сливаются настолько, чтобы ихъ нельзя было отдѣлить. Они идутъ рядомъ, толкая другъ друга въ сторону и мѣшая взаимно другъ другу, и разбивая на - двое интересъ пьесы. Въ этой двойственности интереса и слѣдственно двойственности самого произведенія не трудно рѣшить, чему слѣдуетъ отдать преимущество. Все то, что, строго говоря, лежитъ внѣ любовной интриги, безъ которой необходимо ни одна изъ его пьесъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, и все то, что именно составляетъ басню произведенія, безъ ущерба для славы Сарду, можетъ быть оставлено въ совершенной тѣни, особенно если сказать разъ навсегда, что на развитіи этой энергіи и приведеніи къ ея развязкѣ сказывается всегда мастерское владѣніе сценою и большая смѣлость въ приѣмахъ. Отсутствіе сколько-нибудь обильной фантазіи, порождающее бѣдность его концепцій, вредитъ ему еще и съ той стороны, что, не находя въ самомъ себѣ достаточно силы для созданія жизненнаго сюжета, онъ рѣшается очень часто на то, что зовется литературнымъ воровствомъ. Не только онъ заимствуетъ сюжетъ у какого-нибудь романиста, какъ это было открыто относительно его комедій «Nos bons Villageois»¹⁾, «Les Pommes du Voisin»²⁾ и кажется еще нѣкоторыхъ другихъ, но, что еще хуже, это то, что онъ позволяетъ себѣ воровать цѣликомъ нѣкоторыя сцены у своихъ собратьевъ, какъ онъ сдѣлалъ это въ «Famille Benoiton», перенеся въ нее одну самую замѣчательную сцену изъ пьесы Барьера «Les faux bonshommes», именно сцену брачнаго контракта.

Сдѣлавъ это замѣчаніе, мы можемъ обратиться теперь къ той сторонѣ произведеній Сарду, которая, соединяя въ себѣ почти

¹⁾ Весь сюжетъ взятъ изъ повѣсти Nadaud, «Une idylle»

²⁾ Изъ повѣсти Бернара.

всѣ его достоинства, занимаетъ первостепенное мѣсто. Такъ какъ эта сторона заключается во всемъ, что находится только внѣ интриги, безъ которой не можетъ быть комедіи въ полномъ смыслѣ этого слова, и такъ какъ достоинства ея выражаются въ дѣйствующихъ лицахъ, взятыхъ изъ современнаго общества, въ разговорахъ, почерпнутыхъ изъ его среды, въ начерченныхъ образахъ его проходящихъ обычаевъ, въ насмѣшкѣ надъ его карикатурными замашками, въ ироніи, подчасъ горькой, разлитой по всѣмъ картинамъ, списаннымъ съ его нравовъ, однимъ словомъ, въ цѣломъ сатирическомъ отношеніи ко всей жизни общества,—то про Сарду справедливо будетъ сказать тоже, что было сказано нами про Эмиля Ожье, т. е. что сатира является его преобладающимъ качествомъ, и что она поглощаетъ собою комедію. Вся разница между ними заключается въ томъ, что сатира Ожье болѣе глубока, простирается дальше, дотрогивается до болѣе скрытыхъ ранъ, насквозь пронизываетъ то общество, по которому скользятъ только сатира Сарду, едва оставляя на немъ царапины. Между ними есть еще одна разница, которую мы во всемъ блескѣ увидимъ, если вспомнимъ политическія сатиры Ожье «*Les Effrontés*» и «*Fils de Giboyer*» и сравнимъ съ ними политическую сатиру Сарду, «*Les Ganaches*». Правда, разница эта принадлежитъ не только таланту, сколько личнымъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ двухъ авторовъ, но въ сатирѣ больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой области, эти личные убѣжденія и воззрѣнія автора до того важны, что они вѣсятъ почти столько же, сколько и талантъ, такъ какъ ими опредѣляется та степень добра или вреда, которую оказываетъ вся его дѣятельность. Сарду, обладая страстью къ подражанію и заимствованію, не могъ устоять противъ успѣха «*Les Effrontés*» и вслѣдъ за «*Nos Intimes*» написалъ «*Les Ganaches*», которыя дѣлаютъ ему столько же стыда, сколько Ожье дѣлаютъ чести его двѣ пьесы политическаго содержанія.

«*Les Ganaches*», какъ пьеса, представляетъ собственно мало любопытнаго. Рядомъ съ тысячею натяжекъ и неправдоподобностей, интрига ея бѣдна по вымыслу, стара, избита и врядъ-ли кого-нибудь можетъ привлечь собою, особенно во Франціи. Уже начиная съ тридцатыхъ годовъ, всѣ романисты, драматурги и, пожалуй, даже водевилисты помѣшались на одномъ пунктѣ—это на примиреніи враждующихъ партій, и вотъ потянулася цѣлая стая всевозможныхъ пьесъ съ своимъ безконечнымъ содержаніемъ, проповѣдью мира, основаніемъ котораго служило восхваленіе добродѣтелей всѣхъ враждующихъ сторонъ. Въ каждой подобной пьесѣ мы видѣли сначала или прекрасную дѣву аристократиче-

скаго происхожденія, гордую и неприступную, воспитанную въ самыхъ строгихъ правилахъ морали и презрѣнія ко всему, «что не имѣетъ рожденія», и въ которую позволялъ себѣ влюбляться какой-нибудь плебей самаго низкаго происхожденія, но полный геройскихъ качествъ и самыхъ высокихъ чувствъ. Послѣ трехъ, четырехъ актовъ слезъ, отчаяній, проклятій дней своихъ собственныхъ рожденій, и длинныхъ тирадъ со стороны автора, что всѣ люди равны, и что личныя достоинства дѣлаютъ человека столь же благороднымъ какъ и древность рода, хотя бы она и шла отъ крестовыхъ походовъ, дѣло оканчивалось тоже слезами, но слезами радости, отъ которыхъ умилялись добрые буржуа Луи-Филиппа. Иной разъ картина мѣнялась и намъ представляли красавицу-плебейку, отъ которой терялъ свой умъ какой-нибудь промотавшійся маркизъ или виконтъ, и пьеса оканчивалась опять, къ удовольствію публики, женитьбою нищаго графства или маркизата на милліонахъ богатаго плебейства. Случалось также и такъ, что молодые люди чувствовали взаимно влеченіе другъ къ другу, но аристократическіе родители дѣвушки въ ужасѣ клали свое veto на ихъ соединеніе и отдѣляли новаго Ромео отъ новой Джульетты непроходимою пропастью. Но авторъ, дѣлавшій большею частью, и особенно въ послѣднее время, своего героя инженеромъ, и научившись, вѣроятно, у него строительному искусству, въ концѣ пьесы обыкновенно перебрасывалъ черезъ эту пропасть мостъ, который такимъ образомъ соединялъ, опять таки къ удовольствію публики, пламенно влюбленныхъ молодыхъ людей. Этотъ сюжетъ примиренія враждебныхъ партій переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и онъ одаренъ такимъ волшебнымъ свойствомъ, что всякій драматургъ, неодаренный большою силою воли, непременно беретъ его для одной изъ своихъ пьесъ; но другое волшебное свойство этого сюжета дѣлаетъ то, что пьеса подобнаго содержанія большею частью оказывается дурною пьесою. Кромѣ того родственнаго сходства, которымъ отличаются всѣ подобныя произведенія, они имѣютъ еще одну общую черту, — они ложны въ своемъ основаніи и показываютъ въ пьесахъ совершающееся примиреніе того, что никакъ не примиряется въ жизни; и если оно совершится, то вѣроятно только тогда, когда подобныя пьесы больше не будутъ писаться.

Произведеніе Сарду принадлежитъ къ одному изъ пазванныхъ трехъ родовъ, именно къ третьему. Интрига вертится около молодой дѣвушки аристократическаго имени, влюбленной въ почти геніальнаго инженера - плебея; родственники, т. е. дѣдъ и дядя возстаютъ противъ такого оскорбительнаго для нихъ брака, пока,

наконецъ, въ пятомъ актѣ ихъ глаза не прозрѣли, и они преклоняются предъ величіемъ инженера. Такова избитая басня, понадобившаяся Сарду для проведенія его политической сатиры. Сатира Сарду представляется полною противоположностью честной и ѣдкой сатирѣ Ожье. Если тотъ нападалъ на всѣ побѣжденные партіи, и онъ имѣлъ на это право, потому что каждая изъ нихъ имѣла свои больныя мѣста, то еще больше бичевалъ онъ представителей современнаго общества, начертавъ его въ лицѣ Vernouillet. Если ни въ одной своей пьесѣ онъ не показавъ намъ такого лица, которое было бы для него идеаломъ, то все-таки можно видѣть, что этотъ идеалъ лежитъ, если внѣ прошедшаго, то еще больше внѣ настоящаго, потому что къ нему онъ старается вызвать не что иное, какъ отвращеніе. Задача Сарду другая. Онъ направляетъ свою сатиру противъ всего прежде существовавшаго, противъ всѣхъ раньше господствовавшихъ политическихъ партій, и дѣлается панегиристомъ настоящаго времени и торжествующаго порядка. Если можетъ быть что-нибудь уродливѣе той сцены, когда человѣкъ или цѣлое общество сидитъ по шею въ грязи и кричитъ всѣмъ тѣмъ, которые сторонятся, боясь запачкаться, чтобы они тоже спѣшили погрузиться въ нее, представляя ту причину, что нигдѣ не можетъ быть такъ хорошо и пріятно,—то это развѣ сцена, когда побѣдители, прогуливаясь по полю битвы, и встрѣчая между побѣжденными не совсѣмъ мертвыхъ еще людей, безъ всякой нужды, хладнокровно и весело начинаютъ бить ихъ прикладами своихъ ружей. Сарду поступилъ именно въ такомъ родѣ. Ему мало было объявить себя приверженцемъ современнаго политическаго порядка для оправданія себя, ему нужно было бросить еще грязью во всѣ остальные партіи. Да здравствуютъ побѣдители и горе побѣжденнымъ! онъ не долго думалъ надъ средствами для пораженія всего прошедшаго Франціи. Онъ выбралъ самое удобное — ложь, и съ ея помощью нарисовалъ три портрета, трехъ представителей побѣжденныхъ партій: маркиза-легитимиста de la Rocheréans, орлеаниста-буржуа Фромантеля и республиканца сумасброда Léonidas Vauclin'a, и противопоставилъ имъ своего героя, современнаго человѣка, инженера Marcel Cavalier. Кромѣ этихъ четырехъ личностей, предназначенныхъ для поединка, есть еще тутъ фигура стараго герцога, отца маркиза, который спитъ въ продолженіи трехъ дѣйствій, и просыпается въ четвертомъ, только для того, чтобы дать возможность автору вложить въ ротъ этого закоснѣлаго аристократа одинъ крикъ: да здравствуетъ прогрессъ и слава инженеру! Какъ вѣрна

одна эта черта, такъ съ такою же добросовѣстною вѣрностью представлены дѣятели трехъ различныхъ и прошедшихъ эпохъ.

Всѣ качества, которыя присвоиваетъ Сарду взятымъ имъ тремъ руинамъ, могутъ быть выражены однимъ словомъ: глупость и ту-поуміе. Другого онъ ничего не видитъ, или вѣрнѣе, не хочетъ видѣть ни въ легитимистахъ, ни въ орлеанистахъ, ни въ республиканцахъ. Тутъ нельзя еще разъ не напомнить о той выгодной для Ожье разницѣ, которая существуетъ между нимъ и Сарду. Когда Ожье беретъ для своей сатиры представителей той или другой партіи, то онъ не облегчаетъ себѣ задачу, дѣлая одного изъ нихъ чуть не гениемъ, другого чуть не идиотомъ, того и другого онъ надѣляетъ одинаково умомъ, для того, чтобы зритель присутствовалъ при болѣе или менѣе равной борьбѣ. Ожье заботится, чтобы его герои, въ какомъ цвѣтѣ онъ ни выставлялъ бы ихъ, были похожи на людей, а не на жалкія каррикатуры, въ то время, какъ Сарду думаетъ лишь о томъ, какъ бы своей куклѣ доставить болѣе легкую побѣду. Если бы онъ надѣлилъ своего легитимиста, орлеаниста или республиканца хотя каплею ума, тогда они не терялись бы, выслушивая пышныя фразы Марселя о прелестяхъ прогресса, какъ будто бы до появленія новаго человѣка, созданнаго второю имперію, Франція была въ состояніи Китая. Если бы эти маніяки, которыхъ онъ выдаетъ за здоровыхъ людей побѣжденных партій, были хотя сколько-нибудь близки къ истинѣ, тогда, разумѣется, республиканецъ Вокленъ не вскрикнулъ бы: «Браво, молодой человѣкъ, браво, мы идемъ съ вами по одной дорогѣ!» когда Марсель прославляетъ широкія улицы Парижа и подѣланные желѣзныя дороги. Вѣроятно онъ нашелъ бы отвѣтить что-нибудь другое на эту длинную тираду, квинтъ-эссенцію всей пьесы, въ которой Марсель восклицаетъ: «И развѣ я не повинуюсь тому же закону (справедливости), когда я разширяю наши улицы, рискуя даже потревожить фасады вашихъ дворцовъ? Они пусты, а на улицахъ толпа! Давайте ей мѣсто!... Вы сожалеете о вашихъ развалинахъ! И мы тоже; но я хочу пройти и пройду: потому что на моей сторонѣ право, потому что я повинуюсь тому божественному закону, который жертвуетъ поэзіей прошедшаго, дѣйствительности настоящаго; потому что я слышу голосъ, который не перестаетъ мнѣ кричать: «Помни, что ты идешь отъ худшаго къ лучшему; отбѣчай твой шагъ, чтобы твои дѣти его отыскали!... Скорѣй же, впередъ!» И упоенный этимъ словомъ: впередъ, постоянно повторяемомъ въ моемъ умѣ, какъ ваши старые воинственные крики, и которое толкаетъ насъ къ борьбѣ, да, но противъ невѣжества, рутины, нищеты, голода, страданій...

въ этотъ святой крестовый походъ всего человѣчества, соединившагося противъ зла, я чувствую съ гордостью, что это я, который веду человѣчество къ этой борьбѣ...» Вокленъ, еслибы Сарду не отказалъ ему въ умѣ, вѣроятно, прервалъ бы этого новаго человѣка, и сказалъ бы ему: все это очень недурно сказано, всему этому сочувствуете не вы одни, люди второй имперіи, сочувствуемъ этому и мы, *словамъ* этимъ сочувствовали всегда всѣ наши правительства, и не уступали никогда случая говорить это народу, слова эти мы знаемъ наизусть не хуже васъ; а вы лучше скажите, что вы дѣлаете для ихъ осуществленія? вы толкуете о широкихъ и роскошныхъ улицахъ да объ желѣзныхъ дорогахъ, — пусть такъ, въ этомъ вы дальше насъ, по это средства для достиженія цѣли, а къ цѣли-то мы уже были поближе васъ, потому что мы были свободны, а вы рабы. Торгъ, который вы сдѣлали, слишкомъ выгоденъ для васъ, чтобы вы еще хвастались имъ передъ нами. Вы не имѣете права колотъ намъ глаза вашими широкими улицами да желѣзными дорогами, потому что мы заплатили за нихъ дорогою цѣною. Вы говорите о томъ, что вы дали, и молчите о томъ, что отняли у насъ. Гдѣ эта масса людей, и лучшихъ людей, которыхъ вы отправили въ Кайенну; гдѣ тѣ свободныя учрежденія, которыми мы пользовались и которыхъ вы насъ лишили; гдѣ то право, которое мы имѣли, чтобы свободно высказать всѣ наши мысли и убѣжденія, куда все это дѣвалось, гдѣ это все? все это потерялось въ вашихъ широкихъ улицахъ и вашихъ желѣзныхъ дорогахъ; безъ васъ они обошлись бы намъ не такъ дорого!... Еслибы Вокленъ остановилъ Марселя такими словами, то вѣроятно, этотъ не сталъ бы продолжать своей мнимо-демократической и пышной рѣчи, и найдя серьезный отпоръ, а не слабыя возраженія, не сталъ бы сыпать, чувствуя себя, благодаря Сарду, побѣдителемъ, насмѣшками на-право и на-лѣво, толкая въ одну кучу и легитимистовъ и республиканцевъ и орлеанистовъ, которые заключаютъ, наконецъ, тѣмъ, что просятъ у него прощанья. Чтобы сатира была сильна, надобно, чтобы она направлена была противъ дѣйствительныхъ слабостей и пороковъ, а не противъ тѣхъ, которыя вздумалось для какой-нибудь цѣли, хотя бы для красной ленточки, — награда, полученная Сарду, — изобрѣтать и присвоивать партіямъ. Сатира въ такомъ случаѣ теряетъ свой главный, присущій ей характеръ правды и превращается въ ничто иное, какъ политическій памфлетъ.

Какую же однако мораль, какое высокое политическое заключеніе старается вывести авторъ «*Les Gaiaches*», изъ этого чуть не пасквиля, претендующаго, конечно, на названіе сатиры?

Мораль эта заключается въ послѣднихъ словахъ пьесы, произносимыхъ Вокленомъ: «Единственное средство (чтобы не попасть въ число *ganaches*)—это быть всегда человѣкомъ своего времени». И когда раскаявшійся маркизъ прибавляетъ: «своихъ лѣтъ», Марсель, герой второй имперіи, восклицаетъ: «тогда это прогрессъ!» Итакъ, для того, чтобы быть слугою прогресса, а не превратиться въ *ganache* во что бы то ни стало, претендуетъ и увѣряетъ Сарду, нужно быть человѣкомъ своего времени. Жалкая и бѣдная мораль, особенно тогда, когда она прилагается къ настоящему періоду печальной исторіи Франціи. Чтобы быть человѣкомъ своего времени, Марсель защищаетъ, а слѣдовательно, и раздѣляетъ всѣ пороки, мошенничество, раболѣпство, отсутствіе всякихъ истинъ, убѣжденій, одобреніе и цѣлованіе грязи, если она ведетъ только къ почестямъ и богатству, однимъ словомъ все то, на чемъ сказывается разложеніе современнаго общества. Все это принадлежности времени, отъ которыхъ нельзя отказаться, неотказавшись отъ названія человѣка своего времени. Не лучше-ли въ такомъ случаѣ отказаться отъ этого пресловутаго своего времени и, какъ Вокленъ, уйти въ глушь, не видѣть, и не слышать, что дѣлается въ обществѣ и не жить жизнію своего времени? Не лучше ли обречь себя на удаленіе, добровольное изгнаніе, чѣмъ быть свидѣтелемъ и сообщникомъ того общества и той эпохи, которая всегда будетъ лежать тяжелымъ камнемъ на совѣсти Франціи? И откинувъ небогатую фантазію Сарду, и отказавшись отъ выдвинутыхъ имъ маріонетокъ и перенеся себя въ дѣйствительность, можно спросить у автора «*Les Ganaches*», чтобы онъ по совѣсти отвѣтилъ, забывъ на минуту свое произведеніе и полученную за него красную ленточку, кто больше служить дѣлу прогресса тѣмъ, которые подобно Кинэ, Виктору Гюго и многимъ другимъ, отказались на время отъ своей родины, отъ «своего времени» унесли съ собою въ даль, тишину и пустыню, нетронутыми и неоскверненными великіе принципы своихъ отцевъ, или тѣ фаланги саповниковъ, которые сегодня распинаются передъ Наполеономъ III, а завтра упадутъ ницъ передъ какимъ нибудь графомъ парижскимъ? Одни, воспитывая молодыхъ поколѣнія и прививая къ нимъ свои мысли и убѣжденія, служатъ для воскрешенія Франціи, другіе, свидѣтельствуя о ея паденіи, тянутъ ее въ пропасть. Если бы умъ Сарду не помрачился на одну минуту крестикомъ почетнаго легіона, онъ тогда же бы понялъ, что нѣтъ выгоды и нѣтъ полного прогресса быть человѣкомъ своего времени въ ту несчастную эпоху, которая неминуемо ведетъ къ царству Бенуатовъ, предмету именно его специальной сатиры. Оставимъ же покоиться вѣчнымъ сномъ его «*Ganaches*»,

и оставимъ тѣмъ поспѣшиѣ, что мы можемъ бояться послѣ всѣхъ нашихъ нападокъ, чтобы кто-нибудь не примѣнилъ къ намъ знаменитыхъ словъ: «*mais que diable allait-il faire dans cette galère.*»

Соціальная сатира Сарду въ безчисленное количество разъ выше его политическаго памфлета и, главное, до такой степени выше по своему нравственному смыслу, что нужно было какое-нибудь чудо, чтобы произвести въ молодомъ драматургѣ настолько радикальную перемену во взглядахъ, чтобы послѣ «*Ganaches*» онъ имѣлъ достаточно духу написать «*La Famille Benoiton*» и «*Maison Neuve*». Чудо это было не что иное, какъ свистки, которыми встрѣтила его пьесу часть парижской публики. Какъ ни незначительна была эта часть, тѣмъ не менѣе ея свистки показали Сарду, что не все еще мертво, и что онъ никого не проведетъ своимъ притворнымъ демократизмомъ и своими мнимо либеральными возгласами о прогрессѣ и о людяхъ «своего времени». Онъ снялъ тогда съ своихъ глазъ искусственныя стекла и сталъ смотрѣть на общество просто, безъ всякихъ инструментовъ, открытыми глазами. И хотя взглядъ его не сдѣлался въ одну минуту очень проницательнымъ, и онъ не увидѣлъ больше того, чѣмъ было на поверхности общества, но тѣмъ не менѣе и то, что бросилось ему въ глаза, было достаточно, чтобы сдѣлать его соціальную сатиру прямо противоположною его политической пьесѣ, и какъ послѣдняя заслуживаетъ безграничнаго порицанія, такъ первая, бросивъ на его талантъ самый выгодный свѣтъ, утвердила за нимъ мѣсто среди представителей современнаго драматическаго искусства, и приобрѣла ему право на всеобщее, хотя и далеко не безусловное одобреніе. Упрекъ, который можно сдѣлать Сарду, заключается въ томъ, что его соціальная сатира не достаточно глубока и не довольно ѣдка, что на ней слишкомъ сильно сказывается равнодушіе автора къ общественнымъ дѣламъ, равнодушіе, ни для кого такъ не пагубное, какъ для писателя-сатирика. Оно парализуетъ всѣ достоинства его таланта, удивительно удачно схватывающаго и передающаго смѣшныя и грустныя черты современнаго общества, оно лишаетъ созданныя имъ картины той силы и той энергіи, которую черпаетъ человѣкъ въ своемъ воодушевленіи, вызванномъ любовію или ненавистью къ тому, что онъ воспроизводитъ. Въ его произведеніяхъ не слышно того скрежета зубовъ, который сопровождаетъ пьесы Эм. Ожье; въ нихъ не раздается того язвительнаго смѣха, подъ которымъ чувствуются часто горячія слезы, и проходящаго черезъ «*Effrontés*» и «*Contagion*»; большею частію у него мы замѣчаемъ на фигурѣ спокойную улыбку, какъ

бы говорящую: я никого ни особенно люблю, ни особенно не люблю, ничто меня ни особенно радуетъ, ни особенно печалитъ, я только смотрю и наблюдаю! Къ такому равнодушному отношенію къ окружающему его міру присоединяется еще особенная способность выводить самыя грустныя стороны жизни на такомъ свѣтломъ и веселомъ фонѣ, что иногда теряешься и не знаешь, для чего было написано то или другое произведеніе: для того ли только, чтобы посмѣшить публику и приобрести себѣ дипломъ на остроуміе, или была у автора болѣе достойная задача—задѣть ее за живое и заставить задуматься надъ уродливыми явленіями, которыми полна жизнь современного общества. Нечего и говорить, что если бы пьесы Сарду были совершенно лишены этого послѣдняго свойства, то слово «соціальная сатира» не могло бы никому прийти даже на умъ; напротивъ, она является во всѣхъ послѣднихъ его произведеніяхъ, она представляетъ собою лучшее, что въ нихъ есть, но только самую злую свою насмѣшку онъ старается каждый разъ стушевать, придавая осмѣяннымъ имъ порокамъ личину какой-то мягкости и доброты. Насколько авторъ «*Les Ganaches*» старался бросить самый яркій свѣтъ на ту сторону медали, отекавшей въ 52-мъ году, на которой красовалось слово: прогрессъ! настолько же онъ старается пустить снисходительный нѣжно-розовый тонъ на другую сторону этой медали, на которой большими буквами начерчено: пустота, суета, отсутствіе всякаго серьезнаго интереса, чудовищное пониженіе нравственнаго уровня не только во всѣхъ крупныхъ и важныхъ явленіяхъ, но даже въ мелкой обыденной жизни. Но какъ бы ни велико въ немъ было искусственное добродушіе, какимъ бы кладомъ снисхожденія онъ не запасся, нравы описываемаго имъ общества таковы, что довольно одного простого воспроизведенія ихъ на сценѣ, безъ горечи и злобы, чтобы вызвать противъ нихъ, если не всегда ожесточеніе, то во всякомъ случаѣ насмѣшку. Первою пьесою, носившею на себѣ характеръ сатиры была «*La Famille Benoiton*», любопытная для насъ, какъ и всѣ остальные, впрочемъ, его произведенія, совсѣмъ не по дурно придуманной и избитой интригѣ, а по тѣмъ сцѣпамъ, разговорамъ, выведеннымъ лицамъ, которыми она окружена и среди которыхъ происходитъ мало интересное и не касающееся насъ дѣйствіе. Какъ рѣшится дать имя людей тому классу индивидуумовъ, который выставляетъ Сарду? Въ нихъ до такой степени погасъ тотъ разумный, нравственный элементъ, который дѣлаетъ животное человѣкомъ, что вопросъ, не есть ли это новый, особенный родъ утонченныхъ звѣрей, надѣленныхъ только нѣкоторыми человѣческими слабостями, получаетъ полную законность. Въ самомъ

дѣлѣ, кромѣ способности болтать безсмысленный вздоръ, мотать «честнымъ трудомъ» нажитыя деньги, да смѣяться еще надъ тѣми, которые не могутъ и не хотятъ дѣлать того же,—въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго. Сарду собралъ нѣсколько такихъ новыхъ звѣрей въ клѣтку пятиактной комедіи, приставилъ къ нимъ надсмотрщика въ женскомъ платьѣ и сталъ показывать свою коллекцію, развозя ее не только по всей Франціи, но по всей Европѣ. Онъ имѣлъ съ нею огромный успѣхъ, легко объясняемый тѣмъ, что звѣринецъ былъ замѣчательнъ по новизнѣ, и представлялъ собою столько дикаго, что простаки дѣлали вопросы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что они не довѣряли хозяину звѣринца и предполагали въ немъ подлогъ, говоря, что онъ выдаетъ картонныхъ звѣрей за настоящихъ. Они были и правы и неправы. Сарду видѣлъ передъ собою большой многочисленный классъ разбогатѣвшихъ лавочниковъ, которые, благодаря своему богатству, карабкались на самый верхъ общества. Помощь они находили себѣ въ томъ самомъ порядкѣ вещей, который покровительствовалъ всякому невѣжеству и гналъ всякую мысль. Классъ этотъ вслѣдствіе своей многочисленности и своихъ денегъ начиналъ все болѣе и болѣе импонировать остальному обществу, и такъ какъ по своему нравственному ничтожеству онъ не могъ импонировать ничего хорошаго, то онъ импонировалъ все дурное. Имѣя страстное желаніе тягаться съ высшими классами общества и не имѣть ничего общаго съ низшими, т. е. тѣми, которые обладали самымъ, можетъ быть, большимъ образованіемъ, соединеннымъ большею частью съ недостаткомъ и бѣдностью, этотъ классъ новой плутократіи, лишенный всякихъ нравственныхъ достоинствъ, спрашиваетъ себя, чѣмъ бы онъ могъ выдвинуться впередъ и даже затмить, если возможно, высшіе классы? Отвѣтъ понятенъ,—у нихъ нѣтъ другого средства, какъ деньги, отъ которыхъ они требуютъ себѣ и уваженія, и почета, и, главное, униженія другихъ. Тутъ выступаетъ на сцену все возрастающая роскошь, которая служить мѣриломъ ихъ богатства, роскошь, переходящая въ безуміе, заражающее почти всѣ классы. Одинъ не хочетъ отставать отъ другого, другой отъ третьяго, и бѣличье колесо не перестаетъ вертѣться. Сколько бы противъ нея ни возставали, сколько бы ни разсуждали о ней, начиная отъ сената и законодательнаго корпуса, и до философскихъ разсужденій и простыхъ романовъ, она все будетъ идти дальше и дальше до тѣхъ поръ, пока одни деньги будутъ ярлыкомъ почета и уваженія людскаго. Патетическія разсужденія Сарду о золотомъ старомъ времени, когда дѣвушки довольствовались кембриковымъ платьемъ, — мало помогутъ дѣлу; корень ея лежитъ

глубже, а именно въ измѣнившемся общественномъ пониманіи чловѣческаго достоинства, которое не имѣетъ ничего общаго съ такою или другою суммою денегъ. Разъ, что деньги, богатство, роскошь получили такую важную роль въ обществѣ, — говорятъ себѣ обладающіе ими, и учатъ своихъ дѣтей, — тогда не нужно ни намъ, ни вамъ ни знаній, ни образованія, ни воспитанія, мы все себѣ купимъ, проживете вы и безъ нихъ и не менѣе будете пользоваться общественнымъ уваженіемъ. Дѣти слушаются ихъ, и начиная съ 14, 15-ти лѣтъ, вечера, балы, маскарады, роскошные наряды, роскошныя кареты, роскошные обѣды и ужины замѣняютъ имъ учителей, книги, занятія, все образованіе — все это ведетъ къ одному, къ крайнему невѣжеству, связанной съ нимъ распутной жизни и къ зрѣлищу 16-ти-лѣтняго ребенка, являющагося въ судъ вмѣстѣ съ одною изъ продажныхъ женщинъ, которую обвиняютъ за то, что она проѣла съ нимъ два, три состоянія! Отъ такихъ недозрѣлыхъ героевъ и подобныхъ имъ героинь можно ждать всего дурного и ничего хорошаго. Эти люди, попадая въ настоящее чловѣческое общество, теряются въ немъ и, не понимая ни его интересовъ, ни даже его языка, который они, подъ видомъ моды, но въ сущности для прикрытія своего невѣжества, промѣняли на *argot*, не требующій изученія, бѣгутъ прочь изъ дикой для нихъ среды и, какъ звѣри, укрываются опять въ темный и густой лѣсъ пустоты и разврата.

Первые два акта «*Famille Benoiton*» исключительно принадлежатъ сатирѣ, которая при этомъ искусно направляется то на одного, то на другого изъ этихъ звѣрей, наполняющихъ его клѣтку. На первомъ планѣ является самъ старый Бенуатонъ, каждымъ словомъ котораго пользуется Сарду, чтобы осмѣивать ему подобныхъ; они всѣ выражаются въ одной такой фразѣ: «мнѣ кажется, что если желаютъ поощрять истинное достоинство, то кого же и награждать (Почетнымъ Легіономъ) какъ не тѣхъ, которые подаютъ примѣръ своимъ состояніемъ!» У такого мужа должна быть соотвѣтствующая ему жена, и Сарду сдѣлалъ истинную находку, опредѣливъ ея роль двумя словами, подводящими итогъ жизни современной парижанки: «*Madame est sortie*». Всегда, когда бы ни спросили, жены нѣтъ дома, дѣти, мужъ, все покидается для визитовъ, выѣздовъ, пріемовъ, вечеровъ и т. д. и т. д. Ни въ чемъ, можетъ быть, такъ не сказалась наблюдательность Сарду, какъ въ созданіи этой роли, состоящей всего, отъ начала и до конца пьесы, изъ двухъ только словъ, которыя вошли теперь во французскій языкъ почти какъ поговорка. При такомъ отцѣ и при такой матери, понятно, ка-

нія могутъ быть дѣти, яблоко отъ дерева не падаетъ далеко. Сынъ въ 15 лѣтъ поражаетъ уже сердца различныхъ актрисъ, ночи не ночуетъ дома, играетъ на биржѣ, проигрывается въ карты, держитъ пари на всѣхъ скачкахъ, и хотя говоритъ о томъ, что пишетъ статьи о притупляющемъ вліяніи ученыхъ, но врядъ ли умѣетъ читать по складамъ и, разумѣется, не въ состояніи написать, безъ двадцати ошибокъ, двухъ словъ. Дочери слѣдуютъ примѣру своихъ матерей, и жизнь ихъ течетъ въ одной заботѣ, какъ бы не отстать отъ моды, которою онѣ поглощены отъ головы до ногъ. Все время ихъ проходитъ въ перемѣнахъ одного эксцентричнаго туалета на другой, въ заказахъ, еурсахъ, балахъ, театрахъ, скачкахъ, гдѣ на каждомъ шагѣ онѣ сталкиваются съ ихъ истинною моделью — женщиною полусвѣта. Онѣ знаютъ все и всѣхъ, знакомы, если не лично, то за то со всѣми именами камелій, именами ихъ главныхъ любовниковъ; подмѣчаютъ ихъ привычки, манеры, подслушиваютъ, когда ихъ логи, по счастью, находятся рядомъ, всѣ ихъ слова, весь языкъ, и потомъ, во всей своей жизни, въ своихъ туалетахъ, своемъ разговорѣ, смѣхѣ и даже остроуміи, стараются имъ подражать. Когда свѣжій человѣкъ встрѣчается съ одною изъ дѣвицъ Бенуатонъ, онъ дурѣетъ отъ одного ея наружнаго вида, и когда она начинаетъ говорить, онъ не можетъ удержаться, чтобы не вскрикнуть: «да это княжна изъ сказокъ фей! Что ни слово, то изъ рта падаютъ лягушки!» Такова среда, которую изобразилъ Сарду въ «Famille Benoiton». Въ отвѣтъ на его равнодушный смѣхъ публика отвѣтила такимъ же смѣхомъ, какъ будто бы эта картина нравовъ не была вырвана изъ ея жизни.

Успѣхъ этой пьесы толкаетъ автора по тому же пути и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ снова даетъ произведеніе съ тѣмъ же сатирическимъ направленіемъ, но если только возможно, еще ближе касающееся настоящей минуты. Старый Парижъ, бывшій свидѣтелемъ всей исторіи Франціи, всѣхъ ея ясныхъ и темныхъ дней, которые для потомства часто также дороги, какъ и первые, уступилъ мѣсто другому Парижу. На развалинахъ стараго возвысился и продолжаетъ возвышаться новый, бросающійся въ глаза своею роскошью и своимъ великолѣпіемъ, городъ, съ прямыми и ровными улицами, съ двумя вытянутыми рядами однообразныхъ домовъ. Въ этихъ домахъ, вмѣсто прежней простоты, глазъ постоянно наталкивается на золото и зеркала, украшающія всѣ стѣны отъ перваго этажа и до мансарды. Новые мѣха, есть пословица, требуетъ новаго вина, точно также и тутъ, новые дома потребовали другихъ, новыхъ людей; и нужно сказать, эти послѣдніе отвѣчаютъ первымъ. Какъ въ домахъ все только наружный

блескъ, накладное золото, а внутри дурной и гнилой матеріалъ, такъ точно и въ этихъ новыхъ людяхъ, занявшихъ зеркальныя и раззолоченныя квартиры, все только одна внѣшность, поверхность, все дѣлается для вида, а въ ихъ внутренней жизни господствуетъ только мишурная пустота. И тутъ и тамъ одна только фальшь, которая на всѣхъ парусахъ несетъ общество въ страшную пропасть. Вотъ собственно основная мысль «Maison Neuve», проходящая черезъ всю пьесу отъ начала и до конца—достоинство, которымъ рѣдко отличается Сарду. Не будь въ этомъ произведеніи несчастнаго 4-го акта, годнаго только для какой-нибудь мелодрамы бульварнаго парижскаго театра, «Maison Neuve» занялъ бы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ театрѣ Сарду. Въ одномъ большомъ буржуазномъ семействѣ онъ вывелъ на сцену два поколѣнія, изъ которыхъ одно живетъ воспоминаніями стараго, хорошаго времени, вѣчно новыми, горячими разсказами о доблестяхъ ихъ отцовъ конца XVIII столѣтія, а другое, скучающее всѣмъ этимъ и даже непонимающее ихъ интересовъ, тянетъ въ другую сторону, гдѣ гораздо чаще слышатся споры о лошадяхъ и танцовщицахъ, чѣмъ о какихъ-нибудь принципахъ. Одно изъ нихъ съ ненавистью смотритъ и на эти широкія улицы, и на эти пышные дворцы, и съ горечью выслушиваютъ каждый день извѣстія о разрушеніи того или другого квартала, другое спитъ и бредитъ: бульваръ Гаусманъ, авеню Наполеонъ и т. д. и т. д. Между старымъ и новымъ поколѣніемъ нѣтъ примиренія, когда одно изъ нихъ восклицаетъ: «Эта комната, этотъ домъ, эти портреты — все тяготитъ меня! Мебель какъ-то честна!.. Она глупа! Портреты добродѣтельны, они ничтожны! Все тутъ мертво, все принадлежитъ другому времени.... Это не Парижъ, а провинція.... Это не сегодня, а вчера.... Это не домъ, а сырой запахъ погреба и глупой добродѣтели! А въ двухъ стахъ шагахъ отсюда, новый Парижъ, блестящій, полный жизни, ума, лихорадочный, ослѣпительный, разбрасываетъ по бульварамъ свои кипящія волны, гдѣ я слышу, какъ онъ гремитъ... Напротивъ, рядомъ, вокругъ насъ, вездѣ ломаютъ, разрушаютъ все.... за исключеніемъ этого неумолимаго дома, до котораго, кажется, никогда не доберется заступъ!» Въ послѣднихъ словахъ слышно просто отчаяніе и неукротимое, страстное желаніе насладиться жизнію новаго Парижа или новой Франціи. «Ваши новые кварталы, новыя улицы, новые дома,—отвѣчаетъ старое поколѣніе,—все это одно тщеславіе, пустота!» Они высказываютъ существующую между ними разницу, когда одно съ гордостью произноситъ: «Мы зовемъ молодыхъ Парижемъ!» и когда другое спокойно говоритъ: «Въ наше время мы звались молодою Фран-

цію!» Два поколѣнія расходятся, одно остается жить въ своемъ старомъ, нетронутомъ пока кварталѣ, другое перебирается въ шумный и блестящій новый Парижъ, «кипящія волны» котораго скоро заставляютъ его захлебнуться и выбрасываютъ потомъ назадъ, какъ мертвое тѣло. Сатира бьетъ здѣсь не въ бровь, а прямо въ глазъ, она направлена не только противъ современнаго общества, но также и противъ тѣхъ, которые содѣйствовали его растлѣнію. Въ нравственномъ отношеніи цѣлая бездна отдѣляетъ теперь автора «Les Gapaches» отъ автора «Maison Neuve» и тотъ упрекъ, который ему дѣлали тогда, что онъ черезчуръ восхваляетъ побѣдителей, Сарду заставилъ измѣнить на другой, что онъ слишкомъ снисходительно рисуетъ побѣжденныхъ. Упрекъ этотъ не долженъ быть обиденъ для Сарду, потому что въ восхваленіи побѣжденныхъ всегда есть во сто разъ больше достоинства, чѣмъ въ лести побѣдителямъ.

Мы бы не узнали ничего новаго, если бы обратились къ остальнымъ десяти, пятнадцати пьесамъ, написаннымъ Сарду. Его талантъ, характеръ, стремленія — все это вполне сказалось и опредѣлилось въ тѣхъ нѣсколькихъ комедіяхъ, которыя прошли передъ нами. Его міръ — средній классъ, его лица — зажиточные буржуа, съ ихъ неизбѣжными атрибутами: добротою, чванливостью, глупостью, честолюбіемъ. Сарду тоже никогда не разстается ни съ этимъ толстымъ слоемъ современнаго общества, ни съ этими драгоценными для него качествами, дающими такую богатую пищу насмѣшкѣ и карриатурѣ. Въ цѣлой массѣ фигуръ, выведенныхъ авторомъ «Maison Neuve», не трудно отыскать одно общее свойство, именно преувеличенность всѣхъ чертъ. Какимъ бы порокомъ, какою бы добродѣтью, какимъ бы хорошимъ или дурнымъ качествомъ онъ ни надѣлялъ своихъ персонажей, всѣ отличительныя стороны ихъ характеровъ представлены не такъ, какъ онѣ обыкновенно являются въ человеческой жизни, а какъ исключенія, феномены натуры. Опасаясь, что начерченные имъ лица не будутъ представлять интереса, взятыхъ просто, такъ какъ онъ видитъ ихъ въ обществѣ, онъ утрируетъ все то, что служитъ ихъ отличительнымъ признакомъ, глупость ли то, чванство или самодовольство, и потому часто, покидая копировку, фотографію, впадаетъ въ шаржъ и карриатурность. Эта склонность въ талантѣ Сарду къ преувеличеніямъ, мѣшаетъ ему выводить вѣрные съ жизнію характеры, такія правдивыя фигуры, которыя могли бы служить типами изображаемой имъ среды. Если мы упрекали Ожье за отсутствіе такого рода типовъ, позволяющихъ комедіи пережить эпоху ихъ появленія, то еще больше, во сто разъ больше, можно сдѣлать

этотъ укоръ Сарду. Оже все-таки стремился къ созданію этихъ вѣчныхъ или, по крайней мѣрѣ, долго-живущихъ типовъ, Сарду же, кажется, даже и не заботится о болѣе или меньшей неизмѣнности выведенныхъ имъ лицъ. Giboyer, д'Эстриго, Navarrette, Vernouillet рисуютъ цѣлую эпоху, они останутся связанными съ послѣдними двадцатью годами исторіи Франціи, они выражаютъ собою цѣлый періодъ общественной жизни, между тѣмъ какъ фигуры Сарду созданы однимъ только мѣсяцемъ, днемъ, минутою. Мода не есть только принадлежность одной матеріальной жизни, она сказывается не только на покроѣ платья, на формѣ кареты, на рисункѣ кресла или дивана,—она существуетъ точно также и въ нравственной жизни общества. Эта мода создаетъ въ одну минуту цѣлый классъ людей, которые начинаютъ говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ, напѣвать однѣ и тѣ же пѣсни, подчиняются въ своихъ чувствахъ, манерахъ, въ требованіи, и потомъ вдругъ бросаютъ все это и переимѣняютъ на что-нибудь другое съ такою же легкостью, какъ люди мѣняютъ высокія шляпы на низкія. Сарду именно воспроизводитъ въ своихъ пьесахъ эти скоропреходящіе типы, скоропреходящіе нравы, которые исчезаютъ съ такою же быстротою, съ какою появляются на свѣтъ: вчера ихъ никто еще не подозрѣвалъ, завтра никто больше не будетъ о нихъ думать. Онъ приставилъ свой фотографическій аппаратъ къ обществу и снимаетъ съ него портреты, не заботясь о выборѣ тѣхъ минутъ, когда оно не дѣлаетъ никакихъ искусственныхъ минъ, никакихъ гримасничаній. Сарду, напротивъ, даже любитъ гримасу, потому что она представляетъ ему болѣе возможности для смѣха, чѣмъ спокойно-нормальный видъ этого общества, вызывающій даже у него подчасъ искривленную улыбку, вмѣсто хладнокровной насмѣшки. Но, не смотря на гримасу, не смотря на утрировку, къ которой такъ часто прибѣгаетъ Сарду, его дѣйствующія лица, стоя на далекомъ разстояніи отъ неумирающихъ типовъ, все-таки заключаютъ въ себѣ столько живого, вѣрно схваченнаго съ натуры и сильно переданнаго, что они привлекаютъ, и привлекаютъ законно вниманіе современниковъ на автора «*Famille Benoiton*».

Обращаясь теперь въ послѣдній разъ къ цѣлому театру Сарду, по всѣмъ его произведеніямъ, и заставивъ снова пройти передъ нами его сцены полныя движенія, смѣлости, его мастерское умѣнье вести дѣйствіе, его разговоры, вырванные изъ жизни и пропитанные часто умною насмѣшкою надъ современнымъ обществомъ, удачно переданныя имъ фотографіи, снимки съ уродовъ, сатиру, проходящую черезъ всѣ его послѣднія произведе-

нія, и иногда возвышающуюся даже до большой силы, группируя вмѣстѣ всѣ эти серьезныя достоинства, говоряція о далеко не дюжинномъ талантѣ автора «Nos Intimes» «Famille Benoiton» «Maison Neuve» — мы должны себя спросить, въ чемъ скрывается причина того неполнаго впечатлѣнія, неудовлетвореннаго чувства, которое оставляетъ по себѣ весь театръ Сарду? Мы достаточно ясно отвѣтимъ на этотъ вопросъ, если уважемъ на отсутствіе въ немъ сильной руководящей идеи, которое бросается въ глаза въ большей части его произведеній, и дѣлаетъ то, что зритель принужденъ теряться въ догадкахъ, отыскивая часто напрасно, что желалъ сказать авторъ своею пьесою. Сатира его, не имѣя той опредѣленности и рѣзкости, которую мы видимъ у Ожье, оставляетъ насъ въ недоумѣніи относительно того, что думаетъ самъ авторъ о тѣхъ нравахъ, людяхъ, обществахъ, которое онъ выводитъ на сцену; считаетъ ли онъ, что осмѣиваемыя имъ слабости и пороки таковы, что они неизбѣжно ведутъ къ смерти общественный организмъ, или смотритъ на нихъ такъ, какъ люди, которые говорятъ: вѣдь и солнце не безъ пятенъ! Мы рѣшительно не знаемъ, мирится ли авторъ съ описываемою имъ средою или, напротивъ, онъ считаетъ себя въ числѣ ея заклятыхъ враговъ; представляется ли когда-нибудь его воображенію что-нибудь лучшее, что притягивало бы къ себѣ его существо, или онъ видитъ предъ собою только то, что онъ можетъ оцупать своими руками. Во всѣхъ его пьесахъ мы находимъ только копію съ нравовъ, фотографію съ людей, но рѣшительно нигдѣ не видимъ того существа, которое пользовалось бы всею симпатіею автора, которое стояло бы нѣсколькими головами выше окружающаго его міра, и на которое авторъ указывалъ бы какъ на модель для своего общества, какъ на идеалъ, къ которому оно должно стремиться. Этого идеала мы не только не видимъ, но даже не чувствуемъ въ произведеніяхъ Сарду, и нигдѣ незамѣтно стремленіе создать его себѣ, возвыситься до него. Если бы Сарду захотѣлъ себѣ исхвать извиненія въ томъ, что онъ принадлежитъ къ школѣ реализма, не требующаго идеала, то это значило бы только, что онъ дурно понялъ значеніе реализма. Реализмъ, лишенный такого идеала, превращается въ ничто иное, какъ рабское, плоское воспроизведеніе жизни, слабую фотографію, которую каждый проходящій день заставляетъ блѣднѣть все болѣе и болѣе, пока она совсѣмъ не исчезнетъ, оставя по себѣ только кусокъ бѣлой бумаги. Произведенія Сарду находятся именно въ такомъ положеніи, и потому они, какъ цвѣты, лишенные корня, назначены для того, чтобы, продержавшись болѣе или менѣе короткій періодъ времени, завянуть и погибнуть.

Но изъ того, что цвѣтокъ увядаетъ, нельзя однако сдѣлать заключенія, чтобы въ ту минуту, когда онъ еще свѣжъ, въ немъ не слѣдовало бы признавать красоту.

II.

Талантъ Барьера представляетъ полную противоположность таланту Сарду. Насколько у послѣдняго все рассчитано, опредѣлено, насколько онъ ко всему относится съ равнодушіемъ, полнымъ спокойствіемъ, настолько же Барьеръ ни въ чемъ и никогда не ставитъ себѣ впередъ границы и, необдумывая, бросается во всѣ стороны, куда только увлекаетъ его страсть. Кто не знаетъ, кто не встрѣчался съ этими раздражительными людьми, которые всѣ состоятъ кажется изъ однихъ нервовъ, съ этими вѣчно тревожными характерами, которые не знаютъ покоя, которые постоянно переходятъ изъ одной крайности въ другую, которые также быстро воспламеняются, какъ и быстро остываютъ и отъ страшной ажитации падаютъ въ цѣпенѣющую апатію. Такова личность, таковъ характеръ Барьера. Онъ никогда, кажется, не бываетъ въ нормальномъ состояніи, никогда не наслаждается минутою полного спокойствія, въ его организмѣ разлита повидимому ртуть, заставляющая его вѣчно дрожать и волноваться, а тѣ моменты неподвижности, въ которыхъ мы иногда застаемъ его, являются только какъ реакція послѣ сильнаго напряженія нервовъ, какимъ-то обманчивымъ, искусственнымъ затишьемъ послѣ громоваго взрыва страсти. Онъ весь принадлежитъ своему первому впечатлѣнію, головою и сердцемъ отдается своему порывистому увлеченію, и разъ что пробила для него минута вдохновенія, ничто не въ силахъ прервать его бѣгъ, ничто не способно удержать его. При этомъ, разумѣется, нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ всегда оставался въ предѣлахъ тонкаго приличія, чтобы онъ никогда не оскорблялъ вашего уха рѣзкимъ словомъ, грубымъ выраженіемъ, чтобы онъ неслишкомъ громко и дерзко засмѣялся и не черезчуръ оглушительно свистѣлъ взмахами своего погоняющаго кнута. Если бы даже такое требованіе было и возможно, то мы все-таки не обратились бы съ нимъ къ Барьеру, потому что именно эти минуты, когда онъ ничего не помнитъ, минуты полного забвенія, когда имъ овладѣваетъ какая-то ярость, бѣшенство, негодованіе, когда пѣна показывается на его губахъ и когда онъ отдастъ бы, кажется, свою жизнь, чтобы родъ человѣческій имѣлъ одну голову, съ цѣлью, какъ Неронъ, однимъ ударомъ отрубить ее, — эти минуты какъ

нельзя болѣе хороши и увлекательны. Отнять ихъ у Барьера значило бы лишить его лучшаго, что есть въ его талантѣ. При этомъ можно спросить однако, насколько такая нервность пригодна для драматической дѣятельности, требующей главнымъ образомъ отъ человѣка, чтобы его собственная личность ступе-вывалась, чтобы онъ не вмѣшивался въ поступки и разговоры своихъ дѣйствующихъ лицъ, чтобы, однимъ словомъ, объективность была въ немъ преобладающимъ качествомъ. Почти безвыходное нервное состояніе автора уничтожаетъ, разумѣется, возможность удовлетворенія подобныхъ требованій; его внутренній организмъ слишкомъ бываетъ потрясенъ одною какою-нибудь мыслью, выражаемою тѣмъ или другимъ дѣйствующимъ лицомъ, чтобы онъ могъ тотчасъ же сосредоточиться съ одинаковою силою на другомъ, можетъ быть, совершенно противоположномъ характерѣ. Подобная раздражительность мѣшаетъ, конечно, цѣльности и послѣдовательности произведенія, потому что авторъ, мгновенно всплывшій при одномъ словѣ, которое онъ же заставилъ произнести какое-нибудь выдвинутое имъ лицо, весь воспламеняется и отдается своему увлеченію, забывая при этомъ, что на сценѣ есть другія дѣйствующія лица, дожидаяція тоже очереди сказать свое слово или совершить извѣстный поступокъ. Вслѣдствіе этого, дѣйствіе иногда замедляется, останавливается, и цѣлый актъ проходитъ безъ того, чтобы комедія или драма хоть на шагъ подвинулась впередъ. Вмѣстѣ съ этимъ, есть еще и другая невыгода такой раздражительности и увлеченія для драматическаго произведенія, соединяющемъ въ себѣ всегда нѣсколько характеровъ и состоящемъ изъ столкновенія ихъ между собою и развитія и борьбы ихъ взаимныхъ страстей. Невыгода эта заключается въ томъ, что авторъ, передавая одному какому-нибудь лицу все, что ему хочется высказать, вливая въ него всю свою злобу, весь свой гнѣвъ, занимается исключительно имъ, старается выставить его со всѣхъ сторонъ, освѣтить его полнымъ свѣтомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, другихъ оставляетъ въ тѣни, недорисованными, недоделанными. Можетъ быть, человѣкъ, обладающій такимъ нервнымъ характеромъ, такую способностью легко воспламеняться и съ жаромъ и большимъ краснорѣчіемъ высказывать свою мысль, можетъ быть такой человѣкъ былъ бы болѣе на своей дорогѣ, сдѣлавшись ораторомъ, чѣмъ драматургомъ, но тѣмъ не менѣе сила таланта вообще такова, что къ чему бы онъ ни былъ приложенъ, всегда будетъ полученъ большій или меньшій результатъ. Талантъ Барьера былъ бы не полонъ, не ясенъ, въ немъ очевидно не доставало бы чего то, если бы онъ вдругъ потерялъ свою раздражительность, которая обь-

ясняетъ большую часть какъ недостатковъ, такъ и достоинствъ его произведеній. Благодаря преобладанію въ немъ этой существенной стороны, талантъ Барьера съ трудомъ подвергается какому бы то ни было опредѣленію; признаніе одного какого-нибудь достоинства опровергаетъ, кажется, возможность извѣстнаго недостатка и присутствіе такого-то дурного качества исключаетъ на видъ такое-то хорошее. Мы замѣчаемъ въ немъ удивительную смѣсь рѣзкости вмѣстѣ съ такою подчасъ мягкостью, которая переходитъ въ аффектацію, простота идетъ рука объ руку съ искусственностью, искренность съ фальшью, грубость съ наивностью. Такая неровность его таланта объясняетъ намъ неровность его драматической карьеры. Какъ изъ одного качества онъ быстро падаетъ въ недостатокъ, какъ поспѣшно онъ оставляетъ дурную дорогу, чтобы перейти на хорошую, точно также онъ постоянно балансируетъ между большимъ успѣхомъ и полнымъ паденіемъ, никогда почти не встрѣчая середины. Нѣтъ ни одного другого драматическаго писателя, про котораго можно было бы съ большою увѣренностью сказать, чѣмъ явится то или другое его произведеніе, никто не можетъ поручиться наванунѣ перваго представленія пьесы Барьера, что она не будетъ напоминать школьническаго труда, или что она не дастъ сценѣ очень замѣчательной комедіи или драмы. Его талантъ походить на тѣхъ переменчивыхъ красавицъ, которыя одинъ день васъ плѣняютъ своею прелестью, а на другой отталкиваютъ своимъ манерничаньемъ и гримасами. Оставляя въ сторонѣ тѣ несчастныя минуты, когда очевидно его толкаетъ какой-то злой геній, принуждающій его иногда писать самыя дикія драмы въ видѣ «*Ange de Minuit*» и самыя несносныя комедіи, талантъ Барьера крайне симпатиченъ, не смотря на свою грубость и рѣзкость. Онъ вызываетъ симпатію своею искренностью, которая всегда лежитъ въ основаніи его пьесъ, и которою онъ никогда и ни для чего не пожертвуетъ. Если разъ, что онъ убѣдился, что въ окружающемъ его обществѣ та или другая сторона достойна нападѣнія и презрѣнія, онъ не остановится ни на какихъ соображеніяхъ и выскажетъ это съ свойственнымъ ему жаромъ и силою. Лишь только онъ подмѣтилъ въ этомъ обществѣ какую-нибудь новую недостойную черту, его нервный организмъ передергивается, и для него нѣтъ преграды, которую онъ не оттолкнулъ бы тяжелымъ ударомъ. Талантъ не знаетъ боязни, и Барьеръ менѣе чѣмъ кто-нибудь способенъ къ угодливости и лести. Онъ не станетъ, подобно Сарду, прикрывать свою насмѣшку какою-то добротою и снисходительностью, а напротивъ, онъ сдернетъ съ нее покрывало и броситъ ее голою, какъ она родилась у него; онъ не

будетъ, какъ это дѣлаетъ авторъ «Famille Benoiton», заискивать у того общества, которое онъ осмѣиваетъ, онъ не станетъ подчиняться и вторить ему, чтобы добиться только аплодисментовъ. Барьеру нѣтъ дѣла до нихъ; въ своемъ увлеченіи, въ своей страсти его не руководятъ никакіе расчеты, онъ не золотитъ свои пилюли, онъ не подноситъ ихъ на серебрянномъ подносѣ, а бросаетъ въ порокъ комками неискusstvenной грязи, не спрашивая, пріятно ему это или нѣтъ; онъ не заботится о томъ, понравится онъ или нѣтъ, вызоветъ онъ свистки или рукоплесканія, и едва ли при овладѣвшемъ имъ негодованіи онъ не предпочтетъ первые послѣднимъ. Когда Сарду подсмѣивается надъ общественными пороками, мы остаемся въ недоумѣніи, или вѣрнѣе, въ недовѣріи. Мы не знаемъ, не раздѣляетъ ли самъ авторъ этого порока и не пожалѣетъ ли онъ, еслибы этотъ порокъ пропалъ; мы чувствуемъ, что онъ какъ будто бы примирился съ нимъ, и что, нападая на общество, онъ тѣмъ не менѣе поетъ съ нимъ въ унисонъ, произведеніе его не говоритъ о томъ, чтобы онъ возвышался надъ уровнемъ своего общества. Тутъ же, у Барьера, сомнѣній быть не можетъ; его раскаленное слово, его огненная рѣчь, его возбужденные жесты, все говоритъ, что онъ искрененъ, что онъ не знаетъ лжи, что онъ ненавидитъ порокъ, и что онъ борется, или онъ хочетъ бороться, не на животъ, а на смерть. Нынѣшняя эпоха такъ скупа на искренность, и общество такъ не любитъ ее, что когда она встрѣчается въ драматическомъ писателѣ, и еще такъ цѣльно какъ у Барьера, то нѣтъ достаточной цѣны, которою можно было бы заплатить за нее. Искренность въ современной драмѣ получаетъ еще больше цѣны, чѣмъ когда бы то и гдѣ бы то ни было, если мы вспомнимъ, какое большое и важное мѣсто принадлежитъ въ ней сатирѣ. Такому горячему темпераменту, какимъ облачаетъ Барьеръ, сатира свойственна болѣе чѣмъ кому-нибудь; ея нервный, впечатлительный и честный характеръ, какъ бы нарочно для нея созданъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на всѣ данкы, которыя впередъ ручались за успѣхъ въ этомъ направленіи, и которыя должны были его сюда бросить, Барьеръ долго не попадалъ на предназначенную для него дорогу. Прежде, чѣмъ онъ отдался сатирѣ, онъ написалъ цѣлую бездну всевозможныхъ драмъ, водевилей, фарсовъ, комедій, которыя, безъ сомнѣнія, носили на себѣ признаки его таланта, но тѣмъ не менѣе не давали его имени никакого авторитета. Нѣкоторые изъ его произведеній, нужно сказать правду, не имѣли рѣшительно никакого смысла, и падали при первомъ же представленіи, какъ самыя большія нелѣпости. Если чѣмъ-нибудь можно ослабить

вину въ этомъ Барьера, то разумѣется тѣмъ, что самая значительная ихъ часть принадлежала не ему одному, а была написана въ сотрудничествѣ съ однимъ или даже иногда съ двумя другими авторами. При этомъ мы не можемъ не замѣтить, что вообще во всей дѣятельности Барьера сотрудничество съ другими писателями является слишкомъ часто. Большинство его пьесъ написано съ чужою помощью, и нельзя думать, чтобы такое совмѣстное писаніе одной пьесы оставалось бы безъ дурного вліянія. Оно разумѣется есть, пьеса лишается необходимаго для нея единства, она не пропитана однимъ духомъ, она не согрѣта тѣмъ жаромъ, который есть результатъ одного непрерывнаго вдохновенія автора. Творчество должно быть прежде всего свободно, а тутъ оно связывается другимъ такимъ же творчествомъ, такимъ же вдохновеніемъ, и мало-по-малу при совмѣстномъ писаніи искусство перейдетъ въ ремесло. Если даже относительно ремесла можетъ существовать вопросъ насколько вредна или выгодна слишкомъ большая спеціализація, то въ искусствѣ можно утвердительно сказать, что она его убиваетъ. Совмѣстное же писаніе одной пьесы есть не что иное какъ спеціализація: одинъ пишетъ злой характеръ, другой добрый, одинъ веселую сцену, другой печальную, и потомъ все это, какъ винигретъ, перемѣшивается. Ни одно великое произведеніе такъ не было и не будетъ написано. Это постороннее сотрудничество, конечно, не можетъ быть поставлено въ число достоинствъ Барьера, а скорѣе должно быть отнесено къ его недостаткамъ. Оно непременно обличаетъ недостаточность его творческой фантазіи, ищущей себѣ помощи въ другихъ, и врядъ ли оказываетъ ему помощь даже въ томъ случаѣ, если онъ обращается къ одному изъ своихъ собратьевъ, хотя бы только для уравновѣшенія своего всегда крайняго тона, то черезчуръ живого, то черезчуръ слабого, то слишкомъ грубого, то аффектированнаго. На разъ, который сотрудничество принесло ему пользу, десять разъ оно сдѣлало ему вредъ, и не обращаясь онъ къ нему, то вѣроятно мы бы не видѣли имя Барьера подписаннымъ подъ такою массою негодныхъ пьесъ, и онъ скорѣй бы попалъ на тотъ путь, гдѣ онъ нашелъ себѣ имя и славу, и главное, гдѣ онъ нашелъ возможность съ пользою служить обществу, благодаря своему таланту. Какъ долго онъ не попадалъ въ свою колею и какъ долго онъ не могъ вывинуть впередъ своего имени, такъ быстро же онъ приобрѣлъ ему популярность и почетное мѣсто, разъ только, что онъ набрелъ на свою дорогу.

Мы смѣло можемъ оставить въ совершенномъ забвеніи тѣ первые десять лѣтъ драматической дѣятельности Барьера, въ

продолженіи которыхъ онъ пробовалъ свои силы на всевозможныхъ бульварныхъ театрахъ, какъ въ самыхъ отчаянныхъ драмахъ, чуть не трагедіяхъ, такъ и въ донелзя безсмысленныхъ фарсахъ; обратимся къ той зрѣлой эпохѣ, начинающейся съ 53 или 54 года, въ которую были написаны лучшія его произведенія, какъ «les Parisiens» «les Filles de Marbre» «les Faux Bonshommes» и нѣкоторыя другія болѣе или менѣе удачныя вещи, на которыхъ проявился его сатирическій талантъ. Если бы мы слѣдовали, говоря о Барьерѣ, тому самому плану, который руководилъ насъ при разборѣ Ожье и Сарду, мы должны были бы прежде обратиться къ политической, сатирѣ а потомъ перейти къ соціальной; но мы не можемъ этого сдѣлать, и по очень простой причинѣ: Барьеръ не касается міра политики. Съ правдивостью и прямою, лежащею въ основаніи его таланта, ему въ самомъ дѣлѣ мудрено дотрогиваться до тѣхъ больныхъ мѣстъ, которыя выносятъ только прикосновеніе или мягкой пріятельской руки, или такихъ искусныхъ пальцевъ, которые заставляютъ кричать только тогда, когда операція уже кончилась, и когда поздно ее остановить. Барьеръ же не обладаетъ ни такою мягкостью, ни такимъ искусствомъ; разъ, что онъ касается чего-нибудь, то онъ не принимаетъ никакихъ предосторожностей, а налагаетъ свою тяжелую и грубую руку безъ всякихъ церемоній и извиненій; наружность его такъ сурова, что часто онъ заставляетъ кричать отъ одного своего вида, въ ту минуту, когда у него нѣтъ ни малѣйшаго дурного замысла. По этому тѣ, которые имѣютъ интересъ, чтобы онъ не дотрогивался до политической области, самымъ тщательнымъ образомъ разсматриваютъ его произведенія, и довольно чтобы они открыли какой-нибудь самый ничтожный намекъ не только на современный порядокъ, но на какое-нибудь даже историческое лицо, разумѣется родственное этому порядку, чтобы они тотчасъ же наложили на пьесу запрещеніе. Такъ случилось это съ одною изъ послѣднихъ его комедій «Malheur aux vaincus», остановленную цензурою только потому, что первое дѣйствіе происходило въ день бѣгства Наполеона I въ 1815 г., и что имя его пѣсколько разъ упоминалось дѣйствующими лицами. Другой причины не могло быть, потому что вся пьеса направлена исключительно противъ тѣхъ, которые измѣнили ему, а слѣдовательно не противъ тѣхъ, которые остались ему вѣрны. Но на ворѣ, говоритъ пословица, шапка горитъ, и потому, хотя въ пьесѣ не было ничего имъ враждебнаго, но они все-таки отнесли къ себѣ основную мысль пьесы: *Vae victis!* Понятно, что было бы съ пьесою Барьера, еслибы онъ взялъ сюжетомъ современный политическій порядокъ,

и съ такую же бы жесткостью выставилъ тѣхъ, которые въ 1848 году измѣнили республикѣ, какъ онъ нарисовалъ тѣхъ, которые отъ Наполеона перебѣжали къ Бурбонамъ. Для правдиваго и безыскусственного таланта, нуждающагося главнымъ образомъ въ свободѣ для передачи своей мысли, и не умѣющаго прикрывать ее, политическая сатира въ настоящую минуту представляетъ столько подводныхъ камней, что, разумѣется, ни одна пьеса Барьера разбилась бы объ нихъ; поэтому онъ до такой степени избѣгалъ ее, что даже свою социальную сатиру «les Parisiens», которая рисуетъ настоящее общество, онъ помѣтилъ 1839 годомъ, опасаясь, разумѣется, чтобы ему не сказали, что на полотнѣ его социальной картины слишкомъ виднѣтся политическая для того, чтобы можно было допустить ее для показа публикѣ.

Но тотъ или другой выставленный годъ подъ пьесою Барьера мало кого можетъ обмануть; жаръ, съ которымъ онъ караетъ пороки, страсть, вложенная въ уста его любимаго героя, ѣдкіе упреки и удары, которыми онъ не бьетъ, а хлещетъ представителей этого фальшиваго 39 года, ручаются за то, что эти пороки и эти люди живутъ около самого автора и окружаютъ его со всѣхъ сторонъ. Прошедшее никогда не вызываетъ такой ѣдкости, какъ настоящее, оно заставляетъ человѣка быть болѣе хладнокровнымъ. Какъ онъ назвалъ свою пьесу «les Parisiens», такъ точно же онъ могъ назвать ее «les Français» потому что въ ней онъ собралъ образчики всѣхъ элементовъ, составляющихъ современное общество не только одного Парижа, но всей Франціи. Парижъ есть только высшее выраженіе ея, и если въ немъ есть тѣ нѣкоторыя дурныя формы, отъ которыхъ избавлена остальная страна, то за то въ немъ есть то хорошее, чего она тоже не имѣетъ. Дурно или хорошо, но фактъ тотъ, что Парижъ въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою голову Франціи, что все, что въ немъ дѣлаютъ, стараются дѣлать и тамъ; все, что онъ начинаетъ думать, начинаетъ думать и провинція, что всѣ тѣ классы, которые выдвинулись здѣсь, болѣе или менѣе въ каррикатурномъ видѣ, выдвинулись и тамъ, однимъ словомъ, рисуя парижанъ Барьеръ нарисовалъ французовъ, обличая Парижъ онъ обличалъ всю Францію. Если Барьеръ начертилъ намъ въ «Parisiens» всѣ классы общества, если онъ представилъ намъ въ господинѣ Martin буржуа средней руки, который нажилъ себѣ большое состояніе лимонадомъ, и прошедшаго что-называется всю подноготную жизни, отъ лакейства, въ маленькомъ трактирѣ и до покупки стариннаго замка одного юнаго графа, представляющаго собою тотъ слой промотавшихся аристократовъ стараго порядка, кото-

рый забывъ «преданія отцевъ» женится на деньгахъ какого-нибудь банкира. Если мы видимъ тутъ представителей крупной буржуазіи, мечтающихъ о высшихъ государственныхъ должностяхъ и приобрѣтеніи себѣ титула; если мы видимъ представителей этой мелкой расплодившейся прессы, которая «какъ моска лаетъ на слона» и старается унизить всякое истинное достоинство, котораго она не понимаетъ; если мы видимъ здѣсь тотъ классъ недорослей, которые идеаломъ жизни своей ставятъ: хорошую лошадь, хорошій обѣдъ, хорошую любовницу и хорошее платье; если всѣ классы общества нашли себѣ представителей въ пьесѣ Барьера,—то только для того, чтобы дать ему возможность противопоставить имъ всѣмъ свой идеалъ, своего любимаго героя, въ которомъ воплощается крутая сатира автора. Главная личность, главный типъ, для котораго написана была вся пьеса и которому пожертвованы авторомъ всѣ остальные почти лица, зовется Desgenais. Фигура эта принадлежитъ собственно Барьеру, и она является во всѣхъ его произведеніяхъ. Desgenais—это ходячая мораль, вездѣ присущая сатира, это скептикъ, мизантропъ, Альцестъ нашего времени. И днемъ и ночью онъ только и видитъ предъ собою, что картину развращенныхъ нравовъ и развращенныхъ людей; но онъ не плачетъ, онъ не высказываетъ сожалѣній, онъ не жалуется на это, какъ жалуется Альцестъ Мольера; нѣтъ, онъ бичуетъ общество своею сатирою, онъ бросаетъ въ него грязью, онъ преслѣдуетъ его своею насмѣшкою и даже своею бранью. Онъ не хочетъ, онъ не старается тронуть людей, представляя имъ какъ черны ихъ поступки, какъ недостойны ихъ чувства; онъ знаетъ, что самыя благородныя сентенціи, самое высокое нравоученіе можетъ только вызвать насмѣшку и циническій хохотъ у людей его времени. Альцестъ долженъ былъ переродиться, чтобы не быть комичнымъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ переродился, и вмѣсто жалобныхъ словъ мы только и слышимъ, что свистъ отъ ударовъ его длиннаго бича. Онъ никого не щадитъ, ни для кого не дѣлается мягокъ, снисходителенъ, ядъ постоянно на концѣ его языка и онъ касается имъ до всѣхъ и до всего. Просятъ его или не просятъ, онъ всѣмъ высказываетъ открыто свое мнѣніе, не стѣсняясь ничѣмъ, и чѣмъ рѣзче его нападенія, чѣмъ сильнѣе его удары, тѣмъ онъ болѣе доволенъ собою. Desgenais не имѣетъ общественнаго положенія, онъ тоже прошелъ черезъ многое, былъ и журналистомъ, и романистомъ, и живописцемъ, и музыкантомъ и теперь объявляетъ, что онъ «ничего». Онъ ходитъ по бѣлому свѣту, или вѣрнѣе по черному, и всюду размахиваетъ своимъ хлыстомъ. Обличеніе развращаемаго общества—такова задача, которою онъ

задался. Кто бы ни попался ему на встрѣчу, онъ никого не пропустить, онъ никѣмъ не брезгаетъ. Попадается ему слуга, подымающій свой носъ передъ тѣми, кто вѣжливо обходится съ нимъ, онъ кричитъ ему: «А, негодяй! вы презираете тѣхъ, которые обходятся съ вами какъ съ людьми; такъ вы будете уважать тѣхъ, которые будутъ съ вами обращаться, какъ съ собаками.» Попадается ему журналистъ мелкой прессы, хвастающій тѣмъ, что онъ отдѣлалъ такой-то и такой талантъ, Desgenais прерываетъ его словами: «Однимъ словомъ, если вы сами бездѣльничаете, то вы по крайней мѣрѣ заплывываете то, что дѣлаютъ другіе.... для этого не нужно таланта, а только слюну.» Нигдѣ такъ цѣльно не рисуется характеръ новаго Альцеста, какъ въ одной сценѣ перваго акта «Parisiens», для которой конечно и была написана вся пьеса. Сатира Барьера принимаетъ здѣсь такой рѣзкій характеръ, что еще одна черта, и она перейдетъ кажется въ брань; но сцена эта особенно дорога, потому что она рисуетъ намъ въ одно время вмѣстѣ съ героемъ Desgenais и самого автора, которые похожи другъ на друга какъ два близнеца.

Всѣ представители различныхъ элементовъ французскаго общества собрались за завтракомъ въ столовой молодого графа Пентре, спекулирующаго на биржѣ вмѣстѣ съ буржуа высшаго полета, своимъ будущимъ зятемъ. Современному Альцесту не ловко дѣлается въ этой средѣ, онъ начинаетъ уже задыхаться, когда однимъ ухомъ онъ слышитъ: «Послѣ завтра должно быть возстаніе въ Парижѣ, рассчитываю на панику, фонды понизятся страшно, покупайте съ увѣренностью, потому что я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что всѣ мѣры приняты... можно нажить цѣлое состояніе», а съ другой стороны говорятъ: «я пью за капиталъ, за пять на сто!» Онъ не можетъ болѣе вытерпѣть и въ дребезги ломаетъ свой бокаль съ шампанскимъ. Все общество хохочетъ и требуетъ тоста отъ мизантропа. «Пусть будетъ по вашему, вскакиваетъ Desgenais, я пью за ваше здоровье, я пью за развращенныхъ парижанъ.... я пью за паразитовъ, которые завтракаютъ при помощи лести и ужинаютъ при помощи низости, я пью за завистливую ничтожность, которая мститъ за свое ничтожество, марая другихъ; я пью за новыхъ людей, все оскорбляющихъ, за ядовитыхъ гадовъ, царапающихъ всѣхъ тѣхъ, которые прославляются, я пью за васъ, говоритъ Desgenais, обращаясь къ представителю продажной прессы.» Всѣ остальные представители разныхъ классовъ общества хохочутъ, при этихъ словахъ, надѣясь, что тостъ не коснется ихъ самихъ, каждый изъ нихъ радъ обидѣ причиненной другому, между всѣми ими существуетъ зависть и ненависть. Но Альцестъ не останавливается на

своемъ тостѣ и желая, чтобы всѣмъ сестрамъ досталось по серьгамъ, продолжаетъ: «Я пью за самолюбивую и раззолоченную глупость, которая считаетъ, что деньги, которыми она обладаетъ — это все, а разумъ, который имѣютъ другіе, признаетъ за ничто; я пью за васъ, говоритъ онъ обращаясь къ представителю низшей буржуазіи; я пью за тѣхъ сыновей знатныхъ семействъ, которые безъ сожалѣнія продаютъ замки ихъ отцевъ, за тѣхъ, которые только и умѣютъ, что таскать свои славныя имена по спальнямъ да кабакамъ, говоритъ онъ обращаясь къ представителямъ современной аристократіи; я пью за тѣхъ, которые спекулируютъ на волненія и распри ихъ родины! Безчувственные дѣти, желающіе обогатиться смертью своей матери, я пью за васъ, обращается онъ къ представителю высшей буржуазіи.» Все поведеніе, всѣ поступки Desgenais въ этомъ родѣ. Онъ не выбираетъ дороги, гдѣ ему удобнѣе или спокойнѣе пройти къ цѣли, онъ всегда идетъ прямо, не останавливаясь передъ тѣмъ, что есть страннаго и дикаго въ его дѣйствіяхъ. Онъ всюду носитъ съ собою сатиру и мораль, онъ читаетъ правоученія и знакомымъ и незнакомымъ.

Говоря о сатирѣ въ «Parisiens», мы не можемъ тутъ же не сдѣлать одного упрека Барьеру: это нѣкоторая непропорціональность между обличителемъ и обличаемыми, въ которой авторъ, помимо своей воли, сознается въ концѣ пьесы. Для такого яраго бойца, какимъ выставленъ Desgenais, враги его слишкомъ ничтожны, порокъ въ нихъ недостаточно ярко бросается въ глаза, ихъ испорченность не показана такъ явно, чтобы сдѣлать понятнымъ все бѣшенство Альцеста. Мы должны болѣе догадываться въ первомъ и второмъ актѣ, что всѣ они гнили до мозга своихъ костей, мы должны на слово вѣрить грозному мизантропу, когда онъ, неморгнувъ глазами, казнить ихъ развратъ, мы ждемъ, что впослѣдствіи они болѣе обрисуются. Но на дѣлѣ оказывается не такъ. Барьеръ, всплывшій въ самомъ началѣ пьесы, разразившись противъ выставленнаго имъ общества самую горькою и даже грубою сатирою, мало-по-малу утихаетъ и наконецъ совершенно успокоивается. Онъ, точно усталый, видитъ вѣчно передъ собою одну мрачную картину общественныхъ нравовъ, закрываетъ кажется глаза и начинаетъ въ своемъ воображеніи строить воздушныя замки и мечтать объ исправленіи, примиреніи и раскаяніи; и въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ «Parisiens», весь этотъ людъ эпохи паденія вмѣсто того, чтобы затаить въ себѣ ненависть къ этому общественному карателю и ожесточиться за брошенныя въ него оскорбленія, становится мягокъ какъ воскъ и добродѣтеленъ почти также, какъ и самъ

Desgenais. Одно изъ двухъ, или авторъ «Parisiens» такъ самолюбивъ, что полагаетъ, что сатира его настолько сильна, что можетъ исправить самыхъ закоснѣлыхъ въ развратѣ людей, или, — что, конечно, гораздо правдоподобнѣе, — Барьеръ, сосредоточивъ все свое вниманіе на одномъ лицѣ, не придавъ другимъ необходимую силу, которая не позволила бы сравнить ихъ съ послушными куклами, на которыхъ упражняется полновѣсная рука Desgenais. Большая выпуклость одной фигуры заставляетъ казаться всѣ остальные лишенными даже того рельефа, которымъ они обладаютъ сами по себѣ.

Этого упрека нельзя сдѣлать другой пьесѣ Барьера, въ которой мы точно также, какъ и въ первой, находимъ сатирическую фигуру Desgenais, пропитанную насевозъ моралью, но только на этотъ разъ преобразовавшуюся въ артиста: Thévenot. «Les Faux Bonshommes» гдѣ мы встрѣчаемъ его, считается лучшимъ произведеніемъ Барьера и вообще одною изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ пьесъ. Она, главнымъ образомъ, вмѣстѣ съ «Parisiens», утвердила за авторомъ ту репутацію, которою онъ пользуется, и ея успѣхъ принадлежалъ къ тому роду баснословныхъ успѣховъ, которые прямо производятъ произведеніе въ чинъ чуть не chef d'oeuvre'a. Не смотря на то, что пьеса была подписана двумя именами: Барьеромъ и Капандю, который умеръ въ началѣ нынѣшняго года, одному Барьеру былъ приписанъ весь успѣхъ, и онъ одинъ увѣнчанъ былъ лавровымъ вѣнкомъ. Во всѣхъ достоинствахъ этой пьесы, публика узнала автора «Parisiens», и потому на другое имя она почти-что не обратила вниманія. Собственно говоря, «les Faux Bonshommes» представляетъ собою не что иное, какъ рядъ сценъ, эскизовъ замѣчательныхъ по таланту, по силѣ, по ловкости, но пьесы въ строгомъ смыслѣ слова тутъ нѣтъ. Интрига стоитъ на второмъ, если не на третьемъ планѣ, ее невольно забываешь, глядя на фигуры Пепоне, Вертильяка, Баскура, и слушая ихъ разговоры, не относящіяся къ интригѣ, а вообще о дѣлахъ житейскихъ. Еслибы авторъ даже умудрился какъ-нибудь совершенно обойтись безъ интриги, то пьеса отъ этого хотя бы и не выиграла, но навѣрно и не проиграла бы; она является въ «Faux Bonshommes» вводнымъ, а не главнымъ предложеніемъ, которое выражается выведенными типами, нѣсколько утрированными, но отъ этого не менѣе разумными. Сопоставленіе нѣсколькихъ личностей, подобнымъ Пепоне и Вертильяку, ихъ разговоры, сужденія, слова, рисующія однимъ мигомъ цѣлый характеръ, цѣлую среду, все ихъ нравственное уродство, полны мѣткости, ѣдкаго остроумія, и не смягченной насмѣшки. Какую богатую пищу для Thé-

venot представляютъ всѣ эти люди, которыхъ онъ встрѣчаетъ въ жизни на каждомъ шагѣ, и которые расплодились какъ мухи. Но преобразившіеся Desgenais, или какъ самъ авторъ, въ другой своей пьесѣ, называетъ его Диогеномъ, преобразившійся Альцестъ, котораго мы видѣли въ «Parisiens» съ пѣною у рта, съ огнемъ въ душѣ, выбрасывающимъ свое пламя наружу, понялъ теперь, встрѣтившись съ обществомъ Баскуровъ, что его прямые ѣдкіе упреки, его горячія нападки, его филиппики противъ порока остались бы безъ дѣйствія на этихъ людей, что они ничего бы не поняли въ его гнѣвѣ, до того низко ихъ нравственный уровень, и что онъ вызвалъ бы только въ свою очередь насмѣшку надъ своею «непрактичностью». Онъ подавилъ на время свой внутренній огонь и вышелъ противъ нихъ, сдѣлавъ только огромный запасъ равнодушія, жесткости, и даже цинизма. Онъ не ведетъ съ ними борьбы, а только подходитъ къ нимъ, смотритъ, слушаетъ ихъ и заноситъ всю эту коллекцію въ свой богатый современный альбомъ, посвященный «les Faux Bonshommes». Къ какому же классу принадлежатъ эти люди, бороться съ которыми явно, съ оружіемъ въ рукахъ, считаетъ для себя невозможнымъ, безплоднымъ этотъ вѣчный боецъ, этотъ рыцарь добродѣтели, Desgenais или Thévenot. Мы видѣли уже этихъ людей только начерченныхъ не съ такою силою, не съ такою циническою откровенностью, не съ такою правдою, потому что тамъ замѣшивалась боязнь этого самого люда, мы видѣли ихъ у Сарду, — это все та самая буржуазія, которая дала намъ Бенуатоновъ и героевъ «Maison neuve». Нельзя удивляться тому, что мы встрѣчаемъ ихъ у каждаго современнаго драматурга-сатирика. Буржуазія въ наше время является во Франціи самымъ распространеннымъ, господствующимъ классомъ общества. Ея царство некончилось съ паденіемъ іюльской монархіи, она продолжаетъ диктовать законы и только измѣнилась въ томъ, что присоединила къ себѣ военный элементъ. Она вездѣ, всюду она простерла свою власть. Она втерлась въ правительство, держа его въ рукахъ своими капиталами, и мы видимъ, что люди, часто стоящіе на самой вышинѣ правительственной лѣстницы, вмѣстѣ съ тѣмъ и биржевые игроки; они ведутъ дѣла, но съ тайной мыслию, чтобы ходъ этихъ дѣлъ былъ выгоднымъ для ихъ финансовыхъ расчетовъ и биржевыхъ операций; она въ сенатѣ, въ законодательномъ корпусѣ, гдѣ представляетъ собою большинство, поддерживающее правительство, потому что правительство поддерживаетъ ее, она служитъ опорою клерикальной партіи, потому, что клерикальная партія борется постоянно противъ главнаго врага этой буржуазіи — молодой республиканской партіи, ея единственной грозы. И бур-

жуа и клерикалы находятъ во взаимной поддержкѣ огромную помощь и въ борьбѣ противъ молодыхъ поколѣній Франціи обоюдную выгоду. Буржуазія видитъ въ нихъ будущую республику, которая должна смѣнить ихъ господство, клерикалы видятъ въ нихъ науку, которая должна уничтожить всѣ предрассудки—силу католической власти и источникъ ихъ богатства. Ни одна область, даже область литературы, журнализма не избѣгла подданства буржуазіи. Большинство газетъ, журналовъ находятся на содержаніи у одного или нѣсколькихъ финансистовъ, диктующихъ имъ поведеніе, политическую миссію, то, что журналъ долженъ защищать и то, на что онъ обязанъ нападать. Три, четыре газеты не находятся только подъ этимъ игомъ. Буржуазія торжествуетъ повсюду, она мозолитъ глаза всѣмъ и каждому; понятно, что драматическій писатель, для котораго общество служить моделью, постоянно натывается на нее, и такъ какъ никакой другой классъ не представляетъ столько достойнаго насмѣшки и порицанія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что буржуазія служитъ предметомъ сатиры для современныхъ писателей. Въ «Faux Bonshommes» Барьеръ нарисовалъ темныхъ людей этой буржуазіи, богатыхъ, но низкихъ по положенію представителей этого класса. Причина понятна; рисуя Пепоне и Баскуровъ, онъ могъ быть свободенъ въ своемъ смѣхѣ, никакая посторонняя власть, кромѣ его вдохновенія, не остановитъ его рѣзкихъ сатирическихъ выходокъ, между тѣмъ какъ другіе, высшіе правительственные буржуа защищены цензурою отъ слишкомъ явныхъ и нецеремонныхъ шутокъ Барьера. Но въ сущности между портретами тѣхъ и другихъ большой разницы нѣтъ; фонъ, содержаніе тоже, только внѣшность другая. Если «Parisiens» болѣе цѣльная пьеса, чѣмъ «les Faux Bonshommes»; если тамъ есть болѣе жара, увлеченія; если вся натура Барьера, нервная и раздражительная, сказывается полнѣе, то за то тутъ нельзя не признать несравненно большей выдержанности въ характерахъ, болѣе остроумія, жизни, нѣсколько крайне замѣчательныхъ, напоминающихъ большихъ мастеровъ, діалоговъ, однимъ словомъ, талантъ тутъ сильнѣе бросается въ глаза. Еслибы всѣ сцены въ «les Faux Bonshommes» были одинаковаго достоинства съ крайне замѣчательною сценою брачнаго торга или контракта въ третьемъ актѣ, то пьеса эта долго бы пережила ея автора. Но помимо той или другой прекрасной сцены, тутъ есть бездна отдѣльныхъ словъ, замѣчаній, черточекъ, которыя заставляютъ догадываться что за натура, что за нравы, что за развитіе этихъ людей. Именно эти черточки, которыя заставляютъ догадываться насъ о другомъ, что сказано самимъ авторомъ, и есть достоинство сильнаго, хотя и часто спотыкающагося, невыдержаннаго та-

ланта Барьера. Какъ въ живыхъ людяхъ, которыхъ мы встрѣчаемъ каждый день въ обществѣ, есть много такого, о чемъ мы только можемъ догадываться, и что они тщательно скрываютъ, такъ точно и въ лицахъ комедіи или драмы многое должно быть такъ нарисовано, чтобы зритель могъ сказать себѣ: «я тебя вижу насквозь, ты вотъ это и это скрываешь, но меня ты не проведешь».

Въ «les Faux Bonshommes» и въ «les Parisiens» сложились всѣ достоинства и всѣ недостатки автора, и потому эти двѣ пьесы могутъ служить градусникомъ таланта Барьера. Если ему можно справедливо сдѣлать упрекъ въ томъ, что пьесы его лишены всякаго искусства, что онъ не заботится объ отдѣлкѣ каждой сцены, а оставляетъ все въ первоначальномъ своемъ видѣ, не шлифуетъ и не выглаживаетъ съ перваго раза отлившагося произведенія, то можетъ быть это именно и помогаетъ тому, что на всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ печать какого-то перваго раза, вдохновенія, согрѣвающаго ту или другую комедію. По этой недоконченности и недоделкѣ его пьесъ можно легко судить, что онъ выполняетъ ихъ съ лихорадочною поспѣшностью, боясь, чтобы мысль, освѣтившая его и внушившая ему первый планъ, не скрылась подъ искусственной работою отдѣлки. Ему не хватаетъ терпѣнія для обработки, онъ не имѣетъ той любви въ своему произведенію, которая необходима каждому истинному артисту, любви, которая не даетъ художнику силы разстаться съ взлелѣянною имъ мыслию и заставляющей его гладить и нереглаживать каждый наброшенный имъ штрихъ. Онъ обращается съ своими произведеніями, какъ со всѣмъ, что попадаетъ ему подъ руку, безъ всякой нѣжности, грубо, рѣзко, сообразно своей раздражительной натурѣ. На языкѣ его лежитъ тоже печать лихорадочнаго состоянія; то онъ дѣлается приторно-сладкимъ, то вдругъ бросается въ полную противоположность и становится жесткимъ, несдержаннымъ, циническимъ, но за то онъ получаетъ тогда необыкновенную силу, выразительность, и каждое слово бьетъ такъ мѣтко, что съ разу обрисовываетъ положеніе, характеръ, извѣстную черту нравовъ. Но нигдѣ нервный характеръ Барьера не вредитъ ему такъ, какъ въ общемъ выполненіи его плана. Онъ не можетъ заставить себя привести всѣ сцены въ гармонію, не заботится о томъ, чтобы не давать упадать возбужденному интересу, а напротивъ заставляетъ все расти и расти его; онъ оставляетъ все такъ, какъ вылилось изъ его головы и, еще болѣе, изъ его сердца. Какъ у Сарду голова совершенно господствуетъ надъ сердцемъ, такъ у Барьера наоборотъ—голова вполне подчинена ему. Вотъ отчего мы и видимъ часто въ пьесахъ Барьера, что послѣ самой

бурной и горячей сцены дѣйствіе начинается такъ тащиться, что зритель теряетъ терпѣніе, и хорошо, если еще не прибѣгаетъ къ шиканью.

Однимъ словомъ, все, что въ Барьерѣ есть дурного, но за то и все, что есть хорошаго, исключительно принадлежитъ его талантливой натурѣ, искусство при этомъ ни въ чемъ неповинно, оно не касается произведеній Барьера. Онъ не знаетъ даже, кажется, самыхъ простыхъ техническихъ правилъ, которыя необходимы для драматурга, и которыми другіе такъ хорошо пользуются, что часто изученная техника сцены проходитъ за талантъ. Можетъ быть, если бы искусство вести сцену такъ или иначе, освѣщать въ данную минуту выведенное лицо такимъ или другимъ свѣтомъ, было болѣе знакомо Барьеру, можетъ быть тогда пропали бы вмѣстѣ съ нѣкоторыми недостатками и нѣкоторыя достоинства его таланта. Мы не знаемъ, сохранилъ ли бы онъ тогда свѣжесть, теплоту, которою отличаются всѣ произведенія Барьера, не получилъ ли бы онъ нѣкоторую сухость, отъ которой не ускользаетъ большая часть современныхъ произведеній. Въ немъ нѣтъ и помину о ней. Его фигуры не мертвы, онѣ живутъ, и Барьеру можно сдѣлать развѣ упрекъ, что онъ выводитъ ихъ передъ публикою такъ, какъ онъ нашелъ ихъ, грязными, невымытыми и невыбритыми, съ ихъ нѣсколько кабацкими манерами и подчасъ съ извощичьимъ языкомъ; но грубый, неуклюжій талантъ Барьера какъ бы нарочно и созданъ для ихъ воспроизведенія. Онъ не обладаетъ никакимъ хладнокровіемъ, сдержанностью, напротивъ, въ каждомъ словѣ его слышны заносчивость и неприкрытая гордость и презрѣніе къ своему обществу. Нигдѣ такъ сильно не сказывается эта несдержанность, какъ въ тѣхъ мѣстахъ его произведеній, гдѣ насквозь прорывается его нравственное чувство, его моральная сторона. Всѣ произведенія Барьера заключаютъ въ себѣ нравственную задачу и это составляетъ для сатирика то достоинство, которое возвышается надъ всѣми прочими качествами и недостатками автора «*les Faux Bonshommes*». Нравственное чувство ни въ одномъ изъ современныхъ драматурговъ не развито болѣе, чѣмъ у Барьера; оно вырывается у него минутами, какъ крикъ его души, ужаленной порокомъ; онъ инстинктивно ненавидитъ развращенное современное общество, и эта ненависть слышится во всѣхъ его произведеніяхъ. Она находитъ себѣ выходъ въ рѣзкихъ и горячихъ тирадахъ, примѣръ которыхъ мы видѣли въ «*Parisiens*», она выливается въ цѣломъ потокѣ такихъ словъ, обвиненій и укоровъ, которыми онъ бросаетъ во все общество. Онъ не ограничивается, какъ Сарду, однимъ хладнокровнымъ изображеніемъ

общественныхъ уродливостей; нѣтъ, онъ близко принимаетъ ихъ къ своему сердцу, не зараженному общею заразою, онъ чувствуетъ въ свой груди неисчерпаемый источникъ сарказмовъ, насмѣшекъ, съ которыми онъ выступаетъ на встрѣчу всѣхъ пороковъ его времени. Онъ борется съ ними, отбросивъ въ сторону всякую деликатность, не надѣвая на свои руки мягкихъ перчатокъ, чтобы ударъ не былъ такъ чувствителенъ: чѣмъ сильнѣе и чѣмъ больнѣе тѣмъ лучше для Барьера. Вотъ почему горячая сатира его имѣетъ несравненно большее нравственное значеніе, чѣмъ холодная насмѣшка Сарду.

Разставаясь съ Барьеромъ, мы расстаемся вообще съ сатирою на театрѣ. Если мы и встрѣтили бы ее въ такихъ писателяхъ, какъ Александръ Дюма, то не болѣе какъ легкую окраску, но нигдѣ мы не найдемъ ее занимающее главное мѣсто, выставленную на первомъ планѣ. Бросая послѣдній взглядъ на дѣятельность Сарду и Барьера, мы могли бы можетъ быть пожелать, чтобы сатира на сценѣ въ одномъ драматургѣ была болѣе ѣдкая, и чтобы въ ней не слышался индифферентизмъ, а въ другомъ, чтобы она воплощалась болѣе въ лицахъ, а не выливалась въ отдѣльныхъ тирадахъ, чтобы вообще она была болѣе глубока, не ограничивалась бы однимъ поверхностнымъ состояніемъ общества, шла въ самый корень, въ основную причину его паденія; но поговорка древняго міра, которая гласила, что человѣкъ, лишенный свободы, есть только половина самого себя, не позволяетъ намъ обратить въ упрекъ то, о чемъ мы можемъ только жалѣть. Если это древнее философское изрѣченіе можетъ относиться ко всѣмъ людямъ, то французскій драматургъ-сатирикъ болѣе чѣмъ кто-нибудь другой имѣетъ право ссылаться на него, защищаясь противъ излишней строгости современниковъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го октября, 1868.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Культурная сила церкви вообще и у насъ въ частности. — Характеръ послѣднихъ реформъ въ духовныхъ училищахъ, и окончательный ихъ результатъ. — Выборное начало въ духовенствѣ, и вопросъ объ обезпеченіи ниспаго духовенства въ связи съ состояніемъ нашихъ финансовъ. — Новая брошюра о нашихъ финансахъ, вышедшая въ Лондонѣ, и мѣры, предлагаемыя ею къ ихъ исправленію. — Проектъ особой «Кредитной Комиссіи».

Матеріальная сила, сгруппировавшаяся около даннаго географическаго центра, устанавливаетъ границы государства, опредѣляетъ объемъ его. Но въ государственномъ тѣлѣ, которое опредѣлялось такимъ механическимъ процессомъ, дѣйствуютъ еще силы органическія; онѣ производятъ его составъ и обуславливаютъ его отправления. Это — силы культурныя. Онѣ являются важными факторами и въ исторіи политической. Взаимодѣйствіе здѣсь непреложный законъ. Жизнь органическая зависитъ отъ климата и почвы; но самый составъ почвы видоизмѣняется дѣйствіемъ органической жизни, и самый климатъ зависитъ отъ нея до нѣкоторой степени.

Въ ряду культурныхъ силъ, религія и воплощеніе ея — церковь, при началѣ всѣхъ обществъ, были главными силами; но и по достиженіи обществами значительной степени развитія, религія съ церковью остаются немаловажными элементами культурной жизни. Измѣнится ли когда такое положеніе — вопросъ, которымъ здѣсь не мѣсто заниматься. Передъ нами, какъ свидѣтелями современности, стоитъ несомнѣнный законъ: русскій народъ привязанъ къ вѣрѣ предковъ, церковь въ его умственной жизни занимаетъ важное мѣсто, за духовенствомъ онъ признаетъ право и обязанность развивать его умственную жизнь и улучшать его нравы; наконецъ, на содержаніе этого духовенства онъ несетъ значительную долю того, что добываетъ потомъ и кровью.

И въ самомъ дѣлѣ, наша страна украшается безчисленными храмами

и монастырями, духовенство весьма многочисленно и составляет въ странѣ цѣлое сословіе; сословіе это признаетъ за собою то право, и ту обязанность, какія налагаетъ на него русскій народъ, и учится, чтобы достойно пользоваться однимъ и исполнять другое.

Но, признавая эту потребность народа, какъ безспорный и очень значительный фактъ, спросимъ себя: удовлетворяется ли эта потребность такъ, какъ ее сознаетъ въ глубокомъ и искреннемъ убѣжденіи своемъ народъ? Ведетъ ли духовенство къ развитію умственную жизнь русскаго народа, улучшаетъ ли оно его нравы, умѣетъ ли оно лично и въ частности пользоваться тѣмъ авторитетомъ, какой народъ предоставляетъ ему въ общности, идетъ ли впрокъ самому духовенству тотъ громадный бюджетъ приношеній, который лежитъ на народѣ, однимъ словомъ, удовлетворяетъ ли наше духовенство своему значенію культурной силы, идетъ ли отъ церкви по русской землѣ что-нибудь кромѣ величественнаго гула колоколовъ, свидѣтельствующаго о набожности согбеннаго трудомъ народа?

При разсмотрѣніи этого общаго вопроса, мы встрѣтимся и съ частными его сторонами: удовлетворительно ли положеніе духовенства, нужно ли существованіе его въ государствѣ какъ отдѣльнаго наследственнаго сословія, рационально ли устроено обученіе духовенства?

Наконецъ, при болѣе широкой постановкѣ вопроса, при разсмотрѣніи того положенія, какое исторія дала церкви въ государствѣ, приходится еще спросить: полезно ли было перенесеніе церкви изъ положенія силы культурной, свободной и нравственной, въ положеніе силы механической, государственной, въ положеніе власти дѣйствующей, кромѣ убѣжденія еще и матеріальнымъ принужденіемъ?

Если прикоснемся къ сейчасъ опредѣленному нами вопросу съ полною искренностью, а вмѣстѣ и съ тѣмъ уваженіемъ, какое внушается глубокимъ убѣжденіемъ миллионовъ, то должны будемъ сознаться, что за каждымъ изъ поставленныхъ выше вопросительныхъ знаковъ слѣгается, изъ цѣлаго ряда краснорѣчивыхъ фактовъ, болѣе или менѣе рѣшительное *нѣтъ*.

Итакъ, реформа, широкая, рѣшительная реформа должна тронуть и эту бытовую сторону нашей жизни.

Кое-что уже начато. Не знаемъ, насколько вѣренъ слухъ, будто правительство уже предположило уничтоженіе наследственности духовнаго званія, кастичности духовенства; замѣтимъ, впрочемъ, что мысль эта уже проявилась при составленіи новаго устава для семинарій; этотъ уставъ открываетъ семинаріи для всѣхъ сословій, и такимъ путемъ предоставляетъ другимъ сословіямъ доступъ въ духовное званіе, что уже клонится къ ослабленію въ духовенствѣ условій и духа замкнутой касты.

Извѣстно, въ какомъ жалкомъ видѣ находилось доселѣ препо-

даваніе въ нашихъ семинаріяхъ; но и въ высшихъ духовныхъ училищахъ, академіяхъ, преподаваніе было крайне-нераціонально. Доступъ въ семинаріи открывался преимущественно самымъ происхожденіемъ учениковъ; сынъ священника принимался въ семинарію потому, что ему слѣдуетъ быть въ семинаріи, а не потому, что онъ достаточно подготовленъ для слушанія въ ней курса. Окончивъ обученіе въ низшемъ училищѣ, ученики оставались обыкновенно нѣсколько лѣтъ дома, занимаясь всѣмъ кромѣ ученія; въ семинарію поступалъ уже искушенный грубою жизнью, часто совсѣмъ одичавшій «кутейникъ», а не ученикъ, помнящій пройденное, расположенный къ развитію. Оно, въ извѣстномъ смыслѣ, было пожалуй и хорошо (хотя конечно, не въ смыслѣ педагогическомъ): тутъ его ждала такая ужасная обстановка, такой мракъ, произволъ, жестокость и грубость, и наставниковъ и товарищей, что меньше закаленный, болѣе развитый организмъ долженъ бы былъ, такъ или иначе, погибнуть. Не говоря уже о примѣненіи рациональныхъ приемовъ преподаванія, у бурсака часто не было сапогъ, не было даже достаточно пищи. Читая очерки покойнаго Помяловскаго содрогаешься и приходишь къ убѣжденію, что бурсакская жизнь принадлежала къ самымъ темнымъ сторонамъ русскаго быта, составляла одинъ изъ круговъ того мрачнаго міра, въ которомъ почти безсрочная солдатчина со шпицрутенами и фухтелями, лихоимная «московская волокита», да смрадный, переполненный острогъ составляли другія части картины.

То была настоящая *città dolente*, «съ плачемъ и скрежетомъ зубовымъ»; и стояло это зданіе, стояло вѣкъ, и не находило даже своего Данте; бѣдный, безгласный, забытый русскій народъ, живымъ мясомъ своимъ перетиралъ вѣковыя оковы мрачнаго зданія и — молчалъ.

Что касается способовъ преподаванія въ семинаріяхъ, то они до сихъ поръ остались самые первобытные; главный изъ нихъ, разумѣется, такъ называемое «долбленіе». Это положеніе недавно признано официальнымъ актомъ; синодъ, по докладу духовно-учебнаго комитета, «вполнѣ соглашаясь съ его мнѣніемъ о вредѣ механическаго затверживанья уроковъ и о необходимости большей самостоятельности умственныхъ силъ учащагося юношества,.... *предписалъ* въ непремѣнную обязанность наблюдать, со всею строгостью»... и т. д. Но какъ исполнить предписаніе, даже при доброй волѣ и умѣньи, если приходится совершенно неразвитому, а иногда полудикому ученику преподавать предметы возвышенные? Какъ исполнить предписаніе, когда всѣ учебники, принятые въ духовныхъ училищахъ, наполнены одними опредѣленіями и изрѣченіями, и предполагаютъ именно одно «затверживание уроковъ»?

Мы сказали выше, что уставъ вводимый нынѣ въ семинаріяхъ имѣетъ, между прочимъ, искоренить замкнутость духовнаго сословія.

Но, какъ то нерѣдко у насъ, въ тоже время и въ томъ же вѣдомствѣ въ одномъ дѣлѣ проводится одна мысль, а въ другомъ—другая, противоположная ей. Такъ въ новомъ уставѣ для духовныхъ академій проявляется именно мысль о поддержаніи замкнутости въ духовномъ сословіи. Казалось бы, что духовныя академіи, какъ училища спеціальныя, должны были бы ограничиться только спеціально богословскими и церковными предметами въ смыслѣ обязательныхъ; многочисленность обязательныхъ предметовъ курса въ духовныхъ академіяхъ была одна изъ главныхъ причинъ слабости даже догматическаго образованія въ нашемъ духовенствѣ. Но вѣтъ, новый уставъ академій принялъ во вниманіе, что академіи прежде всего должны снабжать семинаріи наставниками; вслѣдствіе того, академіи являются университетами, съ подраздѣленіемъ на факультеты: богословскій, историческій и филологическій; даже физико-математическій факультетъ будетъ въ здѣшней академіи. Такимъ образомъ, студентъ академіи, кромѣ общихъ предметовъ (въ числѣ которыхъ есть и исторія философіи, и метафизика, и педагогика) долженъ еще пройти факультетскіе предметы, и въ результатъ всего будетъ, положимъ, «духовнымъ» математикомъ, «духовнымъ» филологомъ, но сомнительно, чтобы онъ сдѣлался математикомъ и филологомъ основательнымъ, потому именно, что у него слишкомъ много предметовъ, не относящихся къ его спеціальности, а между тѣмъ обязательныхъ.

Мы, конечно, не думаемъ жаловаться на развитіе въ духовныхъ училищахъ образованія свѣтскаго; чѣмъ болѣе общеобразовательныхъ школъ, тѣмъ лучше. Но соответствуетъ ли это главной цѣли спеціально-духовныхъ училищъ?

Здѣсь-то и проявляется духъ кастической замкнутости въ духовенствѣ: на академіи оно смотритъ главнымъ образомъ какъ на разсадники учителей для семинарій. Естественно, что въ такомъ случаѣ необходимо готовить и «духовныхъ математиковъ» и «духовныхъ филологовъ». Но почему же не предоставить преподаваніе въ семинаріяхъ людямъ университетскимъ? Вѣдь гимназіи находятъ же достаточное число учителей. А потому, что, по мнѣнію, которое выразила петербургская духовная академія, это «неудобно».

Если мы сопоставимъ мысль, выразившуюся въ новомъ уставѣ семинарій и мысль уясняющуюся изъ новаго устава академій, то выйдетъ такое положеніе: замкнутость духовнаго сословія мы устраняемъ, когда идетъ рѣчь о поступленіи въ духовныя школы; но когда идетъ рѣчь о преподаваніи въ духовныхъ школахъ, то мы поддерживаемъ замкнутость. Иными-словами: подъ наше вліяніе примемъ кого угодно, но вліяніе свѣтской среды на насъ не допустимъ.

Эта мысль совершенно естественна. Въ настоящемъ случаѣ, то-есть, собственно относительно духовныхъ академій, мы можемъ только ра-

доваться, что тамъ будутъ процвѣтать свѣтскія науки. Понятно, что по духу и направленію, духовныя академіи все-таки останутся духовными. Но, признавая совершенно-естественнымъ со стороны духовенства устранять отъ себя, насколько оно можетъ, свѣтское вліяніе, мы пойдемъ нѣсколько дальше и спросимъ: есть ли интересъ государству, чтобы рядомъ съ физикой, которую оно преподаетъ въ своихъ школахъ, существовала еще особая духовная физика и духовная метафизика? Это можетъ казаться очень нужно педагогамъ изъ духовенства, но нужно ли это для государства? Едва ли! Кажется, можно ограничиться общей физикой. А между тѣмъ, нашъ бюджетъ духовнаго вѣдомства превышаетъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія.

Если духовенство не было въ состояніи получать значеніе культурной силы, если находясь и подъ защитой и вмѣстѣ подъ игомъ свѣтской власти, оно и само тяготилось этимъ положеніемъ и не могло вести народъ къ естественному развитію, то есть ли польза въ томъ, чтобы государство продолжало надъ нимъ свою двойственную опеку, отдѣляло для него суммы изъ бюджета и вмѣстѣ управляло его дѣлами, подчиняло и его себѣ, и себя ему?

Государство не создастъ для церкви силы. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно думаетъ поддержать церковь, оно скорѣе умаляетъ ее. Когда просвѣтительная сила въ церкви была больше, какъ не во время доконстантиновское? Несмотря даже на жестокое преслѣдованіе, христіанское ученіе распространялось съ такой силою и быстротою, какую не сообщать церкви никакія правительственныя субсидіи и регламенты. Поощренія со стороны государства тутъ также безсильны, какъ и преслѣдованія: міръ духовный, міръ убѣжденія, неподчинимъ внѣшней, механической силѣ.

Но таковы результаты историческаго смѣшенія духовнаго со свѣтскимъ, что провести вдругъ полное отдѣленіе между ними невозможно. Государство уничтожило церковныя имущества, государство возвело духовенство въ сословіе, и справедливость требуетъ, чтобы оно исполняло принятія на себя, тѣмъ самымъ, обязательства.

Итакъ, истинная государственная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы постепенно поставить духовенство въ положеніе совершенно-независимое, давъ ему возможность исполнять его культурное назначеніе, и затѣмъ оставить его вполне неприкосновеннымъ.

Изъ такой постановки вопроса истекаетъ, что государство въ отношеніи къ церкви и духовенству обязано отстраненіемъ своего произвола и улучшеніемъ быта духовенства—и только. Затѣмъ, церковь независимая и духовенство болѣе образованное сдѣлаютъ чтó могутъ; государство уже не должно будетъ ни контролировать ихъ, ни нести на себѣ духовныя заботы. Вредъ свѣтскаго вѣншательства въ духовныя дѣла, и въ особенности наоборотъ, слишкомъ очевиденъ, чтобы мы считали

себя обязанными распространяться о немъ здѣсь. Кто еще не уяснилъ себѣ этой истины, тому совѣтуемъ прочесть основательныя статьи, посвященныя этому предмету органомъ, котораго никто не заподозритъ въ индифферентизмъ, именно газетою «Москва». Этотъ органъ съ прямодушіемъ и честной смѣлостью, которая заслуживаетъ уваженія, ратуетъ за отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской и за свободу совѣсти, въ высшихъ интересахъ самой церкви.

Мы считаемъ достаточнымъ сослаться на христіанское ученіе: «Кесарево кесареви, божіе богови», и ограничиться разсмотрѣніемъ тѣхъ практическихъ условий, которыми принципъ этотъ могъ бы быть примѣненъ при завѣщанномъ исторіею положеніи.

Такъ какъ реформъ и въ этомъ смыслѣ мы все-таки можемъ ожидать только отъ правительства, то чтобы устранить изъ нашихъ словъ возможность даже кажущагося противорѣчія, дадимъ ей краткое опредѣленіе: внезапнаго разрыва между государствомъ и церковью быть не можетъ; но государство должно-постепенно поставить церковь и духовенство въ совершенно независимое положеніе; свѣтская власть должна ликвидировать свои отношенія ко власти духовной. Затѣмъ, та сдѣлаетъ, чтó можетъ, чтобы удовлетворить народной потребности и стать въ самомъ дѣлѣ силою культурною.

Единственный раціональный путь здѣсь—введеніе въ церковномъ быту самоуправленія, основаннаго на выборномъ началѣ. Правительство уже вступило на этотъ путь: оно установило выборы духовенствомъ депутатовъ, которые сѣзжаются для обсужденія общихъ нуждъ. Это—путь вѣрный, и на немъ одномъ осуществима полная самостоятельность церкви. Но для того слѣдуетъ пойти по этому пути гораздо дальше; необходимо установленіе такихъ общихъ сѣздовъ или сеймовъ духовенства, какіе существуютъ въ Англіи, только съ примѣненіемъ исключительно выборнаго начала, безъ привилегій, какія тамъ—опять дѣло исторіи.

Затѣмъ представляется вопросъ объ обезпеченіи низшаго духовенства. По этому вопросу въ мірѣ духовномъ мнѣнія раздѣлены. Одни предлагаютъ опредѣлить таксу вознагражденія за требы, другіе—назначить духовенству жалованье, третьи хотять, чтобы сами приходы опредѣляли причту содержаніе и подносили его гуртомъ, а не въ раздробь по требамъ. Но всѣ эти предложенія кажутся намъ недостаточными или непрактическими. Назначить духовнымъ лицамъ жалованье значило бы окончательно подчинить ихъ государству, обратить ихъ въ чиновниковъ и навсегда укрѣпить смѣшеніе духовнаго со свѣтскимъ. Учредить официальный тарифъ за требы—и неблагоприятно, да и нераціонально. Какое право имѣетъ государство оцѣнивать трудъ священника и опредѣлять сколько стóитъ крещеніе, а сколько поминаніе? Наконецъ, предоставленіе добровольнаго устройства этого

дѣла приходомъ есть собственно только *rium desiderium*. Вѣдь приходы и теперь могутъ сдѣлать это, отчего же они не дѣлаютъ?

Нѣтъ, государство должно само сдѣлать ликвидацию тѣхъ отношеній, какія создало оно, подчинивъ себѣ духовенство и отобравъ церковныя имѣнія. Для этого, государство могло бы возстановить, хотя бы номинально, церковный фондъ, и въ бюджетъ свой внести, какъ процентъ этого фонда, предполагаемую достаточною для содержанія духовенства, но однажды навсегда опредѣленную сумму, распредѣливъ ее въ видѣ прямого налога на приходы, но такъ, чтобы подать эта падала не на личность, а именно на опредѣленную потребность, на требы.

Приходы можно бы раздѣлить, напр., на столичныя, городскія и сельскія, съ подраздѣленіемъ всѣхъ этихъ категорій еще на разряды. Затѣмъ, отъ приходскихъ общинъ зависѣло бы распредѣлять причитающуюся сумму на требы, по таксъ, опредѣленной приходскимъ собраніемъ, съ запискою въ церковную книгу. Сборъ этихъ приношеній былъ бы порученъ избранному приходомъ старостѣ. Такое устройство могло бы повести къ образованію при приходахъ, изъ излишковъ, суммъ, которыя можно бы употреблять на устройство школъ и больницъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ лютеранскія приходскія общины. Мы конечно не намѣрены представлять чего-нибудь въ родѣ проекта устава, но указываемъ только на средство, которое можетъ быть обусловлено различнымъ образомъ. Намъ кажется всего правильнѣе — создать церковную общину.

Завѣдываніе такимъ фондомъ и распредѣленіе его слѣдовало бы со временемъ совершенно предоставить общимъ и частнымъ сѣздамъ депутатовъ отъ духовенства. Затѣмъ увеличеніе этого фонда, установленіемъ *добровольныхъ* сборовъ, было бы совершенно въ ихъ же власти.

Но признавая обязанностью государства поставить, если можно такъ выразиться, духовенство на ноги, и затѣмъ совсѣмъ устранить отъ вмѣшательства въ дѣла церкви, мы не можемъ не признать также, что иныхъ обязанностей государство, по отношенію къ церкви, имѣть не можетъ, и что оно, наоборотъ, обязано въ отношеніи самого себя теперь же изгладить всякое вмѣшательство церкви въ дѣла гражданскія, провозгласить полную неограниченную свободу совѣсти. Забота объ улучшеніи быта духовенства могла быть возложена на него исторіею; для этого-то и необходима, какъ мы выразились, ликвидация. Но какое-либо принужденіе въ дѣлѣ вѣры противно и святости религіи и самымъ основнымъ правамъ человѣческой личности. Здѣсь исторія теряетъ свои права.

Проще всего рѣшаютъ вопросъ объ «упорядоченіи» содержанія духовенства (какъ выражаются нѣкоторые духовныя лица, принявшія участіе въ печатномъ обсужденіи этого предмета) тѣ мыслители, ко-

которые предлагаютъ назначить духовенству жалованье отъ казны, да и только. Но такъ какъ къ духовному сословію въ Россіи принадлежатъ 611 тысячъ душъ обоего пола, и на содержаніе ихъ понадобится бы сумма милліоновъ въ шестьдесятъ, то возможно ли и думать объ отнесеніи такого новаго расхода на государство, постоянно прибѣгающее къ займамъ, для покрытія своего дефицита? Нѣтъ, духовенство должно содержаться именно только на счетъ вознагражденія за требы, и въ нашемъ предположеніи казна явилась бы тутъ только посредницею.

Думать объ отнесеніи на общія средства государства какого-либо новаго значительнаго расхода—было бы слишкомъ наивно. Уже и тѣ 38 милліоновъ, которые назначены на постройку желѣзныхъ дорогъ, въ видѣ чрезвычайнаго расхода, требуютъ чрезвычайныхъ же ресурсовъ. Но этотъ расходъ необходимъ для самихъ финансовъ, какъ необходима земледѣльцу издержка на сѣмена.

Съ долгомъ, который превышаетъ милліардъ рублей, съ ежегоднымъ дефицитомъ, съ паденіемъ цѣнности бумажныхъ денегъ, съ необходимостью уплачивать ежегодно болѣе 30-ти милліоновъ рублей звонкою монетою по заграничнымъ займамъ, — намъ ли помышлять о чемъ-нибудь въ родѣ той операціи, которую совершила Франція при первой реставраціи, давъ эмигрантамъ милліардъ франковъ вознагражденія за конфискованныя у нихъ имущества? Если бы даже тотъ «милліардъ въ туманѣ», который показывалъ намъ когда-то одинъ практической финансистъ, и сгустился наконецъ въ реальность, оросивъ наше отечество золотымъ дождемъ, то, конечно, мыслью нашею было бы выкупить на него и извлечь изъ обращенія тѣ 700 милліоновъ бумажныхъ денегъ, которыя тяготѣютъ у насъ надъ производительностью и рынкомъ, создавая ложныя отношенія и поддерживая высокій курсъ заграничныхъ платежей, не смотря на очень значительное развитіе нашего вывоза за границу за послѣдніе два года.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, живущій въ Лондонѣ и хорошо знакомый съ ходомъ дѣлъ въ отечествѣ, издалъ недавно брошюру на французскомъ языкѣ *) въ которой разсматриваетъ дѣйствія нашего государственнаго банка и вопросъ о нашемъ бумажномъ обращеніи. Онъ не общаетъ милліарда въ туманѣ, но предлагаетъ нѣсколько практическихъ мѣръ, чтобы облегчить насъ отъ тяготеющей на насъ бумажной лавины, нарицающейся болѣе чѣмъ полумилліардомъ будто бы размѣнной монеты. «Бумажная болѣзнь», которую страдаетъ Россія — признаемся откровенно — кажется намъ исцѣлима только хирургически, также, какъ болѣе тяжелая болѣзнь человѣческаго организма. На лѣкарства «возстановляющія» или «отводящія» мы въ

*) «La Banque d'Etat et le papier monnaie». 1868.

этомъ случаѣ не видимъ достаточнаго основанія надѣяться. Ассигнаціи, когда ихъ обращается такая масса какъ у насъ, поглощаютъ всякій размѣнный фондъ. Для того, чтобы возможно было установленіе правильнаго размѣна, прежде всего необходимо значительное уменьшеніе бумажнаго обращенія. Это можетъ совершиться двоякимъ путемъ: сбереженіемъ или признаніемъ обезцѣненія бумажныхъ денегъ. Чтобы освободиться отъ несоразмѣрной со средствами массы векселей, должникъ можетъ только или дѣлать сбереженіе и употреблять ихъ на погашеніе (путь безопасный, но трудный), или дать протестовать векселя и потомъ скупить ихъ по низкой цѣнѣ (путь легкій, но опасный). Вотъ два несомнѣнные и едва-ли не исключительные въ этомъ случаѣ средства. Въ вѣроятность чего-либо «третьяго» какъ-то плохо вѣрится.

Одно изъ двухъ: или мы примемъ за непреложный принципъ политику безусловнаго невмѣшательства внѣ нашихъ предѣловъ и политику мѣстнаго самоуправленія, уменьшенія функцій государственныхъ внутри, произведемъ въ бюджетѣ расходовъ сокращеніе процентовъ на десять, а налоги оставимъ нынѣшніе на время, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ, для погашенія нашихъ greenbacks, bluebacks, redbacks и т. д., милліоновъ на пятьдесятъ въ годъ.

Или мы будемъ стараться, по возможности, «охранять равновѣсіе въ бюджетѣ» и не прибѣгать къ новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ — и только. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда мы не подвергнемъ себя заатлантическому перерожденію, представимъ себѣ, что вдругъ Россія будетъ вовлечена въ войну. Говорятъ, войны нынче кончаются скоро; но если война касается Россіи, то ей не кончиться въ двѣ недѣли. У насъ и размѣры пространства не тѣ, что въ Германіи, и размѣры времени не тѣ.

А вѣдь послѣдняя война обогатила насъ выпускомъ 400 милліоновъ бумажныхъ рублей. Представьте себѣ, что къ нынѣшнимъ 700 милліонамъ бумажныхъ рублей прибавилась бы еще половина этой цифры. Очевидна опасность, что въ такомъ случаѣ цѣна бумажныхъ денегъ вдругъ падетъ и падетъ тогда уже не на треть, а такъ, какъ было въ началѣ столѣтія. Такой фактъ могъ бы повести къ повторенію того, что было сдѣлано въ 1839 году, т. е. къ перемѣнѣ упавшихъ въ цѣнѣ билетовъ другими на сумму въ $3\frac{1}{2}$ раза меньшую и затѣмъ къ восстановленію правильнаго размѣна.

Однако очерченная нами альтернатива представляетъ такъ мало отраднаго, что нельзя безъ нѣкотораго сочувственнаго предрасположенія, даже задатка благодарности, смотрѣть на человѣка, который вѣритъ въ возможность какого-нибудь «третьяго» термина, предлагаетъ въ лѣкарство финансовый специфікъ. Такъ какъ, пригомъ, про-

ектъ автора упомянутой брошюры въ самомъ дѣлѣ новъ и остроуменъ, то мы считаемъ умѣстнымъ занести его въ нашу хронику.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, выводы и предложенія брошюры: бумажные знаки падаютъ въ цѣнѣ оттого, что количество находящихся у насъ денежныхъ знаковъ далеко превышаетъ потребность нашихъ внутреннихъ расчетовъ. При такомъ накопленіи знаковъ, металлическая часть ихъ имѣетъ исходъ за-границу, и потому поддерживается и даже возвышается въ цѣнѣ (золото на 16⁰/₀). Но бумажные деньги, не имѣя регулятора въ отливѣ, при излишнемъ ихъ накопленіи падаютъ.

Возстановить равенство ихъ съ золотомъ и вмѣстѣ поставить преграду дальнѣйшимъ чрезмѣрнымъ ихъ выпускамъ, можно только посредствомъ возстановленія размѣна на звонкую монету. Государственный банкъ, своею операціею закупки золота (на которую онъ въ теченіи 1½ лѣтъ употребилъ около 60 милл. р. сер.) возвысилъ свой запасъ звонкой монеты до 120 милл. рублей. Но если прямо открыть вновь размѣнъ, то повторится то, что случилось въ 1862 и 63 годахъ, то-есть громадная масса бумажекъ кинется на размѣнный фондъ за добычею шестнадцати процентовъ лажа на золото, и вскорѣ придется снова прекратить размѣнъ.

Постепенно погашать массу бумажнаго обращенія изъ своихъ средствъ, банкъ не можетъ; онъ не можетъ употреблять на это каждый годъ по 60 милліоновъ, отвлекая ихъ отъ прибыльныхъ операцій коммерческаго учета. Однимъ словомъ, банкъ не можетъ исполнять вмѣстѣ обѣихъ задачъ, т. е. служить центральнымъ кредитнымъ установленіемъ съ реально-обезпеченнымъ кредитомъ, и въ тоже время поддерживать, по возможности, цѣнность ассигнацій. Одна изъ этихъ операцій противорѣчитъ другой; поддержка цѣнности ассигнацій производится имъ въ ущербъ коммерческой его состоятельности, а поддержаніе равновѣсія своего актива и пассива отвлекаетъ его отъ поддержанія цѣны ассигнацій. Вотъ почему авторъ признаетъ необходимымъ поручить эту послѣднюю операцію отдѣльному кредитному установленію, оставивъ за банкомъ коммерческое его назначеніе — пріемъ вкладовъ, производство ссудъ и учета.

Основательности замѣчаній автора собственно о дѣятельности банка нельзя не признать; но посмотримъ, по какому плану будетъ дѣйствовать та «Кредитная коммиссія», которой онъ поручаетъ управленіе бумажнымъ обращеніемъ.

Мы уже видѣли, что причину паденія цѣнности бумажныхъ знаковъ у насъ авторъ видитъ собственно въ избыткѣ предложенія ихъ предъ спросомъ. О томъ, что бумажные деньги повинуются еще иному экономическому закону, кромѣ отношенія предложенія къ спросу, именно закону цѣнностей *условныхъ*, онъ не упоминаетъ. Это даетъ ему

возможность аргументировать далѣе такимъ образомъ: накопленіе кредитныхъ билетовъ сказалось только посредствомъ нашихъ отношеній къ заграничнымъ рынкамъ (*par le contact des marchés étrangers*). Цѣна золота возвысилась вслѣдствіе необходимости приобрѣсть его для расчетовъ по внѣшней торговлѣ и трудности приобрѣсть его въ Россіи. Такимъ образомъ явилась премія на золото, и затѣмъ курсъ сталъ выражать уже не разницу между ввозомъ и вывозомъ (торговый балансъ), а именно премію, какую приходится платить для полученія необходимо нужнаго количества золота. Авторъ настаиваетъ на этомъ одностороннемъ объясненіи, которое, впрочемъ, обусловлено у него одностороннею постановкою вопроса о цѣнности денежныхъ знаковъ. Онъ говоритъ: «не внутренняя потребность въ звонкой монетѣ произвела эту премію на золото; въ странѣ и то слишкомъ много денежныхъ знаковъ. (Какихъ? Въ томъ-то и дѣло, что есть цѣнность условная и цѣнность внутренняя.) Представимъ себѣ, что Россія окружена китайской стѣною, совсѣмъ отчуждена отъ иныхъ странъ, и что золото не можетъ уходить изъ нея. Въ такомъ случаѣ, излишество денежнаго обращенія *не произвело бы* разницы въ курсѣ золота и билетовъ. Упадокъ цѣнности денежныхъ знаковъ произошелъ бы, но онъ выразился бы исключительно вздорожаніемъ продуктовъ и отозвался бы и на металлическихъ, какъ и на бумажныхъ деньгахъ.

Въ такомъ случаѣ, замѣтимъ мы, премія на золото все-таки явилась бы, не отъ излишества денежныхъ знаковъ вообще, а именно отъ излишества знаковъ бумажныхъ передъ средствами казны удовлетворять по нимъ звонкою монетою; китайская стѣна не удержала бы золото: оно или ходило бы съ лажемъ, или спряталось бы тутъ же, въ предѣлахъ стѣны, но подъ землею.

Приписавъ паденіе курса билетовъ только сопрікосновенію съ заграничными рынками, авторъ и приходитъ къ естественному съ этой точки зрѣнія выводу: надо открыть размѣнъ, только для нуждъ внѣшней торговли. А для того, чтобы такимъ образомъ ограничить и специализировать размѣнъ, онъ предлагаетъ допустить его только въ слиткахъ, опредѣливъ высокій *minimum* для каждаго платежа, именно 2,000 рублей. Итаетъ, размѣнъ служилъ бы только для платежей по *опусу*, а не въ деньгахъ; это дѣлало бы его недоступнымъ для внутренней спекуляціи. При этомъ, авторъ предлагаетъ подвижную скалу установленнаго курса для слитка золота въ 505½ золотниковъ, такъ чтобы съ 2,000 р., нынѣшней своей стоимости на бумажныя деньги, онъ дошелъ на четвертый годъ до 1,722 р. 31 коп., т. е. до законнаго курса.

Что золота у казны хватило бы на открытіе размѣна исключительно для внѣшнихъ расчетовъ, это авторъ доказываетъ такъ: ежегодно мы должны тратить за границу звонкой монеты 34 милл. руб.

по долгамъ, 4 милл. р. по закупкамъ казны, 12 милл. р. по тѣмъ товарамъ, которыхъ контрабандный ввозъ уменьшаетъ перевѣсъ въ нашу пользу, въ офиціальномъ торговомъ балансѣ, да еще по издержкамъ русскихъ живущихъ за границею. Итого — 50 милл. р. А получаемъ мы ежегодно изъ рудниковъ на 25 милл. р., да отъ перевѣса нашего вывоза товаровъ передъ ввозомъ, по таможеннымъ даннымъ, — 16 м. р. Итогъ — 41 милл. р.

Значить, дѣйствительная потребность внѣшней торговли въ металлахъ выражается только цифрою 9 милл. р., которая обусловливается недостаткомъ производительности нашего труда.

Такимъ образомъ былъ бы устраненъ, по мнѣнію автора, именно источникъ появленія преміи на золото, и «стало бы» паденіе цѣны кредитныхъ билетовъ. Съ этимъ согласиться невозможно.

Затѣмъ, для возстановленія размѣна и этихъ билетовъ, надо бы все-таки предварительно погасить значительную массу ихъ. Это несомнѣнно. Для этого авторъ совѣтуетъ правительству принять на себя платежъ процентовъ по 254-мъ милліонамъ рублей 5% банковыхъ билетовъ, да по 12 милл. р. 4% металлическихъ. Это наложило бы на казну новый расходъ, начиная отъ 13 милл. р., но за то, съ погашеніемъ всѣхъ этихъ билетовъ втеченіи 30 лѣтъ, прекратился бы и платежъ, а между тѣмъ, коммиссія погашенія употребила бы всѣ ресурсы платежей по залогамъ недвижимостей и выкупныхъ платежей крестьянъ на погашеніе массы бумажныхъ денегъ.

Итакъ, въ сущности, какъ ни оригинальна комбинація автора, она сводится къ тому, чтобы казна отдѣляла на погашеніе бумажныхъ денегъ, начиная съ 13 мил. р. ежегодно, т. е., чтобы она дѣлала сбереженія въ расходахъ и выкупала ими ассигнаціи.

Мы пришли стало быть къ первому термину указанной нами выше альтернативы; другой терминъ — признаніе упадка цѣны ассигнацій. Ничего «третьяго» не оказалось.

Что же касается остроумной мысли автора о предоставленіи внѣшней торговлѣ размѣна для платежей *всѣмъ*, то эта мѣра все-таки никакъ не уничтожила бы лажа на золото внутри страны, потому что не только онъ обусловливаетъ паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ, но и самъ онъ обусловливается паденіемъ ихъ цѣнности. Другими словами: не оттого только платятъ за золото премію, что оно нужно для заграничныхъ расчетовъ, но и оттого, что золото имѣетъ цѣнность внутреннюю, бумажныя же деньги только условную, и при отсутствіи размѣна — даже только фиктивную.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Разладъ между общественными стремленіями и личными видами правительствъ, по вопросу о войнѣ и мирѣ. — Новая программа «либеральной лиги» во Франціи, ея побѣды и неудачи; императорскія и министерскія рѣчи въ ихъ противорѣчіи съ дѣйствіями. — Конгрессы. — Франція и Пруссія предъ судомъ Гизо. — Путешествія и рѣчи прусскаго короля. — Индифферентизмъ Англіи. — Результаты австрійскаго дуализма. — Итальянская оппозиція. — Пиринейскій полуостровъ.

Если исключить испанскую революцію, къ которой мы привыкли, какъ неаполитанцы привыкають къ своему Везувію—если только нынѣшняя революція не составляетъ исключенія — то можно сказать, что истекшій мѣсяцъ не только не принесъ съ собою ни одного такого крупнаго факта, который поглотилъ бы все вниманіе современнаго лѣтописца, но даже и прежнія запутанныя дѣла не подвинулись ни шагу впередъ. Государственные люди словно нарочно поддерживаютъ неровность политической температуры, и вслѣдствіе того нервы общества сдѣлались крайне раздражительны, впечатлительность удесатерилась; въ настоящую минуту достаточно самаго мелкаго факта, самаго ничтожнаго повода, чтобы поднять на дыбы все общество и главнымъ образомъ ея представителя—европейскую прессу. Война или миръ — вотъ вопросъ, около котораго вертится вся политика; даже испанская революція заинтересовала прежде всего съ этой же точки зрѣнія: будетъ ли она содѣйствовать европейскому миру или европейской войнѣ? При такомъ натянутомъ положеніи дѣлъ, каждое свиданіе одного коронованнаго лица съ другимъ, и безъ того вызывающее всегда бездну толковъ, порождаетъ теперь тысячу предположеній, которыя, конечно, не успокоиваютъ общество. Свиданіе, которое въ этомъ году долго заставляеть о себѣ говорить—была полчасовая встрѣча нашего Государя съ прусскимъ королемъ, и нигдѣ она не вызвала такихъ опасеній какъ въ той странѣ, на которую вмѣстѣ съ Пруссіей сосредоточены теперь глаза чуть не цѣлаго міра,—именно во Франціи. Еслибы французское общество болѣе было знакомо съ нашими внутренними дѣлами, то, безъ всякаго сомнѣнія, оно бы не тосковало такъ много о союзѣ Пруссіи и Россіи. Не нужно быть очень тонкимъ политикомъ, чтобы предсказывать, что Россія не бросится въ общую схватку ради однихъ интересовъ Пруссіи.

Лихорадочное состояніе Франціи имѣетъ свою внутреннюю причину. Пока слава французскаго оружія покрывала вторую имперію, покуда блескъ крымской кампаніи, итальянской войны ослѣплялъ глаза славолюбивыхъ французовъ, покуда въ ушахъ ихъ громко звучали имена Севастополя, Сольферино, Мадженты, до тѣхъ поръ они молчаливо соглашались гнуть свои шеи подъ ту конституцію, которая была

результатомъ 2-го декабря. Кромѣ славы, терпѣніе французовъ объясняется еще и другою причиною: старыя партіи были въ разгромѣ. Одни отправились умирать въ Кайену, другіе, возмущенные жалкою картиною паденія второй республики, ушли въ добровольную ссылку, и наконецъ третьи, и это было большинство, утомленные борьбою и не чувствуя въ себѣ достаточно силы продолжать упорный бой, опустили руки и готовы съ ужасомъ воскликнуть: конецъ Франціи! Императорское правительство не счумѣло поддержать военное самолюбіе падкаго до славы народа на той высотѣ, на которую оно поставило его послѣ крымской и итальянской войны, и само нанесло ему жестокій ударъ своею дальнѣйшею политикою. Рядъ ошибокъ, начиная съ датской войны, поколебалъ авторитетъ Франціи. Трагическій исходъ мексиканской экспедиціи и замѣчательная война 1866 года, сдѣлавшая изъ Пруссіи въ нѣсколько часовъ какого-то военного великана, довершили ударъ и окончательно затмили свѣтлую звѣзду второй имперіи. Въ общественномъ сознаніи начался переворотъ, усталые и забытые снова стали подымать голову и возвышать свой голосъ; въ итогъ дѣлъ и заслугъ правительства 2-го декабря оказался значительный дефицитъ. Оппозиція «пяти» въ законодательномъ корпусѣ перешла быстро въ оппозицію двадцати, и съ тѣхъ поръ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новыми выборами борьба для правительства становится тяжелѣе. Для того, чтобы сдѣлать эту борьбу болѣе ровною между оппозиціею и правительствомъ, которое имѣетъ тысячи незаконныхъ средствъ для доставленія побѣды покровительствуемому имъ кандидату, и которое нисколько не стыдится пользоваться этими средствами, оппозиція, состоящая изъ нѣсколькихъ враждебныхъ между собою партій, рѣшилась заключить между собою либеральную лигу. Легитимисты, орлеанисты, республиканцы, забывъ на время свои собственные распри и несогласія, соединились въ одно дѣло, чтобы противодѣйствовать правительственнымъ кандидатамъ. Результатомъ такого союза была неожиданная и блестящая побѣда оппозиціоннаго кандидата Гриви, депутата законодательнаго собранія второй республики. Правительство было смущено этою побѣдою оппозиціи, смущено тѣмъ болѣе, что едва ли не въ первый разъ съ основанія второй имперіи, масса сельскаго населенія ускользнула изъ-подъ его вліянія и вотировала за оппозиціоннаго кандидата. Правда, не прошло и трехъ недѣль съ выбора Гриви, какъ правительство было обрадовано торжествомъ своего кандидата въ департаментѣ Вара; но пораженіе оппозиціоннаго депутата Дюфора должно быть не столько приписано симпатіи тулонскаго населенія къ правительственному кандидату, сколько возникшей распри въ самомъ лагерѣ оппозиціи. Часть оппозиціи, радикальная партія, не могла забыть, что Дюфоръ былъ однимъ изъ министровъ президента республики, принца Наполеона и, главное, ми-

нистромъ крайне угодливимъ, и этого было достаточно, чтобы она повела противъ него такую же ожесточенную борьбу, какъ и правительство. Правительство воспользовалось расколомъ въ либеральной лигѣ и одержало побѣду, но, во всякомъ случаѣ, она досталась ей не легко.

Безъ сомнѣнія, до тѣхъ поръ, пока господствуетъ во Франціи существующій порядокъ, до тѣхъ поръ большею частью правительство будетъ имѣть верхъ надъ оппозиціей, потому что оно располагаетъ такимъ вліяніемъ, такими средствами, которыя никогда не можетъ и вѣроятно никогда не захочетъ имѣть оппозиція. Ни для кого не тайна, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаетъ французское правительство, чтобы доставить только побѣду своему кандидату: «Если вы будете вотировать за моего кандидата, говорить оно, то все для васъ будетъ сдѣлано, дорога проведена, каналъ прорытъ, мостъ поправленъ, правительство всегда поспѣшитъ къ вамъ на помощь; если же нѣтъ, если вы подадите голосъ за враждебнаго мнѣ кандидата, за человѣка, строящаго мнѣ козни, за революціонера, анархиста, тогда, тогда, о! тогда горе вамъ!»! Такого рода внушенія, обѣщанія и угрозы дѣйствуютъ на наивное и довѣрчивое сельское населеніе, и оно вотируетъ за кандидата правительства. Городское же населеніе въ большинствѣ случаевъ даетъ свои голоса оппозиціи. Но важно при подобной системѣ выборовъ не то, что правительство одерживаетъ побѣды, странно было бы иначе, а то, что его кандидаты съ каждымъ годомъ теряютъ все больше и больше число своихъ голосовъ, и то что теряетъ правительство, выигрываетъ оппозиція. Если сравнить цифры полученныхъ голосовъ правительствомъ и оппозиціею во время выборовъ 63 года съ тѣми, которыя получаютъ за послѣднее время, то наглядно можно видѣть, насколько правительство потеряло довѣріе страны. Общіе выборы, которые должны быть въ 1869 г., если до тѣхъ поръ не случится никакой катастрофы, должны будутъ окончательно убѣдить правительство, что для него на-вѣки миновало золотое время ничего не стоящихъ, легкихъ и повсемѣстныхъ побѣдъ. Страхъ этого времени и заставилъ, конечно, правительство отказаться отъ намѣренія, которое оно такъ долго имѣло, распустить законодательный корпусъ и призвать всѣхъ избирателей, за годъ до срока, къ новымъ выборамъ. Но, вѣроятно, сказало оно себѣ, старый другъ лучше новыхъ двухъ, и оставило свою мысль безъ выполненія. Если растетъ число голосовъ въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ, то нельзя въ этомъ не признать громаднаго вліянія, которое имѣютъ на выборы новые законы о печати и народныхъ собраніяхъ. Какъ ни ревниво правительство къ предоставленной имъ болѣе свободѣ, какъ ни старается оно урѣзывать данныя имъ права, но всѣ эти уродливыя преслѣдованія, запрещенія по суду, штрафы, тюремныя заключенія, которымъ такъ часто, въ

теченіи послѣднихъ трехъ, четырехъ недѣль, подвергались лица либеральной партіи, доказываютъ только одно, что правительство недобровольно, не по собственному побужденію, не изъ искренняго желанія вести Францію впередъ по пути свободы, расширяло право печати и собраній, какъ оно увѣряетъ, а просто, что оно вынуждено было на эти уступки опасеніемъ вызвать въ странѣ еще большее недовольство и волненіе. Оно исполнило, болѣе или менѣе, обѣщанія знаменитаго письма 19-го января, потому что оно не забыло, къ чему привело упорство Карла X-го и недалновидное упрямство Луи-Филиппа. Про Бонапартовъ нельзя сказать того, что было сказано про Бурбоновъ: «они ничего не забыли, и ничему не выучились»; нѣтъ, Наполеонъ III выучился многому, но къ несчастью все-таки недостаточно. Напрасно правительство, обращаясь ко всей Франціи и Европѣ, увѣряетъ, что страна довольна и предана царствующей династіи, напрасно приводить оно въ доказательство большинство въ законодательномъ корпусѣ, которое на его сторонѣ,—всѣ знаютъ, что это большинство фальшивое, что оно не выражаетъ и не представляетъ собою страны. Со всѣхъ сторонъ въ послѣдніе дни, во время двухъ, трехъ выборовъ, происходившихъ на прошлой недѣлѣ, подымались голоса, требовавшіе отъ правительства, чтобы оно отказалось отъ своей притѣснительной системы выборовъ, чтобы оно не навязывало и не принуждало вотиловать за покровительствуемыхъ имъ кандидатовъ. Но напрасно такое требованіе; правительство Наполеона III не вольно отказаться отъ подобной системы, когда она составляетъ одну изъ основъ, на которыхъ оно держится, и тѣ, которые заявляютъ его, должны были это понимать. Вотъ отчего гораздо послѣдовательнѣе и основательнѣе тѣ, которые касаются самаго корня этого правительства, самой сущности его, и требуютъ не того, чтобы правительство отказалось отъ той или другой его системы, а просто, чтобы существующее теперь правительство перестало существовать въ той формѣ и на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ оно существуетъ, и чтобы Франція, однимъ словомъ, была избавлена отъ правительства личнаго и замѣнила его конституціоннымъ, и конституціоннымъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Разумѣется, такое требованіе въ иныхъ странахъ, да и въ самой Франціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было бы объявлено революціоннымъ, и навлекло бы на тѣхъ, которые стали бы его предъявлять, суровыя гоненія. Настали другія времена. Это требованіе не только на всевозможные лады повторяется всею либеральною прессою, каждый день и каждый часъ, но оно получаетъ еще большую силу, когда кладется въ основаніе тѣхъ манифестовъ, съ которыми оппозиціонные кандидаты обращаются къ своимъ избирателямъ. Они всѣ повторяютъ въ болѣе или менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ тѣ слова, которыя произнесъ Дюфуръ: «Я никогда не понималъ достоинствъ неограниченной власти,—

говорить онъ—я никогда не бывалъ ослѣпленъ его ложнымъ величіемъ, и никогда не удивлялся тѣмъ непонятнымъ ошибкамъ, которыя заставляютъ его быстро исчезать». Въ цѣлой странѣ, въ каждомъ домѣ, въ каждомъ углу чувствуется, что почва подъ ногами не тверда, что въ жизни все непрочное, неспокойное, вездѣ опасеніе, страхъ за очень близкое будущее. Всѣ обращаютъ свои глаза къ правительству, стараясь уловить его тайную мысль, его стремленія, намѣренія, планы. Но тщетно. Правительство само бросается во всѣ стороны, сегодня говоритъ одно, завтра другое, оно само очевидно находится въ такой же невѣстности какъ и общество, и по очень простой причинѣ: оно не имѣетъ опредѣленной политики. Нужно думать, что въ эти тяжкія минуты неизвѣстности, когда правительство спрашиваетъ себя: начинать войну или нѣтъ? когда оно чувствуетъ, какаѣ большія отвѣтственность лежитъ на немъ передъ цѣлымъ міромъ и, что для него еще важнѣе, когда оно сознаетъ, что одна военная неудача будетъ равняться для него гибели,—въ эти минуты можетъ быть и оно внутренне соглашается, что это страшное право войны и мира въ нормально устроенномъ обществѣ, въ обществѣ развитомъ, не можетъ находиться въ рукахъ одного человѣка. Только тогда, когда это право перейдетъ въ руки самой Франціи, только тогда нація окончательно успокоится, только тогда она не станетъ тревожно спрашивать каждое утро: что будетъ съ нами? До тѣхъ поръ промышленность будетъ въ застоѣ, въ подвалахъ банка Франціи непродуцибельно будутъ валяться сотни милліоновъ, никакія дѣла не будутъ дѣлаться на долгіе сроки и въ общественномъ мнѣніи будутъ продолжаться тѣ лихорадочныя пароксизмы, которые заставляютъ французскую ренту то падать на 50 и 60 сантимовъ, то снова подыматься. До тѣхъ поръ никакія императорскія увѣренія не будутъ имѣть никакой силы и никто не захочетъ вѣровать въ ихъ искренность. Въ увѣреніяхъ же недостатка нѣтъ.

Въ теченіи послѣдняго мѣсяца почти всѣ министры французскаго правительства имѣли случай, на различныхъ обѣдахъ, въ собраніяхъ, совѣтахъ, сказать по одной и по двѣ рѣчи, и почти всѣ они, за исключеніемъ одного, высказали убѣжденіе, что миръ не будетъ нарушенъ. Но одинъ, составившій исключеніе, былъ военный министръ Ніэль, и потому слова его врядъ ли не важнѣе всѣхъ рѣчей вмѣстѣ его товарищей по министерству: Маня, Вальяна, Бехика и т. д. Похвалиться устроенною имъ арміею и высказать увѣренность, что она способна бороться съ цѣлымъ міромъ, развѣ могло быть для министра войны большее наслажденіе? Но еслибы это противорѣчіе ограничивалось только одними словами министровъ, то съ этимъ можно было бы помириться, но бѣда въ томъ, что помимо военного министра, которому простибельно хвастаться арміею, сами правительственные ор-

ганы поддерживаютъ постоянное колебаніе своими, то воинственными, то мирными статьями. Въ нихъ какъ въ зеркалѣ отражается поведеніе самого правительства, которое не знаетъ на что ему рѣшиться. Сегодня они съ покровительственнымъ тономъ защищаютъ Пруссію, восхваляютъ ея мудрость, доказываютъ даже выгоду для Франціи имѣть подѣ-бокомъ такого сосѣда, и держатся того мнѣнія, что каждая нація имѣетъ право устроиться какъ ей угодно; завтра внезапная переимѣна, и они начинаютъ махать по воздуху мечемъ, и подѣ угрозою смерти запрещаютъ Пруссіи переходить черту Майна. Избави васъ Богъ, кричатъ они, думать о сліянніи сѣвернаго и южнаго союза; тѣ будутъ виновны въ нарушеніи мира, которые «льстятъ опаснымъ иллюзіямъ и поощряютъ неосуществимыя надежды» единой Германіи. Такой языкъ не созданъ для того, чтобы внушать довѣріе ко всевозможнымъ царственнымъ словамъ; особенно пугаетъ онъ тѣхъ, кто ясно понимаетъ, что въ концѣ концовъ Пруссія, присоединившая Ганноверъ, Нассау, Франкфуртъ, и почти Саксонію, всегда будетъ стремиться перешагнуть фатальную черту. Общественное мнѣніе во Франціи право, когда требуетъ отъ правительства, чтобы оно сдѣлало наконецъ ясною свою волю: мирится оно съ новымъ порядкомъ въ Германіи, соглашается оно жить дружно со своимъ новымъ сосѣдомъ и смотрѣть спокойно, безъ зависти, на усиленіе его могущества, или нѣтъ? Если да, то пусть будетъ кончено это натянутое положеніе, пусть сокращена будетъ эта громадная армія, которою хвалятся министры и пусть докажетъ правительство «разоруженіемъ», что оно не питаетъ никакихъ надеждъ и никакихъ козней на счетъ своихъ сосѣдовъ. Если же нѣтъ, если оно убѣждено, что безъ ущерба для Франціи не можетъ быть допущено единство Германіи, тогда пусть немедленно ни одной минуты правительство объявитъ войну и выведетъ страну изъ фальшиваго положенія. Вся либеральная Франція, всѣ классы, начиная отъ государственныхъ людей умершихъ правительствъ и до простыхъ работниковъ, встаютъ противъ перваго положенія и доказываютъ его несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ французское правительство можетъ недопустить образованія единства Германіи, когда оно само проповѣдывало нѣсколько разъ публично теорію соединенія значительныхъ массъ въ одно цѣлое и руководилось до сихъ поръ въ своей политикѣ принципомъ національностей? Чѣмъ же вы хотите оправдать ваше вмѣшательство, во имя какихъ интересовъ вы стремитесь обречь на страшную смерть десятки тысячъ народа, изуродовать и изувѣчить можетъ быть сотни, и заставить бѣдствовать цѣлую Францію? Какая есть у васъ святая цѣль, спрашиваютъ разумные люди, ради которой вы рѣшаетесь вести на бойню самую здоровую часть населенія Франціи, отнимая у нея необходимыя ей свѣжія силы? Такіе вопросы преслѣдовали Наполеона III, когда онъ,

недѣли двѣ тому назадъ, отправлялся осматривать въ шалонскій лагерь свою вновь организованную армию и еще разъ попробовать то оружіе, которое, по знаменитому выраженію французскаго генерала, «надѣлало чудесъ» при Ментанѣ. Среди описаній смотровъ, праздниковъ, обѣдовъ, встрѣчъ и приемовъ, которыми такъ богаты всегда подобныя посѣщенія, среди груды банальностей, которыми бывають полны газеты, нельзя было не замѣтить одной пикантности, давшей нынѣшнему посѣщенію шалонскаго лагеря особенный отпечатокъ. Когда несмѣтное полчище проходило стройнымъ маршемъ передъ владыкой Франціи, вдругъ изъ среды его раздались громкіе крики: на Рейнъ, на Рейнъ! Разсказываютъ, что ликъ преемника перваго Наполеона озарился радостною улыбкою. Вся Франція, даже больше, вся Европа, прислушивалась, что скажетъ этотъ новый оракулъ, всѣ хотѣли слышать отъ него слова мира, всѣ ждали, что онъ, если не успокоитъ, то по крайней мѣрѣ постарается успокоить встревоженные умы. «Господа, я ничего не могу вамъ сказать, потому что боюсь, что журналы подхватятъ мои слова или выведутъ изъ нихъ непременно предсказанія войны» — таковъ былъ смыслъ произнесенной имъ рѣчи, которую ожидала почти цѣлая Европа. Если подобную рѣчь нельзя упрекнуть въ недостаткѣ остроумія, то смѣло можно поставить въ укоръ ея неполитичность. Она предоставила публикѣ дѣлать какія угодно соображенія, гадать за и противъ войны, а между тѣмъ нѣтъ ничего хуже въ такія минуты, какъ сотни догадокъ и пророчествъ маленькихъ политикановъ.

Между тѣмъ, какъ императоръ французскій скрываетъ свои задушевные мысли изъ аффектированнаго страха предъ газетами, общественное мнѣніе находитъ другія средства выразить свои стремленія. Таково было засѣданіе международнаго конгресса рабочихъ, который происходилъ въ Брюсселѣ и на-дняхъ только-что имѣлъ свое послѣднее собраніе. Онъ единогласно постановилъ, что всѣ рабочіе, принадлежащіе къ международной ассоціаціи, должны всѣми средствами противиться «этому систематическому убійству и образовать пропаганду для просвѣщенія тѣхъ несчастныхъ, которые принуждаются идти на войну». Если такое энергическое вмѣшательство работниковъ въ государственныя дѣла въ вопросѣ такой важности, какъ право войны и мира, можетъ показаться нѣкоторымъ страннымъ и, пожалуй, даже «неприличнымъ», то вѣдь работники могутъ напомнить, что тѣ, которые рѣшаютъ этотъ вопросъ въ настоящую минуту, сами остаются въ сторонѣ отъ подобнаго бѣдствія, между тѣмъ какъ тѣ, которые позволяютъ себѣ протестовать противъ него, только защищаютъ свое существованіе, жизнь, не только свою, но своихъ матерей, женъ, дѣтей и сестеръ. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что въ общественной жизни Европы явилась въ самое послѣднее время, чтобы

не сказать въ самые послѣдніе дни, новая сила, которая старается пробить себѣ широкую дорогу. Это не конгрессы различныхъ странъ, не сѣзды государственныхъ людей, рѣшающихъ судьбы міра, а простое собраніе частныхъ людей, которые взяли своимъ девизомъ, что только гласъ народа—гласъ Божій. Они не дѣлаютъ свои собранія исключительными, напротивъ, они обращаются ко всѣмъ, кому близки къ сердцу интересы человѣчества, къ какой бы націи, къ какому бы племени ни принадлежалъ человѣкъ. Двери всѣ открыты настѣжъ, приходи кто хочетъ, всякому они рады. Цѣль ихъ не узкая политика того или другого государства, имъ нѣтъ дѣла до первенства одного надъ другимъ; ихъ проповѣдь: тѣсный союзъ, братская любовь всѣхъ племенъ и народовъ. Слова Христа: люби ближняго своего, они примѣняютъ къ цѣлымъ народамъ. Утопія, химера, скажутъ многіе, но вѣдь какъ многое изъ того, что прежде считалось химерами, теперь считается чуть не банальностію. Изъ безчисленнаго множества всякихъ конгрессовъ, происходившихъ въ послѣдній годъ—полтора, болѣе всѣхъ выдаются именно конгрессы рабочихъ и конгрессы лиги мира. Въ эту именно минуту происходитъ открытіе второго конгресса лиги въ Бернѣ. Первый, имѣвшій свои засѣданія въ прошломъ году въ Женевѣ, надѣлалъ много шума, но со стороны «предержащихъ властей» вызвалъ только яростныя нападки. Нынѣшній сѣздъ друзей мира, вѣроятно точно также какъ и большая часть другихъ конгрессовъ, посвятить одно изъ первыхъ засѣданій на постановленіе вопроса, или вѣришь, на горячій протестъ противъ главнаго орудія войны—постоянныхъ армій, отнимающихъ у производительнаго труда необходимую ему силу. Разумѣется, на всѣхъ подобныхъ конгрессахъ говорится можетъ быть много такого, что могло бы и не говориться, но что нужно скорѣе приписать новизнѣ этого дѣла, чѣмъ самой сущности его. По сущности же такого рода международныя собранія составляютъ важное и новое явленіе въ жизни цивилизованныхъ народовъ, и они назначены играть большую роль, оказывая самое благотворное вліяніе на сближеніе націй и на распространеніе болѣе человѣческихъ идей.

Но такова уже сила рутины общества, что оно придаетъ новому явленію гораздо менѣе значенія, обращаетъ на него меньше вниманія, чѣмъ на какое-нибудь слово, часто не говорящее собою ничего новаго, какого-нибудь престарѣлаго государственнаго мужа. Какъ примѣръ можно привести послѣднюю статью Гизо: «Франція и Пруссія отвѣтственныя передъ Европой», появившуюся въ послѣдней книжкѣ «Revue des deux mondes». Она успѣла уже объѣхать всю Европу; всякій хоть сколько-нибудь слѣдящій за политическими дѣлами, знаетъ уже если не ея содержаніе, то по крайней мѣрѣ, что такая статья существуетъ. Что же въ ней есть замѣчательнаго? Замѣчательна она

не сама по себѣ, а скорѣй потому только, что она написана Гизо, этимъ давно удалившимся съ политической сцены старымъ министромъ іюльской монархіи, который, сознавъ важность минуты, считъ священнымъ долгомъ нарушить свое угрюмое молчаніе и выразить свое мнѣніе о томъ «упорномъ безпокойствѣ — какъ выражается онъ — которое овладѣло всѣми умами и прервало всѣ дѣла»; констатируя вмѣстѣ со всѣми, что вопросъ: «будетъ у насъ война или миръ» занимаетъ всѣхъ и каждого, онъ спрашиваетъ себя, откуда берется это настроеніе, какая причина создала его? Существуетъ ли «въ настоящемъ положеніи и склонностяхъ европейскихъ государствъ, правителей и народовъ, какая-нибудь сильная страсть, происходитъ ли въ нихъ какая-нибудь непосредственная и могущественная забота, которая толкаетъ, не смотря на интересы и желанія мира, къ войнѣ, и которая должна привести къ ней фатальнымъ образомъ? Ни у народовъ, ни у правителей, рѣшаетъ довольно произвольно Гизо, не встрѣчается ничего подобнаго. Въ настоящую минуту нѣтъ націи, которая была бы обуреваема воинственною лихорадкою, нѣтъ главы государства, сгораемаго честолюбіемъ и жаждающаго побѣдъ». Послѣ такого увѣренія, онъ начинаетъ разсматривать политику и положеніе каждого первостепеннаго европейскаго государства, и, разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ тутъ Франціи. Онъ прежде всего воздастъ хваленіе тому періоду, во время котораго онъ игралъ первенствующую роль во Франціи. Точно забывая ту жалкую роль, которую играла она во время его управленія, онъ превозноситъ политику іюльской монархіи, которая «соединяла благодѣянія мира съ независимостью народовъ и прогрессомъ свободы». Поддерживать эту благодѣтельную политику мира — было всегда непреодолимымъ стремленіемъ Наполеона III, даже въ то время, когда онъ былъ еще президентомъ республики, и если онъ рѣшился послать войска республики для защиты папы противъ другой республики, и если потомъ онъ велъ еще другія войны: крымскую, италіянскую и мексиканскую, и затѣмъ уже римскую экспедицію, то, по словамъ Гизо, выходитъ, что все это сдѣлалось скорѣе по волѣ націи, чѣмъ по его собственной. Наполеонъ же III всегда слѣдовалъ той политикѣ, которую онъ опредѣлилъ еще въ 1852 г., т. е. только-что сдѣлавшись императоромъ, произнося въ Бордо слова, получившія громкую извѣстность: «Имперія — это миръ. Это миръ, потому что Франція его желаетъ, а когда Франція довольна, миръ спокоенъ». Бѣда только въ томъ, что Гизо этого не хочетъ понимать, что не всегда то, чего желаетъ Франція, тотчасъ же и исполняется:

Онъ дѣлаетъ затѣмъ краткій обзоръ политики Англіи, Италіи, Россіи, по поводу которой Гизо, рядомъ съ анекдотами о томъ, что императоръ Николай былъ самымъ ревностнымъ полонофиломъ изъ

всѣхъ своихъ подданныхъ, приводитъ довольно вѣрное, по крайней мѣрѣ такъ нужно надѣяться, замѣчаніе, что, не смотря на преданность Россіи Пруссіи, «русское правительство слишкомъ внимательно, слишкомъ хорошо понимаетъ свои собственные интересы, чтобы бросаться, сломя голову, ради какого бы то ни было союзника, навстрѣчу большой личной опасности». Общій выводъ изъ обзора тотъ, что всѣ эти страны, такъ точно, какъ и Франція, въ политикѣ своей имѣютъ и должны имѣть самыя миролюбивыя стремленія. Если у однихъ, какъ у Россіи, Италіи, Австріи политика мира является вслѣдствіе внутреннихъ затрудненій и неустройствъ, то у другихъ, какъ у Англіи, она является какъ результатъ полной и широкой свободы, влияющей и сдерживающей власть въ предѣлахъ рѣдкой мудрости. Съ перваго слова, которое произноситъ Гизо о Пруссіи, мы уже видимъ, что имѣемъ дѣло далеко не съ яростнымъ поклонникомъ германскаго единства, а съ человѣкомъ, который даже сомнѣвается что оно возможно и естественно. Послѣ того, что въ самомъ началѣ Гизо высказалъ мнѣніе, что въ настоящую минуту нѣтъ ни одного народа, ни одного правителя, который былъ бы воодушевленъ воинственными замыслами, онъ вдругъ перемѣняетъ позицію, и утверждаетъ, что въ эту минуту одна «Германія революціонно-воинственная нація въ Европѣ. Когда я называю Германію націею—говоритъ этотъ представитель іюльской монархіи—я вовсе не думаю рѣшать одного изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ настоящаго времени. Оттого только, что она выходитъ изъ одной расы и говоритъ однимъ языкомъ, слѣдуетъ ли заключать, что то многочисленное населеніе, которое, въ центрѣ Европы, занимаетъ территорію, называемую Германіею, — есть одна и та же нація». Не давая самъ прямого отвѣта, видно, однако, изъ тѣхъ словъ, которыя онъ вкладываетъ въ ротъ покойнаго виртембергскаго короля, каковаго мнѣнія держится самъ Гизо. «Германія — писалъ король — это большой народъ, но это не одна нація; и ея различные народы имѣютъ и совершенно различную исторію и совершенно разные интересы». Гораздо рѣшительнѣе и смѣлѣе становится Гизо, когда онъ подходитъ къ тому событію, которое произвело въ Европѣ такую страшную кутерьму; говоря о Садовѣ, языкъ его получаетъ такую силу, которую трудно было бы отыскать еще разъ въ послѣднемъ произведеніи стараго парламентскаго деспота. «Было бы одинаково несерьезно видѣть въ этомъ крупномъ фактѣ—говоритъ Гизо о Садовѣ—все то, что побѣдители или систематическіе мечтатели желали заставить видѣть, или не признавать въ немъ большого значенія. Это не былъ триумфъ нѣмецкой національности, ни установленіе нѣмецкаго единства: въ силу ли и въ честь ли принципа національностей нѣмецкіе побѣдители при Садовѣ изгнали изъ Германіи и изъ общаго обсужденія ея дѣлъ 8.782,000 нѣмцевъ, которые входятъ въ составъ Австріи, и въ силу ли и въ

честь этого принципа они удерживаютъ подъ властью Пруссіи часть Шлезвига, гдѣ населеніе датское? Развѣ нѣмецкое единство установлено, когда съ одной стороны въ него не входятъ 8.782,000 австрійскихъ нѣмцевъ, и съ другой, когда четыре нѣмецкихъ государства юга, Баварія, Вюртембергъ и великія герцогства Гессенъ-Дармштадтское и Баденъ, отказываются войти въ новую лигу, которую Пруссія, подъ именемъ сѣверной конфедераціи, сгруппировала вокругъ своего побѣдоноснаго знамени? Развѣ Саксонія, Ганноверъ и городъ Франкфуртъ добровольно вошли въ новую конфедерацію, и смотрятъ на ихъ участь и на ихъ стремленія, какъ на совершенно удовлетворенныя со времени ихъ присоединенія? Твердые и разсудительные умы не могутъ быть обмануты словами и кажущимся видомъ; нужно смотрѣть такъ, какъ они есть и называть ихъ собственнымъ именемъ: идея и слово нѣмецкой національности и единства играли шумную роль въ крупномъ событіи 1866 г., но онѣ вовсе не составляютъ истиннаго и серьезнаго его характера. Характеръ его, это — радикальное измѣненіе, совершенное одною нѣмецкою державою и въ свою собственную выгоду, въ политическомъ устройствѣ Германіи и Европы. Нѣтъ больше нѣмецкой конфедераціи, нѣтъ больше ни борьбы, ни равновѣсія между двумя большими нѣмецкими государствами, нѣтъ больше ни равновѣсія, ни вѣрныхъ средствъ къ сопротивленію для второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ....» Послѣ такихъ словъ, въ которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, звучитъ вовсе не нота уязвленнаго «шовинизма», а глубокое убѣжденіе безпристрастно разсуждающаго человѣка, и послѣ того, что онъ называетъ Пруссію самою «воинственною, честолюбною и ловкою» державою, и ея управителя Бисмарка единственнымъ «смѣлымъ и честолюбивымъ» человѣкомъ въ Европѣ, Гизо все же приходитъ къ тому, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ, что Пруссія вынуждена будетъ сдѣлать тутъ этапъ въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ. И не смотря, однако, на такую увѣренность, что въ эту минуту не существуетъ поводовъ къ войнѣ, что всѣ заняты своимъ дѣломъ, и такимъ образомъ Пруссія, которая обязана переварить то, что она проглотила въ 1866 году, Гизо все-таки одобряетъ французское правительство въ его воинственныхъ приготовленияхъ. Зачѣмъ, къ чему, можно спросить этого состарѣвшагося въ парламентарной политикѣ государственнаго человѣка, хочетъ онъ заковать Францію въ панцырь, и заставить изнемогать ее подъ тяжестью брони, если нѣтъ причины опасаться войны? Правда, онъ говоритъ, что Франція должна дать Европѣ доказательство своихъ миролюбивыхъ намѣреній, и въ виду этого, хорошо было бы, еслибы правительство не произвело «разоруженія», котораго онъ положительно не желаетъ, но поставило бы свою армію на такую мирную ногу, которая была бы только необходима въ виду тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ

положеніи Европы. Но кто долженъ судить объ этой необходимости, кто изъ правительственныхъ лицъ сознается, что что-нибудь сдѣлано сверхъ необходимаго? Еслибы Гизо поговорилъ съ маршаломъ Нізлемъ, то, безъ сомнѣнія, онъ услышалъ бы отъ него самыя искреннія увѣренія въ томъ, что въ организациіи арміи произведены только самыя необходимыя перемѣны, и что то вооруженіе, о которомъ говорить Гизо, есть именно такое устройство арміи на мирной ногѣ, которое только крайне необходимо въ виду совершившагося переворота въ Германіи. Это противорѣчіе между увѣренностью въ мирѣ съ одной стороны и въ одобреніи воинственныхъ приготовленій Франціи съ другой, свидѣлствуетъ, можетъ быть, о томъ, что то волненіе, та сумятица, которая господствуетъ въ обществѣ вообще, коснулась, вѣроятно, даже и политическаго ума Гизо. Еслибы онъ былъ свободенъ отъ этого вліянія броженія, то, можетъ быть, онъ сталъ бы искать и, конечно, съ успѣхомъ, нѣтъ ли другихъ какихъ-нибудь причинъ этого «упорнаго безпокойства», овладѣвшаго обществомъ, помимо воинственныхъ и честолюбивыхъ замысловъ Пруссіи? Онъ неизбежно пришелъ бы къ тому, что уловилъ бы связь внѣшняго положенія страны съ внутреннимъ, и тогда онъ, безъ сомнѣнія, одно объяснилъ бы другимъ.

Если пруссификація Германіи, съ каждымъ днемъ возрастающее военное могущество Пруссіи дѣйствительно озабочиваетъ императорское правительство и составляетъ одну изъ причинъ, по которой оно готовится къ войнѣ, то у него все-таки есть еще и другія, не менѣе безпокоящія его причины, вслѣдствіе которыхъ оно рѣшится, быть можетъ, потрясти всю Европу. Эти причины коренятся внутри страны, онѣ важны только для одного правительства и объясняются исключительно его личными стремленіями. Правительство озабочено тѣмъ возрастающимъ недовольствомъ Франціи, которое все больше и больше выходитъ наружу. Если оно не высказалось еще никакимъ потрясающимъ фактомъ, то Наполеонъ III и тѣ, которые связали съ нимъ свою судьбу, понимаютъ очень хорошо, что такой фактъ былъ бы равносильнъ ихъ паденію и что потому они должны зорко слѣдить за тѣми, какъ бы казалось, мелкими событіями, мелкими волненіями, которыя чаще и чаще стали безпокоить сонъ великаго декабриста. Они хорошо знаютъ, что одна искра порождаетъ иногда громадный пожаръ, они вспоминаютъ, что не разъ уже во Франціи легкія событія предшествовали очень крупнымъ. Они сознаютъ, что имъ нужно отвлечь вниманіе массы отъ внутреннихъ дѣлъ, и нужно зажечь въ массахъ патріотическую страсть, которая заставила бы ихъ позабыть все остальное, нужно возбудить въ нихъ то чувство, тотъ страхъ, который заставилъ бы примкнуться къ правительству и дружно двинуться съ нимъ противъ общаго врага отчизны. Какое лучше

противъ этого средство, какъ война, какая другая сила, какъ побѣда, успѣхъ, способный снова упрочить вторую имперію. Правительство, поэтому, очень искусно, при помощи своихъ органовъ, мало-по-малу и отъ времени до времени парашаетъ національную гордость и дорывается до того нерва, который при прикосновеніи къ нему слова *gloire*, заставляетъ вздрогнуть всего человѣка. Если въ числѣ государственныхъ людей, окружающихъ Наполеона, есть и такіе, которые стараются склонить его къ мирной политикѣ, справедливо полагая, что война представляетъ собою палку о двухъ концахъ, то за то есть и такіе, которые съ утра до ночи не перестаютъ повторять одно и тоже слово: война! Это дѣлая военная партія, которая жаждетъ награды, повышеній, скучаетъ отъ бездѣлья и ищетъ себѣ развлеченія въ войнѣ. Тѣмъ, которые стоятъ во главѣ арміи, хочется показать, какъ она славно обучена, они требуютъ отъ императора, чтобы громадная непронзводительная затрата и людей и денегъ была, по крайней мѣрѣ, къ чему-нибудь приложена, они угрожаютъ ему, что если армія будетъ оставлена безъ дѣла, если ей не дадутъ почесать свои бока о прусскіе, то неудовольствіе распространится и въ ней. А правительство, которое главнымъ образомъ держится военною силою, болѣе всего должно опасаться возбудить неудовольствіе своихъ преторіанцевъ. Пруссія представляетъ своимъ возвеличеніемъ отличный поводъ къ войнѣ, и потому было бы нелѣпо, разсуждаютъ эти люди, не воспользоваться такимъ случаемъ; тѣмъ болѣе, что они внутренно убѣждены, что ихъ армія останется побѣдительницею, что одна Франція, какъ недавно выразился маршалъ Ніэль, можетъ въ эту минуту даровать Европѣ миръ или потрясти ее войною. Когда думаешь, какія ничтожныя, унизительныя для народа, разсчеты руководятъ политикою современныхъ государствъ, какимъ бѣдствіямъ, какимъ волненіямъ подвергается страна изъ-за личныхъ видовъ того или другого лица, невольно вспоминаешь тогда слова Монтескье: *tout est incertain où tout est arbitraire*.

Но какъ бы ни желало войны французское правительство, оно не рѣшится начать ее безъ какого-нибудь новаго повода со стороны своей противницы. Всѣ свои мѣры, всѣ свои приготовления до сихъ поръ оно объясняетъ только какъ мѣры предосторожности, принимаемыя въ виду обезпеченія своей собственной безопасности, но вовсе не какъ средства къ наступательной войнѣ. Напротивъ, опасаясь возбудить противъ себя нейтральныя государства Европы, никогда французское правительство такъ много не толковало о святости трактатовъ, какъ въ эту минуту. Оно двадцать разъ уже объявляло, что оно не потерпитъ никакого ихъ нарушенія, что значитъ, переводя языкъ политики на простой человѣческій языкъ, что вздумай Пруссія выйти изъ буквы Пражскаго мира, вздумай она принять хоть, напр., Баденъ

въ сѣверную конфедерацію, французское правительство сочтетъ свои руки развязанными и немедленно вступитъ за «независимость» Бадена. Весь вопросъ слѣдовательно заключается въ томъ, поддастся ли Пруссія на эту удочку и предоставитъ ли она Франціи выжидаемый случай къ войнѣ. Хотя и въ Пруссіи существуетъ значительная партія, которая точно также, какъ и во Франціи, жаждетъ войны, надѣясь новою Садовой докончить дѣло пресловутаго нѣмецкаго единства, и однимъ ударомъ присоединить къ себѣ югъ Германіи такимъ же путемъ, какимъ Пруссія присоединила Ганноверъ и Франкфуртъ; хотя тутъ и существуетъ партія, которая каждый день утверждаетъ въ различныхъ органахъ, что Германія имѣетъ полное право устраивать свои внутреннія дѣла безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, что Пражскій трактатъ не имѣетъ никакого отношенія къ Франціи, и потому ей нечего заботиться о его сохраненіи, тѣмъ не менѣе хотѣлось бы думать, что прусское правительство будетъ на столь благоразумно, что не подастъ никакого повода къ столеновенію. Самое выгодное, разумѣется, было бы для Пруссіи, если бы она примѣнила къ себѣ слова, сказанныя княземъ Горчаковымъ послѣ крымской кампаніи и которыми вполне воспользовалась Россія, и точно также, какъ эта послѣдняя, на нѣсколько лѣтъ ушла бы совершенно въ себя и занялась не военнымъ, а другимъ болѣе полезнымъ дѣломъ. Дѣла же у ней хватило бы на долго, еслибы она хотѣла дѣйствительно привязать къ себѣ свои новыя приобрѣтенія, и привязать не веревками, не канатомъ, какъ дѣлалось это до сихъ поръ, а такимъ правленіемъ, такимъ развитіемъ свободныхъ учреждений, которыя примирили бы насильственно присоединенныя маленькія государства къ монархіи Фридриха II-го съ ихъ новымъ положеніемъ. Къ несчастію, до сихъ поръ прусское правительство заботится исключительно о военныхъ преобразованіяхъ въ своихъ завоеванныхъ владѣніяхъ, совершенно упуская изъ виду, что недовольство гражданъ въ минуты распри между Франціею и Пруссіею доставитъ ему въ сто разъ больше хлопотъ, быть можетъ и серьезной опасности, чѣмъ тотъ фактъ, что ганноверцы, нассаусцы и другіе будутъ выдвигать и убирать свои ноги во время марша не съ такою ловкостью, какъ это дѣлаютъ коренные пруссаки. Военная выправка составляетъ предметъ самаго нѣжнаго попеченія прусскаго правительства, она до такой степени ему дорога, что самъ престарѣлый король, не зная ни сна, ни отдыха, цѣлое лѣто разъѣзжаетъ по землямъ сѣверной конфедераціи, и вездѣ лично, въ качествѣ генералиссимуса федеральныхъ войскъ, производитъ смотры, парады, маневры. Нѣмецкія газеты полны описаніемъ приемовъ и праздниковъ, которые онъ встрѣчаетъ вездѣ, гдѣ только показывается; но развѣ съ самаго сотворенія міра былъ хоть одинъ офиціальный органъ, который рѣшился бы передавать голую истину? Никто такъ часто не

любить говорить о Провидѣніи, волею котораго исполнено то и это, какъ прусскій король Вильгельмъ I-й, и потому понятно, что онъ не могъ упустить такого прекраснаго случая, какъ свое посѣщеніе различныхъ областей будущей имперіи, чтобы не вставить о немъ свое слово. Онъ и вставилъ его въ своей рѣчи, произнесенной въ Килѣ, рѣчи, надѣлавшей столько шума въ любящей шумѣтъ Европѣ. Тѣ, которые предсказываютъ, что будетъ миръ, увидѣли въ этой рѣчи ясное тому доказательство; тѣ же, которые утверждаютъ, что будетъ война, приняли ее за первую брошенную картечь. Если она не представляетъ собою ни того, ни другого, то нужно все-таки сказать, что на безпристрастнаго судью не могъ не подѣйствовать дурно ея воинственный тонъ. «Что касается—говорилъ генералиссимусъ федеральной арміи—до вашего желанія, чтобы сохраненъ былъ миръ, никто такъ живо не раздѣляетъ его какъ я, потому что нѣтъ ничего болѣе труднаго и тяжелаго для монарха, какъ оправдать передъ Провидѣніемъ обязанность, въ которую онъ былъ поставленъ произнести страшное слово: война. И не смотря на то, есть обстоятельства, когда онъ не можетъ, когда ему не позволено отклонять отъ себя эту отвѣтственность..... Впрочемъ, я не вижу въ Европѣ никакого обстоятельства, которое способно было бы нарушить миръ. Я говорю это для вашего успокоенія. Но вы лучше въ этомъ убѣдитесь, добавилъ онъ довольно внушительно, бросивъ взглядъ на представителей «моей» арміи и «моего» флота, которые находятся въ эту минуту среди васъ, эти силы отечества, которые доказали, что они не отступаютъ ни передъ какою борьбою, выпадающею на ихъ долю, и что они умѣютъ выдержать ее до конца.» Лишь только слова эти были разнесены телеграфомъ въ различные концы Европы, немедленно поднялся отчаянный гулъ, въ которомъ пророческая нота войны одерживала верхъ надъ мирною. Гулъ этотъ отозвался на биржѣ, этомъ новомъ барометрѣ XIX-го столѣтія, страшнымъ паденіемъ курса; въ Парижѣ дѣло дошло почти что до паники. Если вильская рѣчь не можетъ служить доказательствомъ большого такта короля Вильгельма, руками размахивающаго мечемъ, а языкомъ увѣряющаго въ своихъ миролюбивыхъ стремленіяхъ, то за то она дала поводъ французскимъ министрамъ сдѣлать шагъ уже рѣшительно безтактный. Объяснительная записка трехъ министровъ, внутреннихъ, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, посланная на биржу и увѣряющая, что король прусскій произнесъ самую миролюбивую рѣчь, что все, что онъ говоритъ о войнѣ, объ арміи, должно быть отнесено къ 1866 году, и что поэтому финансовый миръ не долженъ беспокоиться и выводить изъ нея невѣрные заключенія о войнѣ,—произвела на французскую публику самое невыгодное для правительства впечатлѣніе. Безъ всякой выгоды для правительства, нота Мутье, Маня и Пинара показала только, какъ легко министры теряютъ тамъ голову

и до такой степени, что забывая чувство извѣстнаго достоинства правительства, способны называть то бѣлымъ, что должно быть названо если не совсѣмъ чернымъ, то по крайней мѣрѣ сѣрымъ. Но не одни французскіе министры и всевозможныя газеты перепугались рѣчи, произнесенной въ Килѣ, испугался ея и самъ прусскій король, и испугался до того, что поспѣшилъ въ Гамбургъ и также на биржѣ произнесъ другую рѣчь для смятенія первой, и во второй своей рѣчи уже ни слова не сказалъ ни о Провидѣніи, ни о своей доблестной арміи. «Я удивляюсь говорилъ онъ нѣсколько дней тому назадъ, какъ могли дать моимъ словамъ въ Килѣ, хоть на одну минуту, иное толкованіе», т. е. какъ не самое миролюбивое. Быть можетъ, эта вторая рѣчь, которую всѣ стараются превозносить до небесъ, была результатомъ игры телеграфа между Килемъ и тѣмъ помѣстѣмъ, въ которомъ лежитъ больной Бисмаркъ. Этотъ, смѣлый до дерзости, государственный человѣкъ понимаетъ, конечно, лучше своего властелина, какъ опасна можетъ быть борьба съ Франціей и какъ невыгодно ставить на одну карту все, что онъ добылъ своею рѣшительностью и хитростью. Онъ не настолько ослѣпленъ 1866-мъ годомъ, чтобы думать, что послѣ Садовой прусское войско не можетъ быть разбито, и не настолько увѣренъ въ прусскомъ патриотизмѣ всей Германіи, чтобы думать, что она встанетъ противъ Франціи, какъ одинъ человѣкъ. Ему больше, чѣмъ кому-нибудь другому, должно быть извѣстно, какъ медленно идетъ, чтобы не сказать вовсе не идетъ, дѣло сближенія Пруссіи съ присоединенными къ ней провинціями, и какъ мало вкушаютъ они предѣсть прусской бюрократіи. Если прусскій король принималъ во время своего объѣзда всевозможныя депутаціи бургомистровъ, заявлявшихъ ему свои обязательно-вѣрнопоподданническія чувства, то мы знаемъ также, что онъ не удостоивалъ своимъ взглядомъ тѣхъ, которые желали высказать ему въ самой вѣжливой формѣ, что, не смотря на все ихъ уваженіе къ священной особѣ короля, они все-таки не считаютъ себя счастливыми подъ его управленіемъ. Однимъ словомъ, Пруссія не только не должна желать войны, но она имѣетъ всѣ причины желать мира.

Еслибы Франція и Пруссія оставлены были всѣми другими, то безъ сомнѣнія, онѣ долго бы еще стояли другъ противъ друга, прежде чѣмъ приступить къ рукопашному бою. Франція, опасаясь возбудить противъ себя цѣлую Европу, Пруссія—не рѣшаясь вызвать сама на слишкомъ азартную для нея игру. Панъ или пропаль, не есть, какъ извѣстно, правило прусской политики. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ Пруссія вызоветъ подобную войну, или даже, прежде чѣмъ она поддается въ разставленные сѣти Наполеона III, она не разъ должна будетъ спросить себя, на какихъ союзниковъ можетъ она рассчитывать

въ случаѣ столеновенія, и кого можетъ она встрѣтить, какъ своего врага, рядомъ съ французскою арміею.

Какъ бы нѣжно обѣ враждующія, пока на перьяхъ, державы ни смотрѣли на Англію, врядъ-ли которой-нибудь изъ двухъ удастся увлечь ее въ споръ ихъ о гегемоніи на континентѣ западной Европы. Англія давно уже съ большимъ хладнокровіемъ, граничащимъ съ презрѣніемъ, смотритъ на все, что дѣлается по сю сторону Канала, и нужно что-нибудь особенное, какъ восточный вопросъ, гдѣ она не хочетъ упустить своего вліянія, чтобы заставить ее выйти изъ ея олимпійскаго снокоиствія. Англія очень хорошо знаетъ, что при томъ прогрессѣ, который сдѣланъ въ дѣлѣ «систематическаго убійства», какъ выразились члены брюссельскаго конгресса, война не можетъ длиться долго, и потому ея главный интересъ—торговля, не очень отъ этого страдаетъ, по крайней мѣрѣ, не настолько, чтобы она рѣшилась ради его выйти изъ своего нейтралитета. Въ своемъ же нейтралитетѣ она, безъ сомнѣнія, будетъ болѣе сочувствовать Пруссіи, нежели Франціи, а это объясняется не только ея старымъ недоброжелательствомъ, ея ревностью, далеко не заснувшею, какъ часто увѣряютъ англичане, къ своей вѣковой соперницѣ, но также и тѣмъ, что ей больше есть причинъ опасаться Франціи съ ея флотомъ, мало уступающимъ английскому, чѣмъ Пруссіи, которая только-что заводится кораблями и впервые выступаетъ на политическую сцену какъ морская держава. Къ кому больше лежатъ ея симпатіи, это видно уже изъ того, что она не морщась почти смотритъ на увеличеніе Пруссіи и на присоединеніе къ ней той или другой провинціи, между тѣмъ какъ при одномъ случаѣ не о присоединеніи, а о простомъ таможенномъ и военномъ союзѣ между Франціею, Бельгіею и Голландіею, она поспѣшила заявить, въ лицѣ лорда Станлея, что подобный союзъ можетъ быть мечтою, фантазіею, но никогда дѣйствительностью. Какъ бы непріятно ни было французскому правительству подобное заявленіе, оно должно было промолчать. Но между симпатичнымъ къ той или другой державѣ нейтралитетомъ и прямымъ заступничествомъ есть еще огромная разница, и Пруссія не должна на него рассчитывать, тѣмъ болѣе, что въ эту минуту Англія слишкомъ занята своими внутренними дѣлами, чтобы измѣнить своей торговой политикѣ—невмѣшательства. Вопросъ объ ирландской церкви не перестаетъ волновать цѣлую Англію, и каждый день онъ служитъ поводомъ къ новымъ и ожесточеннымъ столеновеніямъ между ирландцами католиками и английскими протестантами. Трудно и тяжело вѣрить, чтобы въ странѣ, гдѣ такъ давно уже утвердилась политическая свобода, дѣло народнаго образованія такъ мало было подвинуто впередъ, что невѣжество оставляетъ мѣсто тому фанатизму, который доставляетъ народу сплошь и рядомъ самыя кровавыя зрѣлища. Такое зрѣлище далъ Англіи протек-

стантскій агитаторъ Мёрфи, собравшій въ Манчестерѣ митингъ, на которомъ присутствовало болѣе 15-ти тысячъ человѣкъ, и который окончился самымъ печальнымъ образомъ — смертію нѣсколькихъ протестантовъ и католиковъ, павшихъ въ возникнувшей между ними распрѣй. Мёрфи выставляетъ свою вражду къ католицизму и свою фанатическую защиту протестантской церкви въ католической Ирландіи, какъ главный аргументъ, въ силу котораго онъ долженъ быть посланъ въ новый парламентъ — жалкій по истинѣ аргументъ, который тѣмъ не менѣе сдѣлаетъ вѣроятно то, что человѣкъ, возбуждающій къ уличному рукопашному бою, будетъ вызванъ въ нижнюю палату. Новые выборы вмѣстѣ съ ирландскимъ вопросомъ поглощаютъ почти все вниманіе Англіи и оставляютъ ей мало времени слѣдить за европейской политикой. Если теперь англійскій кабинетъ мало вмѣшивается въ дѣла континента, то что же будетъ тогда, когда соберется новый парламентъ и министерство, какъ надо полагать, перейдетъ изъ рукъ торіевъ въ руки виговъ, и когда Гладстонъ замѣнитъ собою Дизраэли? Внѣшняя политика виговъ, они давно уже это высказали, будетъ за основное свое правило — безусловное невмѣшательство. Кто бы ни заступилъ въ кабинетѣ виговъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, но разъ что уйдетъ Станлей, которому иногда приписывали желаніе и намѣреніе снова возвратить Англіи все ея прежнее вліяніе на дѣла европейскаго континента, можно смѣло будетъ совѣтовать и Франціи и Пруссіи отправиться за поисками другихъ союзниковъ. Двѣ страны, по своему политическому положенію, назначены самою судьбою принять участіе въ прусско-французской распрѣ: Австрія и Италія, но та и другая находятся въ слишкомъ затруднительномъ положеніи въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ, чтобы дешево продать свой союзъ; онѣ должны будутъ обречь себя на слишкомъ тяжелыя для нихъ жертвы, чтобы вмѣшаться въ общую схватку, и потому надо надѣяться, что до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ видѣть какую-нибудь возможность, безъ ущерба для себя, не выходить изъ нейтралитета, онѣ останутся ему вѣрны, и этимъ быть можетъ окажутъ содѣйствіе тому, что столкновеніе между Франціей и Пруссіей будетъ хоть на время отдалено, а время очень часто, какъ въ частной жизни, такъ и въ политикѣ, изъ отчаянныхъ враговъ дѣлаетъ большихъ друзей.

Трудно представить себѣ, до какой степени тяжела была бы въ эту минуту война для австрійской имперіи, передъ которой каждый день, точно по волѣ какой-нибудь злой феи, вырастаютъ новыя и новыя затрудненія. Никогда кажется добрыя начинанія, самыя лучшія стремленія, не встрѣчали такого негостепріимнаго приѣма, не были такъ дурно вознаграждаемы, какъ старанія либеральнаго министерства Бейста для политическаго преобразованія Австріи. Грѣхи Габсбургскаго дома должно-быть слишкомъ велики, что никакія жертвопри-

ношенія не угодны небу. Не успѣло правительство, рѣшившись на дуализмъ, примириться съ враждовавшею съ нимъ Венгріею, какъ поднялись другія народности, чешская и польская, и стали предъявлять такія же требованія, какъ и венгры, которые дождались ихъ удовлетворенія только послѣ лютой, кровавой борьбы съ Австріею. Чехи ведутъ, если можно такъ выразиться, пассивную борьбу съ правительствомъ, ихъ депутаты отказались явиться въ провинціальный сеймъ, они надѣются глухимъ сопротивленіемъ добиться себѣ полной автономіи. Если нельзя не желать чешскому народу полного успѣха въ борьбѣ его съ австрійскимъ правительствомъ за свои вольности, то все-таки нужно пожалѣть, что чехи такъ поздно взялись за умъ, и что двадцать лѣтъ тому назадъ, въ ту минуту, когда венгры сражались за свою свободу, чехи шли противъ нихъ и были орудіями деспотическаго правительства. Можно опасаться, что политическая недалководидность сдѣлаетъ ихъ снова игрушкою той или другой державы. Можетъ быть было бы лучше, если бы въ ту именно минуту, когда австрійское правительство, благодаря дисциплинарному наказанію, полученному въ 1866 году, обратилось къ свободѣ, какъ къ своему якорю спасенія, и выразило желаніе, къ которому оно впрочемъ дало уже не одно доказательство, сдѣлать изъ Австріи одно изъ либеральнѣйшихъ государствъ въ Европѣ, лучше можетъ быть было бы, если бы различныя національности, входящія въ ея составъ, вмѣсто того, чтобы утруждать ему задачу преобразованія, напротивъ содѣйствовали и помогали ему, и тѣмъ бы отняли у правительства возможность утверждать предъ Европой, что невозможна не австрійская имперія, а та свобода, которую она предоставляетъ различнымъ національностямъ. Примѣръ Венгріи мѣшаетъ спокойно жить всѣмъ остальнымъ національностямъ. Извѣстіе, что императоръ Францъ-Іосифъ пріѣдетъ вмѣстѣ съ императрицею въ Львовъ, преисполнило радостью всѣхъ галиційскихъ поляковъ. Они мечтали уже, что они добьются отъ него всего того, чего добились венгры, имъ представлялся уже обрядъ коронаціи, празднества, ликованія, которыя сопровождали бы польскаго царя Франца-Іосифа. Но радость продолжалась не долго. Поѣздка императора въ Галицію отмѣнена, вѣроятно, вслѣдствіе настоянія той большой партіи, которая требуетъ самаго упорнаго сопротивленія требованіямъ Галиціи. Всѣ эти споры, распри, затрудненія въ различныхъ областяхъ австрійской имперіи, дѣлаютъ то, что война въ эту минуту походила бы для нея на бѣдствіе. Рядомъ съ этимъ для нея есть другая трудность: съ одной стороны, если бы она стала противъ Пруссіи, то въ ея нѣмецкомъ населеніи могло бы пробудиться слишкомъ сильное неудовольствіе, котораго правительство избѣгаетъ съ такою тщательностью; съ другой, въ правительствѣ слишкомъ жива та рана, которую нанесла ей Пруссія, чтобы рѣшиться

пойти къ ней на помощь. Если Бейстъ прилагаетъ всѣ свои старанія, чтобы забыть войну 1866 года, то за то онъ и не особенно заботится о сближеніи съ счастливою соперницею Австріи. Любезности къ ней Пруссіи остаются безъ результатовъ. Когда онъ замѣчаетъ, что въ населеніи по какому-нибудь случаю, какъ это было во время праздника стрѣлковъ въ Вѣнѣ, проявляется слишкомъ большое озлобленіе противъ Пруссіи, онъ возвышаетъ свой голосъ и говоритъ: *piano, piano!* когда же случается наоборотъ, онъ нажимаетъ педаль и произноситъ: *forte, forte!*

При такой затруднительности внутренняго положенія главныхъ заинтересованныхъ странъ въ Европѣ, война была бы только знакомъ несостоятельности правительствъ. Чтбъ подумать о человѣкѣ, который, разстроивъ и запутавъ свои коммерческія дѣла, обратился бы къ рулеткѣ, какъ къ послѣднему средству выйти изъ тяжелаго банкротства?!

Не менѣе трудно положеніе Италіи: въ виду своихъ внутреннихъ затрудненій, она должна была болѣе другихъ употребить всѣ свои усилія, чтобы избѣгнуть войны. Если кабинетъ Менабреа и главнымъ образомъ министръ финансовъ Камбрэ-Диньи, много сдѣлали для исправленія финансоваго положенія страны, то того же нельзя сказать по отношенію общаго политическаго состоянія Италіи. Кабинетъ Менабреа не пользуется никакою популярностью, двадцать разъ уже находился въ агоніи, и если въ концѣ концовъ ему удалось приобрести въ палатѣ большинство 19-ти голосовъ, то только благодаря тому, что всѣ сознавали необходимость дать ему время совершить тѣ финансовыя операціи, которыя избавили страну отъ неминуемаго банкротства. Не справедливо было бы обвинять министерство рѣшительно во всемъ, но оно несетъ на себѣ послѣдствія того грустнаго факта, что оно явилось въ минуту занятія Рима французскими войсками. Оно приняло на себя какъ бы отвѣтственность за это событіе, и потому подвергается за него тысячи нареканій. Безспорный фактъ тотъ, что Италія не войдетъ въ нормальную колею до тѣхъ поръ, пока французскіе солдаты будутъ оскорблять ея національное чувство своимъ присутствіемъ на ея почвѣ, пока Римъ не сдѣлается ея столицею. Если Менабреа заблѣлъ, кажется, и думать объ окончательномъ рѣшеніи римскаго вопроса, то въ послѣднее время онъ направилъ однако всѣ свои силы на то, чтобы принудить французское правительство вывести свои войска изъ папской области. Пока однако его старанія не подвигали дѣла впередъ, но только все больше и больше возстановляли Италію противъ Франціи съ одной стороны, и противъ цѣлаго министерства съ другой. Возбужденіе противъ кабинета и отчасти противъ династіи приняло такіе размѣры, что лѣвая сторона итальянскаго парламента рѣшила было созвать въ этомъ мѣсяцѣ всѣхъ своихъ членовъ въ Неаполь,

и на этомъ собраніи, которое заранѣе получило имя *parlamentino*, постановить, какія должны быть приняты мѣры, чтобы вывести страну изъ ея вѣчно тревожнаго состоянія и опредѣлить разъ навсегда программу оппозиціи. Правительство какъ нельзя болѣе было встревожено предстоявшимъ собраніемъ, но тѣмъ не менѣе оно само поспѣшило опровергнуть тѣхъ, которые распространяли слухи о какихъ-то насильственныхъ мѣрахъ, будто бы долженствующихъ воспрепятствовать *parlamentino* имѣть засѣданія въ Неаполѣ. Нельзя не удивляться, до какой степени прочно утвердилась свобода въ Италіи, что не только общество, но само правительство ни на минуту не хотеть допустить мысли, что оно можетъ поступить противозаконно и нарушить то право, которое предоставляетъ народу собираться и толковать гдѣ и о чемъ угодно. Послѣ длинныхъ разговоровъ объ этомъ «маленькомъ парламентѣ», на которомъ долженъ былъ председательствовать Ратаци или Криспи, лѣвая сторона совершенно отказалась отъ мысли созвать своихъ членовъ въ Неаполѣ, такъ какъ на *parlamentino* указывали какъ на доказательство сильнаго волненія въ странѣ, и потому какъ на предлогъ французскому правительству не выводить своихъ войскъ изъ Рима. Чтобы отнять всякій поводъ у Наполеона III-го не исполнить сентябрьской конвенціи 1864 года, которая совершенно соблюдается итальянскимъ правительствомъ, оппозиція пожертвовала своимъ собраніемъ. Съ *parlamentino* связывали также и отставку, которую послалъ Гарибальди къ президенту настоящаго парламента, говоря, что онъ рѣшился на такой шагъ, чтобы не быть вынужденнымъ пріѣхать въ Неаполь, такъ какъ онъ осуждаетъ сближеніе лѣвой стороны съ такимъ человѣкомъ, какъ Ратаци. Связывали ее также и съ другимъ фактомъ, которому нельзя придавать никакого серьезнаго значенія, именно съ устройствомъ тайнаго общества, которое имѣло бы цѣлью отомстить за Ментану, но, безъ сомнѣнія, всѣ дикіе слухи объ ужасахъ и скудныхъ средствахъ общества съ девизомъ *vendetta di Mentana* есть только плодъ фантазіи враждебныхъ Италіи умовъ. Для Италіи кончились времена тайныхъ обществъ, всѣ ея дѣйствія и поступки прямы и открыты. Никто не станетъ скрывать, что страна находится въ тревожномъ состояніи, но причина его лежитъ внѣ Италіи. Она жалуется, что мѣшаютъ довершенію ея единства, она всячески выказываетъ, что тѣ, которые помогли ей изгнать австрійцевъ, и которые за помощь получили Ниццу и Савойю, изъ ея друзей сдѣлались почти ея врагами, но до сихъ поръ французское правительство, не смотря на то, что оно нуждается въ союзникахъ, не обращало вниманія на эти жалобы. Оно не только отказалось вывести свои войска изъ Рима, но даже, какъ увѣряютъ, имѣло намѣреніе замѣстить свои войска испанскимъ 30-ти-тысячнымъ гарнизономъ. Подобные слухи, неопровергаемые правительствомъ, должны

были еще болѣе вооружить Италію противъ Франціи, куда братъ неаполитанскаго ех-короля и жена его, дочь Изабеллы II-й, пріѣхали на поклонъ къ Наполеону. Дружественный пріемъ, сдѣланный графу и графинѣ Джирженти какъ бы подтверждалъ этотъ слухъ, изъ котораго выводились уже тысячи комбинацій. Но всѣ догадки, всѣ слухи, всѣ соображенія мигомъ исчезли предъ однимъ событіемъ, которое быть можетъ перевернетъ всѣ готовые планы государственныхъ людей. Событіе это — революція въ Испаніи, вспыхнувшая 18-го сентября.

Телеграфъ уже возвѣщалъ о свиданіяхъ французскаго императора Наполеона III-го и испанской королевы Изабеллы II-й, которыя должны были скрѣпить дружественныя узы двухъ кабинетовъ и быть можетъ подписать наступательный и оборонительный союзъ на случай войны, какъ вдругъ растространилось извѣстіе, что въ Кадиксѣ началось возстаніе, что флотъ и за нимъ гарнизонъ города объявили *pronunciamento*. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришло и другое извѣстіе, что всѣ генералы, сосланные послѣднимъ министерствомъ Гонзалеса Браво на Канарскіе острова, возвратились оттуда, точно также какъ возвратился и Примъ изъ Лондона, и всѣ они приняли начальство надъ разными колоннами революціоннаго войска. За этимъ первымъ извѣстіемъ стали приходить каждый день новыя, возвѣщающія, что *pronunciamento*, какъ называютъ въ Испаніи возстаніе, распространяется изъ одного города въ другой, и охватываетъ въ эту минуту если не всю, то большую часть страны. Правительство вмѣстѣ съ Изабеллой II-й, находившееся въ эту минуту въ Санъ-Себастьянѣ, растерялось; Гонзалесъ Браво, вмѣстѣ съ остальными министрами, поспѣшилъ переѣхать черезъ границу и укрылся во Франціи; сама королева двадцать разъ хотѣла уѣхать въ Мадридъ и двадцать разъ измѣняла свое рѣшеніе, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалась посмѣшищемъ населенія С.-Себастьяна, гдѣ она обрѣталась первое время. Единственный актъ, воспослѣдовавшій послѣ того, какъ вспыхнула революція, былъ тотъ, что престарѣлому и нелюбимому маршалу Конча было поручено составить новое министерство, которое конечно еще не составлено, такъ что маршалъ Конча является нѣкоторымъ образомъ уполномоченнымъ отъ правительства диктаторомъ. Онъ поспѣшилъ объявить всю Испанію въ осадномъ положеніи, послалъ одну часть войска, пока еще не соединившагося съ народомъ, въ Каталонію, другую часть въ Андалузію, гдѣ во главѣ возстанія стоялъ маршалъ Серрано, герцогъ-де-ла-Торре, который былъ прежде президентомъ сената. Мадридъ пока оставался, если не спокойнымъ, то все-таки не въ открытой революціи; но это объясняется вовсе не индифферентнымъ отношеніемъ столицы къ возстанію страны, а просто просьбою революціоннаго комитета, который говоритъ жителямъ: ждите сигнала.

Трудно предсказывать, чѣмъ кончится испанская революція, упадетъ ли она также безслѣдно, какъ и всѣ другія *pronunciamento*,

которыхъ было уже нѣсколько въ царствованіе Изабеллы, или послужить она наконецъ къ возрожденію Испаніи. Многое заставляетъ надѣяться на послѣднее, и одного такого факта, что въ этотъ разъ вопросъ вовсе не идетъ дѣло о томъ или другомъ министерствѣ, о томъ или другомъ лицѣ, какъ бывало до сихъ поръ, а о коренномъ измѣненіи въ формѣ правительства,—достаточно, чтобы смотрѣть на нынѣшнее возстаніе совсѣмъ иными глазами. «Долой династію и да здравствуютъ учредительные кортесы и временное правительство», вотъ слова, написанныя на знамени вспыхнувшей революціи. Вся Европа единодушно желаетъ ей полнаго торжества, потому что она направлена противъ одного изъ самыхъ презрѣнныхъ правительствъ, не знавшаго никакой мѣры въ своемъ дикомъ преслѣдованіи всего того, что составляетъ плодъ западной цивилизаціи. Ей желаютъ успѣха, потому что въ ней принимаютъ участіе не одни солдаты, какъ бывало прежде, а цѣлая нація, которая, какъ говоритъ воззваніе революціоннаго комитета, «возстала противъ тираніи, которая давила, противъ безнравственности, которая оскорбляла, и противъ наглости, которая унижала испанскій народъ».

Но кончится ли эта революція побѣдой свободы надъ деспотизмомъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ она явилась какъ нельзя болѣе кстати для запутанныхъ дѣлъ Европы. Съ одной стороны она хоть на время, но выводитъ умы изъ воинственнаго настроенія, а съ другой — разстроиваетъ игру, выводя изъ нея одного игрока. Можетъ быть, выходъ этого игрока и не окажетъ рѣшительнаго вліянія на исходъ игры, но тѣмъ не менѣе, онъ заставитъ сильно и надолго призадуматься Наполеона III-го, который, благодаря революціи въ Испаніи, потерялъ въ ней свою единственную вѣрную союзницу. Во всякомъ случаѣ, испанская катастрофа послужитъ урокомъ и напомнитъ во Франціи слова Мирабо, что, въ концѣ концовъ, «право властвуетъ въ мірѣ».

Post-scriptum. — Послѣднія извѣстія, сообщенныя телеграфомъ, показываютъ, что въ Испаніи дѣла шли съ безпримѣрною быстротою и съ рѣдкимъ порядкомъ: королевскія войска разбиты, а ех-королева Изабелла воспользовалась гостепріимствомъ Франціи и заняла императорскій дворецъ въ По, близъ Пиринеевъ. Телеграфъ изъ Мадрита, отъ 19/30 сентября, извѣщаетъ: «Завтра здѣсь будетъ происходить всеобщая подача голосовъ. Въ городѣ господствуетъ совершенное спокойствіе. Правительственная юнта назначила новыхъ чиновниковъ. Живущіе въ Мадритѣ англичане поднесли поздравительный адресъ новому правительству.» Между тѣмъ англійскія газеты распространили слухъ о поддержаніи Примомъ кандидатуры португальскаго короля.

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Если бы я былъ публицистъ, скрытый во образѣ простого наблюдателя, для того, чтобы заставить и въ легкомъ чтеніи всетаки твердить задаваемый мною урокъ, то, всего вѣроятнѣе, я прибѣгнулъ бы, для начала моей хроники, къ аллегоріи. Напримѣръ:

«Въ огромномъ котлѣ варится супъ..... Солнце болѣе или менѣе ярко освѣщаетъ эту картину.

«Въ супъ положена курица, та самая курица, которую нѣкогда общалъ Генрихъ Беарнъ. Но Генрихъ IV, какъ извѣстно, не успѣлъ зарѣзать этой курицы, бывъ самъ зарѣзанъ Равальякомъ.

«Съ тѣхъ поръ, французы все еще питаются лягушками. Лягушки составляютъ важный предметъ отпускной торговли во Францію изъ Россіи, гдѣ ихъ въ огромномъ числѣ рѣжутъ реалисты. (Отсюда, развивая аллегорію, можно бы вывести, что реальное направленіе, поддерживая своимъ трудомъ нашъ торговый балансъ, полезнѣе ученія прожекціонистовъ, которыя его эксплуатируютъ.)

«Возвратимся — продолжаетъ скрытый публицистъ — къ супу. Курица въ немъ есть, и пищевареніе въ котлѣ происходитъ исправно. Но вокругъ стоитъ толпа, и ея-то желудки находятся все еще въ крайне-напряженномъ, выжидательномъ положеніи.

«Картина эта трогательна, потому что каждый пузырьрекъ, который вслѣдъ за другимъ пузырькомъ вскакиваетъ на днѣ котла, всплываетъ на поверхность и лопається — предвѣщая разочарованіе».

«Положеніе — напряженное, апормальное. Когда-то будетъ готовъ супъ, а между тѣмъ на зубахъ присутствующихъ хруститъ кризисъ ожиданія, а въ желудкахъ слышится — переходное время».

Вмѣсто аллегоріи единично-описательной, я могъ бы еще прибѣгнуть къ фигурѣ аллегорическаго усугубленія, и воскликнуть: «Отложимъ терапевтику, пока хининъ дорогъ, и аптекаря торгуютъ съ привилегією. Предъ нами примѣръ ординаторовъ петербургскихъ больницъ, которые не прописываютъ больнымъ хинина по дороговизнѣ его. Возьмите пока просто ведро ждановской жидкости и очищайте воздухъ отъ махорки грубости, отъ растлѣвающаго кальяна самообожанія, отъ аммоньяка невѣжества, отъ ладана суевѣрія, отъ винныхъ паровъ самодурства и самохвальства».

Но я съ публицистами не имѣю ничего общаго и даже боюсь ихъ, хотя уважаю. Не знаю почему, мнѣ кажется что они — пасторы.

Пасторы каждое воскресеніе доказываютъ, что исправленіе, коренное исправленіе совершенно необходимо, и вмѣстѣ такъ убѣдительно выставляютъ испорченность всей нашей натуры, что исправленіе представляется едва ли возможнымъ. А публика все слушаетъ, два часа, безъ возраженій. Это тяжело. Тѣмъ болѣе, что разные пасторы указываютъ разные причины зла и разные пути ко спасенію.

Публицисты похожи на пасторовъ. Но пасторы имѣютъ предъ ними хоть то преимущество, что не вступаютъ въ полемику другъ съ другомъ и не говорятъ, какъ публицисты: «мой-де богъ солиднѣе и аккуратнѣе твоего, а потому и служба начинается у меня въ половинѣ десятаго, когда твой богъ еще не мылся».

Я хочу ограничиться одними наблюденіями и на память дѣлать себѣ замѣтки. Чтобы начать съ чего-нибудь, начнемъ съ выставки въ Академіи художествъ, гдѣ можно встрѣтить копію съ жизни, а за тѣмъ обратимся къ постоянной выставкѣ оригиналовъ, которая и представить намъ постоянное поприще для наблюденій — къ дѣйствительной жизни.

Не умѣю вамъ разсказать, въ чемъ собственно состоитъ перестройка, произведенная въ Академіи; замѣтилъ я только, что хоры на входной лѣстницѣ расширены, и что самой выставкѣ, которая всегда помещалась на равной полянѣ, теперь приходится ходить по горамъ и доламъ. При этомъ, выигрывается нѣсколько новыхъ *coup d'oeil* на старыя картины; вы подымаетесь на хоры въ уровень съ тѣми исполненными копіями съ итальянскихъ классиковъ, которыя съ дѣтства пугали васъ сверху грандіозностью не только сюжетовъ, но и головъ, рукъ и ногъ, на нихъ изображенныхъ.

На этотъ разъ мы дадимъ выставкѣ только самый бѣглый взглядъ.

По части пейзажа обратимъ вниманіе на крымскій видъ г. Орловскаго потому собственно, что онъ получилъ первую золотую медаль. Общей мысли, общаго эффекта нѣтъ, а есть двѣ партіи деревьевъ: одна партія округленныхъ, *wohlbelebte*, консерваторовъ, которую нельзя не одобрить по красотѣ рисунка и тщательности отдѣлки; и партія долговязыхъ, тонкихъ, некормленныхъ деревьевъ — либераловъ, которые, воля ваша, едва ли не веряшливы нѣсколько. «Сокольниковъ временъ царя Алексѣя», г. Литавченко, есть портретъ красиваго костюма, а портретъ г. Набилкина (г. Тюрина) есть портретъ письменнаго стола.

Г. Якоби представилъ кардинала Лотарингскаго, которому принесли голову Колины. Лицемѣрно-добродушное выраженіе едва скры-

васть улыбку удовольствія; ему видимо хотѣлось потерять руки, и это невольное движеніе художественно сдержано.

Есть недурное «Распятіе» г. Морозова. Есть нѣсколько микроскопически - отчетливыхъ картинокъ г. Рицони (преимущественно виды изъ жизни капудиновъ). Изъ жанра замѣтимъ хорошенькую картинку г. Перова: «Сцена у желѣзной дороги», изображающую крестьянъ, дивящихся чугункѣ, и «Шарманщика» г. Савицкаго.

Замѣчательна по деталямъ и необыкновенной экспрессіи картина г. Гуна: «Канунъ Вареломеевой ночи». Въ темной, низкой средневѣковой комнатѣ виситъ образъ, передъ нимъ теплится лампада. Человѣкъ пожилой, пришиваетъ себѣ на шляпу бѣлый крестъ; онъ прищурился и видимо старается. Онъ прокалываетъ шляпу, но занятъ какою-то затаенною мыслью, и въ столь обыкновенномъ крестѣ, и въ движеніи мускуловъ лица видна судорожная рѣшимость. Эта картина по нашему мнѣнію одна изъ лучшихъ на выставкѣ.

Другая — г. Брянскаго: «Невѣста, получившая обратно обручальное кольцо». Но тутъ не надо и надписи, и безъ нея все ярко. Горе, почти физическая боль, но боль еще безотчетная, какъ бы отъ внезапнаго удара, сложились въ складкахъ между этими бровями; глаза такъ блестятъ, и выдаются, что непонятно, какъ можно это сдѣлать помощью краски и тѣни. Эта картина производитъ впечатлѣніе, которое уносится съ собою (г. Брянскій получилъ золотую медаль 1-го Лебренъ за экспрессію).

На этомъ пока и кончимъ отчетъ о петербургской художественной выставкѣ. Она бѣдна, нѣтъ спору. Она представляетъ мало оригинальнаго, — это столь же мало подлежитъ сомнѣнію.

Продолжая исполнять нашу обязанность наблюдателя, перейдемъ къ выставкѣ иного рода, къ выставкѣ разныхъ «художествъ всероссійскихъ». Тутъ будутъ если не историческія картины, то картины исторій, тутъ будетъ и жанръ, и хорошій, и тотъ, который извѣстенъ подъ названіемъ «мовѣ». Чрезвычайное обиліе, и сколько оригинальности!

Послѣ Петербурга первое мѣсто, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ Москвѣ. За Москвою пойдемъ въ инныя мѣста нашего отечества. Программа, какъ видите, географически-простая, для публициста неподходящая, но для наблюдателя удобная.

Переставъ быть столицею русскаго государства, Москва осталась столицею русской самобытности. Николаевская дорога нисколько не изгладила эту первопрестольную самобытность.

Въ Москвѣ все оригинально, начиная отъ посудныхъ лавокъ, въ которыхъ продаются гробы, и до мировыхъ судей, разбирающихъ дѣла о совращеніи въ черти. Мы увѣрены, что Петръ Великій, еслибы ему

обстоятельно разсказать о положеніи Москвы въ лѣто Господне 1868, перескочилъ бы отъ ужаса на Васильевскій островъ, какъ то давно собирается сдѣлать его конь.

Для наблюденій надъ русскою общественною жизнью Москва даетъ обильный, самородный источникъ. Сдѣлаемъ краткій очеркъ московскаго житія-бытія; наше сочиненіе будетъ составлено по самымъ новѣйшимъ источникамъ.

Населеніе Москвы состоитъ изъ 351,609 душъ, которыя, вмѣстѣ взятыя, приносятъ казнѣ ежегодно питейнаго сбора около 10 милліоновъ рублей. Изъ этого явно, что городъ Пропойскъ, существующій въ Могилевской губерніи, ни въ какое сравненіе съ Москвою идти не можетъ.

Правы московскаго населенія частью рисуются въ нижеслѣдующихъ рубрикахъ. Въ общемъ же, жители Москвы отличаются отъ полурусскаго Петербурга тѣмъ, что гораздо менѣе вольнодумны. Такъ напр., они не только не сомнѣваются въ существованіи чертей, но судятся съ ними въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, допуская такимъ образомъ и для чертей судъ правый, скорый и милостивый. Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, даже миссіонерское общество безъ всякаго суда исключило изъ своего состава г. Аскоченскаго «за распространеніе дьявольской идеи».

Образъ правленія въ Москвѣ — патріархальный. Онъ основанъ на принципѣ, что власть должна проявлять силу, ибо иначе какаѣ уже она власть. Этотъ принципъ для петербуржцевъ, которые по незнанію своего отечества почти равняются иностранцамъ, необходимо объяснить примѣрами.

Примѣръ первый. На академическомъ пруду въ Петровскомъ-Разумовскомъ происходитъ морская баталія. Мѣстный Нептунъ, г. Желѣзновъ, директоръ земледѣльческой академіи и, какъ онъ себя называлъ въ судѣ, — начальникъ академической (сухопутной и водной) полиціи, желаетъ проявить власть. Власть искони преимущественно проявляется поборами. Г. Желѣзновъ устанавливаетъ поборъ въ пять рублей съ каждой лодки на пруду, и тѣмъ стѣсняетъ на пруду судоходство. Всѣ подчиняются побору, между прочими и нѣкто г. Лютецкій. Но боги имѣютъ даръ предвидѣнія. Мѣстный Нептунъ предвидитъ, что г. Лютецкому судьбой назначено представлять въ этомъ случаѣ историческій протестъ. Поэтому, Нептунъ запрещаетъ одному г. Лютецкому имѣть на пруду лодку. Г. Лютецкій сознаетъ свое историческое назначеніе и протестуетъ, являясь защитникомъ принципа нейтральности флага и свободы мореплаванія. Тогда унтер-нептунъ, экзекуторъ Харламовъ, онъ же генераль-адмиралъ академическаго флота, беретъ

непріятельскую лодку абордажемъ, ломаетъ замокъ на ея цѣпи и торжественно уноситъ ее. Такъ грозный Посейдонъ уносилъ корабль дерзновеннаго царя Итаки.

Въ судѣ, г. Желѣзновъ объявилъ, что онъ только собственному своему начальству обязанъ отдавать отчетъ въ употребленіи своей власти. Г. Лютецкій проигралъ дѣло. Его выигралъ принципъ проявленія власти.

Примѣръ второй. Въ Сокольникахъ происходитъ дипломатическое столкновеніе. Мѣстный Меттернихъ, квартальный надзиратель Гульковскій, узнаетъ, что американецъ Эмсъ осмѣлился вывѣсить на воротахъ одного дома американскій *республиканскій* флагъ, купно съ российскимъ. Меттернихъ желаетъ проявить власть. Онъ является и отдаетъ приказаніе, но получаетъ отпоръ; американецъ объявляетъ, что флага не сниметъ, потому именно что празднуетъ въ тотъ день — о ужасъ! «открытіе республики.» Въ судѣ, американецъ былъ оправданъ, американскій флагъ одержалъ побѣду надъ квартальнымъ надзирателемъ; и вотъ еще новый ударъ дѣлу вѣнскаго конгресса.

Но патріархальный образъ правленія состоящій въ томъ, чтобы власть занималась проявленіемъ силы, вовсе не противорѣчитъ хваленому новѣйшему принципу самоуправленія. Такъ, у московской полиціи достало храбрости напасть, если нужно, даже на флагъ могущественной державы; но когда, въ Богородскомъ, дачники звали полицейскихъ въ лѣсъ, гдѣ произошло нѣсколько грабежей, то полицейскіе объявили (цитируемъ буквально изъ одной газеты), «что сами они боятся ходить въ лѣсъ, а гуляющихъ вѣдь еще ранѣе предупреждали, что въ лѣсу опасно.» Здѣсь высказывается просвѣщенный взглядъ полицейскихъ на отношеніе власти къ обществу: въ призывѣ со стороны послѣдняго они увидѣли только закоренѣлую нашу привычку обращаться ко вмѣшательству власти и недостатокъ самостоятельности въ нашемъ обществѣ.

Власть предупреждаетъ и пресѣкаетъ, но не преслѣдуетъ. Недавно садовникъ, завѣдующій содержаніемъ всѣхъ московскихъ бульваровъ, писалъ въ газету, что большая часть Цвѣтнаго бульвара была «вырублена и разрѣжена» по приказанію начальства, «для личной безопасности московскихъ мирныхъ жителей, такъ какъ куртины его служили логовищами негодяевъ.» Вотъ точно такъ дѣлались въ прежнія времена просьби чрезъ шварцвальдскіе лѣса, когда въ нихъ гнѣздились грозныя шайки разбойниковъ. Помянутый садовникъ, г. Массъ, оправдываетъ себя въ запущеніи Цвѣтнаго бульвара, чѣмъ бы вы думали? Тѣмъ, что Цвѣтной бульваръ былъ представителемъ не расти-

тельнаго царства, а царства разврата и безобразія, гдѣ грабежи и разбой вовсе не рѣдкость». Какъ бы удивился г. Массъ, если бы онъ узналъ, что въ центрѣ Петербурга есть Лѣтній садъ и нѣсколько скверовъ, которыхъ никому и въ голову не приходитъ «вырубать и разрѣзывать,» что однако не нарушаетъ личной безопасности жителей. Но мы говоримъ о Москвѣ; тамъ рубать бульваръ называется содержать его въ исправности.

Публицистика Москвы, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ московскихъ полицейскихъ, всего менѣе занимается собственно городомъ Москвою, а болѣе всего тоже любитъ проявлять силу. Можно сказать, что она rend la vie dure всѣмъ главнымъ политикамъ Европы. Тѣ не знаютъ что и дѣлать: недовернешься бьютъ и перевернешься бьютъ! Возьмемъ, напримѣръ, статью публициста, который содержитъ въ исправности иностранную политику въ газетѣ почтеннаго М. П. Погодина «Русскій» (№ 40). «Что значать» вопрошаетъ онъ, «всѣ тонкія ухищренія барона Мутье, всѣ глубокомысленныя соображенія сирѣ Генри Бульвера, даже широкіе замыслы графа Бисмарка съ игольчатыми ружьями Дрейзе и Шасспо? Еще бы! Конечно ровно ничего не значать. Гдѣ ужъ имъ!» Правда, читателю несомнѣнно ясно, что такое баронъ Мутье, и какъ графъ Бисмаркъ употребитъ свои ружья Шасспо; но ему очень ясно, что—гдѣ ужъ имъ!

«А» — продолжаетъ публицистъ — «а о печальныхъ (?) вознодѣйствіяхъ саксонскаго барона Бейста, *подобныхъ невольнымъ танцамъ бѣса передъ заутренею*, и говорить труда не стоитъ».

Для того чтобы сказать, что вознодѣйствія барона Бейста подобны упомянутымъ «невольнымъ» танцамъ, надо, чтобы публицистъ былъ наглядно знакомъ съ тѣми и съ другими. Но какъ мы выше сказали, черти въ Москвѣ явленіе болѣе обыкновенное, чѣмъ въ Петербургѣ зубные врачи; а «вознодѣйствія»..... ну, это знаете, сказано только такъ, для соблюденія дипломатическаго слога.

Науки въ Москвѣ сказали недавно свое высшее, послѣднее слово: г. Даль нашолъ, что рince-pez слѣдуетъ называть носохватка, щипоноска, жѣмочки или очечки; а неизвѣстный ученый, скромно прикрывшійся въ ученомъ диспутѣ по тому же предмету буквою і, доказалъ что буква ж, «очевидно представляющая іероглифъ жука, весьма неприлична и требуетъ радикальнаго измѣненія» (sic!).

Народъ въ Москвѣ, въ виду проявленія управленіемъ и печатью силы, продолжаетъ быть вѣрнымъ тому характеру, который усвоило ему прошедшее. Извѣстно, что образованіе раскольниковыхъ сектъ, пу-

гачовщины и разинщины, и казацкихъ вольницъ, было историческимъ протестомъ русскаго народа противъ проявленія одной силы властями. Это величественное гайдамачество народа продолжается и по сію пору. Полиція вырубилъ Цвѣтной бульваръ, хотя и отказалась проникать въ лѣсъ. На это народъ, въ лицахъ избранной удалой молодежи, краснорѣчиво отозвался учрежденіемъ новой сѣчи, именно воровскаго общества «Меркурій». Общество это, или правильнѣе дружина, составилось «изъ мелкихъ чиновниковъ и исключенныхъ гимназистовъ» (извѣстно, что руководителями протеста всегда бывали люди съ нѣкоторымъ образованіемъ). Оно помѣстилось въ пустомъ домѣ, въ одномъ изъ Бранныхъ переулковъ, и грабило по окрестности что могло: дрова, курицы, поросятъ, подбирали собакъ и проч. Извѣстіе, со словъ котораго мы упоминаемъ объ этомъ фактѣ, говоритъ о правильной организаціи этого общества: оно имѣло своего атамана, въ немъ происходили совѣщанія и т. д. Вотъ, какъ одинаковыя причины въ исторіи всегда вызываютъ одинаковыя послѣдствія.

Не утомили ли мы читателя этимъ этюдомъ надъ Москвою? Но что дѣлать — Москва голова всему! Пойдемъ теперь дальше, въ провинцію.

Развитіе политической жизни и расширеніе гласности въ нашемъ отечествѣ сдѣлали то, что телеграфическій отдѣлъ газетъ сталъ гораздо разнообразнѣе прежняго. Еще въ недавнее время одинъ (бывшій) издатель С.-Петербургскихъ Вѣдомостей считалъ возможнымъ во все обойтись безъ телеграммъ. Нынѣ это было бы невозможно: телеграммы слишкомъ интересны. Примѣры: *Байонна* × числа. — Королева Изабелла выѣхала изъ Испаніи. — *Харьковъ* × числа. — Министръ путей сообщенія генералъ Мельниковъ пріѣхалъ сюда. — *Киль* × числа. — Король прусскій произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ мысль, что миръ въ Европѣ можно считать вполне обезпеченнымъ. — *Одесса* × числа. — Министръ финансовъ, статсъ-секретарь Рейтернъ выразилъ мысль, что желѣзно-дорожное дѣло у насъ вполне обезпечено. — *Парижъ* × числа. — Въ свитѣ королевы Изабеллы, пріѣхавшей во Францію, находятся интендантъ Марфори и министръ Гонсалесъ Браво. — *Оренбургъ* × числа. — Въ свитѣ генерала Кауфмана, ѣдущаго въ Петербургъ, находятся 25 человекъ. — *Нью-Йоркъ* × числа. — Въ Перу произошла катастрофа, при коей погибло 25 тысячъ человекъ. — *Харьковъ* × числа. — Обѣдъ со спичами. — *Харьковъ* × числа. — Еще обѣдъ со спичами. — *Рыбинскъ* × числа. — Здѣсь былъ обѣдъ со спичами. — *Азовъ* × числа. — Здѣсь ожидаютъ обѣда со спичами. — *Одесса* × числа. — Здѣсь все еще вспоминаютъ съ благодарностью о бывшемъ обѣдѣ со спичами. — *Архангельскъ* × числа. — По слу-

чаю недостатка въ обѣдахъ, здѣшнее населеніе собирается въ Харьковѣ.

Оставимъ астрономамъ доказывать, будто мы, всей землею, ходимъ за звѣздами. Наши звѣзды вокругъ насъ ходятъ.

Нельзя не признавать пользы отъ посѣщенія гг. министрами разныхъ мѣстностей Россіи. Обычай этотъ доселѣ существовалъ только въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Особенно поѣздея г. министра финансовъ въ западную Европу и Россію представляетъ тройную пользу: Европа ознакомляется съ прочностью нашихъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій; Россія заявляетъ г. министру свои нужды по желѣзно-дорожному дѣлу и благодаритъ г. министра за его развитіе; г. министръ, постоянно служившій въ Петербургѣ, знакомится и съ другими мѣстностями Россіи.

На обѣдѣ въ Харьковѣ, 18 сентября, «сказана была привѣтственная рѣчь Михаилу Христофоровичу Рейтерну, съ выраженіемъ ему благодарности за оказанные имъ Россіи и южному краю услуги, быстрымъ сооружеиіемъ желѣзныхъ дорогъ. Въ отвѣтной своей рѣчи, министръ финансовъ, между прочимъ, сказалъ, что «народъ создаетъ финансовую силу государства». Главную финансовую цифру у насъ представляетъ акцизъ съ хлѣбнаго вина, а потому нельзя не признать, что народъ дѣйствительно весьма помогаетъ финансамъ.

Г. министръ финансовъ весьма старается о созданіи желѣзныхъ дорогъ; благодарность, выраженная ему Россіею и южнымъ краемъ, совершенно справедлива. Давно уже носится слухъ, что завѣдываніе желѣзными дорогами будетъ передано изъ министерства путей сообщенія въ министерство финансовъ. Управленіе судоходствомъ по рѣкамъ, говорятъ, перейдетъ въ морское министерство; точно такъ, какъ строительная часть въ губерніяхъ перешла въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ, такъ какъ въ виду громаднaго развитія желѣзныхъ дорогъ министерствомъ финансовъ, каналовъ и шоссе болѣе строиться не будетъ, то за министерствомъ путей сообщенія останется: 1) управленіе институтомъ инженеровъ путей сообщенія; и 2) окончаніе переименованія тѣхъ инженеровъ изъ военныхъ чиновъ въ соотвѣтствующіе гражданскіе чины.

Поэтому, по справедливости, и для облегченія тѣхъ вѣдомствъ, которыя облегчатъ министерству путей сообщенія исполненіе прямого его назначенія, слѣдовало бы передать министерству путей сообщенія: 1) завѣдываніе внѣшнею торговлею, — такъ какъ внѣшняя торговля представляетъ главный путь сообщенія нашего съ Европою; — и та-

можными—ибо офицеры и солдаты этой части носятъ зеленые канты и выпушки, также какъ чины путей сообщенія; и 2) завѣдываніе бракоразводными дѣлами морского министерства (см. ниже дѣло супруговъ Вагнеръ), такъ какъ министерство путей сообщенія предусматриваетъ приближеніе льда, выступленіе изъ береговъ рѣкъ, столь же бурныхъ и непостоянныхъ, какъ страсти, и сообразно сему разводитъ мосты заблаговременно.

Да, желѣзныя дороги въ южномъ краю строились и скоро, и дешево, и хорошо. Особенно постройка одной изъ нихъ отличалась всѣми этими качествами, да еще нѣкоторымъ оттѣнкомъ романичности.

Постройка одесско-балтской дороги, какъ извѣстно, прославилась дешевизною; дешевизна эта прославила барона Унгерн - Штернберга; слава барона Унгерн-Штернберга отнеслась къ министерству финансовъ. Чиновники министерства финансовъ говорили вслухъ: «Мы сами можемъ строить желѣзныя дороги; у насъ есть люди, которые строятъ ихъ лучше чѣмъ кто либо; что они строятъ дороги хорошо, это призналъ самъ главноуправляющій путями сообщенія; что они строятъ ихъ дешево—это очевидно изъ счетовъ». Слова эти въ нѣкоторомъ родѣ историческія.

Что министерство финансовъ должно быть главнымъ двигателемъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, это очевидно уже изъ самаго характера его гарантіи. Въ самомъ дѣлѣ, техническое вѣдомство могло бы гарантировать только прочность желѣзныхъ дорогъ; а министерство финансовъ гарантируетъ ихъ доходность, что гораздо важнѣе.

Но возвратимся къ барону Унгерн-Штернбергу. Знаменитая дешевизна его постройки, сравнительно съ иными, зависѣла въ нѣкоторой степени отъ того, что сравненіе было въ родѣ слѣдующаго: отъ мастера А. получена пара сапогъ за 7 рублей; а отъ мастера Б. пара сапогъ за 4 рубля. Значитъ, мастеръ Б. строить сапоги дешевле. Но позвольте, возражаетъ пессимистъ: вѣдь мастеръ Б. сдѣлалъ только головки. — Такъ чтоже? спрашиваетъ оптимистъ; неужели же голенища вы считаете въ 3 рубля? Много если они стоятъ рубль; прикиньте этотъ рубль, и выйдетъ, что мастеръ Б. строить полную пару сапогъ за 5 рублей, стало быть все-таки дешевле мастера А. двумя рублями.

Но попробуйте заказать мастеру Б. полную пару сапогъ и увидите, что онъ возьметъ съ васъ тоже 7 рублей. Этой мистеріи сапожнаго дѣла мы никогда не могли понять, пока не построилась одесско-балтская дорога.

Но если удивительная дешевизна, прославившая эту дорогу, а съ нею и барона Унгерн-Штернберга, въ послѣдствіи подверглась въ мнѣніи иныхъ спеціалистовъ нѣкоторому сомнѣнію, то никакому сомнѣ-

нію не подлежить оригинальная романичность ея постройки. На обѣдѣ, по поводу открытія 2-го участка балтско-елисаветградской дороги, самъ бар. Унгерн-Штернбергъ съ несомнѣннымъ бельетристическимъ талантомъ описалъ характеристическія черты строительства одесско-балтской дороги. Для работъ, къ нему командировано было 900 штрафованныхъ солдатъ. «Нравственная порча до такой степени ясно отражалась на ихъ лицахъ», говорилъ баронъ, «что я вынужденъ былъ заказать имъ фуражки съ длинными козырьками». Благо-разумная распорядительность; ибо ничто такъ не заразительно, какъ именно нравственная порча; безъ козырьковъ, она могла сообщиться механикамъ. Одесско-балтская дорога, объяснившая намъ уже мистерию въ сапогахъ, показала намъ теперь, что въ козырькахъ тоже есть мистерія. Вотъ это-то и были именно тѣ тайны, на которыя другъ Гораціо получилъ знаменитый намекъ.

Но это не все. Козырьки, правда, предотвратили дальнѣйшее распространѣніе нравственной порчи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, они, такъ сказать, сконцентрировали ее тамъ, гдѣ она уже была. Подъ козырьками штрафованнымъ солдатамъ удобно было составлять заговоры; подъ прикрытіемъ козырьковъ, они тащили «невъразимые» въ кабаки и пропивали тамъ эту принадлежность; они находили, что южную дорогу можно строить и «безъ штановъ».

Но не таково было мнѣніе барона Унгерн-Штернберга. Онъ взялся построить дорогу въ лучшемъ видѣ, а тутъ вдругъ строить ее безъ..... Но сдѣлать рабочимъ новые панталоны значило бы отвлечь средства, необходимыя для прочности самой дороги, и во всякомъ случаѣ уменьшило бы ея дешевизну. Баронъ Унгерн-Штернбергъ буквально говоритъ: «Этакъ мы бы немного и выстроили дорогъ». «По этому, какъ говоритъ баронъ, (опять цитируемъ буквально) пришлось взять имъ штаны на прокатъ. Послѣ окончанія церемоніи, я не успѣлъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ услышалъ голосъ унтеръ-офицера, командовавшаго «штаны долой»! «Вотъ какъ мы начали дѣло».

И такъ, одесско-балтская дорога всетаки строилась «безъ штановъ», но въ этомъ былъ виноватъ унтеръ-офицеръ.

Баронъ Унгерн-Штернбергъ въ концѣ своей рѣчи увѣрилъ, что все это исправилось впослѣдствіи. Онъ ссылаясь на опрятную одежду и *веселыя* лица *пяти тысячъ* штрафованныхъ солдатъ, которые у него находятся нынѣ. Очевидна цѣль показать, что стало быть и сами штрафованные солдаты довольны тѣмъ, что на нихъ возложили эту работу. Къ несчастью, изъ Елисаветграда было извѣстіе, что тамъ 19 августа разстрѣляны одинъ изъ этихъ солдатъ; онъ «встрѣтилъ смерть до-

вольно покойно, почти равнодушно, объявляя, что предпочитаетъ ее тяжелымъ работамъ на желѣзной дорогѣ».

Итакъ, однимъ изъ элементовъ дешевизны постройки, которую хвалилось министерство финансовъ, былъ *штрафной трудъ*.

Но, какъ говорятъ иногда въ подобныхъ случаяхъ, обратимся къ «болѣе веселымъ» фактамъ. Направимъ наши наблюденія въ другую сторону.

Необходимость отдѣленія свѣтскаго отъ духовнаго—одно изъ убѣжденій, которыми гордится новое время. Нельзя не замѣтить, что новое время не очень церемонно насчетъ литературной собственности своихъ предшественниковъ. Но въ этомъ случаѣ, оно право. Необходимость отдѣленія духовнаго отъ свѣтскаго—принципъ новый, и сознаніе его дѣлаетъ честь нашему вѣку.

Но что слѣдуетъ разумѣть подѣ понятіемъ «духовнаго»? Неужели только то, что относится къ вѣрѣ? Не слѣдуетъ-ли причислить къ той же рубрикѣ все, что относится къ мышленію и къ такъ называемому внутреннему чувству? Ясно, что слѣдуетъ. Если законъ не долженъ и не можетъ обязывать человека къ такой-то вѣрѣ, то столь же мало онъ долженъ и можетъ кого-либо обязывать къ опредѣленному убѣжденію. Теоократія противна духу времени, софократія противна здравому смыслу.

Правда, гегелевская философія считалась одно время въ Пруссіи какъ бы государственною; ей былъ присвоенъ мундиръ за то, что по ней выходило будто Богъ живетъ въ Берлинѣ. Но результаты дальнѣйшаго развитія гегелизма показали, какъ мало официальность можетъ сдерживать философію въ запряжкѣ штатсъ-колымаги.

Гриффонъ мысли возгнушался казеннымъ овсомъ, хотѣ онъ былъ золоченный, цензурою, хотѣ она была отеческою, и отлетѣлъ съ шумомъ, сбивъ крыльями парики съ нѣсколькихъ тайныхъ и дѣйствительно-тайныхъ мозговъ.

Ну-съ, а поэзія? Можетъ-ли быть, должна-ли быть государственная поэзія, поэзія, установленная закономъ и по закону обязательная? царство ея не отъ міра сего. Правда, и несчастнаго пегаса пробовали запрягать въ гоф-вагонъ; философія шла въ корню, поэзія на пристяжкѣ. Но это удалось только благодаря временной храмотѣ пегаса. Съ тѣхъ поръ какъ онъ вырвался, его ловили на арканъ, но не поймали.

Ясно, что законъ не можетъ обязывать ни вѣрить тому-то, ни думать такъ - то, ни мечтать о томъ - то, потому что все это неуловимо для закона.

Ну, а любить такого-то? О вупидонъ, капризникѣйшій изъ небожи-

телей, тебя ли можно поставить во фронтъ учебнаго стрѣлковаго баталіона? Ты одинъ никогда никому не подчинялся, и надъ всѣмъ господствовалъ, во все смѣло и произвольно металъ стрѣлы, не признавая властей, и даже подшучивалъ надъ ними.

Странно было бы, конечно, признать купидона духовною особою. Но что власть любви есть власть духовная, свѣтской власти не подсудная, закономъ неустановимая, это не подлежитъ сомнѣнію.

Между тѣмъ, мы навѣки скрѣпляемъ торжественное обѣщаніе двухъ голубковъ вѣчно любить другъ друга. Въ тотъ моментъ, когда они запечатлѣваютъ эту клятву поцѣлуемъ неземнаго блаженства, мы при-вѣшиваемъ къ ихъ сердцамъ печать.

Бываетъ, конечно, что они впоследствии поругаются, даже подерутся. Пусть ругаются, пусть дерутся, но печати ломать не слѣдуетъ. На такія мысли навело насъ нижеслѣдующее.

Недавно въ сенатѣ разбиралось дѣло супруговъ Вагнеръ, которые какъ виднѣ изъ рѣчей адвокатовъ, давно перестали любить другъ друга, а между тѣмъ, у одной изъ сторонъ, слабѣйшей, родился ребенокъ; другая же, сильнѣйшая сторона, не отрицая результатовъ прежней законно-зарегистрованной любви, т. е. старшихъ дѣтей, слагаетъ однако съ себя обязанность содержать ихъ. Логику защиты полковника Вагнера можно изложить такъ: онъ утверждаетъ, что у жены его есть незаконнорожденный ребенокъ, и стало быть давать ей средства на содержаніе его законныхъ дѣтей онъ не долженъ; что выдавать ей денегъ изъ своего жалованья онъ не обязанъ, такъ какъ она не хочетъ жить съ нимъ, а жить съ нею онъ едва-ли согласится, такъ какъ она «довольно дерзкаго характера»; наконецъ, что взысканіе съ него денегъ въ пользу жены было бы несправедливо, такъ какъ она въ прошеніи назвала его отставнымъ капитаномъ, между тѣмъ, какъ онъ—подполковникъ.

Защита же жены подполковника Вагнера о незаконнорожденномъ ребенкѣ не упоминала, потому что это—деталь, да и ребенокъ-то маленький. За то, объясняя, что мужъ, получая самъ достаточное содержаніе, ее съ дѣтьми оставлялъ безъ средствъ къ жизни, втеченіи восьми лѣтъ, она требовала, чтобы судъ взыскалъ съ мужа по 40 рублей въ мѣсяцъ за всѣ эти года, дабы дать ей возможность прокормиться за эти истекшіе года. Сверхъ того обязать его давать деньги на содержаніе отнынѣ и впредь.

Судъ находилъ справедливымъ, обязать Вагнера давать женѣ сред-

ства къ жизни впредь, но не взыскивать съ него того, что онъ не уплатилъ за минувшее время.

Трудно было постановить приговоръ болѣе справедливый. Между тѣмъ, не слѣдуетъ ли изъ него практическое указаніе, что для мужей, не желающихъ ни жить съ женами, ни содержать ихъ, явный расчетъ уклоняться отъ платежа обѣщанныхъ при разлученіи денегъ; деньги за все время, которое займетъ процессъ въ трехъ инстанціяхъ—остаются въ барышъ для неплатящаго мужа.

При этомъ изъ доклада узнаемъ, что дѣла по супружескому несогласію г-жи и г-на Вагнеръ производились: 1) въ духовной консисторіи, 2) въ канцеляріи военного генералъ-губернатора, 3) въ третьемъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, 4) въ управѣ благочинія, и 5) въ морскомъ министерствѣ; кромѣ инстанцій суда.

Вотъ сколькимъ вѣдомствамъ подлежитъ купидонъ.

Amor, che u nullo amato amor perdona....

Интересно бы въ особенности взглянуть на дѣло о супружескихъ отношеніяхъ по морскому министерству.

Хотя Венера изображается иногда выходящею изъ морского вѣдомства или, по крайней мѣрѣ, изъ морской пѣны, это намъ извѣстно, но мы не знали, что купидонъ иногда погружается въ морское вѣдомство.

Простому народу неизвѣстны всѣ эти инстанціи, потому въ немъ супружескія дѣла разбираются гораздо болѣе первобытными способами. Новгородецъ Иванъ Петровъ, когда жена затруднилась отдавать ему его вещи, при ликвидаціи ихъ супружескихъ отношеній, хватилъ жену полѣномъ по головѣ, и хотя подвергся суду, перенесъ уже одно оправданіе и поставленъ во второй разъ подъ обвиненіе, стало быть медленности судейскаго разбирательства не избѣжалъ, — но разводъ получилъ въ одно мгновеніе. Вещи свои онъ тоже получилъ.

У Выборгской заставы, на парголовской дорогѣ, рядомъ съ церковью и богадельнею, которая напоминаютъ о дуэли Новосильцева и Чернова, находится дача Змѣева. На этой «дачѣ», много дачныхъ домиковъ. Посреди прудъ; надъ прудомъ мостикъ. Тутъ же отдаются внаймы верховыя лошади. Кажется, чего бы не доставало для благополучія жизни дачниковъ, особенно же дачниковъ осчастливленныхъ супружествомъ. Богатство природы, близость священника и повивальной бабки (тутъ же за угломъ) — все приглашаетъ къ безмятежной любви....

Amor che al cor gentil ratto s'apprende.

Но передъ нами картина совсѣмъ иного рода. На крыльцѣ одного дома сидитъ полуживой, въ халатѣ и грязной рубашкѣ, старикъ, разбитый параличемъ. Ему не даютъ ѣсть; его бьютъ жена съ сыномъ.

На такой результатъ любви, изъ за-угла является конечно не поживальная бабка, а околоточный надзиратель.

Изъ письма, напечатаннаго г. Ивановскимъ, бібліотекаремъ Публичной бібліотеки, оказывается, что жертва этого семейнаго несчастія—извѣстный археологъ и профессоръ Снегиревъ, который по попеченію г. Иванова былъ пристроенъ въ больницу, такъ какъ пенсіонъ былъ отъ него отобранъ эксплуататорами, и старикъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни. Больница почему-то отослала его къ женѣ, и жена не давала ему ѣсть, относя его самого къ предметамъ археологіи и въ добавокъ стала его бить (по показанію самого г. Снегирева).

Какимъ образомъ, любовь, которая измѣняется отъ безпредѣльнаго самопожертвованія до убійственной страсти, которая не признаетъ никакихъ законовъ, которая временна какъ вихрь, мы кладемъ въ основу всего проѣаго, созидаемъ на ней фундаментъ?

Не любовь, а бракъ—фундаментъ, возражать мнѣ. Но бракъ основывается на клятвѣ вѣчной любви. Да и что же бракъ безъ любви? Гражданское отношеніе. Хорошо-съ. Но развѣ есть во всемъ законодательствѣ еще хоть одинъ примѣръ взаимнаго закрѣпощенія личностей, хотя бы по обоюдному согласію? Допускается ли безсрочное и безвозвратное отреченіе одной личности отъ своихъ правъ въ пользу другой? Допускаются ли вѣчныя, подлежащія уничтоженію довѣренности? Нѣтъ, потому что нельзя быть увѣреннымъ, что получившій какую-либо довѣренность, всегда будетъ оправдывать оказанное ему довѣріе, — кромѣ торговцевъ китайскими чаями, которые постоянно оправдываютъ довѣріе публики. Но рѣшить этотъ вопросъ намъ не по силамъ, да и вообще не наше дѣло рѣшать вопросы: мы только наблюдаемъ.

— о —

НЕКРОЛОГЪ.

Егоръ Петровичъ Ковалевскій.

Въ ночь съ 20-го на 21-е сентября мы понесли одну изъ самыхъ чувствительныхъ утратъ съ кончиною Е. П. Ковалевскаго. Его смертью заключилась жизнь человѣка, снискавшаго своими трудами, образованностью, въ высшей степени благороднымъ характеромъ, безграничное уваженіе и, можно сказать, преданность всѣхъ, кто имѣлъ случай знать его лично или просто встрѣтиться съ нимъ. Когда умираютъ подобныя личности, намъ, пережившимъ, кажется, что съ ея смертью какъ-будто уменьшилось наше собственное существованіе, и чувствуешь, что въ жизни остался какой-то пробѣлъ, который едва ли скоро можетъ быть чѣмъ-нибудь замѣщенъ. Въ наше время, такая «незлюбивая» натура, какою являлся всегда покойный, была настоящимъ феноменомъ; люди самыхъ разнообразныхъ мнѣній и взглядовъ находили его кабинетъ самымъ уютнымъ мѣстомъ для интимной бесѣды; не было человѣка, который не оставлялъ бы дразгъ и мелочей обиденной жизни за порогомъ этого кабинета. Таково было магическое вліяніе всѣми чтимаго хозяина, и никто не тяготился этимъ вліяніемъ, какъ не тяготятся вліяніемъ свѣта и теплоты.

Литературная и общественная дѣятельность Е. П. Ковалевскаго слишкомъ обширна и разнообразна, чтобы мы могли дать о ней хотя слабое понятіе въ настоящихъ строчкахъ, которыми мы желаемъ въ эту минуту отдать должное его доброй памяти. Подобныя личности рѣдки во всѣ времена, а потому уваженіе къ нимъ и ближайшее ознакомленіе съ ихъ дѣятельностью можно вѣнчать въ долгъ обществу. Мы постараемся собрать всѣ необходимые матеріалы и свѣдѣнія отъ лицъ, знавшихъ близко покойнаго и раздѣлявшаго съ нимъ труды, чтобы современемъ представить болѣе обстоятельную его біографію. Рѣдко кто такъ соединялъ съ литературнымъ талантомъ, жизненною опытностью и начитанностью, обширную практическую дѣятельность на общественномъ и государственномъ поприщѣ, какъ именно Е. П. Ковалевскій. Его имя особенно распространено на Востокѣ и пользуется большою популярностью въ земляхъ славянскихъ. Смерть застала его надъ обширнымъ трудомъ, отрывокъ изъ котораго извѣ-

стенъ нашимъ читателямъ. Въ мартовской книгѣ нынѣшняго года была помѣщена его статья: «Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ», съ замѣчаніемъ автора: «Изъ неизданной книги, т. II, гл. 2». Эта «неизданная книга» — «Исторія Россіи въ XIX-мъ столѣтіи», и, какъ видно изъ помѣтки автора, два первые тома были уже обдѣланы, и работа приближалась къ концу 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. По напечатанному отрывку можно судить о цѣломъ и понять, что утратила отечественная исторія со смертью Е. П. Ковалевскаго.

Вотъ его curriculum vitae: онъ родился въ 1811 году, въ Харьковской губерніи, и, кончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ, въ 1829 г. поступилъ на службу по вѣдомству горныхъ и соляныхъ дѣлъ, и немедленно вслѣдъ затѣмъ отправился на сибирскіе заводы Колывано-Воскресенскіе, а въ 1835 г. перешелъ на Уральскіе заводы. Въ 1856 г., его перевели въ корпусъ горныхъ инженеровъ, и вскорѣ затѣмъ назначили чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Уральскихъ заводовъ. Командировка для сопровожденія каравана съ золотомъ привела Е. П. Ковалевскаго въ Петербургъ; это было во второй половинѣ 1837 г., и съ того времени начинается въ его жизни новая дѣятельность, дипломатическая, которая могла весьма удобно соединяться съ прежнею его специальностью горнаго инженера, такъ какъ вездѣ могли находиться или горные промыслы или заводы. Дѣйствительно, въ декабрѣ 1837 г., по высочайшему повелѣнію его командировали за границу «для исполненія, между прочимъ, возложеннаго на него министромъ иностранныхъ дѣлъ порученія». На возвратномъ пути, его уволили снова въ Италію, съ порученіемъ осмотрѣть мюнхенскую королевскую литейню. Въ февралѣ 1839 г. онъ вернулся въ Петербургъ, но уже въ мартѣ, опять по высочайшему повелѣнію, его командировали въ Бухарію, «для исполненія, между прочимъ, особо возложеннаго на него министромъ иностранныхъ дѣлъ порученія». Только въ августѣ 1840 года онъ возвратился изъ Бухаріи въ Петербургъ; во время этой миссіи Е. П. Ковалевскій испыталъ всѣ лишенія и опасности въ Акбулакскомъ укрѣпленіи, наравнѣ съ гарнизономъ. Три года странствованія навели его на мысль составить интересный трудъ, и въ 1843 г. вышло его сочиненіе: «Странствователь по сушѣ и морямъ»; но, послѣ небольшого перерыва, ему пришлось опять самому обратиться въ странствователя. Въ 1847 году; вслѣдствіе доклада министра финансовъ, Е. П. Ковалевскаго командировали въ Египетъ, для установки и разработки открытых тамъ золотоносныхъ россыпей, а въ началѣ 1853 г. его послали въ Черногорію съ особымъ порученіемъ. Едва успѣлъ онъ возвратиться въ іюнѣ, какъ въ ноябрѣ того же года его командировали, по высочайшему повелѣнію, за границу. Его послѣднія путешествія предшествовали восточной войнѣ, и уже на обратномъ пути, Е. П. Ковалевскій остался при

дунайской арміи, а впослѣдствіи при главной квартирѣ, на сѣверной сторонѣ Севастополя, до самаго перехода нашихъ войскъ на Инкерманскія высоты, въ октябрѣ 1855 года. Въ самомъ началѣ нынѣшняго царствованія, въ 1856 г., Е. П. Ковалевскій занялъ должность директора азіятскаго департамента, а съ 1861 г. назначенъ присутствовать въ 1-мъ отдѣленіи 3-го департамента правительствующаго сената, съ оставленіемъ членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ.

Какъ ни голословенъ этотъ внѣшній перечень, но изъ него видно, что Е. П. Ковалевскій находился въ постоянномъ прикосновеніи съ жизнью; о немъ можно сказать больше: онъ занималъ мѣсто въ самой исторіи нашей страны. И за всѣмъ тѣмъ у него всегда было время для ученыхъ работъ, для дружескихъ отношеній, въ литературномъ кружкѣ, котораго онъ былъ главнымъ центромъ. Нигдѣ такъ не выяснился вполне привлекательный характеръ его и вся душа, какъ въ дѣятельности по Обществу литературнаго фонда, которое избирало его нѣсколько разъ своимъ предсѣдателемъ. Общество потеряло съ его смертію трудно замѣнимаго дѣятеля, и остается только желать, чтобы дорогая память о немъ послужила тою связующею силой, какую представляла личность покойнаго при его жизни, слишкомъ кратковременной и для той пользы, которую онъ приносилъ, и для той любви и дружбы, съ которою мы его сегодня провожаемъ въ могилу, сохраняя о немъ дорогую намъ память.

м. с.

23 сентабря 1868 г.

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АВГУСТЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

«Военно-статистическій сборникъ» на 1868 г.

Выпускъ II. 349 стр.

Первый выпускъ «Военно-статистическаго Сборника», выходящаго подъ общемою редакціею г. Обручева, былъ встрѣченъ печатью съ сочувствіемъ и одобреніемъ. Появленіе такихъ изданій, какъ «Статистическій Временникъ» и «Военно-статистическій Сборникъ», свидѣтельствуетъ, что въ мірѣ officialномъ упрочивается убѣжденіе, съ одной стороны въ необходимости для самихъ администраторовъ многого, кромѣ одной доброй воли и усердія, а съ другой—въ солидарности успѣховъ самой администраціи съ распространеніемъ реальныхъ свѣдѣній въ обществѣ. Собрать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя помѣщены въ «Временникѣ» статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, было бы невозможно для частнаго лица, и нельзя не радоваться произшедшему въ министерство убѣжденію, что эти свѣдѣнія необходимы «какъ для государственныхъ людей и администраторовъ, такъ и для массы образованной публики».

Матеріаль, обработанный въ военно-статистическомъ изданіи, по свойству своему, уже болѣе доступенъ для частныхъ изслѣдователей. Но у кого же можетъ быть такое богатство источниковъ и пособій по части этнографіи, какое находится въ библіотекѣ нашего генеральнаго штаба?

Въ исчисленіи матеріаловъ, послужившихъ для настоящаго выпуска «Сборника», относительно, напр., Турціи, мы находимъ «рукописные матеріалы», которые, по всей вѣроятности, имѣютъ происхожденіе officialное. Воспользоваться ими могло, конечно, только лицо, принадлежащее къ военной администраціи. Но это не все. Библіотека нашего генеральнаго штаба вообще богата книгами по части этнографіи Турціи; нѣкоторыя изъ нихъ, напр. *Ami Boué*, *Surgfen Robert*, донесенія англійскихъ консуловъ, и, разумѣется, изданія на турецкомъ языкѣ—недостанешь въ Петербургѣ нигдѣ, кромѣ библіотеки генеральнаго штаба, публичной библіотеки и коллекцій нѣкоторыхъ специалистовъ. Публичная библіотека доступна

всѣмъ, но кому неизвѣстенъ огромный недостатокъ нашего почтеннаго книгохранилища: отсутствіе изданій новыхъ? Этотъ недостатокъ дѣлаетъ изъ нашей *alma mater* письменности скудную мачиху для занимающихся этюдами надъ чѣмъ бы то ни было живымъ, современнымъ.

Составители «Военно-статистическаго Сборника» воспользовались самыми новыми сочиненіями, относящимися къ Турціи, какъ, напр., книгой Миллингена, которая вышла только въ нынѣшнемъ году. Они собрали всѣ постановленія, относящіеся къ турецкимъ реформамъ, до мая мѣсяца текущаго года. Вотъ ужъ этого бы имъ никогда не сдѣлать при помощи одной нашей публичной бібліотеки.

Мы указали на матерьялы, послужившіе для составленія статьи «Сборника» о турецкой имперіи потому именно, что эта статья — самая важная и самая цѣнная часть настоящаго выпуска. Она составляетъ большую половину его и, по необработанности своего предмета въ нашей литературѣ, а также и по специальной важности его для Россіи, представляетъ трудъ чрезвычайно полезный. Статья эта составлена съ большою полнотою и представляетъ такую картину турецкой имперіи, которая, по новизнѣ и богатству свѣдѣній, займетъ первое мѣсто не только въ нашей, но и вообще въ этнографической литературѣ, на нѣкоторое время.

За краткимъ хронологическимъ обзоромъ прошлаго турецкой имперіи, слѣдуетъ описаніе ея состава, причемъ относительно земель вассальныхъ приведены и самыя новѣйшія измѣненія въ ихъ зависимости, затѣмъ идетъ этнографія собственной Турціи. Извѣстно, какъ затруднителенъ тутъ выборъ цифръ населенія; у разныхъ писателей, онѣ разнятся на милліоны. Составитель остановился на цифрахъ официального счисленія 1844—1845 годовъ, согласныхъ съ общими цифрами Убичини, но приводить *en regard* и цифры Ами Буз, Редена, Лежана и Фикера, отрицающія достоверность цифръ приготовленнаго для всемірной выставки статистическаго труда Салагоддинъ-бея. Общая цифра населенія собственной Турціи, по даннымъ 1844—45 г., болѣе или менѣе подправленнымъ, составляетъ 16 милліон. 50 тысячъ.

Далѣе, мы находимъ новое административное дѣленіе Турціи (по вилайетамъ, санджакамъ и

казамъ), съ таблицами населенія каждой мѣстности, по народностямъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ цифру 11,325 русскихъ въ дунайскомъ вилайетѣ. Специальныя цифры населеній проверены по донесеніямъ консуловъ и другимъ изслѣдованіямъ.

Устройство турецкаго государства и общества составляетъ самую любопытную часть статьи. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ, разумѣется, — коранъ. Изъ него приведено нѣсколько выписокъ, свидѣтельствующихъ какъ о нѣкоторой возможности терпимости по отношенію къ христіанамъ, такъ вмѣстѣ и о противорѣчіи такой терпимости главнымъ предписаніямъ корана. Намъ кажется, однако, что въ коранѣ можно найти нѣсколько болѣе положительныхъ изрѣченій въ пользу религіозной терпимости, чѣмъ тѣ, какія приведены въ статьѣ. Но несомнѣнно, что поученія его въ смыслѣ противоположномъ и многочисленны, и энергичны. «Изъ того, что коранъ составляетъ основу мусульманскаго общества — говоритъ составитель — вытекаютъ сами собой два главныхъ послѣдствія: 1) власть политическая въ Турціи должна сливаться съ властью религіозною, и 2) общество невѣрныхъ должно стоять особнякомъ и занимать униженное положеніе относительно общества правовѣрныхъ». Мысль эта не нова и вмѣстѣ неоспорима. Но, спрашивается, не преувеличиваемъ ли мы, европейцы, у которыхъ гоненіе на невѣрныхъ также основывалось нѣкогда на писаніи, безусловной неотмѣнимости и силы корана надъ правительственными сферами Турціи? Едва ли главное препятствіе дѣйствительному примѣненію реформъ составляетъ именно буква корана, а не сущность правленія и смыслъ того положенія, которое создано господствомъ мусульманскаго меньшинства въ Европѣ надъ христіанскимъ большинствомъ.

Интересно описаніе устройства улемы (духовной власти) съ ея вѣтвями: религіозною и юридическою. Улема присвоила себѣ право скрѣпы всѣхъ правительственныхъ постановленій (эта скрѣпа или санкція называется *фетва*); а изъ этого права истекаетъ и право представленій, даже протеста. Но такое право улемы присвоили себѣ сами, въ половинѣ XVII-го вѣка, и коранъ тутъ ни при чемъ. Прежде, этого права не было, стало быть оно могло бы быть и отмѣнено или передано имъ

нѣшнему верховному совѣту, въ которомъ всегда засѣдаетъ шейх-уль-исламъ. Вопросъ въ томъ, захочетъ ли сама султанская власть это сдѣлать? значить, вопросъ сводится къ общему вопросу о несклонности власти къ дѣйствительному самоограниченію. Оппозиція улемовъ никогда не помѣшаетъ султану, напимѣръ, перестроить еще разъ дворцы, какъ онъ это сдѣлалъ по возвращеніи изъ своей поѣздки на всемірную выставку. А верховный совѣтъ, если бы «фетва» принадлежала ему, пожалуй могъ бы это сдѣлать. Вотъ, какъ намъ кажется, причина застоя болѣе реальная, чѣмъ противорѣчивые тексты корана. Вѣдь вотъ коранъ, между прочимъ, прямо предписываетъ христіанамъ платить поголовную дань, а между тѣмъ эта дань отмѣнена же.

Составитель статьи о Турціи сдѣлалъ очень хорошо, включивъ въ нее текстъ гатти-шерифа гюльянскаго и гатти-гумаюна. Вотъ что онъ говоритъ относительно исполненія этихъ реформъ: «По сознанію самого же турецкаго правительства, выраженному въ меморандумѣ Фуадъ-паши 15-го мая 1867 года, можно убѣдиться, что Порта оставалась за все это время только при добрыхъ *намыреніяхъ*, но не осуществила ихъ на практикѣ. Весь меморандумъ составленъ въ слѣдующемъ духѣ. Порта не могла освободить населенія отъ поборовъ духовенства, обезпечивъ его опредѣленнымъ содержаніемъ, ибо христіанское духовенство выразило яко бы отвращеніе отъ полученія платы изъ мусульманской казны. Она не могла оградить болгаръ отъ притѣсненій греческаго духовенства, ибо не рѣшилась нарушить фирмана константинопольскаго-патріарха, по коему ему предоставлено право назначать духовныхъ лицъ болгарамъ. Она не могла распространить на христіанъ военную повинность, ибо они питаютъ нерасположеніе къ военному ремеслу; тѣмъ не менѣе, средства къ допущенію христіанъ въ армію *тщательно изыскиваются*. Она не могла не ограничить пріемъ христіанъ въ военную школу, такъ какъ, пока армія состоитъ только изъ мусульманъ, подобный пріемъ требуетъ осторожности. Она не могла отказатьсь отъ откупной системы взиманія налоговъ, такъ какъ опытъ прямого сбора десятины совершенно не удался. Она не можетъ отвѣчать за исполненіе новыхъ законовъ въ судахъ, такъ какъ судьи получили свое юри-

дическое образованіе по старымъ кодексамъ; переводъ же законовъ на всѣ языки имперіи если еще не сдѣланъ, то будетъ сдѣланъ. Она не могла устроить публичныхъ тюремъ и мѣстъ заключенія и достаточно улучшить пути, такъ какъ у нея нѣтъ на это денегъ», и т. д.

И Фуадъ-паша былъ совершенно правъ; даже если бы меморандумъ его былъ составленъ въ тѣхъ самыхъ словахъ, какія употребилъ авторъ, то меморандумъ заключалъ бы въ себѣ истину. Но эта истина есть виѣсть приговоръ надъ самымъ существованіемъ оттоманской имперіи. Вообще едва ли справедливо приписывать неисполненіе танзимата одному нерасположенію Порты; многія изъ обѣщанныхъ реформъ Порты не имѣла никакого интереса не исполнять, напимѣръ, хотя бы предоставленія болгарамъ права на національную самостоятельность въ дѣлѣ вѣры, что требовалось бы общими постановленіями гатти-гумаюна. Но въ томъ-то и дѣло, что все зданіе имперіи основано на деспотизмѣ власти и на подчиненіи большинства меньшинству при помощи розни и раздоровъ отдѣльныхъ національностей.

Мы находимъ въ сборникѣ всѣ новѣйшія реформы: новое учрежденіе о государственномъ совѣтѣ, устройство вилайетовъ, новые законы о частномъ землевладѣніи, о вакуфахъ и о правѣ иностранцевъ приобрѣтать недвижимыя имѣнія. Обзорѣніе производительности и въ особенности торговли очень полно. Но еще полнѣе описаніе дорогъ всякаго рода. Это естественно въ сборникѣ, который сверхъ общаго, научнаго значенія, имѣетъ еще спеціальное назначеніе военной справочной книги. Здѣсь есть даже полный почтовый календарь, указывающій разстоянія (въ часахъ) по европейскимъ и азіатскимъ трактамъ турецкой имперіи.

«По показанію англійскаго посольства, Турція получаетъ до 88 м. руб. дохода, изъ котораго 33 милл. идутъ на уплату по займамъ (!); 34 милл., собираемые въ провинціяхъ, тамъ же и расходуются на мѣстную администрацію и частныя нужды провинцій; затѣмъ, на всѣ общія государственныя надобности остается лишь 21 мил. р., которые большею частью, поступаютъ неисправно, такъ какъ всѣ *отрныя* источники доходовъ заложены и имѣютъ спеціальное назначеніе.» Цифры, какъ видите, совершенно оригинальны, свидѣтельствующія съ

одной стороны о сильной децентрализации, а съ другой объ азиатскомъ безпорядкѣ государственнаго хозяйства.

Само собою разумѣется, что обзорѣнію устройства и состава турецкой арміи въ сборникѣ дано особенное развитіе. Общая численность турецкой арміи, по штатамъ военнаго времени полагается около 300 тысячъ челов., въ мирное же время, наличная армія рѣдко бывающа сильнѣе 100—120 тысячъ челов. «Но нынѣ — говоритъ составитель — находясь въ полувоенномъ положеніи, Турція вынуждена была усилить свою армію почти до 200 т. ч.» Подробное исчисленіе состава всѣхъ частей турецкихъ войскъ сдѣлано по свѣдѣніямъ къ 1 января текущаго года.

Вассальныя княжества описаны по тому же плану, съ таблицами населенія, производительности, финансовъ, военныхъ силъ, народной нравственности и т. д.

Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ сборника, а вмѣстѣ для предоставленія читателямъ справочныхъ свѣдѣній, полезныхъ при оцѣнкѣ нынѣшнихъ событій въ Испаніи, мы выпишемъ изъ сборника нѣсколько свѣдѣній относящихся къ этой странѣ.

Лишенная нынѣ престола королева Марія Изабелла II имѣетъ отъ роду 38 лѣтъ, царствовала съ 1833 года. Наслѣднику, принцу астурийскому, 11 лѣтъ. Домъ Бурбоновъ царствовалъ въ Испаніи 168 лѣтъ. Въ 1812 году дана была весьма либеральная конституція, въ 1814 году она отмѣнена, въ 1820 г. опять восстановлена и въ 1823 году опять отмѣнена. Въ 1837 году дана новая конституція, но и она дважды подвергалась измѣненіямъ, именно въ 1845 и 1857 годахъ (оба раза въ смыслѣ реакціонерномъ). До какой степени тревожна была политическая жизнь Испаніи за это время, усматривается изъ слѣдующихъ фактовъ: съ 1834 по 1858 годъ, т. е. втеченіе 24 лѣтъ, произведено было 18 общихъ избраній въ кортесы, на основаніи пяти различныхъ избирательныхъ законовъ. Первые министры за это время перемѣнялись 47 разъ, и разныхъ министерскихъ перемѣнъ было 529. Жаль, что мы не можемъ представить такой же статистики за послѣдніе 10 лѣтъ. Составитель статьи сборника замѣчаетъ, что съ 1858 такія перемѣны стали рѣже, и это, правда, потому, что покойному О'Доннеллю удалось дать Испаніи роздыхъ въ нѣсколько

лѣтъ и употребить этотъ интервалъ на замѣчательное развитіе промышленныхъ средствъ страны (О'Доннелль, можно сказать, единственный человѣкъ, принесшій Испаніи пользу въ царствованіе Изабеллы II). Но съ 1865 года, когда онъ вновь сдѣлался первымъ министромъ, авторитетъ его былъ гораздо слабѣе, и послѣдовавшіе за нимъ министерства Мирафлореса, Мана, Нарваэса, Гонсалеса-Браво, подчиняясь камарильѣ, вели страну къ неизбѣжному кризису.

Представительство въ Испаніи, по закону 1865 года, основано на цензѣ 400 реаловъ (26 рублей) прямыхъ налоговъ.

Испанскія владѣнія въ Европѣ имѣютъ населеніе въ 16.302,000, а въ разныхъ колоніяхъ 4,527,633 души. Итакъ, Испанія — государство почти съ 21-милліоннымъ населеніемъ. Въ Мадридѣ 375,785 жителей.

Ремесла въ Испаніи очень развиты. Земледѣльцовъ считается болѣе 3 милліоновъ, а ремесленниковъ почти 2 милл. Духовенства — 43 тысячи. Если сложить цифры чиновниковъ, военныхъ, адвокатовъ, медиковъ и прислуги, то выйдетъ итогъ — около 750 тысячъ душъ. Однихъ чиновниковъ въ Испаніи 186,312 чел. Цифры характеристическія!

Въ 1860 году, въ Испаніи считалось $3\frac{1}{2}$ милл. земельныхъ собственниковъ, въ томъ числѣ 279,188 чел. платящихъ ежегодно выше 32 р. с. поземельной подати. Съ 1849 года, когда Испанія отказалась отъ строго-запретительной системы, внѣшняя торговля ея получила значительное развитіе, самый вывозъ увеличился съ 63 до $84\frac{1}{2}$ милл. рублей. Главный предметъ привоза въ Испанію до сихъ поръ — золотыя издѣлія; ихъ привозится на 25 милл. рублей; главный предметъ вывоза — вино, слишкомъ на 21 милл. рублей. Желѣзныхъ дорогъ въ Испаніи построено болѣе 5,000 верстъ, а со строящимися 6,000 в., телеграфной проволоки — 10,000 верстъ. Церквей въ Испаніи около 27,000. Духовенства въ 1820 году считалось 118,000 душъ; мы привели выше нынѣшнюю цифру, составляющую менѣе трети этой. Грамотныхъ въ Испаніи 3.130,015 чел., неграмотныхъ 11.837,415; знающихъ только читать 705,660.

Издавна разстроенные финансы Испаніи О'Доннелль улучшилъ продажей духовныхъ имуществъ, на 20 милл. рублей. Но сан-домингская,

марокская и мексиканская войны привели финансы снова въ разстройство. Испанская 3% рента упала до 33% своей нарицательной цѣны и, какъ извѣстно, долгое время не котировалось ни на лондонской, ни на парижской биржахъ. Доходы на 1867—68 годъ исчислены въ 164,403,920 рублей, расходы около 4½ милл. больше; но ежегодный дефицитъ въ дѣйствительности за три послѣдніе года составилъ болѣе 27 милліоновъ рублей. Итогъ испанскаго государственнаго отвержденнаго и неотверженнаго долга въ 1867 году составлялъ 1.317.248,000 рублей. Колоніи имѣютъ отдѣльные бюджеты. Изъ нихъ одна Куба производитъ сахару на 89 милл. и табаку на 22 милл. рублей (здѣсь итоги не сходятся; вѣроятно *реаловъ*). Вмѣстѣ съ Португалією и колоніями обѣихъ странъ, иберійское государство представляло бы населеніе въ 29 милліоновъ душъ. Португальскій король Дон-Луисъ имѣетъ отъ роду 30 лѣтъ; царствуетъ съ 1861 года. По военному закону 1867 года предполагено армію, которая составляла въ 1858 году 117½ т. чел., довести до 200 т. Военный флотъ Испаніи имѣетъ личный составъ въ 23 тысячи чел. У Испаніи шесть броненосцевъ. Всѣхъ военныхъ судовъ — 116, съ 935 орудіями.

Сказанія князя Курбскаго. Изданіе третье, исправленное и дополненное. *Н. Устрялова.* Спб. 1868.

Многіе «свѣтлые мужи» обращались къ князю Курбскому съ вопросомъ: «Откуда сія приключилася, такъ прежде доброму и нарочитому царю, многаяжды за отечество и о здравіи своемъ не радящу, и въ военныхъ вещахъ, сопротивъ враговъ креста Христова, труды тяжкіе, и бѣды, и безчисленные поты претерпѣвающу, и прежде отъ всѣхъ добрую славу имущему?»—Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, какимъ образомъ Іоаннъ сдѣлался изъ «нарочитаго» царя — Грознымъ, — кн. Курбскій написалъ свою «Исторію князя Великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими». Правда, «исторія» Курбскаго не согласуется съ духомъ того вопроса, гдѣ вопрошавшій предполагалъ въ жизни Іоанна эпоху «добраго и нарочитаго царя»; по изображенію Курбскаго, Іоаннъ, до покоренія Казани, руководился только совѣтами бояръ, дѣйствовалъ не по

своей волѣ, и только уже послѣ показалъ, какова его воля. Нѣтъ сомнѣнія, что на Курбскаго нельзя смотрѣть, какъ на безпристрастнаго историка; онъ считаетъ долгомъ доказывать «лютость» Іоанна даже во чревѣ матери, объясняя ее въ такую отдаленную эпоху тѣмъ, что Іоаннъ былъ зачатъ «въ законопреступленіи и сладострастіи». Но при всемъ томъ сочиненіе Курбскаго составило эпоху въ нашемъ историческомъ искусствѣ; его «исторія» сдѣлала гигантскій шагъ впередъ сравнительно съ его предшественниками и современниками изъ русскихъ лѣтописцевъ.

Еще въ 1833 году, академикъ Н. Г. Устряловъ сдѣлать сочиненія Курбскаго не только общедоступными, но и взялъ на себя трудъ очистить текстъ, сбѣривъ различные его списки. Въ 1835 г. понадобилось уже новое изданіе, въ которомъ текстъ былъ еще разъ провѣренъ по рукописямъ, прежде неизвѣстнымъ. Нынѣшній разъ, при третьемъ изданіи, Н. Г. Устряловъ помѣстилъ новыя свѣдѣнія о Курбскомъ по «Литовской Метрицѣ»; эти документы, напечатанные въ концѣ книги, объясняютъ многое въ дѣятельности Курбскаго, послѣ бѣгства его изъ Россіи; въ этой же эпохѣ жизни Курбскаго понадобилось сдѣлать исправленія на основаніи документовъ, изданныхъ въ позднѣйшее время.

Современные французскіе писатели.—Разсказы Дроза. — Очерки Дюма-сына и Тэна. — «Фонарь» (La Lanterne) Рошфора. Спб. 1868 г. Стр. 385. Ц. 1 р. 50 к.

Издатель обѣщаетъ цѣлый рядъ сборниковъ: это—первый выпускъ. Цѣль сборника познакомить русскихъ читателей съ представителями современной французской литературы, или лучше сказать, съ современнымъ литературнымъ вкусомъ во Франціи, который конечно развился, какъ реакція противъ гнетущаго порядка вещей. Избранные на этотъ разъ писатели, благодаря общественному настроенію, а вмѣстѣ и личнымъ дарованіямъ, произвели дѣйствительно глубокое впечатлѣніе на своихъ современниковъ. Но такіа произведенія представляють большія трудности для перевода, если только онѣ не попадаютъ въ руки спекуляціи, ограничивающей свое дѣло удачно составленною оберткою. Настоящій переводъ сдѣланъ весьма добросовѣстно; самое изданіе въ

высшей степени опрятно, а такіа имена какъ Тэнъ или Дюма-сынъ ручаются за интересъ содержанія, даже переживающей ту минуту, когда литературное произведеніе является изъ-подъ пера. «Соединеніе—говоритъ издатель—въ одной книгѣ трехъ именъ, Дроза, Тэна и Дюма-сына — далеко не случайное... Не случайно является у насъ и Рошфоръ, журналъ котораго «Фонарь» приобрѣлъ въ такой короткій срокъ всеобщую извѣстность. Если три первые писателя въ извѣстной степени характеризуютъ французское общество, Рошфоръ характеризуетъ слабыя стороны правительства.» Подобнаго рода литературу можно назвать голосомъ пробуждающейся общественной совѣсти; талантливый писатель въ этомъ случаѣ служить ея отголоскомъ, и только формулируетъ то, что носится въ атмосферѣ, его окружающей; потому для желающаго познакомиться съ современнымъ состояніемъ умовъ во Франціи подобныя произведенія составляютъ предметъ болѣе нежели простого любопытства, и издатель не могъ сдѣлать лучшаго и болѣе занимательнаго выбора для начала своего сборника.

Мальтусъ. Опытъ о законѣ народонаселенія.

Со статьей переводчика о жизни и трудахъ Мальтуса. 2 тома, 944 стр. Цѣна 4 рубля. Спб. 1868 г.

«Основное положеніе Мальтуса — говоритъ переводчикъ въ своей статьѣ о жизни и трудахъ знаменитаго ученаго—до сихъ поръ всемію принималось на вѣру, и въ сущности никогда ничѣмъ не опровергалось. Отчего это происходило — рѣшительно нельзя понять. Трудно же представить, чтобы никому не приходило въ голову, что поставленное знаменитымъ экономистомъ основное положеніе есть не болѣе какъ гипотеза, и построенная на ней теорема, въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ ее Мальтусъ, есть чистѣйшій софизмъ, затемнившій всеобщее пониманіе.» Въ приложеніяхъ ко второму тому переводчикъ помѣстилъ между прочимъ «формулу Чернышевскаго для опредѣленія требующагося улучшенія въ земледѣліи, для всякаго періода удвоенія населенія», и критическій разборъ теоріи Мальтуса, сдѣланный Прудономъ. Но г. Чернышевскій, разобравшій теорію Мальтуса въ своихъ примѣчаніяхъ къ основаніямъ политической экономіи Милля,

опровергаетъ только самыя прогрессіи Мальтуса, а противъ основного положенія не говоритъ, Прудонъ же даже называетъ пустословіемъ всякую попытку, направленную противъ вѣрности основного положенія.

Г. Бибииковъ занялся рассмотрѣніемъ именно основного положенія Мальтуса, что человѣческая порода обладаетъ способностью размножаться въ геометрической прогрессіи и удваивала бы свою численность каждыя двадцать пять лѣтъ, еслибы не встрѣчала недостатка въ мѣстѣ и продовольствіи, и опровергаетъ возможность размноженія животныхъ вообще въ размѣрахъ имѣющагося для нихъ продовольствія. Онъ напоминаетъ, что борьба за существованіе бываетъ двоякаго рода, именно, конкуренція между членами одного вида, и сверхъ того борьба со всеми внѣшними условіями и врагами, которые препятствуютъ неопредѣленному размноженію всего вида. Онъ беретъ въ примѣръ мышей и кошекъ. Между мышами происходитъ борьба вызываемая конкуренціею; но независимо отъ этой борьбы, которая обуславливаетъ размноженіе мышей именно только въ предѣлахъ имѣющейся пищи, размноженію ихъ препятствуютъ кошки и множество внѣшнихъ условій. Отсюда и г. Бибииковъ выводитъ необходимость формулировать приведенное положеніе такимъ образомъ: «организмы стремятся къ размноженію до числа допускаемаго количествомъ продовольствія, но никогда не могутъ достигнуть его по причинѣ другихъ, неблагоприятныхъ для ихъ размноженія условій.»

Примѣняя это положеніе къ человѣку, который самъ достаетъ себѣ пищу, г. Бибииковъ доказываетъ, что и человѣческая порода не достигаетъ въ своемъ размноженіи до степени, которая бы соотвѣтствовала возможному въ данное время произведенію пищи. «Еще ни разу—говоритъ онъ—съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, ни одна животная или растительная порода не находилась въ такихъ условіяхъ, чтобы размноженіе ея было остановлено исключительно однимъ только недостаткомъ пищи, то есть, чтобы она достигла этого предѣла вслѣдствіе благопріятнаго прекращенія дѣйствія всѣхъ остальныхъ условій, препятствующихъ къ ея размноженію или, другими словами, ни одна животная или растительная порода не была предоставлена на произволъ ок-

ной только конкуренціи изъ-за средствъ существованія. Поэтому, что касается до размноженія челоѣка, то этой конкуренціи не только нечего опасаться, но усиленіе ея служило бы вѣрнѣйшимъ признакомъ ослабленія тѣхъ силъ и условій, которыя болѣе всего задерживаютъ распространеніе и благосостояніе челоѣка.»

Сочиненіе Мальтуса, несмотря на устарѣлость данныхъ, полезное приобрѣтеніе для нашей литературы, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ исторіи развитія социальныхъ наукъ. Русскій переводъ и изданіе его сдѣланы добросовѣстно, какъ всѣ до сихъ поръ выпущенныя г. Бибиковымъ изданія классическихъ писателей «конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка» въ русскомъ переводѣ.

Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до прагматической санкціи. Составилъ *Нилъ Поповъ*. Спб. 1868. 200 стр. Цѣна 1 р.

Это сочиненіе, напечатанное сперва въ журналѣ минист. народн. просвѣщенія, представляетъ біографію высоко-чтимого мадьярами историка и вмѣстѣ компіляцію или обзоръ исторіи Венгріи по его труду. Мы не признаемъ за критикою право дѣлать вопросъ, почему авторъ взялся за такой именно, а не иной предметъ. Каждый воленъ въ избраніи предмета. Но мы должны сказать, что польза книжки, составленной г. Поповымъ, весьма ограничена. Русскаго читателя, желающаго ознакомиться съ исторіею Венгріи, она не удовлетворитъ не только потому, что Салай въ исторіи венгерскаго королевства держался исключительно мадьярской точки зрѣнія, но въ особенности потому, что онъ довелъ свой трудъ только до 1711 года. Между тѣмъ, не говоря уже о новѣйшей исторіи Венгріи, которая всего интереснѣе для читателя, даже историческое право

Венгріи является тутъ совершенно неполнымъ, потому именно, что прагматическая санкція—важнѣйшій его элементъ.

Исторія здѣсь прерывается на 1711 году, затѣмъ остается пустой интервалъ до 1861 года, но и о фактахъ знаменитаго сейма 1861 года и послѣдующихъ годовъ здѣсь упомянуто единственно настолько, сколько нужно для характеристики самого Салая (онъ умеръ въ 1864 году).

Собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. Т. I. Юрій Милославскій. Спб. 1868, 374 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Это удовлетворительная перепечатка романа, который помѣщенъ въ первомъ томѣ весь. Неужели въ новомъ изданіи сочиненій Загоскина не будетъ ни слова о самомъ авторѣ?

Внучка напцырнаго боярина. Романъ изъ времени послѣдняго польскаго мятежа. *И. П. Лажечникова*. Въ трехъ частяхъ. Спб. 1868 г. 326 стр.

Почтенный авторъ гораздо лучше справлялся съ исторіею прошлаго, чѣмъ настоящаго. Историческіе романы г. Лажечникова, правда, не проникаютъ въ глубь явленія, среди которыхъ дѣйствуютъ его лица. Но авторъ до сихъ поръ умѣлъ проникнуться такъ сказать внѣшнимъ видомъ изображаемаго времени, и картины его были похожи на рассказы очевидца.

Ничего подобнаго въ этомъ произведеніи нѣтъ. Все происходящее здѣсь съ героями могло бы происходить и въ мятежѣ Пугачева, и въ войну 1812 года. Сверхъ того, факты дѣйствительные, пережѣшанные съ вымысломъ, принадлежатъ къ наименѣе выдавшимся эпизодамъ польскаго мятежа. *Couleur locale* представляется тѣмъ, что говорится «пулковникъ» вмѣсто полковника. За то Звѣрждовскій неизвѣстно для чего названъ Жвирждовскимъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Geschichte der deutschen Einwanderung in Amerika.

Von Friedrich Kapp. Erster Band. Die Deutschen im Staate New-Jork bis zum Anfang des neunzehnten Jahrhunderts. Mit einer Karte. Leipzig. 1868, 399 стр.

«На завоевание новой части свѣта — говорить авторъ — раса романская поставила однихъ *офицеровъ*, изъ германской росы — англійскій народъ поставилъ *офицеровъ* съ *войскомъ*, а народъ нѣмецкій — только *войско безъ офицеровъ*». Безвѣстно для исторіи текла масса переселенцовъ въ Америку изъ Германіи; переселенцы эти были люди бѣдные, спасшіеся именно отъ невыносимаго общественнаго положенія въ своемъ отечествѣ и въ новомъ отечествѣ сдѣлались только помощниками другихъ племенъ, слугами чужой политической дѣятельности.

Выходцы изъ Германіи на европейскомъ континентѣ являлись не въ такомъ скромномъ, униженномъ положеніи. Начиная съ одиннадцатаго столѣтія, они наступали съ мечемъ въ рукахъ на окраины тогдашней Германіи, распространяли ея границы на востокъ съ мечемъ и крестомъ въ рукахъ, а если являлись и мирными колонизаторами, то всетаки пришедьбами повелительными, переходившими все на свой ладъ, сохранявшими въ цѣлости свою національную жизнь, вводившими въ новыя страны порядки, принесенные изъ Германіи.

Отчего же такое различіе нѣмецкой колонизаціи на востокѣ Европы и въ Америкѣ...? Оттого, что на востокъ Европы Германія выпускала людей сильныхъ, цивилизаторовъ и завоевателей, людей, которые искали добычи, между тѣмъ, какъ за океанъ она выбрасывала именно слабыхъ, униженныхъ, несчастныхъ; эти люди не отправлялись изъ Германіи для расширенія ея предѣловъ, а бѣжали оттуда, спасаясь отъ тяжкаго положенія.

«Для моей родины — говорить авторъ въ предисловіи — трудъ мой представляетъ новые, почти неопцѣненные доселѣ факты, относящіеся къ исторіи болѣзненнаго состоянія нашего народа въ два минувшіе вѣка; онъ открываетъ, что главнымъ источникомъ переселенія массъ

(въ Америку) было именно бѣдственная разрозненность и безсиліе нашего отечества».

Задача исторіи переселенія нѣмцовъ въ Америку, какъ ее понялъ авторъ, придаетъ его мѣстному, такъ сказать провинціальному разсказу связь съ общою исторіею. Большинству образованныхъ людей помнится, что Германія до наполеоновскаго погрома представляла въ самомъ дѣлѣ какой-то феодальный хаосъ — хаосъ, въ которомъ возможны были даже такіе факты, какъ формальная продажа гессенскихъ солдатъ ихъ владѣтелемъ англійскому правительству, для употребленія на войну въ Америкѣ. Но большинство имѣетъ объ этомъ положеніи дѣла только смутное понятіе, и связь собственно первоначальной эмиграціи нѣмцевъ въ Америку съ тогдашнимъ положеніемъ Германіи — не разработана до сихъ поръ и историческою литературою.

Рыцари тевтонскаго ордена и ордена меченосцевъ, и ганзейское торговое гражданство — вотъ силы, которыя распространила Германія на востокъ. Когда ордена были сломаны и Ганза пала, — пала и морская торговля Германіи, а съ нею пали въ Германіи и ремесла. Войны, послѣдовавшія за реформаціею, тридцатилѣтняя война разорила среднее сословіе, гражданство. Народъ обѣднѣлъ и сталъ покоренъ, сталъ слугою, меньше учился, меньше производилъ, больше сносить. Всѣ налоги и повинности падали на бюргеровъ и крестьянъ. Города бѣднѣли отъ налоговъ, села изнемогали подъ повинностями и притѣснительными постановленіями насчетъ охоты.

Въ германскомъ народѣ водворилось слѣпое послушаніе великой власти, а государства обратились совершенно въ собственность владѣтеля, что, при мелкости владѣній и огромномъ ихъ числѣ, и не могло быть иначе.

Непривилегированнымъ, безправнымъ людямъ рабочихъ классовъ оставался одинъ исходъ изъ этого положенія, когда оно, по какому-либо случаю, давало имъ почувствовать себя съ особою силою: бѣжать, бѣжать совсѣмъ изъ Германіи такъ какъ въ Германіи нигдѣ спасенія не было, переселяться въ Америку. Такимъ образомъ, Германія, которая и безъ того

уже обѣднѣла въ первыя два столѣтія новой исторіи, стала терять еще часть лучшей своей рабочей силы, и взамѣнъ утраченныхъ работниковъ, начала выписывать себѣ дорогую роскошь изъ Франціи.

Вмѣстѣ съ роскошью, она выписываетъ себѣ изъ Франціи, идущей къ деспотизму, политическія идеи. «Государство, это — я» сказалъ Людовикъ XIV. Нѣмецкіе владѣтели возводятъ эти слова въ политическій догматъ!

Нѣкоторые даже почти буквально передразниваютъ ихъ. Въ Виртембергѣ, герцогъ Эбергартъ Людвигъ (1677—1733) говоритъ: «Въ моей землѣ, папа — я»; герцогъ Карлъ - Евгений (1737—1793) произноситъ: «отечество, это — я».

Гораздо раньше эмиграціи массами изъ Германіи, нѣмецъ Минневитъ былъ губернаторомъ «Новыхъ Нидерландовъ» — территоріи, которая послѣ, подъ англійскимъ владычествомъ, была переименована въ Нью-Йоркъ. Поселеніе изъ котораго образовался городъ Нью-Йоркъ, было основано въ 1625 году, и называлось Ней-Амстердамъ. Петръ Минневитъ, родомъ изъ Везеля, на Рейнѣ, поступилъ на службу голландской вестиндской компаніи въ 1626 году. «Онъ упрочилъ положеніе Ней-Амстердама, купивъ у индіанцевъ территорію его, то есть островъ Мангата-танъ. За этотъ островъ, на которомъ нынѣ стоитъ Нью-Йоркъ, съ миліоннымъ населеніемъ, Минневитъ заплатилъ 60 голландскихъ гульденовъ или 24 золотыхъ доллара. Онъ же построилъ въ этомъ поселеніи фортъ. Но, несправедливо уволенный вестиндскою компаніею, Минневитъ въпослѣдствіи поступилъ на службу къ Швеціи и основалъ соперничествовавшее съ голландскимъ шведское поселеніе «Новую Швецію».

Первые нѣмецкіе поселенцы прибыли въ Америку изъ Пфальца въ самомъ началѣ XVIII-го стол. Исторія ихъ водворенія въ краѣ, описаніе естественныхъ трудностей и стѣсненій англійской администраціи, съ какими имъ приходилось бороться — чрезвычайно интересно. Эти рассказы напоминаютъ Купера и Фо. Расскажемъ вкратцѣ одинъ изъ эпизодовъ этой исторіи, именно бѣгство и поселеніе нѣмцевъ съ Юдсана на Шохари.

Натерпѣвшись всякаго рода лишеній на Юдсанѣ, часть поселенныхъ тамъ нѣмцевъ просила помощи у туземцовъ-кочевниковъ (индіанцевъ), которые подарили имъ мѣстность на

рѣчкѣ Шохари. Но нью-йоркскій губернаторъ Гентеръ не позволялъ нѣмцамъ переселиться туда, подъ предлогомъ, что это слишкомъ растянulo бы границу, которую онъ долженъ былъ защищать. Тогда нѣмцы рѣшились бѣжать туда тайно. Они не могли взять съ собою никакихъ орудій, ни посуды, потому что эти хозяйственные предметы были даны имъ правительствомъ; унести ихъ — значило бы вызвать преслѣдованіе. Они и пошли съ голыми руками, неся дѣтей, лѣсомъ по тропинкѣ, пробитой индіанцами. Исполнивъ это трудное странствованіе, они очутились въ прекрасной, но дикой долинкѣ, въ которой все надо было устраивать съ начала. У нихъ не было ни орудій, ни скота, ни даже теплой одежды. Но съ помощью индіанцевъ, они принялись за обработку земли и скоро завели себѣ нѣсколько лошадей, такъ что одна лошадь служила поочередно нѣсколькимъ хозяевамъ. Но колонія скоро оправилась; года черезъ три, у поселенцевъ было уже все необходимое для хозяйства. Но губернаторъ Гентеръ, оставившій ихъ въ покоѣ пока они были въ нуждѣ, теперь вспомнилъ о ихъ ослушаніи и, не признавая ихъ владѣнія землею Шохари, хотя она и была уступлена имъ индіанцами, сталъ раздавать земли въ ихъ междѣ разными лицамъ. Право собственности этихъ послѣднихъ основывалось на формальныхъ королевскихъ патентахъ; право собственности нѣмецкихъ поселенцевъ основывалось на владѣніи природномъ, такъ какъ индіанцы передали имъ это право, и на правѣ труда, которымъ они очистили и обработали землю. Разумѣется, что два вида земельной собственности должны были прійти въ столкновеніе. Нѣмцы побили своихъ законныхъ конкурентовъ и даже шерифа, присланнаго для разбора дѣла. Тогда Гентеръ рѣшился арестовать наиболѣе уважаемаго между нѣмцами хозяина, Вейзера, котораго они считали своимъ старшиною. Но взять его силою было трудно. Гентеръ выждалъ, пока шохарійскіе нѣмцы перестали избѣгать посѣщенія ближайшаго городка, Шенектади, и однажды, когда ихъ собралось тамъ нѣсколько чело-
вѣкъ, захватилъ ихъ, въ томъ числѣ и сына Вейзера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ запретилъ шохарейцамъ засѣвать поля до своего разрѣшенія. Они однакожъ не исполнили этого, а послали Вейзера съ двумя товарищами, въ Ан-

глю, съ жалобою королю. Въ Филадельфiи, имъ удалось тайно сѣсть на жорабль, но корабль этотъ былъ ограбленъ пиратами и вернулся за новыми запасами, въ Бостонъ. Вейзеръ и другіе депутаты были безъ всякихъ средствъ; они задолжали 70 фунтовъ, и Вейзеръ, съ однимъ изъ товарищей, былъ посаженъ въ долговую тюрьму, гдѣ они и сидѣли цѣлый годъ, пока земляки не прислали имъ выкупа.

Наконецъ, послѣ двухлѣтнихъ задержекъ разнаго рода, имъ удалось прибыть въ Англію. Но Гентеръ, отозванный изъ Америки, былъ тамъ и выставилъ ихъ бунтовщиками. Они вернулись въ Шохаръ ни съ чѣмъ. Приходилось покориться и взять на аренду отъ патентованныхъ владѣльцевъ тѣ земли, которыя они обрабатывали и считали своей собственностью. Но непоколебимый Вейзеръ не захотѣлъ стерпѣть этой несправедливости. «Не затѣмъ бѣжали мы съ родины въ Америку, чтобы и здѣсь терпѣть притѣсненія», говорилъ онъ, и увелъ съ собою часть поселенцевъ на другое мѣсто. Остальные продолжали жить въ Шохарѣ. Въ этой мѣстности теперь болѣе 30,000 жителей

Интересенъ случай нѣмецкаго типографика, Петра Ценгера, который первый въ Нью-Йоркѣ отстоялъ свободу печатнаго слова. Впрочемъ, процессъ его разсказанъ въ книгѣ Каппа съ излишними подробностями; приведенъ даже текстъ рѣчей.

Нѣкоторые нѣмцы, и именно шохарійцы, принимали дѣятельное участіе въ войнѣ за независимость. Нѣмецъ Николай Геркегеймеръ былъ генераломъ въ арміи патріотовъ.

Политическое и общественное положеніе Германіи не улучшалось до начала нынѣшняго столѣтія; а между тѣмъ, изъ Америки приходили вѣсти о большихъ успѣхахъ переселенцевъ, о высокой заработной платѣ. Все это вызвало эмиграцію изъ Германіи въ Америку массами. Но такъ какъ сѣвероамериканское правительство не подчиняло дѣйствія конторъ и агентствъ переселенія никакому контролю, то эмиграція обратилась въ настоящую торговлю людьми. Переселенцевъ везли въ Америку да-

ромъ и затѣмъ держали ихъ въ Нью-Йоркѣ или Бостонѣ, на судахъ, пока являлся охотникъ заплатить за нихъ фрахтъ. Понятно, что, чѣмъ здоровѣе были работники, или чѣмъ красивѣе женщина, тѣмъ высшій фрахтъ спрашивали за нихъ. Множество изъ нихъ умирало во время переѣзда, такъ какъ суда набивались биткомъ; напр. судно, вмѣщавшее 400 пассажировъ, везло 1,200. Еще не далѣе, какъ въ 1818 году, официальное изслѣдованіе обнаружило, что судно «Argil» приняло 1,200 чел. въ Амстердамѣ, и изъ этого числа 415 умерли до приѣзда; капитанъ прибылъ, вмѣсто Филадельфiи, въ штатъ Делауэръ и продалъ тамъ остальныхъ въ невольничество. Только съ 1819 года, американское правительство учредило надзоръ за дѣятельностью эмиграціонныхъ конторъ, но и до сихъ поръ, какъ извѣстно, случаи злоупотребленій нерѣдки. Каппъ приводитъ выписки изъ сочиненія объ Америкѣ, въ 1791 г., извѣстнаго военнаго писателя, Д. Бюлова, которыя характеризуютъ участь многихъ бѣднѣе, попадавшихъ въ руки безсовѣстныхъ агентовъ: «Крѣпкіе рабочіе и ремесленники, говоритъ Бюловъ, сходить съ рукъ легко. Но иногда попадаетъ плохой товаръ, съ которымъ предприниматели возятся долго. Къ такому недоброкачественному товару принадлежатъ въ особенности офицеры и ученые. Мнѣ случилось видѣть, какъ цѣлую недѣлю лежалъ на палубѣ корабля какой-то русскій капитанъ, и никто не являлся купить его. Шкиперъ постоянно приставалъ къ нему, чтобы онъ пріискалъ себѣ покупателя, обѣщая уступить капитана съ уступкою въ 50%, такъ какъ уже видѣлъ, что на немъ не до барыша».

Общая нить разсказа доведена въ первомъ томѣ Каппа до начала нынѣшняго столѣтія. Авторъ намѣренъ и въ послѣднемъ, еще не вышедшемъ томѣ, ограничиться исторіею прошлаго вѣка, только разсказъ его будетъ касаться иныхъ мѣстностей Сѣверной Америки. Длѣ исторіи новѣйшей эмиграціи, говорятъ онъ, еще не наступило время. Къ 1-му тому приложена карта нью-йоркскаго штата.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 1868.

Книга девятая. — Сентябрь.

	стр.
Дача на Рейнъ.—Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ, съ предисловіемъ И. С. ТУРГЕНЕВА. — Часть первая, книга первая. — I-VIII	5
Несчастные.—Разсказы изъ быта ссыльныхъ. — IV. На пропитаніи. — V. На поселеніи. — Окончаніе. — С. М. МАКСИМОВА	55
Грашница. — Поэма Альфреда Винья. — В. П. БУРЕНИНА.	146
Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ.—Глава вторая и послѣдняя.—Венеты.—А. Ѳ. ГИЛЬФЕРДИНГА	153
Россійское библейское общество. — 1812-1826. — II. Внутренній характеръ Общества, его составъ и тенденція; свойство англійскихъ вліяній; дѣйствія Общества, вѣротерпимость, филантропія, ланкастерскія школы, религіозные трактаты; вліяніе нравовъ почвы: официальная натянутость библейскаго дѣла; распространеніе піетизма, мистическія крайности; обскурантизмъ	231
Генрихъ Гейне и его жизнь.—По новымъ свѣдѣніямъ.—Л. А. ПОЛОНСКАГО.	298
Янъ Гусъ и чешская національность.—К. К. АРСЕНЬЕВА	360
Новый таможенный тарифъ, по европейской торговлѣ	383
Ежемесячная хроника политики, исторіи, литературы	442
Очерки и замѣтки.—Письмо въ редакцію бар. Н. А. Корфа	466
Критика и Литературныя Извѣстія. — Августъ. — I. Русская литература. — II. Иностранная литература	473

Книга десятая. — Октябрь.

Натанъ Мудрый. — Драматическое стихотвореніе ЛЕССИНГА, въ пяти дѣйствіяхъ.—Первыя три дѣйствія	493
Дача на Рейнъ.—Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть первая, книга первая. — IX-XII	615

РУССКІЯ КЛЕКУШИ. — I-IV. — И. ПРЫЖОВА	стр. 641
МОЛОКАНЕ и ДУХОВОРЦЫ въ Украинѣ и Новороссіи (XVIII-ый вѣкъ). — I-V. — Причины бѣгства изъ всѣхъ концовъ Россіи въ Украину; настроеніе умовъ въ Украинѣ; переселеніе русскаго рационализма въ Украину; молокане и духоборцы въ Харьковской и Екатеринославской губерніи; Сидуанъ Колесниковъ и его преемники; образъ жизни азовскихъ духо- борцевъ; вѣрованіе духоборцевъ и ихъ политическія воззрѣнія. — О. ЛИВАНОВА	674
Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ. — Древне-египетскій папирусъ. — «Романъ двухъ братьевъ». — В. В. СТАСОВА	702
Девятнадцатое февраля 1870-го года. — Нерѣшенный вопросъ. — I-III. — Н. П. КОЛЮПАНОВА	735
Драматическое искусство во Франціи. — Статья первая. — I. САРДУ. — II. БАРЬЕРЪ.	806
Ежемесячная Хроника исторіи, политики, литературы	845
<p>Внутреннее обозрѣніе: Культурная сила церкви вообще, и у насъ въ частности. — Характеръ послѣднихъ реформъ въ духовныхъ учили- щахъ и окончательный ихъ результатъ. — Выборное начало въ духо- венствѣ, и вопросъ объ обезпеченіи нисшаго духовенства въ связи съ состояніемъ нашихъ финансовъ. — Новая брошюра о нашихъ финансахъ, вышедшая въ Лондонѣ, и мѣры, предлагаемыя ею къ ихъ исправленію. — Проектъ особой «Кредитной Комиссіи.</p> <p>Иностранное обозрѣніе: Разладъ между общественными стремленіями и личными видами правительствъ по вопросу о войнѣ и мирѣ. — Новая программа «либеральной лиги» во Франціи, ея побѣды и неудачи, импе- раторскія и министерскія рѣчи въ ихъ противорѣчіи съ дѣйствіями. — Международные конгрессы. — Франція и Пруссія предъ судомъ Гизо. — Путешествія и рѣчи прусскаго короля. — Индифферентизмъ Англіи. — Результаты австрійскаго дуализма. — Итальянская оппозиція. — Пире- нейскій полуостровъ.</p>	
Наблюденія и замѣтки. — Хроника общественной жизни	880
Некрологъ. — Егоръ Петровичъ Ковалевскій. — М. С.	894
Критика и Литературныя Извѣстія. — Іюнь. — I. Русская литература: Военно-ста- тистическій сборникъ на 1868 г. Вып. 2. — Сказанія князя Курбскаго. Н. Устрялова. — Современные французскіе писатели: Дрозъ, Дюма-сынъ, Рошфоръ. — Мальтусъ, Опытъ о законѣ народонаселенія. — Мадыарскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи отъ Арпада. Сост. Н. Поповъ. — Собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. — Внучка панцырнаго боярина. И. П. Лажечникова. — II. Иностранная литература: Geschichte der deutschen Einwanderung in Amerika, v. Fr. Kapp.	897

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

издания князя Курбского. Издание третье, исправленное и дополненное. *Н. Устряловъ.* Спб. 1868. Стр. 458. Ц. 5 р.

Первые два издания классических сказаний князя Курбского о времени Юлиана Грозного давно же сдѣлались библиографическою рѣдкостью. Мы должны были бы благодарить издателя за новую перепечатку, но Н. Р. Устряловъ, при третьемъ изданіи, взялъ на себя трудъ многое исправить въ библиографической части, на основаніи новыхъ документовъ, и сдѣлать немаловажныя дополненія, въ которыхъ мы указали выше въ „Литературныхъ извѣстіяхъ“. Нельзя не упомянуть также, что новое изданіе исполнено необыкновенно изящно и отчетливо, чего такъ рѣдко удостоиваются у насъ книги.

Итальянскій историкъ Владиславъ Салаи, и исторія Венгріи отъ Ариазы до Прагматической санкціи. Состав. *Н. Поповъ.* Спб. 1868. Стр. 200. Ц. 1 р.

Исторіографія Венгріи, при разнообразномъ составѣ населенія этой страны, представляла обширное поприще для публицистики, проводившей именемъ исторической науки защиту интересовъ той или другой національности, отстаивавшей свою самостоятельность противъ всякаго другого общественства. Итальянцы не только овладѣли Венгріею, но и дали ей пернне замѣчательные труды о ея же собственной исторіи, составленные конечно съ итальянской точки зрѣнія. Новѣйшій трудъ Салаи, принимавшаго дѣятельное личное участіе въ послѣднихъ событіяхъ Венгріи, оставилъ далеко за собою все то, что было писано до него, и вмѣстѣ далъ перевѣсъ національной, мадьярской точки зрѣнія на прошедшее Венгріи; смерть ставовала его исторію на 1711 г. Сочиненіе г. Попова имѣетъ цѣлью представить и объяснить трудъ Салаи въ связи съ личною судьбою автора о 1848 г., когда вышло начало его „Исторіи Венгріи“, и за тѣмъ излагаетъ вкратцѣ содержаніе самаго труда съ извѣстіями о послѣднихъ годахъ жизни венгерскаго историка. Къ сожалѣнію, г. Поповъ не коснулся своего предмета съ критической стороны, самой важной въ этомъ случаѣ, и даже историческіе взгляды Салаи перенялъ по указаніямъ друга Салаи, Флеглера, пофѣтншаго свою статью въ извѣстномъ журналѣ ибела.

Общественное воспитаніе въ Россіи. Соч. *Θ. Уманца.* Дрезденъ. 1867. Стр. 211. Ц. 1 тал.

Подвергал критическому оцѣнкѣ современное состояніе „общественнаго“ воспитанія въ Россіи, авторъ говоритъ объ устройствѣ лицеевъ и университетовъ, о задачѣ университетскихъ экзаменовъ и о послѣднемъ уставѣ гимназій и прогимназій, 1864 года. Ко всему этому присоединена особая глава: „Церковь и воспитаніе“ — предметъ,

который особенно интересуетъ нашу печать въ послѣднее время. Авторъ сосредоточилъ здѣсь много, уже высказанное по поводу неудовлетворительности состоянія нашего духовенства, какъ проводника народнаго образованія; но его мнѣніе, что „въ числѣ главныхъ элементовъ общественнаго воспитанія въ Россіи мы должны отнести церковь и ея служителей — православное духовенство“, — подастъ поводъ къ большимъ недоумѣніямъ. Само духовенство, на ряду со всѣми сословіями, нуждается въ общественномъ воспитаніи, и никакъ не можетъ быть главнымъ его элементомъ и проводникомъ, какъ утверждаетъ авторъ. Другое дѣло — народное воспитаніе, которое не получается ни въ лицеяхъ, ни въ университетахъ, ни въ гимназіяхъ. Свои взгляды на классическое и реальное образованіе авторъ формулируетъ такъ: „Воспитаніе не можетъ быть не классическимъ, но всякое классическое воспитаніе непременно бываетъ реально“. Эта игра словъ напоминаетъ намъ только анекдотъ: отецъ спрашиваетъ, какая въ городѣ гимназія классическая? Ему указываютъ, но онъ вскорѣ позѣражается съ жалобой: „Какая это классическая гимназія! Тамъ учатъ греческому и латинскому языку, а я хотѣлъ знать, какая классическая, т. е. лучшая гимназія“? Точно также темно объясняетъ авторъ выходы классическаго воспитанія ссылкой на извѣстную притчу Спасителя о грядущемъ женихѣ.

Исторія кабаковъ въ Россіи, въ связи съ исторіей русскаго народа. *Нв. Прижова.* Спб. 1868. Стр. 320.

Вотъ предметъ, который мы должны, не безъ сожалѣнія, назвать любопытнымъ. У насъ кабакъ не только имѣетъ исторію, но даже играетъ немаловажную роль въ исторіи нашей культуры, на ряду съ различными повальными бѣдствіями, истощающими народныя силы. Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ глубокой древности, съ той эпохи, когда говорились: „Руси любо пити!“ и доходитъ до введенія новѣйшей питейной системы и ихъ послѣдствій, выраженныхъ имъ въ цифрахъ. Такъ, въ 1842 г., по выраженію одного отчета, „захлабилося виномъ“ 939 человекъ, а въ 1860 г. — около 2,000. Въ Рязанской губерніи, въ 1854 г., погибло 17 человекъ, а въ 1864 г. — 117 человекъ! А сколько зла, не подверженнаго вычисленіямъ? Авторъ съ большимъ трудолюбіемъ собралъ всѣ данныя для древняго періода русскихъ кабаковъ, и приготовилъ тѣмъ готовый матеріалъ для историка нашей народной культуры. Онъ составилъ такую же работу для обзора самаго кабакаго быта и его героев, цѣловальниковъ и всей „голы кабакой“, но не считая „пока удобнымъ ипущать ее на свѣтъ божій“, между тѣмъ какъ кажется, наше время особенно нуждалось бы въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

въ 1869 году

выходить 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ: шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

съ доставкой и пересылкою:

С.-Петербургъ и Москва. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.

Губерніи „ **16** „ — „ **9** „

За-границу, подписка принимается только *на годъ*, съ приложениемъ къ цѣнѣ въ губерніяхъ, за пересылку по почтѣ въ бандероляхъ: **2** руб. въ Пруссію и въ Германію; **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; — **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова (на Невскомъ пр., у Казан. моста; открытъ по буднямъ отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ и воскреснымъ днямъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается, по почтѣ, съ надписью: Въ Редакцію журнала «Вѣстникъ Европы» (Галерная, 20); или прямо: Въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта. — Подписывающіеся лично обращаются въ мѣста, указанія для городской подписки.

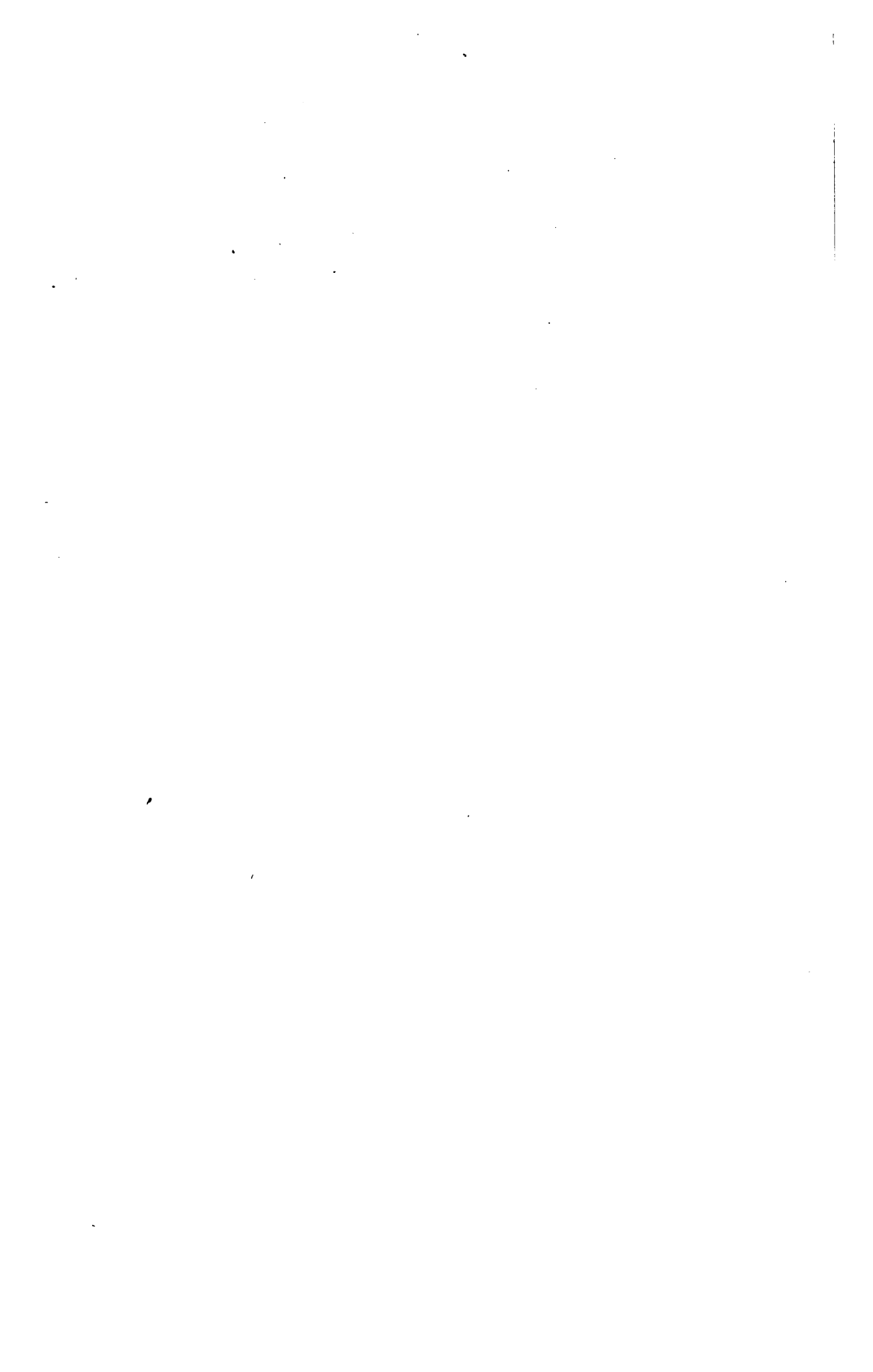
Подписывающіеся лично въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжки, требуютъ выдачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ редакціи журнала, а не книжнаго магазина, и съ помѣткою для выдачи билета.

ВѢ. Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтъ только тогда, когда сообщается ей номеръ и число листа: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ редакціи журнала «Вѣстникъ Европы».

Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ сданныхъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣну утраченнаго почтой, но не иначе, какъ по предъявленіи подписавшимъ свидѣтельство отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый номеръ книги не былъ посланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

3 2044 019 213 644

